
С.С. Алексеев

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

■ Том 1

Гражданское право: Сочинения 1958—1970 годов

- Предмет советского социалистического гражданского права
- Гражданская ответственность за невыполнение плана железнодорожной перевозки грузов
- Статьи
- Комментарий

■ Том 2

Специальные вопросы правоведения

- Структура советского права
- Общие дозволения и общие запреты в советском праве

■ Том 3

Проблемы теории права: Курс лекций

■ Том 4

Линия права. Концепция: Сочинения 1990–х — 2009 годов

- Уроки. Тяжкий путь России к праву
- Круг замкнулся: Повесть о праве
- Тайна и сила права
- Право собственности: Проблемы теории
- Статьи

■ Том 5

Линия права. Отдельные проблемы концепции

- Самое святое, что есть у Бога на земле: Иммануил Кант и проблемы права в современную эпоху
- Право на пороге нового тысячелетия: Некоторые тенденции мирового правового развития — надежда и драма современной эпохи

■ Том 6

Восхождение к праву

- Восхождение к праву: Поиски и решения

■ Том 7

Философия права и теория права

- Философия права
- Частное право: Научно-публицистический очерк
- Гражданское право в современную эпоху:
Заметки к постановке проблемы
- Статьи, полемические заметки

■ Том 8

Учебники и учебные пособия

- Право: Законы, правосудие, юриспруденция
в жизни людей: Учебное пособие
- Государство и право: Учебное пособие
- Азы права: Азбука права для всех
- Гражданское право: Учебник. Раздел I:
Общие положения

■ Том 9

Публицистика

- Два имени
- Право – надежда наша
- Заметки по философским проблемам
- Максимы
- Горбачев и Ельцин
- Статьи
- Идеология перестройки. 1992–1995 гг.

■ Том 10

Литературно–художественные произведения

- Повести и рассказы
Книга первая. Детство
Книга вторая. О любви

■ Справочный том

Собрание сочинений Сергея Сергеевича Алексева,
лауреата высшей юридической премии
«Юрист года» за 2009 г.,
подготовлено с участием автора,
Уральской государственной юридической академии,
Института частного права
и издается в соответствии с решением
Ассоциации юристов России
(приказ от 9 декабря 2009 г. № 189)
и издательства «Статут»

С.С. Алексеев

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
В ДЕСЯТИ ТОМАХ

Том 9
Публицистика

УДК 347
ББК 67.404
А 47

Авторы примечаний:

С.А. Степанов,

д.ю.н., профессор, директор Института частного права

Н.П. Зарипова,

рук. издательского отдела Института частного права

Алексеев С.С.

А 47 **Собрание сочинений.** В 10 т. [+ Справоч. том]. Том 9: Публицистика. — М.: Статут, 2010. — 504 с.

ISBN 978-5-8354-0712-5 (Т. 9) (в пер.)

ISBN 978-5-8354-0672-2

В девятый том Собрания сочинений С.С. Алексеева вошли произведения автора, объединенные целью раскрыть читателю в краткой, ясной и зачастую ярко-образной и афористической форме существо наиболее общих и правовых вопросов, отражающих природу права и демократии. При этом проблемы современной действительности рассматриваются автором через призму философских категорий.

Работа «Два имени» посвящена проблеме философско-правовых принципов, в ней живо отразилось непосредственное общение автора с учениками И.А. Покровского А.М. Винавером и Б.Б. Черепахиным. Научно-публицистические очерки «Право — надежда наша» посвящены выявлению социального смысла идеи права. Заметки по философским проблемам («Вселенная и человек», «Отдельные философские заметки») в сжатой форме излагают философские основы гражданского права. В «Максимах» автор формулирует целый ряд своих выводов по проблемам права, власти и человека в виде афоризмов. Очерк «Горбачев и Ельцин» характеризуется глубоким философским осмыслением непростого периода в жизни России. Наконец, статьи, вошедшие в данный том, содержат размышления автора об итогах перемен в России конца XX — начала XXI в.

Отдельным разделом «Идеология перестройки. 1992–1995 гг.» представлены работы, отражающие политические и правовые позиции С.С. Алексеева в то время, когда он занимал государственные должности.

Издание рассчитано на научных работников, аспирантов, студентов юридических и неюридических вузов, на всех, кто интересуется правом, философией, литературой.

УДК 347
ББК 67.404

ISBN 978-5-8354-0712-5 (Т. 9)

ISBN 978-5-8354-0672-2

© С.С. Алексеев, 2010

© С.А. Степанов, Н.П. Зарипова, примечания, 2010

© Издательство «Статут», редподготовка, оформление, 2010

ДВА ИМЕНИ

2006

1. Единый поток и моменты истины в развитии философско-правовой мысли

Формирование и развитие наиболее высокой степени в области юридических знаний, именуемой «философией права», происходит в тесном единении философии и правоведения, истории философской и правоведческой мысли в целом.

Как справедливо отмечено в современной философской литературе, предметом философии права «является методологический универсализм правовой науки, рефлексия ее духовных оснований, полный контекст которых не может быть прерогативой какой-то избранной философской системы»¹.

История духовной, интеллектуальной жизни общества, в наше время — новейшая история (начиная с возрожденческой культуры, особенно — эпохи Просвещения) свидетельствуют, что мыслители-философы и теоретики права, освобождаясь от обаяния мифологии, императивов и иллюзий правовой идеологии, шаг за шагом продвигались вперед по пути постижения права как мирозданческого явления, его природы и особенностей, его смысла и назначения с точки зрения основ человеческого бытия.

И вот здесь отчетливо вырисовывается *единый поток* формирования и развития философии права. Причем — поток, который имеет *два направления или ответвления* (они нередко далеко отходят один от другого, но в конечном счете все же сходятся в единое русло).

Основу одного направления потока образуют *развитие и углубление философских идей*, затрагивающих явления в области права. Здесь, при всем разнообразии философских систем и методологических подходов к действительности, *философская мысль движется и развивается в направлении постижения и утверждения в области права гуманитарных ценностей*.

Другое направление в развитии философии права — это *углубление аналитической юриспруденции, юридической мысли, и на уровне юридической догматики, а затем, уже в нынешнее время, и на уровне всего комплекса правовых средств, специфической логики права*.

---

¹ Малинова И.П. Философия права (от метафизики к герменевтике). Екатеринбург, 1995. С. 4.

Эти два направления развития познавательного человеческого духа в области правовых знаний начиная с эпохи Просвещения, несмотря на «разрыв», стали со временем «входить в контакт», сближаться, перекрещиваться, накладываться друг на друга, интегрируясь либо в отдельные философские разработки догмы права, либо в единую целостную концепцию (такие, как концепция правовых средств), либо непосредственно в философско-правовую проблематику (философию права).

Вместе с тем единый поток мыслей и идей, философских и правоведческих, отличающийся в целом постепенным «вхождением в контакт», взаимообогащением, порой как бы взрывается бурным развитием, прорывами в постижении истины. И как раз в таком «взрывном» развитии порой происходят своего рода *озарения*, счастливые для человеческого духа, разума мгновения, когда в области рассматриваемых знаний встречаются размышления и идеи крупных мыслителей обоих сближающихся направлений – и «из философии», и «из правоведения».

Таковыми озарениями в философском постижении права, ключевыми звеньями – звездочками в раскрытии его смысла и предназначения стали, на мой взгляд, идеи двух мыслителей последних столетий – Иммануила Канта и Иосифа Алексеевича Покровского.

2. ДВИЖЕНИЕ НАВСТРЕЧУ ДРУГ ДРУГУ

То обстоятельство, что два «имени», имеющие отношение к философии и праву, поставлены не только в одну строку, но рядом, притом – только они одни! – наверняка покажется читателю неожиданным и странным, выдающим сугубо личные авторские пристрастия.

Что ж, личностный момент здесь присутствует. Быть может, скажем так, очень личностный (автор этих строк, сообразно давней семейной традиции – почитатель философии И. Канта и одновременно ученик правоведов-цивилистов, которые, в свою очередь, были если не сотрудниками, то также учениками и последователями И.А. Покровского). Но главное здесь – основания принципиально научного порядка, впрочем, также отражающие, не скрою, особенности авторских взглядов на правовую материю, правовые ценности. И в этой связи должен заметить, что сделанный в данной книге выбор «имен» и сопряженное с ними видение философско-правовой проблематики не претендуют

ни на исключительность, ни на то, чтобы хотя бы в малейшей степени умалить значимость иных научных подходов, опирающихся на идеи других мыслителей.

Но вернемся к И. Канту и И.А. Покровскому.

Да, Кант и Покровский – мыслители и люди очень разные. Далекие по времени эпохи, Кант – конец XVIII в., И.А. Покровский – начало XX в. Дистанция – полтора столетия. Несоизмерим общественный статус. Один, Кант (1724–1804), великий философ, основатель немецкой классической философии, уже при жизни признанный гением философской мысли – заслуженное признание, сохранившееся до сей поры. Другой, И.А. Покровский (1868–1920), чуть ли не рядовой «зав. кафедрой», профессор-правовед, не очень то известный в мире, специалист по одной из отраслей юридических знаний – цивилистике, даже сейчас, в нынешнее российское время, когда на шит поднимаются все заметные дореволюционные юристы, далеко не всегда упоминаемый нашими коллегами-гуманитариями, да и нами, современными специалистами по правоведению¹.

---

¹ Достоинство доброй оценки то обстоятельство, что в настоящее время в российской гуманитарной, в том числе юридической науке неизменно делаются ссылки на выдающихся дореволюционных правоведов – таких, как Б. Чичерин, Б. Кистяковский, П. Новгородцев, Л. Петражицкий, С. Гессен, С. Котляревский, В. Муравьев.

Вызывает, однако, сожаление, что подчас такого рода ссылки замыкаются указанной «обоймой имен» и не идут дальше приведения выдержек из сочинений упомянутых авторов. Между тем суть дела в оценке трудов наших предшественников – в восприятии *передового либерального духа* замечательных русских правоведов, в понимании того *уровня философского осмысления социальной и правовой действительности*, которого они достигли ко времени трагического Октябрьского большевистского переворота.

Особо прискорбно, что за пределами указанной «обоймы» остается имя выдающегося русского цивилиста, правоведа-мыслителя, который наиболее значительно продвинулся вперед в философском понимании права (и который через своих теоретических приверженцев и последователей оказал прямое влияние на творческие поиски правоведов в советское время), – Иосифа Алексеевича Покровского. Как верно заметил автор блестящей вступительной статьи к книге И.А. Покровского «Основные проблемы гражданского права» А.Л. Маковский, эта книга «принадлежит к числу самых блистательных произведений юридической науки» и должна быть поставлена «в один ряд» с трудами Иеринга, Дюги, Кельзена (*Маковский А.Л. Выпавшее звено // Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. М.: Статут, 1998. С. 3*).

Весьма примечательно, что в сборнике статей ведущих российских правоведов, подготовленном к печати летом 1918 г. (но в то время не опубликованном) под названием «Из глубины», уже в наши дни на первом месте в одном из современных изданий (Интеллигенция и проблемы формирования гражданского общества в России. Екатеринбург, 2000. С. 117–119) выделен и многократно цитируем именно И.А. Покровский.

В то же время и И. Кант, и И.А. Покровский — в чем-то необыкновенно важным очень близкие, на мой взгляд, наиболее близкие (во всяком случае по философско-правовой проблематике) мыслители. И даже — люди. Скромная профессорская жизнь в университетах, фанатичный творческий труд, без претензий на посты, чины, на близость к властным персонам. И, увы, уход из жизни — у одного в болезни, тяжело угасании интеллектуальных сил, у другого — в житейской мученической жизни в пору военного коммунизма, у порога дома с вязанкой дров за плечами.

Наконец, роковая схожесть судеб творческих свершений по философии права: гигантская кантоведческая литература до сих пор не отдала должного великому немецкому философу именно по вопросам права (даже сейчас, в дни двухсотлетия его ухода из жизни). А имя И.А. Покровского, опубликовавшего свой главный труд в июне 1917 г., за несколько месяцев до Октябрьского большевистского переворота (ужас которого, по сути дела, и предвещала книга профессора-цивилиста), было дискредитировано большевиками, предано забвению.

Между тем возьму на себя ответственность сказать, что нет ни одного философа последних двух столетий и нет ни одного юриста прошедшего и нынешнего века, которые бы — как Кант и И.А. Покровский — каждый со своих творческих позиций — «сблизили» с мировоззренческой стороны философию и правоведение и разработали столь глубокие фундаментальные философско-правовые идеи для понимания смысла и назначения права в жизни людей в современную эпоху — эпоху, будем верить, утверждения последовательно демократических цивилизаций, свободного общества свободных людей, благополучия и солидарности людей.

Не потому ли это произошло, что оба мыслителя, жившие в разное время, оказались на переломе истории: один (Кант) в годы Великой французской революции, открывшей эпоху последовательно демократических («либеральных») цивилизаций, другой (И.А. Покровский) в годы, когда капитализм, не облагороженный началами гуманизма и права, попал в полосу углубляющегося кризиса, стал все более и более заходить в тупик и, более того, даже качнулся от идеалов права в сторону силовых методов, возвеличивания военно-карательных учреждений и спецслужб? И не потому ли — отмечу момент, с моей точки зрения, высшей важности — их идеи столь общественно значимы, что и И. Кант, и И.А. Покровский хорошо, досконально знали (если угодно, «ощущали») право, его конкрети-

ку, данные и достижения юридической культуры. И потому своим творчеством подтвердили определяющую черту философии права как особой области знаний — к одним и тем же ценностям и идеалам шли оба мыслителя. Только один «сверху» — с высот философской мысли, другой — «снизу», из самой толщи юридической материи, живого юридического бытия цивилистики. А итоговые выводы, в сущности, одни и те же.

Отсюда — единство взглядов И. Канта и И.А. Покровского по ряду принципиальных философско-правовых проблем (таких, как понимание позитивного права как жесткой реальности, признание высокой значимости «закона», его единства с правом, выводы о самоценности человека, намного опередившие время). И главное — у того и другого мыслителя есть центральный пункт в идеях, которые красной нитью проходят через их воззрение на право. Это — *правовая оценка личности, отдельного человека, его достоинства, высокого статуса и неотъемлемых прав*.

У Иммануила Канта такой подход стал основой его грандиозной идеи о праве человека как объективном праве (об этом ранее уже шла речь). У Иосифа Алексеевича Покровского этот же самый пункт в научных воззрениях получил развитие в виде углубленной трактовки положений о правах человека, раскрывающейся «в праве на самоценность личности», «в праве на ее индивидуальность»¹ (об этом несколько подробнее дальше). Важность этой идеи, до сей поры совершенно недооцененной в науке и юридико-политической практике, как и то обстоятельство, что Покровский, на мой взгляд, наиболее последовательный и строгий среди всех своих знаменитых коллег на юридическом поприще сторонник истинно либеральных взглядов в современном их понимании².

И еще один штрих в творчестве И.А. Покровского, имеющий, быть может, значимость — увы, также до сих пор по-настоящему не понятого — предупреждения нашим нынешним радикальным реформаторам, возмечтавшим одним прыжком, по-большевистски, при помощи силы власти, оказаться в «настоящем передовом капитализме» (рывок был сделан, но капитализм, стыдливо именуемый «рынком», на деле оказался капитализмом нагло-разбойничьим, криминальным). Это — необходимость единства действитель-

---

¹ Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. С. 121.

² См.: Редькин П.Г. Из лекций по истории философии права в связи с историей философии вообще. СПб., 1989. С. 395–396; Малинова И.П. Философия права (от метафизики к герменевтике). Екатеринбург, 1995. С. 14–17.

ной свободы человека и настоящей человеческой солидарности *на основе права*. Идея подлинной человеческой солидарности («солидарности» не по Л. Дюги, отрицавшего субъективные права вообще, а — настоящей, истинно человеческой, солидарности по И.А. Покровскому) также осталась не оцененной в науке. Хотя — надо заметить — практически после Великой депрессии, поставившей капитализм на грань тотальной катастрофы, и после Второй мировой войны, предотвратившей деградацию и истребление человечества тоталитарными режимами, именно она, идея действительной человеческой солидарности, а также идея верховенства права воистину в кантовском его понимании утверждаются (хотя и не во всем и не всегда последовательно) в передовых демократических странах. Увы, после 2001 г. с немалыми сбоями, вызванными недооценкой права и односторонне (по-имперски) трактуемыми процессами борьбы с международным терроризмом¹.

3. КАНТ О ПРАВЕ: ИДЕИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

По утверждению Канта, право в мироздании, в существовании, в бытии и развитии человечества представляет собой *цель общества, находящегося в гражданском состоянии*².

Кант утверждает нечто большее. Под углом зрения исповедуемых им мировоззренческих позиций гражданское устройство, воплощающее право, которое «само по себе есть цель», составляет, по Канту, «безусловный и первейший долг во всех вообще внешних отношениях между людьми»³. В другом месте философ говорит о том, что право выступает для людей в качестве их «долга и надежды»⁴, а само оно, право, — это «высший принцип, из которого должны исходить все максимы, касающиеся общества»⁵, и что оно, право, призвано получить в обще-

---

¹ Из кн.: Восхождение к праву: Поиски и решения. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, 2002. Гл. 10.

² Как полагает немецкий философ Б. Тушлинг, комментирующий философскую суть сочинений Канта, последний вообще «анализирует право как конечную цель человеческого рода» (*Кант И.* Сочинения на немецком и русском языках. Т. 1: Трактаты и статьи (1784–1796). М., 1994. Предисл. С. 35).

³ *Кант И.* Сочинения на немецком и русском языках. Т. 1: Трактаты и статьи (1784–1796). М., 1994. С. 281.

⁴ Там же. С. 447.

⁵ Там же. 307.

стве «верховную власть»¹. Ну, и напомним слова Канта: право в том виде, в каком его представляет философ, — *это самое святое из того, что есть у Бога на Земле*².

Эти и другие суждения Канта о праве требуют обстоятельного разбора и оценки. Но об одном из положений, вытекающих из взглядов Канта, необходимо еще раз сказать особо.

Одно из самых существенных положений во взглядах Канта на право — это его трактовка данного социального феномена как *права человека* (или — по иной формулировке — «права людей») *как явления объективного права*. И следовательно, явления, которое находится в единении, сложном, противоречивом, но все же именно в единении с законом и которое в силу этого существует в качестве объективно реального, институционального образования, обладающего набором «сильных» качеств и свойств, делающих объективное право носителем значительной социальной энергетики, мощным фактором в общественной жизни, в жизни людей³.

Категория «*право человека*» («*право людей*»), рассматриваемая как объективное право, идея принципиально новаторская, передовая и для того времени, когда появились труды Канта, и, увы, для нынешнего времени. Она характеризует иную плоскость правовой действительности и ее понимания, нежели понятие «*права человека*», рассматриваемое в значении субъективных прав. Перед нами — определение, фиксирующее *принципиально новое качество права в новое время, права в условиях вступивших на историческую сцену и постепенно утверждающихся последовательно демократических цивилизаций*⁴.

---

¹ Кант И. Сочинения на немецком и русском языках. Т. 1. С. 421.

² См. там же. С. 383.

³ И в подтверждение сказанного — ссылка на позицию Канта. Знаком юридического категориального аппарата и терминологии Кант в ряде случаев говорит именно о правах человека как о субъективных правах (прямо-таки классическим, буква в букву совпадающим с современными представлениями и с современной лексикой можно признать его положение о значении «этих прирожденных, необходимо принадлежащих человеку и неотчуждаемых прав»). В то же время он многократно, притом в соответствующем смысловом контексте, употребляет, казалось бы, эту же словесную формулировку — «право человека» в смысле объективного права и как совершенно равнозначное в аналогичных смысловых контекстах использует выражение — «право людей» (см.: Кант И. Сочинения на немецком и русском языках. Т. 1. С. 452, 461, 475 и др.).

⁴ Автор этих строк использовал в работе по философии права (М., 1997) это обобщающее выражение, настойчиво вводимое, насколько мне известно, лишь Кантом, — «право человека». И хотя оно в упомянутой работе и получило некоторое авторское

Именно такой подход к праву современного гражданского общества, помимо всего другого, позволяет определить главные направления правового развития в нынешнюю эпоху и в то же время избежать упрощений, примитива, сугубо декларативных интерпретаций (на манер тех декларативных определений, которые ныне коснулись прав человека как сугубо субъективного феномена). Суть категории «право человека» — в том, что она характеризует данное явление *под углом зрения его органики, его юридической природы и правовых особенностей*, и значит — что особо существенно в практическом отношении — под углом зрения тех *юридических механизмов и правовых средств, которые через систему правоохранительных учреждений (прежде всего через систему правосудия) способны перевести устанавливаемое законом правовое положение людей в плоскость социальной реальности*.

Причем здесь сама эта органика права выступает в виде правовых начал, принципов, юридических конструкций, особенностей, выражающих *природу и логику права как мирозданческого явления*, т.е. — такого, которое включается в процесс развития человечества как сообщества разумных существ и занимает в этом процессе необходимое, без альтернативы, место.

Положение о «праве человека» если не итоговый, то во всяком случае один из итоговых философских выводов Канта в его взглядах на право, прямо подводящих к завершающим определениям и оценкам, в том числе и к положению о праве как цели гражданского общества.

С учетом характера реалий, свойственных обществу, которое только-только порывает с порядками и ценностями традиционных цивилизаций (процесс растягивается более чем на два столетия), взгляды Канта о праве *устремлены в будущее, к перспективе общественного развития, к обществу, которое он назвал «гражданским» и «правовым»*.

Не случайно и сам Кант связывал свои идеи о праве в основном с будущим, прямо говорил о том, что они свершатся лишь «в конце концов», «с большими трудностями», «медленно» и что они — наш долг и обоснованная надежда — «хотя бы только в бесконечном приближении»¹. Стало быть, абстрактный, устремленный в буду-

---

обоснование, но, к сожалению, по данному вопросу без должного соотнесения с общими философскими положениями и без развернутой констатации качественной грани между «правом человека» и «правами человека».

¹ Кант И. Сочинения на немецком и русском языках. Т. 1. С. 420, 461, 477.

шее и даже романтически возвышенный характер взглядов Канта, касающихся права, — не свидетельство их утопичности, нечто близкое к мечте и фантазии, а всего лишь отражение своеобразия предмета этих взглядов — особенностей права, смысл и предназначение которого в полной мере сможет реализоваться в будущем по мере развития и реальном утверждении в жизни современного гражданского общества.

Именно соответствие взглядов Канта требованиям эпохи, плодотворная методология и вытекающая отсюда строгость выводов — все это придает взглядам философа основательную научность, убедительность — то, что (в отношении будущего) носит характер *научного прогноза* — взглядов, вполне обоснованно в данном случае *опережающих* действительность, факты сегодняшнего дня.

Вот почему Кант, отдавая себе отчет в сложностях, трудностях, постепенности реализации его теоретических выводов о праве, столь категорически говорит о том, что это непременно «будет», все же осуществится «в конце концов», что перед нами «обоснованная» надежда и что политике, основанной на праве, предназначено «блистать». И вот почему, по Канту, реальное торжество права, осуществление состояния публичного права — «хотя бы только в бесконечном приближении» — это наша обоснованная надежда и вместе с тем *наш долг*¹.

Ну, а готово ли современное общество, наше сознание воспринять идеальные и в чем-то романтические идеи Канта? Вопрос — острый для российского разрушенного и потрясенного общества. П.С. Гуревич пишет: «Кант предлагает, вразумляет, осмысливает. Однако готово ли современное потрясенное сознание воспринять идеальную мысль?»².

Кант, как бы предугадывая такого рода сомнения, сам отвечает на поставленный вопрос. «Не может, — говорит он, — считаться хорошим выражение: известный народ не созрел для свободы... Но при таких предположениях свобода никогда и не наступит, ибо для нее нельзя созреть, если предварительно не ввести людей в условия свободы (надо быть освобожденным, чтобы иметь возможность целесообразно пользоваться своими силами на свободе). Первые проявления свободолюбия могут, конечно, оказаться грубыми и обыкновенно сопровождаются большими затруднениями и опасностями,

---

¹ Кант И. Сочинения на немецком и русском языках. Т. 1. С. 420, 461, 477.

² Гуревич П.С. Рецензия на сочинения Канта // Вопросы философии. 1995. № 11. С. 151.

чем те, при которых все стояло еще не только под приказаниями, но и под попечением других, но созревают для разума не иначе, как только через свои собственные попытки...» И тут же — отдавать человеческое освобождение «это значит уже вторгаться в регалии божества, которое создало человека для свободы. Конечно, гораздо спокойнее господствовать... чем проводить в жизнь такое основное начало. Но справедливо ли?»¹.

После пережитых человечеством в последние два столетия гигантских потрясений, революций, смуты, сломов в жизни и мышлении людей, особенно у нас, в российском Отечестве, исходные задачи в философии права, в наших правовых воззрениях состоят прежде всего в восстановлении сломанных, поруганных человеческих интеллектуальных духовных ценностей и в этом отношении оказываются простыми и скромными. Как справедливо отмечено в литературе, в сфере нашего правопонимания «не может быть никакого продвижения вперед без скромного, ученического, покаянного обращения к погрязшим и, как правило, достаточно давним достижениям мировой политико-юридической культуры»². Сло-

---

¹ Кант И. Религия в пределах только разума. СПб., 1906. С. 198–199.

² Соловьев Э.Ю. И. Кант: взаимодополнительность морали и права. М.: Наука, 1992. С. 3.

При этом важно не только строго научное понимание происходящих в мире процессов «социализации», которые без точной научной их оценки, увы, дают некоторый повод для поддержки ортодоксально марксистских правовых доктрин, но, пожалуй, прежде всего — последовательно научная характеристика процессов возрождения и развития ряда ареалов цивилизаций, построенных на исламской, буддийской, конфуцианской и даже восточно-христианской культурах, их стремления утвердить свой «особый путь» развития, в том числе и в отношении тех сторон этого развития, которые касаются права.

Характерно, что именно в последнее время, и притом со ссылкой на ценности чуть ли не всех упомянутых культур, все громче при обосновании своего «особого пути» раздаются голоса о неприемлемости для тех или иных стран и народов западно-христианской модели развития, которой будто бы только и свойственен путь права, или — как нередко утверждают — «римского права».

Между тем признание в тех или иных вариантах «особого пути», вбирающего ценности соответствующих культур и ареалов цивилизации, *не устраняет того, что он в то же время не может не быть путем права*. Или — в ином словесном обозначении — *верховенства права*, отражающего и особенности данной страны, ее культуры, и мировые политико-юридические процессы, и достижения. Ибо в той мере, в какой для человечества неизбежен переход от традиционных к последовательно демократическим цивилизациям, тому или иному обществу при всем его своеобразии никуда не уйти от выдвижения на передовые социальные и правовые позиции человека, его энергии, творчества, инициативы, а значит, и его свободы, утверждения в социальной и правовой жизни его статуса и прав. То есть всего того, что находит свое выражение в праве че-

вом, Кант по правовой проблематике – удивительно современен, притом настолько, как никакой иной философ прошлых, да и нынешнего поколений¹.

4. И.А. ПОКРОВСКИЙ: ИДЕИ, СОЗВУЧНЫЕ НЫНЕШНЕМУ ВРЕМЕНИ

Как уже отмечалось в одном из предыдущих разделов, права человека в современных условиях оказались именно тем социальным началом, которое призвано определить высокий правовой статус индивида, автономной личности, не уступающий положению государства как суверена – носителя политической власти. Причем – высокий статус не только по отношению к тому или иному государственному органу или должностному лицу (как это склонны интерпретировать приверженцы приоритета «государственности», «державности»), а *в отношении государства в целом*.

И вот приходится еще раз воспроизвести слова замечательного русского правоведа-мыслителя И.А. Покровского: «...есть такие „неотъемлемые права человека”, которые никаким законом уничтожены быть не могут, которые даже для государства в целом недостижимы. Если всякое субъективное право обеспечивает личность от произвола в л а с т е й, то идея „неотъемлемых прав” направляется против г о с у д а р с т в а к а к т а к о в о г о»².

В связи с приведенной выдержкой из сочинений русского правоведа уместно сказать в более широком контексте о философско-

---

любопытных достижений римского права.

Дело лишь в дистанциях, которые отделяют страны и народы, относящиеся к упомянутым ареалам цивилизации и культуры, от того порога в историческом развитии, от которого начинается интенсивная модернизация общества, его основных подразделений и подсистем, свидетельствующая о переходе данного общества к цивилизации либерального типа. Факты последних десятилетий развития стран Азии, Южной Америки, других регионов подтверждают то обстоятельство, что экономический взлет ряда этих стран неизменно основывался на приведении в действие при использовании механизмов рыночной экономики «человеческого фактора». И с другой стороны – трудности и тупики в развитии этих стран неизменно сопряжены – с теми сторонами «особого пути», которые не согласуются с общецивилизационными критериями и требованиями, в том числе (а порой – и прежде всего) – с теми, которые связаны с развитием права – права человека.

¹ Из кн.: *Алексеев С.С.* Самое святое, что есть у Бога на Земле: Иммануил Кант и проблемы права в современную эпоху. М.: Норма, 1998. Гл. 4.

² *Покровский И.А.* Основные проблемы гражданского права. С. 81.

правовых разработках, которые выдвинуты И.А. Покровским в начале XX в.

Почему эти разработки достойны повышенного внимания? Да потому, что перед нами – поистине феномен, на первый взгляд трудно объяснимый прорыв мысли в такие глубины понимания проблемы, которые только сейчас, спустя почти столетие, начинают в силу требований жизни пробивать себе дорогу.

Между тем И.А. Покровский в начале XX в. в условиях, когда само понятие «неотъемлемые права человека» признавалось большинством гуманитариев с известной осторожностью (сам автор выражение «неотъемлемые права» нередко заключает в кавычки), выдвинул на основе конкретных юридических данных, связанных с гражданским правом, ряд соображений. Да к тому же таких, которые заложили, по моему убеждению, *философские основы современной теории неотъемлемых прав человека, отвечающих передовым демократическим представлениям* и в полной мере раскрывающих свою научную и практическую значимость именно сейчас, в наши дни.

О каких же идеях по проблематике права человека, выдвинутых И.А. Покровским, идет речь?

Три научных положения русского правоведа-мыслителя представляются наиболее существенными.

П е р в о е. Это – уже процитированная мысль И.А. Покровского о *соотнесении* неотъемлемых прав человека не с теми или иными «органами власти», а с *государством в целом*. Продолжая, автор пишет: «Самоутверждение личности достигает здесь в юридическом отношении своего кульминационного пункта. некогда безгласная овца в человеческом стаде, она заявляет теперь претензию на роль равноправной с государством державы с правом суверенитета на некоторой собственной территории»¹.

Такое понимание неотъемлемых прав человека даже в европейском и североамериканском политическом и правовом мышлении стало утверждаться только в 1950–1960-х гг. после потрясений Второй мировой войны, тиранических диктатур, революционных выступлений молодежи в конце 1940-х гг. Да и то с такой определенностью, с какой это было сделано русским правоведам в 1917 г., соответствующие положения нигде и никем не сформулированы². А ныне, после ужасных

---

¹ Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. С. 309–310.

² С этой точки зрения становятся понятными те основания, которые приводят к отрицанию некоторыми режимами и деятелями универсального характера самой категории неотъемлемых прав человека. Сюда можно отнести настойчивые усилия деятелей

террактов на американской земле 2001 г. в контексте политики «возмездия» дает о себе знать и попятное движение, когда порой на первый план выступает «право силы».

В т о р о е. Подход к правам человека, выводящий правовое положение личности на уровень ее взаимоотношений с государством в целом, взаимоувязан с другой существенной проблемой, — тем, что *неотъемлемые права человека потому и касаются «государства как такового» и потому ограждают личность от произвола власти, что они по своему источнику и важнейшей стороне своей сути обращены к человеку как духовной личности и в этом отношении затрагивают не только политику (и не только «политические права», как замечает автор), а прежде всего духовные, нравственные начала людей, духовные ценности, идеалы свободы человека*¹.

ряда стран, особенно восточных, представить категорию прав человека в качестве явлений сугубо «западных цивилизаций». Прискорбно, хотя и в чем-то знаменательно, что подобные утверждения начинают звучать и в России, когда отвергается абсолютный характер прав и свобод человека и на первое место среди социальных ценностей, будто бы согласующихся с российской историей и культурой, выдвигаются идеи «государственности», «державности».

В практической же жизни таких стран, как Россия, подобный подход, пробиравший себе дорогу при подготовке проекта Конституции, вновь уступил «государственничским» и «державным» тенденциям, а категории неотъемлемых прав человека в этой связи остались в основном уделом неких, будто бы второстепенных законодательных формул, пропагандистских штампов и академических рассуждений. И если порой на практике возникает вопрос о правах человека, то по большей части он связывается не с общим положением личности — «равноправной с государством державы», а со взаимоотношением отдельного человека, во многом остающимся «безгласной овцой в человеческом стаде», с отдельными «органами власти», которые «кое-где», «порой» «нарушают».

¹ И.А. Покровский обращает внимание на то, что тот соответствующий духу Просвещения вариант естественного права, который «отрицает неограниченность государства по отношению к индивиду», зародился «прежде всего в борьбе за религиозную независимость, и первым правом, которое стали провозглашать неотъемлемым, было право на свободу религиозного исповедания» (Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. С. 80—81). А отсюда — «...первое отчетливое формулирование идеи о пределах государственного вмешательства произошло на почве вопроса о свободе религиозного исповедания, т.е. именно в той области, которая является центром всего д у х о в н о г о бытия человеческой личности» (там же. С. 83). Лишь потом, замечает автор, к этому был присоединен и вопрос о неприкосновенности собственности, а ныне — к государству в целом.

При этом автор отмечает, что «в огромном споре между личностью и обществом, думается, надо резко различать две совершенно несродные части спорной территории: с одной стороны, внутреннюю, д у х о в н у ю ж и з н ь человека, имеющую своим кульминационным пунктом его религиозное исповедание, а с другой стороны — отношения внешнего, главным образом, экономического порядка. Первые духовные

Такая точка зрения на неотъемлемые права человека, обоснованная И.А. Покровским, исключительно важна потому, что она позволяет – при всей существенной остроте проблематики политики и власти, тем не менее позволяет – выделить во всей сумме прав человека центральное, определяющее звено, если угодно, их духовную сущность, относящуюся к свободе духа, началам высокой нравственности, основополагающим моральным принципам, свободе мысли и слова. А это, в свою очередь, открывает путь к тому, чтобы увидеть в развитом праве, где доминантой становятся неотъемлемые права человека, явление высшего духовного порядка, истоки которого коренятся не только в природе, но и во внечувственных, в трансцендентных сущностях мироздания. В этой связи хотелось бы сослаться на слова И.А. Покровского о том, что «нравственный прогресс может быть только делом индивидуальной свободы, и высшим назначением права может быть лишь создание такого социального порядка, в котором эта творческая свобода находила бы себе наилучшие условия для своего осуществления»¹.

Т р е т ь е. По мнению И.А. Покровского, гуманитарные воззрения, основанные на возрожденческой культуре и признании приоритета за автономной личностью, «персоной», вообще могут достигнуть более высокой ступени развития. И тогда, наряду с преобразованием объективного права, призванного давать надлежащее удовлетворение «среднему, типичному человеку», на таких «более высоких ступенях развития усиливается сознание самобытности и особенности каждой отдельной личности и вместе с тем начинает чувствоваться потребность в праве на эту самобытность, в праве на индивидуальность»². Вот это *право каждого человека на свою, всегда – уникальную, единственную на всем белом свете, неповторимую индивидуальность, на признание и защиту своей неповторимой самобытности* и представляет собой то наиболее своеобразное, что вносит русский мыслитель в теорию, да и в само понимание прав человека.

В этой связи автор отмечает целый ряд явлений, знаменующих собой дальнейший рост признания человеческой личности именно там, где так или иначе затрагиваются ее духовные, нравствен-

---

интересы составляют самое содержание, самую сущность человеческой личности...» (там же. С. 84).

¹ Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. С. 78.

² Там же. С. 121.

ные интересы. Ставится на новую почву охрана «прав личности», получает признание «право на индивидуальность», «право на защиту конкретных особенностей человеческой личности».

Приходится высказать сожаление в связи с тем, что эта идея русского правоведа – сторонника последовательно демократических, персонцентристских воззрений – не привлекла внимание ни науки, ни практики, озабоченных проблемами прав человека (и никто, насколько мне известно, не высказал таких или аналогичных по содержанию идей, требований о их строгом превращении в жизнь).

ПРАВО — НАДЕЖДА НАША

Научно–публицистические очерки

1999

ГЛАВА ПЕРВАЯ ИЛЛЮЗИИ И ПРОСТЫЕ ИСТИНЫ

1. Право — мода и престиж. Почему?

ВРОДЕ БЫ рассуждать сейчас о «праве» — дело ненужное, зряшное. И так все ясно. Перед законом все равны. Любой чиновник должен поступать по закону. Граждане — тоже, например вовремя и сполна платить налоги, молодые люди, достигшие призывного возраста, — служить в армии. И суд обязан все вопросы решать по закону, по праву.

Говорить о праве, слыть приверженцем права — предмет даже некой моды. Любой человек, кого ни спроси, скажет — что он «за право», «за закон».

Особо усердствует на этот счет власть.

И потому положение с правом в современной России, с отношением к нему господствующей власти производит впечатление невиданного доселе благополучия. Действует в общем демократическая по ряду признаков Конституция (пусть и с огрехами, с перекосами в «разделении власти» между ее «ветвями»). В ней провозглашено, что Россия — «правовое государство» и что права человека — «высшая ценность». Приняты сотни законов в центре и в регионах. Действуют суды, в том числе Конституционный Суд. Работает множество учебных заведений — государственных и коммерческих, готовящих специалистов по юриспруденции. Везде, на всех уровнях провозглашается приверженность власти Конституции и закону, то и дело раздаются здравицы в честь правового государства, закона, правосудия... Образованы десятки комиссий по правам человека. Назначены уполномоченные по правам человека с немалым штатом чиновников для всей страны. Такие же уполномоченные в каждой области. «Год прав человека»...

ЧЕМ ОБЪЯСНИТЬ такую всеобщую и единодушную приверженность к праву? Моду и высокий престиж права, всего юридического?

И это все — казалось бы, радостное и впечатляющее — при том фактическом положении дел, что реально указанные формулы и заклина-

ния по большей части, увы, далеки от действительности. Нередко — очень далеки.

А в свое время (а порой и ныне) под сенью законов и красивых лозунгов о праве в обществе реально творилось чудовищное беззаконие, произвол и бесчинство власти. После замечательной Великой французской революции, провозгласившей верховенство права, — кровавая якобинская диктатура. Не так давно в нашем Отечестве, возвестившем об истинно народном праве, — диктатура пролетариата, ГУЛАГ, террор и геноцид в отношении собственного народа. Гитлеровская Германия, объявившая себя «правовым государством», возвела в ранг государственной политики уничтожение целых народов и слоев населения, войну, расизм, насилие.

Значит, красивые декларации и лозунги о праве и законе могут быть всего лишь прикрытием для диктаторских режимов и терроризма? Да, могут. Но могут как раз потому — прошу внимания! — что *в нас самой природой заложена вера в право, стремление к тому, чтобы все в нашем мире осуществлялось по праву*. Да и в самом праве, законе, правосудии, какие они ни есть, всегда существует нечто такое, что очень нужно нам, людям, — и всему обществу, и каждому человеку.

И вот здесь есть ряд вещей, простых и не очень простых вопросов, с которыми нужно основательно разобраться. И первый из возникающих вопросов — что же это за институт такой или — явление в жизни людей, которое названо «правом»?

2. Право — обязанности, ответственность

ПО ШИРОКО РАСПРОСТРАНЕННЫМ представлениям право относится к обязательным юридическим установлениям, жестким требованиям их соблюдения всеми людьми.

Действительно, право — если не углубляться в тонкости (впрочем, эти тонкости, как мы увидим дальше, очень важны), — есть не что иное, как основание, которое *определяет, кто и что в п р а в е делать, как поступать*. Вправе ли, скажем, отдельный гражданин или даже группа граждан без обращения в государственные инстанции объявлять себя особым субъектом права, «юридическим лицом»? Или — заключать какие-то договоры, которые не упомянуты в законе? Или — в одностороннем порядке объявлять себе отсрочку в уплате долга? Вправе ли местные учреждения, администрации вводить на местах уголовную ответственность за те или иные прегрешения? Вводить «свои» налоги? И т.д.

С этой стороны для института или явления, которое мы называем «правом», характерны такие две особенности.

П е р в а я. Основание, на основе которого определяется, «вправе» или «не вправе» поведение людей, должно быть *выражено в законе*. Или в другом официальном акте, документе, в котором так же, как и в законе, содержатся общеобязательные правила, – допустим, в указах президента, постановлениях правительства. Таким основанием может быть и обычай, признаваемый государством (скажем, обычай очередности). В ряде стран – США, Великобритании, некоторых других – значение указанного основания, наряду с законом и обычаем, принадлежит решениям судов, так называемым *прецедентам*, т.е. решениям по юридическим делам, которые приобрели характер «образцов» и имеют при рассмотрении аналогичных вопросов обязательное значение.

В связи с таким значением законов в России, в других странах континентальной Европы слова «право» и «закон» («законодательство») по большей части употребляются как близкие, во многом совпадающие, взаимозаменяемые. Чаще даже в обычном словоупотреблении звучит, например, выражение «российское законодательство», нежели «российское право».

По этой же причине, т.е. в силу близости понятий «право» и «закон», требование строжайшего исполнения юридических норм – в том числе выполнения каждым лицом своих юридических обязанностей – называется *законностью*.

И в т о р а я особенность, характерная для права. Выраженное в законе (или в прецеденте) основание для определения «вправе» – «не вправе» имеет *официальный* и в этом смысле *публичный характер*. То есть оно исходит от всего общества, от государства в целом, от всего – как принято считать – народа, признается обществом и государством (и в принципе должно признаваться всем населением) безусловно обязательным, императивным в жизни общества и каждого гражданина. Отсюда, надо заметить, столь твердым, строгим, категорическим является принцип законности в обществе.

ТАКОЕ понимание права, когда на первый план выдвигаются «обязанности», «ответственность», а вслед за тем – «законность» (с удалением на публичность, императивность, обязательность), не только широко распространено среди людей, но и во многом обосновано по существу.

Ведь человеческое общество – и на всей нашей планете и в особенности в каждой отдельной стране – это не просто некое хаотическое

скопище отдельных индивидов, обособленных, изолированных друг от друга особей. Человеческое общество — это всегда *организованное целое*. Всегда — в той или иной мере — упорядоченное сообщество людей как разумных существ. Сообщество, в котором функционируют определенные механизмы, институты, призванные поддерживать организованность человеческого сообщества, известную упорядоченность складывающихся в нем отношений.

Таким механизмом (институтом), «настроенным» на то, чтобы вводить и обеспечивать отработанные формы организованности, упорядоченности отношений людей в обществе, и является право. Его задача, как мы видели, — давать основание для того, чтобы определять «вправе» — «не вправе» кто-либо определенным образом поступать, действовать. И право решает такого рода задачу в немалой степени как раз путем установления строгих юридических обязанностей, ответственности за их неисполнение, путем проведения в жизнь требования неукоснительной законности.

И вот тут, поясняя мысль о том, что в людях самой природой заложено стремление к праву, замечу, что только что приведенная трактовка права, когда на первый план выдвигаются обязанности и ответственность, как раз имеет весьма очевидные природные предпосылки. По свидетельству современной науки о поведении и нравах живых организмов (этологии), в особенности — «организованных» сообществ животных, здесь могут быть обнаружены некоторые — хотя и очень дальние и далекие — природные корни. Для таких сообществ, нередко с высокоорганизованной структурой совместного поведения, характерно жесткое иерархическое построение их «социальной организации», в соответствии с которым каждая особь выполняет сообразно существующей иерархической пирамиде строго «свои» функции (получившие потом, уже в отношении к аналогичным явлениям человеческого сообщества, как раз названия — «обязанности», «ответственность», «порядок», «дисциплина»). Интересный материал по всем этим вопросам содержится в прекрасной книге В. Дольника «Непослушное дитя биосферы» (Педагогика-пресс, 1994), ряд положений которой оказывается важным и для понимания некоторых других юридических вопросов.

Вместе с тем следует обратить внимание на то, что представления о праве как об инструменте обеспечения порядка и дисциплины отражают не только природные предпосылки, но прежде всего потребности именно человеческого общества. Причем *любого* общества. Не только общества с авторитарными, диктаторскими порядками, что вполне

понятно. Но и самого по современным критериям демократического, утверждающего себя в качестве последовательно «свободного».

Например, Соединенные Штаты Америки (при всех сложностях в жизни этой страны, в том числе при склонности во внешних делах к силовым методам) действительно могут гордиться высоким уровнем развития демократических институтов внутри страны, предоставляющих гражданам широкий, казалось бы, безграничный простор для свободы. Но попробуйте, окажись вы в Америке, встать со своего места в салоне и, торопясь к выходу, подойти поближе к двери самолета, совершившего посадку, пока он еще не вырулил на место стоянки и не заглушил моторы... Попробуйте «просто так» оставить автомашину у тротуара оживленной улицы... Или – «просто так», даже со ссылкой на уважительные причины, отказаться от уплаты своего долга. Попробуйте, и вы тут же встретитесь с неуступчивым членом экипажа самолета, полицейским, адвокатом, оформляющим иск в суд, а затем с безусловно обязательным решением суда. Словом, вы сразу увидите, как тотчас же строго, непреклонно заработает государственная машина, настроенная на то, чтобы юридические обязанности все равно были исполнены, а виновный в их неисполнении нес юридическую ответственность.

Скажу больше. Именно в тех странах, в которых получили существенное развитие демократические институты, именно там в отношении юридических обязанностей и ответственности действуют жесткая, пожалуй, даже жесточайшая законность, требования безусловно точного и своевременного исполнения каждым своих юридических обязанностей. Вовсе не случайно в демократически развитых странах одним из самых тяжких преступлений считается неуплата налогов – прегрешение, которое у нас порой воспринимается как некие шалости бизнесменов, свидетельство находчивости и ловкости или отсутствия таковых.

Вот почему, рассматривая право, необходимо первоначально обозначить его пусть и не самую главную, но все же совершенно обязательную, непремennую черту – властно-государственную основу права в обществе, его принудительность и публичность, то обстоятельство, что для права характерны строгие обязанности и ответственность. А отсюда – строжайшая законность в обязанностях. И еще – то обстоятельство, что право становится всего лишь бумажкой, пустым звуком, ничего не значащей декларацией, если нет механизма (аппарата), который был бы способен фактически, на деле осуществлять юридические нормы, добиваться исполнения каждым своих обязанностей и в необ-

ходимых случаях возлагать на виновных лиц ответственность. А иначе? А иначе как раз и может получиться то, о чем говорилось в начале книжки, — законы и всякого рода юридические декларации могут превратиться в ширму, в прикрытие произвола и своеволия власти, порой безнаказанного бесчинства власти.

Так что нормальная жизнь в обществе во многом зависит от того, насколько эффективно работает вся государственно-юридическая машина. И, стало быть, насколько действенна борьба с преступностью, искореняется коррупция, полно и точно исполняются всеми лицами возложенные на них юридические обязанности.

В кульминационные же периоды развития и тем более реформирования общества — такие, как сейчас у нас, в России, — необходимость строжайшего исполнения обязанностей становится наиболее острой, особенно на тех участках жизни, где решается судьба демократического развития страны, там первостепенное значение приобретает охрана демократических ценностей, в том числе предупреждение и пресечение политического экстремизма, совершенно нетерпимого в случаях, когда он выливается в фашистское или фашистскоподобное обличье — явление жуткое, преступно-чудовищное для общества, понесшего неисчислимые жертвы от фашистского нашествия и отвергнувшего фашизм в жесточайшей войне XX века — Отечественной войне 1941–1945 годов.

Да и по иным причинам и условиям реформирования общества, когда, например, решается задача финансовой стабилизации и упорядочения бюджетных отношений, своевременное и полное выполнение каждым своих обязанностей (допустим, по уплате налогов, платежей обязанных лиц в бюджет и во внебюджетные фонды) приобретает повышенную, «кричащую» остроту. Одновременно исключительно важной становится деятельность по обеспечению безопасности людей, предпринимателей, да и вообще — строжайшей законности во всех сферах жизни общества.

И ВОТ ВЫВОД общего характера, который, думается, представляет интерес для читателя.

Как уже отмечалось ранее, человеческое общество — это всегда организованное целое. То есть определенная *социальная система*, в которой заложена необходимость не только известной организованности, упорядоченности складывающихся в ней отношений, но и *обеспечение непрерывного и стабильного существования общества во времени, притом в тех параметрах, которые сложились и «заданы» в нем.*

И здесь своего рода историческая миссия принадлежит именно праву.

Право в этой плоскости является своего рода «устройством», которое обеспечивает *непрерывное воспроизводство* данной системы общественных отношений и порядков, делает их постоянными, неизменными, даже как бы «увекочивает» их.

И как раз важнейшее значение в воспроизводстве при помощи права данной социальной системы принадлежит юридическим обязанностям и ответственности. Именно они в значимых узловых пунктах существования и функционирования общества определяют «строго обязательное» в нем. То есть не «возможное и допустимое», не то, что может быть (или может не быть), а то, что постоянно и непременно *должно* происходить. Изю дня в день – изю дня в день повторяться и повторяться. К началу рабочего дня, точно определенному часу – люди идут на работу. В установленное время открываются магазины и начинает работать городской транспорт. Сохраняется правостороннее движение. Продолжает действовать существовавший «вчера» порядок судебного обжалования неправомерных действий должностных лиц. Возможно – как и ранее – привлечь к уголовной ответственности за уклонение от уплаты налогов. Никто не вправе – как всегда – в одностороннем порядке отказаться от выполнения обязательства. И т.д.

И еще один момент. С помощью законов возможно запрограммировать в праве, в этой постоянно функционирующей «машине порядка», определенное – строго и точно определенное! – содержание, даже какие-то принципы, идеалы в соответствии с целями, которые ставит данное общество. Впрочем, последний из указанных моментов лишь отметим, зафиксируем, будем иметь в виду и пока воздержимся от возможных восторгов на счет «удивительных возможностей» права: на основе фактов, относящихся к нашей истории и сегодняшней российской действительности, можно увидеть (и дальше об этом еще пойдет речь), насколько здесь все не просто, противоречиво, а порой и тревожно, даже пагубно.

С юридической же стороны здесь важно указать, что устанавливаемые правом юридические обязанности (и как бы сопровождающая их юридическая ответственность) выражаются в двояком виде. Во-первых, в виде *запретов*, когда то или иное лицо должно воздерживаться от действий известного рода, например от того, чтобы обладать без особого разрешения оружием, распространять наркотики или просто причинять имущественный вред другому лицу и т.д. И, во-вторых, в виде *предписаний*. Например, уплачивать налоги,

молодым людям — идти на военную службу и т.д. Такие предписания в юриспруденции называют *позитивными* нормами; «позитивными» в том смысле, что они обязывают не к воздержанию от поведения определенного рода, а к известным положительным действиям — уплачивать таможенные сборы, зарегистрироваться по новому месту жительства и пр.

Таким образом, палитра поведения, определяемая при помощи права, оказывается достаточно широкой, не сводимой к одной лишь формуле, которая использовалась ранее («вправе» — «не вправе»). Здесь вырисовывается своеобразная «троица», характерная для права: юридические запреты, позитивные обязанности, дозволения.

Древнеримские юристы говорили так: *Legis virtus haec est: imperare, vetare, permittere, punire* — сила закона заключается в том, чтобы приказывать, запрещать, разрешать, наказывать.

А ТЕПЕРЬ — пункт, к которому хотелось бы привлечь внимание.

Ну, хорошо, по-видимому, согласится каждый, право возлагает юридические обязанности, предполагает строгую ответственность виновных лиц. Но, спрашивается, нет ли здесь какого-то обобщающего понятия, которое показало бы место и значение права в жизни людей? Тем более только что говорилось о том, что при помощи права обеспечивается «воспроизводство» существующих в нем отношений и порядков.

Да, такое понятие есть. Оно выработано юридической наукой. И оно позволяет раскрыть важнейшие особенности этого явления, обеспечивающего непрерывное воспроизводство данной общественной системы, порядок и дисциплину в общественной жизни.

Право — *это целесообразный, эффективный* и во многом *незаменимый регулятор*. В чем-то похожий на другие «регуляторы» (например, в технических устройствах) или даже на регулятор дорожного движения. Но — именно регулятор в обществе, да притом такой, который способен на высоком уровне выполнять многообразные задачи. В том числе и только что упомянутую — обеспечивать воспроизводство данной общественной системы, «вводить» и обеспечивать в обществе высокую организованность, порядок, дисциплину.

Каковы же особенности права, которые позволяют ему выполнять функции регулятора в обществе?

Об одной из таких особенностей в общем уже говорилось. Это *властность, принудительность* права — особенность, которая и придает обязанностям, имеющим юридический характер, твердость, непреклон-

ность – такое их качество, когда они силой государственного принуждения проводятся в жизнь.

Вместе с тем у права есть и другие особенности, имеющие значение *уникальных достоинств*. Речь идет о том, что для права характерны:

- *нормативность* (притом общеобязательная, всеобщая) и
- *определенность* в правах и обязанностях.

РАССМОТРИМ вкратце эти два уникальных достоинства.

Итак, сначала – *н о р м а т и в н о с т ь*. Право каждой страны (российское, право Финляндии, французское право и т.д.) *состоит из норм*, т.е. общих правил – правил обязательных для всех, кого они касаются.

Ведь это вообще поразительное изобретение человечества – «норма» (хотя здесь тоже могут быть найдены природные предпосылки – стереотипы, естественные привычки поведения особей и их сообществ в животном мире). Но надо же было на каком-то этапе становления человеческого рода «открыть норму» как способ организации поведения разумных существ. Утвердиться в том, что для самого существования сообщества разумных существ – людей, для обеспечения стабильности и постоянства их жизни требуются не просто какие-то разумные решения, а отработанные *типовые* решения, возведенные в *общие и постоянные правила* – нормы. Потому-то все известные обществу «регуляторы» – мораль, обычаи, корпоративные правила – состоят именно из норм, т.е. общих правил, распространяющихся на «всякого и каждого», действующих непрерывно и не требующих по большей части каких-то в каждом случае разовых решений.

А вот в праве – через законы или прецеденты – человек как бы овладел этими нормами, их удивительными качествами, он может придать нормам еще большую общность, вплоть до всеобщности, а также уже упомянутое ранее качество – твердость, постоянство (хотя, к сожалению, и возможность произвольного маневрирования ими).

Здесь раскрывается один из важнейших «секретов» жизни общества и права как системы норм. В сообществе людей – живых существ, наделенных разумом, – непрерывно возникают ситуации, требующие *решения*. Такого рода решения могут быть достигнуты и в жизни зачастую действительно достигаются, так сказать, в разовом, индивидуальном порядке – для каждого случая в отдельности (что требует большой траты сил и часто создает обстановку разнобоя, произвола). Отработанные же типовые решения в виде норм, особенно правовых норм, не только по большей части не требуют в дополнительном по-

рядке особых индивидуальных решений и не только «экономят силы», но главное — создают условия для устранения разнобоя при решении жизненных ситуаций, для устранения возможного здесь произвола и позволяют строить жизнь на разумных началах.

Выходит, при помощи нормативности можно не просто «регулировать», но и достигнуть *всеобщности и постоянства* данного общественного порядка. И следовательно, возникает возможность слаженного функционирования сообщества людей (существ разумных, но таких разных, часто непредсказуемых, порой необузданных в своей «разумности», увлечениях и страстях) — функционирования как *единого целостного организма* и к тому же функционирования *непрерывного и постоянного во времени*. Не правда ли, в отношении права, юридических норм есть основания утверждать (такого мнения придерживается автор этих строк), что сам по себе феномен «норма», а тем более «норма права», представляет собой *продукт разума* — важнейший элемент человеческой культуры?

Обратимся к другой особенности права — о п р е д е л е н н о с т и прав и обязанностей. Именно право — смею сказать, только право из всей массы разнообразных «регуляторов», обычаев, морали и т.д.! — *способно* обеспечить строгую определенность в наш бурный век — определенность всего того, что для каждого человека в самых разных жизненных ситуациях «можно», а что «нельзя», т.е. что то или иное лицо делать «вправе», а что «не вправе».

Право потому может быть охарактеризовано в качестве эффективного, во многом незаменимого регулятора, что юридические нормы позволяют точно определить, что такие-то и такие-то вопросы решает государство, должностные лица. А такие-то и такие-то вопросы человек может решать сам, по своей воле. И что эта сфера строго определена и забронирована именно за данными лицами и им ни у кого на этот счет не нужно испрашивать разрешения. И есть участки жизни, где все же нужно получить разрешение от власти (например, для того чтобы приобрести статус индивидуального предпринимателя либо «юридического лица»; или уже в другой области отношений — занять, допустим, в пригородной местности участок земли под дачу). А здесь уже все, нередко до деталей и мелочей, должно быть расписано. В частности, и то, как и когда разрешение на получение земельного участка под дачное строительство может быть не дано и какие возможности имеет человек для того, чтобы и здесь добиться законной справедливости. Еще более это необходимо в областях жизни, где господствует принцип «нельзя», в особенности при ответственности за преступ-

ления, а также в областях жизни, касающихся государственных дел – налогов, призыва молодых людей в вооруженные силы, таможенного контроля, санитарного надзора.

Почему именно право способно достигнуть высокой определенности в правах и обязанностях? А потому, что оно выражается в законах (иных нормативных актах), которые – обратим внимание на этот момент – представляют собой *письменные* документы. Стало быть, здесь не просто слова, фразы, пожелания и требования, а строго в письме зафиксированные формулы (которые не «вырубишь топором»), по канонам законности – с отработанным текстом, при необходимости – с формальными критериями, цифровыми показателями. Причем все это фиксируется в официальном документе, который освещается и поддерживается авторитетом и силой власти.

Вот перед нами принятый летом 1998 года Федеральный закон о народных предприятиях (он называется «Об особенностях правового положения акционерных обществ работников (народных предприятий)» – «Собрание законодательства РФ». 1998. № 30. Ст. 3611). В нем в статье 2 устанавливается, что в народное предприятие может быть преобразована «любая» коммерческая организация, и тут же вносится определенность: «...за исключением государственных унитарных предприятий, муниципальных унитарных предприятий и открытых акционерных обществ, работникам которых принадлежит менее 49 процентов уставного капитала». Или – в статье 6 сказано: «Один акционер народного предприятия, являющийся его работником... не может владеть количеством акций народного предприятия, номинальная стоимость которых превышает 5 процентов уставного капитала народного предприятия». Словом, здесь, благодаря приведенным и многим другим положениям закона, при решении жизненных ситуаций, возникающих при образовании и функционировании народных предприятий, есть типовые решения – строгие, по ряду вопросов математически, «в цифрах» определенные критерии.

ОСОБЕННОСТИ права как мощного, целесообразного и эффективного социального регулятора с самых древнейших времен использовались государством. Более того, государство во многом и «породило» право. Государственная власть потому и вводит в жизнь и поддерживает своей принудительной силой определенную группу норм (юридических), что эти нормы оказались лучшим инструментом для выполнения задач государства. Прежде всего для обеспечения требуемой организованности, дисциплины, порядка, необходимых для

любого общества. И в то же время — для выполнения особых, групповых, классовых задач в интересах людей, обладающих государственной властью, в интересах их групп, кланов, классов.

И тогда, при подчинении государства групповым, классовым задачам, право, которое по своему предназначению призвано оградить общество от хаоса и произвола, само, увы, — и это характерно для неразвитых государств, диктаторских, авторитарных режимов — в значительной мере становится выражением и носителем произвола, своеволия определенных слоев, групп людей, порой — одной властвующей персоны. Такого рода своеобразные «повороты» в реальной жизни права и послужили основой для выводов ортодоксальных марксистов о том, что право вообще является «возведенной в закон волей господствующих классов» (с добавлением, в общем правильным, что сама эта воля определяется материальными условиями жизни этих классов).

3. Новая грань

А СЕЙЧАС ВНИМАНИЕ! На первый взгляд может сложиться впечатление, что право — это все же не более чем некое «механическое устройство», «машина» каждодневного, постоянного воспроизводства существующих отношений, «агрегат» порядка и дисциплины, который к тому же в основном используется государством, властью. Что-то сугубо механическое, чуть ли ни техническое, а порой к тому же во многом представляющее собой всего лишь ширму для своеволия властей. И этот «агрегат» как будто бы не имеет прямого отношения к человеку, личности, ее интересам, ее положению в обществе. Ведь даже самая тираническая, античеловеческая власть тоже с помощью «своих» законов, нередко лицемеря в общих формулах и декларациях, стремится все же добиться и добивается «своего» порядка, «строжайшей дисциплины»!

Но вовсе не случайно указанные особенности права названы *достоинствами*, притом — уникальными. Право, благодаря этим особенностям при реализации своих функций по обеспечению организованности и дисциплины, *порождает одновременно поразительный, неожиданный эффект*. Эффект, который является неизбежным следствием такого реального, практического использования права как нормативного, определенного по содержанию принудительного регулятора и который одновременно свидетельствует о его новых, весьма важных гранях.

Прежде всего такой эффект связан с н о р м а т и в н о с т ь ю права, с нормами (которые, напомним, сами по себе – явления поразительные). Ведь действие норм, т.е. общих правил, тем более общих правил, выраженных в законе, само по себе означает, что те или иные требования и положения *одинаково распространяются на всех* – на заранее неопределенный круг лиц, подпадающих под действие нормы.

Одно дело, например, когда властвующее лицо предписывает в индивидуальном порядке: «Петр обязан возместить убытки Иосифу за вред, причиненный его посевам». И принципиально иное дело, когда устанавливается норма, общее правило: «всякое лицо, причинившее вред посевам, обязано возместить убытки хозяину» или правило еще более общего характера: «всякое лицо, причинившее вред другому лицу, обязано возместить убытки». В последнем случае Петр также будет нести ответственность перед Иосифом. Но наряду с этим по данному кругу вопросов (возмещение убытков за причиненный вред) наступает неизбежное следствие от самой по себе нормативности. Все лица – и это благодаря именно эффекту нормы! – оказываются в *равном положении*.

Стало быть, само по себе действие норм (и чем более высок уровень их «общности», тем во все большей мере) утверждает начала равенства между лицами. И отсюда – в обществе, даже при отсталых, реакционных и тиранических режимах, в какой-то мере (пусть и в самой малой) утверждается принцип одинакового подхода к людям, «равных мер», «равновесности» в их правах, обязанностях, ответственности. Впрочем, как и все в нашей жизни, те или иные «+» сопровождают известные «–», и потому надо держать в памяти и такого рода ситуации, когда при определенных хитроумных государственных построениях принципы юридического равенства оказываются реально действующими в отношении только «подданных» – людей подневольных, крепостных и полукрепостных людей (нечто похожее наличествовало как раз в советском обществе).

Не менее существенное значение (притом опять-таки для человека, для личности) имеет и другая, казалось бы, «техническая» особенность права – о п р е д е л е н н о с т ь прав и обязанностей.

На это обратил внимание дореволюционный специалист по гражданскому праву – Иосиф Алексеевич Покровский¹. Наряду с призна-

---

¹ Не так давно издательство «Статут» переиздало его книгу «Основные проблемы гражданского права» (353 с.) с прекрасной вступительной статьей профессора А.Л. Маковского под названием «Выпавшее звено» (там же. С. 3–32). Не сомневаюсь, читатель,

нием важности нормативности он выдвигает на первое место среди достоинств права именно его способность вносить в нашу жизнь *необходимую определенность!* Вот что пишет русский правовед: «Одно из первых и самых существенных требований, которые предъявляются к праву развивающейся человеческой личности, является требование о п р е д е л е н н о с т и правовых норм». И дальше следует такая мысль: определенность права все более «с т а н о в и т с я в о п р о с о м с а м о й л и ч н о с т и. Индивид, поставленный лицом к лицу с обществом, государством, имеет право требовать, чтобы ему было этим последним точно указано, чего от него хотят и какие рамки ему ставят. Логически это право на определенность правовых норм есть одно из самых неотъемлемых прав человеческой личности, какое только себе можно представить; без него, в сущности, вообще ни о каком «праве» не может быть речи»¹.

И здесь еще такой момент, связанный с «самой начальной», исходной особенностью права — его *властностью, принудительностью*. С тем, что право в государстве *действует как закон* (юристы называют его «объективным правом» или «позитивным правом»), и с тем, что юридические нормы обеспечиваются и гарантируются, как мы видели, самой мощной силой в обществе — принудительной силой государственной власти.

Отсюда вытекает, что и определенность права, и его нормативность приобретают качество *прочности, надежности*. И следовательно, прочным, надежным становится правовой порядок в обществе. Обстоятельство — исключительной важности не только для общества в целом, но также опять-таки для каждой личности.

И по этому вопросу возьмем на заметку слова профессора И.А. Покровского: «Если первым требованием развивающейся личности к правопорядку является требование определенности права, то вторым является требование его п р о ч н о с т и. Впрочем, — продолжает русский правовед, — оба требования тесно друг с другом связаны: они оба — только две стороны одной и той же естественной и «неотъемлемой» потребности индивида иметь свое ясное и определенное место в жизни целого социального организма»².

И тут еще одна оговорка уже со стороны автора этой книги. Определенность прав и обязанностей, наличие ясного места в жизни обще-

---

обратившись к этой замечательной книге, получит истинное удовлетворение от знакомства с основательным научным исследованием по праву.

¹ Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. М.: Статут, 1998. С. 89.

² Там же. С. 106.

ства опять-таки могут быть, например, при тираническом строе всего лишь «определенностью» и «ясностью» в общем-то подневольного человека со скромным набором прав, зависимого от чиновников, статусом подданного, должного подчиняться воле всевластного правителя. Впрочем, это именно оговорка, которая не умаляет отмеченные достоинства права как нормативного регулятора, способного внести в жизнь людей необходимую определенность.

НОВЫЕ ГРАНИ действия права, его «поворот» к человеку, к личности (пусть еще не во всем достаточно завершенные, не всегда и не во всем на практике срабатывающие в интересах человека) обуславливают необходимость более основательного, более развернутого понимания права и принципа законности. Казалось бы, попутное, побочное, а в действительности весьма социально глубокое действие права как нормативного регулятора порождает ряд существенных выводов. Эти выводы затрагивают жизнь общества в целом, но они касаются и самого права, понимания его природы и миссии.

Один из таких выводов – эта сама возможность признания права в качестве *особого и суверенного* явления в обществе (а не в виде некоего придатка, чуть ли не «отростка» государственной власти). И следовательно, коль скоро юридические нормы по самой своей природе предполагают, что они в принципе одинаково распространяются на «всех», означает и возможность того, что норма права может включать в орбиту своего действия также и «саму» государственную власть.

Выходит, право в принципе далеко не во всем «инструмент государства», а в каком-то отношении может (и должно) быть вовсе не «инструментом». Для права, в большой степени зависимого от власти (иначе невозможны его принудительность, общеобязательность), одновременно намечается встречная зависимость. Со своей стороны и государство, его органы и должностные лица могут (и должны) быть подконтрольны праву, призваны подчиняться действующим юридическим нормам. Отсюда – сама возможность понятия «правовое государство». Да и просто-напросто необходимость соблюдения государственной властью действующих юридических порядков, норм и процедур. Даже самых простых, элементарных.

Хотя – надо заметить – и тут полной завершенности еще нет. Речь идет только о *возможностях* (в том числе возможностях образования «правового государства»), что решающим образом зависит от условий и обстоятельств экономического и политического порядка, да и от развития самого права.

И ЕЩЕ ОДИН ВЫВОД общего порядка.

Глубокое, «социальное» действие права (даже в пределах его особенностей, относящихся в основном к обязанностям и ответственности) открывает его новые грани, которые обуславливают необходимость более основательного, более развернутого понимания принципа законности. В частности, того, что принцип законности наряду с требованием строгого, неукоснительного исполнения юридических обязанностей и ответственности охватывает и ряд других жестких, императивных требований.

Это — прежде всего требование *верховенства закона* (так как именно законы, а не любые нормативные документы «задают» порядок строжайшего соблюдения и исполнения юридических норм; кроме того, они, законы, касаются правового положения личности, да и самой государственной власти, их правовых возможностей — того, что они «вправе» делать, как они «вправе» поступать).

Оказывается также, что важнейшим из элементов законности является требование равенства *всех субъектов перед законом* (и надо добавить — *перед судом* — обстоятельство в высшей степени важное для права англо-американской группы, где источником права является судебный прецедент).

Наряду со всем этим законность, что и подметил русский правовед, должна быть вообще как бы «развернута» на личность, на ее высокое положение в обществе, ее правовые возможности. Здесь начинает вырисовываться еще ряд требований — пусть и на уровне всего лишь возможностей, которые с необходимой определенностью раскрылись в ходе демократического развития общества, утверждения в нем последовательно гуманистических начал. Ближайшим же образом они начали обозначаться при утверждении в правовой и во всей социальной жизни категории — *субъективное право*.

Впрочем, это — уже особый разговор. А сейчас важно еще раз сказать о том, как новые элементы законности с новых сторон подчеркивают значение права в жизни людей, его социальную ценность.

Конечно, в соответствии с господствующим ныне правосознанием существуют ценности более высокого порядка — высшие моральные и духовные ценности. Для людей, исповедующих те или иные мировоззренческие учения, они связываются с демократическими и гуманистическими ценностями, с известными идеалами, религиозными верованиями. Есть духовный мир каждого человека, его собственное понимание счастья и путей его достижения.

Но ведь *прежде всего* в нашей людской жизни должны утвердиться простые людские законы, принцип законности! Прежде всего в качестве

первейшего условия «для всего другого», возможно, и впрямь более высокого, в общественной жизни на основе законов должен быть установлен единый, обязательный для всех, строго определенный порядок! И тем более такой порядок, который развернут на человека, на его определенное, достойное и прочное место в обществе, во всем общественном организме.

И вот какая сторона самого явления, обозначаемого словом «законность», представляется особенностью первостепенной важности. Это *абсолютность* законности. Здесь действует принцип «или-или». *Или* безусловная, не знающая никаких изъятий и отступлений одинаковая для всех законность. *Или* законности нет вообще. Малейшее, самое будто бы вполне оправданное по соображениям морали или целесообразности отступление от строжайшего соблюдения и исполнения действующих юридических норм приводит к страшной беде – *разрушению законности вообще*. К легализации произвола, самодурства власти. Ибо коль скоро *раз* сделано «отступление» и «изъятие», возникает ситуация, когда оказывается допустимым делать подобные «отступления и изъятия» *всегда*, как заблагорассудится, по вольному усмотрению (находить оправдательные ссылки в этих случаях для нас, людей, особенно юристов, обслуживающих власть, придворных юристов, — дело легкое и привычное).

Здесь, впрочем, возникают трудные, не сразу решаемые проблемы. Например, как быть в случаях, когда закон устарел или явно нецелесообразен. Не касаясь всех тонкостей этой действительно сложной проблемы, выскажу такое общее соображение об оптимальном, на мой взгляд, ее решении. *Сам факт нарушения любого закона* (как бы мы ни осуждали его по мотивам «устарелости» или «нецелесообразности») *должен быть зафиксирован в с е г д а*, но вот применение последствий за такого рода нарушения, например использование карательных санкций, должно следовать по существующим юридическим процедурам *не всегда*. К тому же фиксация факта нарушения закона и одновременно неприменение или «сдержанное» применение судом юридических санкций — это само по себе «тревожное» обстоятельство, и оно должно быть основанием для того, чтобы в практическом порядке началось рассмотрение вопроса об обоснованности закона, о необходимости его отмены или внесения в него изменений.

4. А суть, «изюминка» все же в другом

А СЕЙЧАС — новый поворот или новая ступень в понимании этого сложного социального явления, которое именуется словом «право».

Здесь придется обратиться к истории.

Дело в том, что концентрация внимания при освещении права на юридических обязанностях и ответственности не только отражает широко распространенные сейчас и во многом верные представления о «юридической материи», но и имеет свои исторические корни. Долгие-долгие века, вплоть до новейшей истории, право (в виде законов, судебных прецедентов, обычаев) отличалось в условиях неразвитой государственности в основном *предписывающим* и *запретительным* характером и действительно в реальной жизни выступало главным образом в виде запретов, обязательных предписаний, юридической ответственности.

«Права» же отдельных индивидов при таком подходе к юридической действительности представляют собой по сути дела лишь некое продолжение или особый элемент обязанностей и ответственности — всего лишь «права требовать» исполнения обязанностей, «притязания», иной раз — «привилегии».

Новая эпоха в истории человечества, открытая в условиях возрожденческой культуры и идей Просвещения Великой французской революцией, потребовала *нового понимания права в о о б щ е*.

Почему потребовала?

А потому, что в соответствии с данными современной науки новая эпоха в истории человечества — это эпоха перехода человечества от традиционных «силовых» цивилизаций к цивилизациям либеральным. То есть переход от порядков и культуры, основанных на всемогущей власти и насилии (с их императивными предписаниями, запретами, ограничениями), к порядкам и культуре, в центре которых человек, демократические и гуманистические ценности.

Очевидно, что для истинно человеческих цивилизаций нужен новый правовой порядок. Или, точнее, полное раскрытие особенностей права *как права*. И, стало быть, такой правовой порядок, в котором наряду с необходимыми обязанностями и запретами первостепенное значение приобретают *юридические дозволения*. Или, иными словами, *субъективные права*.

Это значит, что то или иное лицо не просто «вправе» что-то делать, как-то поступать (такое «вправе», пусть и очень ограниченное, есть у любого подневольного, при любом режиме власти). У того или иного лица в соответствии с категорией «субъективное право» должна быть на основе действующей системы юридических норм (законов) также и *своя собственная основа* для поведения, *не зависящая от усмотрения власти*. Свое право собственности, отличающееся абсолютностью, неприкосновенностью, свое право свободно заключать любые договоры, свое право на возмещение причиненных другими лицами

убытков. Без этого, т.е. «не обладая субъективными правами, – пишет И.А. Покровский, – личность физическая, т.е. индивид, никогда не могла явиться полным господином своих сил и способностей, никогда не могла бы стать необходимым действенным агентом культурного и экономического прогресса». И отсюда – «никакой правопорядок не может обойтись без признания человека как такового... субъектом прав и без предоставления ему прав в субъективном смысле как необходимого средства для осуществления индивидуальной самостоятельности и самоутверждения»¹.

В юридической науке, особенно в XIX–XX века, и на практике понятие «субъективное право» было распространено вообще на все правоотношения, в том числе на права требования по выполнению юридических обязанностей вообще. Например, по выполнению обязательств в гражданском обороте, допустим, на те права требования, которые могут предъявить друг другу арендодатель и арендатор по договору аренды. Такое распространение указанного понятия на все правомочия имеет свои резоны. Скажем, право требовать от работодателя своевременного и полного выполнения своей обязанности по выплате заработной платы – это тоже важное право работника, ничуть по своей важности не уступающее – как показывает реальная жизнь современной России – другим правам гражданина. Тем не менее с юридической стороны «права требования» все же – как это признано в юриспруденции – являются *относительными* правами: они лишь средство для того, чтобы другим лицом исполнялись обязанности. Субъективные же права в строгом, точном значении – это права, определяющие статус субъекта, его положение во всем социальном организме; они отличаются известной *абсолютностью* – являются «собственной», не зависящей от усмотрения власти основой для свободного поведения, индивидуальной самостоятельности, самоутверждения, предприимчивости, творчества.

В связи со значением субъективных прав в юридической области потребовалось внесение известных коррективов в юридическую терминологию.

Субъективное право или *право в субъективном смысле* – это юридические возможности данного лица, субъекта. Его собственная основа для свободного поведения (опирающаяся, понятно, на правопорядок данной страны, на законы, судебные решения).

В тех же случаях, когда речь идет о праве в значении близком к понятию «закон» (т.е. о нормативном регуляторе, системе общеобяза-

---

¹ Покровский И.А. Указ. соч. С. 207, 112.

тельных юридических норм), в том числе о праве того или иного государства в целом, используется термин *объективное* право. «Объективное» — в том смысле, что действующая система общеобязательных юридических норм, определяющих, кто и что «вправе» или «не вправе» делать, поступать, существует и функционирует как внешняя объективная реальность, не «привязанная» к тем или иным конкретным субъектам, лицам. Такая же реальность, как «государство», «мораль», «церковь».

ХОТЕЛОСЬ БЫ обратить внимание на то, что крупные изменения в мире права, выраженные в категории «субъективные права», имеют глубокие основания в жизни общества. Они представляют собой одну из существенных сторон самого крупного, поистине великого в истории человечества перелома — перехода от традиционных, «силовых» цивилизаций к цивилизациям либеральным, к эпохе глубокой модернизации, формирования гражданского общества, свободной рыночно-конкурентной экономики и связанного со всеми этими процессами демократического переустройства общественной жизни.

Переход от традиционных к либеральным (персоноцентристским) цивилизациям может быть охарактеризован, по утверждению ряда видных ученых, в качестве общей, глобальной, всеисторической закономерности развития человеческого общества¹.

И пусть никого, даже с учетом многообразия философских воззрений на развитие общества и существующих предубеждений, не смущает словосочетание «либеральные цивилизации» — термин, который на практике действительно в немалой степени дискредитирован в России в связи с самоприсвоением этого имени авторитарно-националистической партией и, увы, во многом в связи с неудачами «либеральных реформ».

---

¹ Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта. Т. 2. М., 1991. С. 332–333. Весьма симптоматично, что идея общего глобального перехода человечества к либеральным цивилизациям является такой, которая, как говорится, «висит в воздухе», находит в различных теоретических построениях и словесных формулировках признание в разработках многих мыслителей. Она, как мне представляется, быть может, под несколько иным углом зрения, в иных ракурсах представлена также во взглядах А. Бергсона о «закрытом» и «открытом» обществах, особенно в его воззрениях на демократию, которая «приписывает человеку нерушимые права», причем так, что в каждой фразе Декларации прав человека слышен протест, «вызов, брошенный какому-то злоупотреблению» (Бергсон А. Два источника морали и религии. М., 1994. С. 305, 306). По всем данным, приведенные суждения вполне распространяемы на разграничение культур на социо(системо-)центристские и персоноцентристские, на ряд других философски обоснованных характеристик развития человеческого общества.

Это словосочетание вполне можно заменить словесным аналогом, характеризующим современное цивилизационное развитие, – *модернизацией* общества. Дело в том, что модернизация общества после долгих веков существования традиционных, азиатских и средневековых обществ состоит как раз в том, что разум и свобода человека – а это и есть либеральные начала! – становятся основой и стержнем прогресса, поступательного, восходящего развития человечества. Иначе говоря, человечество, преодолевая всеохватное доминирование в общественной жизни насилия, власти и канонизированной религии, вступает в условия *гражданского общества*, в центре которого – человек и в котором как раз получают реализацию разум и свобода человека.

Формирование современного гражданского общества (и значит, реальная модернизация, вхождение в цивилизацию либерального типа) – исторически неизбежный процесс, который первоначально нашел выражение прежде всего в таких направлениях демократического переустройства общества, как формирование в конце XVIII века североамериканской демократической государственности и конституционно-правовых принципов Великой французской революции.

Вместе с тем оба указанных исторических свершения стали важными шагами демократии к новым государственно-правовым реальностям. Первое (формирование североамериканской демократической государственности) реализовалось в Конституции США 1787 года, скрупулезно, буква в букву воплотившей идею разделения властей в трактовке Ш. Монтескье, а позже – в поправках, образовавших особый «билль», закрепивший ранее продекларированные права и свободы человека. Второе (обретение принципами свободы непосредственно конституционно-правового значения) реализовалось в Декларации прав человека 1789 года и во французской Конституции 1791 года, возвысивших права человека, другие правовые начала свободы до высокого конституционно-правового уровня.

Общим же знаменателем этих процессов и их единым «юридическим выражением» стало как раз становление такого объективного права, смыслом и сутью которого выступают субъективные права, создающие, если угодно, «культ и самодостаточность человека», гарантированный простор для собственной активной деятельности людей, реализации их разума и свободы, а значит, их творчества, инициативы, дерзаний, предприимчивого дела.

И ВОТ В НОВОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЭПОХЕ объективное право, оставаясь выражением и средством обеспечения организован-

ности, порядка и дисциплины в обществе, стало вместе с тем все более раскрываться как *исконная обитель свободы людей, свободы каждого индивида*. А это значит, что право связано не только с простыми и необходимыми условиями жизнедеятельности человеческого сообщества (организованностью, порядком, дисциплиной), но и с самими основами и сутью бытия людей как существ разумных и свободных. Оказывается, что человек именно через право реализует возможности и силу разума — свою исключительную и поразительную (по самым высоким мирозданческим меркам) способность постигать окружающий мир, предвидеть, оценивать, принимать решения и эти решения претворять в жизнь. То есть быть творцом, созидателем, импульсом и активной силой в развитии действительности. И в этой связи одновременно — не только превращать в реальность и предназначение существования человека, но и получать высшее удовлетворение от своей жизни и деятельности, самое высшее жизненное счастье.

Главное же здесь, в области реализации возможностей разума и свободы человека, именно право выполняет свое, надо полагать, высшее предназначение. Свою, если угодно, историческую, мирозданческую миссию. Дело в том, что разум и свобода — величайшие, ни с чем не сравнимые блага. Они абсолютны во внутреннем мире человека как основа самых высоких духовных, моральных (по философским понятиям — «трансцендентных») ценностей добра, совести, веры. Но в практической жизни, в области внешних отношений они существуют и проявляются в сложной среде, в переплетении интересов и страстей, конфликтов и противоборств, соблазнов и слабостей человеческой природы. И потому они наряду с великими проявлениями активности и творчества, достижениями человеческого духа и свершениями могут выступить и на поприще зла, ненависти, темных страстей, соблазнов, вакханалии порока.

И вот в нашей земной, конечной для каждого и грешной жизни нет, кроме права, иной общественной формы, нет иной системы регуляции, которая по своим особенностям, качествам и свойствам была бы приспособлена для того, чтобы *в сфере внешних практических отношений «обратить» возможности разума, свободы человека в творчество и созидательную активность*. Ни морали, ни обычаям, ни нормам самодеятельных общественных объединений не дано сделать то, что «может» право и что требуется от общественных форм и систем регуляции на данном пусть и прозаическом, но по реалиям нашего земного бытия — ключевом участке жизни людей.

А именно: только право (в своем отработанном, развитом виде) обладает особенностями (вспомним – принудительность, нормативность, определенность), позволяющими выполнить двуединую задачу:

во-первых, *определять и сохранять границы свободы*; причем такие границы, которые во взаимосвязи со свободой всех других людей обозначают необходимый простор для самостоятельной деятельности человека и за пределами которых свобода человека становится в сущности «антисвободой» – разгулом вседозволенности, вольницей, произволом, хаосом своеволия;

и во-вторых, *оснащать свободу человека действенными средствами и механизмами, позволяющими делать свободу человека реальностью*; принудительный закон, правосудие, всевозможный юридический инструментарий, направленный на обеспечение порядка и законности, – весь обширный комплекс юридических средств и механизмов позволяет – и во многом *только он* позволяет – в сложных, противоречивых условиях жизни людей, наполненной сталкивающимися интересами, побуждениями, страстями, антагонизмом, противоборством, реализовать свободу человека в ее позитивных значениях в практической жизни, и притом так, чтобы свобода каждого не ущемляла, не умаляла свободы всех других людей.

А это значит, что начиная с эпохи, открытой Просвещением и Великой французской революцией, объективное право все более утверждается именно как *право в самом точном и строгом смысле этого слова*. То есть право как *субъективные права*, как обитель и механизм реального утверждения в жизни прав людей (вновь и вновь приходится удивляться тому, что язык людей каким-то непостижимым образом во многих случаях сразу же «схватывает» самые затаенные, глубокие тайны обозначаемых словами предметов, явлений, процессов).

В конечном счете обнаруживается то, что, казалось бы, должно быть ясным с самого начала. То, что право выступает *не только* в качестве одного лишь инструмента власти, который «дозволяет» или «не дозволяет», предусматривает – кто и что «вправе» или «не вправе» делать, как поступать (при всей важности, скажу вновь, этой стороны юридического регулирования). В системе юридических норм, выраженных в законе, прецедентах, начинают приобретать все большее значение *нормативные основы и государственно-нормативные гарантии субъективных прав в указанном ранее значении*. Субъективные права становятся своего рода доминантой объективного права – тем звеном юридического регулирования, которому суждено быть его центром в совре-

менной эпохе. И тогда объективное право становится (пусть и с опорой на власть) *самостоятельной основой свободы, активности и творчества каждого человека.*

Именно так о праве размышлял один из самых замечательных философов — Иммануил Кант. Из его размышлений следует, что именно на право выпала историческая миссия в правовом гражданском обществе. А именно: так обеспечивать свободу людей, когда «самым точным образом определены и сохраняются границы» этой свободы, причем в той мере, в какой она могла бы сочетаться со свободой других¹. Да и вообще, с точки зрения философа, перед нами в данном случае — *«право людей, находящихся под публичными принудительными законами, с помощью которых можно определить каждому свое и оградить его от посягательств каждого другого»*².

И такой еще вывод. Вспомним, что право является социальным регулятором, при помощи которого социальная система изо дня в день воспроизводит существующие отношения, утверждает их в тех параметрах, которые заданы в законах, во всей системе юридических средств и механизмов. Но это воспроизводство — как нужно добавить теперь — касается не только самих по себе порядка и дисциплины в общественной жизни, обязанностей и ответственности, но и *состояния и содержания свободы человека в обществе.* Объективное право, следовательно, *призвано быть обителью, хранителем и гарантом на настоящем и будущее свободы людей.*

Таким образом, право, раскрыв свои потенции (в основном через категорию субъективного права), оказалось именно тем социальным институтом, который как бы был приурочен Историей для нового времени, — в высшей степени необходимым качественно новой эпохе развития человечества. Необходимым и с точки зрения обеспечения необходимой организованности в общественной жизни, и с точки зрения нового видения права через категорию «субъективные права». В этой новой эпохе развития человечества право стало важнейшей составной частью всей социальной системы, построенной на свободе людей, — основой всего гражданского общества, которому суждено теперь стать также и правовым.

И вот теперь, думается, всем должен быть очевиден ответ на вопрос, прозвучавший в начале этой главы, почему «право» ныне стало некой модой, явлением престижным. В чем-то даже ослепляющим

¹ Кант И. Сочинения на немецком и русском языках. Т. 1: Трактаты и статьи (1784–1796). М., 1994. С. 95.

² Там же. С. 281.

людей. Да так, что правовые декларации и лозунги порой становятся безотказно действующим прикрытием порядков, построенных на произволе власти. Происходит это, как следует из предшествующего рассказа, потому, что слова «право», «правовое» – символы знаковые, отвечающие глубоким потребностям человека. Сами эти слова – знак приверженности авторов деклараций и лозунгов к передовым человеческим ценностям, демократии и гуманизму. А как же в этом случае быть с фактами иного рода? Что же, для них имеются расхожие формулы – «отдельные ошибки», «недостатки», «кое-где порой»...

В НОВОЙ ЭПОХЕ наметились качественные перемены и в самом праве.

Главное, оно из придатка власти («права власти») начало обретать *особое, самостоятельное место* в социальном организме, притом с такими функциями и такой силой, которые способны упорядочить и «обуздать» саму власть, что и предопределяет саму возможность такой организации общественной жизни, когда оказывается возможным говорить о «правовом государстве».

Далее. Право (в особенности в связи с его исключительным, не имеющим альтернативы значением для утверждения свободы в обществе) стало претендовать на *верховенство* во всей системе социальных регуляторов в области внешних, практических отношений. И право начало проявлять себя как нечто более значительное, чем даже такие ведущие для людей регуляторы, как религиозные императивы и принципы морали, нравственности. В Европе уже фактически утверждается понятие «правовое государство», в условиях североамериканской государственности, в США, еще более значимое для права понятие – *rule of law* («правление права»).

В этих условиях обогащается и понятие законности.

Наряду с требованиями строжайшего исполнения обязанностей и ответственности (а также верховенства закона, равенства всех перед законом и судом, все большим «разворотом» к личности) и абсолютностью законности, наряду со всем этим в самом понимании законности утверждается новое требование – *обеспечение субъективных прав* – условий, средств и механизмов для их беспрепятственной, полной и точной реализации. Уже здесь был заложен первый кирпичик такой трансформации и возвышения законности, когда она при дальнейшем гуманитарном развитии гражданского общества приобретает характер *п р а в о з а к о н н о с т и*.

И ВСЕ ЖЕ при всей важности рассмотренных особенностей права рано ставить точку на одной лишь их характеристике. Рано подводить черту и обращаться к проблемам нашей сегодняшней российской действительности (а в этом заключается основное содержание книги).

Да, право – институт обеспечения организованности, порядка, дисциплины. Да, право – обитель свободы людей. Да, праву свойственно уникальное, не имеющее альтернатив назначение – определять границы свободы и сосредоточивать механизмы, способные делать эту свободу реальной.

Но если не идти дальше одних лишь этих характеристик, то окажется, что достоинства права довольно ограничены. Право при том «наборе» его особенностей, о которых ранее говорилось, может с успехом служить авторитарным режимам, далеко не всегда способствующим прогрессу общества.

И это многократно доказано историей, фактами нашего бытия и в прошлом, и в настоящем. Порядок и дисциплина, устанавливаемые действующим правом (законом), могут быть полицейскими, репрессивными. «Обитель свободы», и опять-таки «по закону», может быть рассчитана только на сильных мира сего, на властвующих персон. И в таком же плане могут определяться «границы свободы» и тем более – реальное действие юридических механизмов обеспечения свободы людей, даже выраженных в субъективных правах. Увы, и при таких «границах» и при таких «юридических механизмах» могут с успехом функционировать «диктатура административного закона», директивная экономика, существовать бесправие людей.

Так в чем же дело? Только ли в гуманизме и прогрессивности правителей, в одних лишь экономических и политических условиях?

Нет, не только.

Дело и в самом праве. В том, что право – для реализации своего исторического предназначения – должно:

во-первых, функционировать в гармоничном единении двух своих главных сфер – публичного и частного права;

во-вторых, обрести новое качество – стать правом, которое прямо целеустремлено на служение человеку.

Ключевые пункты здесь – с одной стороны, существование этого удивительного, как, надеюсь, увидит читатель, феномена – *частного права*, а с другой – становление принципиально нового явления в юридическом мире – *права человека*.

Об этом и пойдет речь в следующих разделах книги – о частном праве (глава вторая), о праве человека (глава третья).

ГЛАВА ВТОРАЯ ЧАСТНОЕ ПРАВО

1. Публичное и частное право

ДЛЯ ЧЕЛОВЕКА, не знакомого с тонкостями юриспруденции (особенно у нас, в России, читателю потом станет ясно почему), выражение «частное право» может вызвать по меньшей мере недоумение и, пожалуй, даже неприятие.

В самом деле, право — и это подчеркивалось с первых же страниц книги — представляет собой институт официальной, государственной жизни общества. И право в этом отношении имеет *публичный характер*. То есть оно исходит от всего общества, от государства в целом, признается обществом и государством в качестве безусловно обязательного, императивного в жизни общества и каждого гражданина. А тут, видите ли, «частное», да еще и «право». И в какой мере уместно здесь говорить — в сопоставлении с «частным» — еще и о некоем «публичном праве», когда в действительности все право, право в целом, представляет собой явление публичного порядка?

Добавим сюда усиленно внедрявшееся в условиях советского общества недоверчивое и даже презрительное отношение ко всякому «частному» — поприщу эксплуататоров, спекулянтов, кустарей, единоличников и мироедов-кулаков. И когда речь заходит о «частном праве», может возникнуть предположение — не закоулки ли это нашей жизни, удел «теневиков» и наркodelьцов? И не область ли это для проделок всякого рода оборотистых и наглых «реформаторов», которые вознамерились теперь «приватизировать» также и закон, исконный институт государственной жизни?

Наконец, всем известно, что право той или иной страны, в том числе российское, подразделяется на отрасли — уголовное, гражданское, административное, трудовое, семейное и т.д. Каждая из этих отраслей имеет свой особый «предмет», отличается юридическим своеобразием (чтобы убедиться в этом, достаточно, например, сопоставить между собой уголовное и семейное право), основные нормы каждой отрасли закреплены, как правило, в особом законодательном документе — Кодексе. В практическом отношении для решения юридических

вопросов ничего другого, кажется, и не нужно. И может быть, вполне оправдано, что не так давно в советском обществе деление права на публичное и частное вообще отрицалось?..

МЕЖДУ ТЕМ деление права на публичное и частное с давних пор получило в мировой юриспруденции широкое признание. Оно рассматривается большинством правоведов в качестве очевидного и фундаментального для права.

И для этого имеются серьезные основания в самом строении права, характерные для национальных юридических систем. Особо наглядно они выражены в праве стран континентальной Европы, где при всей сложности и даже известной «перемешанности» публично-правовых и частноправовых норм довольно четко можно выделить публичное и частное право, порой прямо по видам законов, кодексов (например, Уголовный кодекс – публичное право, Гражданский кодекс – частное право). Но и в прецедентном, англосаксонском праве, праве США всегда те или иные прецеденты, иные источники могут относиться либо к публичному праву (например, прецеденты и обыкновения в деятельности парламента), либо к частному праву (прецеденты в области договоров, допустим, по ответственности за качество предмета договора).

О делении права на публичное и частное говорили еще философы античности. По словам Аристотеля, публичное право защищает то, что вредит обществу, а частное право – то, что вредит отдельным лицам. Это деление довольно строго было зафиксировано древнеримскими юристами. Знаменитый юрист Древнего Рима Ульпиан (II в. н.э.), приступая к изложению юридических вопросов, начинал так: «Изучение права распадается на две части: публичное и частное...» Характерно, что высокую общепризнанную оценку – оценку как непревзойденного шедевра правовой культуры – получило не все право Древнего Рима, а именно *частное* право. Сподвижник Маркса, его сотоварищ Энгельс писал с некоторым сарказмом о древнеримских юристах как о такой разновидности идеологов, которые разрабатывали «во всю ширь свое излюбленное частное право».

Деление права на «публичное» и «частное» в современной юриспруденции является своего рода исходным пунктом и общим местом – фактом, который хотя и нуждается в объяснении, но сам по себе очевиден. В то же время обращает на себя внимание то обстоятельство, что на известных этапах исторического развития (в условиях Средневековья, в советском обществе) указанное деление как бы уходило в тень, а порой и прямо отрицалось.

Любопытно в этой связи, что в Западной Европе в XVI–XVII веках потребность в развитии частного права, отвечающего требованиям нарождающегося капитализма, вылилась в поразительный исторический феномен, в возрождение или в восприятие (рецепцию) римского частного права, которое в Германии позднего Средневековья как бы возобновило свое действие. Оно так и называлось – «современное римское право» (*heutiges romisches Recht*). И еще более знаменательно, что в эпоху Просвещения, Великой французской революции именно частное право – через гражданские законы – резко возвысилось, стало одним из решающих факторов становления свободного гражданского общества.

ТАКОЙ ПОДХОД к праву, когда в нем выделяются публичное и частное право, действительно важен во многих отношениях. Ну, например, он важен для классификации правовых явлений, для их укрупненной группировки.

Здесь только нужно сразу же внести определенность по двум пунктам.

Во-первых, хотя право в целом имеет официальный, государственный и в этом отношении публичный характер, надо иметь в виду, что понятие «публичное» может употребляться и действительно употребляется в юриспруденции, в других гуманитарных науках также и в более узком значении. В таком более узком значении понятие «публичное» относится только к *части* права, которая касается непосредственно деятельности государства. В то же самое время признак «государственности» (и в этом смысле – «публичности», но уже в несколько ином, ранее указанном широком смысле) сохраняется и для всех других подразделений правовой системы, в том числе и для частного права.

И во-вторых, публичное и частное право – это не отрасли, а целые *сферы, зоны* права. Иногда говорят – *суперотрасли*. Они, по современным научным представлениям, охватывают (полностью или частично) определенные группы отраслей. К публичному праву относятся административное, уголовное, финансовое право, процессуальное право, во многом – земельное право, ряд других подразделений. К частному – гражданское право, а также – хотя и не всецело – некоторые другие подразделения. В юридической науке в этой связи говорят о целой системе частного права. По мнению видного российского правоведа Е.А. Суханова, в эту систему наряду с крупными частями гражданского права («общей частью», вещным правом, обязательственным пра-

вом, исключительными правами — «интеллектуальной» и «промышленной» собственностью, наследственным правом) включаются также семейное право, торговое (коммерческое) право, международное частное право¹.

Здесь, при помощи рассматриваемого деления, оказывается возможным представить общую картину всей правовой действительности, ее общие очертания, увидеть укрупненную группировку тех «частей», из которых складывается правовая система данной страны, право в целом.

Существуют и весьма определенные критерии для разграничения правового материала по двум указанным укрупненным рубрикам.

О них в общем виде говорил уже упомянутый ранее древнеримский юрист Ульпиан. По его словам, публичное право есть то, «которое относится к положению римского государства», частное право — «которое относится к пользе отдельных лиц» (*publicum nus est quod ad statum rei romanae spectat, privatum quod ad singulorum utilitatem*).

В современной юридической науке выработаны и более строгие критерии для разграничения публичного и частного права. Формальные критерии между границами этих двух правовых сфер — порой в практической юриспруденции весьма зыбкими, подвижными, стертыми реальной жизнью, законодательством и юридической практикой — обрисованы одной из отраслей юридических знаний — аналитической юриспруденцией довольно основательно и убедительно².

Из таких критериев наиболее существенное значение имеют следующие два.

П е р в ы й: для публичного права характерны отношения *власти-подчинения*, для частного права — отношения *юридического равенства* субъектов.

В т о р о й: публичное право построено на принципе *субординации*, частное право — на принципе *координации* воли и интересов участников отношений.

---

¹ Суханов Е.А. Система частного права // Вестник МГУ. Серия 11. Право. 1994. № 4. С. 26–30. С точки зрения Т.В. Кашаниной, в состав частного права входит семь подразделений — гражданское право, наследственное право, семейное право, авторское право, изобретательское (патентное) право, трудовое право, предпринимательское право с его «ядром» — корпоративным правом (Кашанина Т.В. Корпоративное право (Право хозяйственных товариществ и обществ). М., 1999. С. 36–41).

² Обзор литературы и разработку проблем публичного и частного права см.: Черпахин Б.Б. К вопросу о частном и публичном праве. Иркутск, 1926. В 1994 году эта работа переиздана Исследовательским центром частного права (см.: Черпахин Б.Б. К вопросу о частном и публичном праве. М.: Де-юре, 1994).

Эти критерии получили подробную разработку во многих трудах и зарубежных авторов, и наших, отечественных правоведов. Среди русских правоведов нужно отметить характеристику публично-го и частного права в труде И.А. Покровского «Основные проблемы гражданского права» (1917 г.), в работах М.М. Агаркова и Б.Б. Черепахина. Отметив особенности интересов субъектов в той и другой сферах (материальный критерий), Б.Б. Черепахин пишет, что в основу разделения права на публичное и частное должен быть все же положен формальный критерий, и подчеркивает в этой связи: «...*частноправовое отношение построено на координации субъектов, частное право представляет собой систему децентрализованного регулирования жизненных отношений*»¹.

Вместе с тем, учитывая приведенные критерии, нужно видеть и то, что сама эта классификация – деление права на «публичное» и «частное» – имеет в основном, так сказать, общее, принципиально юридическое значение, касается укрупненной группировки отраслей.

Дело в том, что в практической жизни, особенно на нынешних этапах развития общества, публичное и частное право во многих случаях оказываются как бы «перемешанными», в реальных жизненных отношениях довольно часто наличествуют разнопрофильные элементы, одни из которых относятся к частному праву, другие – к публичному (например, так называемые публичные договоры в гражданском праве: договоры, касающиеся розничной торговли, общественного транспорта, связи и др.; договоры частного права, но там есть и публично-правовые элементы).

Складываются даже целые правовые подразделения, комплексные образования, в которых в разных пропорциях присутствует одновременно и то и другое. Таковы, например, морское право, банковское право, хозяйственное право, предпринимательское право, корпоративное право. И хотя в каждом случае возможно определить, какие из такого рода элементов относятся к публичному праву, а какие – к частному, и даже определить, какие из них являются основными, базовыми (и то и другое в высшей степени важно по теоретическим и практическим соображениям), все же предельно строгой классификации, когда весь правовой материал полностью, исчерпывающим образом распределяется по «своим» полочкам, достигнуть здесь невозможно.

В этой связи представляется существенным сказать о том, что значение деления права на публичное и частное не только и, пожалуй,

---

¹ Черепахин Б.Б. Указ. соч. С. 35.

даже не столько классификационное. Это — деление *концептуального* порядка. Оно касается *самых основ права, его места и роли в жизни людей, его определяющих ценностей*.

ВОЗЬМЕМ в качестве примера два случая.

Первый случай — налоговые отношения и их юридическое регулирование. Уплата налогов является безусловной обязанностью граждан, имеющих доходы, обладающих имуществом. Обязанность уплаты, размеры и порядок внесения налогов устанавливаются законом. И только законом. Отношения по уплате налогов имеют императивный характер: желает — не желает налогоплательщик уплачивать налоги, желает — не желает налоговая инспекция дать какие-то послабления по налогам тем или иным лицам — все это юридического значения не имеет: существует у данного лица имущество, получены доходы сверх необлагаемого минимума — обязанность по уплате налогов возникает автоматически, прямо «по закону». При этом налогоплательщики, граждане и организации, каким-то образом повлиять на условия уплаты налогов не могут, не вправе (напротив, соглашения на этот счет с работниками налоговой инспекции — акт противоправный, влекущий юридическую ответственность для виновных). Они могут воспользоваться какими-то удобными для них условиями (например, уплачивать сумму налога не сразу, а в течение определенного срока). Или даже могут быть освобождены от уплаты налогов или уплачивать их в льготном порядке, но опять-таки лишь по основаниям, установленным законом, и плюс к тому — при особом решении по этим вопросам для каждого налогоплательщика компетентным должностным лицом налоговой инспекции.

Второй случай — покупка квартиры гражданином. Допустим, у предприятия, находящегося в ведении муниципальных органов города. Или — даже той же самой налоговой инспекцией. То есть и в данном случае участником складывающихся отношений как будто является государство с его обширными властными прерогативами. И здесь также есть законы, устанавливающие известные условия и порядки обязательств, связанные с покупкой квартир и вообще недвижимости, исполнением обязательств. И все же юридические отношения в этом случае — принципиально иные, нежели отношения в области налогов. Ибо хотя одной стороной при купле-продаже квартиры в данном случае является государственная (муниципальная) организация, пусть даже налоговая инспекция, последняя выступает в качестве «юридического лица», так сказать, частного субъекта, не обладающего никакими

преимуществами по сравнению с отдельными гражданами. И потому отношения по продаже «завязываются» «на равных» и по доброй воле – только по соглашению сторон, значит – и по воле покупателя, гражданина. Более того, продавец квартиры и гражданин – и только они сами (сами!) – по взаимному согласию определяют условия обязательства, включая цену, порядок платежей, санкции при ненадлежащем исполнении и т.д.

В то же время – очень существенный момент! – заключенный в соответствии с волей и интересами сторон договор со всеми условиями, которые самостоятельно определены покупателем и продавцом, становится юридически обязательным документом. Настолько юридически обязательным, что он – не упустим из поля зрения! – в принципе не уступает закону.

Скажем, в Гражданском кодексе в статье 556 устанавливается норма, согласно которой «обязательство продавца передать недвижимость покупателю считается исполненным после вручения этого имущества покупателю и подписания сторонами соответствующего документа о передаче». Но тут же, в этой же статье, добавлено: «если иное не предусмотрено договором». И значит, здесь указанная норма (такие нормы называются «диспозитивными») действует и применяется только тогда, когда по данному вопросу у сторон нет «своей договоренности». И если даже законом по тому или иному вопросу, допустим, по вопросу о количестве квартир у одного лица в данном населенном пункте, вводится в последующем безусловно обязательная норма (такие нормы называются «императивными»), то и она, согласно статье 422 Гражданского кодекса, не распространяется на правила по ранее заключенному договору, поскольку на сей счет в законе нет специального указания. То есть договор частных лиц оказывается в данной ситуации в чем-то даже «сильнее» закона.

ЧТО ЖЕ получается, если внимательно приглядеться к этим двум случаям?

А получается, что перед нами под одной и той же рубрикой «право» – два разных юридических мира, если угодно, две разные *юридические галактики*, и как раз одна из них называется «публичное право», а другая – «частное право».

Публичное право (напомню, «публичное» – в специальном, юридическом значении) – это такая правовая сфера, в основе которой государственные интересы, «государственные дела», т.е. само устройство

и деятельность государства как публичной власти, регламентация деятельности государственного аппарата, должностных лиц, государственной службы, уголовное преследование правонарушителей, уголовная и административная ответственность и т.д. — словом, институты, построенные в «вертикальной» плоскости, на началах власти и подчинения, на принципах соподчиненности, субординации. Сообразно этому для публичного права присущ один — и только один — общегосударственный юридический «центр», характерны императивные предписания и запреты, обращенные к подчиненным, подвластным лицам; дозволения же, имеющие императивный характер, — прерогатива властвующих субъектов.

Вот почему для публичного права характерен специфический юридический порядок — обобщенно говоря, порядок «власти — подчинения», «субординации» — порядок, в соответствии с которым лица, обладающие властью, вправе односторонне и непосредственно, в принципе без каких-либо дополнительных решений иных инстанций, определять поведение других лиц (подвластных, подданных), и сообразно этому вся система властно-принудительных учреждений обязана силой принуждения обеспечивать полную и точную реализацию приказов и команд власти, а «все другие» лица безусловно им подчиняться. Отсюда вытекают и все другие принципы публичного права: различие, разнопорядковость правового статуса субъектов, иерархичность положения и разный объем властных правомочий у властвующих лиц, наличие своей, «ведомственной» юрисдикции, отсутствие ориентации на решение спорных вопросов независимым судом. По мере развития демократии, как уже говорилось ранее, эти принципы обогащаются институтами высокого демократического порядка (гарантиями для граждан, демократическими процедурами и др.), становятся совместимыми со всеми другими подразделениями гуманистического права, но это не меняет саму суть, саму природу публично-правовых начал.

Частное право (опять-таки в том смысле, в котором это принято считать в юридической науке и практике) выражает начала децентрализации, свободы отдельных субъектов. Здесь возможность решения той или иной жизненной ситуации не только в какой-то мере заранее запрограммирована в юридических нормах, но и предоставлена самим участникам отношений, которые определяют решение ситуации сами, автономно, своей волей и в своих интересах (преимущественно — путем договоров). Кант говорит, что частное право — это такое право, в соответствии с которым обязанность и принуждение основываются

не непосредственно на законе, а на справедливости и на свободе человека быть собственным господином¹.

Вот почему в частном праве, в отличие от публичного (во всяком случае по исходным моментам), господствуют «горизонтальные» отношения, основанные на юридическом равенстве субъектов, координации их воли и интересов. Преимущественное положение в нем занимают не императивные предписания, не запреты, а юридические дозволения. А юридические нормы во многих случаях имеют диспозитивный характер, т.е. действуют по принципу «если иное не установлено договором» – действуют лишь тогда, когда по данному вопросу стороны не договорились между собой (поэтому диспозитивные нормы называют еще «восполнительными», они восполняют то, о чем лица сами не договорились, что не решили сами).

Таким образом, в сфере частного права наряду с единым общегосударственным юридическим «центром» активно, в принципе на уровне закона, действует множество других юридических «центров». Да притом так, что каждый участник отношений в области гражданского общества, каждый субъект права – это и есть особый и высокозначимый юридический «центр». Как отмечает И.А. Покровский, «гражданское право как система юридической децентрализации по самой своей структуре покоится на предположении множества маленьких центров, автономных устроителей жизни в тех областях, которые охватываются гражданским правом»².

Так что деление права на публичное и частное – не просто классификационное подразделение, позволяющее распределить юридические нормы и правоотношения по наиболее крупным рубрикам. Публичное и частное право – качественно разные области правового регулирования, две разные – как уже отмечалось – «юридические галактики», или «континента».

С первых стадий цивилизации право (разумеется, со многими различиями в разных странах) так и развивается в составе двух относительно самостоятельных сфер, по двум руслам – публичного и частного права. И поскольку в любом обществе (понятно, в различном соотношении, в разных пропорциях) существуют государственные и частные интересы, то более или менее развитое право только и может существовать и развиваться при наличии двух соответствующих сфер – публичного и частного права. Причем уровень «развитости» права в целом, его «ка-

---

¹ Кант И. Соч. Т. 4. М., 1965. С. 231.

² Покровский И.А. Указ. соч. С. 107.

чество», во многом обусловлен тем, насколько получила развитие каждая из указанных сфер, что решающим образом влияет и на понимание права в целом, и на состояние практической юриспруденции. Недостатки в этом отношении и тем более умаление одной из сфер (например, частного права) приводят помимо всего другого к деформации всей правовой системы страны, к ее однобокости, ущербности.

ПУБЛИЧНОЕ ПРАВО с точки зрения юридической специфики не представляет собой чего-то кардинально отличного от общих представлений о праве. То, что в этой книге ранее говорилось вообще о праве (а говорилось, припомним, как раз прежде всего и главным образом под углом зрения обязанностей, ответственности, государственных начал), в полной мере распространяется на публичное право.

При этом нужно постоянно иметь в виду, что публичное право — сфера столь же значимая, как и право в целом (включая частное право). Во всяком случае постольку, поскольку «сама» власть не является тиранической, авторитарной. По своей сути публичное право представляет собой продолжение высокозначимого социального феномена — государства, публичной власти со всеми ее позитивными и негативными потенциями, также находящими выражение в достоинствах права, хотя и иного «качества» — публичного.

Эти достоинства в результате демократизации общества реализуются в принципах подчиненности власти закону, юридических процедурах ее осуществления, а в более широком плане — в принципах разделения властей, республиканской форме правления и, наконец, в государственном, публичном обеспечении прав человека. По мере углубления демократии публичное право в рассматриваемом значении все в большей степени включает нормы, ограничивающие произвол власти, охраняющие права человека, происходит обогащение материи публичного права, насыщение ее принципами и институтами демократического порядка. Основа этого процесса — развитие, начиная с конца XVIII века, конституционного права в странах Запада.

Но при всем при том *повышенное внимание все же должно быть уделено частному праву*. Ибо именно оно (наряду и в сочетании с правами человека) выражает основные процессы, связанные со становлением системы субъективных прав, открывающих гарантированный простор для собственной активной деятельности людей, их творчества, инициативы, дерзаний, предприимчивости. И отсюда — именно частное право оказалось тем звеном в сложной «материи права», которое, возникнув в эпоху Древнего мира, уже в современной истории, начиная

с эпохи Просвещения, Великой французской революции и особенно в наше время, раскрывает глубокую природу права (о которой в первой главе сказано было лишь в заключительных положениях, обращенных к современной эпохе) и его историческое предназначение. Права в самом высоком человеческом смысле – социального института, который именно сейчас, в условиях перехода человечества к либеральным цивилизациям, раскрывает свой истинный смысл. Частное право предстает в виде отработанных юридических форм, в рамках которых реализуется свобода человека быть «самому себе господином», экономическая свобода, самостоятельность и равенство людей, в экономике – свобода и равенство товаропроизводителей, эти формы способны юридически обеспечивать статус свободных субъектов, оградить их от вмешательства государства, от его произвола¹.

Будем только учитывать то обстоятельство, что частное и публичное право представляют собой части единой юридической системы страны. И они действуют в единстве, во взаимодействии, подчас при регулировании тех или иных отношений действуют в комплексе. В гражданских законах есть элементы, нормы и институты, относящиеся во многом к публичному праву. Законы публично-правового характера (такие, как налоговые, Уголовный кодекс) как бы сопровождают гражданские законы, нередко весьма серьезно влияют на их результативность, применение. Да и вообще, частное право, как бы мы ни делали ударения на слове «частное», неизменно остается *правом* – социальным институтом официальной, государственной жизни, где должны быть твердыми и нерушимыми необходимые в обществе порядок и дисциплина, реализовываться требования строгой законности.

Обратимся теперь к более подробной характеристике юридических особенностей частного права, основных вех его становления, развития.

2. Частное право: сущность, вехи развития, миссия

ПО СВОЕЙ СУЩНОСТИ частное право представляет собой не столько известную, весьма обширную часть юридической системы страны (хотя такую «часть» возможно и необходимо обособлять) и даже не столько «зону права», о которой говорилось ранее, сколько су-

---

¹ Знамательно при этом, что близкие по характеру процессы – как мы видели – происходят также в публичном праве. И таким путем формы и институты из другой «юридической галактики» как бы втягиваются в единую юридическую систему демократического общества, становятся совместимыми с частным правом и начинают выступать в нем в качестве однопорядковых и взаимодействующих подсистем.

ществование и действие определенных *правовых начал* и в этом смысле — *духа права*.

Частное право — это *начала, утверждающие для отдельных лиц юридически значимую свободу, независимость, самостоятельность*. То есть такое правовое состояние отдельных лиц, когда они в юридическом отношении «сами себе господа» — сами, суверенно, без вмешательства извне, своей волей и в своем интересе решают свои дела.

Можно сказать даже так: частное право — это *суверенная территория свободы на основе права*. Такая «территория свободы», где «верховным правителем» является «частное лицо» — отдельный человек, группа граждан, организация, даже государство в целом, выступающее в качестве субъекта гражданского права и, значит, здесь, по данному кругу вопросов, — лица частного.

Именно в области частного права свобода отдельного, автономного лица раскрывается в *чистом* виде и *истинном* значении. Это не дозированные «кусочки самостоятельности», на которые дает разрешение чиновник (такие дозированные «кусочки» есть и у подневольного индивида — раба, крепостного). И это не вольница, поприще вседозволенности, так как перед нами все же *область права*, где действуют общий правопорядок, требования законности и где при адекватном и отработанном юридическом инструментарии (об этом дальше) определяются границы свободы, не допускается злоупотребление ею и действуют юридические механизмы ее цивилизованного осуществления. Свобода в области частного права — это полная и суверенная самостоятельность отдельного лица, выраженная в его автономном и защищенном статусе *субъекта права* и в обладании им защищенных *субъективных прав* (прав собственности, прав вступать в любые договоры, прав на неимущественные блага и т.д.).

При этом и то и другое (и статус субъекта права, и субъективные права) имеет характер правовых явлений по своей основе *абсолютного* порядка, т.е. они открывают простор для поведения по собственному усмотрению и в этой связи в принципе исключают, не допускают вмешательства кого-либо в эту собственную «сферу свободы» (если, понятно, такое вмешательство не происходит по прямому установлению закона, например при расследовании преступления по возбужденному уголовному делу).

Здесь, в этой книге, в отношении сущности частного права только что сделано ударение на общих, абстрактных положениях. Ибо представляется в высшей степени важным не только как можно более обстоятельно рассказать о поистине удивительных особенностях юри-

дического регулирования в данной области, но и с помощью общих категорий попытаться рассказать так, чтобы читатель *поймал дух* частного права, уловил его глубокие основы. Правда, по мнению И.А. Покровского, сама-то юриспруденция «инстинктивно чувствует» в различении публичного и частного права нечто «глубоко принципиальное; она смутно улавливает глубокую разницу в самом *духе* права публичного и частного...»¹. Но наряду со смутным «инстинктивным чувствованием», характерным для юриспруденции, нужно, чтобы и правовед, и человек, не сведущий в премудростях юриспруденции, постигли «умом», а в чем-то, дай Бог, и своими чувствами, верой своеобразие этой сферы права – твердо знали, что в данной сфере мы имеем дело с великими человеческими, культурными ценностями, основополагающими устоями в жизни людей.

СВОЕОБРАЗИЕ частного права отчетливо проявляется, как мы видели, при его сопоставлении с публичным правом (вспомним, для первого присущи «юридическое равенство» и «координация», для второго – «власть – подчинение», «субординация»). Если же обратиться к сопоставлению частного права с центральной категорией публичного права – с государственной властью, то тут обнаруживаются явления поистине парадоксального порядка.

Ведь частное право предоставляет людям – отдельным гражданам, их объединениям, организациям, выступающим в качестве юридических лиц, – возможность в определенном круге отношений быть «собственным господином» – свободно поступать сообразно их интересам, их собственной воле, самостоятельно, самим определять условия своего поведения. При этом предполагается или прямо декларируется, что применительно к отношениям такого рода государственная власть как бы остается в стороне, она не вправе произвольно вмешиваться в частноправовые отношения. Государственная власть, по самой своей природе «настроенная» на то, чтобы вмешиваться в окружающие ее отношения, здесь как бы отторгается (скажем грубее – «изгоняется») из этой обители господства частных волей и частных интересов.

В то же самое время сами-то действия субъектов как частных лиц – договоры, односторонние акты собственника и т.д., совершаемые в этой сфере, приобретают «самое настоящее», «полнокровное» юридическое значение. Государство, которое изначально как бы «изгнано» из данного круга отношений, теперь обязано – не парадокс ли? – при-

---

¹ Покровский И.А. Указ. соч. С. 38.

знавать частноправовые отношения, защищать их всеми законными способами, реализовывать при помощи всей системы своих принудительных органов и средств.

СВОБОДА И САМОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ субъектов, характерные для частного права (их в юриспруденции нередко называют «диспозитивностью»), могут — как в современном Гражданском кодексе России — прямо обозначаться в законодательном тексте. В Кодексе говорится об «автономии воли» субъектов, о том, что они приобретают и осуществляют права «своей волей и в своем интересе». Но такого рода записи в законе может и не быть. Зато во всех законах, посвященных частному праву, непременно существует адекватный, и притом обширный, *техничко-юридический инструментарий*, направленный на то, чтобы реально, в жизни утвердить начала диспозитивности, самостоятельности и независимости субъектов, другие принципы частного права.

И это вполне объяснимо. Юридические обязанности и юридическая ответственность по большей части прямо вытекают из других форм регуляции поведения людей (в первую очередь — из требований морали). По большей части они уже «даны» моралью, обычаями и со стороны государства нуждаются главным образом в своего рода властном подкреплении, известной конкретизации с учетом различных жизненных обстоятельств — политических, экономических и т.д.

А вот свобода и самостоятельность людей хотя и имеют естественные предпосылки, тем не менее сами по себе в качестве «регуляторов», имеющих цивилизованный характер, заранее не «даны». Для того чтобы выступить не в виде вольницы и вседозволенности, а в нормальном, цивилизованном виде, они должны быть установлены, введены в жизнь, обеспечены властью. Свобода и самостоятельность индивидов, стало быть, *изначально* требуют существования отработанного и действенного юридического инструментария, который утверждал бы их в жизни людей и обеспечивал реальное претворение на практике в виде начал частного права — юридического равенства субъектов, правовой автономии, самостоятельности и независимости участников общественных отношений в области собственности, оборота имущества, сделок, передачи прав наследования и т.д.

Ключевое значение в этом юридическом инструментарии имеют правовые институты гражданского права, направленные на обеспечение статуса участников отношений как *субъектов права*. Прежде всего отдельных индивидов в качестве полноправных граждан (отсюда и название основной отрасли в сфере частного права — *гражданс-*

кое право или с использованием римской терминологии – *ius civile* – *цивилистика*).

Именно здесь, в области частного права (цивилистики), сложились и приобрели повышенное значение другие юридические средства и механизмы, адекватные началам частного права. В том числе необходимость строгой определенности субъективных прав, а в этой связи – и определенности юридических обязанностей.

И вот тут – и не только в отношении частного права (но все же в первую очередь в отношении этой сферы права) – надо сказать об оправданной сложности «юридической материи». Той сложности, которая подчас, по распространенным стереотипам нашего правосознания, представляется чуть ли не как сплошная канцелярщина, формалистика, бумаги и инструкции, заскорузлые формулы и малопонятные термины – сделки, реституции, регистрации, интерпретации.

Но дело-то в том, что такого рода, казалось бы, далекая от живой жизни, канцелярски закрученная «юридическая материя» появилась на свет и существует для того, чтобы выразить и реализовать достоинства права. И во многом как раз для того, чтобы выразить и реализовать «способность» права обеспечивать нормативность, высокую определенность, обеспеченность юридических установлений в сфере частного права.

Ведь это вовсе не случайно, что право в государстве *выступает в виде законов, других официальных нормативных документов*, можно сказать, *живет* в этих документах (недаром в юриспруденции такого рода документы – законы, указы, нормативные постановления власти именуют «источниками права»). Право в своем развитом виде как строго юридическое явление – это преимущественно *писаное право*. И именно «письмо» – знаковые системы речи, выработанные человечеством за свою многотысячелетнюю историю, – и только оно, «письмо», позволяет максимально точно фиксировать и в неизменном виде сохранять мысль и волю, правила поведения, в том числе и те, которые выражены в юридических нормах. И, стало быть, не так уже плохо, напротив, замечательно, что для права характерна не просто «определенность», а *формальная определенность*.

К тому же надо знать, что юридические сложности – кстати, характерные для всех областей человеческих знаний (и порой так же, как везде, действительно доводимые, увы, до крайности, до абстрактной заумности, иногда некой схоластики, что и является предпосылкой их недоброй славы), по своей сути представляют собой сплав *опыта и ума, искусства и интеллекта*.

Даже в мелочах. Точнее, именно в мелочах. Потому-то юридические тексты как тексты «юридические» отличаются скрупулезной, дошной точностью, вернее, требуют ее. В самых мелких грамматических деталях. Скажем, в употреблении союзов «и», «или». Например, в одном из законов о залоге, ныне уже не действующем, было сказано в отношении одного из правил о том, что исключение из него допускается, если оно будет установлено «законом *и* договором». В действующих же законоположениях говорится — «законом *или* договором». Мелочь? Простите, какая же это в практической жизни «мелочь», когда в одном случае требуется, чтобы данный вопрос одновременно и одинаково был решен как законом, так и договором, а в другом — достаточно лишь одного из таких оснований!

На обеспечение строгой определенности в решении жизненных дел направлена и *специальная юридическая терминология*. Еще раз скажу — такая терминология не выдумки бюрократов, не канцелярские формалистические выкрутасы. Юриспруденция — сложная область знаний и практики, где требуется — как и в других сложных отраслях человеческой деятельности (технике, медицине и т.д.) — особая терминология. И здесь эта особая терминология во многих случаях сформировалась и с успехом употребляется как раз для того, чтобы в наших жизненных делах были достигнуты необходимая определенность и точность при решении запутанных юридических вопросов, в том числе — и, пожалуй, прежде всего — юридических вопросов, связанных с субъективными правами в области частного права.

В этой связи и для этого (строгой определенности, точности) утвердился и стал составной частью человеческой культуры особый *юридический язык*, отличающийся сжатыми формулировками, лаконичными терминами, когда в одном слове кроется богатое и предельно точное содержание. Достаточно, например, юристу сказать «*консенсуальный договор*», как для подготовленного в правовом отношении специалиста ясно, что, например, арендный договор начинает действовать, порождая многообразные права и обязанности, уже с момента его заключения (а не с момента передачи арендатору вещи, как это характерно для «*реальных договоров*» — таких, как договор займа).

Вполне оправданные сложности «юридической материи» — и особая юридическая терминология, и своеобразные приемы изложения норм, и отработанность договорного регулирования, и многое другое такого же порядка — именуется *юридической техникой*. Техникой — в самом высоком значении этого слова, областью знаний, опыта и искусства, посредством которой достигается совершенство, в данном слу-

чае – права. Вот почему о праве стран, где реально высокого уровня достигали юридическая наука и практика, а в этой связи – и юридическая техника, опять-таки вполне обоснованно можно говорить как о юридической системе высокого технического (юридико-технического) совершенства – показателе развитой государственной и духовной культуры в обществе.

И вот начальные «кирпичики» юридической техники и наиболее развитый, отработанный технико-юридический инструментарий во многом (хотя, понятно, не исключительно и далеко не во всем объеме) сформировались в основной обители частного права – в праве гражданском, в цивилистике. В основном – на базе римского частного права. Например, такие, казалось бы, «общие» категории, выражающие достижения культуры римского частного права, как «правоспособность», да и категория «субъективное право», с трудом распространяются на материал публично-правового характера (лишь в последние десятилетия, и то в связи с расширением социальной деятельности государства, начали формулироваться положения, не всеми юристами разделяемые, о *публичных субъективных правах*).

ОСОБОГО РАЗГОВОРА заслуживает та сторона, или тот компонент юридической техники, которая называется *юридическими конструкциями*. Ибо здесь перед нами вовсе и не «техника» в сугубо формальном значении, как это принято считать (например, в таком, когда идет речь о способах и приемах изложения юридических норм).

Суть вопроса здесь вот в чем. Принято считать, что юридические конструкции – это удобные типовые модели, отработанные «конструктивные» построения прав, обязанностей и ответственности, заранее рассчитанные на самые разные жизненные ситуации, на обеспечение различных интересов. Но дело-то в том, что такого рода типовые модели представляют собой не нечто просто «оформительское» (можно «так», а можно и «эдак» – как в голову придет, не это, мол, главное), а выступают в качестве самого *содержания права*, притом – *отработанного* содержания, дающего оптимальное, высшее по своей отработанности (воистину сплав опыта и ума!) построение прав, обязанностей, ответственности, которое рассчитано на *определенную жизненную ситуацию*, требующую правового решения. Различные, скажем, типы и виды договоров – купля-продажа, мена, заем, аренда, страхование и т.д. – все эти своеобразные юридические конструкции выработаны и закреплены в объективном праве как определенные конструктивные ценности в самом точном значении этого понятия.

Допустим, человеку причинено увечье в автотранспортном происшествии. И вот для удовлетворения интересов потерпевшего, для возмещения причиненного ему вреда в развитой юридической системе существуют и уже находятся наготове, могут «заработать» такие юридические конструкции: возмещение вреда в порядке социального страхования, институт добровольного страхования, гражданская ответственность владельца автомашины за причиненный вред, причем возмещение вреда в последнем случае может осуществиться в порядке гражданского иска в уголовном процессе, и т.д.

Юридические нормы в более или менее развитой правовой системе и есть по большей части *выражение определенных юридических конструкций*. По сути дела само понятие «норма» представляет собой свидетельство того, что она дает известную конструкцию прав, обязанностей, ответственности. И первичные соединения юридических норм (они называются *институтами права*) и есть та или иная *нормативно выраженная юридическая конструкция*, дающая типовое юридическое построение данной жизненной ситуации и позволяющая на отработанной, выверенной опытом и умом юридической основе решить эту ситуацию в каждом конкретном случае.

В развитой с технико-юридической стороны правовой системе определенные юридические конструкции характерны для публичного права (особенно в уголовном праве каждый «состав преступления» — это опять-таки особая юридическая конструкция). И все же основной «поставщик» и главная обитель юридических конструкций, во многом сопряженных с необходимостью применения на практике правовых дозволений, — это именно частное право. При этом для частного права характерны не только тщательная отработка типовых построений прав, обязанностей, ответственности, притом со многими вариациями (что свойственно и уголовному праву), но и сообразно частноправовому началу свободы договора *возможность выбора* участниками отношений по их воле и интересу той или иной юридической конструкции и более того — *самостоятельная их отработка* (использование смешанных конструкций договоров, «нетипичных» договоров и др.).

Вот почему частное право наиболее ярко и наглядно демонстрирует важнейшую (по всем данным, определяющую философскую) особенность правовой материи в целом. Ту черту права, что оно по своему особому (конструктивному) содержанию представляет собой *объективизацию разума*, притом в виде его отработанных, оптимальных, нередко совершенных юридических построений в области практических жизненных отношений, сплава опыта и ума, когда требуется ре-

шать жизненные ситуации с твердым и точным определением того, кто и на что имеет «право». Эта черта права, возвращающая нас к его рассмотренной ранее характеристике как целесообразного и эффективного регулятора, позволяет определить право как высокозначимое *б ы т и е р а з у м а в п р а к т и ч е с к о й ж и з н и л ю д е й*. Данная тема достойна особого рассмотрения. И лишь с тем, чтобы не уйти далеко от основных идей настоящей книги, приходится пока ограничиться приведенными общими положениями. Хотя, надо заметить, к ряду пунктов этой черты права – в первую очередь права частного – нам предстоит еще обратиться.

ИСТОРИЯ частного права характеризуется более чем двухтысячелетним развитием, в ходе которого шло совершенствование, углубление частноправовых начал и одновременно трудная работа по огранке, шлифовке форм их выражения в объективном праве, в гражданском законодательстве. Точнее, последовательность иная, обратная – многие столетия шла трудная работа по выработке оптимальных юридических конструкций (и на европейском континенте непосредственно на основе ценностей римского права, и в Англии, затем США, других странах путем прецедентов), и в них, через них все более утверждались в жизни частноправовые начала.

Впрочем, замечу, не может не вызвать удивления и наводит на основательные размышления то обстоятельство, что частное право в сущности сразу, по историческим меркам, «в краткий миг» – всего лишь за несколько веков древнеримской истории – буквально ворвалось в своем довольно развитом, классическом, чуть ли не готовом виде в античную культуру – культуру человечества весьма высокого уровня (обстоятельство, в отношении которого в конце главы будет высказана авторская гипотеза).

В ИСТОРИИ частного права можно выделить четыре основные вехи. Три из них человеческое общество уже прошло, а в четвертую, относящуюся к нынешнему времени, общество как раз вступает или, быть может, уже вступило.

П е р в а я в е х а. Это – *формирование частного (гражданского) права как целостного системного нормативного образования*. Такое «формирование» состоялось, как уже упомянуто, в виде весьма совершенной с юридической стороны частноправовой системы, утвердившейся в Древнем Риме на перевале эпох – дохристианского времени и христианской эры (расцвет – «золотой» период – I–III вв. н.э.).

Римское частное право и в исторически далекое время своего расцвета, и в наши дни предстает как истинный шедевр культуры, высокое творение разума, регулятивного искусства. В нем, конечно, немало того, что отражает своеобразие тогдашней эпохи — эпохи перенасыщенной роскоши и рабов, поэзии и гладиаторов, утонченного вкуса и грубых утех. Порой, особенно по критериям сегодняшнего дня, — изощренного цинизма¹. И одновременно римское частное право дало миру поразительное по отработанности, совершенству, изяществу собрание юридических конструкций, моделей, формул, отточенной лексики. По большей части — технико-юридического порядка. И все же главное здесь — это, пожалуй, даже не сами по себе четкость, безупречная логичность, ясность и простота содержащихся в римском праве формул и положений, сколько то, что они уже в то время несли в себе великие *начала частного права* («духа» права, как назвал эти начала знаменитый немецкий юрист Рудольф Иеринг) — юридическое равенство субъектов, их юридическую автономию, свободу договоров, диспозитивность. Отсюда и выработанные римскими правоведомы формулы большого духовного смысла, например, такие, как «право — это искусство добра и справедливости».

Нередко достоинства римского частного права связываются с тоже поразительным письменным документом античности — с «Кодексом» (или — «Собранием законов») византийского императора Юстиниана (529—534 гг. н.э.). Это верно. Но верно не в том смысле, в каком сейчас понимается значение «кодекса» как обобщающего системного нормативного акта. Этот документ лишь в малой своей части включает постановления римских и византийских императоров, в том числе самого Юстиниана. Главные же его части — Дигесты (50 книг) и Институции (древнеримский учебник по праву Гая, II в. н.э.) — представляли собой собранные воедино извлечения из сочинений древнеримских юристов (таких виднейших, как Ульпиан, Павел, Модестин и др.), высказанные в пору расцвета римской юриспруденции. И именно это как раз представляет собой величайшую ценность. Ценность — интеллектуальную, когда в рассуждениях и сентенциях древнеримских юристов все более и более раскрывались начала, «дух» частного права. Ибо са-

---

¹ Один из видных древнеримских юристов Гай в качестве учебного образца формулировал такие рассуждения: «Если я передам тебе гладиаторов под условием, что за их работу я получу по 20 динаров, а за тех, кто будет убит, — по 1000 динаров, то спрашивается, заключена ли купля-продажа или наем. Большинство (юристов) решило, что о тех, кто вышел невредимым, заключен, по-видимому, наем, а об убитых и изувеченных — купля-продажа».

ма по себе материя древнеримского права в своих первичных формах имеет *прецедентный* характер (первоначально оно во многом складывалось из постановлений преторов, других должностных лиц по решению конкретных жизненных ситуаций)¹. Лишь затем в результате деятельности великих римских юристов заработали *мысль, разум*, когда не только отрабатывались с технико-юридической стороны нормативные обобщения, принципы, юридические конструкции, но и с большей определенностью, последовательностью выражались в них начала частного права. Вот такого рода «данные разума» получили затем концентрированное выражение и законодательное закрепление в собрании Юстиниана.

В т о р а я в е х а – это *отработка положений частного права, их соединение в «праве университетов»* – тоже удивительное событие, происшедшее в Средние века в средневековых университетах, начиная с Болонского, в результате труда глоссаторов (средневековых толкователей положений римского частного права).

При этом речь здесь идет не об отмеченном ранее поразительном феномене, когда древнее римское право, «перескочив» через века, в сущности – тысячелетие, стало регулятором развивающихся товарно-денежных отношений. В данном случае имеется в виду другое. На основе текстов древнеримского права (в основном – Кодекса Юстиниана) в средневековых университетах – сначала в XI веке в Болонье, а затем в Пизе, Париже, других университетах – глоссаторы и комментаторы (постглоссаторы) подвергли дальнейшей научной отработке как древнеримские технико-юридические конструкции и формулы, так и содержащиеся в них начала частного права. Создаваемое таким путем «право университетов» стало новой ступенью развития идей частного права, причем такого развития, которое в какой-то мере оказалось сориентированным на потребности и уровень духовного развития нового времени, приближающегося к историческому рубежу, с которого начался переход человечества к либеральным цивилизациям, к становлению современного гражданского общества.

Т р е т ь я (и решающая для современной эпохи) **в е х а** – это не просто новый и притом *качественный* взлет частного права, но и по сути дела формирование *частного права современного гражданского общества*, когда оно и реально, в силу требований формирующегося гражданско-

---

¹ О. Шпенглер полагает даже, что «античное право – от начала до конца *право повседневности, даже мгновения*. По своей идее оно создается в каждом отдельном случае и на данный случай» (Шпенглер О. Закат Европы: Очерки морфологии мировой истории. Т. 2. М.: Мысль, 1998. С. 63).

го общества, *воплотилось в виде отработанных нормативных обобщений непосредственно в законах последовательно либерального содержания.* Прежде всего таких, как наполеоновский Гражданский кодекс, Германское гражданское уложение, в гражданских законах других стран, которые встали на путь современного развития (особенно в гражданских законах Австрии, Швейцарии, да и в России – во многом подготовленного в большей степени по обязательственному праву российского Гражданского уложения). Именно здесь, в законодательных положениях гражданских законов, действующих и поныне, оказывается возможным говорить именно о *началах частного права*, которые нашли выражение в юридических формулах о праве собственности, его абсолютном характере, свободе договора, восстановлении нарушенных гражданских прав, их судебной защите.

О четвёртой вехе развития частного права допустимо, пожалуй, рассуждать только в порядке постановки вопроса. Причем только как о начавшемся историческом процессе, когда во второй половине XX века и на пороге XXI века *вырабатываются и входят в жизнь гражданские законы нового поколения, выражающие глубокое единство частного права и современного естественного права, неотъемлемых прав человека.* Такие, как Гражданский кодекс Нидерландов, Гражданский кодекс канадской провинции Квебек. В этом ряду можно назвать и Гражданский кодекс России.

Наиболее существенные черты современной стадии развития частного права (в которую человечество вступает, а быть может, и уже вступило) – это не только тенденция совершенствования, модернизации гражданско-правовых конструкций (институтов), связанная с принципиально новыми явлениями и фактами постиндустриальной экономики, другими глобальными процессами современности (экологическими, современными процессами в технологии управления и информации, связанными с интеллектуальной собственностью), но и основательные процессы в «самом» частном праве. Суть этих процессов – в тенденции *утверждения частноправовых начал в исконном, предельно «чистом» виде.* И одновременно, в этой связи, *в глубоком единении частного права и современного естественного права, его «кульминационного выражения» в нынешнюю эпоху – органического единства с неотъемлемыми правами человека.*

ХАРАКТЕРИЗУЯ функции частного права в истории и на современной стадии его развития, его место в обществе, в жизни людей, необходимо суммировать ранее сказанное, прежде всего оттенить то об-

стоятельство, что частное право – это именно *право*. Оно представляет собой одно из высших достижений культуры, явление «объективированного разума», мощный социально-правовой институт, который способен утвердить в реальной жизни, прежде всего в экономике, начала неприкосновенности собственности, юридического равенства, свободы договора и на основе этого на деле дать людям достаточную область гарантированной, защищенной экономической свободы. Причем так, что люди сами, как носители «свободы быть своим собственным господином», своей волей и в своем интересе самостоятельно решают свои дела в бизнесе, предпринимательстве, собственности, коммерческих сделках, в других делах гражданского общества, и эти решения приобретают полновесное юридическое значение.

Именно здесь – один из узловых пунктов человеческого прогресса. Знаменательно, что как раз эту миссию частного права отметили русские правоведы. Прав М.М. Агарков, обращая наше внимание на то, что вряд ли общество будет развиваться по прогрессивному пути, если «личность не будет являться субъектом целеполагания»¹. Знаменательно и то, что в литературе, задолго до аналогичной постановки в общетеоретических и философских исследованиях, сама *идея ценности права* была поставлена (в работах И.А. Покровского, М.М. Агаркова) с использованием адекватного понятийного аппарата и лексики в отношении именно частного права.

И пусть в этой связи не покажется преувеличением утверждение о том, что *без развитого частного права цивилизованная рыночная экономика, да и вообще реальное становление и функционирование современного гражданского общества невозможны в принципе, по определению*.

Следующее положение, характеризующее функции частного права, возможно, окажется неожиданным для читателя. Есть весьма значительные основания утверждать, что именно частное право является *наиболее мощным средством для формирования единой непротиворечивой основы деятельности людей, а отсюда – для интеграции, для объединения людей, территорий, государственных образований*.

Принято считать, что реальный «объединительный инструмент» и в прошлом, и в настоящем – это военная сила, деятельность властных учреждений, крутые административные меры. Легионы в Римской империи. Непреклонный канцлер в Германии конца XIX века. Деятельность Комиссий и Европарламента в современной объединенной Западной Европе. Что ж, и то, и другое, и третье и впрямь значитель-

---

¹ Агарков М.М. Ценность частного права // Правоведение. 1992. № 2. С. 41.

ная, порой решающая сила. И все же я смею утверждать, что мощным и притом постоянным, естественным для человека, возрастающим по результативности интегрирующим фактором, особенно в наше время, является другое — *право* и что особо существенно — *частное право*.

Да — именно частное право! Так как в отличие от публичного права, которое плотно «привязано» к государству, к государственной власти и, следовательно, к разноречивым интересам господствующих политических сил, доминирующих элит, здесь, в сфере частного права, не могут не господствовать общезначимые интересы отдельных людей, частного производственного дела и рынка, и отсюда — в принципе *изначально однотипные формы регуляции поведения*. Обстоятельство, которое и позволяет частному праву быть в принципе однородным, общезначимым, универсальным инструментом регуляции для различных стран, регионов, территорий.

Так было в Древнем мире. Как свидетельствуют исторические данные, обширные по масштабам античности территории Рима соединили в единую империю не только высокоорганизованные армейские легионы, но в не меньшей степени римское частное право, которое и сложилось и действовало не столько в качестве строго «римского», сколько в качестве права *универсального*.

Так было и в Европе — и в Средневековье под покровом католической церкви, и в более близкую от нас историческую пору. В Германии разрозненные немецкие княжества и «земли» также связали в целостное государственное единство, при всей значимости властных акций правителей, в конце XIX века — Бисмарка, единые нормы «возрожденного» римского права и в особенности — Германского гражданского уложения. Да и в наши дни интегрирующей силой современной Западной Европы стали не столько административные и даже не единые законодательные учреждения объединяющихся европейских стран (как нередко считают), сколько «объединенное» европейское частное право, основанное на римском договоре 1960 года и деятельности Европейского суда. И именно оно, «объединенное» европейское частное право (возможное в связи с однотипностью гражданского права европейских стран), имеет значение основы и стержня не только «общего рынка», но и всего европейского единства, приближающегося по своему уровню к типу федеративного объединения.

Факты свидетельствуют: «правовые узы», базирующиеся на частноправовых началах, естественны для человека как разумного и свободного существа и потому становятся наиболее крепкой и надежной цементирующей средой, позволяющей объединять деятельность

людей. И происходит это потому, что сами-то эти «узы» не являются инструментами внешнего господства и навязывания внешней воли, а представляют собой правовые формы самодеятельности и активности, упорядочения и согласования интересов самих участников общественных отношений. То есть правовые формы, действующие «изнутри», через разум и свободу самих субъектов.

В ЗАКЛЮЧЕНИЕ этого раздела главы – гипотеза.

Суть ее вот в чем. На мой взгляд, в науке не обращается должного внимания на то очевидное обстоятельство, что формирование вселенского и универсального шедевра культуры – римского частного права в его наиболее развитых формах (III–II в. до н.э. – I–III вв. н.э.), с одной стороны, с другой – появление великих Христовых откровений – заповедей, положивших начало христианской культуры и морали, – события *исторически одномоментные*.

И можно предположить, что дело здесь не просто в исторических совпадениях. И даже не в таких лежащих на поверхности объяснениях исторической одномоментности событий прошлого, как общность достижений культуры античности. В отношении одновременного (по меркам основных исторических процессов) формирования – причем чуть ли не сразу, казалось бы, «вдруг» – довольно развитой системы частного права и появления духовных начал христианской культуры и морали в весьма высоких их проявлениях имеются, возможно, глубокие основания, относящиеся к утверждению самих основ человеческой цивилизации.

Ведь свобода человека в начальные периоды человеческой истории, наряду с поразительными свершениями ума и творчества, обернулась в немалой степени злом – произволом, торжеством эгоистических устремлений, своеволием в попрании элементарных основ жизнедеятельности людей. Да и власть, которая как будто бы должна была придать необходимую организованность жизни человеческого сообщества, раскрылась во многом нравами насилия, своеволия, культивированием грубых, низменных утех. Уже к тому времени, с которого началось новое летосчисление, жизнь людей, вставших на путь цивилизационного развития, все более и более скатывалась к безвыходному тупику, к бесперспективному финалу, который и подвел черту самому существованию ряда дохристианских цивилизаций той поры.

И можно предположить, что в такое кульминационное, критическое для человеческого рода время природа, с той стороны, в отноше-

нии которой можно говорить о ее «замысле» или «разумности» (или Бога, или Провидения — суть в данном случае одна), включила в жизнь людей две главные силы, способные упорядочить, оцивилизовать свободу в практической жизни с помощью ценностей культуры, духовных начал.

Таковыми силами, как можно предположить, и стали достаточно развитое частное право, т.е. право, «относящееся» к свободе людей и достигшее высокого уровня развития (прежде всего в области внешних, практических отношений людей), и христианская религия или однопорядковые по моральному содержанию религиозные системы (главным образом в отношении духовно-моральных начал жизни человека, его внутреннего, духовного мира).

Если такого рода гипотеза найдет подтверждение, то, на мой взгляд, выраженный в ней подход откроет весьма конструктивную, многообещающую перспективу постижения самих основ духовных ценностей — их, если можно так сказать, единого корня — уходящего в самую суть разума, свободы, морали. Этот подход может стать предпосылкой для понимания и других существенных сторон и перспектив развития человеческой культуры, взаимосвязи ее различных, казалось бы, отдаленных друг от друга областей, в том числе права и религии.

Впрочем, эта взаимосвязь уже сейчас может быть подтверждена некоторыми историческими фактами. Такими, в частности, как попавшие в поле зрения ученых взаимосвязи в области культуры, когда формулы Христовых откровений — заповедей складывались под влиянием достижений юридической культуры (всеобщего характера юридических установлений, личностного характера субъектов права и др., даже духа и принципов правовых достижений дохристианской эпохи, выраженных в установлениях Кодекса Хаммурапи).

При углубленном анализе могут быть, возможно, найдены известные ассоциации или своего рода переключки между моральными заповедями Христа и передовыми, на мой взгляд, непревзойденными правовыми категориями, в современную пору — разработками по вопросам права замечательного философа Иммануила Канта, его определением права в качестве «самого святого из того, что есть у Бога на земле». Причем даже со стороны смысловых образов и лексики. Если в Христовых откровениях обоснование высоких моральных начал во многом реализовалось через художественно преподанные образы, то центральные идеи по вопросам права в трактовке Канта — через лексический образ, генетически связанный с религиозными представлениями, — через образ «самого святого на земле».

3. Гражданское законодательство

ЧАСТНОПРАВОВЫЕ НАЧАЛА и вытекающие из них средства и механизмы юридического регулирования (статус независимого субъекта, договор, исковой порядок защиты прав и др.) в том или ином объеме и виде в настоящее время выражаются в ряде отраслей права. В таких прежде всего основных отраслях, как семейное право, трудовое право, а также в комплексных образованиях – жилищное право, морское право, хозяйственное право, предпринимательское право и др. Известные элементы частноправового порядка применяются даже в области публичного права – в процессуальных отраслях (мировое соглашение) и даже в эпицентре публичного права – в праве административном (административные соглашения, судебная защита прав по административным правоотношениям).

Вместе с тем есть отрасль, которая может быть названа «родным домом» или даже родовым родительским «очагом» частного права, наиболее полно и концентрированно выражающая его особенности и раскрывающая всю свою «материю» как права.

Это – гражданское право.

Именно в гражданском праве частноправовые начала обретают «живую юридическую плоть» – выражаются в юридических конструкциях, институтах, в конкретных средствах и механизмах юридического регулирования. И в реальной жизни, в практических делах частноправовые категории и принципы непосредственно и наиболее полно «работают», внедряются в жизнь, производят тот или иной эффект *через* институты гражданского права, в его «живой плоти».

Потому-то выражения «частное право» и «гражданское право» по большей части понимаются как синонимы, тождественные и взаимозаменяемые понятия. Да и исторически сам термин «гражданское право» (это буквальный перевод с латинского *ius civile*, т.е. «право граждан») возник из такого понимания «права граждан Рима», когда оно противопоставляется публичному праву – «праву римского государства». Не случайно в этой книге там, где речь шла о частном праве, приходилось то и дело говорить также и о «цивилистике» – гражданском праве.

Вместе с тем при всей близости понятий «частное право» и «гражданское право» (так же, как и близости понятий «публичное право» и «административное право») между ними нельзя ставить знак равенства. И не только потому, что частноправовые начала – как только что говорилось – в том или ином виде присутствуют во многих отраслях. Гражданское право со своей стороны – это, так сказать, не «чистое»

частное право. В советском обществе оно вообще имело в основном опубличенный характер. Да и при последовательном выражении частноправовых начал в гражданском праве всегда наличествуют известные публично-правовые элементы: императивные нормы, а порой и целые институты (например, институты опеки, регистрации юридических лиц и т.п.).

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО еще со времен античности складывалось во многом спонтанно, непосредственно в силу требований жизни, главным образом — в связи со становлением и развитием рыночных, товарно-денежных отношений, необходимости их единства на обширных территориях имперского образования. И оно долгие века выражалось преимущественно в *обычаях* или *прецедентах* (судебных решениях, которые рассматривались в качестве образца на будущее для подобных же ситуаций). Отсюда — *казуистический* характер гражданско-правового регулирования, когда оно преимущественно строится применительно к конкретным жизненным ситуациям (исполнение контрактов, уступка прав, перевод долга, истребование имущества у недобросовестного приобретателя и пр., и пр.).

Даже римское частное право, при всем его впечатляющем развитии, в своем первичном виде имело в основном прецедентный характер; его идеи и принципы были сформулированы несколько позже, в пору расцвета римской правовой культуры, главным образом в виде обобщающих суждений правоведов, получающих непосредственное юридическое значение (*ius respondendi*). Даже Кодекс Юстиниана — это, как мы видели, не «кодекс» в современном понимании, а своего рода итоговое и законодательно легализированное собрание ценностей римской частноправовой культуры, достижений логики, юридических формул, лексики.

Поразительно, но тысячелетие спустя за пределами европейского континента, в Англии, где правовое развитие, при всем влиянии римскоправовой культуры, пошло все же самобытным путем, вновь это развитие выразилось в прецедентном праве (с той лишь принципиальной разницей, что оно на каком-то этапе не получило интеллектуального обобщения — такого, как в Кодексе Юстиниана, а затем в «праве университетов»). Касаясь развития общего права Англии и римского права до обобщения его в пандектах Юстиниана, в современной литературе отмечено: «Как это ни парадоксально, но между римским юристом и юристом общего права больше общего, чем между римским юристом и его преемником, современным цивилистом. Как юрист

общего права, так и римский юрист (надо уточнить – на начальных стадиях развития римского права. – С.А.) избегают обобщений и по возможности определений. Их метод – активная казуистика. Они переходят от одного конкретного случая к другому и стремятся создать не что-то вроде логической системы, а исправно действующий механизм регулирования для каждого из них, не опасаясь логических несоответствий, которые рано или поздно могут привести к трудностям¹.

Но вот что примечательно! Как только развитие человеческой цивилизации уже в новой истории потребовало более основательного внедрения частного права во всю жизнь общества, а это произошло в конце XVIII – начале XIX века, в эпоху Просвещения, Французской революции, эта потребность не удовлетворилась одним лишь «восстановлением» (рецепцией) римского права, а проявилась в острой необходимости создания *гражданских законов*.

И вот чуть ли не одновременно за два десятилетия в Европе принимается несколько гражданских кодексов – в 1794 году Прусское земское уложение, в 1804-м важнейший для Нового времени французский Кодекс Наполеона, несколько позже, в 1811 году, Австрийское уложение².

Почему же именно на переломе человеческой истории, когда начался переход от традиционных к либеральным цивилизациям, так остро потребовалось гражданское законодательство? Только ли потому, что в условиях развивающихся капиталистических, товарно-рыночных отношений потребовалось, не ограничиваясь «современным римским правом», упорядочить, развить и, по возможности, унифицировать их юридическое регулирование?

Думается, нет, не только поэтому. Главное здесь, надо полагать, заключается в том, что именно в законах наиболее полно и продуктивно в юридической области может проявиться сила интеллекта, ра-

---

¹ Цвайгерт К., Кёту Х. Введение в сравнительное правоведение в сфере частного права. В 2 т. Т. 1: Основы. М.: Междунар. отношения, 1998. С. 282.

² Попутное замечание. Именно то обстоятельство, что общее право Англии не реализовалось в положениях высокого интеллектуального уровня, характерных для гражданских законов, позволяет понять одну из существенных причин сдержанной, затяжной и противоречивой судьбы демократии в Англии. Начавшиеся в начале XIII века (значительно раньше, чем на континенте) демократические процессы на английской земле не получили такого фундаментального, определяющего характера, который в конечном счете оказался связанным с европейскими гражданскими кодексами, прежде всего – с французским Гражданским кодексом. Впрочем, и тут право в конце концов сыграло существенную роль в становлении и развитии современного гражданского общества (об этом – дальше).

зума, требования естественного права (об этом — в следующей главе) и в этой связи — *наиболее полно и продуктивно определены в законодательном виде частнопроводные начала, принципы*. А частнопроводные начала — прошу обратить внимание! — такие начала, как юридическая независимость и самостоятельность лиц, их равенство и правовая автономия, имеют первостепенное и незаменяемое значение для формирования гражданского общества (в какой-то мере неожиданно термин «гражданское» в отношении одной из областей законодательства, использованный в результате «перевода с латинского», оказался точкой в точку совпадающим с общественной потребностью нового времени — становлением *гражданского общества*).

Только, пожалуй, в юридических системах англо-американской группы (англосаксонской семье юридических систем «общего права»), в особенности в праве США и большинства провинций Канады, частнопроводные начала и принципы в XIX–XX веках, пусть спустя довольно длительное время, стали получать развитие непосредственно через институты прецедентного права, притом с прямой опорой на естественно-правовые категории¹.

Но и здесь «природа прорывается через окно» — и здесь дает о себе знать необходимость законодательных обобщений гражданско-правового порядка. Свидетельством тому являются, скажем, не только известная институционализация принципа справедливости (например, в английском институте «доверительная собственность»), но и развитие «коммерческого законодательства» в США, разработка в этой же стране модельного Торгового кодекса, авторских и полуофициальных систематизаций, влияющих на упорядочение правового материала. А в общем плане — пусть и косвенное, околное, но все же довольно сильное фактическое влияние на судебную практику США, других стран «общего права» принципов гражданского законодательства стран континентальной Европы, в особенности Франции. Поэтому-то и оказалась уже в наше время возможной известная интеграция, казалось бы, несовместимых юридических систем в практи-

---

¹ В литературе по сравнительному праву последнего времени обращено внимание на то, что «общее право стало важным орудием борьбы парламентской партии с абсолютистскими прерогативами короля благодаря своей жизнестойкости, еще более возросшей за долгие годы развития, и сложной и формалистической технике, с помощью которой удавалось эффективно высказываться из железных объятий абсолютистской власти. С тех пор англичане связывают с общим правом мысль о том, что одной из основных его функций является обеспечение гарантий свободы и тем самым выполнение задачи, возложенной на континенте на конституции, — защищать граждан от мертвой хватки деспотизма» (*Цвайцер К., Кётц Х.* Указ. соч. С. 295).

ке Суда Европейского сообщества, формирование «объединенного» частного права Европы.

СЕЙЧАС УМЕСТНО кратко сказать о довольно сложной проблеме – о гражданских законах и рынке. Нередко гражданское право и даже частное право в целом именуют «рыночной отраслью». И соответственно гражданские законы – «рыночными законами». Оправдано ли это?

Да, в какой-то степени оправдано. Особенно – в публицистических материалах, для обоснования необходимости именно гражданских законов для «рыночной экономики». Гражданское право (цивилистика) как отрасль национальной юридической системы действительно складывается и развивается на основе требований рынка, точнее, имущественных отношений, формирующихся в условиях товарно-рыночной экономики, отношений собственности, гражданского оборота. Именно «рынок», его требования обуславливают необходимость того, чтобы право собственности имело безусловно абсолютный характер, чтобы способом, определяющим взаимоотношения между субъектами, был договорный метод, чтобы существовал беспристрастный суд – независимый институт решения разногласий, споров, конфликтов и т.д. – словом, обуславливают необходимость существования сферы, где вопросы решаются по воле и в соответствии с интересами участников рыночных отношений, занимающих юридически равные позиции.

Но положение о том, что гражданское право – это «рыночная отрасль» (увы, в печати сейчас проскальзывает и порой с восторгом произносится выражение «рыночная демократия», впрочем, кто знает, быть может, для нашей сегодняшней российской обстановки и верно), по главным, существенным моментам не точно и не во всем правильно.

Гражданское право *прежде всего*, и все более по мере прогресса, по мере все большего развития институтов демократии, выступает в качестве выражения самой сути права – высокочащного явления цивилизации и культуры, отвечающего требованиям разума, опыта и глубокого ума. И той, скажу, несколько забегая вперед, первородной обители частнопровых начал, которая первично реализует важнейшую природную, естественную сторону биосоциального основания права, коренящуюся в свободе человека, в его естественном праве свободы.

А вот «юридическая форма», выраженная в частном праве, представляющая оцивилизованную свободу, изначально исторически совпала и в последующем все более совпадает с потребностями существующих рыночных отношений. И развивалась с ними во взаимодействии и во взаимном влиянии. Хотя не полностью и не во всех ипостасях. Например,

последним из указанных обстоятельств объясняется тот обычно трудно понимаемый и неуклюже интерпретируемый наукой факт, что гражданское право регулирует личные неимущественные отношения, в том числе те, которые никак не связаны с отношениями имущественными, да и по своей сути далеки от «рынка», порой несовместимы с ним.

С другой же стороны, тот факт, что к «рыночному праву» должны быть отнесены сугубо административные установления (в первую очередь — антимонопольное законодательство или твердые административные меры, блокирующие в рамках данной страны попытки местных властей нарушить единое рыночное пространство), свидетельствует, что требования рынка находят выражение также и в публичном праве, непосредственно в административном законодательстве.

Так что гражданское право — не только и даже не столько продукт рынка. Оно прежде всего — отрасль — обитель «чистых» частноправовых начал. А вот эти начала в наибольшей мере исторически совпали и ныне совпадают с требованиями и условиями рыночных отношений, воплотили их в юридических формах и конструкциях, оптимальных для рыночной экономики. И по своему содержанию гражданское право, понятно, непрерывно испытывает на себе влияние «рынка». Но не более того. Главное, что характеризует суть и историческое предназначение гражданского права (проявившееся в современную эпоху), — это в соответствии с заложенными в нем частноправовыми началами *способствовать*, а во многом и прямо *обеспечивать формирование гражданского общества, его важнейших устоев, относящихся к положению граждан.*

А в этой связи надо видеть, что соотношение гражданских законов и рынка совсем другое — обратное тому, как привыкли считать многие приверженцы «рыночной экономики». Гражданское законодательство представляет собой не некий довесок к «рынку», не подсобный по отношению к нему институт (роль которого сводится будто бы к одним лишь упорядочивающим, оформительским функциям). Гражданское законодательство — это *мощный инструмент права*, который в контексте его исторического предназначения *способен придать также и рынку особенности института гражданского общества.* То есть «перевести» его из состояния дикого, необузданного, нередко, увы, бандитского рынка в *цивилизованное состояние — упорядоченных рыночных отношений, соответствующих требованиям современного демократического общества* (в том числе и тем, которые обычно охватываются понятиями «социальный рынок» или «социально ориентированная экономика»). И кажется, тысячу раз прав И.А. Покровский, когда в отношении современного общества он говорил не просто о «рынке», а о *частноправовой организации народного хозяйства.*

ПРЕДСТАВЛЯЕТСЯ ВАЖНЫМ обратить внимание на одну из особенностей гражданского законодательства, которая имеет определяющее значение в реализации его функции по формированию современного гражданского общества и цивилизованного рынка.

Дело тут вот в чем. Сам по себе факт высокой роли права в новой эпохе развития человеческой цивилизации, открытой Просвещением и Французской революцией, – факт в общем-то общепризнанный. Но обычно эта роль права связывается с буржуазными декларациями и конституциями того времени, когда были провозглашены великие принципы свободы, прав людей, равенства, братства.

Нет слов, эти великие принципы – вечные ценности, знамя и философия демократического преобразования общества. Но ведь сами по себе они в реальной жизни не стали той силой, которая привела к формированию современного гражданского общества. Напротив, сразу же вслед за их провозглашением и, к несчастью, под знаменем «свободы, равенства и братства» грянули кровавая якобинская диктатура, беспощадные кровавые войны авторитарного правителя Наполеона.

И, находясь под обаянием лозунгов деклараций и конституций первой фазы Великой французской революции, мало кто обращает внимание на то, что фактическое формирование гражданского общества, многотрудное становление и развитие его институтов *сопряжены преимущественно с гражданским законодательством*, прежде всего с Гражданским кодексом того же Наполеона.

Почему на этот факт не обращается должного внимания? Быть может, потому, что гражданское законодательство, казалось бы, касается не «великих ценностей и истин», а самой что ни есть прозы жизни, наших повседневных дел, хозяйственной практики, быта?

Но эта-то как раз особенность гражданского законодательства и является в высшей степени важной для формирования гражданского общества, для утверждения его в качестве незыблемой реальности!

Да, гражданские законы – это как раз те юридические установления, которые, по-видимому, носят наиболее приземленный, утилитарно-деловой характер, они касаются всех людей страны, ежедневно, а то и ежечасно воспроизводятся и воспроизводятся в многообразных прозаических делах в нашей безостановочно повторяющейся повседневности. Изо дня в день, от раза к разу. Но это не некий минус (как может показаться на первый взгляд), а, напротив, гигантское уникальное преимущество гражданских законов, исподволь упорно *превращающих свободу людей в повседневную, само собой разумеющуюся данность*. Непрерывно повторяясь, присутствуя во всей людской повседневности, влезая

во все закоулки нашего человеческого бытия, гражданские законы, как ничто другое, способны «приручить к себе людей», стать непреложными правилами, напрямую входящими в образ жизни, в повседневную действительность, в наши нравы, в саму прозу наших жизненных дел.

А в этой связи становится непреложной реальностью свобода людей в деловых, практических отношениях, а отсюда и общая атмосфера безусловной недопустимости любых ее нарушений, признания элементарно необходимыми условий для осуществления свободы человека, его достоинства, высокого статуса.

Словом, свобода человека — отдельного, автономного человека! — при помощи гражданского права входит в быт, в повседневность. И это, быть может, является наиболее надежным показателем современной западноевропейской культуры — того, что в жизни общества возникла устойчивая, твердая почва для практической свободы отдельного автономного человека, личности и, следовательно, для существования и развития современного свободного гражданского общества, общества либеральной цивилизации.

Вот почему наряду с другими особенностями именно гражданские законы — это те главные факторы, с помощью которых идеалы свободы, требования демократической и правовой культуры *фактически реализуются в повседневной жизни граждан, во всех многообразных проявлениях этой жизни*, и тем самым с юридической стороны обеспечивается реальное формирование современного свободного гражданского общества.

САМОЕ ЖЕ СУЩЕСТВЕННОЕ, не упустим из поля зрения, заключается в том, что гражданские законы восприняли не просто тысячами отработанную с технико-юридической стороны и в этом отношении совершенную юридическую материю. Они восприняли и стали носителями *частного права* — той области права, которая со времен античности как будто уготована для современной эпохи. Ибо частное право — это как раз такая юридическая сфера, которая непосредственно воплощает достижения культуры, свершения разума в области регулирования внешних, практических отношений и одновременно не зависит от усмотрения власти. Стало быть, в демократическом обществе при достаточно развитой юридической культуре оно и есть один из тех элементов в праве, который позволяет юридической системе возвыситься над властью, над ее произволом.

Франция, Германия, другие западные страны, где утвердились гражданские законы, в XIX–XX веках прошли непростой путь развития. Путь с периодами застоя, войн, разрухи и — что особо пагубно — с тра-

гическими словами в политико-правовой жизни, когда в таких странах, как Германия, Италия, Испания, уже на подходах к середине XX века воцарялись фашистские тоталитарные режимы. И все же надо видеть, что в эти трагические годы в государствах, брошенных в бездну фашизма, сохранялись островки правовой западноевропейской культуры, выраженные в гражданском законодательстве. И реальное действие последнего сохранилось даже в обстановке доминирования тоталитарной нацистской идеологии, пусть в основном и в области сугубо деловой жизни (когда принципы частного права, имеющие значение для гражданского общества, в то время как бы «замерли»).

Вовсе не случайно поэтому так быстро, воистину стремительно состоялось в этих странах после крушения тоталитарных режимов демократическое возрождение – не только вновь утвердились и заработали свободная рыночно-конкурентная экономика и институты парламентаризма, но и произошли новые крупные перемены в праве.

В ТО ЖЕ ВРЕМЯ ни один, даже самый совершенный, отработанный закон, именуемый «гражданским», не может (да и не должен) быть таким нормативным документом, который воплощает частное право, так сказать, в чистом виде. Такого чистого гражданского закона в истории права не было, его нет сейчас и не будет в будущем. Особенно если видеть реальное содержание гражданских законов в данном обществе, их применение, реальное действие.

Здесь нужно учитывать обстоятельства троякого рода.

Прежде всего гражданские законы неизбежно содержат в том или ином объеме *публично-правовые элементы* – *публичные «вкрапления»*. Ведь сам по себе гражданский закон потому и «закон», что это в широком смысле – документ публичный, государственно-обязательный. Он строится на основе общего правопорядка. В нем немало безусловно обязательных установлений, императивных норм (даже сама по себе запись в Кодексе о том, что субъекты определяют свои права и обязанности своей волей и в своем интересе, – запись императивного характера).

Но дело не только в этом. В любом государстве – коль скоро речь идет о *праве* – неизбежны какие-то формы государственного участия, контроля, необходимые для нормального гражданского оборота: например, при регистрации имущества, сделок, удостоверении правосубъектности лиц и т.д. Такие государственные формы становятся еще более значительными в современных условиях, когда усиливаются социальная деятельность государства, социальная защита лю-

дей, принципы социальной солидарности. В этой связи и появляются такие своеобразные правовые институты, как «публичная собственность» и «публичные договоры», в которых публично-правовые элементы входят в само содержание гражданских правоотношений. По тем же основаниям статус субъектов гражданского права в ряде случаев получает как бы публично-правовое подкрепление, усиление. Отсюда, например, формирование особой группы прав субъектов — «прав потребителя».

Наряду с «вкраплением» в ткань гражданского права публично-правовых элементов надо иметь в виду и то обстоятельство, что гражданские законы *существуют и действуют в комплексе с законами публичного права*, которые как бы их *сопровождают* — параллельно, «в паре» с ними функционируют. Это, с одной стороны, законы, как бы продолжающие гражданско-правовые нормы в области административных отношений и процедур — о порядках государственной регистрации гражданского состояния, законы о банкротстве и т.д., а с другой — Уголовный кодекс, нормативные акты об административной ответственности, призванные отсекают от нормальных гражданских правоотношений антиправовые, прежде всего — криминальные «проявления». И это все, вместе с реализацией специфических задач уголовного и административного права, позволяет и частному праву в полной мере раскрыть свой позитивный, созидательный потенциал, в большей мере связать его с духовными принципами, с моралью.

Наконец, еще одна сторона проблемы. Это не «сами» гражданские законы, а их *действие*.

Суть вопроса в том, что частное право, выраженное в гражданских законах (и это относится ко всем отраслям права и законодательства), может реализоваться на практике, в реальных жизненных отношениях лишь частично, а порой по главному, глубинному своему содержанию и вовсе не реализоваться или приобрести принципиально иной, деформированный характер. Или, что не менее пагубно, получать идеологизированное, неадекватное понимание, интерпретацию.

Это и случилось с гражданскими законами в советском обществе — с Гражданскими кодексами РСФСР 1922 и 1964 годов. Дальше будет рассказано о том, что законы в основном проявляли свою частноправовую природу через юридические конструкции и категории и несколько полнее — в узкой сфере, преимущественно в бытовых отношениях. В целом же в условиях коммунистического строя гражданские законы и не могли реализовать свое основное историческое предназначение — стать решающим фактором формирования современного гражданского общества.

Впрочем, и «классические» законы частного права – Французский кодекс и Германское гражданское уложение раскрыли свою истинно историческую миссию (угаданную Наполеоном) спустя долгие десятилетия после принятия – лишь после того, как через свое рутинное содержание и многолетнее практическое действие воплотились в реальную практику, в образ жизни людей. Да и они «сработали» в полной мере лишь во второй половине нынешнего века.

Нечто подобное, увы, уготовано и российскому Гражданскому кодексу, который к тому же наряду со всеми сложностями, вызванными последствиями коммунистического строя, попал еще и в среду, соприкасающуюся с криминальными и полукриминальными отношениями и нравами. Несколько подробнее об этом – дальше, в одном из следующих разделов.

В НАУКЕ, а также в законоподготовительных учреждениях практиками-юристами подчас выдвигаются предложения о целесообразности издания особого *Хозяйственного кодекса*, выделения особого хозяйственного законодательства.

Под «хозяйственным законодательством» имеются в виду все нормативные юридические документы, посвященные вопросам права в области народного хозяйства. Такое единое собрание документов (юридических норм) полезно и удобно в практическом отношении, когда под рукой у юриста, хозяйственника, любого заинтересованного лица есть один «свод», в котором можно отыскать нужную юридическую норму. И сейчас у нас, в России, действительно остро назрела необходимость подготовки такого целостного документа – Свода законодательства по хозяйственным вопросам, «возглавляемого» Гражданским кодексом.

В то же время идея единого Хозяйственного кодекса, призванного *заменить* все другие отрасли законодательства по хозяйственным вопросам, прежде всего гражданское законодательство, не имеет в настоящее время сколько-нибудь серьезных оснований. Эта идея имела некоторые из таких, в основном идеологических, оснований в условиях советского общества, в обстановке господства плановой, административно-командной экономики, когда в принципе отрицалось частное право и, сообразно существовавшим в то время порядкам, по соображениям целесообразности, можно было собрать вместе все директивные документы, инструкции, которые имели приоритет при регулировании хозяйственных отношений.

Ныне же идея единого хозяйственного права лишена подобных предпосылок, она не согласуется с тенденцией формирования гражд-

данского общества, цивилизованной рыночной экономики, ее осуществление привело бы к утрате тех духовных, культурных, правовых ценностей, которые могли бы обеспечить реализацию указанной тенденции развития современной цивилизации.

Представляется важным обратить внимание на то, что создание сборников по хозяйственному законодательству, прежде всего единого Свода, вполне оправдано и целесообразно не в качестве *кодификации*, заменяющей гражданский и иные законы в области народного хозяйства, а в виде *инкорпорации* — сборников, объединяющих по предметному или иным признакам весь существующий законодательный и другой нормативный материал по хозяйственным вопросам.

Более весомые основания имеют предложения о необходимости подготовки *Кодекса предпринимательства*. Правда, не в том варианте, когда под этим названием опять-таки понимается по сути дела хозяйственное право, заменяющее гражданское и иные отрасли действующего законодательства в области народного хозяйства, и когда, по выражению одного из российских правоведов, прежний административно-командный «волк» прокрадывается в нашу обновляющуюся действительность в «овечьей шкуре», а в том варианте, в каком развиваются в современном обществе экономические процессы.

Дело тут вот в чем.

Гигантский научно-технический прогресс, с которым человечество подошло к концу второго тысячелетия христианской эры, вызвал к жизни новые «пласты социальности». Такие, как экологические отношения и в особенности широкие и многообразные участки объективированных духовных ценностей (интеллектуальная собственность), информационные структуры, которые во многом «втягивают» строго вещные отношения, своеобразные формы предпринимательской, рыночной активности. Вот эти новые «пласты социальности» весьма основательно влияют на содержание права, на юридические особенности его отраслей и институтов, приводят к тому, что начинают складываться целые отрасли права, которые призваны стать основой для решения сложных интеллектуальных, экономических и социальных проблем, юридически опосредствовать новые «пласты социальности». К числу таких отраслей и принадлежит по ряду данных предпринимательское право.

Вместе с тем новые экономические, социальные, правовые реалии современной эпохи вовсе не предполагают того, чтобы «отбросить все старое» и создавать в области права все заново, формировать юридические понятия и конструкции с «чистого листа», опираясь на один лишь нынешний экономический и социальный опыт. Напротив, по всем

данным, плодотворное осмысление фактов современной действительности может быть достигнуто на *основе достижений мировой правовой культуры, фундаментальных научных ценностей и принципов*, выработанных интеллектом и талантом специалистов многих поколений на основе долгой практики в трудовой деятельности, порой в нелегкой борьбе, в столкновении интересов и разных подходов.

Вот почему наиболее адекватной в научном и практическом отношениях характеристикой новых подразделений права (экологического, информационного, предпринимательского) является их определение в качестве *вторичных, комплексных отраслей*. Ибо они даже в сферах своих специфических отношений напрямую воплощают те правовые начала, которые характерны для других отраслей, прежде всего базовых – гражданского и административного права, права частного и публичного.

Например, в области предпринимательства уже сейчас могут быть обособлены специфические отношения, требующие юридически своеобразного опосредствования. Один из крупных мыслителей нынешнего времени О. Шпенглер справедливо пишет: «...для нас организатор, изобретатель и предприниматель являются *творящей силой*, которая воздействует на другие, *исполняющие силы*, придавая им направление, намечая цель и средства для их действия. И те и другие принадлежат экономической жизни не как владельцы вещей, но как носители энергии»¹.

Здесь действительно перед нами специфические, внутриадминистративные (внутрихозяйственные) отношения, формы, дающие простор и юридически обеспечивающие «энергию». Но юридическое своеобразие их регулирования не может быть понято без того, чтобы не взять за исходную основу такого понимания саму суть предпринимательской деятельности с правовой стороны – начала свободы и диспозитивности, которые в соответствии с ценностями гражданского права определяют исходные юридические позиции для «творящей силы». Они-то и реализуют экономические отношения, выраженные в слове «энергия». Стало быть, новые в данной области правовые явления следует рассматривать в качестве *продолжения и развития* фундаментальных правовых категорий и ценностей, выраженных в достижениях гражданско-правовой культуры, а не как нечто такое, что должно встать *взамен* их.

Аналогичные соображения могут быть высказаны, в частности, в отношении *корпоративного права* – своеобразной сферы функционирования хозяйственных товариществ и обществ, где также намечается развитие известной группы специфических отношений,

---

¹ Шпенглер О. Указ. соч. С. 86.

связанных главным образом с формированием и действием корпоративных актов¹.

Таким образом, если признать, что издание Кодекса предпринимательства — дело вполне оправданное (по крайней мере — в перспективе), то такого рода закон должен строиться в качестве *дополнительного*, в известном смысле — *вторичного, комплексного* законодательного документа, опирающегося прежде всего на фундаментальные положения гражданского законодательства.

4. Частное право — явление культуры

ПРАВО как продукт и элемент цивилизации может быть охарактеризовано также в качестве явления *культуры* — объективированного выражения и аккумулятора творчества человечества, его материального и духовного богатства, накапливаемых обществом социальных ценностей. И тут — как и по другим проблемам — следует учитывать особенности публичного и частного права.

Характеристика публичного права как явления культуры крепко связана и в принципе неотделима от понимания сути и назначения в обществе другого высокозначимого социального феномена — государства. И именно в едином контексте с государством, его ценностями призвана утверждаться и получать дальнейшее развитие публично-правовая культура. Своеобразие же в данной области *именно права* как особого, самобытного социального явления во многом выражено в праве частном, в гражданском законодательстве.

Частное право, рассматриваемое с указанных позиций, раскрывает свои достоинства как *общекультурная* ценность — явление культуры человечества в целом.

Вот ряд моментов, выражающих эти достоинства.

Прежде всего принятые и действующие с XIX—XX веков гражданские законы как ничто иное отражают «связь времен», причем по основополагающим институтам человеческой культуры. Ведь граждан-

---

¹ Т.В. Кашанина, отметившая это обстоятельство, рассматривает корпоративное право в качестве ядра предпринимательского права. Вместе с тем она в отношении первого из названных подразделений делает ударение на началах диспозитивности, на автономном методе (саморегулировании) и пишет в этой связи о предпринимательском праве «как об одной из отраслей частного права, в которой черты права публичного, по сравнению с другими отраслями частного права, выражены более определенно. Корпоративное же право в его составе доминирует, является ядром. В значительной мере именно оно придает предпринимательскому праву частноправовой характер» (*Кашанина Т.В.* Указ. соч. С. 55).

ские законы Франции и Германии, как и гражданские законы других стран, – это прямые преемники одного из великих шедевров культуры, заложенных в античности, – римского частного права, его уникального, непревзойденного юридического богатства, выраженного в отточенных юридических конструкциях, математически стройных формулах и классификациях, строгой и точной лексике.

Можно с достаточной определенностью утверждать, что юриспруденция, охватывающая частное право, оказалась в сущности единственным участком современной культуры, который напрямую, по большей части чуть ли не в первозданном, готовом виде воспринял одно из высших достижений культуры античности.

И в этой связи – еще один существенный момент. Гражданские законы стали восприемниками таких достижений культуры, которые обогащены разумом. Об этом ранее, и прежде всего в отношении римского частного права, уже упоминалось: большинство древнеримских юридических формул и сентенций – не результат сглаженной и усредненной коллективной проработки, характерной для законодательного правотворчества, а плод сильного и оригинального ума выдающихся древнеримских правоведов, обобщивших богатейший опыт римского прецедентного права. Древнеримские конструкции и принципы, реально сложившиеся в прецедентном праве Древнего Рима и сформулированные римскими классиками-правоведами, стали уже после периода расцвета древнеримской правовой культуры во II–III веках предметом интеллектуальной обработки, раскрывшей их значение «писаного разума» и в более позднее время – сначала в юстиниановской систематике (VI в. н.э.), а затем, столетия спустя, в проработках глоссаторов и постглоссаторов, приведших к формированию нового интеллектуально-правового шедевра – «права университетов» средневековой Европы.

Отмеченные моменты, надо полагать, выражают одну из существенных особенностей права, его значение для цивилизации как общекультурной ценности. Право, и в первую очередь частное право, олицетворяет и поддерживает целостность и единство человеческой цивилизации *во времени*. Оно в этом отношении – именно тот механизм культуры, который обеспечивает в череде сменяющихся эпох и национальных культур *непрерывность, преемственность* в регулировании экономических, личных неимущественных отношений. То есть во всем том, что выражает ценность права как механизма непрерывного воспроизводства социальной системы, причем не только «данной» (исторически определенной, национальной), но и в принципе самой по себе общественной организации как таковой – способа существования любого человеческого сообщества.

Нетрудно заметить, что отмеченная особенность права, изначально и наиболее полно проявляющаяся в частном праве, связана с важнейшей стороной миссии последнего – функцией, обеспечивающей постоянство, непротиворечивость и прочность социальной среды, в этой связи – мощного интегрирующего фактора, способного объединять (через интересы и свободу отдельных людей, регулирование частных отношений) различные страны и территории. А во времени, в черед сменяющихся эпох – обеспечивать непрерывность цивилизации в целом.

ЕСЛИ достаточно развитое частное право может быть охарактеризовано в качестве элемента общей культуры человечества, то явление обратного порядка – неразвитое, ущербное в данном обществе частное право и тем более частное право, «изгоняемое» властью из общественной жизни, – представляет собой свидетельство низкого уровня культуры. Если угодно, свидетельство своего рода *антикультуры*, несовершенства, пожалуй, даже (как это произошло в советском обществе) *порочности* социальной системы, которая оборачивается крупными бедами для людей.

Здесь, при неразвитом, ущербном или «изгоняемом» частном праве, происходит в принципе то же самое, что случается при попытках «избавиться» от частной собственности – одной из предпосылок и социальной предосновы частного права. Да и не только частного права, а первичных потребностей человека. Потому-то, как это отмечается в литературе, «лишение собственности или ограничение на владение ею деформирует... человека. Делает его агрессивным, завистливым и вороватым»¹.

А в обществе, где «изгоняется» частное право, агрессия, зависть и воровство возводятся в государственное начало всей общественной жизни, что оборачивается всеобщей коррупцией, взяточничеством, злобой и «войной всех против всех» в чиновничьей среде. Такого рода общество – тотально тираническое, когда происходит варварское опубличивание всей жизни на зоологическом уровне. И где публичное право, лишенное своего «напарника» – частного права, превращается в юридизированный придаток тиранической власти, всей репрессивной системы, юридизированным произволом и вседозволенностью.

ЧАСТНОЕ ПРАВО представляет собой явление культуры также и непосредственно в юридической области. Оно – важнейший источник пра-

---

¹ Дольник В. Непослушное дитя биосферы. М., 1994. С. 52.

Автор продолжает: «В нашем веке эксперимент по массовому лишению людей частной собственности ясно показал, что противодействие этому инстинкту делает людей не лучше, а хуже, чем они могли бы быть, владей они собственностью» (там же. С. 53).

вового прогресса, ведущий «цех» формирования отработанных, оптимальных юридических конструкций, принципов, ценностей правовой культуры.

История права свидетельствует о том, что долгие века юридические системы древнего мира имели примитивный, неразвитый характер, и это помимо иных моментов выражалось как раз в том, что они отличались аморфностью своего содержания, нерасчлененностью по сферам – тем, что юридические установления были представлены в юридических документах и практике как нечто одинаковое, качественно неразличимое с правовой стороны.

Правовой прогресс, и довольно интенсивный, исторически начался в сущности лишь тогда, когда за несколько веков до христианской эры произошло структурное и понятийное обособление в национальных юридических системах частного и публичного права. Особо впечатляющее и «взрывное» – как мы видели – в правовой системе Древнего Рима. Римское частное право, которое и в Древнем мире обрело значение права универсального, и «явило собой» как раз *чистое право*, что и предопределило столь мощное его влияние на все последующее мировое правовое развитие, на весь правовой прогресс¹.

Именно с той поры правовые институты как бы выкристаллизовались в «чистом» виде, что, надо полагать, и позволило в полной мере раскрыть потенции, заложенные в праве, прежде всего потенциал частного права, – обстоятельство, свидетельствующее помимо всего иного о том, что не только в науке, но и в реальных жизненных отношениях «чистые» явления и предметы с наибольшей полнотой обнаруживают свою специфику и возможности.

Отсюда – один из существенных моментов в истории развития права вообще. Эта история с указанной поры реализуется через публично-правовую и частноправовую культуру, проходит по двум самостоятельным (и одновременно тесно взаимодействующим) сферам – публичного

---

¹ О. Шпенглер, характеризуя римское частное право, говорит о необходимости «знания античного права, причем *не* как образца для значимых ныне понятий, но как блестящего примера развития права из чисто *практической* жизни эпохи» (Шпенглер О. Указ. соч. С. 86). Это мнение несправедливо. Римское право – «блестящий пример», неповторимый и исторический, прежде всего возникновения и кристаллизации *чистой мысли*, в особенности по пониманию *логики права*, закладываемой в понятийный аппарат и юридические конструкции.

Не скрою, несколько странное впечатление производит мнение О. Шпенглера (ранее уже упомянутое), когда он во имя обосновываемого им мнения в отношении римского частного права, с одной лишь ссылкой на то, что «классические юристы (160–220) Папиниан, Ульпиан и Павел были арамеями», относит выработанные ими теоретические конструкции к арабскому праву (там же. С. 73).

права и частного права, по двум различным, в чем-то даже несопоставимым феноменам, особым «правовым континентам» («галактикам»).

Так что, по всем данным, необходимо рассматривать правовую культуру и правовой прогресс в обществе расчлененно, дифференцированно. При известной общности культуры и прогресса в сферах публичного и частного права все же основные тенденции и ценности, важные для общества и права, их развития и будущего, изначально складываются и реализуются отдельно, по указанным фундаментальным сферам.

В публичном праве — это такие категории и ценности, как «компетентность», «дисциплина», «подчиненность», «ответственность»; в частном праве — «договор», «диспозитивность», «защита», «реституция».

В то же время взаимное проникновение этих категорий и ценностей из одной сферы в другую (например, конструирование в частном праве категории «ответственность» штрафного характера или применение в публичном праве конструкции «договор») не должно заслонять того решающего обстоятельства, что каждая из них имеет свою первородную обитель, по своим исходным свойствам коренится либо в естественном «праве свободы» индивида, либо во властно-государственных началах. И именно там, в «своей сфере», публичное и частное право в полной мере разворачиваются, получают адекватное и интенсивное развитие в виде оптимально отработанного инструментария (юридических конструкций и принципов) и потому, с учетом особенностей своей первородной обители и одновременно новых условий, должны рассматриваться наукой¹, воплощаться в законодательстве и применяться в юридической практике².

---

¹ Здесь уместно и такое еще замечание. В отношении научных разработок, совершенных правоведами в условиях советского общества (в них, как уже отмечалось, немало позитивного, вполне соответствующего мировому уровню науки), нужно постоянно иметь в виду, что они — даже в позитивных своих гранях — ориентированы все же на публично-правовую культуру. Эти разработки, особенно обобщающего характера, зачастую не принимают во внимание данные и ценности частноправовой культуры, которые по многим фундаментальным проблемам правовой теории (например, договорной формы юридического регулирования) призваны служить отправным пунктом научного анализа.

² Выскажу здесь в постановочном порядке общетеоретическое соображение на возможную и, не исключено, конструктивную перспективу разработки проблемы. Краткая характеристика частного и публичного права позволяет, думается, наметить контуры сложного, многозвенного пути движения природно-социальных процессов от природных предпосылок к праву. Это движение от природных предпосылок, которые выражены, с одной стороны, в обособлении отдельных особей из «социально-биологического целого», а с другой — в поддержании иерархической системы подчинения; через появление соответствующих объективных требований формирования «своего» закрепления и гарантирования за каждой особью; к образованию частного и публичного права, которые становятся результатом уже разумного восприятия и осмысления указанных требований людьми (и потому выступают под данным углом зрения в качестве продукта разума).

И ЕЩЕ ОДИН вывод из краткой характеристики частного права как явления культуры.

Как это ни покажется неожиданным, *для права как явления цивилизации и культуры исторически исходной, первичной является сфера частного права*. То есть правовая сфера, которая не является продуктом, инструментом и в известном отношении продолжением государственной власти, а рождается спонтанно, в силу требований самой жизни, под ее напором в условиях перехода общества первобытных людей в эру цивилизации.

Весьма показательно, что те же факторы, связанные с разумом, разумной творческой деятельностью индивида, которые определили развитие общества при переходе к цивилизации (избыточный продукт и вытекающая из него частная собственность; обособление отдельной, автономной личности), обусловили необходимость существования «горизонтальных» юридических отношений, которые бы строились на наличии множества юридически суверенных «центров», самостоятельности и суверенности субъектов, на свободном определении ими условий своего поведения.

Поэтому вовсе не случайно, что основные правовые категории, в особенности те, которые касаются начал естественного права, положения личности в обществе («субъект права», «субъективное право»), первоначально вырабатывались в частном праве на основе ее «логики», ее фактических материалов.

Да и вообще, частное право – база и обитель первичных и одновременно основополагающих юридических конструкций и принципов, а отсюда первичных юридических знаний. Прежде всего – по юридической догматике, аналитической юриспруденции.

Значение римского частного права как шедевра мировой культуры объясняется именно тем, что в Древнем Риме на основе частного права получила высокое развитие (в чем-то уникальное и непревзойденное) именно аналитическая юриспруденция. Ее достижения раскрылись в самой материи позитивного права и позже, уже после своего расцвета, были отражены в Кодексе Юстиниана (VI в. н.э.).

Ранее уже говорилось о том, что в Древнем Риме, реальная правовая жизнь которого строилась в значительной степени на решении конкретных жизненных ситуаций (прецедентов) и, по словам О. Шпенглера, представляла собой «право повседневности, даже мгновения», достижения аналитической юриспруденции концентрировались в основном непосредственно в практической работе юристов, в вырабатываемых ими «исках» – юридических конструкциях, правовых принципах, формулах, отличающихся предельной логической завершенностью, строгостью, точностью. Это в общем-то и формировало историческую и логи-

ческую почву для всей последующей аналитической юриспруденции¹. А затем — уже на основе данных аналитической юриспруденции, получившей развитие в отраслевых науках, прежде всего в науке гражданского права, — почву для обобщающих отраслей юридических знаний (общей теории права, социологии права, философии права).

5. Драматическая судьба

ЧАСТНОЕ ПРАВО как система правовых начал, элемент цивилизации и культуры — явление, если можно так сказать, «вечное», неуничтожимое. Оно — неперменная составляющая любой более или менее развитой юридической системы. Такая составляющая, от которой во многом зависит и состояние национального права данной страны в целом, и прогресс (или регресс) общества, успехи (или провалы, неудачи) его экономического, демократического и духовного развития.

Поэтому частное право непрерывной полосой проходит через всю человеческую историю. О существовании частного права можно говорить в отношении всех юридических систем прошлого и настоящего.

В то же время для частного права характерны различные, порой полярные состояния — состояние несовершеннолетних, примитивных юридических форм и стадии поразительного совершенства, долгие века стагнации, «замерзания» и стремительного взлета. Такие перепады, взлеты и падения, решающим образом зависят от исторической эпохи, сложившегося в стране экономического, политического и духовного строя, общих тенденций исторического развития. Хотя, возьмем на заметку, судьба частного права в немалой степени обусловлена также мерой господства в данном обществе *мысли*, той ролью, которую играют в обществе духовные пастыри, проповедники, в особенности тогда, когда достойное место среди них занимают философы и правоведы.

ЧАСТНОЕ ПРАВО отмечено в истории долгими веками «бесславной судьбы», убогого существования в неразвитых, примитивных формах. По большей части в виде казуистических норм, судебных прецедентов, обычаев, нередко связанных с религиозными догмами, ритуалами, отчасти — законов, содержащих опять-таки конкретизированные импе-

¹ Вместе с тем едва ли прав О. Шпенглер, справедливо отметивший прецедентный характер римского (античного) права, когда он вместе с тем утверждает, что «римское право перестало быть для нас источником вечно значимых фундаментальных понятий. Для нас оно ценно как свидетельство отношений, существовавших между римским бытием и римскими правовыми понятиями» (*Шпенглер О.* Указ. соч. С. 87).

ративы по отдельным жизненным ситуациям, нередко к тому же плотно перемешанных с категориями публично-правового порядка.

Это, понятно, первые фазы истории права вообще.

Такой, например, выдающийся памятник Древнего мира, как Законы Хаммурапи (XVIII в. до н.э.), предусматривал и договорную форму, и порядок возмещения за вред, и даже распределение риска на началах принципиального равенства субъектов. Но и эти законы не шли дальше того, чтобы вводить казуистические правила. Скажем, следующее: «Если человек отдаст свое поле земледельцу за арендную плату и получит арендную плату за свое поле, а потом Адад затопит поле или наводнение унесет жатву, то убыток падает только на земледельца».

При анализе этого правила нетрудно сделать вывод, что оно строится на признании равенства сторон, основой взаимоотношений является договор, проводится принцип «равновесности» несения тягот от случайной гибели вещи (тем более при явлениях стихийного порядка, непреодолимой силы – «Адата»). И в этой связи допустимо говорить о «частном» или «гражданском» праве Древнего Вавилона. Однако приведенное и аналогичные правила «перемешаны» с нормами публичного порядка, сами имеют характер императивных установлений, а главное, даже вычлененные и рассматриваемые в единстве могут быть охарактеризованы в качестве таких, которые построены на неких частноправовых началах лишь путем отвлеченных умозаключений (к тому же основанных на современном правопонимании).

Можно высказать соображение и более общего характера. Во всех странах Древнего мира и Средневековья, в особенности – теократических монархиях, при режимах азиатско-тиранического типа, частноправовые формы оставались долгие века неразвитыми, примитивными, занимали весьма скромное, пожалуй, даже убогое место в государственной-правовой жизни общества, в системе юридического регулирования.

В этой связи надо заметить, что наше повышенное внимание к частному праву Древнего Рима обусловлено не только тем, что в нем сложились логически стройные, юридически совершенные гражданско-правовые конструкции и категории, но в не меньшей мере и тем, что институты частного права заняли достойное, высокое место в жизни всего общества (подтверждением этому может служить хотя бы сам факт выработки известной формулы: «Пусть свершится правосудие, даже если погибнет мир»). И хотя было бы неоправданным в этой связи рассматривать древнеримское общество как «правовое» и в чем-то справедливы суждения ученых, полагающих, что в ту пору во многом еще существовало «протоправо», но то, что здесь в специфических

условиях античности был сделан крупный шаг в указанном направлении, — факт, который может получить достаточное обоснование.

В то же время вот какое обстоятельство не следует упускать из поля зрения. Какое бы скромное, убогое место ни занимали частноправовые формы в большинстве стран Древнего мира и Средневековья (в том числе в «варварских» государствах, утвердившихся на территории бывлой Римской империи), они, эти частноправовые формы, демонстрируют все же неодолимость, «вечность» частного права. Даже при самых тиранических режимах теократического типа и разбойничьих образованиях норманнских общностей на почве торговли, хозяйственного и межсемейного (межродового), индивидуального общения и быта спонтанно, в силу требований самой жизни складывались — пусть и примитивные (но примечательно — всегда однотипные) — юридические формы, выражающие и опосредствующие частноправовые отношения.

ДЛЯ ИСТОРИИ права характерны не только долгие периоды низкой частноправовой культуры, застойного состояния, но время стремительного, «взрывного» развития, поистине взлета частного права.

И самое примечательное здесь то, что такого рода взлеты синхронно соответствуют крупным историческим переломам в истории человечества, цивилизации, в том числе в развитии всей духовной культуры, в известном смысле — утверждения в жизни людей светлой перспективы, разума, надежды. Ведь те основные вехи в развитии частного права, о которых говорилось ранее (напомню, таких вех было названо три и еще одна, четвертая, в наши дни только еще определяющаяся), — это в каждом случае крупные исторические повороты в человеческой истории, рубежи целых исторических эпох, восходящего развития человеческой цивилизации.

Расцвету римского частного права, как мы видели, соответствует тот прорыв в истории человечества, которым ознаменовано «начало» христианской культуры, христианской цивилизации. И то обстоятельство, что «золотой» период римского частного права выпал на I—III века н.э., возможно, подтверждает гипотезу о глубокой внутренней связи Христовых откровений в области права и расцвета права (и, быть может, придает известную значимость подмеченному историками развития человеческой культуры факту, что крупнейшие правоведы-классики Древнего Рима творили во II веке и были по преимуществу выходцами из народностей, близких к христианству¹).

¹ По мнению О. Шпенглера, «классические юристы (160—220) Папиниан, Ульпиан и Павел были арамеями; Ульпиан с гордостью называл себя финикийцем из Тира...» (*Шпенглер О.* Указ. соч. С. 73). Однако из этого исторического факта вытекает вовсе не

Другая веха в развитии частного права – «право университетов» в Средние века – это время Возрождения, всестороннего развития предосновы либеральных цивилизаций – возрожденческой культуры.

Следующая веха – гражданское законодательство эпохи, открытой Просвещением, Великой французской революцией (прежде всего наполеоновский Гражданский кодекс), – вообще, быть может, наиболее крупный перелом в судьбе человечества, выражающий переход от традиционных к либеральным цивилизациям.

Наконец, хотелось бы привлечь внимание к тому, что современная стадия развития гражданского законодательства, стадия модернизации и углубления выраженных в нем исконных, первородных частноправовых начал (и одновременно, как мы увидим, глубокого единения модернизируемого частного права и современного естественного права) – предвестник, а возможно, уже и выражение новой эпохи развития человечества. Эпохи, когда в обстановке утверждения либеральных цивилизаций, в трудных, противоречивых процессах общественного развития шаг за шагом происходит реализация «замысла природы» – утверждение в жизни людей тех задатков, которые основаны на разуме и высоких моральных, духовных принципах, принципах солидарности.

РАССМАТРИВАЯ судьбу частного права, его состояние и роль в современную эпоху, представляется важным вновь обратиться к одной из острых проблем нынешнего времени – к проблеме гражданского права и «рынка».

К сожалению, прогрессивное демократическое развитие современного общества ряд специалистов нередко связывает просто с «рынком». Между тем «просто рынок» – явление, характерное для всех эпох и в принципе для любых «вариантов» экономики (даже для плановой социалистической экономики, где существовали своеобразные, уродливые, но все же именно рыночные отношения). «Просто рынок» может стать и поприщем диких порядков, разбойничьих нравов, в итоге – общественного упадка, разложения.

Как показывает развитие общественных взглядов в середине XX века, само понятие «рыночная экономика» как нечто передовое было выдвинуто в противовес плановой социалистической экономике, вокруг

то, что полагает автор (по его мнению, в дошедшем до нас «римском праве» мало римского, а больше – того, что выражено в иудейской, христианской культуре, персидской литературе). Здесь, надо полагать, одно из свидетельств глубокой внутренней связи между основательными ценностями права и христианства.

которой в 1930-х годах возник ореол будто бы обоснованного превосходства по сравнению со стихией капиталистического эксплуататорского общества. И едва ли можно признать оправданными широко распространившиеся представления о том, что будто бы именно «рыночная экономика» как таковая во второй половине XX века привела к экономическому и потребительскому процветанию в ряде стран Запада, ознаменовала победу капитализма над социализмом в сферах производительности труда, экономики и потребления.

Все здесь значительно сложнее, чем просто «рынок». Процессы здесь — более глубокие, относящиеся в большей мере к праву, чем к «рынку» как таковому. Но обратиться ко всему комплексу этих процессов окажется возможным по логике изложения только в следующей главе.

А пока, причем с учетом только что высказанных соображений, следует рассмотреть и другие стороны судьбы частного права.

СУДЬБУ ЧАСТНОГО ПРАВА можно назвать *счастливой*. Но эта судьба одновременно (как часто бывает в жизни) также исполнена истинного *драматизма*.

И драма частного права — не в том, что в его развитии время расцвета и взлетов сменялось долгими периодами упадка, примитивных, неразвитых юридических форм (такие перепады характерны для развития всей человеческой цивилизации, всех его институтов и форм).

Ведь и «классические» законы частного права — Французский кодекс, гражданские законы других стран раскрыли свою истинно историческую миссию (угаданную Наполеоном) спустя десятилетия после своего принятия — лишь после того, как через свое рутинное содержание воплотились в реальную практику, в экономику и быт, в образ жизни людей.

Истинная драма частного права началась уже во второй половине XIX века, когда все более стали проявляться пороки, изъяны промышленного капитализма, базирующегося на экономической свободе на уровне «вольницы». И становилось очевидным, что сами по себе гражданские законы типа Французского кодекса (а затем в не меньшей мере и в виде Германского гражданского уложения), при всем своем позитивном значении, во многом оказываются *бессильными, немощными*. Раскрыв широкий простор для экономической свободы, они вместе с тем развязывают и разрушительную стихию, будучи не в состоянии в полной мере переключить «энергию свободы» в творческое, созидательное русло и тем самым способствовать устойчивому восходящему развитию, одновременно став преградой на пути разрушитель-

ных последствий, нарастающих губительных процессов, порожденных необузданным демоном «вольного», а точнее, дикого капитализма.

Промышленный капитализм, облагороженный гражданскими законами, оказался строем, в котором на основе этих законов «дикие» капиталистические отношения загоняются в жесткие правовые схемы и формулы, упорядочиваются процессы, связанные с предпринимательской активностью. И все же начала частного права в их глубоком значении и при строе промышленного капитализма, как оказывается, в полной мере еще не «срабатывают». Не умиряют, не обуздывают в полной мере негативные стороны экономической свободы. Более того, живая, творческая и трепетная душа романтизма и созидательной энергии свободного общества даже исчезает из общественной жизни. И кроме того – разрушительные периодические кризисы, массовая безработица, обнищание множества людей, экологические катастрофы. К ним добавляются колониальные войны, политика империализма, ввергающая все страны мира в общий котел людских несчастий.

И если еще в начале XIX века гражданские законы были овеяны романтическим обаянием лозунгов Великой французской революции и отсюда величественно «звучали» заложенные в них правовые начала, то к концу века законы по гражданскому праву все более превращались в сугубо оформительские документы. Единое гражданское законодательство стало растаскиваться отдельными ветвями специального законодательства, в особенности торгового, земельного, фабричного. Сама идея частного права в большой мере померкла. Так что чудовищный срыв с частным правом, который произошел в России в начале 1920-х годов, когда был взят курс на его уничтожение, в какой-то мере оказался подготовленным экономическим и социальным развитием общества в конце XIX – начале XX века.

Словом, человечество в первые же десятилетия XX века оказалось перед вызовом времени. Этот вызов во всей своей жуткой наготе выступил в виде кровавой бойни Первой мировой войны, повлекшей истребление миллионов людей, послевоенную разруху, социальное разложение 1920-х годов. Он же напрямую прозвучал и в очевидных свидетельствах крушения всего строя промышленного капитализма и политики империализма в годы Великой депрессии начала 1930-х годов, подведшей человеческое общество к черте тотального разрушения цивилизации, ее ценностей, разложения культуры и морали.

По причудливым зигзагам развития человеческого духа, соединяющим соблазнительные утопии и зоологические инстинкты, ответом

на этот вызов времени стали два течения в общественной жизни, которые приобрели характер тоталитарной идеологии и практики.

Первое из них, охватившее надеждой миллионы обездоленных людей сразу же после Первой мировой войны, — это крайний вариант в общем-то благородных социалистических идей — течение *ортодоксального коммунизма*, вознамерившегося путем насильственной революции устранить пороки капитализма, всего эксплуататорского общества и создать общество всеобщего счастья для людей, построенное на равенстве, радостной жизни «по потребностям».

Второе течение, набравшее силу после Великой депрессии и, казалось бы, окончательно обанкротившегося плутократического капитализма, — это *фашизм* — идеология насилия, соблазнившая людей счастливой жизнью для этнически избранных господствующих рас, господства элит — носителей национального духа.

И вот истинная драма частного права состоит в том, что в первой половине XX века, в особенности в 1920–1933 годы, частное право с его великими гуманитарными ценностями (ценностями свободы человека, интеграции свободных людей) оказалось в обстановке доминирования тоталитарной идеологии и практики на периферии общественной жизни. В такого рода обстановке и гражданские законы — даже такие юридически совершенные, как Германское гражданское уложение, — в реальной жизни «замкнулись» в основном на сугубо деловой практике, на бытовой сфере. В условиях же советского общества Гражданский кодекс, и по содержанию подстроенный под идеологию и практику коммунизма, во многом стал прикрытием коммунистического строя, господствовавшего на территории Российской империи и некоторых стран в течение долгих десятилетий до конца 1980-х годов.

На этой фазе, слава Богу, не завершилась судьба частного права. Она все же имела счастливое продолжение. Но это «продолжение» состоялось только во второй половине XX века. И главное — оно произошло в связи с развитием права в целом, когда началось становление принципиально нового феномена в мире юридических явлений — «права человека».

ГЛАВА ТРЕТЬЯ ПРАВО ЧЕЛОВЕКА

1. Выход из тупика — власть?

К СЕРЕДИНЕ 1930-х годов глубокий кризис, поразивший промышленно развитые страны Запада в годы Великой депрессии, малопомалу как будто бы заканчивался. И человечество, казалось бы, вновь стало обретать энергию прогрессивного развития.

Но это впечатление оказалось обманчивым. Общие беды общественного развития, проявившиеся в строе промышленного капитализма, и в послекризисное время сохранились и даже по некоторым направлениям еще более обострились. В демократических странах наряду с тенденциями к модернизации усилились процессы, свидетельствующие об общественной стагнации, общественном упадке. Звучащие в то время определения этих стран в терминах «плутократия», «разложение» и им подобных, при явном узкоидеологическом, политизированном их звучании и их различной философской и пропагандистской ориентации, все же в немалой степени отражали истинное положение дел в «западной демократии».

Значит — что? Все же тупик в общественном развитии?

Ведь обанкротились и те течения общественной жизни, которые в представлении немалого числа людей, казалось бы, давали ответ на вызов времени, — коммунистический строй и фашистские режимы. Напротив, тот и другой варианты общественного развития, при всем их действительном и кажущемся различии, породив некоторые приметы модернизации, а еще более видимость благополучия и даже иллюзию будто бы близкого «грандиозного будущего», обернулись на деле порядками диктатуры, беззакония и мракобесия. Режимом рабства и истребления целых народов, наций — по идеологии и практике фашизма.

И уж совсем похоронным маршем общественному прогрессу стала новая мировая бойня 1939—1945 годов, по сути — кровавая схватка фанатичных идей, безумия вооруженного насилия, принявшая невиданный в истории истребительный характер. К счастью, в согласии с логикой Истории, эта новая мировая бойня завершилась в 1945 году разгромом цитадели системы насилия и истребления народов, на-

ций — фашизма. В какой-то мере оказалась подорванной и коммунистическая идеология, так как борьба Советского Союза с фашистской Германией, сыгравшего в разгроме фашизма решающую роль, проходила в союзе с демократическими странами под общими лозунгами «свободы» и «демократии».

Не оправдались в этой связи надежды на право. Увы, одним из последствий событий конца XIX и особенно первой половины XX века стала подмеченная рядом мыслителей утрата в общественном мнении и в науке веры в право, девальвация юридических ценностей. Право, юридические механизмы, в том числе частное право, оказались бессильными, немощными перед глобальными бедами; значит, посчитали многие специалисты и глашатаи общественного мнения, право вообще не такой уж значимый и великий социальный институт, как это пригрезилось в угаре лозунгов Великой французской революции, идей Просвещения.

НО ВОТ другое явление общественной жизни, возобладавшее в странах в связи с событиями конца XIX — первой половины XX века, привлекло внимание. Это — идея *усиления регулирования со стороны государственной власти*. Регулирования — всеохватного и вездесущего — экономики, сферы распределения, вмешательство в социальных целях в частные дела (что еще более подорвало веру в частное право, да и в право вообще, создающее всяческие «препоны» во властной государственной деятельности).

Ведь и впрямь выход из Великой депрессии начала 1930-х годов сообразно знаменитому новому курсу Рузвельта был найден в ряде решительных государственных мер по упорядочению экономических процессов. И уже совсем показалось поучительным «императивное государственное регулирование» экономических и социальных процессов в предвоенное и военное время. Затем — усиление и расширение социальной деятельности государства, в особенности в послевоенных условиях. Да что ни говори, при всех очевидных в то время минусах коммунизма есть все же — как это под напором массивированной пропаганды показалось в 1930–1940-е годы — великолепный опыт СССР, создавшего на твердой государственной основе коллективное сельское хозяйство, передовую индустрию, гигантский современный промышленный потенциал и решившего в невероятно сложных условиях войны экономические проблемы, — факты, получившие широкую известность во всем мире!

Как тут не признать основательными теоретические выкладки Кейнса и его сторонников о необходимости усиления экономической и социальной деятельности государства даже для свободного общества!

И вообще, обоснованность взглядов о «социальном государстве», признание целесообразности всестороннего государственного планирования народнохозяйственной жизни! Недаром именно в то время, в послевоенные годы, получила распространение среди передовых умов не только склонность откорректировать либеральные взгляды идеями «консенсуса», вплоть до теории «социалистического либерализма», но и концепция конвергенции, предполагающая соединить преимущества социализма (плановую экономику) и достижения западного общества (политические свободы).

К ВЕЛИКОМУ СОЖАЛЕНИЮ, и в прошлые годы и сейчас мало кто придает должное значение тому обстоятельству, что «вторжение власти» в экономическую и социальную жизнь возвращает общество к пройденным фазам развития, к общественным порядкам, построенным на доминировании власти с ее пороками и коварством и отсюда — со всеми отрицательными последствиями для общественного развития, прогресса общества. И что это направление социального развития (наиболее остро и зловеще проявившееся как раз в коммунизме и фашистских режимах) противоречит общим тенденциям развития человеческой цивилизации, необходимости модернизации общества на основе демократии, переходу в результате этого процесса социальных систем к правовому гражданскому обществу.

Да и по своим конечным результатам достижения огосударственного общества оказываются временными, эфемерными, со шлейфом пороков и отрицательных явлений. Ведь и широко разрекламированная в свое время советская плановая экономика, действительно с известным успехом решив ряд грандиозных, но краткосрочных проблем и с еще большим успехом создав в 1930-е годы пропагандистский ореол «победы социализма», показала в мирной, «ординарной» обстановке свою бесплодность, растратность, породила целый комплекс негативов и трижды подвела советское общество к черте катастрофы (в период «военного коммунизма», в начале 1930-х гг., в 1970–1980-е гг.).

А уж в условиях правового гражданского общества «нарастающее усиление роли государства», переходящее грань его свободного развития (особенно сообразно требованиям свободной конкурентно-рыночной экономики), — это всегда «вмешательство», связанное с негативными сторонами использования власти в экономической и социальной жизни, с невиданным ростом, разбуханием бюрократии, государственным своеволием. И оно — притом с заведомо неизбежными потерями — может быть оправдано в пределах терпимой целесообразности и уровня

развития во имя решения социальных задач, образования, фундаментальной науки, здравоохранения, а за этими пределами — только чрезвычайной обстановкой. Обстановкой природной стихии, техногенных катастроф, войны. И именно такой характер — характер временных, чрезвычайных мер, «неизбежного зла» — имело по сути дела усиление государственного воздействия на экономику западных стран в условиях военного и послевоенного времени, и оно, как свидетельствуют факты, по мере утраты острой необходимости, постепенно свертывалось, заменялось при решении социальных задач формами, адекватными требованиям свободной рыночной экономики.

Оправдано, понятно также, концентрированное использование государственных властных мер в особых исторических условиях. Скажем, сильное, целенаправленное и вместе с тем аккуратное, взвешенное государственное руководство необходимо при переходе от плановой, административно-командной коммунистической системы к условиям гражданского общества, к цивилизованной конкурентно-рыночной экономике. С тем чтобы процесс реформ оказался наименее болезненным для людей и общество не сорвалось в бездну безоглядной вольницы, разгула криминальной стихии.

Другой вопрос, притом вопрос концептуального порядка, — это необходимость в условиях гражданского общества *общего государственного регулирования*, в том числе общего государственного регулирования отношений в сфере конкурентно-рыночной экономики. Но регулирования — *правового*, причем такого, когда оно не переходит «меру» и «пределы», определенные требованиями гражданского общества, и когда в соответствии с этим его *сердцевиной является частное право, возведенное в закон*, в гражданское законодательство, развитое общее право англо-американского типа, а также в «сопровождающие» и «сопутствующие законы» публичного права.

Иначе, при отсутствии такого социально оправданного общего регулирования, опять-таки велика угроза «срыва», когда «рынок» скатывается в разбойничью криминальную вольницу с господством «права сильного», с криминальными нравами и разборками.

Главное же «государственное вторжение» в экономическую и социальную жизнь, даже социально оправданное, смягченное общим государственным регулированием и облагороженное правом (и понятно, тем более выбивающееся за необходимые «меру» и «пределы» и с существенными огрехами по вопросам права), неизбежно сопряжено со многими отрицательными явлениями. Прежде всего с безудержным ростом чиновничьего аппарата, бюрократии, приоритетом силовых ведомств, расшире-

нием и ужесточением властно-императивных начал в жизни общества, тенденциями к доминированию командно-административного управления. А значит, с укоренением бюрократических сторон функционирования аппарата, стремлением к чиновничьему всемогуществу, дальнейшими порывами к вмешательству во все и вся и, как показывает жизненная практика, с ростом злоупотреблений властью, коррупцией, мздоимством.

2. Естественное право. Право, которое рождено Историей

НО ЕСЛИ СООБРАЖЕНИЯ об ограниченном характере использования государственной власти в гражданском обществе справедливы (а они могут быть подкреплены и рядом других аргументов), то возникает вот какой вопрос.

Чем тогда, спрашивается, объяснить то обстоятельство, что в 1950–1960-х годах промышленно развитые западные страны не только вышли из тупика – полосы стагнации, кризисных явлений, – но в этих странах, а затем во многих других регионах мира началась эпоха всесторонней модернизации, экономического подъема, прогрессивного социального развития? Каковы истоки теперь уже прямого вхождения ряда демократических стран в условия истинно либеральной цивилизации – постиндустриальной экономики, доминирования среднего класса, безусловного приоритета демократических начал, достойной и благополучной жизни большинства людей?

Основная, не всегда прямо провозглашаемая мысль, которая дает о себе знать при ответе на эти и им подобные вопросы, по-прежнему сводится к тому, что в нынешний век усилилась роль государственной власти. Вот, дескать, перед нами – современные результаты начал, заложенных кейнсианскими идеями, новым курсом Рузвельта, практикой военных и послевоенных лет, идеологией социального государства.

Особо выразительное и притом своеобразное «отечественное» звучание эта мысль получает в России, где неудачи реформ, объявленных радикально-либеральными (хотя в действительности от них довольно далекими), породили представление о необходимости «сильной власти» не только на переходный период, но и сообразно отечественным державным традициям на будущее, на преобразенную «державную и православную Русь».

СЛОВ НЕТ, современное демократическое государство занимает в глобальных преобразованиях нынешней эпохи выдающееся место.

Причем — в какой-то мере и со стороны своих властных императивных функций и прерогатив. Ведь, скажем, в Германии исходным пунктом современного демократического развития стал не только военный разгром фашистской империи в Европе, но решительные меры по денацификации, суд победителей над главарями фашистского режима, преодоление идеологии и практики национал-социализма (а в этой связи — покаяние нации, очищение от тоталитарной скверны). В Японии после поражения ее армии в 1945 году первые шаги к демократическим преобразованиям и развитию цивилизованного рынка вообще были навязаны оккупационными силами — властными мерами решительно искоренялись устои милитаризма в экономике, политике, законодательстве. Да и развитие общественной жизни в странах «старой демократии» в послевоенное время еще раз подтвердило, что само функционирование гражданского общества предполагает обеспечение надлежащего порядка и дисциплины в обществе, последовательную борьбу с экстремизмом, с преступностью, четкую и результативную работу всей системы правоохранительных учреждений.

И все же если уместно и оправданно говорить о значительной роли современного демократического государства (внимание! — именно «государства», а не просто государственной власти) в нынешнюю эпоху, то речь должна идти о *принципиально новых сторонах* его функционирования.

Эти принципиально новые стороны государственной деятельности проявляются уже в том, что наряду со своей правотворческой и властно-императивной, исконно государственной правоохранительной деятельностью современное демократическое государство стремится обеспечить решение социальных задач путем выработки и придания должного авторитета социальным программам, поощрения соответствующих самостоятельных частных организаций, формирования координирующих центров.

Иначе говоря, государство в социальной сфере во все больших масштабах выступает не как институт императивной власти, а как общенациональная авторитетная корпорация, однопорядковая в данном отношении по своему статусу с соответствующими инициативно-частными организациями. Да и сама государственная деятельность в этой связи приобретает «мягкие», не традиционно-императивные формы; она выражается в системах поощрения, льгот, аккуратной, строго дозированной корректировке имущественных отношений (например, в области аренды, юридического обеспечения общедоступности важных социальных благ, охране прав потребителя и др.). И совсем уже примечательное

явление – государство, как это отмечено в литературе на примере Германии, нередко передает государственные учреждения (в сфере обслуживания, образования, здравоохранения) частным лицам¹.

Здесь, строго говоря, не столько даже «усиление государства» (и уж совсем не «усиление власти»), сколько изменение *качества* государственной деятельности. В чем же состоит такое изменение? В чем его суть?

И вот тут, при попытках основательно разобраться с только что поставленными вопросами, оказывается, что *именно сейчас, в нынешнюю эпоху, в праве, а затем и в государственной жизни начинают происходить наиболее значительные за всю человеческую историю перемены, намеченные при вступлении человечества в новую стадию цивилизации.*

Ключом к пониманию происходящих здесь процессов наряду и в связи с исторически неизбежным приходом на смену традиционным социальным системам цивилизаций либерального типа является *естественное право*. Точнее, нарастающее проникновение естественного права (притом *в современном его понимании и значении*) в действующее позитивное право, во всю государственно-правовую жизнь общества. Что в свою очередь выражает «прорыв» разума, глубоких духовных начал в жизнь людей, в том числе – и это тоже знаменательный факт, к которому в последующем также придется обратиться, – в сферу научно-технического прогресса.

В данном пункте поначалу придется несколько отойти от логики изложения событий сегодняшних дней и характеристики факторов, открывших путь к выходу из тупика промышленного капитализма, и вкратце затронуть некоторые общие проблемы. При всей сложности такого рода общих проблем и возможных трудностях их восприятия читатель, надеюсь, разделит убежденность автора в необходимости хотя бы краткого их рассмотрения (тем более что они касаются важных сторон развития человеческого рода вообще – темы, которая, кажется, интересует или должна интересовать всех).

Итак, исходная из таких общих проблем – естественное право в его современном понимании и его взаимосвязь с действующим (позитивным) правом.

ТО ПРАВО, о котором ранее, в предшествующем изложении, шла речь (объективное право, частное и публичное право), нередко именуют *позитивным*. Что значит «позитивное право»?

---

¹ См.: Государственное право Германии. Т. 1. М., 1994. С. 68–69.

Еще во времена античности в древнегреческой мифологии сложилось представление о существовании «права по природе» и «права по человеческому установлению», что нашло отражение в мифах о взаимоотношениях и деяниях Зевса, Фемиды, их дочерей — Дике, Эвномии.

«Право по природе» — это требования «правового» характера, непосредственно вытекающие «из природы», т.е. из жизни, из разума, — требования, непосредственно выраженные в обычаях и морали и во многом их определяющие. Вот, скажем, право, которое обрел человек, заняв очередь. Спросил человек: «Кто последний?» или «Кто крайний?» — встал в очередь, и значит, у него уже есть право на данное место в очереди. Это право имеет характер обычая. Но оно больше, чем просто обычай, по своей сути оно вытекает из естественного порядка вещей, из природной предопределенности особей следовать друг за другом, занимать в такой последовательности фиксированное место. Поэтому оно повсеместно столь строго проводится в нашей жизни. Такой же характер имеет право, вытекающее из старшинства, биологических, естественных зависимостей, связанных с продолжением рода. В древнегреческих мифах это, например, отцовское право Зевса или материнское право Фемиды.

Такое «право по природе» и получило название *естественного права*.

А вот «право по установлению людей» — это уже *позитивное право*, выраженное в законах, судебных прецедентах, правовых обычаях. Именно о нем и идет в основном разговор в этой книге. Оно, в отличие от естественных зависимостей и от соответствующих неправовых обычаев, моральных норм, является «позитивным» потому, что здесь определенные нормы поведения специально создаются (или признаются, санкционируются) людьми и властно утверждаются в общественной жизни в качестве постоянного критерия для обязательного поведения, каким-то образом внешне обозначаются. Словом, в данном случае имеется в виду *объективное право*, которое в рассматриваемом отношении можно признать некоторым *искусственным образованием*¹. Искусственным и притом, по воле людей, постоянно существующим, «заведенным» на непрерывное действие для решения жизненных ситуаций (некоторые философы говорят о позитивном праве даже как о «второй природе»).

¹ «Право, — пишет О. Шпенглер, — произвольная форма существования вне зависимости от того, было ли оно признано на уровне чувств, импульсивно (неписаное право, обычное право, equity) или абстрагировано посредством обдумывания, углублено и приведено в систему (закон)...» (Шпенглер О. Указ. соч. С. 380).

На первых фазах человеческого бытия, в древние да и средневековые эпохи в качестве «естественных» нередко понимались чуть облагороженные требования, основанные на «грубом» естественном состоянии, порой – биологических императивах зоологического порядка, что в какой-то мере оправдывало, например, институты кровной мести, талиона, выкупа.

Конечно, само по себе естественное право не может (не должно по самой своей сути) выполнять функции, присущие позитивному праву, – выступать в качестве официального критерия юридической правомерности или неправомерности поведения людей – основы применения каких-то принудительных мер, санкций. Иначе ни о какой законности в обществе не может быть и речи. Ведь естественно-правовые требования, при всей их изначальности, важности, имеют и негативные стороны. Они непосредственно, ближайшим образом выражаются в обычаях, в морали и в этом качестве – как и иные обычаи, моральные нормы – не обладают достоинствами норм юридических – не отличаются строгой определенностью по содержанию, нередко понимаются по-разному, произвольно, сообразно представлениям и идеологическому настрою тех или иных лиц.

Между тем в реальных жизненных ситуациях как раз и возможны (в силу отмеченных особенностей естественного права) случаи прямого насилия, произвола, облагораживаемые, к сожалению, ссылками на некое «естественное право». Это, например, проявляется в дедовщине и в ряде других отвратительных явлений нашей жизни. В том числе и в революционной обстановке и акциях нашего прошлого – в виде «революционного правосознания», опирающегося на «революционную мораль», оправдываемого «естественным правом» людей на всеобщее счастье. А за пределами общепринятых моральных норм даже в некоем «праве криминального мира», скажем, в непререкаемом властвовании «воров в законе».

В то же время естественное право (как первичное, природное, выраженное в общепринятых обычаях, морали) должно учитываться в законах, в судебной деятельности, во всем позитивном праве. Естественно-правовые требования в ряде случаев – например, при решении вопросов очередности, последовательности тех или иных действий, принципов взаимодействия субъектов, решениях по «здравому смыслу» – берутся в качестве основы юридических норм, их толкования. В правовой науке подмечено, что «идея естественного права уже у римских юристов приобрела серьезное практическое значение: естественное право и справедливость, *jus naturale* и *aequitas*, часто рассматри-

ваются ими как источники гражданско-правовых норм и оказывают влияние на толкование этих последних»¹.

Но вот пришло время в истории человечества, когда естественное право приобрело широкое и определяющее значение для общества, прежде всего — для действующего права в целом, для самого его существа, роли и места в жизни общества. Произошло такое возвышение естественного права как раз в эпоху Просвещения, Великой французской революции, т.е. в исторических условиях, когда начался переход Франции, других стран к демократии, к правовому гражданскому обществу.

Именно в это время на основе возрожденческой культуры раскрылся глубокий, истинно человеческий смысл естественного права, отвечающий сути разума, — *свобода человека, его высокое положение в обществе, во всем мироздании*. Как свидетельствует И.А. Покровский, хотя «идея естественного права тянется непрерывно через всю историю умственного развития Западной Европы», тем не менее «особенную глубину и интенсивность естественно-правовое настроение... приобрело в XVII и XVIII веках, — в эпоху, которой и дается по преимуществу название эпохи естественного права»². Именно тогда основные принципы в сфере государственно-правовой жизни общества того замечательного, поистине переломного для человечества времени определились в качестве принципов естественного права и в таком виде оказали решающее воздействие на все общественное развитие. Имеются в виду такие принципы, как:

— *принцип народовластия* — право народа самому определять свою судьбу, свой общественный и государственный строй;

— *принцип прав человека* — наличие у людей, у каждого человека *природных* и потому — *неотъемлемых прав*.

Насколько значительным оказалось влияние естественного права на формулирование основополагающей категории того времени — категории «права человека» и отсюда — влияние на всю политико-правовую жизнь общества, видно уже из содержания основных политико-юридических документов первых буржуазно-демократических революций.

Если самые исторически первые акты обществ, становившихся на путь демократического развития (таких, как английские Великая хартия вольностей 1215 года, Билль о правах 1689 года), сводились в основном к ограничению монархической власти без сколько-нибудь «фи-

---

¹ Покровский И.А. Указ. соч. С. 61.

² Там же. С. 62.

лософского» обоснования вводимых законоположений, то иная картина характерна для документов периода победы демократии в США и Франции. В Декларации независимости США 1776 года говорится: «Мы исходим из той самоочевидной истины, что все люди созданы равными и наделены Творцом определенными неотчуждаемыми правами, к числу которых относятся жизнь, свобода и стремление к счастью». Еще более значимые положения содержатся во французской Декларации прав человека и гражданина 1789 года, заложившей основы идеологии свободы: «Люди рождаются и остаются свободными и равными в правах», при этом «цель всякого политического союза – обеспечение естественных и неотъемлемых прав человека» – прежде всего таких «неотчуждаемых и священных» прав, как свобода, собственность, безопасность личности.

ПРОШЕЛ десяток-другой лет после чуть ли не всеобщего трепетного поклонения просвещенческим идеям, славным и возвышенным лозунгам Французской революции, и где-то уже к середине XIX века требования и принципы естественного права потеряли былое обаяние и широкое признание. Их затмили рутина и проза капиталистического бытия, императивы рынка, политические страсти, сложные зигзаги общественных процессов с их перепадами, реакцией, поворотами назад – как всегда после героики и романтики революционных бурь. Основанные на требованиях естественного права принципы государственно-правовой жизни общества (народовластия, прав человека) в основном остались в такой обстановке лозунгами, общими декларациями, которыми к тому же порой прикрывались реакционные режимы и акции, а практически сводились в основном к требованиям «всеобщих и свободных выборов».

К середине XIX века в гуманитарной науке, в практической жизни возобладали главным образом настроения и ориентации узкого практицизма, подчас консервативного толка. Так, в цивилистике, науке гражданского права, не так давно опиравшейся на идеалы естественного права, вновь обрела силу историческая школа, целеустремленная на консервацию устоявшихся обычаев, порядков, непосредственно порождаемых, сообразно ее постулатам, «духом народа». В такой обстановке лозунги и требования естественного права все более воспринимались в качестве некоего бесплодного, характерного для прошлого «философствования», далекого от практической жизни.

Таким образом, воззрения естественного права, «философски» обосновав правомерность смены феодальной тирании демократичес-

кой государственностью, казалось, в XIX веке исчерпали себя и порой, особенно в рамках социалистических учений, стали рассматриваться как некие экзотические изыски эпохи Просвещения, взлета мысли просветителей-романтиков той поры, а то и как умозрительные фантазии идеалистического толка, «враждебные трудящимся массам».

Тем не менее глобальный кризис общественной системы в условиях промышленного капитализма на пороге XX века вновь потребовал того, чтобы была найдена духовно-философская основа для решения проблем, связанных с назревшими изменениями в общественно-политической жизни общества, в том числе и с теми в общем-то обезкураживающими реалиями, свидетельствующими, что сами по себе свободные выборы далеко не всегда обеспечивают действительную демократию и гуманизм общественной жизни.

По мнению ряда видных ученых, при указанных обстоятельствах от науки потребовались новый романтический подъем, необходимость обрести «потерянную идею права», «правильное право». И «эти поиски... привели не к чему иному, как к возрождению того, что казалось похороненным навсегда, — к в о з р о ж д е н и ю е с т е с т в е н н о г о п р а в а»¹. Именно в этой связи после возрождения естественного права «дух искания снова повеял в юриспруденции. Она почувствовала всю свою слепоту и беспомощность без «великих идей» и «всеобщих истин»...»². И кроме того, понятно, что возрождение естественного права вновь оттенило то важнейшее для демократического развития обстоятельство, что положение человека как субъекта права и обладателя субъективных прав — не благодатный дар правителей, а нормальное положение вещей, данное самой «природой».

Но только ли указанными обстоятельствами «дух» естественного права оказался вновь вызванным Историей?

Да, романтический настрой весьма важен для науки, для углубленного, философского осмысления самих основ права. Важно также подтвердить «природный» характер свободы людей. Но есть здесь, в этом «возврате» к естественному праву, и причины, относящиеся к самому процессу общественного развития новой исторической эпохи. Нарастающие беды промышленной стадии капитализма со всей очевидностью показали, что для их преодоления — и в целом для новой исторической эпохи, в центре которой должен стать человек, — теперь уже недостаточно того влияния естественного права на действующую юри-

---

¹ Покровский И.А. Указ. соч. С. 75.

² Там же. С. 76.

дическую систему, которое произошло в годы Просвещения, Великой французской революции. Для формирования современного гражданского общества, наряду с естественно-правовыми лозунгами и декларациями (да использованием принципа народовластия в виде свободных выборов), *оказалось необходимым и более глубокое, более основательное и притом – прямое «вхождение» начал естественного права в современное его понимание в само содержание действующего позитивного права.*

И такого рода процесс, обусловленный требованием времени, и обозначился в конце XIX – начале XX века, когда на первое место среди начал естественного права стали все более выдвигаться *прирожденные права человека*, наметилась перспектива обретения ими *прямого юридического действия* и, более того, их такого определяющего влияния на позитивное право, которое потребует *существенного преобразования «правовой материи», самого содержания государственно-правовой действительности.*

Правда, в конце XIX – начале XX века указанный процесс именно обозначился в виде самого факта возрождения идей естественного права и концентрации внимания на прирожденных правах человека (примечательно, что известные шаги к признанию их непосредственного влияния на позитивное право были сделаны русскими правоведом-ми, такими, как И.А. Покровский, Б.А. Кистяковский¹).

И все же в первые десятилетия XX века прирожденные права человека даже в странах, именовавших себя «демократическими», еще не стали первоосновой демократической правовой системы и демократической государственности. Хуже того, сами по себе свободные выборы, к которым зачастую в то время и, к сожалению, очень часто сейчас сводятся чуть ли не все представления о демократии, далеко не всегда обеспечивают действительную демократию и гуманизм общественной жизни. Порой, к несчастью, становятся даже при ухищренных «избирательных технологиях» некой «легитимной» дорожкой к тирании, к авторитарным режимам власти. К тому же в обстановке социалистических иллюзий общие лозунги о правах человека начали заслоняться представлениями о приоритете «прав трудящихся», а затем уже фактически были отодвинуты на периферию общественного мнения грозными опасностями, связанными с гитлеровскими и коммунистическими экспансионистскими акциями 1930–1940-х годов, ужасами сталинского и нацистского тиранических режимов, бедами Второй мировой войны.

---

¹ См.: Кистяковский Б.А. Социальные науки и право: Очерки по методологии социальных наук и общей теории права. М., 1916. С. 508.

Но именно эти ужасы и беды вызвали к жизни новую и, к счастью, более продуктивную фазу возрождения естественного права в послевоенное время, когда возрожденное естественное право, как это предсказали русские правоведы, оказало наиболее мощное влияние на позитивное право, еще более глубоко и непосредственно «вторглось» в само его содержание. Настолько глубоко и непосредственно, что вполне оправданно говорить ныне о сильной и высокочазначимой общечеловеческой *правовой культуре или идеологии прав человека*, которые *«вторгаются» в само содержание, суть действующих юридических систем демократических стран и начинают занимать в национальных юридических системах центральное, определяющее место.*

Так что последовательно правовой путь, реализующий возрожденную естественно-правовую концепцию, поднятую на высокий уровень общественного признания после Второй мировой войны, в демократических странах Запада на деле и осуществился в 1950–1960-х годах.

В чем конкретно заключается влияние культуры (идеологии) прав человека на преобразование позитивного права и значение этого преобразования на выход из тупика промышленного капитализма — разговор для следующего раздела главы (тем более что и здесь возникли сложные, противоречивые и даже тревожные процессы и тенденции).

А сейчас важно обратить внимание на другую «составляющую» современного экономического и социального развития, которая по своей глубокой сути, как оказывается, едина с преобразованиями в области права, — обратить внимание на стремительный подъем научно-технического прогресса, основы современной, постиндустриальной фазы экономики.

ПОРОКИ И БЕДЫ промышленного капитализма, во многом обусловленные негативными сторонами экономической свободы, связаны еще и с тем, что даже на индустриальной стадии своего развития его не сопровождал мощный подъем научно-технического прогресса. А если симптомы такого прогресса и дали о себе знать в 1920–1940-х годах (увы, в немалой мере, как всегда, в каком-то сопряжении с нуждами войны), то они проявились главным образом в том, в чем по неумолимым законам промышленного капитализма они и не могли не проявиться, — в громадном перепроизводстве потребительских товаров, что и вызвало глобальный кризис капиталистической системы, Великую депрессию.

Между тем еще в предвоенные годы, во время войны начал набирать силу, а в 1950–1960-х годах ворвался в жизнь общества многих стран

могучий поток научно-технической мысли, открытий, изобретательских свершений во всех сферах техники, охватывающих источники энергии, материалы, машинную технику, электронику и т.д., а главное – технологию, информатику, управленческое дело.

И это оказалось решающим фактором не только для перехода экономики на *постиндустриальную* фазу развития, для резкого повышения производительности труда, экономии энергии и материалов, быстрой и плодотворной «товарной отдачи» от производительной активности, предприимчивости, творчества, но и еще более, чем это было в условиях промышленного капитализма, *для возвышения активного и творческого человека, человека как личности*. Большинство людей в экономически развитых странах, активно участвующих в экономическом и социальном деле, науке, просвещении, здравоохранении, образовали «средний класс» работников с «синими» и «белыми» воротничками – людей с достойным уровнем жизни, знающих себе цену и занимающих высокое место в обществе, уверенных в своих силах и уже в результате этого обретающих высокий гражданственный статус.

Словом, в условиях мощного научно-технического прогресса (в какой-то мере даже в обстановке неразвитых и реакционных политических режимов и уж напрямую, полномасштабно – при демократическом строе) упрочилась объективная потребность в развитом гражданском обществе. И, что особо существенно, упрочился *настрой на право*, значит – на *правовое* гражданское общество. Причем – такое право и такое правовое общество, центром которого должен стать человек – творец и созидатель – гражданин, личность с высоким статусом и неотъемлемыми правами.

ВОТ И СОВПАЛИ, СОВМЕСТИЛИСЬ – как это часто происходит в Истории – два, казалось бы, довольно отдаленных друг от друга процесса в жизни общества: мощный взлет научно-технического прогресса с вытекающими из него экономико-социальными последствиями и одновременно – развитие естественного права в новом его понимании и значении.

Получилось, стало быть, что ключевыми, поворотными для права в середине и во второй половине XX века оказались события 1950–1960-х годов, явившиеся как результатом общего постиндустриального прогресса общества, так и своего рода правовой реакцией на кровавый кошмар фашистского и сталинского тоталитаризма. Именно тогда и произошли крупные перемены в праве, оказавшие столь существенное влияние на выход экономико-социальных систем из тупика и пос-

ледующее общественное развитие. Перемены, затронувшие юридические системы развитых демократических стран и означавшие по сути дела не что иное, как их вхождение в принципиально новую стадию, отвечающую требованиям новой эпохи, — в стадию *права человека*.

ЗДЕСЬ ПРЕЖДЕ ВСЕГО оказывается необходимым разобраться с широко известной, престижной и модной категорией — «права человека». А перед этим еще — очень кратко замечание общего, в чем-то философского характера. Замечание — в постановочном порядке, пожалуй, даже гипотезы.

При более подробном анализе двух характерных для послевоенного времени явлений — взлете научно-технического прогресса и новой стадии правового развития, раскрывающегося через современное естественное право, права человека, — возникает в виде вопроса предположение такого свойства. А настолько ли это «разные», так ли уж отдаленные друг от друга явления? Нет ли в них единого, сквозного стержня?

Да, можно предположить, и в том и в другом явлении такой стержень есть. Это *сила и практическая реализация в нашей жизни разума*. Сила и реализация интеллекта. Ведь гигантский научно-технический прогресс последних десятилетий представляет собой не что иное, как раскрытие в нашем мире могущества дерзновенного ума, творческой мысли. Но ведь и нынешнее, современное понимание логики права, когда на первое место в нашей жизни вырвались идеалы и ценности свободы человека, следовательно, его высокого статуса и неотъемлемых прав, — это тоже нечто из сферы разума. То есть прямое выражение самой сути человека как существа разумного и потому объективно предполагающего и требующего наличия таких общественных форм, которые «дали» бы человеку истинное и развитое право, призванное служить ему, человеку, как существу разумному.

Следует полагать, вовсе не случайно люди большого ума, от античных мыслителей, Канта до Андрея Дмитриевича Сахарова, люди великих интеллектуальных свершений, притом в областях, далеких от гуманитарных знаний, неизменно *«выходили» на право в его глубоком, истинно человеческом понимании*.

И в этой связи — такой штрих из частных наблюдений. Может показаться неожиданным (для автора этих строк поначалу это действительно было неожиданным), что видные ученые из «математики и физики» — такие, как А.Д. Сахаров, С.А. Ковалев, А. Акаев, А. Гончар, оказываются людьми, по правовым вопросам часто опережающими нас, дипломированных юристов, людьми, как бы спонтанно *ощущающими*

ми право в его истинном значении, на лету схватывающими юридические тонкости, на деле стремящимися утвердить в жизни правовые идеалы и ценности.

А на поверку ничего странного тут нет: большой ум, разум в его высоких значениях оказываются неотделимыми от права. Права человека.

3. Права человека: метаморфозы, наслоения, суть

ТО ОБСТОЯТЕЛЬСТВО, что в нынешнюю эпоху естественное право («право по природе») нашло свое высокое и непосредственное выражение в особой категории – «права человека», оказало и оказывает сейчас глубокое воздействие на всю общественную жизнь, в том числе на преодоление пороков и бед промышленного капитализма, на формирование и развитие современного гражданского общества, высокоэффективной частноправовой постиндустриальной (рыночной) экономики.

В то же время надо видеть, что до середины XX века, даже в условиях «возрожденного» естественного права, только намечилось решающее звено реального воздействия культуры прав человека на жизнь общества, его прямое юридическое действие. В целом же, и во многом до настоящего времени, права человека остаются неким общим принципом, престижной декларацией, общепризнанным лозунгом.

Это тоже неплохо. Даже в виде общего принципа права человека – немалая ценность, и они уже «сработали» в нашем историческом развитии и в таком виде имеют существенное значение поныне.

Но есть здесь и сложности, явления противоречивого характера.

Наряду с отмеченными положительными современными тенденциями существуют и негативные факты, свидетельствующие о нарастающей утрате этой основополагающей гуманитарной и демократической («исторически знаковой») категорией своего истинного и высокого социального значения и тем более перспективы обрести реальное юридическое действие.

Один из самых горьких фактов подобного рода заключается в том, что ныне, на пороге XXI века, идеи прав человека, не так давно столь величественные во всех своих гранях и по своей сути столь возвысившиеся в наше время, в последние годы фактически все более теряют свой престиж и влияние на умы и дела людей.

Повторяющиеся изо дня в день во всех секторах социальной жизни стереотипные положения, цитаты и заклинания по поводу «прав

человека» в представлениях все большего числа людей постепенно, особенно в обстановке бывших социалистических стран, переходят на уровень тех лозунгов, которые были в ходу, например, в условиях господства коммунистической идеологии. Кажется, теперь уже никто, вплоть до деятелей откровенно авторитарной политической ориентации, не боится произносить подобные лозунги и заклинания, вносить их в свои декларации и даже юридические документы, представлять себя в качестве «поборника», а то и «гаранта» прав и свобод человека. Заметна и тревожная тенденция перехвата властью правозащитных организационных форм — попыток власти, порой небезуспешных, создавать под своей эгидой и своим контролем учреждения «по защите прав человека», что призвано создавать властителям, нередко весьма авторитарного типа, ореол поборников высших гуманитарных ценностей.

Другой горький факт нынешнего состояния идеологии прав человека заключается в обескровливании, размывании данной категории в лозунговой политической жизни и, увы, в науке и в общественном мнении.

Основание для такого «размывания» — как это нередко бывает — дали реальные процессы, происходящие в XIX—XX веках в человеческом обществе в связи с гигантским научно-техническим, общественным прогрессом и с расширяющимся переходом общества от традиционных к либеральным цивилизациям.

Эти процессы потребовали совершенствования и углубления демократических воззрений и в этом отношении — развития начал солидаризма, обеспечения достойного уровня жизни людей, выработки форм социальной, в том числе государственной, деятельности, направленной на «общественное служение». С достаточной полнотой такого рода тенденции и линии общественного развития нашли отражение в ряде теорий неолиберализма, в теории солидаризма Л. Дюги¹ и — что весьма примечательно — в разработках русских правоведов-философов о социальной солидарности². В настоящее время это про-

---

¹ См.: *Дюги Л.* Социальное право, индивидуальное право, преобразование государства. М., 1909. Автор пишет, в частности, что правители «обязаны не только воздерживаться; они должны действовать, а эта обязанность переводится в юридическую обязанность обеспечить обучение и гарантировать труд» (с. 72).

² Весьма радикальные идеи солидарности, существенно отступающие от канонов либерализма Л. Дюги, высказывал П. Новгородцев, который считал, что здесь вообще происходят коренные изменения в государственно-правовой жизни — такие, когда государство становится органом «общественного служения» (см.: *Новгородцев П.* Кризис современного правосознания. М., 1909). Автор утверждает, что современный либера-

блема становится, пожалуй, еще более острой в связи с необходимостью все большего учета в нашем юридическом бытии начал социальной ответственности.

Но, спрашивается, каким образом, через какой категориальный юридический аппарат можно перевести указанные тенденции в плоскость прав людей?

Казалось бы, данный вопрос уже находит весьма конструктивное решение в концепции социальной солидарности. Но, как это ни покажется неожиданным, а на деле в полном согласии с марксистской тактикой «перехвата идей», решение указанного вопроса было дано на принципиально иной, чем либерально-гуманистическая, философско-политической основе, на основе марксистской доктрины, причем в ее большевистской, сталинской интерпретации. В советской Конституции 1936 года, призванной по замыслу ее отцов-разработчиков (сначала Бухарина, затем Сталина) возвестить о торжестве «социалистической демократии», были закреплены «великие социально-экономические права трудящихся»: «право на труд», «право на отдых», «право на образование», «право на социальное обеспечение» и т.д.

Эти социально-экономические права были сразу же объявлены коммунистической пропагандой «социалистическими», намного превосходящими некие абстрактные права человека, формальные политические и гражданские права, служащие интересам эксплуататорских классов (хотя они частично тоже были закреплены в сталинской Конституции, но в марксистской обработке – как второстепенные и в своем применении непременно увязываемые с «интересами социализма»). И вот именно эти социально-экономические права долгое время, вплоть до крушения коммунизма в России, служили – а порой служат и сейчас – своего рода знаменем побед социализма, показателем невиданных преимуществ социалистической демократии.

А теперь коренной вопрос: что же представляют собой такого рода социально-экономические права (в том виде, в каком они были закреплены в сталинской Конституции) со строго юридической стороны? И, мне представляется, если руководствоваться общепринятыми научными критериями, наиболее корректный, научно строгий ответ на поставленный вопрос таков: перед нами не субъективные права, имеющие непосредственно юридическое значение, действие и охра-

---

лизм означает «целый переворот понятий, который знаменует новую стадию в развитии правового государства» (с. 340). Еще более основательно, с развернутых философских позиций раскрыл суть принципа солидарности в современном его понимании И.А. Покровский – этому в последующем будут посвящены особые страницы данной работы.

ну, а идеолого-политические категории, которые представляют собой идеалы, намерения, лозунги-задачи и которые в их реальном смысле могут обозначаться как принципы деятельности государства, выступающего в качестве института «общественного служения». В отношении граждан они под известным углом зрения могут быть обозначены как общие публичные права¹ — права именно в политическом ракурсе, т.е. как возможности требовать от государства через политико-правовые институты его действий в области «общественного служения» в соответствии с принципами социальной солидарности: по обеспечению граждан достойным уровнем существования (на самом деле — прожиточным минимумом), по охране здоровья, по созданию условий для обучения, по другим реальным компонентам «права на существование».

При этом чтобы эти принципы, идеалы, публичные права получили реальное, не общеполитическое, а непосредственно юридическое значение, действие и охрану в отношении граждан, необходимо по крайней мере наличие двух неперемennых условий:

во-первых, само общество должно достигнуть достаточно высокого уровня материального и духовного развития, богатства²;

и во-вторых, принципы, идеалы, общепубличные права должны быть, по выражению Л. Дюги, переведены на уровень конкретных юридических прав и обязанностей (например, в области образования, гарантирования условий труда, правил приема на работу, обеспечения прожиточного минимума и др.), которые могут быть реализованы при помощи юридических средств, обеспечены государственно-правовыми институтами, прежде всего институтами правосудия.

---

¹ О категории публичных прав см.: *Кистяковский Б.А.* Указ. соч. С. 579–581. Характерно, что автор придавал категории публичных прав социалистический характер.

Не случайно позиция Б.А. Кистяковского на этот счет была подвергнута основательному сомнению со стороны И.А. Покровского, который со ссылкой на литературные источники отметил, что оправдана их оценка в качестве «просто рефлекса объективной нормы» (*Покровский И.А.* Указ. соч. С. 320).

² Как убедительно показала Е.А. Лукашева, «накопление народного богатства» — неперемennое условие реальности осуществления социальной функции государства, и такого рода функция «в западном мире осуществляется в развитом гражданском обществе...» (*Общая теория прав человека / Под ред. Е.А. Лукашевой. М.: Норма, 1996. С. 121–122.*)

Примечательно, что еще в начале нынешнего века П. Новгородцев писал, что, явив себя органом общественного служения, государство «встречается с необходимостью реформ, которые лишь частично осуществимы немедленно, а в остальном либо вовсе неосуществимы или осуществимы лишь в отдаленном будущем, вообще говоря, невозможны в своем дальнейшем развитии и осложнении» (*Новгородцев П.* Указ. соч. С. 340).

Этих условий, особенно в обстановке конца 1930-х годов, в Советском Союзе не существовало. Реальность по всем этим двум пунктам была негативная, со знаком минус. Лишь на очень ограниченных участках жизни они были переведены на уровень конкретных прав и обязанностей (например, при приеме на работу беременных женщин). И потому указанные широковещательные «права» в социалистическом обществе не только не работали в их действительном значении (т.е. как принципы, идеалы и даже как политические права), но по сути дела представляли собой характерные для «общества социализма» демагогию, мифы и ложь – прямой обман, грубую мистификацию, а по сути – дискредитацию конституционно-правовых институтов. Словом, то, что плоть от плоти марксистской революционной идеологии и прямо вписывается в ущербное советское социалистическое право.

А дальше с категорией социально-экономических прав случилось нечто странное, с гуманитарной и юридической сторон невообразимое и, если угодно, печальное и трагическое для всей проблематики неотъемлемых прав человека, до сих пор ни в науке, ни в общественном мнении до конца, на мой взгляд, не оцененное. С конца 1940-х годов гордость социализма – социально-экономические права внезапно, сказочным образом превратились в «неотъемлемые права человека», их «второе поколение».

Как и почему это случилось?

На первый взгляд во второй половине 1940-х годов произошло, казалось бы, закономерное высокочащенное явление – международно-правовое признание социально-экономических прав. Во Всеобщую декларацию прав человека 1948 года, в ряд последующих ооновских документов в состав прав человека были включены, с известными коррективами, без ограничений «социалистического» порядка и с большими – нежели в советской Конституции – акцентами юридического характера (насколько это вообще оказалось возможным) социально-экономические права, которые и были обозначены правами человека «второго поколения».

Надо прямо сказать – это было, так сказать, легкое, неадекватное, в основном пропагандистское решение, связанное с указанными ранее требованиями времени, не учитывающее сложность соответствующих проблем, тех упомянутых ранее социальных и юридических условий их конституирования и действительной реализации.

И плюс к тому мало кто при этом принял во внимание то обстоятельство, что подобное расширение общепризнанной гуманитарной категории имело политизированный характер – произошло в ООН

в результате прямого и настойчивого идеологического и дипломатического воздействия советского государства, руководящие инстанции которого преследовали цель лишить категорию прав человека «буржуазной» трактовки и, напротив, сообщить ей «социалистический» характер, «обогащать» ее достижениями сталинской Конституции, постулатами марксистской идеологии.

В обстановке почтительной эйфории, которая была характерна для отношения к Советскому Союзу после его победы над гитлеровским фашизмом в первые послевоенные годы (а также благодаря настойчивости и ухищрениям советских дипломатов и идеологов, перетянувших на свою сторону многих представителей стран «третьего мира»), и возникли предпосылки, на основе которых, наряду с причинами объективного порядка, и было достигнуто включение в состав неотъемлемых прав человека при записи соответствующих положений в ооновских документах социально-экономических прав «второго», а потом и «третьего» поколений¹.

Такого рода нарастающий, идущий волна за волной процесс «обогащения» и расширения категории неотъемлемых прав человека и вызывает тревогу в интеллектуально-мировоззренческом, гуманитарном, строго правовом и практическом отношениях.

Ведь социально-экономические, трудовые, пенсионные и аналогичные им права, действительно имеющие все более возрастающую значимость в жизни людей, в своем реальном (а не фразеологическом) обозначении — принципиально иные явления, и даже при наличии указанных ранее условий, в том числе — экономических², а также при переводе рассматриваемых явлений в систему реальных юриди-

---

¹ К правам «третьего» поколения обычно относят коллективные и солидарные права — права народов (право на мир, на здоровую окружающую среду, право на коммуникацию и др.), а также, по мнению отдельных авторов, такие экстравагантные «права человека», как право не быть убитым во время войны, право на сон, право на самообразование и т.д.

А.П. Семитко высказал предположение о возможности «четвертой волны» в понимании прав человека, когда этой категорией могут быть охвачены права, связанные с запретом абортов, и право на эвтаназию (*Семитко А.П.* Развитие правовой культуры как правовой прогресс. Екатеринбург, 1996. С. 193).

² Е.А. Лукашева, придавая существенное значение группе социально-экономических прав, пишет вместе с тем: «Далеко не все государства могут уже сегодня реально защитить все важнейшие права этой группы. Основная причина — состояние экономики страны. Ведь социальная функция может осуществляться в полном объеме лишь при высоком уровне экономического развития, позволяющего разумно перераспределять средства и ресурсы, сохраняя свободу рыночных отношений и предпринимательства» (*Общая теория прав человека.* С. 108).

ческих отношений, *представляют собой принципиально другие правовые феномены, нежели неотъемлемые права человека.*

Почему? Не только потому, что они являются в основном декларациями, идеалами, принципами, в лучшем случае – особыми, и притом юридически «слабыми», правами публичного порядка, требующими правовой конкретизации, перевода на уровень конкретных гражданских прав и в этом отношении – развернутой юридической регламентации, во многом к тому же зависимой от переменных величин – уровня развития экономики, социальной сферы, культуры данного общества, политики государства. И не только потому, что в этой связи они как таковые не могут быть предметом непосредственной судебной защиты и государственного обеспечения (плюс к тому, выступая в политической сфере как общие публичные права и политические обязанности государства, они в практическом применении – коль скоро не выражены в конкретных юридических отношениях, защищаемых судом, – ставят человека в зависимость от органов власти, должностных лиц, чиновников, их усмотрения). И в силу всего этого они изначально лишены тех необходимых свойств, которые бы позволили рассматривать их в качестве неотъемлемых прав человека.

Главное здесь – соображения принципиального порядка, относящиеся к самой сути прав человека, их исконной природе, выражающей свободу, самостоятельность и независимость человека, его защищенность от произвола власти, ее стремления господствовать над личностью. Те же социально-экономические и иные «права», которые относятся ко «второму» и «третьему» поколениям, при всей их политической, «лозунговой» значимости, не только сами по себе не имеют основательного юридического значения и как таковые не могут обрести прямого юридического действия, но и во многих случаях ставят человека, напротив, в зависимость от власти, от ее состояния и от усмотрения чиновников.

Замечу при этом, что конституирование социально-экономических прав в качестве «неотъемлемых прав человека», наряду с другими, уже отмеченными несообразностями, трудностями и потерями, предполагает усиление императивной государственной деятельности, пусть терминологически облагораживаемой при помощи категории «социальное государство».

Так что, казалось бы, благое дело – расширение каталога прав человека на деле обескровливает эту основополагающую гуманитарную категорию. Приводит, если угодно, к устойчивому настрою на дискредитацию самой категории прав человека – процесс, происходящий

в результате включения в нее с помощью международно-правовых документов и научных деклараций все новых «поколений», вплоть до «права на самообразование», «права на сон» и др.

И если у советских идеологических стратегов был в конце 1940-х годов расчет на то, чтобы лишить категорию прав человека их истинной, первородной духовной и юридической силы, то этот расчет (увы, с помощью истинных правозащитников, нас, юристов, в том числе либеральной ориентации) в немалой степени практически осуществился. Впрочем, как свидетельствует исторический опыт, несообразности подобного рода в конечном счете неизбежно «мстят за себя» — как только общество из состояния всеохватной государственной собственности, позволяющей концентрировать в руках власти неограниченные богатства (и потому давшей возможность установить равное для всех «пособие на детей»), переходит на путь нормального экономического развития, то упомянутые несообразности, в частности «пособия», легли — как это случилось в последнее время в российском обществе — непомерным бременем на государство, породили тяжелые социальные трудности, непреходящие конфликты.

Итак, представляется принципиально важным строго разграничить основные неотъемлемые права человека, направленные на обеспечение свободы, самостоятельности и достоинства каждого человека (они имеют основополагающее и абсолютное значение в обществе, ставшем на путь демократического развития), и весь обширный комплекс прав гражданина данного государства. С этой точки зрения вполне оправдано первую из указанных группу прав так и именовать — «права человека», а вторую (весь обширный комплекс гражданских прав) именовать по-иному — «права гражданина данного государства». Или (как это делает ряд современных европейских конституций, в том числе Германии, Испании) обозначить общепризнанные неотъемлемые права человека термином «основные права».

ВМЕСТЕ С ТЕМ, не упуская из поля зрения отмеченные негативные факты, необходимо все же сделать ударение на том, что в условиях формирования и развития современного гражданского общества, «возрожденного» естественного права в самой культуре (идеологии) прав человека происходили и продолжают в настоящее время основательные процессы, в основном позитивные.

Важнейший из таких позитивных процессов — это углубление самой категории прав человека, развертывание его истинной сущности. Причем — и это в высшей степени важно! — такое «развертывание»

с 1950–1960-х годов в демократически развитых странах происходит реально, фактически.

Обратим внимание – происходит реально, фактически! Но, увы, углубление категории прав человека далеко не всегда получает надлежащее осмысление и даже фиксацию в науке, в общественном мнении. Вот почему и по данному вопросу, наряду с характеристикой самих «фактов», придется вновь опереться на мысли И.А. Покровского, который и по данной группе проблем высказал суждения, намного опередившие время.

Три положения, существенно углубляющие понятие о правах человека, представляются здесь наиболее значительными.

В о - п е р ы х, это положение о соотношении неотъемлемых прав человека не с «органами власти», а с *государством в целом*.

И вот слова И.А. Покровского, сказанные в самый канун октябрьского переворота 1917 года. Отметив, что «абсолютизм отжил свой век, и в естественном праве взяло верх то течение, которое провозгласило верховным сувереном волю народа... а системе правительственной опеки противопоставило декларацию свобод, декларацию прав человека и гражданина», И.А. Покровский вместе с тем замечает, что это вовсе не означает, что государственная власть при таких декларациях «п р и н ц и п и а л ь н о в чем-либо ограничена». «Все декларации прав, – пишет автор, – были направлены против о р г а н о в в л а с т и, но не против самой власти, не против власти народа; все они имели своей целью гарантировать свободу политическую, а не свободу индивидуальную»¹ (мысль, кстати сказать, весьма существенная для строгого различения, казалось бы, совпадающих понятий «право государства» и «право гражданского общества – гуманистическое право»).

А дальше, отстаивая последовательно взгляд о верховенстве личности в обществе, он формулирует общий вывод: «...есть такие «неотъемлемые права человека», которые никаким законом уничтожены быть не могут, которые даже для государства в целом недосягаемы. Если всякое субъективное право обеспечивает личность от произвола в л а с т е й, то идея «неотъемлемых прав» направляется против г о с у д а р с т в а к а к т а к о в о г о». «Самоутверждение личности, – пишет И.А. Покровский, – достигает здесь в юридическом отношении своего кульминационного пункта. Некогда безгласная овца в человеческом стаде, она заявляет теперь претензию на роль равноправной с государством державы с правом суверенитета на некоторой

---

¹ Покровский И.А. Указ. соч. С. 81.

собственной территории»¹. «В противоположность этой идее милости, — отмечает он, — все определеннее и ярче выдвигается идея права по отношению к государству»².

Такое понимание неотъемлемых прав человека даже в передовом европейском и североамериканском политическом и правовом мышлении стало, как мы видели, утверждаться только после чудовищных потрясений, вызванных гитлеровской и коммунистической тираническими диктатурами в 1950–1960-х годах. С этой точки зрения становятся понятными те основания, которые приводят к отрицанию некоторыми режимами и деятелями универсального характера самой категории неотъемлемых прав человека. Сюда можно отнести настойчивые усилия деятелей ряда стран, особенно восточных, представить категорию прав человека в числе явлений сугубо «западных цивилизаций», будто бы не согласующихся с национальными культурами тех или иных стран. Прискорбно, хотя и в чем-то знаменательно, что подобные утверждения начинают звучать и в России, когда отвергается абсолютный характер прав и свобод человека и на первое место среди социальных ценностей, будто бы согласующихся с российской историей и культурой, выдвигаются идеи «государственности», «державности», «соборности» и др.

В практической же жизни таких стран, как Россия, указанный выше подход к правам человека, пробивавший себе дорогу при подготовке проекта Конституции, вновь уступил «государственническим» и «державным» тенденциям, а категория неотъемлемых прав человека в этой связи осталась в основном уделом неких, будто бы второстепенных, законодательных формул, пропагандистских штампов и академических рассуждений. И если порой на практике возникает вопрос о правах человека, то по большей части он связывается не с общим положением личности — «равноправной с государством державы», а со взаимоотношением отдельного человека, во многом остающегося «безгласной овцой в человеческом стаде», с отдельными «органами власти», которые «кое-где» «порой» «нарушают».

В о - в т о р ы х — это положение (соответствующее отмеченной ранее интеллектуально-духовной природе современного научно-технического прогресса) о духовной, «трансцендентной» стороне неотъемлемых прав человека.

И вновь приходится обращаться к мыслям русского правоведа. Выраженный в позиции И.А. Покровского основательный подход к пра-

¹ Покровский И.А. Указ. соч. С.309–310.

² Там же. С. 151.

вам человека, выводящий правовое положение личности на уровень ее взаимоотношений с государством в целом, взаимоувязан с другой существенной проблемой. С тем, что неотъемлемые права человека потому и касаются «государства как такового» и потому и ограждают личность от произвола власти, что они по своему источнику и важнейшей стороне своей сути обращены к человеку как духовной личности и в этом отношении затрагивают не политику (и даже не только «политические права», как замечает автор), а прежде всего духовные, нравственные начала людей.

И.А. Покровский обращает внимание на то, что тот соответствующий духу Просвещения вариант естественного права, который «отрицает неограниченность государства по отношению к индивиду», зародился «прежде всего в борьбе за религиозную независимость, и первым правом, которое стали провозглашать неотъемлемым, было право на свободу религиозного исповедания»¹, а отсюда «первое отчетливое формулирование идеи о пределах государственного вмешательства произошло на почве вопроса о свободе религиозного исповедания, т.е. именно в той области, которая является центром всего д у х о в н о г о бытия человеческой личности» (лишь потом, замечает автор, к этому был присоединен и вопрос о неприкосновенности собственности, а ныне – о положении личности по отношению к государству в целом)².

Именно поэтому И.А. Покровский справедливо пишет, что по самой логике его исследований «борьба за гражданские «права личности» выставляется определенно лишь продолжением борьбы за свободу веры, мысли и т.д., за «большие и кульминационные интересы человеческого духа»³.

Такой обоснованный И.А. Покровским угол зрения на неотъемлемые права человека исключительно важен потому, что он позволяет – при весьма существенной остроте проблематики, связанной с политической и властью, – выделить во всей сумме прав человека центральное, определяющее звено, если угодно, их духовную сущность, относящую

---

¹ Покровский И.А. Указ. соч. С. 80–81.

² Там же. С. 83–84. При этом автор отмечает, что «в огромном споре между личностью и обществом, думается, надо резко различать две совершенно несродные части спорной территории: с одной стороны, внутреннюю, д у х о в н у ю ж и з н ь человека, имеющую своим кульминационным пунктом его религиозное исповедание, а с другой стороны – отношения внешнего, главным образом экономического, порядка. Первые, духовные интересы составляют самое содержание, самую сущность человеческой личности...» (там же. С. 84).

³ Там же. С. 320.

юся к свободе духа, началам высокой нравственности, основополагающим моральным принципам. А это в свою очередь открывает путь к тому, чтобы увидеть в развитом праве, где доминантой становятся неотъемлемые права человека, явление высшего духовного порядка, истоки которого коренятся не только в природе, но и в глубоких основах мироздания, что дает основание, по выражению Канта, рассматривать право в качестве «самого святого из того, что есть у Бога на земле».

В этой связи хотелось бы еще раз сослаться на слова И.А. Покровского о том, что «нравственный прогресс может быть только делом индивидуальной свободы, и высшим назначением права может быть лишь создание такого социального порядка, в котором эта творческая свобода личности находила бы себе наилучшие условия для своего осуществления»¹.

В - т р е т ь и х, это новая грань в понимании неотъемлемых прав человека. Категория прав человека начиная с эпохи Просвещения раскрыла свой глубокий философский и социальный смысл по той важной причине, что она обозначила в качестве центра в жизни людей отдельного, автономного человека. Не человечество в целом (и тем более ту или иную его часть — «трудящихся», «людей дела — предпринимателей», «ученых»), а именно *каждого индивида как такового, «персону» вообще*, что и стало исходной предпосылкой для теории персонализма в ее последовательно демократических вариантах.

Казалось бы, это своего рода предел, потолок в высокой оценке личности; тем более что до настоящего времени подобная оценка порой рассматривается как некая «крайность», выражение «индивидуалистического эгоизма».

Между тем — как это ни покажется неожиданным — основанная на указанных персоналистических трактовках категория неотъемлемых прав человека может быть углублена (что, как мне представляется, по законам парадокса снимает с нее впечатление эгоистических крайностей).

И подобное углубление предложено с научной стороны опять-таки И.А. Покровским. На его взгляд, гуманитарные воззрения, базирующиеся на возрожденческой культуре, могут достигнуть более высокой ступени развития. И тогда наряду с преобразованием объективного права, призванного давать надлежащее удовлетворение «среднему, типичному человеку», на таких «более высоких ступенях развития усиливается сознание самобытности и особенности к а ж -

---

¹ Покровский И.А. Указ. соч. С. 78.

дой отдельной личности и вместе с тем начинает чувствоваться потребность в праве на эту самобытность, в праве на индивидуальность»¹. Вот это *право каждого человека на свою всегда уникальную, неповторимую индивидуальность, на признание и защиту своей неповторимой самобытности* и представляет собой то наиболее своеобразное, что вносит русский мыслитель в теорию, да и в само понимание прав человека.

В этой связи автор отмечает «целый ряд явлений, знаменующих собой дальнейший рост признания человеческой личности именно там, где так или иначе затрагиваются ее духовные, нравственные интересы. Ставится на новую почву охрана «прав личности», получает признание «право на индивидуальность», право на защиту конкретных особенностей человеческой личности»².

Приходится сожалеть, что эта идея русского правоведа – сторонника последовательно либеральных, персонцентристских воззрений – не привлекла внимание ни науки, ни практики, озабоченной проблемами прав человека (и никто, насколько мне известно, не высказал таких или аналогичных по содержанию идей – ни у нас в стране, ни за рубежом). Ибо есть вполне достаточные основания полагать, что право на индивидуальность представляет собой новую, современную, быть может, наиболее возвышенную ступень истинной сути неотъемлемых прав человека.

Характерно при этом, что фактически, в реальном бытии развитых демократических стран с утвердившейся высокой правовой культурой именно так, в контексте «права на индивидуальность», трактуются, в особенности после 1950–1960-х годов, многие стороны проблематики человеческих прав. Именно в этой связи столь обостренным становится внимание к неприкосновенности личности, ее особым интересам и устремлений, неприкасаемости личной жизни, неприкосновенного права личности решать свою судьбу, строить сообразно своей индивидуальности всю свою жизнь.

И ВСЕ ЖЕ НАИБОЛЕЕ СУЩЕСТВЕННОЕ, что характеризует развитие культуры прав человека в современную эпоху, это перспектива обретения ими *прямого юридического действия* (в том числе – вынесение на основе одних лишь общепризнанных прав человека судебных решений), а в более широком плане – определяющее влияние прав человека на позитивное право, которое выражается в *существенном*

---

¹ Покровский И.А. Указ. соч. С. 121.

² Там же. С. 120–121.

преобразовании «правовой материи», самого содержания государственно-правовой действительности. Иначе говоря, обретение неотъемлемыми правами человека значения и функций действующей правовой реальности, да причем такой, когда она становится не только непосредственным основанием для совершения юридически обоснованных действий, но и правовым базисом, юридической основой национальных правовых систем в целом.

Можно высказать весьма серьезное предположение, что как раз в этом обстоятельстве следует видеть своеобразие того варианта прецедентного права, которое характерно для США и которое отличается — как и все прецедентное право — доминированием не закона, а непосредственно судебной деятельности, но все же в данном случае — с опорой последней на естественно-правовые категории. Невосприятие бурно развивающейся в конце XVIII века государственными образованиями Северной Америки (кроме штата Луизиана и территории Квебека) культуры европейской юриспруденции, которая в условиях Средневековья еще не раскрыла своего действительного интеллектуального и демократического значения, привело к тому, что ее «место» в осуществлении судебной деятельности в государственных образованиях Северной Америки заняли положения правосознания, вобравшие — во многом на интуитивном уровне — категории неотъемлемых прав человека. Отсюда — своеобразие, поистине уникальная самобытность понимания в североамериканском правовом мышлении самого понятия законности, в немалой степени сориентированного на судебные решения и судебный прецедент, которые в свою очередь опираются на судебные интерпретации прав человека. Впрочем, надо заметить, в настоящее время этот в своей основе закономерный процесс заходит, пожалуй, слишком далеко, когда теряются сами правовые начала правосудной деятельности, переключаемые на экономические и иные метаюридические категории¹. Именно здесь, на мой взгляд, кроются истоки того, что принципы прав человека как таковые на самом пороге XXI века стали (минуя правосудные процедуры) некой предпосылкой для использования вооруженных сил в качестве средства воздействия на страну (Югославию), допустившую на своей территории практику геноцида, — но это использование вооруженных сил в свою очередь означает акты войны также с неизбежными грубыми нарушениями гуманитарных ценностей.

¹ См.: Цвайгерт К., Кёту Х. Указ. соч. С. 369–373.

В значительно более позднее время, уже в середине XX века, неотъемлемые права человека стали пробивать себе дорогу в реальное юридическое бытие также и в европейских странах, при господстве основанной на римском праве догматической юриспруденции, опирающейся на принципы верховенства закона. Именно события XX века, унижившие людей бесчеловечной тиранией и поставившие человечество на край тотальной деградации и гибели, показали, что нет иного (кроме неотъемлемых прав человека) института, представляющего собой прямое выражение свободы личности, твердой основы ее суверенности, независимости, противостоящей произволу власти и насилию. И именно тогда, в 1950–1960-х годах, и начались глубокие преобразования в праве. И тогда же в странах с доминирующим значением европейской догматической юридической культуры общепризнанные права и свободы человека стали приобретать непосредственное юридическое значение.

При этом важно, что изначально, по самой своей первородной сути, неотъемлемые права человека стали символом и адекватным юридическим аналогом индивидуальной свободы человека, его твердой защищенности от произвола власти. И именно в таком изначальном («первородном») качестве права человека шаг за шагом получают юридическое закрепление в международном и во внутригосударственном праве демократических стран, обретают свою реальную государственно-правовую жизнь (увы, с уже упомянутыми издержками, о которых подробнее будет сказано дальше).

4. Феномен современной эпохи – право человека

ПО-ВИДИМОМУ, принципиально важное значение самого факта обретения неотъемлемыми правами человека прямого юридического действия по-должному может быть понято лишь тогда, когда он будет «переведен на язык» основных юридических категорий, с которыми уже знаком читатель.

Сначала вот какой штрих, в основном исторического плана. Двести лет тому назад крупнейший мыслитель человечества, философ Иммануил Кант, уделивший в своем творчестве значительное место правовым вопросам, при характеристике последних довольно часто употребляет выражение «право человека» в смысле близком к понятию закона, т.е. в смысле позитивного права. Обратим внимание и на то, что видный русский правовед И.А. Покровский говорит об определеннос-

ти прав и обязанностей одновременно и как о свойстве юридических норм и как о праве человека. Что это все означает?

Прежде всего — принципиальная сторона вопроса. Одна из фундаментальных задач нынешнего времени (особенно для стран, освобождающихся из-под ига тоталитарных режимов) — это перейти от словословий, а порой словоблудия, по правам человека к реальному делу. Условия, пути и способы решения возникающих здесь проблем, направленных на превращение в жизненную реальность идей о правах человека, многообразны. Они сопряжены со степенью утверждения в общественной жизни институтов современного гражданского общества, природой, характером и честностью политической власти, деятельностью общественных правозащитных организаций, действительных подвижников правозащитного дела, со многими другими реалиями и факторами нашего сегодняшнего бытия.

Но, быть может, среди этих различных условий, путей и способов есть ключевое звено?

Да, есть. И здесь, при определении условий, путей и способов превращения правозащитных лозунгов и формул в реальность, существует центральный пункт. Он состоит в *юридическом возвышении прав человека*. Именно — *ю р и д и ч е с к о м* возвышении. В том, чтобы *идеи прав человека воплотить в действующем позитивном праве* и чтобы в обществе утвердилось, стало незыблемым и основополагающим то, о чем как раз и говорится в данном параграфе, — *п р а в о человека*.

Здесь придется напомнить об азбучных положениях науки, ранее уже рассмотренных в книге. Права человека в общераспространенном их понимании — это *субъективные права*, т.е. возможности конкретной личности, субъекта. Более того, и в античности, и даже в эпоху Просвещения они в принципе не имели юридического характера, выступали в качестве некоего духовного начала, требований естественного права, имеющих преимущественно идеологическое, гражданственное, моральное значение.

Только с середины XX века общественная значимость этой категории и необходимость ее реализации стали настолько значительными, что права человека получают общее признание, а отсюда — шаг за шагом — и юридическое значение. Они в полномасштабном виде закрепляются в международных документах, в современных демократических конституциях, в других внутригосударственных законах. А затем — уже ближе к нынешнему времени — и как таковые постепенно начинают обретать прямое юридическое действие.

И вот как раз последнее из указанных обстоятельств не только имеет существенное практическое значение, связанное с фактической реализацией прав и свобод человека, но и представляет собой крупный шаг в их юридическом возвышении к тому, чтобы начался процесс преобразования материи права, его перенастройка из «права власти» или «права государства» в «право человека», т.е. в право современного гражданского общества. Такое преобразование обусловлено с юридической стороны тем, что прямое юридическое действие прав человека означает их непосредственное признание правосудными учреждениями – судом и, значит вступление в «работу» других звеньев юридической системы, когда постепенно, звено за звеном начинает «работать» объективное право в целом, весь комплекс его средств и механизмов, вся система соответствующих юридических конструкций.

Перед нами, стало быть, новое качество в сфере юридических явлений, когда явления *из области субъективных прав возвышаются до уровня объективного права.*

Именно при признании права человека также и объективным правом и, следовательно, объективированной юридической реальностью, оснащенной всем арсеналом юридических средств и механизмов, данный факт *получает значение важнейшего явления современной эпохи.* Или, как это обозначено в заголовке этого параграфа, – *феномена.* То есть явления не только крупного, знакового, но и во многом необычного, качественно нового. Такого, которое свидетельствует о том, что неотъемлемые права человека *переходят в новое состояние.* И в результате этого обретают *силу действующего права* с характерными для него действенными правовыми средствами и механизмами, регулятивными и юридическими конструкциями, «настроенными» на реальное утверждение в жизни содержания позитивного права.

И вот какие, по сути удивительные, метаморфозы (охватывающие одновременно, взаимно и объективное право, и субъективные права) тут происходят. *Право человека* в качестве своей основы и сути включает субъективные права человека, которые как бы распространяют на объективное право свою духовную силу и которые со своей стороны – внимание! – сами уже выступают в лоне и под эгидой объективного права. И потому они, субъективные права человека – право на жизнь, на личную свободу, на свободу слова и др., – не только становятся критерием, своего рода камертоном построения и настройки всего содержания юридической системы, всех ее подразделений (в том числе и тех, которые направлены на обеспечение порядка и органи-

зованности в общественной жизни), но также — что не менее существенно — становятся *юридическими субъективными правами* в строгом значении этой категории и, стало быть, правами, оснащенными юридическими средствами и механизмами по их реализации.

Этот процесс юридического возвышения прав человека, когда они наращивают «юридическую плоть» и все более выступают в качестве субъективных юридических прав, только начался в мире. Даже в передовых демократически развитых странах (таких, как Германия, Великобритания) сделаны в этом направлении только первые шаги, о которых будет сказано несколько дальше.

В целом такого рода перенастройка юридической системы, осуществляемая во всем своем объеме при успешном претворении в жизнь идеалов демократии и требований современного гражданского общества, в итоге будет означать качественный переворот в мире правовых явлений, когда реально, фактически, и притом во вполне развернувшемся виде, и войдет в жизнь людей неведомый ранее юридический феномен — право человека, о котором двести лет тому назад прозорливо сказал Кант и о котором по сути дела говорят передовые русские праведы (такие, как И.А. Покровский).

Хотя процесс становления права человека, по всем данным, окажется сложным и долгим, уже сейчас различимы основные вехи этого процесса. Они касаются ряда сторон действующего права. Обратимся к этим сторонам позитивного права.

В НАИБОЛЕЕ ОБЩЕМ ВИДЕ особенности действующего объективного права как права человека выражаются в его *настроенности, качестве*. В том, что неотъемлемые общепризнанные права человека становятся *центром* всей национальной юридической системы.

Именно тут нужно искать объяснение тому обстоятельству, что в современных условиях неотъемлемые права человека по своей юридической силе не только не уступают в современных демократических государствах национальным законам всех рангов, но и в принципе имеют по отношению к ним приоритетное юридическое действие.

С точки зрения юридической практики существенно важно, например, то, что при пробелах в действующем праве, недостаточности или неопределенности действующих законоположений правовой вакуум заполняется, а неопределенность законоположений преодолевается на основе центральной для демократических юридических систем правовой идеи. Значит, в юридической системе демократических стран права человека в таком случае становятся тем ориентиром, ко-

торый определяет направление и перспективу решения тех или иных юридических дел.

Отмеченные крупные изменения в позитивном праве, выражающие глубокое проникновение в саму органику возрожденного естественного права, – изменения, по-должному ни наукой, ни общественным мнением еще не оцененные (и более того – в немалой мере оставшиеся незамеченными), в действительности по своей масштабности и особенно значению для настоящего и будущего ничуть не уступают тому гигантскому сдвигу в правовом прогрессе, которым отмечена эпоха Просвещения, эпоха Великой французской революции.

Новая трактовка права находится в диссонансе со сложившимися и весьма устойчивыми стереотипами о праве, законе, законности, сориентированными на власть. И поэтому переход от понимания права как исключительно и всецело «силового» института, прочно укоренившегося за долгие века взаимоотношений человека с властью, к пониманию его как гуманистического явления, феномена свободы, происходит с трудом. Еще в самом начале XX века знаменитый русский правовед П.И. Новгородцев говорил о неоправданном положении вещей, «когда отвергают право как порождение силы и произвола и забывают право как выражение справедливости и свободы – то право, которое издавна вдохновляло на подвиги и на борьбу и которое всегда почиталось священным достоянием лиц»¹.

Итак, перед нами – самое значительное последствие в позитивном праве, наступающее в условиях возрожденного естественного права, его новой жизни. Оно касается соотношения права и власти – того соотношения, которое при всех метаморфозах права (его развития от «права сильного» к «праву власти» и даже к «праву государства») неизменно оставалось силовым институтом, не содержащим каких-либо элементов, так или иначе не зависящих от власти.

Ныне же в результате современной «революции в праве» такого рода элементы, да притом непосредственно выражающие сами основы человеческого бытия, появились! Появились в виде неотъемлемых прав человека, которые приобрели прямое юридическое действие и заняли (точнее, начали занимать) центральное место во всей юридической системе современного гражданского общества.

С рассматриваемой точки зрения, быть может, самым верным показателем того, что в данном обществе право занимает достойное и высокое положение, соответствующее формулам «правовое государство»,

---

¹ *Новгородцев П.И.* Идея права в философии Вл.С. Соловьева. М., 1901. С. 18–19.

«правление права», является способность власти *терпеть право* без колебаний соотносить с ним все свои действия. Так относиться к праву, чтобы и в тех случаях, когда существование и действие права не согласуются с интересами власти, безропотно признавать его приоритет, верховенство «над собой» и одновременно делать все для того, чтобы его требования неукоснительно и полностью проводились в жизнь.

Понятно, процесс формирования права современного гражданского общества даже в передовых демократических странах еще не завершен. Во многих других странах он и не начал. В некоторых странах заметны порой симптомы правового регресса, попятного движения к праву власти, силовым юридическим порядкам.

Но, как бы то ни было, закладка фундамента юридических систем, способных возвыситься над властью и последовательно реализовать демократические и гуманистические ценности, в истории человечества состоялась.

«ВТОРЖЕНИЕ» естественного права в юридическую сферу во многом касается конституционного права, организации государственной власти.

Существенный шаг в этом направлении был сделан уже в первые послевоенные годы. В декабре 1948 года ООН приняла Всеобщую декларацию прав человека, юридически на международно-правовом уровне закрепившую эту, ранее в большей степени декларативную, категорию. Затем основным правам человека стало придаваться качество *общепризнанных* и в других международно-правовых документах, после чего они реально обретают значение элемента той или иной национальной юридической системы в результате общего конституционного принципа о признании норм международного права как составной части национального права.

Наиболее же существенным фактором в государственно-правовом развитии демократических государств явилось то обстоятельство, что конституции ряда европейских стран (притом – знаменательно! – прежде всего стран, испытавших «на себе» ужасы фашистской тирании, – Германии, Испании, Италии) закрепили в начальных разделах конституционных текстов прирожденные права человека – в первую очередь основные, фундаментальные, в качестве *исходных* нормативных положений. И таким образом придали им не только непосредственное юридическое действие, но уже и формально приоритетное значение в данной национальной юридической системе.

А все это означает, что указанные исходные нормативные положения становятся своего рода «камertonом» в построении национальной юридической системы, а в области государственной власти – «настройщиком» ее организации. Именно потому, что юридически, притом на конституционном уровне, свобода и достоинство человека, его неотъемлемые права становятся определяющим началом в организации государственной власти, последняя изначально должна быть «умеренной», не допускать в своем построении и в своих прерогативах ничего, что давало бы основания для государственного произвола, господства власти над личностью.

И вот внимательный анализ конституций тех европейских стран, в которых заглавное место занимают записи об основных правах человека, свидетельствует, что именно они отличаются важнейшими достижениями демократической конституционной культуры (в том числе по конституционной определенности полномочий главы государства, по формированию и действию судебных учреждений и др.). И именно они, надо кстати заметить, в немалой степени превосходят по указанным элементам достижения других конституционных документов, в том числе, казалось бы, по утвердившемуся стереотипу «непревзойденный образец» демократических конституций – Конституцию США, в которой действительно скрупулезно отработано распределение полномочий между «тремя властями», но которая лишь в «поправке» обозначила приоритет прав человека. И потому долгое время, до второй половины XIX века, действовала в обстановке официально признанного рабства, да и ныне в ряде случаев допускает в общественной жизни, в том числе при решении дел международного характера, внеправовое применение силовых методов.

НОВОЕ КАЧЕСТВО права человека (как объективного права) в немалой степени касается сферы правосудия.

Само существование, функционирование права человека как объективного права требует создания независимой системы правосудия, способной и настроенной на то, чтобы противостоять любым акциям учреждений исполнительной и законодательной власти, не согласующимся с конституцией, основными правами и свободами человека. Отсюда и требование фактического, немедленного и резкого реагирования судебной системы (реагирования, при отсутствии иных оснований, – по своей инициативе), а вслед за ней – всего государства на все случаи, когда – пусть и в юридической форме – происходят на деле нарушения основных прав человека.

Вместе с тем представляется весьма существенным и то, что именно в сфере правосудия должна быть признана такая практика, когда бы основой принимаемых судебными учреждениями решений *напрямую* становилась категория прав и свобод человека.

Тенденция такого рода в какой-то мере определилась в деятельности международных судов — сразу после Второй мировой войны Нюрнбергского суда (при всех его особенностях как «суда победителей», не согласующихся с этой стороны с фундаментальными идеями права), а затем, уже в наше время, Гаагского суда. И там, и здесь категории прав человека и ответственности за их нарушения выступают в качестве исходного критерия, пусть далеко не всегда строго обозначенного, формально фиксируемого, для решения вопросов неправомерности привлекаемых к ответственности лиц. Думается, сейчас, после трагедии в Югославии, когда страны НАТО весной — летом 1999 года применили вооруженную силу для пресечения геноцида со стороны югославского режима (факт, который получил разноречивую оценку в мировом общественном мнении), стало, на мой взгляд, предельно очевидным, что сама фиксация геноцида, а значит, сама возможность его силового пресечения, должна осуществляться не по оценкам политических деятелей, а в сугубо правосудном порядке.

Эта же тенденция весьма определенно наметилась и в судебной практике передовых по уровню правового развития демократических стран.

Известным подтверждением принципиального изменения регулятивного статуса естественного права и, следовательно, юридической силы неотъемлемых прав человека стало решение в 1996 году Конституционного суда Германии, который признал юридически оправданной ситуацию, с позиций ортодоксальной догматической юриспруденции невозможную, — привлечение к уголовной ответственности руководителей несуществующего государства (ГДР) за причастность к убийствам на границе перебежчиков, т.е. за деяния, которые как будто бы согласовывались с законоположениями ГДР, но противоречили фундаментальным правам человека.

Аналогичные выводы следуют из факта (во многом вопреки известным нормам об экстерриториальности) задержания на территории Великобритании бывшего чилийского диктатора Пиночета и из самой постановки вопроса о привлечении его к ответственности за нарушение прав человека. Вынесенное в конце ноября 1998 года на этот счет палатой лордов решение, к тому же неоднократно ею же подтвержденное, — независимо от последующих поворотов в этом деле,

вполне оправданно приобрело значение крупного правового события современной эпохи, официально придающего наднациональную (всепланетную) значимость фундаментальным правам человека и принципиальную «экстерриториальность» юридической ответственности за их нарушение.

НО ВОТ ВОПРОС: ограничивается ли только «новое качество», характерное для принципиально нового правового феномена, именуемого «правом человека», одной лишь областью конституционных установлений да непосредственным использованием положений о правах человека в сфере правосудия?

Постановка этого вопроса представляется тем более значимой потому, что рассмотренные ранее «проявления» права человека, при всей их важности для демократического развития общества, напрямую не затрагивают кардинальную проблему, обозначенную в этой главе, – о выходе из глобального кризиса капиталистической системы 1930–1940-х годов и о факторах, определивших современное, «восходящее» развитие демократических стран, их постиндустриальной экономики.

И вот здесь хотелось бы вновь привлечь внимание к *гражданскому законодательству, к частному праву*.

Сначала возьмем на заметку то обстоятельство, что по своей внутренней сути, органике естественное право в том содержании и облике, в каком оно выступило в эпоху Просвещения, Великой французской революции, с одной стороны, а с другой – частное право – явления *однотипные, однопорядковые*. И то и другое одинаково направлены в нынешнюю эпоху на обеспечение *свободы человека, его самостоятельности, независимости, творческой самостоятельности и самоопределения*.

Даже сами основополагающие категории гражданских законов – «субъект права», «субъективные права» – стали таковыми, как они есть сейчас, и приобрели ключевое значение и звучание благодаря эпохе Просвещения, Великой французской революции – эпохе естественного права. Они совсем не некие дары, милостиво приподнесенные подданным властью, благостным усмотрением правителя, а естественные, прирожденные для каждого человека начала жизни в обществе.

Достоин внимания то обстоятельство, что первоначально, при подготовке гражданских законов начала XIX века, нормативные положения о статусе субъектов и их субъективных правах в области собственности и обязательств формулировались так, что они напрямую связывались с естественно-правовыми формулами (примерно такими

же, как и в конституционных документах). Это было характерно и для проекта Гражданского кодекса Франции 1804 года, и для Австрийского уложения 1811 года. И лишь затем (причем показательно — в связи с появлением консервативных, реакционных тенденций в обществе, как подметили историки права) такого рода «увязки» оказались выброшенными в окончательных законодательных текстах¹.

Но такого рода «увязка» гражданского законодательства с категориями неотъемлемых прав человека в XIX — первой половине XX века имела все же — если бы она даже в полной мере состоялась в формулировках законов — общий характер, касающийся в основном законодательных текстов. Реально же, и притом как фактора крупномасштабного характера, ее определяющая роль раскрылась в совсем недавние годы, в середине нынешнего века, опять-таки в 1950–1960-х годах. Причем эта роль как раз и дала о себе знать в решении кардинальных экономических и социальных проблем современной эпохи.

Существо дела в том, что идеология прав человека в том виде, в каком она стала выстраиваться в 1950–1960-х годах, *резко возвысила, придала новое возвышенное качество юридически защищенному статусу человека, придала прочность и надежность его «суверенности», самостоятельности и независимости, уверенность во всех сторонах его активного творческого поведения, персональную ответственность за него.* В том числе поведения в сфере современного «рынка», основанного на риске и персональной ответственности человека за результаты его деятельности. Словом, в экономическую и социальную жизнь общества вступил *надежно защищенный и высокоответственный человек со значительным потенциалом энергии, активности.* Человек, действующий в «поле» и в согласии с началами современного гражданского права.

И именно здесь (наряду и в связи с гигантским взлетом научно-технического прогресса) следует видеть одно из главных оснований, которое вслед за необходимыми упорядочивающими государственными мерами стало решающим фактором для преодоления тупика, порожденного промышленным капитализмом, а затем и для нынешнего экономического и социального успеха в демократических странах.

¹ Не могу не заметить попутно, что аналогичное явление обнаружилось почти два столетия позже у нас, в России, притом, увы, даже на уровне конституционных документов. В первоначальном тексте российской Конституции 1993 года права человека обозначались в качестве «прирожденных», а частная собственность прямо определялась в качестве «естественного права человека». К сожалению, при последующем «редактировании» конституционного текста такого рода «излишества» были устранены. Впрочем, и в прошлом, и теперь принципиально важно то, что сами правовые категории, основанные на естественно-правовых началах, сохранились.

Так что в действительности передовую экономическую и социальную значимость имеет не «просто рынок», а рынок, развивающийся на основе научно-технического прогресса, в условиях утверждающегося современного гражданского общества и потому – *облагороженный частным правом, единым с культурой прав человека* (когда – как мы видели – корректнее говорить не о «рыночной экономике», а о *частноправовой организации* народного хозяйства).

Благодаря «такому» праву экономическая свобода (свобода защищенной, уверенной, ориентированной на право личности) не соскальзывает в базарно-разбойничью вольницу, а в полной мере раскрывает природные творческие силы человека, его производительную активность, нацеленность на напряжение сил и ума, его способность идти на риск во имя экономического успеха в сочетании с его собственной персональной ответственностью за результаты собственного дела.

Если промышленный капитализм определяет при помощи классических гражданских законов главным образом «рамки» для произвольного экономического поведения со всеми возможными и, увы, сбывающимися отрицательными последствиями, то гражданские законы, возвышенные культурой прав человека, играют для экономики социальной жизни более глубокую и притом изначально позитивную роль. Здесь экономическая свобода переводится в созидательную активность, напряжение сил и ума, экономический риск и творчество, соединенные с персональной ответственностью за результаты собственного дела. Да и необходимое упорядочение, «обуздание» экономической свободы происходит в этом случае не через внешние государственно-властные меры, а через самого человека, его творческую активность, которая сама по себе представляет собой мощное внутреннее регулирующее начало.

В итоге – поразительные результаты частноправовой экономики демократически развитых стран во второй половине XX века – это эффект, надо сказать еще раз, не просто «рынка», а результат функционирования рыночной экономики как составной части современного правового гражданского общества (в соединении с гигантским научно-техническим прогрессом).

Надо добавить к этому и то обстоятельство, что именно благодаря праву человека (человека! – т.е. существа разумного и изначально «социального», общественного) собственный интерес, эгоизм отдельной личности получает в гражданском законодательстве такое юридическое закрепление, когда эти противоречивые особенности жизни людей сочетаются с началами человеческой солидарности.

Стало быть, именно на счет современного частного права, функционирующего в сочетании с солидарностью, в единстве и взаимодействии с публичным правом, нужно во многом отнести достоинства постиндустриальной экономики, когда в экономической жизни отсекаются многие «негативы» просто рыночных отношений и крайности экономической свободы и в полной мере начинает работать их потенциал — по своей основе потенциал оцивилизованной частной собственности и конкурентного состязания, раскрывающие свои достоинства через частное право новой, современной эпохи в человеческой истории.

Здесь есть основания вернуться и к вопросам «самого» частного права, которые рассматривались в предшествующей главе. Именно определяющее влияние на частное право культуры прав человека и обусловило то обстоятельство, что именно сейчас, в наше время, обозначился *особый этап* его развития — не менее существенный по значению, чем тот, который произошел после Французской революции и нашел выражение в издании классических кодексов по гражданскому праву. На основе современного естественного права, выраженного в культуре прав человека, «дух» частного права, его основные начала возвысились и приобрели определяющее значение для современного гражданского общества в целом.

ПРАВО ЧЕЛОВЕКА — это право гражданского общества. И вот что примечательно. Рассматривая формирование последнего как «величайшую проблему для человеческого рода», Кант еще два столетия тому назад рассматривал его как *всеобщее* правовое гражданское общество¹. Но что значит «всеобщее»?

Прежде всего понятно, что правовые и гражданские начала в таком обществе должны распространяться на все основные стороны его жизни (и иметь в этом отношении «тотальное», стало быть, всеобщее значение). Но дело не только в этом.

Характеризуя развитие человечества «во всемирно-гражданском плане», Кант связывал создание и существование совершенного гражданского устройства данного общества с состоянием международных дел, с утверждением законосообразного порядка и во внешних связях между государствами².

Насколько эта сторона гражданского устройства представлялась существенной для Канта, видно хотя бы из того, что именно в плос-

---

¹ Кант И. Сочинения на немецком и русском языках. Т. 1. С. 95.

² Там же. С. 101–115.

кости международных дел он освещает важнейшие достоинства права. Рассматривая под этим углом зрения проблемы мира (основная работа по этой проблеме – «К вечному миру», 1795 г.), Кант говорит «об уважении к понятию права, которое одно только могло бы утвердить навечно мир»¹.

Вместе с тем здесь, на мой взгляд, может быть отмечена и другая сторона проблемы. Реализация идеалов права (и, возможно, прежде всего тех, которые относятся к субъективным правам человека) должна не только получать фактическую жизнь через механизмы объективного права данного государства, но и, по всем данным, иметь опору в мировом сообществе – в международном праве, в самом законосообразном порядке внешних связей государств, а главное – в состоянии и в «настроенности» права, характерных для мирового сообщества.

Каковы доводы, обосновывающие это положение?

Главный из них заключается в том, что право – это универсальный, «вечный» институт в жизни людей на нашей планете, который призван давать устойчивый и непрерывный во времени цивилизационный настрой этой жизни. И потому в обстановке XX – начала XXI века, постепенно делающей реальными ценности либеральной цивилизации и сблизившей через поразительную по эффективности систему коммуникаций людей всех стран и континентов, есть основания говорить о существовании в мире *общего правового состояния*. Причем «состояния» не только в виде известного уровня права, планки и порога правосознания, задаваемых общепризнанными правовыми ценностями, правовой культурой наиболее развитых, продвинутых по путям прогресса стран, но и в виде формирования известных *устоев мирового правопорядка*.

Вполне понятно поэтому, что в странах, особенно тех, которые только вступили на путь становления права современного гражданского общества, опорными точками для такого правового развития должны стать как внутренние, существующие в данном обществе условия и импульсы, так и та планка правовых ценностей, которая должна быть характерной для человеческого сообщества на современной стадии развития цивилизации, и в этом отношении – *правовые ценности формирующегося мирового правопорядка*.

А в этой связи вот какое еще соображение. Даже в странах, уже во многом освоивших порядки и институты современного гражданского общества, политическая государственная власть остается потен-

---

¹ Кант И. Сочинения на немецком и русском языках. Т. 1. С. 459.

циально наиболее мощной социальной силой. По этой причине даже в передовых по демократическому развитию странах рецидивы насилия нет-нет да и прорываются в реальном бытии, в политической практике. Порой, увы, так, что возвышенные идеалы прав человека (права человека) грубо, вооруженной силой ставятся, скажем так, под удар. И ставятся под удар не только в случаях, когда вооруженная сила вопреки юридическим установлениям применяется во имя «высших целей» (скажем, для борьбы с наркобизнесом, когда вопреки существующим юридическим установлениям осуществляется на территории другого маленького государства захват его главы, по всем данным, наркодельца).

Не менее прискорбно, когда подобный негативный эффект происходит в обстановке по соображениям высокого правового порядка, что и случилось весной – летом 1999 года в Югославии при использовании мощных вооруженных сил в борьбе с геноцидом югославских властей в целях предотвращения гуманитарной катастрофы.

Тем более когда такое положение вещей, характеризующее непростую конкуренцию насилия и права, присуще странам, стремящимся в ускоренных темпах достигнуть современной стадии общечивилизационного развития. Таким странам, как современная Россия, где либеральные по замыслу реформы реализуются в обстановке нетерпения в ускоренных темпах через институты государственной власти и где в результате этого, а также в результате былой силовой идеологии декларируемые правовые формы и принципы остаются неустойчивыми, зыбкими, податливыми перед силовым давлением. Позор России – кровавая бойня в Чечне в 1994–1996 годах, отмеченная (официально не осужденными и даже официально не зафиксированными) грубыми массовыми нарушениями прав человека, обнажила реальное существо российской юридической системы, сохранившей глубокие следы коммунистической правовой идеологии с ее доминантой – возможностью вооруженного насилия при решении внутригосударственных проблем.

В такой обстановке сама жизнь выдвигает необходимость содействовать развитию в рамках и в контексте формирующегося мирового правопорядка институтов, обладающих надлежащей компетенцией и достаточными императивными возможностями для инициирования и поддержания в странах, вставших на путь современного правового развития, правовых форм, ориентированных на утверждение в реальной жизни передовых правовых ценностей, идеалов прав человека (права человека).

Речь в данном случае не идет об утопических, сомнительных проектах создания некоего «всемирного правительства» или системы межгосударственных законов, равных по силе законам внутригосударственным.

Реальное значение при решении возникающих здесь многосложных вопросов имела бы проработка таких вариантов решения рассматриваемой проблемы, в соответствии с которыми получили бы *развитие и совершенствование система Международных судов, призванных защищать права человека, упрочение и углубление их компетенции, императивной силы их решений.*

Знаменательно, что развитие в Западной и Центральной Европе единого Европейского сообщества, все более обретающего особенности целостного государственного образования, близкого по типу к федерации, нашло выражение в формировании Европейского суда по правам человека. И еще – в особенности в связи с драматическими событиями в Югославии – Гаагского суда, призванного юридически реагировать на преступления международной значимости в области прав человека.

Вместе с тем (особенно если иметь в виду отмеченные ранее судебные акты 1998–1999 гг. в Великобритании по задержанию бывшего чилийского диктатора Пиночета и саму постановку вопроса со стороны ряда стран – Испании, Франции, США – о его юридической ответственности за прошлые нарушения прав человека) постепенно обозначается и такая сторона формирующегося мирового правопорядка, в соответствии с которой компетентные судебные инстанции национальных правовых систем призваны действовать сообразно современным правовым ценностям, выражающим приоритетный и безусловный статус основных прав человека.

И здесь перед нами не только «глобализация прав человека» (как это определено в публицистике), но и явление более глубокого, действительно глобального значения. Оно состоит в том, что права человека еще в большей мере, чем это происходило в последние десятилетия, утверждаются в качестве института, возвышающегося над государством в целом, притом теперь и на уровне всего мирового сообщества. А точнее, даже в том, что в формировании мирового правопорядка решающую роль начинает играть *объективное право человека как наднациональное образование.*

И вот здесь есть смысл обратиться к принятому весной 1999 года центральными учреждениями НАТО постановлению нормативного порядка, обосновывающему с позиций этой региональной организации

возможность применения натовских вооруженных сил для борьбы с геноцидом, другими крупномасштабными нарушениями прав человека.

Если исходить из того, что мировой правопорядок, основанный на правах человека, приобретает наднациональный, глобальный характер, то отдельные государства, их региональные организации не только вправе, но и юридически обязаны принимать решительные меры для пресечения геноцида, других преступлений против человечества. Думается, что звучащие в России безапелляционные утверждения о том, что вооруженные действия стран НАТО в отношении югославского режима, совершающего акты геноцида, — это акты «грубой агрессии», и симптомы возникшего у нас военного психоза можно объяснить, пожалуй, близостью идеологических и юридических установок тамошнего и нашего режимов, что подтверждается и кровавой трагедией при наведении «конституционного порядка» на чеченской земле.

В то же время один из существенных моментов нужно здесь зафиксировать с предельной строгостью. Право во всех случаях должно оставаться правом. Высшей гуманитарной ценностью, где торжествует весь комплекс правовых начал и законности, в том числе и начало правосудия. Должно быть непреложным, что во имя высоких правовых требований нельзя пренебрегать всей суммой существующих правовых требований, пусть в чем-то и устаревших. И если страны НАТО по каким-то изначальным посылам достойны основательного упрека и осуждения, то прежде всего, по всем данным, в том, что факты геноцида в Косово не нашли надлежащей констатации и оценки со стороны действующих правовых форм и процедур, а главное, не получили правосудной реакции (что на вполне достоверной основе уже сейчас мог сделать Гаагский суд). И с этой точки зрения — в том еще, что вооруженные акции в этой связи приобрели очевидно избирательный характер, политическое звучание.

Правом же никому не дано пренебрегать. Оно жестоко и неотвратимо мстит за себя. Даже приверженцам самых высоких гуманитарных ценностей. Вот и ныне на деле получается, что вооруженные акции НАТО в Югославии, предпринятые, как можно предположить, во имя высоких гуманитарных целей, обернулись новой бедой — сами привели к нарушению исконных прав людей, к разрушению национальных ценностей, к нарастанию насилия. И плюс к тому — дают основания для основательных предположений (тем более что аналогичные ситуации в ряде регионов, например в Турции в отношении курдского народа, вовсе не принимаются во внимание), что перед нами феномены, приводящие к возрождению си-

ловой идеологии, происходит открытое разрушение действующего правопорядка и процедур, регламентирующих, в частности, применение вооруженной силы.

С рассматриваемых позиций становится понятным то обстоятельство, что вооруженные акции НАТО вызвали чуть ли не единодушное осуждение у нас, в России. Даже у самых «радикальных» демократов, общепризнанных интеллектуалов, выразителей и общепризнанных носителей высоких духовных ценностей. И конечно, в этом наряду с осознанием только что отмеченных опасностей и явных просчетов натовских стратегов есть этически добрые, исторически понятные суждения и акценты, в том числе и признание всеобщности требований действующей международной законности.

Но вот какой момент все же должен быть принят во внимание. Во *всех демократически развитых странах* эти же акции (впрочем, представляемые властями и массовой информацией хотя и в более широком контексте, но все же с тенденциозными акцентами) встретили *подавляющую поддержку у всего населения*.

Чем все это объяснить? Только ли отчуждением всего прокоммунистического с добавлением узконационалистических тенденций (что характерно для этнических чисток, осуществляемых югославской армией и военизированными соединениями и что остро прочувствовано населением Европы)? Да, по всем данным, – этим. Но, думается, не только. Упомянутые настроения вызваны также и тем, что у населения Запада – как хочется верить автору этих строк – все более крепнет как раз ощущение и прямое понимание того, что *наступает новая эра права*. Права – последовательно гуманистического, основанного на *безусловном верховенстве и приоритете прав человека*. Будем надеяться в этой связи, что и негативные стороны натовских вооруженных акций, которые в свою очередь привели к грубым нарушениям прав человека, не заслонят указанной тенденции движения человечества к праву высокого гуманитарного порядка и, быть может, даже дадут толчок к тому, что неотложным требованием сегодняшнего дня станет необходимость при решительной реализации современного гуманистического права – скажу еще раз – применять средства последовательно правовые, основанные прежде всего на строгих правосудных, строго юридических началах.

ТЕПЕРЬ в качестве известного итога характеристики естественного права, о котором в том или ином ракурсе шла речь в этой главе, некоторые соображения общего характера о его развитии, его судьбе.

Естественное право нередко воспринимается как нечто неизменное и притом как отголосок старых, архаичных представлений.

Между тем в естественном праве неизменно одно – выражение в нем требований жизнедеятельности людей как разумных существ. Уже в годы Великой французской революции (и в не меньшей степени в последующее время в облике «возрожденного» естественного права) оно *наполнилось принципиально новым и современным содержанием, стало носителем основополагающих социальных ценностей современной исторической эпохи – величия разума и свободы человека, его высокого статуса, неотъемлемых прав.*

Ныне же, когда эти социальные ценности все более утверждаются в условиях невиданного научно-технического прогресса и соответствующего развития всех сторон социальной жизни, пришло время для более основательного, «понятийного» вывода – трактовать рассматриваемую категорию в качестве *с о в р е м е н н о г о естественного права.*

Наряду с уже отмеченным принципиально новым содержанием (относящимся к свободе человека, его высокому статусу, неотъемлемым правам) здесь определяющее значение имеют еще два ряда факторов:

в о - п е р ы х, это прямое соединение прав и свобод человека с *социальной ответственностью* индивида за свое поведение, его последствия. Такое соединение, по многим данным, принципиально существенно и само по себе, т.е. в виде имманентной стороны свободы человека, его статуса, прежде всего статуса собственника, и особо – в ряде направлений и сфер жизни общества. В том числе в сфере экологии в связи с индустриальным и постиндустриальным развитием общества, мощным проникновением научно-технической мысли, экспериментальных и коммерческих акций в тонкие и хрупкие биологические механизмы живых существ, когда возникает угроза самой жизни, ее гармоничному, сбалансированному функционированию. И значит, при более широком подходе – с точки зрения требований и норм, связанных со взаимоотношениями человека и природы. Как уже отмечено в российской литературе в отношении прав человека, обращенных к природной среде, требуется «переосмысление на базе новейших естественнонаучных и общественных знаний идеи естественного права и естественной справедливости... указывающих на меру и нормы, с которыми должен считаться человек, стремясь установить сбалансированные отношения между обществом и природой»¹;

---

¹ Мальцев Г.В. Новое мышление и современная философия прав человека // Права человека в истории человечества и в современном мире. М., 1988. С. 35.

во-вторых, это *преломление требований естественного права через новые «пласты социальности»*, рожденные гигантским научно-техническим прогрессом. Такие прежде всего ранее неведомые области социальной жизни, качественно отличные от метафизически понимаемого «мира вещей», как широкие и многообразные участки объективированных духовных ценностей (интеллектуальная собственность), информационные структуры, куда во многом «перекочевывают» строго вещные отношения, своеобразные формы активности, проявляющиеся в предпринимательском деле в условиях современной рыночной экономики.

Вместе с тем надо сразу же заметить, что и здесь не должны быть утрачены ценности культуры, во многом связанные с самими основами естественного права, с классическим гражданским законодательством. О. Шпенглер, указавший в своем капитальном труде «Закат Европы» с такой яркостью и категоричностью (увы, порой с передержками) на отмеченные выше стороны социальной жизни, имеющие существенное значение для понимания права в современную эпоху¹, едва ли все же во всем прав, когда говорит, что «потому да будет здесь заявлено с максимальной остротой: античное право было *правом тел*, наше же право – это право *функций*. Римляне создали юридическую статику, нашей задачей является юридическая динамика»².

---

¹ Отмечая понятийную ограниченность античного права, О. Шпенглер говорит, что «достаточно бросить взгляд на немецкое частное и уголовное право», чтобы увидеть – «понятийно, а значит, и синтаксически противостоят друг другу то, что может, и то, что не может быть достигнуто в рамках античной схемы». И дальше следуют вопросы: «Почему авторское право оказалось не в состоянии понятийно отделить духовное творение от его форм, которые можно передавать, таких, как рукопись и печатная продукция? Почему в одной и той же картине в противоречии с вещным правом приходится различать художественную и материальную собственность – посредством разделения приобретения оригинала и приобретения права на воспроизведение?» Поставив ряд аналогичных вопросов, автор сам отвечает: «Потому что сегодня над нами все еще довлеет *античное понятие телесной вещи*. Мы живем иначе. Наш инстинктивный опыт исходит из *функциональных* понятий рабочей силы, духа изобретательства и предпринимательства... энергии... Наша физика... вообще уже не знает старинного понятия тела...» И вновь – вопрос и ответ: «Почему наше право в понятийном отношении бессильно перед лицом великих фактов сегодняшней экономики? Потому что и оно знает личность *лишь как тело*» (Шпенглер О. Указ. соч. С. 84–85).

² Шпенглер О. Указ. соч. С. 86. И автор продолжает: «Требованием будущего становится перестройка всего правового мышления по аналогии с высшей физикой и математикой. Жизнь в целом: социальная, экономическая, техническая – ждет того, чтобы ее наконец-то поняли в этом смысле; для достижения этой цели нам потребуется не менее столетия напряженнейшей и глубочайшей работы мысли» (там же).

При всей принципиальной важности отмеченных автором характеристик современной действительности не упустим, однако, из виду, что во всех случаях право «имеет дело» с внешними, опредмеченными общественными отношениями. Другой вопрос, что такого рода «опредмеченность» в ряде областей социальной жизни современного общества приобретает своеобразный характер — проявляется не в «телах» в прямом, грубом значении этого термина, а в более мягких и многообразных формах объективизации, выражающих разумную, интеллектуальную, творчески-активную деятельность и потому отражающих динамику социальной жизни.

Да и по сути дела О. Шпенглер в приведенном суждении ведет речь о *современном* естественном праве. Когда он говорит о том, что «всякое право есть по преимуществу обычное право: пускай себе закон определяет слова — жизнь их *истолковывает*»¹, то подобное «истолкование», сообразное обычному праву и «жизни», выражает не что иное, как требования естественного права — естественные императивы сегодняшнего дня.

Требования естественного права, обусловленные современным развитием постиндустриального общества, во многом определяют и особенности правовой материи, в том числе своеобразии складывающихся на их основе комплексных образований — экологического права, информационного права, предпринимательского права. Причем и в данном случае следует заметить, что указанные структурные подразделения не призваны «заменить» традиционные фундаментальные отрасли. Например, «упразднить» гражданское право, а на его место поставить предпринимательское право или торговое право. Напротив, последние лишь тогда получают действительное развитие и обретают достойное место в системе права, когда в полной мере и здесь освоены достижения правовой культуры и указанные новые подразделения правовой системы опираются на правовые ценности, содержащиеся в фундаментальных отраслях, в особенности тех, которые воплощают начала частного и публичного права. В данном случае — ценности гражданского права, современного гражданского законодательства.

И наконец, следует еще раз сказать о самом, быть может, примечательном явлении, затрагивающем современное естественное право. Это — *глобализация права человека*, приобретение им наднационального характера, когда оно становится определяющей силой, регулятором всепланетного значения — самого, по-видимому, очевидного под-

---

¹ Шпенглер О. Указ. соч. С. 85.

тверждения того, что человечество уже реально – дай нам Бог по-настоящему осознать это – вступает в цивилизацию либерального типа, в Мир Свободы и Права.

5. Идея «правозаконности»

ДО НАСТОЯЩЕГО ВРЕМЕНИ фокусом, «изюминкой» правовых вопросов по большей части являлся принцип *законности* (понятно, как отмечалось ранее, с тем, чтобы имелись в виду ее абсолютность, а также не только обязанности и ответственность, но и субъективные права, права людей, ряд других связанных с этим требований). В самом деле, закон законом, существование законов в обществе необходимо, но все же самое существенное, важное для нашей жизни – это то, чтобы законы реально проводились в жизнь, фактически реализовались, о чем как раз и говорит понятие «законность».

В лозунгах политических партий, движений (в том числе левой, коммунистической ориентации) появилась даже формула «диктатура закона» – императивное, невзирая ни на что, господство законов. Не правда ли замечательно?! Диктатура не каких-то лиц, не неких идеологических постулатов, а просто-напросто безусловная власть закона и, стало быть, единого и строгого порядка в нашей жизни, в наших делах.

Что против этого можно возразить?

Как будто бы ничего.

А у меня – не скрою – (и, думается, не только у меня) этот лозунг, где на первом месте – слово «диктатура», вызывает все же чувство тревоги. И даже какой-то опасности.

Почему?

ВОТ СТРАНИЧКА нашего недавнего российского прошлого, о чем подробнее разговор пойдет в следующей главе. С середины 1930-х годов в России, официально названной «СССР» (Союзом Советских Социалистических Республик), утвердился режим самодержавной власти партийного вождя, который по ряду особенностей функционирования этой власти получил широко распространившееся в мире название – *Большого террора*.

С конца 1920-х – начала 1930-х годов волна за волной по стране прокатывались аресты тысяч и тысяч людей – прямо на службе, на квартирах в ночное время. Шли расстрелы арестованных по спискам. По спискам или персональным решениям другие арестованные

заклучались в тюрьмы и концентрационные лагеря. Одновременно во многих случаях подвергались наказанию семьи расстрелянных и заключенных. Ссылались в отдаленные места целые группы населения, «провинившиеся» народности. Решения по расстрелам и заключению в тюрьмы, другим наказаниям применялись, как правило, по упрощенным процедурам внесудебными учреждениями – «тройками» или Особым совещанием органов госбезопасности, реже – но в том же порядке – специальными трибуналами или по прямому указанию высших партийных инстанций. Подследственные и заключенные подвергались пыткам, истязаниям, жили в нечеловеческих условиях, заключенные многими тысячами гибли на непосильных каторжных работах.

Причем самое поразительное – и, наверное, самое жуткое! – в режиме Большого террора то, что массовые репрессии, быстрая расправа над людьми, попрание их элементарных человеческих прав осуществлялись в советском обществе в немалой мере *на основании закона*.

В официальных документах власти, признаваемых «законодательными» (в первую очередь в постановлениях ВЦИК), предусматривалось образование при органах госбезопасности Особого совещания и «троек», возможность применения ими репрессий, устанавливались упрощенные процедуры по «контрреволюционным преступлениям», прямо в статье 64 Уголовного кодекса РСФСР и официальных разъяснениях к ней было в то время записано о применении мер уголовного наказания к родственникам «изменника Родины», официально признавалось, что для применения уголовных репрессий к лицам по признаку соучастия достаточно одного лишь факта вхождения лица в «контрреволюционное сообщество». И т.д.

Более того. Разгул репрессий и расправ развертывался в советском обществе в 1930-е годы *в соответствии с требованиями законности*. В первое время после Октября 1917 года провозглашенная новой властью «диктатура пролетариата» трактовалась строго по-ленински, т.е. как власть, не ограниченная законом (и с такой формулой хорошо согласовывались практика «красного террора», чекистский беспредел, система заложников в гражданской войне, первые концентрационные лагеря), и принцип законности трактовался как сугубо буржуазный. А вот в 1930-е годы с утверждением порядков сталинского единодержавного самовластия неожиданно оказалось, что с «диктатурой пролетариата» вполне совместима и законность, притом законность – социалистическая, во имя трудящихся, светлого будущего – социализма и коммунизма. Была найдена и соответствующая формулировка в не

опубликованных ранее ленинских бумагах – о том, что «нужно свято соблюдать законы и предписания советской власти».

Потому-то люди, оказавшиеся предметом репрессий и расправ, стали объявляться «нарушителями закона», чаще всего – «убийцами» и «шпионами», а репрессии против них – осуществлением требований социалистической законности. Оформлялись, пусть и куцые, «уголовные дела». В них, как правило, содержались «признания» обвиняемых в чудовищных преступлениях против народа. Приговоры, если они рассматривались трибуналами или иными судебными учреждениями, а также определения высших судебных учреждений по жалобам осужденных подписывались «судьями». Поступали осужденным документы по жалобам от «прокуроров».

Проходили даже «открытые процессы» над недавно крупными партийными деятелями, оказавшимися «убийцами» и «шпионами»; стенографические отчеты о них печатались в газетах... Словом, все «по закону», все «по законности». Магия юридических формул, ссылок на законы, «обвинительные заключения», «судебные прения», участие в рассмотрении дела адвокатов оказывалась для большинства людей сильнее возникающих сомнений, для многих крупных зарубежных общественных деятелей – бесспорным свидетельством торжества в Стране Советов подлинной законности.

В 1936 году даже всемогущество партийных органов, в том числе в юридической области, получило какое-то конституционное обоснование: партийные организации были объявлены «ядром» всех государственных организаций и общественных объединений (позже, в 1977 г., советская Конституция провозгласила в виде общего юридического начала «руководящую роль коммунистической партии» в обществе). Можно было как-то объяснять и то обстоятельство, что вооруженные силы, госбезопасность, все силовые ведомства находятся в прямом подчинении «ЦК партии», на местах – «первых секретарей обкомов»...

ТАКОГО РОДА факты – страничка из прошлого (а количество подобных фактов можно умножить, и они относятся не только к нашему Отечеству) – свидетельство того, что сам по себе принцип законности и тем более сама по себе формула «диктатура закона» далеко не во всем и не всегда соответствуют требованиям прогрессивного развития общества, демократии, а подчас могут иметь и негативное значение.

Поскольку имеется в виду современное гражданское общество, то речь должна идти о *правовом* законе. «Правовом» в том смысле, что закон должен соответствовать требованиям гражданского общества,

демократии и прежде всего он должен *основываться на неотъемлемых правах человека*. Право под таким углом зрения — это общеобязательные нормы не всяких, не любых законов (законы могут быть реакционными, служить тираническим, авторитарным режимам). Право в современном гражданском обществе — это юридическая система, основанная на демократических и гуманитарных ценностях, на прирожденных правах и свободах человека. А это и есть *право человека*.

Так что само существо права современного гражданского общества предполагает принципиально новое видение законности. Она в условиях новой эпохи приобретает характер *правозаконности*.

Примечательно, что сам этот термин — «правозаконность» — выдвинул крупный либеральный мыслитель современности Ф. Хайек (имя которого подчас чуть ли не исключительно связывают с «рынком»). По его справедливому замечанию, «концепция правозаконности сознательно разрабатывалась лишь в либеральную эпоху и стала одним из ее величайших достижений, послуживших не только щитом свободы, но и отлаженным юридическим механизмом ее реализации»¹.

Итак, что же меняется, когда к приведенному термину добавляется слово «право» («правозаконность»? С учетом приведенных ранее положений должно быть очевидным, что здесь не некий словесный повтор, не тавтология, не масло масляное («право» и «закон», напомним, понятия близкие, нередко взаимозаменяемые). *Смысл правозаконности означает строжайшее, неукоснительное проведение в жизнь не любых и всяких норм, а начал гуманистического права, прежде всего основных неотъемлемых прав человека*, а также связанных с ними ряда других институтов, в том числе *общедемократических правовых принципов, частного права, независимого правосудия*. А значит, и реальное на деле построение на последовательно демократических, гуманистических началах всей юридической системы, всей политико-государственной жизни.

Имеет ли постановка вопроса о правозаконности практическое значение? Думается, да, имеет. Причем, возможно, новый поворот получает и принцип абсолютности законности, в соответствии с которым любой случай нарушения любого закона должен быть непременно официально зафиксирован. По всем данным, имеются достаточные основания для конституирования такого порядка в государственно-правовой жизни страны, претендующей на признание ее «демократической», когда бы не только нарушение любого закона, но и нарушение прав человека непременно, в обязательном порядке фиксирова-

---

¹ Хайек Ф. Дорога к рабству // Вопросы философии. 1990. № 11. С. 128.

лись правосудными учреждениями. И в этой связи не в том ли только истинная трагедия юридической системы России, что акты высшей власти, на основе которых российские регулярные вооруженные силы начали военные действия в Чечне в 1994—1996 годы, получили правосудное оправдание, но в не меньшей мере и в том, что происшедшие массовые нарушения прав человека так и не были (хотя бы) зафиксированы в судебном порядке?

И ЗДЕСЬ, в какой-то мере возвращаясь к рассмотренным ранее вопросам о неотъемлемых правах человека, уместно в качестве некоторого итога характеристики идеи правозаконности (да и всей проблемы права человека) напрямую сказать о том, что дает эта идея каждому отдельному человеку, индивиду, личности. Именно как идея *законности*, основанная на великих гуманистических ценностях.

Ведь то обстоятельство, что при помощи права — права человека! — отдельный индивид обретает высокий статус, достоинства субъекта неотъемлемых от него прав, а отсюда реальной свободы, высокого положения в обществе, активности, творчества, при всей важности этого обстоятельства, оно имеет во многом, так сказать, общечеловеческий, общесоциальный характер. Характер оценки того решающего звена, который определяет природу и судьбу современного гражданского общества.

Между тем есть своего рода «знак» служения права конкретному человеку в его сложной, полной превратностей и бед жизни, в том числе защиты от бед, проистекающих от его же, человека, творения, призванного по своей глубокой сути быть стражем людских интересов, — государства, самой мощной в обществе силы. Ибо именно государственная власть, нередко вопреки своему истинному предназначению, обрушивается на человека самую страшную, неотвратимую беду — государственный произвол, своеволие, порядки расправ, бесчинства чиновников.

Что это за «знак»? Не скрою, автору этих строк его существо подсказал писатель, гулаговский мученик и гуманист Ю. Домбровский. Его роман «Факультет ненужных вещей», потрясающий рассказ об ужасах гэбистских застенков, о всеохватывающем страхе людей, низости и изуверстве служителей сталинской «юриспруденции», подлости и коварстве погрязшей Фемиды, казалось бы, должен был бы обозначиться как повествование о подноготной сталинского тоталитарного режима. А вот сам автор в одном из интервью о сути своего романа совершенно неожиданно сказал, что это *роман о праве*. Писатель устами одного из героев романа говорит, что именно при сталинском режиме «право — факультет ненужных вещей», ненужных при тоталитаризме. И заключает

словами, полными глубокого смысла и тревоги: «Во всей нашей печальной истории нет ничего более страшного, чем лишить человека его естественного убежища— закона и права. Падут они и нас унесут с собой».

Да, точно так. В условиях правозаконности человек *именно в праве (притом, конечно же, в праве человека) может найти — коль скоро такое право действительно утвердится в обществе — надежное «у б е ж и щ е» от социальных невзгод, от насилия и произвола, в том числе самого страшного — государственного насилия и произвола.* Право человека самой системой правосудия, строгих процессуальных процедур, недопустимости применения вне этого государственного принуждения, порядком опротестования и обжалований, презумпцией невиновности и других развитых и отработанных юридических форм призвано создать барьер непробиваемой защиты, огражденности человека от насилия и произвола. А с учетом неотделимой от истинного права социальной солидарности — защиты от превратности судьбы обездоленного человека.

б. Самое святое из того, что есть у Бога на земле

ЭТИ СЛОВА, посвященные праву, сказаны двести лет тому назад и принадлежат знаменитому философу, высказывания которого по правовым вопросам (в том числе и это) приводились и ранее, — Иммануилу Канту.

Не завышена ли в этих словах оценка права? И не завышены ли иные, аналогичные по смыслу суждения Канта, других философов, правоведов о праве как о «цели общества», о том, что оно является «высшим принципом» в жизни людей? Ведь ясно же, и это прочно утвердилось в наших представлениях, что первостепенно значимыми в жизни человека, истинно «святыми» для него началами являются совесть, добро, высокая мораль, для многих людей — вера в Бога, Христовы заповеди. В нашей же простой, земной жизни — зарплата и достаток, товары в магазине, огород и банька... А тут — «самое святое», да еще «у Бога»! И вдобавок к тому «цель общества».

Нет, приведенные суждения и оценки, на мой взгляд, не завышены. Нужно только подходить к тому социальному институту, который назван «правом», с более основательных, многосторонних позиций, не сводить его к сугубо криминалистическим характеристикам, видеть в нем главные, определяющие в жизни людей ценности.

И дело не только в том, что именно через право на цивилизованных началах реально утверждается самое великое благо для человека —

свобода (хотя эта миссия права достойна достаточно высоких оценок). Самое существенное заключается в том, что на основе права индивид, определенное живое существо, человек *становится личностью*, – факт, действительно относящийся к разряду «святых», а институт, обеспечивающий его наступление и поддержание, право, – «самое святое» из того, что есть на нашей грешной земле у разумных начал нашего бытия, которые могут быть названы «Богом».

Возьмем еще на заметку и то обстоятельство, что только тогда, когда человек утверждает себя как личность и существуют надежные средства и механизмы обеспечения прочности и надежности его высокого статуса и неотъемлемых прав, – только тогда становится в полной мере возможным реальное осуществление великих духовных и высоких моральных начал – совести, добра, веры. И только тогда, надо добавить, реально могут быть осуществлены начала свободы человека, его творческий потенциал, созидательная активность, самобытная индивидуальность, притом в тесном единении с социальной солидарностью. А значит, реализуются и основные идеалы современной цивилизации.

Словом, право, раскрывшее свой потенциал, все свои достоинства, дает прочную и надежную основу для развертывания и реального осуществления позитивных начал, для оптимистической перспективы развития общества. Все это, надо полагать, и раскрывает миссию права как «цели общества» и «высшего принципа» в жизни людей. И, стало быть, его значение как самого святого из того, что есть у Бога на земле.

Ну, и более конкретизированный, более приземленный, но не менее существенный вывод из ранее изложенного о роли и месте права в жизни и развитии общества. Из приведенных на предшествующих страницах данных следует, что право (во всех своих ипостасях – и как инструмент дисциплины, и как обитель свободы человека, и как его «убежище» от бед, и во всех иных своих качествах) – это *высшее выражение цивилизации и культуры, соответствующее настоящему и будущему развивающегося человечества*. И не «одно» из таких выражений, а именно *высшее!*

И – к сведению любознательного читателя. Более подробно весь комплекс соображений, исходной точкой отсчета для которых послужили кантовские идеи, изложен автором этих строк в особых книгах. Одна из них так и названа – **«Самое святое, что есть у Бога на земле»** с подзаголовком – «Иммануил Кант и проблемы права в современную эпоху» (издательство «Норма», 1998). Затем эти же мысли, наряду с другими, изложены в более обширной работе – **«Право: азбука – теория – философия»** (издательство «Статут», 1999).

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ ПРОБЛЕМЫ РОССИИ — ПРОБЛЕМЫ ПРАВА

1. Уготованный историей вариант

КАК ТОЛЬКО российское общество стало осознавать необходимость модернизации, вхождения в общий для человечества поток развития цивилизации (процесс, начавшийся в годы правления Петра I, Екатерины II и резко обострившийся в XIX в.), так сразу же в виде реакции на этот неизбежный ход Истории возникли и получили распространение идеи и общественные движения, настаивающие на «особом пути» развития российского общества.

Такого рода идеи и общественные движения (наиболее мощное и влиятельное из них в XIX в. — «славянофильство»), неизменно апеллируя к «патриотизму», по своей реальной сути оказались социальными силами, призванными законсервировать — пусть и в каком-то осовремененном, европеизированном виде, традиционные, притом в азиатско-византийском обличье, порядки самодержавия и религиозного общества, утверждающего каноны позднего православия. Самое поразительное во всех этих сложных, противоречивых процессах стало то, что в начале XX века этот «особый путь» общественного развития нашел реальное воплощение и своеобразное продолжение в российском ответвлении коммунизма, претендующем на достижение высшей модернизации общества, — в ленинско-сталинской идеологии и практике большевизма.

Российскому коммунистическому строю, выраженному в своеобразном искусственном образовании — «советское общество», действительно удалось привести в действие отечественный интеллектуальный потенциал, решить известные социальные задачи, известные задачи модернизации, особо впечатляющие в сфере фундаментальных наук и военной техники. Но эта модернизация, основанная на ряде общесоциальных ценностей, но главным образом на насилии и фанатизме, оказалась ограниченной, ущербной. Сохранив, а в чем-то и усилив основные устои порядков самодержавия и по сути религиозных доктринерских (коммунистических) догм, она не привела к целостному общественному прогрессу, к демократическому переустройству общества, его устойчивому развитию, народному благосостоянию. В конце концов после многодесятилетнего

существования коммунистический строй оказался в тупике, в стагнации, разложении, на грани тотальной катастрофы. И это – к несчастью, через беды и горе миллионов людей – подтвердило мудрость Истории, невозможность осуществления постоянного и восходящего прогресса общества, его действительной истинно человеческой модернизации без «либеральных начал» – разума и свободы человека.

ИДЕОЛОГИЯ «ОСОБОГО ПУТИ» России (ныне выступающая в виде «патриотического движения», «евразийства», «славянства») на первый план общественного развития – сообразно канонам и духу традиционных цивилизаций – выдвигает императивы «сильной державной власти», «совести», «религиозных канонов и милосердия», «соборности».

Вопросы права при таком подходе к жизненным проблемам отодвигаются, нередко рассматриваются как эталоны «западничества», господства формализма и неких чуждых схем, отражающих древнее «римское право» (подходы, получившие широкое хождение во многих странах Востока, подчас напрямую отрицающих – как в свое время Маркс – приоритет в обществе права «в смысле прав человека»).

Известным потолком в понимании правовых вопросов в идеологии «особого российского пути» являются требования законности, или «диктатуры закона», понимаемые преимущественно под углом зрения обеспечения в обществе твердого порядка и дисциплины.

Такой подход к правовым вопросам получил в России настолько широкое распространение, что даже реформаторы демократической ориентации – за немногими исключениями (к счастью, они есть) – по большей части рассматривают право и законы в качестве всего лишь подсобного, «оформительского» института. Притом, сообразно российским традициям, усматривают в них по максимуму, увы, всего лишь орудия дисциплины и порядка, требования законности с точки зрения строжайшего соблюдения и исполнения действующих юридических предписаний. Потому-то и формула «правовое государство» по большей части воспринимается в узкодисциплинарной интерпретации, в более широком значении не более чем лозунг, некий общий принцип, а положение «правление права» не воспринимается вовсе, пожалуй, даже видится перед идиологией власти как некий западнический изыск, нелепость в будто бы «своеобразных» российских условиях.

МЕЖДУ ТЕМ возьму на себя ответственность утверждать, что для России в перспективе ее, будем надеяться, прогрессивного развития *уготован путь права.*

Он уготован прежде всего по той простой причине, что при всей российской специфике вне общественных порядков, построенных на господстве права – притом права человека! – действительная и всесторонняя модернизация общества невозможна. Невозможна в принципе. Без какой бы ни было альтернативы. Ибо только право – право человека! – способно расковать человеческую энергию в ее позитивном значении, обратить разум и свободу людей в созидательную активность, творчество, инициативу, предприимчивое дело. И плюс к тому – обеспечить такое общественное развитие, когда «собственный интерес» и «разумный эгоизм» сочетаются с солидарностью людей. И когда, надо добавить еще, человек, обретая высокое, приоритетное положение в обществе и в этой связи – надежное «убежище» от социальных невзгод, от насилия и произвола, в том числе страшно-го и губительного для людей – государственного произвола.

Вместе с тем есть существенные основания утверждать, что путь права – как это ни парадоксально прозвучит – «предназначен» для России *как раз в силу специфики российского общества, самой его «органики»*.

Пока эта «предназначенность» в российской истории реально и зримо проявилась лишь отчасти, она в полной мере не раскрылась, оказалась во многом затененной другими реалиями и тенденциями, имеющими действительно антиправовой характер. Но, как бы то ни было, исторические факты, свидетельствующие о «предназначенности» для российского общества правового пути развития (не исключено, что этот путь заложен в органике всех человеческих общностей, вступивших в условия цивилизационного развития), имеют весьма определенный и многозначительный характер.

ВАЖНЕЙШИЙ из таких исторических фактов (и это тоже показательно) относится к начальным фазам становления российского общества.

Отличие от «самого» государства, которое в России имело в основном восточно-феодалную деспотическую ориентацию, российское право не только не восприняло подобную ориентацию, но, напротив, имело ряд прогрессивных симптомов и тенденций. Это не только его настроенность на передовые греко-византийские традиции поздне римского права (заложенные в договорах русских князей Олега, Игоря, Святослава с греками 907, 911, 945, 971 гг.) и восприятие через «варягов» традиций северо-западной юридической культуры. Главное здесь – это складывающиеся на собственной, отечественной основе, притом даже в условиях господства общинных начал, таких передовых по тому времени элементов правовой культуры, как обязательный процесс, дифференциация

ответственности (например, в Судебнике 1550 г., Псковской и Новгородской судебных грамотах), отчетливая линия на закон, на кодификацию законодательства, в том числе в виде уложений, скажем, Соборного уложения 1649 года Алексея Михайловича – весьма отработанного для своего времени сводного юридического документа. Да и вообще, разве не является надежным свидетельством формирования в российском праве исконно правовых основ сам по себе факт – не в пример государственным формам – отторжения в долгие века татаро-монгольского ига юридических порядков и нравов восточного «ясака»!

Слов нет, в имперскую пору российской истории, со времен Ивана Грозного, в полной мере дало о себе знать все скопище факторов, весьма неблагоприятных для развития права. Это не только доминирование в экономической и социальной жизни общинных начал, но и общая обстановка царского всевластия, казенно-чиновничьего беспредела, милитаризация общества, захватнические колониальные устремления. И хотя в годы царствования Петра I, Екатерины II, в последующие периоды на духовную жизнь России, на правосознание дворянства и третьего сословия существенное воздействие стали оказывать прогрессивные политические и правовые идеи эпохи Возрождения, тем не менее к середине XIX века в России, во всех секторах обширной Российской империи, было немало отсталых юридических форм и институтов (относящихся к царскому самодержавию, крепостничеству, державному самодурству, казенщине, имперско-колониальным отношениям, общинным порядкам, фабричному законодательству).

Но вот что примечательно. Как только в годы царствования Александра II начались, пусть и скромные, ограниченные, преобразования – отмена крепостничества, учреждение земства, в особенности судебная реформа 1864 года, так сразу же в России началось резкое, «взрывное» возвышение права. И оно охватило даже не столько начальные формы парламентаризма (в виде Государственной Думы) и муниципального самоуправления (в виде земств), но главным образом частное право, «столыпинское» земельное законодательство и еще более – суд присяжных, связанное с ним процессуальное законодательство, адвокатуру – все то, что свидетельствует о процессе глубокого проникновения правовых начал в российскую жизнь. В первом и в начале второго десятилетия XIX века право в России, даже в обстановке самодержавного строя, стало все более и более обретать самостоятельный статус, значение особой и высокозначимой силы в обществе. Так что несмотря на все негативные российские предпосылки в области права (общинно-соборное мироощущение и нравы, имперские по-

рядки, чиновничье засилье и др.), в России именно в начале XX века, прямо-таки к октябрьскому перевороту (революции) 1917 года, определился «поворот» к праву. К праву высокого уровня – такому, которого, по всем данным, и требует современное гражданское общество.

НО НЕ ТОЛЬКО отмеченные исторические факты свидетельствуют о том, что право в России имеет повышенное, пожалуй, ничем не заменимое значение (и, стало быть, – о том, что путь права уготован Историей для нашего Отечества).

И дело, возможно, даже не столько в том, что в какой-то мере этот путь продиктован исторически – нашими, как можно предположить, исконно русскими, «доимперскими» правовыми корнями. И даже не столько в тех оптимистических правовых тенденциях, которые проявились в России начиная со второй половины XIX века, на основе судебной реформы 1864 года.

Главное, можно предположить, в другом.

Ведь, что ни говори, позитивные факты российской правовой действительности конца XIX – начала XX века, связанные с судом присяжных, утверждением в общественном мнении конституционно-правовых начал, подъемом правовой науки, оказались куда более впечатляющими, чем даже шумно-скандальная практика «русского парламентаризма», выраженного в деятельности Государственных Дум в краткий исторический промежуток между революционными событиями 1905–1917 годов. Не случайно при внимательном взгляде на события, происходящие после Февральской революции 1917 года, нетрудно заметить, что в послефевральской стихийно революционной вольнице все более определенно давали о себе знать крепнущие правовые начала (в ориентировке на определение будущего России через Учредительное собрание, в отработке правовых основ его формирования, в организации и деятельности Следственного комитета).

И возникает предположение-догадка. Не означает ли все это то обстоятельство, что российское общество какими-то своими глубинными «рецепторами» уловило предпочтение для себя опережающего правового пути в ходе неизбежного перехода к современному гражданскому обществу?

К тому же непредвзятый и строгий анализ более чем двухсотлетней истории западного парламентаризма свидетельствует о том, что свободные выборы и основанные на нем парламентские и муниципальные институты, другие демократические формы (в частности, референдумы, плебисциты), при всей их важности и незаменимости, имеют все же для

демократии ограниченное значение. Они далеко не всегда и во всем решают вопросы демократического развития общества, а в ряде случаев становятся «легитимной основой» для утверждения в обществе антидемократических, авторитарных и даже тоталитарных (фашистских) режимов.

Именно эти обстоятельства, а еще более нарастающий кризис всей системы промышленного капитализма, стали основой крупного перелома в развитии права в 1950–1960-х годах, в том числе тех тенденций в конституционном развитии западноевропейских стран, особенно стран, переживших фашистские диктатуры, которые обусловили новейшие направления в конституционной культуре, в построении конституций, проявившиеся главным образом в послевоенной Европе, – выдвижение на первое место прав и свобод человека как основы гуманистического права, его первенство и верховенство в демократическом развитии.

И ВОТ ТУТ, ПО-ВИДИМОМУ, уместно сказать и о наших сегодняшних трудностях и сомнениях, которые расходятся, казалось бы, с общепринятыми, привычными демократическими чаяниями и, пожалуй, даже иллюзиями.

Судя по многим данным, наши расчеты в быстрых темпах построить крепкую российскую государственность по модным западным, президентско-парламентарным образцам (таким преимущественно, грезилось многим, как широко рекламируемые североамериканские институты) оказались в чем-то опрометчивыми. Огромность территории страны, этническая перемешанность, национальные и региональные страсти – все это, как небывалая разрушенность страны после многодесятилетнего коммунистического господства и неудач в реформах, привело к тому, что интенсивно вводимые в нашу жизнь западностандартные институты парламентаризма и муниципального самоуправления, даже усиленные институтом президентства, оказались в существующих условиях еще не способными обеспечить стабильное и динамичное демократическое реформирование и модернизацию общества.

Вот и стали звучать со многих сторон призывы к «державной государственности», которые на поверку (куда уж «больше» государственности, чем в нашей отчизне) означают не что иное, как расширение авторитарных методов властвования. Вот и на деле происходят процессы (начиная с некоторых конституционных установлений и в особенности с самой государственной практики), свидетельствующие о все большем реальном утверждении таких авторитарных методов, продиктованных будто бы всего лишь кризисными ситуациями, отсутствием иного выхода из них.

Да, сильное, крепкое государство необходимо любому обществу, в том числе (или даже – тем более) обществу, вставшему на путь демократического развития. Но при этом, казалось бы, неотвратимому при такой необходимости авторитаризму есть достойная, притом по самым высоким меркам, демократическая альтернатива. Тем более такая, которая, возможно, дана самой русской исторической судьбой. Это наряду и в единении с современными демократическими политическими институтами, их совершенствованием как раз *и есть такое преимущественное (с опережением) правовое развитие*, которое в соответствии с отмеченной ранее тенденцией ориентировано на демократические, гуманистические начала. Как справедливо пишет И.А. Ильин, «сильная власть грядущей России должна быть не внеправовой и не сверхправовой, а оформленная правом и служащая по праву, при помощи права – всенародному правопорядку»¹.

И ЕЩЕ ОДИН достойный внимания факт. Весьма знаменательно, что значительную роль в обосновании идеи возрождения естественного права вместе с выдающимися философами-гуманистами Запада сыграли именно русские правоведы – приверженцы либеральных ориентаций в правопонимании. Именно они, русские правоведы Б. Чичерин, И. Покровский, П. Новгородцев, Б. Кистяковский, Л. Петражицкий, не только вновь вызвали к жизни естественно-правовую концепцию в современном ее понимании как исходный критерий для критической оценки существующего правопорядка, но и придали ей значимость фундаментальной основы построения правовой системы, соответствующей потребностям развитого гражданского общества.

И надо видеть в связи со сказанным, что возрождение естественно-го права стало, очевидно, для дооктябрьской России еще одним свидетельством-предзнаменованием правового пути намечавшегося ее демократического преобразования.

2. Трагедия советского права

БЕДА ПОДСТЕРЕГАЛА российское общество в конце второго десятилетия XX века, чуть ли не в самый тот момент, когда несмотря на все трудности и горести Первой мировой войны, казалось, вот-вот правовой путь развития общества определится окончательно.

Этот набирающий силу процесс правового развития России был прерван в октябре 1917 года и в особенности после разгона Учреди-

---

¹ Ильин И.А. Наши задачи. М., 1994. С. 319.

тельного собрания в январе 1918 года. На долгие десятилетия на территории Российской империи установилась тоталитарная власть партократии, действовавшей под прикрытием «власти Советов» и подчинившей жизнь страны осуществлению утопической задачи «строительства социализма и коммунизма». В результате этого юридическая система Советской России, всего Советского Союза была отброшена назад, деформирована, ушла в сторону от основных направлений развития права, характерных для мировой цивилизации.

ПОЛОЖЕНИЕ ДЕЛ с правом в России после октябрьского переворота 1917 года требует прежде всего оценки с принципиальных (философских и политических) позиций.

В соответствии с ортодоксальным марксизмом, в особенности с его наиболее радикальным ленинско-сталинским большевистским вариантом, по установкам которого в России в 1917 году и был осуществлен революционный переворот, в обществе должно восторжествовать не некое формальное, буржуазное право, а революционное право, служащее делу коммунизма, – право марксистской революционной диктатуры, не ограниченной каким бы то ни было формальным законом.

Поэтому большевики, приверженцы идеологии и практики Ленина, Троцкого, Сталина, считали себя вправе поступать сообразно своим идеологическим представлениям и делать со всем обществом, его институтами, с отдельными людьми во имя «высшей цели» все что угодно – захватывать путем заговора и вооруженного насилия власть, идти на реализацию утопии, на фантастический эксперимент в отношении всего народа, ликвидировать естественные механизмы и стимулы жизнедеятельности – частную собственность, рынок, предпринимательство, заменяя все это искусственно-принудительными фантомами, развязывая войну, применять массовые вооруженные насильственные акции, террор, чинить расправу над классово чуждыми элементами и единомышленниками-отступниками. Вот что говорил известный деятель Октябрьской революции, член ВЧК М. Лацис: «Мы истребляем буржуазию как класс. Не ищите на следствии материала и доказательств того, что обвиняемый действовал делом или словом против советской власти. Первый вопрос, который вы должны ему предложить, какого он происхождения, воспитания, образования или профессии. Эти вопросы и должны определить судьбу обвиняемого. В этом смысл и сущность красного террора»¹.

---

¹ Цит. по: Мельгунов С.П. Красный террор в России. 1918–1923. М., 1990. С. 44.

И это не отдельные высказывания, тем более не сугубо фразеологические обороты, а *продуманная философия и последовательная политика*, находившая – увы! – выражение и какое-то формальное обоснование в законодательных документах, в нормативных актах, обозначаемых в качестве «правовых». Как это ни поразительно, самые крайние проявления большевистского террора, поистине геноцида в отношении населения страны, имели известные «юридические основания». И это было и «при Ленине и Троцком» (Постановлением VI Чрезвычайного съезда Советов от 6 ноября 1918 г. органам ВЧК было предоставлено право (!) брать заложников и содержать их под стражей, Постановлением Президиума ЦИК СССР от 28 марта 1924 г. было подтверждено Положение о правах ОГПУ, где предусматривалось образование Особого совещания для рассмотрения дел в отношении социально опасных лиц, и т.д.). И тем более так было «при Сталине» (Циркуляром ОГПУ от 29 октября 1929 г. в центре и в республиках были созданы «тройки», по приказу же НКВД СССР от 27 мая 1935 г. эти «тройки» образованы в краях и областях, сразу же после убийства Кирова в 1934 г. ВЦИК издал постановление, по существу устранявшее процессуальные гарантии по «контрреволюционным» делам, и т.д.).

А в этой связи еще одна особенность высшего революционного права коммунизма в том виде, в каком оно в 1917 году стало реализовываться в России. Это – придание идеологии (марксизму, партийным программам) да и всем партийным решениям непосредственного юридического значения и действия.

Ведь это исторический факт, что все основные акции во всех сферах жизни общества строились «в соответствии» с партийными решениями, с прямыми указаниями партийных инстанций, в том числе в области карательной политики, вплоть до прямых указаний в отношении, например, методов следствия. Яркий пример тому – шифрованная телеграмма Сталина, направленная 10 января 1939 года секретарям обкомов, крайкомов, ЦК нацкомпартий, наркомам внутренних дел и начальникам управлений НКВД: «ЦК ВКП(б) разъясняет, что применение физического воздействия в практике НКВД было допущено с разрешения ЦК ВКП(б). Известно, что все буржуазные разведки применяют физическое воздействие в отношении социалистического пролетариата и притом применяют его в самых безобразных формах. Спрашивается, почему социалистическая разведка должна быть более гуманна в отношении заядлых агентов буржуазии, заклятых врагов рабочего класса и колхозников? ЦК ВКП(б) считает, что метод физического воздействия должен обязательно применяться и впредь, в виде

исключения, в отношении явных и незаружившихся врагов народа как совершенно правильный и целесообразный метод»¹.

Отсюда – вакханалия насилия, господство неограниченной партократической диктатуры (открыто в то время названной «диктатурой пролетариата» – власти, не ограниченной законом), когда руководящие органы партии становились правящими, обладающими высшей, по сути неограниченной властью в государстве. Причем такой могущественной бесконтрольной супервластью, которая находится «над» законом, лишь в какой-то мере прикрывается им, во многих случаях действует вне каких-либо юридических процедур и критериев – пусть даже и приспособленных для нужд неограниченной диктатуры – и в этой связи открывает беспрепятственную возможность непосредственного, прямого (именно не посредственного, прямого, минуя даже официальные советские инстанции и их формальные установления) командования машиной государственного насилия, репрессивным аппаратом – вооруженными силами, всеми карательными учреждениями (ВЧК, прокуратурой, учреждениями внутренних дел), всеми административно-управленческими учреждениями и институтами – порядок, который в России вплоть до второй половины 1991 года фактически оставался практически неизменным (а затем, увы, уже в «демократическом обличье» в какой-то мере перескочил в институты высшей власти демократической России).

В результате сложного, многоэтапного развития – развития, которое все время опиралось на коммунистические догмы, на свои непоколебимые опоры в идеологии и социальной системе, в советском обществе сложился поразительный, невиданный в истории (и, судя по всему, неповторимый) юридический феномен, который иначе не назовешь, как *двухэтажное право*.

Оно, это «двухэтажное» право, включало в качестве одного из таких «этажей» официальную юридическую систему.

Официальная юридическая система, т.е. система позитивного права, с внешней, официально-государственной стороны представляемого в обществе в качестве «советского права», выражала отношение ортодоксального марксизма и большевистской практики к праву в строго юридическом значении. После Октября 1917 года в официальной науке, пропаганде, господствующем общественном мнении утвердился взгляд, что – да, декреты, кодексы, суды, другие институты юриспруденции, пришедшие к нам из прошлого, хотя и являются «буржуазны-

---

¹ Цит. по: *Столяров К.* Палачи и жертвы. М.: Олма-пресс, 1998. С. 131.

ми», но пока нужны революционному пролетариату, нужны, впрочем, по коммунистическим расчетам, временно, им суждено сойти со сцены, они уже сейчас отмирают. Нужны для обеспечения некоторого элементарного порядка, для прикрытия совершаемых большевистских акций, для придания им некой «легитимности», для некоторого упорядочения существующих отношений, устранения крайностей, известного оправдания, придания – если удастся – какой-то даже респектабельности социалистическому праву. То есть действующие законы, иные нормативные документы, правосудная деятельность призваны выполнять некоторую оформительскую и в основном декоративную роль, и то лишь постольку, поскольку они не создают ненужные помехи, не мешают великому революционному делу.

И суть дела в принципе не изменилась от того, что после утверждения в начале 1930-х годов единодержавной тирании «одного вождя» – Сталина вдруг исчезли былые строго классовые формулировки – «революционное правосознание», «революционная законность». Изменились лишь термины, официальные наименования, касающиеся действующей юридической системы. Право, совсем недавно именуемое «буржуазным», «наследием проклятого прошлого», стало повсеместно именоваться советским. Затем к термину «советское» был прибавлен другой, более величественный и связанный с новым идолом, а в этой связи и с переключением права на более высокую ступень в существующей шкале ценностей: с середины 1930-х годов оно стало называться не только «советским», но еще и «социалистическим».

И именно с той поры – характерно, что как раз в годы самого страшного Большого сталинского террора! – началось не просто тотальное оправдание, апологетика действующего законодательства и существующей юридической практики, но более того – их безудержное восхваление, обоснование того, что они представляют собой совершенно новое, невиданное в мире, замечательное право. Вводятся и по любому поводу используются другие престижные обороты: «социалистическая законность», «социалистический правопорядок». Определение «социалистическое» начинает прилагаться к любому юридическому явлению – «социалистическое правоотношение», «социалистическая правовая норма» и т.д., и т.п.

Своеобразным апофеозом такой рекламно-пропагандистской кампании стала атмосфера восторга и славословий вокруг новой, «сталинской» (поистине сталинской!) Конституции 1936 года. В текст этого документа, объявленного «самой демократической в мире конституцией», были включены – впрочем, в общей декларативной форме и в сопровождении социалистической фразеологии – «демократические права гражд-

дан», «требования законности», «правосудие» и многое-многое другое, как будто бы соответствующее передовым зарубежным конституционным стандартам. И плюс к тому включено и то, что, по рекламно-пропагандистским заявлениям, намного превосходит все «буржуазные конституции», – социально-экономические права: право на труд, право на отдых, право на образование и др., что очаровало, увы, немалое число зарубежных и тем более наших отечественных специалистов и до сего времени будто бы демонстрирует замечательные достижения «общества социализма».

Однако под покровом такого внешне привлекательного фасада в советском обществе существовало, как было рассказано ранее, *правоневидимка*. То есть такое право, которое под покровом официальной юридической системы, за фасадом, так сказать, видимого права, именуемого «советским, социалистическим», со всем его византийско-изохренным словесным дурманом, господствовало *невидимое право – сердцевина всей системы власти*. Оно, это «невидимое право», было по сути дела высшим революционным правом, всемогущим суперправом, служащим по воле вождей и партийного аппарата делу коммунизма, направляющим и регламентирующим – жестко и непрекаемо, воистину по-большевистски, по-чекистски беспощадно – жизнь и развитие всего общества.

Надо полагать, именно данный пункт является, возможно, самым главным в понимании природы коммунистических порядков, существовавших в советском обществе, – пункт, по-должному до сих пор не оцененный, но по-прежнему влияющий на жизнь общества. Ведь само существование сталинской машины всевластия и функционирование порядков, в соответствии с которыми все основные вопросы жизни общества императивно решались в партийных инстанциях, находят обоснование именно в том, что «партия», которая ведет народ к светлому, лучезарному будущему и неустанно печется об интересах людей труда, будто бы вправе во имя этого делать все что угодно – идти на любые акции по «преобразованию общества» и «переделке человека».

Знаменательно, что такого рода высшее революционное право коммунизма начиная с 1930-х годов стало в советском обществе хотя и всем известным, но все же тайным, открыто не афишируемым. Если после октябрьского переворота 1917 года и в двадцатые годы оно в виде «революционного правосознания» и «революционной законности» претендовало на то, чтобы как бы заменить оставшееся от прошлого «юридическое право» (и в этом – глубинная подоплека идеи о его якобы неизбежном отмирании), то теперь, когда восторжествовала замечательная советская социалистическая юридическая система, оно во всей своей

реальной плоти и реальном значении ушло в тень, за кулисы официальной государственно-юридической жизни, стало воистину *подпольным, подковровым правом*. В официальных документах, в конституции, иных официальных актах остались лишь символы, некоторые формальные «зацепки», позволявшие как-то с формальной стороны оправдывать это право-невидимку (путем указания на «руководящую и направляющую» роль партии или на то, что партийные организации образуют «ядро» государственных органов и общественных объединений).

Таким образом, сложившаяся в советском обществе официально действующая юридическая система, имевшая ряд технико-юридических и иных достоинств и некоторые позитивные юридико-социальные разработки, вместе с тем представляла собой ушербное, юридически неразвитое право.

По основным своим характеристикам оно не только стало «шагом назад» в общемировом правовом прогрессе, но и являло собой необычное, по современным критериям, уникальное юридическое образование – необычное, уникальное, к сожалению, под углом зрения того, что во многом носило фальсифицированный, мифоподобный характер, а по реальному юридическому содержанию все дальше отдалялось от достижений и тенденций российского дореволюционного права, а еще более – от основных линий правового прогресса, идеалов и ценностей гуманистического права в демократически развитых странах в более позднее время.

И возьмем на заметку ту главную особенность официальной советской юридической системы, которая заключалась в том, что она в целом не имела значения самостоятельной, суверенной нормативно-ценностной регулирующей системы – такой, какой «положено» быть праву в условиях современной цивилизации. Она занимала маленький, мизерный «уголочек» во всем комплексе институтов, направленных на регулирование общественных отношений, находилась на значительном отдалении от того, что могло бы быть названо «верховенством права».

ТРАГЕДИЯ ЛИ ТО, что случилось с правом в России после Октября 1917 года? Да, после наметившегося в начале XX века подъема права, открывшего перспективу формирования и в России гражданского общества, конечно же трагедия. Как еще иначе обозначить утрату перспективы, потерянную надежду? И более того, как иначе оценить воцарение режима, прямо противоположного идеалам и ценностям права, господство режима произвола и своеволия, прикрываемого обольстительными лозунгами и обманными иллюзиями?

И все же истинный драматизм возникшей при советском строе ситуации с правом не только в этом. В чем же?

Для того чтобы ответить на поставленный вопрос, сначала некоторые штрихи из развития гражданского законодательства в Советской России. Законодательства, в котором по большей части согласно логике Истории и обозначаются основные особенности и узловые пункты правового развития общества, идущего по пути утверждения в нем демократических и гуманистических начал.

РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО в первое же десятилетие установления коммунистического строя столкнулось с парадоксальной ситуацией, касающейся гражданского законодательства, Гражданского кодекса.

В соответствии с марксистской идеологией в ее ленинском, большевистском понимании сразу же после октябрьского переворота 1917 года в России во имя быстрого установления коммунизма началась полоса целенаправленного, упорного *уничтожения частного права*. Именно частного права, так как юридические установления публичного характера — революционные декреты, правительственные постановления и т.д., относящиеся к власти, к публичным отношениям, — всю использовались для проведения в императивном порядке большевистской политики и пропаганды.

Частное же право, согласно коммунистическим догмам, должно было разделить судьбу частной собственности, всей частноправовой организации народного хозяйства, более того — и в этом весь ужас такого рода политической линии, дотоле невиданной в мире, — привести к тому, что «частное» в жизни человека будет сведено к узкому кругу потребительских предметов¹.

---

¹ Поразительно, но подобные представления в какой-то мере разделял и видный до-революционный теоретик права Б.А. Кистяковский, ученый в общем либеральной ориентации, полагающий, однако, в обстановке социалистического угара того времени, что хотя социализм и не отрицает частное право, однако «частное» будет состоять в гарантировании каждому «своей рубашки, своего сюртука, своей комнаты» (*Кистяковский Б.А. Указ. соч. С. 579*). В этой же книге, несколько раньше, он и прямо утверждает: «Все те виды индивидуальной и общественной деятельности, которые в современном правовом государстве составляют область частноправовых отношений, превратятся в социалистическом государстве в область публично-правовых отношений, регулируемых государством и государственной властью» (там же. С. 444–445).

И.А. Покровский справедливо пишет в отношении этого мнения своего коллеги: «Конечно, никто не станет отрицать, что в социалистическом строе каждому будет гарантирована «своя» рубашка и т.д., но слишком поспешно делать отсюда вывод, будто это и есть частная собственность» (*Покровский И.А. Указ. соч. С. 108*). И здесь же делает вывод более общего порядка: «Едва ли может подлежать оспариванию, что имен-

В соответствии с такой последовательно коммунистической политикой в Советской России начиная с октября – ноября 1917 года шла сплошная национализация, были официально отменены даже такие элементарные частные сделки, как дарение и мена, а главное, государственная власть присвоила себе право распоряжаться любой собственностью, кому бы она ни принадлежала, вмешиваться в любые имущественные, какие угодно «частные» отношения. Устанавливались порядки прямого государственного регулирования всем народным хозяйством, когда единственным и всевластным центром хозяйственной жизни становились центральные учреждения государства («главки»). Основные юридические документы того времени и издавались с такой нацеленностью, чтобы обеспечить регулирование национализированным хозяйством, утвердить по-коммунистически построенные порядки во всех областях жизни нового общества. Советское право приобрело всецело публичный характер.

Между тем спустя несколько лет после Октября, еще в годы прямого, не завуалированного отрицания «частного» и ничем не ограниченного господства государства и коммунистических предначертаний, в народном хозяйстве возникла потребность в издании юридического документа совсем иного рода. К 1921–1922 годам, после того, как национализированная российская экономика потерпела полнейший крах, руководством правящей коммунистической элиты в порядке временного отступления от коммунизма был объявлен нэп – новая экономическая политика. А в связи с этим оказалось необходимым издание нормативного документа, способного упорядочить возникающие в условиях нэпа отношения – новые формы собственности, коммерческие, торговые отношения.

Таким документом, по утвердившимся к тому времени во всем мире традициям, как будто бы должен был стать Гражданский кодекс. Тем более что к самому кануну Октября 1917 года основные материалы по российскому гражданскому законодательству, притом весьма отработанные, соответствующие передовым мировым стандартам, были в наличии, как говорится, «под рукой» (отдельные части Уложения уже находились на рассмотрении Государственной Думы). И потому подготовка Гражданского кодекса представлялась делом нехлопотным, быстро выполнимым.

Так и произошло. В 1922 году в условиях коммунистического строя – как это ни парадоксально – был принят первый в россий-

---

но п р и н ц и п а л ь н о экономическая централизация отрицает и должна отрицать частную собственность, частный оборот, частное накопление и частное наследование» (там же).

кой истории юридический документ, названный «Гражданским кодексом РСФСР» – ГК РСФСР.

Что же получается? И как быть? Ведь гражданское законодательство – это обитель частного права! И Гражданский кодекс – кодекс свободного гражданского общества! И именно в таком ключе были подготовлены в дореволюционную пору материалы Российского гражданского уложения, положенные в основу ГК РСФСР.

Именно это обстоятельство не на шутку встревожило основателя большевизма, руководителя Страны Советов – Ленина, юриста по образованию. Уже по первому из проектов Кодекса Ленин пишет в письме к своим сотоварищам по правящей элите о том, что Кодекс «изгадили». Ленин в секретном (секретном!) письме к тогдашнему наркомюсту Курскому наставляет, что нужно выработать «новое гражданское право, новое отношение к «частным» договорам и т.п.». И дальше следуют слова, которые стали идеологической установкой для полного отрицания в советской идеологии частного права вообще: «Мы ничего «частного» не признаем, для нас все в области хозяйства есть публично-правовое, а не частное». «Отсюда, – продолжает Ленин, – расширить применение государственного вмешательства в «частноправовые» отношения, расширить право отменять частные договоры, применять не *corpus juris romani* к «гражданским правоотношениям», а наше революционное правосознание».

Обратим внимание, как старательно Владимир Ильич ставит в кавычки слова «частное», «частные договоры» и даже «гражданские правоотношения». Да и вообще, какое это «гражданское законодательство», когда его историческая основа и концептуальный стержень – *corpus iuris romani* – принципиально отвергаются и вместо них должно напрямую действовать «наше революционное правосознание». И такая еще многозначительная деталь. Ленин все эти ультрареволюционные установки прикрывает завесой секретности; он прямо пишет о том, что текст данного письма допустимо только «показывать под расписку», выступать кому-либо по данному вопросу надо под своей подписью, но, упаси Боже, не «упомягая имени» автора письма.

Чем все это можно объяснить? А тем, что Ленин, как юрист, понимал, что Гражданский кодекс, созданный с установками – «мы ничего частного не признаем» и с безусловным приоритетом «нашего революционного правосознания», – это гражданское законодательство, лишенное своей души. То есть и в условиях нэпа вводится гражданское законодательство, которое *не есть частное право*. И надо было, чтобы всем, кто принял за чистую монету официальные лозунги о «строе ци-

визированных кооператоров», «свободе торговли», о нэпе как политике «всерьез и надолго», было неведомо, что все это всего лишь временный маневр и что на деле будет торжествовать «государственное вмешательство», «наше революционное правосознание», «кара НКЮста» вплоть до «расстрела» (есть и такая установка в письме к Курскому).

И вот суть парадокса с гражданским законодательством в России после Октября 1917 года (и суть истинной драмы российского права) заключается как раз в том, что в российском социалистическом обществе стало действовать гражданское законодательство, которое, однако, вопреки всякой социальной и юридической логике *не было частным правом* в строгом и полном значении этого понятия.

Получается, что принятый в 1922 году Гражданский кодекс РСФСР, выполняя узкие оформительские функции – функцию по юридическому упорядочению имущественных отношений в условиях нэпа, *не мог и, по партийным установкам, не должен был реализовать своего истинного исторического предназначения – быть инструментом формирования свободного гражданского общества*. Напротив, он призван был каким-то образом легализовать и придать юридически оправданный вид «нашему революционному правосознанию», широкому «государственному вмешательству» в гражданские правоотношения.

В этой связи следует отдавать ясный отчет в том, что советское гражданское законодательство, построенное на нормативном материале Гражданского кодекса РСФСР 1922 года, отличалось – как это ни парадоксально – во многом опубликованным характером и реально имело в жизни общества ограниченное значение.

Советское гражданское законодательство не только было «обезображено» партийными директивами и утратило свое значение как законодательство частного права, но и с правовой стороны реально действовало главным образом в качестве подсобного, «оформительского», технико-юридического средства сугубо практического порядка. В условиях коммунистического строя гражданские законы и не могли реализовать свое основное историческое предназначение – стать решающим фактором формирования современного гражданского общества. К сожалению, они даже выполняли идеологическую функцию по «прикрытию» тоталитарного репрессивного режима, командно-административной экономики.

Ситуация в принципе не изменилась и в последующее время, в 1930–1980-х годах. Более того, изданный после смерти Сталина и устранения «крайностей» его режима Гражданский кодекс 1964 года хотя и воплощал определенные технико-юридические достижения цивили-

листики (в его подготовке участвовали многие видные советские цивилисты), уже напрямую имел идеологизированный характер, прямо, текстуально связывал советское гражданское право с идеями коммунизма, социалистической системой, а в правовом отношении, по-прежнему легализуя вмешательство власти в гражданские отношения, напрямую проводил ряд сугубо социалистических начал – приоритет государственной собственности, верховенство «плана» над договором? принцип «реального» исполнения обязательства и др.

Выгодно отличается от Кодексов 1922 и 1964 годов закон, названный «Основами гражданского законодательства» и принятый уже в условиях перестройки в 1991 году. В этом общесоюзном кодифицированном акте по гражданскому законодательству впервые были устранены указанные выше идеологические элементы и постулаты, включен ряд современных гражданско-правовых институтов и конструкций (в том числе по вопросам собственности, акционерных обществ и др.). Но и этот документ в полной мере не отразил современные достижения культуры гражданского права, весь современный цивилистический правовой инструментарий, а главное – не стал еще Кодексом частного права, выражением и инструментом реализации основополагающих частноправовых начал.

Вот такова истинная драма советского гражданского права, особенно в той его части, которая строилась не по коммунистическим рецептам, а по конструкциям ГК 1922 года, воспринявшим через дореволюционные проекты достижения мировой частноправовой культуры. Эти конструкции и соответствующие им элементы юридической культуры находились в непреодолимом противоречии (настойчиво сглаживаемом советскими цивилистами) с «планом», «приоритетом государственной собственности» и другими управленческими, административными юридическими реалиями советского времени, упорно вводимыми официальной догмой в содержание гражданского права как отрасли социалистической правовой системы.

Отсюда и ущербность всей юридической системы, существовавшей в советском обществе. Эта ущербность состояла не только в ее заидеологизированном и репрессивном характере, но еще и в том, что в ней, сообразно коммунобольшевистской догме, существовала нацеленность на уничтожение, полное искоренение частного права в основных областях общественной жизни (напомню ленинские слова: «мы ничего частного в хозяйстве не признаем»). Благодаря этому советское право приобрело однобоко публичные содержание и направленность, и это

стало характерным даже для такой, казалось бы, исконной обители частного права, как гражданское право, цивилистика.

НО ИЗЛОЖЕННЫМИ ПОЛОЖЕНИЯМИ парадоксы и истинная драма права в послереволюционной России не исчерпываются. В истории советского права – как и в любой драматической ситуации – есть также и некоторые светлые, оптимистические элементы и тенденции.

Ведь и в области гражданского законодательства принципиальное значение имеет сам факт издания Гражданского кодекса, тем более такого, который был построен на высокочастотных материалах дореволюционных законоподготовительных работ русских правоведов высокого научного, профессионального уровня. И как ни изгоняй из такого Кодекса его частнопроводную природу, она все же сохранялась в самой юридической материи, в юридических конструкциях и категориях. Кодекс – пусть и в деформированном виде – все же реально, в самой гуще жизни представлял дореволюционную правовую культуру. В самой практике применения предусмотренных им юридических средств и механизмов (построенных на частнопроводных началах) он все же вносил какие-то элементы частного права.

И конечно же Гражданский кодекс даже в невероятно сложных российских условиях того времени послужил предпосылкой для развития цивилистической науки, для деятельности таких выдающихся ученых-цивилистов, как М.М. Агарков, С.И. Аскназий, С.Н. Братусь, А.В. Венедиктов, А.М. Винавер, Д.М. Генкин, О.С. Иоффе, И.Б. Новицкий, В.К. Райхер, В.И. Серебровский, Е.А. Флейшиц, Б.Б. Черепахин, Р.О. Халфина, многих других. Для создания ими, их сотрудниками, учениками замечательных трудов по проблемам гражданского права (и это знаменательно, например, что работа Б.Б. Черепашина о частном и публичном праве вышла в свет в 1926 году, когда уже прозвучала грозная установка – пусть и не опубликованная – насчет того, что «мы ничего частного не признаем»; впрочем, вскоре, в начале 1930-х годов, Борис Борисович был отстранен от научной и педагогической работы).

Такие же, как и в области гражданского законодательства и цивилистической науки, процессы дали о себе знать во всем советском праве, во всем правоведении.

Тут, в противовес реакционным чертам советского права, с помощью юридической науки начинала работать сама юридическая логика. В 1950-е и последующие годы, особенно после смерти Сталина, и в законодательстве, и в юридической практике, и в правовой на-

уже стали постепенно утверждаться некоторые прогрессивные правовые принципы и положения (например, презумпция невиновности).

Добавим, что у советской юридической системы были некоторые собственные функции (разрешение имущественных, трудовых, семейных споров, уголовных дел по бытовым преступлениям, установление некоторых юридических фактов и др.). И как раз для областей жизни, где реализовались такого рода функции, провозглашались требования строжайшей законности, правосудия, твердого правопорядка. Здесь порой встречались институты (например, в отношении сроков содержания подследственных лиц под стражей), которые по уровню процессуальных гарантий оказались более совершенными, чем порядки, утвердившиеся в обстановке «демократических преобразований».

Не упустим из поля зрения и то обстоятельство, что, сообразно мировоззренческим установкам, в советском обществе получило известное развитие социальное законодательство, нарочито строящееся в «интересах трудящихся», – законодательство в области образования, здравоохранения, регулирования трудовых отношений, жилищных правоотношений, социального страхования, материнства и детства.

Правда, это законодательство во многом имело ограниченный и убогий характер (главным образом по причинам бедности в обществе и засилья в нем узкоидеологических и связанных с ними административных, бюрократических начал), в какой-то степени оно культивировало идеологию «государства – всеобщего благодетеля», нравы паразитизма, иждивенчества, угодничества, личной бездеятельности, безответственности. В итоге оно стало основой формирования гигантской социальной инфраструктуры, ставшей впоследствии мощной преградой на пути «рыночных» преобразований.

Но так или иначе советское социальное законодательство имело внешне привлекательные черты, содержало известные прогрессивные элементы (реально по минимуму как гарантия мизерных благ для «трудящихся», по максимуму как принцип – хотя бы на перспективу). Указанные элементы – как и в иных сферах советского права – всесторонне и во многих случаях весьма основательно разрабатывались юридической наукой, служили основой для научных построений – пусть во многом и романтического и мечтательного порядка, но все же такими, которые соотносились с идеалами права, истинного правового общества. Немало юристов, получивших основательную профессиональную подготовку (по канонам юридической догматики) – в том числе и автор этих строк, работали в таком ключе, искренне полагая, что они участвуют в великом прогрессивном деле.

Таким образом – по большей части подспудно, порой в эзоповском облике – в советском обществе, в советском правоведении, его отраслевых и общетеоретических подразделениях, зрело *стремление* к праву, пожалуй, даже *жажда права*.

Учитывая отмеченные «светлые» и прогрессивные элементы советской правовой системы и советского правоведения, можно сказать, что они имели характер известного продолжения дореволюционной российской юриспруденции – были той ниточкой, которая протянулась от позитивных сторон российского прошлого к неизбежным (как это все более ощущалось в общественной жизни) переменам в будущем.

И ВСЕ ЖЕ, отмечая «светлые» и прогрессивные элементы в юриспруденции, в правоведении советского времени, нужно иметь в виду, что они не более чем «слои», светлые «аспекты» юридической системы и науки, которые в целом представляли собой органические звенья сталинской тоталитарной общественной системы. И именно поэтому само существование указанных элементов и тенденций – это и есть действительная драма, и социальная, и сугубо человеческая, нередко персональная, личностная (для автора этих строк – глубокая, болезненная и травмирующая до сей поры).

Советское право не только не обрело особого, самостоятельного, высокозначимого статуса, но и всецело «вернулось» на положение одного лишь придатка государственной власти (точнее даже, партokratической власти). «Закон», «законность», «правопорядок» понимались в основном в смысле строгой дисциплины и революционного порядка. Советское право оказалось огосударствленным. Оно несло на себе печать тоталитарного строя, коммунистической идеологии, стало выражением коммунистической философии права. Оно официально трактовалось как право «отмирающее», обреченное на то, чтобы в конце концов, при коммунизме, вообще сойти со сцены общественной жизни. Отсюда правовой нигилизм, непоколебимый коммунистический постулат – пренебрежение «правовыми формами» во имя высших коммунистических интересов.

Ранее отмеченные и другие прогрессивные элементы и тенденции (в том числе все положительное, что содержалось в Гражданском кодексе, в трудовом, семейном законодательстве, в некоторых других сферах права) не должны были ни в малейшей степени даже «трогать» сердцевину советского коммунистического строя – прежде всего «право» «строить коммунизм», беспрепятственно и последовательно осуществлять грандиозный социальный проект – в сущности эксперимент над обществом и человеком. Действующие законы, иные нормативные до-

кументы были призваны легализовать, придавать некую легитимность всевластию партократической диктатуры. В целом советское право строилось так, чтобы не только не препятствовать осуществлению бесконтрольной власти партократии, но и легализовать это господство, создать для него «правовые основания». Более того, в административное, уголовное, процессуальное и некоторые иные отрасли законодательства были включены нормы и положения, легализующие жестокие карательно-репрессивные меры, внесудебную ответственность, административный произвол, процессуальные упрощения. Отсюда действие таких институтов, как Особое совещание, уголовная ответственность детей, карательные меры без вины по «контрреволюционным преступлениям» и т.д. В то же время советское право было охвачено системой гигантских фальсификаций коммунистического тоталитарного режима.

Другие же законы, в особенности содержащие прогрессивные элементы, были обречены на то, чтобы действовать в ограниченных рамках, «в согласии» с началами социализма и коммунизма, по большей части в качестве преимущественно «оформительских» документов. Гражданский кодекс РСФСР, как уже отмечалось, в условиях советского общества в основном и был замкнут на осуществлении такого рода формальной задачи, да и то на довольно узких участках хозяйственных и бытовых отношений (хотя практически вносил в жизнь некоторые элементы частноправового порядка).

Будем держать в памяти и то обстоятельство, что советское право и советское правоведение были втянуты в систему гигантских фальсификаций, государственной лжи, неотделимых от фактического тоталитарного режима – режима Большого террора и бесчеловечных порядков.

Законы, иные юридические документы не только были разукрашены идеологическими формулами и лозунгами типа «воля народа», «в интересах трудящихся», но и во многих случаях включали в качестве общих деклараций действительно прогрессивные юридические конструкции и термины, например: «правовые гарантии», «права личности». В весьма большой степени это коснулось текстов конституций 1936-го и особенно 1977 года.

Советские законы, «судебные процессы», правовые декларации и формулы правоведения были во многом призваны придать «цивилизованный», современный и благообразный внешний вид сталинскому и неосталинскому, брежневскому режимам. Порой даже демонстрировать (как это демонстрировалось в отношении «социально-экономических» прав по Конституции 1936 г.) невиданные преимущества и достижения коммунистического строя. Тут мы как раз встречаемся с одним из ко-

варных свойств советского права, которое уже с того времени станет его неотъемлемой и определяющей особенностью. Суть дела в том, что общепризнанная миссия и престиж социального законодательства и тем более гражданских законов никак не соответствовали в условиях коммунистического партократического господства их фактической роли и реальному значению, создавая тем самым главным образом видимость, иллюзию современного и отработанного правового устройства.

ДРАМА ПРАВА в России, наряду со всеми иными негативными характеристиками, имеет еще одну неблагоприятную сторону, быть может, наиболее гибельную для нашего Отечества, его будущего.

Политика большевизма, в том числе политика на уничтожение частного права в советском обществе, во многом в реальной жизни увенчалась успехом. Частное право фактически было изгнано из основных сфер жизни советского общества. Отношения в народном хозяйстве по большей части регулировались правительственными постановлениями и ведомственными актами («инструкциями»). В арбитражных учреждениях лишь изредка, в случае каких-то заковыристых казусов, делались ссылки на Гражданский кодекс. По сути дела действие Гражданского кодекса как такового, да и то в основном в качестве «оформительского документа», документа для решения «казусов», сохранилось в советских условиях начиная с 1930-х годов главным образом в области бытовых отношений, да во внешнеторговых операциях.

Но здесь дал о себе знать некий твердый, неумолимый закон человеческого бытия – столь же жесткий, как и необходимость частной собственности для человека, – даже в самом что ни на есть тоталитарном обществе (кроме, и то, пожалуй, с немалыми допусками, теократических монархий, где каждая человеческая особь «абсолютный раб»). Поскольку в нашем мире на попроще реального бытия вышел отдельный, автономный человек, то само его существование как самостоятельного индивидуума невозможно в принципе, если он не имеет опоры в «вещах» (стало быть, в своей, частной собственности) и опоры в праве, притом именно в частном праве.

Потому-то частное право – поскольку сохраняется существование человека как самостоятельного индивидуума – является неуничтожимым, «вечным».

И когда частное право целенаправленно и упорно изгоняется из официальной, «видимой» жизни общества, то тогда оно уходит в «тьень», коренным образом теряя при этом саму свою цивилизационную суть. Потому что «тьень» – это не что иное, как криминал, пре-

ступный мир. Или во всяком случае нечто тайное, скрытое от глаз, находящееся на зыбкой грани с криминалом. И людям, знакомым с «экономикой социализма», известно, что ее реальная жизнь в большей, нередко подавляющей части проходила за кулисами официальных планов и плановых договоров через руки оборотистых снабженцев, товароведов и завскладами, притом по твердым, но примитивным критериям в общем-то частноправового порядка («ты мне – я тебе», «по договоренности», «уважь», «я простил – ты прости», «для вас порешаем» и т.д.). Такие правила, когда нужно «отблагодарить», «поделиться», в обстановке социалистической тотальной государственности неизбежно охватывали также и аппарат, партийное и советское чиновничество. Ибо всевластие номенклатуры, ее «право» решать все и вся во имя коммунизма по своему усмотрению, по сути дела – тоже «право» криминального, разбойничьего порядка.

В определенных же (доходных, «жирных») секторах хозяйственной жизни, когда появляются большие деньги, при социализме расцветает и криминал в своем самом откровенном, обнаженном обличье. С подкупом, коррупцией и подлогом. И там утверждается голое, неприкрытое «право сильного» – диктат пахана и вора «в законе», разгул под их крылышком «шестерок», криминальные разборки, законы общака, «свой суд» и «свои приговоры» без апелляций и обжалований, с «казным» исполнением приговоров.

И надо видеть, что нынешние беды в России сопряжены не только с тем, что «кардинальный переход к рынку» под крылом всемогущей власти начал осуществляться при отсутствии своей цивилизационной основы – частного права, современного гражданского законодательства, но и по другой, в чем-то обратной причине – некое «право» как раз было. Но это было, и во многом остается, – право, с одной стороны, государственного, чиновничьего всевластия, а с другой – «частное разбойничье право» криминального мира. А носителями всего этого были люди той эпохи – в немалой мере правящие и научные чины, которые вскоре присвоили себе разом имя «реформаторов»...

Вот и пришли мы сейчас к дикому, полукриминальному полурынку с непобедимой коррупцией и по-прежнему всемогущим чиновничеством, с «реформаторами», выросшими в прежней всемогущей системе... Несколько подробнее об этом – в следующем разделе главы.

РЕАЛЬНЫЕ ДЕМОКРАТИЧЕСКИЕ преобразования в праве начались со второй половины 80-х годов, во время перестройки. Причем немало было сделано в этом отношении в романтическое время конца

1980-х годов, а затем и после поражения августовского 1991 года путча (увы, и тогда, и в последующем с огрехами и просчетами). Получил общее признание принцип «правового государства», были отменены репрессивные, иные реакционные институты и положения, стали развиваться демократическое законодательство, система правосудия (наряду с судом общей юрисдикции – конституционный суд, арбитражный суд).

Вместе с тем право в России до настоящего времени во многом еще сохраняет публичный, огосударствленный характер; оно еще мало соответствует требованиям демократии и цивилизованного рынка, правового гражданского общества. Можно лишь надеяться, что реализация прогрессивных положений новой Конституции, нового российского Гражданского кодекса, ряда других передовых институтов российской правовой системы существенным образом изменит сами основы, инфраструктуру российского права, позволит вывести его на уровень, соответствующий современным требованиям цивилизации.

Впрочем, более подробный разговор обо всем этом – впереди.

3. Просчеты

РЕФОРМЫ В РОССИИ поначалу, с середины 1980-х годов, шли в романтических ожиданиях, под флагом «перестройки», осторожными шажками внедрялись известные демократические институты, развивались кооперативы, арендные предприятия. Все это проходило с трудом, в жестком столкновении различных мнений и позиций, продиралось через многие препятствия, погружалось в омут борьбы за власть. После же развала СССР, когда власть сосредоточилась в руках российского руководства, Ельцина и его команды, реформы были объявлены «кардинальными», «последовательно рыночными».

Результаты идущих в России с 1991–1992 годов «кардинальных», «последовательно рыночных» реформ – неоднозначны, противоречивы. Они характеризуются последствиями двоякого рода.

Последствия *первого рода*, наступившие в итоге всей суммы преобразовательных процессов (в том числе осуществленные в первые годы перемен, в 1989–1991 гг.), действительно ознаменовали разрыв по ряду важных направлений с коммунизмом и появление реальных предпосылок и элементов демократического развития. Эти последствия затрагивают сферу гласности, институты представительной демократии, свободных выборов, потребительского рынка, ряд элементов рыночной инфраструктуры, рыночных механизмов. Сложился, пусть и не очень-то значительный, сектор свободного мелкого и среднего предприниматель-

ства, настроенный на конкурентную состязательность, производственный риск, вложение собственных доходов в производство. Этот сектор имеет опору в некоторых элементах формирующегося среднего класса, в либеральных слоях интеллигенции, рабочего класса. Утвердились некоторые важные элементы банковско-финансовой инфраструктуры рыночного типа. Стала изменяться общая экономико-моральная атмосфера в обществе: центр тяжести экономической жизни начал перемещаться на собственное дело, его доходность, прибыль, денежный эффект.

Обращаясь же к последствиям *второго рода*, надо видеть, что указанные кардинальные акции, объявленные «радикальными», «последовательно рыночными», породили иные доминирующие тенденции и дали с точки зрения этих тенденций противоречивые результаты, по ряду пунктов – совсем иные, чем намеченные и ожидаемые либеральные идеалы.

Здесь, несмотря на все ожидания, не состоялось главного в демократических преобразованиях – полного разрыва с системой коммунизма и формирования свободного демократического общества с утвердившимися институтами либеральной демократии, со свободной конкурентной рыночной экономикой, обеспечивающей устойчивое, динамичное, восходящее экономическое и социальное развитие общества (или хотя бы с утвердившимися и необратимыми основами такого общества, имеющего достаточно определенную, доминирующую тенденцию развития в этом направлении).

А в этой связи и другой факт – все более возрастающее значение элементов и тенденций авторитарно-олигархического бюрократического типа, при которых в условиях доминирования государственного капитализма возрастает господство кланово-номенклатурной верхушки новорусской буржуазии, кругов крупного банковско-торгового капитала, нередко сливающегося с коррумпированным государственным аппаратом и криминально-теневыми слоями экономики.

При этом утверждающийся в России авторитарно-олигархический строй не есть капитализм со всеми его минусами и одновременно с его нарастающей динамикой, созидательными качествами (тем более – как это грезились в оптимистически либеральных прогнозах – не капитализм со свободной конкурентной рыночной экономикой, характерной для развитых демократических стран).

Это строй-гибрид, мутант, в котором нашли себе новую жизнь *некоторые черты капитализма* (к тому же преимущественно номенклатурного *государственного капитализма*, во многом близкого к строю, свойственному странам – сырьевым придаткам капиталистической системы, с порядками и нравами, отвечающими интересам парази-

рующей элиты этих стран). Вместе с тем этот строй-гибрид одновременно выступает также и в качестве известного *преемника коммунизма* – близких, родных для него свойств и порядков *государственного социализма* (к тому же советского образца), в том числе таких, как господство государственно-монополистических, бюрократических начал, всемогущество старой и новой номенклатуры, подчинение рыночных механизмов корыстным интересам правящих элит.

Ныне экономика страны находится в разрушенном состоянии, непрерывно падает производство, всю хозяйничают криминал и коррупция, произошло резкое обеднение многих слоев населения, в том числе большинства интеллигенции, и одновременно – невероятно сказочное обогащение небольшого слоя новорусских богачей, а также – «назначенных» олигархов и верхушки чиновничьей элиты – в основном выходцев из былой партийно-комсомольской номенклатуры.

И если в начале 1998 года показалось, что вот-вот, вслед за стабилизацией рубля, прекратится падение производства, начнется многократно обещанный промышленный «бум» и будто бы уже чуть ли не сформирован «средний класс» (впрочем, весьма странный – состоящий не из работников науки, учителей, врачей, инженеров, а в основном из челноков, банковских служащих, дилеров, мастеров валютных операций), то после обвала 17 августа 1998 года надежды рухнули. Страну обдало холодом крупной беды – тотальной экономической катастрофы.

Что ж, результат обескураживающий и, к несчастью, желанный для коммунистов, всех противников демократических и рыночных реформ, получивших поистине подарок, козырные карты для того, чтобы восстановить население страны против «всех этих реформ», «рынка», «демократов».

Словом, страна подошла к критическому рубежу.

И значит, настало время правды, честных оценок и самооценок, когда следует навсегда и решительно положить конец любым попыткам по-большевистски, сверху, диктаторски навязывать обществу абстрактные, на поверку утопические и потому неоправдавшиеся реформаторские схемы. Главное же, настало время наконец-то честно разобраться с причинами неудачи. И тогда попытаться, дай Бог мудрости и везения, что-то исправить, встать на путь истинно демократического развития, модернизации и устойчивого развития общества.

ПО-ВИДИМОМУ, важнейший из роковых просчетов при развертывании в 1991–1992 годах «кардинальных рыночных преобразований» состоял прежде всего в недоучете того обстоятельства, что к это-

му времени основные условия и факторы естественного, частноправового развития общества оказались в России, как это и намеревались сделать коммунисты, «до основания» разрушенными, изничтоженными строем коммунизма. И это при вдумчивом подходе к сложившейся ситуации требовало не стремительного рывка в процветающий капитализм, а в первую очередь аккуратного восстановления условий и факторов нормального, естественного частноправового развития: воссоздания производительной — пусть пока мелкой и средней — частной собственности, элементов конкуренции, предпринимательского дела, формирования хотя бы первичных элементов гражданского общества¹.

Но дело не только и, пожалуй, даже не столько в разрушенности, порой в полном отсутствии после многодесятилетнего коммунистического господства условий и факторов естественного, частноправового развития общества. А в том еще (и это вскоре, как только начались «кардинальные реформы», приобрело решающее значение), что на их месте в советском обществе в результате насилия и фанатизма, упорной работы по «строительству социализма и коммунизма» была создана *искусственная, уродливая и вместе с тем всеохватная огосударственная экономика-социальная система*, названная строем «победившего социализма».

То есть в сущности утвердилась система «одной фабрики», где отдельные предприятия представляют собой не более чем «единицы» одного хозяйственного организма. Где его основой под именем «всенародной государственной собственности» стало присвоение властью всего прибавочного неоплаченного продукта каторжного труда людей, которым через бюджет — как и природными ресурсами, иными богатствами — бесконтрольно распоряжаются высшие круги партократической власти. Где в плотном единении с такой «одной фабрикой» функционирует уже упомянутая ранее гигантская социальная инфраструктура, настроенная на предоставление социалистических льгот, благодатных милостей от «партии и государства». И где господствуют не персональные инициатива, реальный успех в труде и ответственность, а преданность вождям и руководителям, угодничество, формальные показатели «успехов», бумажная отчетность и рапорты.

Главное же, все эти элементы всеохватной огосударственной экономико-социальной системы основательно укоренились в жизни. Советские люди в основном приспособились ко всевозможным гаран-

---

¹ Именно это шаг за шагом, даже в обстановке партократического режима, стало осуществляться с конца 1980-х годов в экономике — при помощи индивидуальной трудовой деятельности, кооперации, аренды в СССР, что принесло при всех минусах существующего строя грандиозный экономический успех в Китае.

тиям и минимуму благ, которые они во многом получают независимо от реальных результатов труда и персональной ответственности (пусть этот «минимум» – и не более чем некая «пайка», квартирка в блочном доме да участок в коллективном саду, и к тому же при отсутствии действительных гражданских прав и свобод).

А наиболее существенное с точки зрения сути и перспективы реформ вот что. Скромные политические преобразования в конце 1980-х годов в СССР, затем более решительные в ходе всплеска демократического движения и борьбы за власть в начале 1990-х годов в РСФСР (России), не затронули указанную махину, само содержание грандиозной экономико-социальной системы в целом. Она по главным своим параметрам и элементам сохранилась, да и в силу своей укорененности в сознании, в нравах и образе жизни большинства людей не могла не сохраниться; причем, по всем данным, на относительно долгое время, во всяком случае – до той поры, пока ей на смену не придут более благоприятные условия для нормальной жизни человека.

При такого рода обстоятельствах самые что ни есть «кардинальные меры» по «созданию рынка» сами по себе ничего не могли решить. Более того, первая и наиболее решительная из таких мер – введение в январе 1992 года «свободных цен», породив рыночную вольницу, привела к такому положению дел в огосударствленной экономике, когда при отсутствии необходимых законов возобладало «право сильного» – фактическое господство в хозяйстве номенклатуры и криминала, сосредоточивших в своих руках основные устои национального богатства, собственности. Неудачной оказалась и позднее проведенная официальная приватизация, она не затронула основу государственной собственности – саму налогово-бюджетную систему; плюс позор ваучеров и сплошное акционирование, заведомо ущербное, так как акционерные общества – правовая форма, вообще не приспособленная и по самой своей сути неспособная быть способом приватизации. И потому приводящая, по преимуществу, к одной смене вывесок да к бесконтрольному хозяйствованию чиновников и директоров, неважно – «красных» или «белых».

В такой обстановке поначалу успешное дело – стабилизация рубля, как продемонстрировал август 1998 года, – в конце концов не дало ожидаемых результатов. Неудачная приватизация не привела к росту производства, курс рубля пришлось поддерживать внешними заимствованиями да финансовыми пирамидами типа ГКО. Бюджетные же расходы по поддержанию сохранившейся грандиозной социальной махины (дабы еще более не углубить обнищание людей, не вызывать еще большего всплеска страстей, в итоге того страшного, что именуют «социальным

взрывом») оказались столь значительными, что надежды на финансовую стабилизацию не оправдались.

Только спустя шесть-семь лет после начала реформ, в 1997–1998 годах, стали предприниматься попытки как-то преобразовать всю эту машину – реконструировать бывшие государственные предприятия, изменить положение дел в области коммунального хозяйства, упорядочить льготы... А жизнь идет. И потребности людей в обстановке преодоленного дефицита на рынке потребительских товаров становятся в условиях хлынувшего с Запада потока потребительских благ и соблазнов еще более острыми... И в этих условиях противники демократических реформ, приверженцы коммунистической идеологии, притом с опорой на действительные реалии, получили новые козыри.

ТЕПЕРЬ (в связи с только что сказанным) – о наиболее существенном просчете. О наиболее роковой причине неудач.

На мой взгляд, главная причина неудачи идущих в нашей стране реформ, наряду с упречным пониманием либерализма вообще и отсутствием действительно научного подхода к реформам, – это **недооценка права**. Права как решающего средства и важнейшего элемента формирующегося гражданского общества.

Причем здесь есть общезначимые вещи, относящиеся просто-напросто к элементарным требованиям правопорядка.

Вот, скажем, так называемые неплатежи, которые стали фактом обыкновенным, чуть ли не само собой разумеющимся, находящим объяснение в существующих жизненных реалиях, трудностях, проблемах. Сначала это были в основном неплатежи между организациями, главным образом – государственными. Затем (отчасти из-за неплатежей между организациями) все большее число предприятий и учреждений стали не выплачивать своим работникам заработную плату, точнее, выплачивать ее несвоевременно, с задержками. Но вот неплатежи, «задержки» в 1996–1998 годах приобрели небывало массовые масштабы, стали хроническими, длительными – заработная плата не выплачивается несколько месяцев, а то и целый год, другой. Они вскоре обернулись социальным напряжением, ростом социальных и политических акций, все большими требованиями к власти, требованиями изменения экономического курса, отставки правительства, президента.

Но при всем при том мало кто обратил и ныне обращает внимание на то, что массовые систематические неплатежи заработной платы и пенсий, в особенности со стороны государства, – это, наряду с показателем многих других бед, свидетельство того, что государство счи-

тает допустимым в одностороннем порядке не выполнять самую простую, элементарную обязанность, возлагаемую действующим правом, законом. И отсюда свидетельство несостоятельности в новых условиях всего советского права. Последнее входило как неотъемлемая часть в коммунистический строй, в указанную ранее гигантскую экономико-социальную систему, выполняло в ней свои «социалистические» установки. Но право, сложившееся в условиях коммунистического строя, оказалось неспособным решить самую элементарную юридическую задачу – обеспечить возврат неплательщиками своих долгов.

Между тем обеспечение государством возврата долгов относится к таким, притом немногим, звеньям любой более или менее развитой юридической системы (к их числу, например, принадлежат еще защита собственности, соблюдение договоров, исполнение судебных решений), которые образуют исходные клеточки, своего рода «протоматерию» права и без которых ни о каком действительном «праве» вообще не может быть речи. Недаром в совсем недавнее время последствием неплатежей являлась «долговая яма» – знак деловой несостоятельности и позора. Да и в современную пору официальное признание состояния «банкротства», «дефолт» означает по сути дела утрату тем или иным лицом нормального делового и юридического статуса, переход лица в своего рода деловое и юридическое «небытие». И, строго говоря, нет решительно никаких оснований для того, чтобы не распространять строгие юридические и деловые нормы о банкротстве непосредственно на государство. По строгим современным юридическим представлениям, государство, упорно не уплачивающее долги своим гражданам, – это банкрот в самом точном юридическом значении (да еще «банкрот» в том еще упречном смысле, что оно злоупотребляет своим качеством публичного органа власти, своими публичными полномочиями односторонне принимать юридически обязательные решения).

Другой факт – это уже упомянутый обвал, случившийся в финансовом хозяйстве России в августе 1998 года. В атмосфере продолжающихся в последнее время официальных славословий по поводу «успехов реформ» 17 августа произошла внезапная и резкая девальвация рубля – он по отношению к американской валюте, к доллару, вмиг подешевел в два-три раза. Взметнулись в полтора-два раза цены, сначала на импортные товары, потом и на отечественные. Начался ажиотажный спрос на дешевые товары, в один-два дня опустели полки многих магазинов. Вкладчики заспешили за своими вкладами в банки. Те в свою очередь прекратили выдачи по вкладам. Стали нарастать банкротства.

Что же случилось?

А случилось то, что и не могло не случиться при том варианте проведения рыночных реформ, которые под маркой «кардинальных» и «последовательно рыночных» с 1991–1992 годов начали реализовываться в России. Реформ, которые сконцентрировались на мерах по финансовой стабилизации, но которые не обеспечили устойчивое, восходящее развитие собственного производства (что должна была бы дать приватизация). И когда исчезли, исчерпали себя искусственные подпорки, поддерживающие при непрерывно падающем производстве курс рубля (иностранные займы, пирамида ГКО), и его цена стала реальной, сообразной с действительным экономическим положением в обществе, девальвация рубля оказалась неизбежной. Плюс к тому наступил так называемый дефолт – реальное банкротство, отказ или отсрочка в выполнении своих денежных обязательств, в том числе – по оплате ГКО, приобретенных зарубежными банками, другими зарубежными инвесторами. И вдобавок правительство объявило об отсрочке платежей по долгам коммерческих банков. И все это стало крупным финансовым скандалом, существенно подорвавшим, как это вскоре было признано, финансовое положение страны, со всеми вытекающими отсюда отрицательными последствиями.

Дефолт! – звучит красиво, и здесь, в этом понятии, есть особые грани, связанные с банковскими, денежными операциями. Но с юридической стороны перед нами – просто-напросто привычный в нашем обществе *неплатеж или «задержка» платежа*, а реально – *банкротство*. Только такого рода ситуация в данном случае произошла не втихую, не в виде последствия как будто бы объяснимых «трудностей» и не в отношении «своих» сограждан, которые чуть ли не обязаны терпеть любые акции идола-государства, попавшего в беду.

В данном случае без тени смущения государство – именно само государство! – открыто признало, что оно не выполняет и пока не будет выполнять свои элементарные юридические обязательства. Не будет выполнять перед всеми своими партнерами, в первую очередь зарубежными. И дополнительно еще своим односторонним актом вторглось в частнопроводные отношения других лиц: «дало» отсрочку в выполнении обязательств коммерческими банками.

И вот здесь надо видеть, что отрицательные последствия разразившегося кризиса касаются не только сугубо финансовых проблем, но и проблем юридических. Дефолт произошел перед всем миром, пострадавшими от него оказались главным образом те люди (зарубежные наши партнеры), для которых выполнение элементарных юридических обязательств – строжайшая норма, а объявление о их невыполнении со стороны государства – да еще при отсутствии хотя бы извинительных интона-

ций – свидетельство не только финансовой, но прежде всего правовой несостоятельности государства. И это уже скандал, чрезвычайная – по нормальным порядкам правового государства – ситуация!

После того как вслед за девальвацией рубля и «дефолтом» нашу страну охватил жесточайший кризис, было объявлено, что подобные последствия оказались для руководящих российских кругов «неожиданными». Наверное, да, действительно, неожиданными. У правительственного руля в то время находились руководители, для многих из которых право и правовые нормы по существовавшим в прошлом нравам и партийно-комсомольской выучке не более чем формальность, с которой можно не очень-то считаться.

Во всяком случае – если вернуться к положению дел внутри нашей страны – поражает то спокойствие, которое характерно для официальной оценки массовых из года в год тянущихся «неплатежей» и «задержек». Тут обычно звучат слова о трудностях, о невзгодах для трудящихся и другие в общем правильные суждения. Но никто не дает оценки существующего положения дел *с точки зрения права*. Ведь если давать такую оценку – и давать ее всерьез, с позиций правового государства, – то надо было бы признать, что и здесь сложилась, по крупному счету, дрящущаяся годы *чрезвычайная правовая ситуация, касающаяся государства в целом!*

И ее суть в том, что, вопреки формальным записям в Конституции, на деле государственная власть не считает для себя обязательным выполнение самых элементарных обязанностей, предусмотренных действующим российским законодательством. И выходит, положение дел в данной области государственной и общественной жизни в принципе такое, когда осуществление общественно значимых задач, в том числе задач по реформированию общества, не имеет – при всех декларациях и каких-то действиях на этот счет – надлежащих предпосылок с правовой стороны.

НО ДАЖЕ И НЕ ЗДЕСЬ, в этих, казалось бы, элементарных, а на деле крайне существенных условиях общественной жизнедеятельности, касающихся состояния правопорядка в нашем Отечестве, – центральный пункт, сама суть проблемы. Недооценка права при проведении реформ заключается, можно сказать, в том, что в России при подготовке и при проведении реформ изначально *не было и в последующем не утвердилось стратегического р а с ч е т а на право. На его о п е р е ж а ю щ е е развитие. И потому потенциал права не используется как решающее средство формирования и как необходимый, определяющий элемент современного гражданского общества.* А отсюда – и как

решающее средство формирования и необходимый, определяющий элемент *современной рыночной экономики*.

А это значит, что в России не оказалось необходимой социально-правовой основы для сколько-нибудь существенных, действительных демократических преобразований. Не оказалось основы и для свободной конкурентной цивилизованной рыночной экономики. Той основы, которая выражается как раз в *фактическом прочном утверждении в реальной жизни современного гражданского законодательства, построенного на частном праве*. То есть не оказалось того решающего основания для реформ, которого требует наука и которое оказалось именно «таким» – решающим во всем мире, во всех странах, осуществивших действительные и плодотворные рыночные преобразования.

Ведь все случившееся в нашей стране в ходе «кардинальных реформ» решительно, вопиюще не соответствует опыту передовых демократических стран Европы и Америки. Расцвет экономики в этих странах произошел не только благодаря небывалому научно-техническому прогрессу, но в не меньшей степени в результате того, что именно ко второй половине XX века начала права – притом именно права человека! – в качестве непреложной реальности вошли в действительность, в жизнь и быт людей. И тогда на основе возвышения достоинства и неотъемлемых прав человека экономическая свобода (свобода защищенной, уверенной, ориентированной на право личности) не соскальзывает в базарно-разбойничью вольницу, а переводится в созидательную активность, экономический риск и творчество, соединенные с персональной ответственностью за результаты собственного дела.

В нашей же стране реформаторские акции, объявленные в конце 1991 года в качестве «радикальных», «последовательно рыночных», «либеральных», начались в такой среде, в том числе социально-правовой среде, когда – будь даже указанные акции более отработанными с научной стороны и освобожденными от нетерпения и государственного своеволия – они по определению не могли привести к ожидаемым результатам, к созданию продуктивной, свободной и конкурентной рыночной экономики.

Ибо к 1991–1992 годам хотя и было издано несколько «рыночных» законов, вся укорененная в жизнь машина огосударствленной экономико-социальной системы сохранилась. Общая социально-правовая среда в России оставалась огосударствленной, публично-правовой, неотделимой от всей экономико-социальной системы, режима, настроенного на государственное всевластие, команду, ленинский постулат – «мы ничего частного не признаем». И, увы, такая социально-

правовая среда, да и основной массив былой экономико-социальной системы, в принципе по главным своим характеристикам сохраняется до настоящего времени.

НЕСКОЛЬКО ОБЩИХ и, к сожалению, грустных замечаний о действующем российском праве. Притом, да простит меня читатель, с акцентом на тревожные стороны его содержания и действия.

Да, есть в современной российской действительности, в законодательстве и практике его применения факты положительного порядка. Плацдармы для действительно демократического развития. О них – в следующей главе.

Но в целом получается все же, что, за известными исключениями (гласность, свободные выборы, некоторые конституционные и законодательные установления, к тому же все это на практике подчас деформируемое), право в немалой степени выполняет роль *красиво размалеванного, престижного фасада* – прикрытия таких реалий, которые связаны во многом с неудавшимися реформами, а именно: функционирование власти, стремящейся ко всеильному господству, неприкосновенность системы номенклатурного капитализма, настроенного на интересы меньшинства общества, новорусских богатеев, выходцев из криминальных кругов и былой партийно-комсомольской номенклатуры.

И, возможно, не стоило бы делать такого рода акценты (да к тому же без развернутой характеристики позитивных фактов), но реальное положение дел требует жестких констатаций: перед нами в реальной российской действительности происходит в немалой степени *проституирование права* – придание ему в основном декоративной роли, функции ширмы, создающей, по расчетам властвующих персон и их obsługi, придворных юристов, благообразный вид режиму и порядкам, весьма далеким от формул о «правовом государстве» и о правах человека как «высшей ценности».

ПРИ ОЦЕНКЕ реального положения дел в современной России порой звучат и более жесткие определения, формулируемые с последовательно демократических, истинно либеральных позиций. Оценки, не сводящиеся к одним лишь грустным, тревожным акцентам, к довольно мягким формулам о «просчетах» и «неудачах», а склоняющиеся к признанию того, что в самом содержании проводимых реформ сильны начала *небольшевизма*.

Не скрою, здесь очень хочется ошибаться. Да и вообще говорить об этом очень тяжело. В чем-то убивать веру и надежду, подрубать сук,

служащий для них опорой. Среди деятелей, с именами которых связаны ныне или в недавнем прошлом проводимые реформы, много людей с высокими духовными и нравственными личностными свойствами, искренне убежденных сторонников либеральных ценностей, еще больше людей, искренне поверивших – вот, да, это и есть действительно желанные либеральные свершения. И напротив, критики реформ – это люди, по большей части спекулирующие «просчетами» и «неудачами», нынешними реальными бедами, а по сути – почти сплошь приверженцы ортодоксального коммунизма, имперской державности, «патриотизма», смыкающегося с русским фашизмом, национал-большевизмом. Или просто люди потерянные, влачащие до предела скромную жизнь по принципу «выживания», с ностальгией вспоминающие о былых трудовых делах, романтических ожиданиях да скромных, но гарантированных житейских благах.

Но что поделаешь? Неужели вновь закрывать глаза на правду, на реальное положение вещей?

Ведь большевизм – это не только лозунги и крики немногих, к счастью, людей о Сталине, Бери и ГУЛАГе. Не только национал-большевистский экстремизм. Здесь крайние, азиатско-византийские его проявления. Большевизм по своей глубинной «философии» – это нетерпение и одержимость в осуществлении утопии как ближайшей практической цели, присвоенное себе «право» использовать во имя этого кардинальные, не считаясь с бедами людей, силовые акции, терпимость к бедам как к неизбежным «щепкам», ложь о будто бы достигнутых фантастических успехах и победах. И как своего рода фокус всего этого – игнорирование, а нередко отторжение права как высшего выражения цивилизации, культуры, разума.

Большевизм, по моему убеждению, – это кровавая бойня, война во имя «наведения конституционного порядка», стрельба из танковых орудий по «белому дому», полному невинных и пусть даже в чем-то виноватых людей.

А как еще, кроме «необольшевизма», назовешь в разрушенной стране экономическую политику радикального толка, рассчитанную на близкое общее счастье? Таковую политику, когда:

– ставится задача в короткий срок, год-другой, достигнуть в сущности утопическую цель – создать процветающий капитализм – строй, к которому другие страны шли столетия;

– при этом делается расчет на всесильную власть, на схемы, упорно навязываемые сверху, при этом грезится в качестве идеала властитель типа «державного всесильного царя», «русского Пиночета»;

– терпимое отношение к бедам миллионов людей, голодающим учителям и врачам;

– заявления при нарастающих бедах об «успехах», о будто бы вот-вот наступающем «экономическом буме», о будто бы уже возникшем «среднем классе»;

– и как фокус всего этого – отсутствие реальной приверженности к праву как к высшему выражению цивилизации и культуры, праву человека, возвышающемуся над властью?

Словом, если продолжить логику приведенных суждений, соглашусь, небесспорных (недаром они формулируются всего лишь в виде вопросов), то, пожалуй, есть основания сказать о том, что все это, следующее из поставленных вопросов и кратких ремарок к ним, представляет собой, на мой взгляд, подтверждение какой-то неодолимости в нашем сегодняшнем бытии примет и симптомов неолевизма. Того осовремененного, приспособившегося к новой эпохе варианта большевистской силовой идеологии и практики, которых в нашем Отечестве так и не удалось преодолеть под магией обольстительных лозунгов и надежд о близком общем счастье. Будем надеяться – если верны приведенные, вновь скажу, небесспорные рассуждения, – что здесь только рецидивы, огрехи при благородных и по своей основе научно оправданных замыслах. И что общее демократическое развитие в обстановке, когда уже существуют плацдармы свободы и права, в конечном счете восторжествует.

4. Право – судьба России

ВЕРНЕМСЯ к основной идее этой главы. К тем положениям, в которых с первых же ее страниц в постановочном порядке говорилось об исконном историческом пути развития российского общества. Если угодно, о судьбе России.

Да, путь права – это судьба нашего Отечества...

Этот путь – коль скоро сохранится современное развитие постиндустриального общества в эпоху перехода человечества от традиционных к либеральным цивилизациям – путь всего человечества, при котором создаются оптимальные, возможно, единственно благоприятные условия для модернизации общества, для его духовного и морального возвышения.

И особо значим этот путь именно для российского общества.

Хотя бы по той ранее упомянутой причине, что у огромной страны, существующей на гигантском евразийском пространстве, с разноплановыми многовековыми культурами и традициями, нет иной

альтернативы для истинной демократизации и модернизации общества. Одни лишь институты «парламентаризма», «свободных выборов», при всей их важности и необходимости, подобные задачи не решают. Они могут привести и к губительным последствиям, коль скоро в обществе не утвердятся право человека, по-прежнему сильны олигархические силы, достойные преемники былой всесильной коммунистической номенклатуры.

И есть аргументы, как говорится, «от противного». От нашего горького опыта. Все беды, которые непрерывной чередой обрушивались на нашу землю, все они – все без исключения! – так или иначе сопряжены с недооценкой в нашей жизни права. Или полным его игнорированием. Или, чаще всего, таким его пониманием и применением, когда «право» олицетворяет всевластие, произвол и самодурство власти. Неужели и сейчас ничему не научат нас неудачи и провалы, казалось бы, таких замечательных, либеральных по замыслу реформ?

Нужно еще раз внимательно приглядеться к естественным, первоначальным началам жизни нашей Отчизны, к ее истории, ее светлым страницам. И тогда, быть может, через горькое, внешнее, порой наносное (относящееся даже к позднему византийству, азиатским негативам, общинным ориентациям, соборности, другим «неоднозначным» феноменам) удастся различить, что и спокойная суровая природа средне-русской равнины, и органичная для российской жизни солидарность людей, и поклонение «правде» и совести, к «земству» – все это, как и многое другое органичное для русской жизни, выражает *исконное стремление нашего общества к праву. К праву человека.*

МЫ ЧАСТО ГОВОРИМ – святая Русь!

Но кто скажет, обязательно ли связывать это выражение только лишь с одним из ответвлений христианства, причем такого, которое, в отличие от других стран с идеалами и ценностями христианской культуры, не прошло стадию реформации и тесно сопряжено с имперской идеологией?

Быть может, святая Русь – это Русь права? Права человека?

Вспомним, когда Иммануил Кант говорил о том, что право человека – это самое святое из того, что есть у Бога на земле, – он вовсе не связывал эти характеристики с одними лишь западными ветвями христианской культуры, тем более не с церковными учреждениями, а придавал определениям «святое», «Бог» общее значение – значение идеалов для правового гражданского общества.

Впрочем, быть может, вовсе не случайно ветвь христианства, возобладавшая на нашей земле (при всех разных ее чертах и оценках), изначально названа *православием*?

ПРИ ВСЕХ СЛОЖНОСТЯХ и трудностях, противоречивых тенденциях и бедах есть надежда на то, что наше Отечество твердо встанет на путь права. Это надежда основывается не только на фактах исторического и духовного порядка. Фактах к тому же, быть может, не во всем достаточно определенных.

Есть и твердая основа для того, чтобы путь права состоялся, «сработал», дал ожидаемый эффект.

Жизнь свидетельствует – крупное человеческое дело, связанное с постижением и овладением великими ценностями цивилизации и культуры, тогда приобретает ключевое значение, когда оно *выстрадано* обществом, людьми.

А кто, как не мы, наше российское общество – общество, прошедшее через ужасы большевистского тоталитаризма, неосталинских порядков, необольшевизма, воистину выстрадало право? Выстрадало ничуть не меньше, чем, скажем, Германия, Италия, Испания – страны, для которых беды фашистских режимов сделали неотвратимым в послевоенное время новое возвышение права на основе культуры прав человека, а отсюда – наряду со всем другим – небывалое развитие современной свободно-конкурентной рыночной экономики.

И наше российское общество выстрадало право, вдобавок к сказанному, в нашем сложном бытии еще и тем, что оказалось вынужденным проходить через новые несчастья и беды в связи с неудачами реформ на пути к правовому гражданскому обществу.

Так что есть у нас не только надежда, но и нечто более основательное, твердое во всем сегодняшнем мировом и нашем отечественном бытии. И плюс к тому еще, к счастью и к удаче, – плацдармы в наших государственно-правовых реалиях, которые могут быть опорными точками для развития права в России.

ГЛАВА ПЯТАЯ ПЛАЦДАРМЫ

1. Конституция России

ВРЯД ЛИ в нынешних условиях (когда фронтальное утверждение гуманистического права требует еще долгого времени и тяжелой работы, а тенденции силового господства в стране еще столь могущественны) можно рассчитывать на большее, чем укрепление и защита в современной России позиций правозаконности, соответствующих высоким человеческим ценностям.

А поначалу хотя бы «просто законности» — строгого и неукоснительного соблюдения и исполнения законов, действующих юридических норм — *всех* норм и *всеми* лицами, персонами всех рангов и постов. Строгой и без условной ответственности — за нарушение законности, в особенности за казнокрадство, коррупцию, политический экстремизм. И твердое понимание того, что законность есть категория абсолютная и что поэтому отступление от нее в самой малости, даже по, казалось бы, самым уважительным причинам, влечет за собой вселенскую беду — крушение режима законности вообще. А следовательно, и крушение надежды, утрату перспектив на демократическое развитие.

Важнейшим опорным звеном в сложных процессах укрепления и защиты в России законности (правозаконности) являются «сами» законы.

И здесь надо знать, что у нас, в сегодняшней России, есть *п л а ц д а р м ы* — «островки» *последовательно демократического передового права, которые уже сейчас существуют в российском законодательстве.* И что поэтому, отстаивая основанные на твердой законности порядок и дисциплину в обществе, можно с опорой на известные законодательные установления продвигаться шаг за шагом по пути становления и утверждения в России современного правового гражданского общества.

И думается, есть что-то от исторической удачи и что-то от некоторых успехов в нашем сложном, противоречивом демократическом развитии в том факте, что такого рода «островок» передового права находится в *действующей Конституции России.*

НЫНЕ СТАЛО чуть ли ни некоей модой поругивать действующую российскую Конституцию, принятую на референдуме в декабре 1993 года. То не совсем «так» и это не очень «эдак». Да и вообще, полагает немало людей, это документ, «скроенный под одного человека» и предоставляющий президенту «неограниченные властные полномочия по управлению страной».

Что ж, какой-то ориентир на «одного человека» и некоторые формулировки как будто бы подобного толка в конституционном тексте присутствуют. Трагические события начала октября 1993 года и аппаратные проработки конституционного текста перед референдумом наложили на ряд положений Конституции свою горькую печать.

Тем не менее в приведенных оценках немало опрометчивых суждений и поверхностных представлений, по большому счету опирающихся не столько на саму Конституцию, сколько на сложившуюся практику ее применения, а главное — на ошибочное видение самой ее сути. На тот образ мысли, в соответствии с которым суть Конституции сводится чуть ли не исключительно к власти, ее организации, в лучшем, оптимальном случае — к равновеликому делению между «ветвями», дележу, ко всякого рода «сдержкам» и «противовесам».

Впрочем, даже отвлекаясь пока от этой самой «суть», нужно привлечь во внимание следующие два факта.

Первый факт — реалии последних лет. Что ни говори, более чем пятилетнее действие нынешней Конституции подтверждает принципиальную обоснованность действующей по Конституции организации государственной власти, конструкцию «президентской республики» для нашей обширной, пестрой, тем более ныне еще не устроенной, еще не сложившейся страны. Ведь, в общем, в течение более пяти лет наше общество отличалось в целом политической стабильностью — тем, что, казалось бы, неминуемые разрушительные конфликты в конечном счете «погасались».

И второй факт более принципиального свойства. Конституция России 1993 года — первый за всю российскую историю основной закон страны, который в целом, по главным своим особенностям соответствует требованиям современной конституционной культуры, ее общепризнанным мировым демократическим стандартам. Конституция 1993 года положила конец системе организации власти вече-митингового типа — Советам, господству под их прикрытием всемогущей партократии, тотальной идеологизации власти, всему комплексу начал и постулатов тоталитарного режима и одновременно закрепила важнейшие демократические ценности — свободные выборы, нача-

ла гласности, другие демократические права и свободы, принципы разделения властей, федерализма, муниципального самоуправления, независимого правосудия. Конституция 1993 года представляет собой основной, зримый рубеж, свидетельствующий о том, что Россия в канун XXI века наконец-то порывает с традиционной цивилизацией азиатско-державного толка и становится на путь перехода к свободе, демократии, гуманистическому праву, на путь движения (пусть и не во всем еще определившегося, противоречивого) к правовому гражданскому обществу.

Да и с точки зрения самой по себе организации государственной власти, ее высших подразделений – того, что в основном и вызывает основную массу критических суждений и оценок, действующая российская Конституция содержит существенные конструктивные демократические резервы. Она вовсе не сконструирована как основа для будто бы «суперпрезидентской» власти (как заявляют некоторые критики, в основном сторонники Советов), а напротив, на основе учета достижений современных демократических государств разъединяет в принципе сверхмощную «исполнительную власть» на власть президента как гаранта и власть правительства как высшей административно-управленческой инстанции. В дополнение к этому в структуру высшей власти включаются весьма существенные элементы парламентарной республики – монопольное право парламента на законодательство, на принятие бюджета, на осуществление контрольных функций при назначении высших государственных должностей, в том числе в области государственного управления.

Не все, возможно, еще получилось в этом, смею сказать, оригинальном построении высшей власти, соответствующем особенностям нашей гигантской самобытной страны. Есть тут, увы, и деформации, связанные с упомянутой ранее аппаратной проработкой ряда конституционных положений и еще более с односторонней практикой их понимания и применения. Ведь Конституция России 1993 года – первая за всю многовековую историю страны попытка истинно демократической конституции со всеми ее идеями, огрехами и несовершенствами – *попала под особое восприятие и особое понимание* – восприятие и понимание, во многом базирующиеся на государственно-державных, царистских и коммунистических традициях.

Но в целом, по основным своим характеристикам конституционные принципы организации государственной власти в России имеют, по всем данным, дальнюю перспективу и после известной «доводки», устранения аппаратных «доработок конца 1993 года», приня-

тия поправок по устранению некоторых «излишеств» в полномочиях главы государства, по усилению контрольных функций парламента действующей российской Конституции уготовано — будем надеяться — быть прочной и надежной основой организации государственной власти в России.

НО НЕ САМИ ПО СЕБЕ конституционные положения об организации государственной власти, при всей их важности и, на мой взгляд, перспективности, образуют главное, что может быть отнесено к «плацдармам» передового демократического права, содержащимся в Конституции (тем более что указанные конституционные положения конечно же, и это только что уже отмечалось, нуждаются в определенных корректировках, совершенствовании).

Что же это главное?

И вот здесь, отвечая на поставленный вопрос, придется обратиться к одному из главных направлений мирового конституционного развития последних двух веков. Если в конце XVIII — начале XIX века основной закон страны, именуемый «конституцией», был законом непосредственно о власти, о ее разделении между законодательной, исполнительной, судебной «ветвями» (образцовый пример тому — Конституция США 1787 г., воспринявшая теорию разделения властей Ш. Монтескье), то к середине XX века ситуация с конституционными ценностями и приоритетами изменилась. Ограниченность, а порой тупиковость демократических форм, замкнутых на одной лишь системе свободных выборов, нарастающий кризис промышленного капитализма, необходимость усиления гуманитарных начал в обществе, последовавшее затем возрождение естественного права, развитие культуры прав человека — все это не только вызвало, как мы видели, коренные преобразования в позитивном праве, но и в этой связи потребовало, следует добавить, иное видение самой сути конституции.

Особо остро потребность такого изменения дала о себе знать после Великой депрессии, прихода в ряде стран к власти — к тому же нередко «законно», на основе «легитимных» выборных процедур — фашистских режимов, чудовищных репрессий в тоталитарных странах и еще более — после истребительной Второй мировой войны, поставившей человеческую цивилизацию на грань тотальной деградации и гибели. Все это потребовало по-новому подойти к пониманию сути конституции. К такому пониманию этой сути, когда бы в качестве центра государственно-правового, конституционного строя рассматривалась не власть как таковая, пусть и упорядоченная, «разделенная»,

со «сдержками» и «противовесами», а *непосредственно человек с его высоким достоинством и неотъемлемыми правами.*

Стало очевидным, что именно закрепление в конституциях высокого достоинства и неотъемлемых прав человека, опирающихся на независимое и сильное правосудие, может стать не только надежной преградой на пути тоталитарных античеловеческих устремлений и порядков, но и импульсом, «пусковым механизмом» преобразования всей государственно-правовой системы, реального становления и утверждения в жизни той или иной страны действительного Права Человека.

И вот с 1950–1960-х годов в конституциях ряда демократических стран Европы (и что особо примечательно, вновь скажу, прежде всего тех стран, которые пережили ужасы фашистских режимов, – Германии, Италии, Испании) конституционные тексты стали строиться таким образом, что в них *заглавное место занимают положения об основных, фундаментальных правах человека.* И это не только придает последним высокий, пожалуй, даже «повышенный» конституционный статус, но и «делает» основные права человека центром, смыслом и сутью всей государственно-правовой системы. И поэтому основные законы указанных стран обретают новое качество — они становятся *Конституциями Человека.*

А это значит, что все стороны и компоненты государственно-правовой системы теперь должны соотноситься с этим «центром», *настраиваться* на него. В том числе и прежде всего – институты самой конституции, включая принципы и формы организации государственной власти. Отсюда следует, что передовые принципы и формы организации государственной власти, которыми отличаются развитые демократические европейские страны (функции главы государства как гаранта, конституционный суд, разрешительный порядок деятельности исполнительных учреждений и др.), не есть просто искусные «придумки» правоведов-конституционалистов, не есть одно лишь обобщение опыта, а представляют собой в первую очередь *неизбежные, «обязательные» следствия из того фундаментального факта, что центром государственно-правовой жизни становится человек с его высоким достоинством и неотъемлемыми правами.* Теперь – коль скоро есть такого рода центр! – оказываются в принципе невозможными авторитарное построение власти, «неограниченные» полномочия каких-либо должностных лиц, их деятельность по произволу, непосредственно «силовое», внесудебное, тем более насильственно-вооруженное, решение внутривластных конфликтов и т.д.

Казалось бы, «мелочь», некая стилистика – на первое место в конституции поставлены основные права человека. А по сути дела, по твер-

дой логике государственно-правовой жизни эта «мелочь» влечет за собой коренную перемену во всем конституционном строе, который *не может теперь не настраиваться на человека, на обеспечение его высокого гражданского статуса, проведение в жизнь его неотъемлемых прав.* Причем так, чтобы и власть, ее организация, функции и деятельность ее подразделения *строго соответствовали* этому.

И ВОТ, возвращаясь к Конституции России 1993 года, надо со всей определенностью отметить, что основной содержащийся в ней «плацдарм» передового демократического права следует видеть именно здесь. В том, что определяющим звеном в ее содержании должны были, по замыслам авторов основных конституционных идей, стать положения о высоком достоинстве человека и о его основных правах. Их замысел, при выработке конституционного текста в 1992–1993 годах, так и определялся – создать Конституцию Человека. В соответствии с этим в начальных вариантах конституционного проекта заглавное место в первой же главе было отведено закреплению основных прав человека, при этом сразу же, во второй статье проекта, говорилось о том, что права человека являются «непосредственно действующим правом» и что именно они «определяют» всю государственно-правовую жизнь России, назначение и смысл деятельности всех государственных инстанций и персон. Более того, в первоначальных набросках проекта из этих положений делались неизбежные логические выводы – записывалось, что учреждения государственной власти действуют в строго разрешительном порядке (вправе совершать лишь действия, прямо предусмотренные законом), деятельность главы государства очерчивается главным образом функциями гаранта, не допускается использование внутри страны регулярных вооруженных сил без прямого указания закона и т.д. вплоть до прямой записи об отказе от войны как средства решения конфликтов и об «умеренности» государственной власти вообще.

В ряде существенных сторон указанный замысел российской Конституции, к сожалению, не реализовался. Не реализовался прежде всего в структурном отношении, когда бы положения о неотъемлемых правах человека заняли заглавное место в конституционном тексте.

Разногласия на Конституционном совещании лета 1993 года, стремление к компромиссу с конституционным проектом, подготовленным Верховным Советом РСФСР в 1990–1991 годах, – все это, а еще более – жесткая схватка за власть перед референдумом, привело к тому, что в результате аппаратных проработок не только был сделан какой-то крен в сторону наделения главы государства прямой

управленческой властью, но и вообще первая глава конституционного проекта оказалась – как и в советских конституциях – посвящена главным образом декларативным положениям о государстве – о народе как носителе власти, о суверенитете, о государственной целостности, принципе федерализма и т.д.

Положения об основных правах человека (под одной рубрикой с правами гражданина) оказались во второй главе Конституции. В первой же главе в общей форме сказано лишь, что «человек, его права и свободы являются высшей ценностью» и что «признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства».

НО ЕСЛИ исходный замысел, призванный придать основному закону страны значимость Конституции Человека, в структурном отношении не реализовался в достаточно полной мере, то, спрашивается, можно ли вообще видеть в действующей Конституции России по рассматриваемому пункту «плацдарм» передового демократического права?

Что ж, ущерб в конституционном тексте после всех доработок налицо, полной определенности по рассматриваемому вопросу здесь нет. Тем более что запись о человеке и о его правах как «высшей ценности» и об обязанностях государства на этот счет – запись декларативная и это совсем иное, нежели конституционное положение о правах человека как *основе* всей государственно-правовой жизни страны (что следовало уже из самого предполагаемого ранее построения Конституции, когда ее заглавной частью являлись положения о достоинстве и неотъемлемых правах человека).

Тем не менее само существо *идеи* о Конституции Человека в действующем конституционном тексте все же сохранилось.

И дело не только в том, что в главе второй Конституции России изложен предельно полный перечень прав и свобод человека (по мнению ряда зарубежных экспертов, наиболее полный по сравнению с конституциями других стран). И этот перечень не исчерпывающий, российское государство обязано, по Конституции, соблюдать и защищать все общепризнанные права и свободы человека, и к тому же не должны издаваться законы, отменяющие или умаляющие права и свободы человека и гражданина (ст. 55). Главное же, что сохранилась и вошла в текст основополагающая норма, которая призвана стать определяющим началом для всей государственно-правовой жизни страны. Норма, в соответствии с которой (далее идет конституционный текст) «права и свободы человека

и гражданина являются непосредственно действующими. Они (внимание! — С.А.) определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием».

И пусть эта норма помещена в статье не под номером 2, а под номером 18 — и как-то даже затерялась среди других, казалось бы, столь же важных нормативных положений — но она есть! Значит, эту норму сообразно самой ее сути и «правовому заряду» все же можно сделать центром государственно-правовой жизни *в процессе применения Конституции*. И значит, вот он важнейший «плацдарм» передового демократического права! Выходит, теперь если не все, то многое зависит от нас, граждан России, в первую очередь российских правоведов, т.е. от того, сможем ли мы в практической жизни все же сделать приведенную конституционную норму принципиальной основой жизни общества — такой, как это вытекает из самой ее сути и потенциала, а также из статьи 2, где говорится о правах человека как о высшей ценности, — статьи, которая под углом зрения ранее указанного фундаментального положения «звучит» уже по-новому.

Конституционно-правовой потенциал нормы статьи 18 может (и, на мой взгляд, рано или поздно должен!) реализоваться в двух плоскостях.

Во-первых, рассматриваемое конституционное нормативное положение дает юридически безупречное основание для того (ведь права и свободы — «непосредственно действующие»!), чтобы судебные органы с одной лишь ссылкой на общепризнанные права и свободы человека выносили решения, обязательные для всех субъектов. Например, опираясь на положения статьи 18 Конституции, судебные учреждения России, признав факты нарушения прав человека в самом факте использования регулярных вооруженных сил в Чечне в 1994–1996 годах и тем более в фактах массовых нарушений прав человека в ходе военных действий, были вправе вынести при соблюдении надлежащих процессуальных процедур решение, обязывающее прекратить военные действия. Тем более, и это ранее уже отмечалось, обретение правами человека непосредственного юридического действия — обстоятельство, в мировой юриспруденции уже состоявшееся (вспомним примеры — в Германии 1996 г., Великобритании 1998–1999 гг.).

Во-вторых, нормативные положения статьи 18 Конституции являются основанием для юридически точного толкования других конституционных норм, да и всего действующего законодательства (ведь права человека, по точной конституционной записи, «определяют смысл,

содержание и применение законов», определяют саму «деятельность законодательной и исполнительной власти»!). Стало быть, применяя любые нормы Конституции, других законов, решая вопросы, связанные с принятием законов, с теми или иными практическими действиями, необходимо постоянно «иметь в виду» положения статьи 18, действовать сообразно ее строгим и точным предписаниям. К счастью, и в иных нормах Конституции, в других законах, принятых в последнее время, имеются положения, которые построены в том же духе, как норма статьи 18. И с учетом ее строгих и точных предписаний указанные положения следует понимать не в качестве дежурных отсылок к модным, престижным формулам, а в качестве самой их сути, природы.

ВОТ ПРИМЕР, который, как мне представляется, подтверждает значение содержащегося в Конституции России «плацдарма» передового демократического права, выраженного в предписаниях статьи 18, и необходимость в этой связи юридически точного понимания конституционных положений.

Речь идет о довольно остром политическом вопросе последнего времени – о полномочиях президента как главы государства. Немало критически настроенных политиков и публицистов свой жесткий неодобрительный настрой подкрепляют преподносимыми в виде неких аксиом суждениями о том, что будто бы, «по действующей Конституции», у нас, в России, учреждено «суперпрезидентское» государство и что именно президент «управляет страной» и у него имеются, «по Конституции», «неограниченные полномочия». Да и в практических делах как будто существуют подтверждения этому. Президент в ряде случаев на глазах миллионов телезрителей напрямую дает поручения управленческого порядка министрам, правительству в целом, вырабатывает решения по управленческо-административным вопросам. Известно, что некоторые «радикальные либералы» в целях проведения задуманной ими схемы «рыночных реформ» прямо опирались на такого рода понимание властных прерогатив президента, нередко напрямую использовали их во имя реализации исповедуемых ими схем.

Между тем, хотя в действующей Конституции и есть некоторые не очень строгие формулировки (позволяющие по аппаратным подработкам конца 1993 г. подстраивать государственную деятельность под «одно лицо»: например, положение о том, что президент «определяет основные направления внутренней и внешней политики», впрочем, при упоминании об этом опуская слова «в соответствии с Конституцией», т.е. в основном лишь в виде ежегодных посланий Федераль-

ному Собранию), есть положения, требующие отработки, возможно, уточнения (например, единоличное президентское право отправлять правительство в отставку). Но у президента, по Конституции, нет полномочий «по управлению страной». У него нет, кроме строго обозначенных в Конституции функций, неких «неограниченных» управленческих полномочий.

Это только в монархическом государстве, да и то абсолютистского, в основном азиатско-тиранического типа, глава государства — вседержавный властитель. В государстве же, объявившем себя демократической республикой с разделением властей, картина иная. Здесь «глава государства» — выражение единства государства и строго конституционного функционирования демократических институтов, это «первое лицо» в том смысле, что призвано быть гарантом основных демократических ценностей, в том числе последовательной реализации разделения властей. По важнейшим достижениям передовой европейской конституционной культуры (особенно таких стран, как Германия, Италия, переживших ужасы тоталитарных режимов) институт «главы государства» призван не только выражать единство государства, нерушимость его суверенитета и целостности, но и олицетворять умеренность власти, гармоничное и согласованное функционирование всех ее подразделений в соответствии с требованиями демократической Конституции.

И здесь как раз, опираясь на положения о конституционном значении прав человека, надо видеть, что введение института «главы государства», сообразующегося с передовой демократической конституционной культурой, *призвано было и у нас прервать и в перспективе, дай Бог, положить конец истинному проклятию нашего общества, казалось бы, извечной имперско-державной, царистской традиции, в соответствии с которой «первая персона» (царь, император, генеральный секретарь партии) является обладателем неограниченной власти, «хозяйном земли русской», верховным «правителем» страны.*

И вот что характерно. В полном согласии с положениями, которые ныне содержатся в статье 18, именно так, в таком ключе в принципе и определен в действующей Конституции статус президента. Текст Конституции в статье 80 таков: «Президент Российской Федерации является гарантом Конституции... прав и свобод человека и гражданина. В установленном Конституцией... порядке он принимает меры по охране суверенитета Российской Федерации, ее независимости и государственной целостности, обеспечивает согласованное функционирование и взаимодействие органов государственной власти».

Ключевые положения в этой основополагающей норме – слова о функциях «гаранта» Конституции, прав и свобод человека и об «обеспечении согласованного функционирования и взаимодействия органов государственной власти». Под углом зрения этого конституционного предназначения президентской власти, согласующегося с нормой о правах человека как о непосредственно действующем праве, и следует, на мой взгляд, понимать все иные конституционные положения по данному кругу вопросов, в том числе положения о статусе и правах президента, о круге его полномочий, о самом характере его властных прерогатив, о юридическом существе принимаемых им «мер».

Попутно такое еще замечание. Истинным парадоксом нашей государственно-политической жизни является то обстоятельство, что политические силы, которые наиболее рьяно обличают президента в неких, будто бы предусмотренных Конституцией «неограниченных полномочиях», в действительности такого рода полномочиями и оснащают президентскую власть. Ведь это парламентское большинство, возглавляемое коммунистами, согласившись с довольно вольными умозаключениями, будто бы вытекающими из конституционного текста, утвердило в законе о правительстве порядок прямого подчинения президенту «силовых» ведомств. В другом законе – его право использовать внутри страны вооруженные силы (и потому с молчаливым одобрением относилось к самому факту использования регулярных вооруженных сил для наведения «конституционного порядка» в Чечне, впрочем, до тех пор, пока не потребовалось собирать «компромат» в целях попыток отрешения президента от власти). До сих пор не приняты обозначенные в Конституции законы о чрезвычайном положении и о военном положении, которые могли бы определить строгие законные рамки для любых акций силового порядка.

И суть дела тут, возможно, не только в своего рода классовой интуиции, специфически имперском понимании «крепкой государственности», права как сугубо классового образования (а не исконной обители свободы, неотъемлемых прав человека), – не исключено, что в подсудных расчетах именно такую «силовую» власть – власть по образцу «диктатуры пролетариата» – в конце концов и заполучить.

Ближайшая цель здесь, как это мне представляется, дискредитировать конституционные положения о демократической республике с современной президентской формой государственной организации, причем такой, где стержень государственной организации – права и свободы человека, права гражданина. И, отправляясь от этого, – подготовить общество к переходу к государству с доминированием «пар-

ламентской власти», которая в наших отечественных условиях с неотвратимой неизбежностью — о чем ряд представителей оппозиции, ее крайнего крыла, говорят прямо — выльется во власть типа Советов. Тех Советов, которые, возникнув в качестве органов диктатуры пролетариата, претендуют на «всевластие», но по самой своей «митингово-вечевой» сути не способны — как показал опыт — осуществлять на профессиональном уровне современную квалифицированную государственную деятельность (и потому открывают безбрежный простор для бесконтрольного доминирования чиновничьего аппарата, властвующей аппаратной элиты, номенклатуры), что мы и получили после всевластного бесконтрольного хозяйничанья Советов в 1990–1991 годах.

ИТАК, рассматривая действующее российское право, будем знать, что важнейшая правовая опора, «плацдарм» передового демократического права есть — уже есть! — в существующей Конституции России. Он есть — прошу внимания! — именно в Конституции. И следовательно, соответствующие конституционные положения, надлежащим образом поняты и надлежаще применяемые, имеют *общеправовое значение*. Они важны не только для решения принципиальных проблем нашей государственно-правовой жизни и не только для точного понимания других конституционных институтов (к некоторым из них мы еще и дальше обратимся) — они являются исходной, принципиальной и практически значимой основой для определения *стратегии* отечественного правового развития, для оценки благоприятных перспектив создания в России передового демократического права. Права Человека.

2. Гражданский кодекс России

ПРИ ВСЕЙ ВАЖНОСТИ Конституции и того обстоятельства, что именно здесь, в нашем Отечестве, уже существует «островок» передового демократического права, будем помнить, что реально, практически становление правового гражданского общества решающим образом зависит от гражданского законодательства, выражающего начала частного права. И что как раз данный участок социально-правовой жизни, быть может, наиболее выразительно свидетельствовал о той неблагоприятной обстановке, в которой Россия приступила к демократическим реформам.

Ведь изничтожение частного права, как мы видели, представляло собой после октябрьского переворота 1917 года ключевой пункт на-

саждения коммунизма в России, всей коммунистической политики. Политики тем более острой и изощренной, что в попытках преодолеть катастрофические беды советской власти не удалось обойтись без гражданского законодательства и пришлось уже в 1922 году принимать Гражданский кодекс. Но кодекс, сообразно партийным идеологическим установкам, «без частного права». И потому советское гражданское законодательство (Кодексы 1922 и 1964 гг.) не было по своей природе выражением частного права, отличалось во многом опубличенным характером и реально имело в жизни общества ограниченное значение. Оно не только было «обезображено» партийными директивами, но и с правовой стороны реально действовало главным образом в качестве подсобного, «оформительского», технико-юридического средства сугубо практического порядка, да и то реально – в весьма узкой сфере жизненных отношений.

И все же частное право вернулось на российскую землю.

И в этой связи надо видеть, что *важнейшим «плацдармом» передового демократического права в нашем обществе, вслед за Конституцией (правильно понятой и применяемой), является Гражданский кодекс России*. Притом Кодекс, выражающий *современное частное право*, во многом обогащенное ценностями культуры прав человека.

«ВОЗВРАЩЕНИЕ» частного права произошло не сразу после начавшихся в 1985 году перемен в Советском Союзе. В первые годы, вплоть до начала 1990-х годов, перемены проходили в обстановке, когда в жизни общества продолжали господствовать социалистические иллюзии, многие порядки и принципы прошлого, требующие будто бы только «совершенствования» или «перестройки». Сохранялись в эти годы и общее построение юридической системы, и ее идеология. Вопрос о восстановлении частного права, в том числе при разработке и принятии в 1991 году общесоюзных Основ гражданского законодательства, даже не ставился.

Но время российских реформ еще раз подтвердило, что частное право – явление «знаковое». Его возвышение – как это не раз уже было в Истории – или даже просто его восстановление в современном виде, как это наметилось, будем верить, в России, представляет собой выражение и свидетельство того, что крупные повороты в общественном развитии не просто объявлены, а уже «случились», реально свершаются.

Только тогда, когда после трудных, противоречивых, порой драматических событий 1991 года (осложненных жесткой борьбой за власть

политических лидеров) рухнул коммунистический режим власти и идеологии, оказался возможным и «логичным» реальный переход к формированию на российской земле современного гражданского общества. И значит, не только возможным и «логичным», но и крайне необходимым стало возвращение в нашу жизнь частного права. И именно в конце 1991 года в центральной российской печати прозвучали слова о частном праве, его необходимости для успеха реформ. Тем более что переход в это же время к решительным преобразованиям в народном хозяйстве и в практическом отношении требовал (что в то время, к сожалению, далеко не всеми было понято) скорейшей разработки правовой основы современной рыночной экономики — гражданского законодательства, построенного на частноправовых началах.

Счастливым стечением обстоятельств следует признать и тот факт, что тогда же, в октябре — декабре 1991 года, был учрежден Исследовательский центр частного права (сначала «при Президенте СССР», а затем, после распада СССР и соответствующего переоформления в конце декабря, «при Президенте Российской Федерации»). Это позволило объединить с организационной стороны в «одну команду» наиболее видных специалистов страны по гражданскому праву, в том числе учеников крупных цивилистов из «дореволюционной когорты», прямых продолжателей их дела, прежде всего сторонников и продолжателей идей И.А. Покровского. С 1992 года ученые Центра с привлечением специалистов из других учреждений и ведомств начали работу над Гражданским кодексом. В 1994 году президентским указом была утверждена федеральная программа «Становление и развитие частного права в России», предусматрившая образование первого в истории России учебного юридического заведения высшей юридической подготовки — Школы частного права. Думается, есть основания полагать, что возрождение идеи частного права в России, нашедшей к тому же реализацию в указанных организационных институтах, а в итоге в разработке современного гражданского законодательства, может претендовать на наиболее значительное научное и духовное событие постсоветского времени.

Подготовка проекта российского Гражданского кодекса потребовала больших усилий ученых-правоведов. К тому же сложная работа по подготовке проекта Кодекса проходила в непростой обстановке столкновения интересов и амбиций некоторых ведомств и научных школ, различных теоретических и социально-политических ориентаций, в том числе школ и ориентаций прокоммунистического толка.

Главное же — это то, что в итоге в 1994—1995 годах две (из трех) части Гражданского кодекса были приняты.

В 1995–1996 годах Гражданский кодекс в составе указанных двух частей, построенный впервые в российской истории на частном праве, вступил в действие. И можно твердо сказать – ему уготована в России не менее значимая роль, чем роль Гражданского кодекса во Франции и Гражданского уложения в Германии, соответствующих системных гражданских законов в других ныне развитых странах, т.е. роль решающего фактора формирования и в нашей стране современного гражданского общества, современного частноправового (цивилизованного рыночного) народного хозяйства.

В СВОЕЙ СОВОКУПНОСТИ первая и вторая части Гражданского кодекса России, включающие 1109 статей (60 глав), уже образуют достаточно полный – за немногими исключениями – массив российского гражданского законодательства, распространяющийся на подавляющую часть всей системы имущественных и связанных с ними неимущественных отношений, принадлежащих к рыночной экономике. И теперь в таком развернутом виде российский Гражданский кодекс способен *придать рынку, формирующемуся в России, современный, цивилизованный характер.*

Это находит свое выражение в том, что российский Гражданский кодекс упорядочивает отношения рынка, содержит отработанное юридическое регулирование многообразных и сложных рыночных отношений, имущественных и личных неимущественных прав граждан, других субъектов – отношений гражданской правосубъектности, собственности, договоров, обязательств.

Нормативное регулирование имущественных и иных отношений в первой и второй частях Кодекса строится на началах правовой преемственности: оно в полной мере соответствует исконным российским традициям, многодесятилетней деловой, коммерческой практике, накопленной в России. При проработке юридических конструкций обязательств, например, в Кодексе использованы, в частности, отработанные материалы книги 5 проекта российского Гражданского уложения, материалы ГК РСФСР 1922 года, а также практика коммерческой деятельности в условиях советского общества, в особенности по тем секторам деловых отношений, где и в советских условиях проводились начала диспозитивности, свободы договора.

Вместе с тем в Кодексе учтены (а в необходимых случаях прямо использованы) общепризнанные мировые достижения правового регулирования коммерческих отношений, выраженные в международно-правовых документах (в частности, Венском и Берлинском докумен-

тах), в решениях международных судов по коммерческим вопросам, а также отдельные технико-юридические разработки развитых в правовом отношении стран – таких, как Германия, Нидерланды и др.

Таким образом, первая и вторая части Кодекса содержат институты, которые уже сейчас обеспечивают функционирование современного народного (рыночного) хозяйства. В целом нормативный материал частей первой и второй Гражданского кодекса России соответствует уровню регулирования отношений собственности, гражданского коммерческого оборота сообразно современным требованиям и общепризнанным в мировой практике стандартам.

Практически к началу 1999 года подготовлен и передается в президентско-правительственные инстанции, а через них в Федеральное Собрание проект и третьей части Гражданского кодекса, которая охватывает исключительные права на интеллектуальную собственность (в области авторства, изобретательства, научных открытий и др.), наследственное право, международное частное право. После принятия третьей части Кодекса формирование российского гражданского законодательства, строящегося на основе современного частного права, будет завершено полностью.

И такой еще существенный момент. И теперь, и в перспективе гражданское законодательство России, в соответствии с Конституцией, призвано образовать твердую общефедеральную, единую по всей стране правовую основу народнохозяйственной жизни не только по принципиальным вопросам, но и, что не менее важно, по повседневным многообразным делам оборота имущества, сделок, процедур и ответственности. А это предупреждает ту сепаратистскую «правовую самодеятельность» по проблемам собственности, договоров, имущественной ответственности, которая намечается в ряде субъектов Российской Федерации и которая наряду с другими разрушительными последствиями исключит саму возможность формирования на территории России единого рыночного пространства, необходимого для современного гражданского общества.

НО ДОСТОИНСТВА Гражданского кодекса, его роль (в том числе и для создания цивилизованной рыночной экономики) не исчерпываются только тем, что он призван обеспечить юридически строгое регулирование отношений по правосубъектности, отношений собственности, коммерческих отношений и процедур.

Можно с весомой обоснованностью утверждать, что *именно в российском Гражданском кодексе законодательно закреплена юридическая,*

в чем-то даже «философская», идеологическая основа современного гражданского общества. И с этой точки зрения – о п р е д е л я ю щ и е у с т о и цивилизованной рыночной экономики, которая является составной частью такого – именно современного! – гражданского общества.

Эта весьма высокая юридика-философская роль гражданского законодательства как раз и состоит в том, что оно является выражением и носителем *ч а с т н о г о п р а в а* на нынешней, современной стадии его развития.

И вот что здесь особо важно. Впервые в истории гражданского законодательства, включая отработанные гражданские кодексы последнего времени ряда развитых в правовом отношении стран, в российском Кодексе прямо, непосредственно в законодательном тексте закреплены не просто общие положения (и даже не просто общепризнанные положения о правах человека, как в Кодексе канадской провинции Квебек), а *основные частноправовые начала*.

Это значит, что идеи и принципы частного права, его «дух» выражены не только в самом содержании нормативных положений, юридических конструкций и форм (что характерно для гражданского законодательства в целом, включая в какой-то мере даже советское законодательство, в особенности по Кодексу 1922 г.), но и в строгих формулировках закона. И главное, закреплены в виде «начал», т.е. определяющих принципов, руководящих положений – исходных, стержневых. Причем не в некоем идеологическом введении к закону, не в его преамбуле, а в «самом законе», в первой же статье Кодекса.

Ключевые слова статьи 1 (п. 1) – «основывается на признании» («гражданское законодательство основывается на признании...» и далее идет перечисление «начал») – слова, означающие, что сутью, смыслом данной ветви законодательства являются вот эти самые «начала», т.е. частное право, выраженное в указанных формулах.

Основными частноправовыми началами, по статье 1 Кодекса, являются:

- равенство субъектов;*
- неприкосновенность собственности;*
- свобода договора;*
- недопустимость произвольного вмешательства кого-либо в частные дела;*
- необходимость беспрепятственного осуществления гражданских прав;*
- обеспечение восстановления нарушенных прав;*
- судебная защита прав.*

Кроме того, к числу основных частноправовых начал следует отнести принцип *автономии*: согласно пункту 2 этой же статьи 1 Кодек-

са, граждане (физические лица) и юридические лица *приобретают и осуществляют свои гражданские права своей волей и в своем интересе*. То есть обладают *юридической автономией* в самом глубоком правовом значении. В значении не только самостоятельности, независимости, правовой обособленности, но и в смысле своего рода правовой самодостаточности, способности самим, своей волей определять условия своего поведения, распоряжаться своими юридическими возможностями, правами — что и выражает «свободу быть своим собственным господином» (на языке юридической науки такая способность и такая свобода именуется *диспозитивностью*). Особо значима здесь свобода договора. Согласно Кодексу, лица (физические и юридические) свободны в установлении своих прав и обязанностей на основании договора и в определении любых не противоречащих законодательству условий договора¹.

Вполне очевидно, что приведенные «начала» имеют широкую и более основательную значимость, чем просто принципы одной из отраслей законодательства. Равенство субъектов, недопустимость наличия у них в данных отношениях каких-либо преимуществ, неприкосновенность собственности, судебная защита, недопустимость вмешательства кого-либо в дела граждан и их объединений, еще более — правовая автономия, диспозитивность, способность самим, своей волей и в своем интересе определять условия своего поведения, договорный метод определения взаимоотношений — все это не что иное, как *определяющие черты и ориентиры современного гражданского общества в целом* (и, кстати сказать, нигде, кроме Гражданского кодекса, такие черты и ориентиры в российском законодательстве, да и в никаком ином общезначимом документе, не закреплены).

И ВОТ КАКОЙ МОМЕНТ здесь нужно выделить особо. Надо видеть, что в правовых началах, закреплённых Гражданским кодексом России, выражено — по-видимому, не во всем, не полностью, но все же выражено — новое качество частного права, связанное с правами человека, с обретением ими в современную эпоху прямого юридичес-

---

¹ Представляет интерес и то положение закона (об этом говорится уже в ст. 2 Кодекса), согласно которому гражданское законодательство регулирует имущественные и связанные с ними личные неимущественные отношения, *основанные на равенстве, автономии воли и имущественной самостоятельности их участников*. Но здесь, в только что приведенном положении, делается уже ударение не столько на юридических, сколько на известных материальных предпосылках частного права, в том числе на *имущественной самостоятельности* субъектов.

кого значения. То, что, сообразно с таким значением прав человека, упрочился и возвысился правовой статус субъектов. И то, что в соответствии с этим по-новому «зазвучали» частнопроводные начала (в особенности начала правовой автономии, диспозитивности).

Вовсе не случайно, не ради «дежурной» фразы в Кодексе прямо записано, что гражданским законодательством защищаются «неотчуждаемые права и свободы человека» (ст. 2), а статус гражданских прав, согласно Кодексу, по своей юридической обеспеченности в сущности такой же, как и прав конституционных (в статье 1 указано: гражданские права могут быть ограничены только по тем же основаниям, как конституционные права).

Именно они, эти частнопроводные начала, в своем «новом звучании» в условиях утвердившегося на Западе современного правового гражданского общества явились ответом на вызов времени – оказались (в России пока в основном «на бумаге») тем мощным побудительным элементом, который в полной мере способен раскрыть *достоинства свободы, осуществляемой через право*, притом частное право. Элементом, который стал, следовательно, фактором, по-современному упорядочивающим свободу в обществе. Здесь, на почве экономических интересов, рождаемых частной собственностью и рынком, экономическая свобода (свобода защищенной, уверенной, ориентированной на право личности) должна – при полном и точном проведении в жизнь предписаний Кодекса – не соскальзывать в базарно-разбойничью вольницу, а *переводится в созидательную активность, экономический риск и творчество, соединенные с персональной ответственностью за результаты собственного дела*. По своей социальной и правовой сути «такая» свобода в обществе – это свобода в правовом гражданском обществе, предполагающая также и *солидарность* между людьми. Теперь все это «записано» в российском законодательстве – закреплено в виде определяющих принципов в Гражданском кодексе России.

НО ЕСЛИ приведенные соображения верны, то возникает следующий вопрос. Ныне уже наступил 1999 год, на пороге новое тысячелетие, почему же, спрашивается, начатые в 1992 году «кардинальные» реформы все еще не привели к ожидаемым результатам, коль скоро уже три-четыре года действует такое замечательное (да – заверяю, воистину замечательное!) современное гражданское законодательство? А перемен к лучшему даже в самые последние годы так и нет, кроме некоторых, возникших еще ранее изменений в области «рыночного настроения» и потребительского рынка. Тем более просто неуместно

в такой обстановке говорить о той роли, которую, по примеру развитых западных стран, должно как будто бы сыграть современное частное право. Так в чем же дело?

Дело, надо полагать, не только и даже не столько в том, что основные «реформаторские» меры ко времени вступления в действие Кодекса были *уже* проведены в огосударствленном хозяйстве и маховик огосударственной, полурыночной полукриминальной экономики заработал уже вовсю, так сказать, в автоматическом режиме. Причем заработал так, что воротилам и облагодетельствованным кругам номенклатурного кланового капитализма Гражданский кодекс со всеми его принципами и «буквами» не очень-то нужен. А если «нужен», то лишь в том узком, ограниченном значении, которое рождено коммунистическим строем, т.е. в значении сугубо «оформительского» документа, который может даже прикрыть «теневые» акции по переделу собственности, обретению источников природных богатств, как-то формально легализовать подпольные коммерческие акции. Словом, режим огосударственной полукриминальной жизни в чем-то даже получил в виде формально понимаемого и изоциренно применяемого престижного Кодекса какие-то новые подпорки. Пожалуй, порой — благообразное, престижное прикрытие.

И вот здесь, предваряя последующий, более конкретизированный ответ на только что приведенный вопрос, можно сказать так. Основное, что предопределяет нынешние экономические и социальные беды и отсутствие обнадеживающей перспективы в обстановке нового законодательства, заключается в том, что *в стране не только изначально, но и до сих пор все же не взят твердый курс на воплощение в жизнь начал современного частного права, а отсюда и курса на формирование действительного правового гражданского общества, составной частью которого должна стать рыночная экономика.* А в этой связи нет и твердой государственной воли на придание действительно высокого статуса Гражданскому кодексу в его истинном значении, на решительное и последовательное проведение в жизнь его «духа», сути, принципов.

Вот некоторые более конкретизированные соображения на этот счет.

ПРЕЖДЕ ВСЕГО некоторые констатации о фактическом положении дел с частным правом, с гражданским законодательством в сегодняшней российской действительности.

Оценки здесь, увы, по сравнению с ранее прозвучавшими мажорными интонациями о гражданско-правовых началах Кодекса оказываются иными.

После некоторой эйфории, связанной с изданием и вступлением в 1995—1996 годах двух частей Гражданского кодекса, когда Кодекс именовался «второй» или «экономической» российской конституцией (комплиментарные определения, которые, если честно, во многом инициированы самими правоведами и получили широкое хождение в их среде, главным образом среди цивилистов), вскоре, спустя всего два—три года, наступило время весьма прохладного отношения к гражданскому законодательству.

На первый план в законодательной области, как и в былые времена, вновь выступили Уголовный кодекс, административные законы, в сфере хозяйства — налоговое законодательство. Даже в законодательных документах частноправового характера (например, об акционерных обществах, о лизинге, о приватизации и др.) ссылки на их исходную нормативную основу, Гражданский кодекс — редкость. Еще большая редкость — органическая увязка новых нормативных актов с юридическими конструкциями, а главное — с правовыми началами гражданского законодательства. Чаще ссылки на Гражданский кодекс встречаются при обосновании «пресекательных» акций, в том числе отклонения в президентских вето тех или иных актов Государственной Думы. То, что земельное законодательство, вызывавшее в последние годы наиболее ожесточенные споры, представляет собой в условиях формирующегося рыночного хозяйства особую ветвь частного права, вообще оказалось забытым.

Аналогичной и, пожалуй, более серьезной оценки заслуживают практика применения гражданского законодательства, его реальное действие.

Здесь мы встречаемся с рядом тревожных фактов нашего нынешнего постсоветского бытия.

ОДИН ИЗ ТРЕВОЖНЫХ ФАКТОВ нынешней российской действительности — это отрицательное влияние на реальное действие гражданского законодательства сохранившихся элементов коммунистического строя, идеологии и практики неолевизма (так и хочется сказать — «рудиментов», «остатков», но нет, дело куда более серьезное).

Современное состояние российского общества таково, что, несмотря на проводимые уже долгое время реформы (а во многом и благодаря акциям, названным «реформами»), реально, фактически в России не только не сложилось современное правовое гражданское общество, но, увы, и нет устойчивой доминирующей тенденции к его формированию. Российское общество в своих главных сторонах и компонентах и характеристиках остается прогосударственной системой с сильными автори-

тарными началами, с господством коррумпированного чиновничества, элитарным строем новых могущественных властителей — большей частью выходцев из былой партийно-комсомольской номенклатуры.

В такой обстановке реальные функции российского гражданского законодательства — как и в недавние советские времена — свелись в основном к тому, что оно выступает в качестве нормативного документа «оформительского» значения. При помощи действующего Гражданского кодекса складывающиеся коммерческие, иные отношения в нашем полурыночном, все еще прогосударственном хозяйстве получают юридическую легитимацию, вводятся с юридической стороны в отработанные юридические конструкции. Конечно, и в данном случае определенные элементы частноправового порядка в какой-то мере реализуются на практике (что происходило и в советское время). Но существующая в настоящую пору практика применения гражданского законодательства не свидетельствует о том, что ее центром, сутью становится воплощение в жизнь основных начал частного права — решающего звена формирования современного гражданского общества, цивилизованной рыночной экономики.

Не вселяют здесь оптимизм и направления государственной политики последних лет.

Вполне своевременные лозунги о «наведении порядка», о «дисциплине» в современных условиях редко связываются с гражданским законодательством. Хуже того, иной раз в средствах массовой информации при оправдании наших трудностей и указаниях на их причины звучат слова о «пресловутом» Гражданском кодексе, который, дескать, препятствует активным государственно-властным акциям, прежде всего сбору налогов. А летом 1996 года на основании президентского указа решение трех финансовых ведомств во имя жесткой политики по сбору налогов по сути дела отменило на практике действие одной из статей Кодекса (ст. 855). Да и факты, связанные с «неплатежами», «дефолтом», со всей суммой событий 17 августа 1998 года, до сих пор не получили правовой оценки, в том числе и с точки зрения самих основ действующего российского гражданского законодательства.

Есть здесь факты и более тревожные.

Они связаны в основном с той «средой» — обстановкой в народном хозяйстве, к которой общество пришло в результате «реформ».

Основная беда по данному кругу отношений — это неадекватно использованные в целях приватизации юридико-организационные конструкции — акционерные общества. Большинство созданных в результате «сплошного акционирования» акционерных обществ, в особен-

ности открытых, не стали юридической формой рыночного управления делами совокупных частных собственников, а, оставаясь в основном в зоне государственного властвования, открыли вместе с тем простор для вольного маневрирования громадными богатствами, в том числе для передела собственности или даже в сугубо политических целях, для персонального обогащения небольших групп людей, в частности — для возвышения до уровня новорусских богатеев «директоров», в том числе «красных», для направления неконтролируемых богатств на нужды избирательных кампаний угодных политиков, назначения на высокие посты в акционерных обществах недавних политических деятелей и крупных чиновников, далеко не всегда справлявшихся со своими функциями, подчас прямо политически обанкротившихся, для «перегона» через иностранных акционеров крупных национальных богатств за пределы российской юрисдикции и др.

Пожалуй, еще более тревожным и в чем-то даже обескураживающим является то обстоятельство, что гражданско-правовые формы, включая институты акционерных обществ, а также институты собственности, сделок, разнообразных договорных обязательств, порой становятся легальным прикрытием действий криминальных и полукриминальных сил, выступающих в единении с коррумпированным чиновничеством. Притом, понятно, в целях, никак не связанных с интересами экономики, общества, подчас — чуть ли не в открытую во имя узкокорыстных групповых интересов, интересов криминальных групп и воротил (хотя формально «в согласии» с требованиями правопорядка, нормами гражданского законодательства).

В настоящее время, в конце 1990-х годов, наши замечательные, отработанные веками и международной практикой гражданско-правовые институты — такие, как институты акционерных обществ, сделок, обязательств и др., все более прикрывают и придают благообразный вид процессам передела собственности, выражающим новую фазу схватки экономически и политически могущественных группировок нынешнего номенклатурного полукриминального капитализма, завоевавшего уже довольно прочные позиции в современной России.

А все это, к великому сожалению, находится в разящем противоречии с определяющей миссией частного права, призванного по своим глубинным функциям шаг за шагом утверждать, внедрять в самую плоть жизни общества истинно правовые, гуманитарные начала и ценности, начала социальной солидарности, относящиеся к самой сути современного гражданского правового общества. И плюс к тому указанные горькие факты дают известные основания также и для бытующей в обществе

недоброй славы о частном праве. И одновременно — материал для идейных противников реформ, которые оценивают частное право и современное гражданское законодательство в качестве «орудия буржуазии», «инструмента мафиозных структур». Впрочем, последние из приведенных суждений, надо напомнить, построены на узкой, идеологизированной трактовке частного права, на сведении в одном случае гражданского законодательства к одним лишь «юридическим формам», к сугубо «оформительскому делу». К тому, что — не надо забывать! — порождено именно коммунистической системой и идеологией, стало основой ленинского постулата о гражданском праве при социализме, а на деле привело к нравам и бедам командной экономики, ни на йоту не уступающим нынешним горьким фактам использования гражданско-правовых институтов в их сугубо формальной интерпретации для передела собственности, иных операций в области имущества, связанных с деятельностью могущественных криминальных и полукриминальных групп, коррумпированного чиновничества.

Итак, к сожалению, Гражданский кодекс и ныне понимается, по большей части, не в качестве духовно-правовой основы формирующегося современного гражданского общества, адекватной социально-правовой среды цивилизованного рынка, а всего лишь — как и в советские времена — в виде документа, пригодного главным образом для «оформительских» целей и решения текущих конфликтных ситуаций. Оказывается, и сейчас с фундаментальными положениями гражданского законодательства можно даже не считаться, открыто и безнаказанно во имя интересов текущего момента (скажем, во имя увеличения «собираемости налогов») нарушать его нормы, попирает принципы частного права. Более того, оказывается возможным не только не считаться с началами, с «духом» гражданского законодательства, но и использовать гражданско-правовые нормы для дел и целей, далеких от нормального, делового функционирования современной рыночной экономики, существа современного правового гражданского общества. В том числе для коммерческой деятельности, сконцентрированной только на одном — быстром, по принципу «любой ценой» персональном обогащении. А порой и хуже того — на прикрытии акций криминального характера. Вспомним и то, что все это, к несчастью, вполне логично сочетается со все еще могущественным «криминальным частным правом», с нравами его «законов» и разборок.

И ВСЕ ЖЕ, возвращаясь к достоинствам Гражданского кодекса России и, будем надеяться и верить, к оптимистическим перспекти-

вам, связанным с его действием, отметим такой существенный момент, обращенный к нашему сегодняшнему дню, к нашей непростой действительности, когда положения Кодекса во многом еще не «работают» или используются даже вопреки его действительному смыслу.

Так как начала частного права, выраженные в российском Гражданском кодексе, стали *нормой закона*, они имеют не только общеправовое, философское значение и, стало быть, не только выполняют функцию стратегического гуманитарного ориентира в нашем социальном развитии, в движении к современному гражданскому обществу и современной рыночной экономике (частноправовому народному хозяйству). Они кроме этого могут иметь и *непосредственное юридическое значение*.

Значит, сама идея строгого «порядка», твердой законности в связи с существованием Гражданского кодекса (и, стало быть, необходимости неукоснительного соблюдения его предписаний) «работает» и на перспективу постепенного формирования в России современного гражданского общества. И «работает» не только в силу того, что в гражданско-правовых нормах и конструкциях уже выражено частное право, но и как раз благодаря тому, что и общие начала гражданского законодательства призваны иметь непосредственное юридическое действие. Ситуация здесь, как видно, во многом аналогична той, которая характерна и для Конституции России, закрепленного в ней в статье 18 непосредственного юридического действия положений о правах человека.

В чем заключается это непосредственное юридическое значение рассматриваемых общих положений Гражданского кодекса? Здесь два основных момента.

Во-первых, закрепленные в Кодексе начала частного права (равенство субъектов, неприкосновенность собственности, недопустимость вмешательства в частные дела и др.) представляют собой определяющий критерий при решении вопросов, связанных с *совершенствованием и развитием гражданского законодательства, других законодательных сфер цивилистической группы* и – что не менее важно в области юридической практики – с *толкованием, адекватным пониманием истинного смысла и интерпретацией* содержащихся в Кодексе и других гражданско-правовых документах нормативных положений.

Во-вторых, закрепленные в Кодексе частноправовые начала (при этом в тех формулировках, которые даны в статье 1 Кодекса) могут быть прямо положены в основу решения судов по тем или иным юридическим делам, касающимся конкретных жизненных ситуаций.

И тогда — о чем подробнее речь пойдет несколько дальше — подобные решения явятся реальным свидетельством фактического становления в нашей стране правового гражданского общества.

Такого рода решений с указанием на то или иное «начало» — насколько мне известно — в опубликованной практике еще нет, если не считать ссылок в некоторых решениях арбитражных судов на «начала гражданского законодательства» в целом. Но когда они появятся (а они, по моему мнению, появятся непременно, дай Бог, не в очень отдаленное время), перед нами, по всем данным, окажутся высокозначимые прецеденты — и в юридическом, и в социальном отношении — свидетельство того, что современное российское гражданское право активно входит в жизнь. И, быть может, самое существенное свидетельство и того, что *в нашей жизни реально используется инструмент, при помощи которого — при помощи судебных решений! — по конкретным жизненным ситуациям! — реально утверждаются важнейшие основы современного правового гражданского общества.*

3. Другие звенья

БЫЛО БЫ, конечно, совершенно неоправданным, если бы первое и важнейшее звено в сложных процессах развития права в России (это, напомню, наши российские законы) свелось только к действующим Конституции и Гражданскому кодексу.

В действующих законодательных и иных нормативных актах, принятых с 1994 года Федеральным Собранием (а также в ряде секторов, принятых до 1994 г. Верховным Советом РСФСР, другими правотворческими инстанциями), существуют весьма значимые «плацдармы» передового демократического права.

Это законы, относящиеся к некоторым главным достижениям, реализованным за время демократических преобразований в нашем обществе, — о гласности (свободе слова, о печати), о свободных выборах, об общественных объединениях. Идет плодотворная работа по разработке современного законодательства о труде. В России сейчас действует коренным образом обновленное уголовное законодательство — новый, построенный на демократических и гуманистических принципах Уголовный кодекс, обновленное законодательство по административным вопросам, в том числе об административной ответственности. Идет во многом плодотворная работа по демократическому обновлению законодательства по вопросам земли, других природных ресурсов, в более широком плане — по экологической проблематике. В эконо-

мике реализуются существенные «новеллы» по налоговому законодательству, значение которого в современных условиях резко возросло. Да и в области предпринимательства, коммерческой деятельности, наряду с Гражданским кодексом, передовые, современные законодательные установления выработаны по вопросам «раздела продукции», малого предпринимательства, по ряду других вопросов хозяйственной деятельности. И конечно же крупный блок передового демократического права формируется в сфере процессуального законодательства – гражданско-процессуального, уголовно-процессуального, административно-процессуального.

Анализ современных нормативных положений в указанных и иных законодательных сферах – да и простое перечисление такого рода нормативных документов, весьма важных в практическом отношении, – далеко выходит за пределы темы книги, ее замысла – познакомить читателя с проблемами права в России – нашей надеждой.

Хотя, следует заметить, нужно иметь ясное представление о том, что при решении любой юридически значимой ситуации придется обращаться к конкретным нормативным документам по данному кругу вопросов. И что при внимательном рассмотрении содержания этих документов (а без этого не обойтись для точного применения закона) там в настоящее время во многих случаях могут быть найдены не только надежные законодательные основания для плодотворного решения возникающих проблем, но свидетельства развития законодательства России в демократическом направлении.

Отдавая должное всем областям российского законодательства и не ранжируя их по степени важности и нужности, необходимо тем не менее вновь сказать о Конституции и Гражданском кодексе России. О том, что при определении смысла и сути тех или иных юридических норм во всех сферах действующего права (за исключением явно устаревших, рудиментов и следов ушедших в прошлое порядков) следует неизменно держать в поле зрения правовые начала – начала передового демократического права! – содержащиеся в этих основополагающих законодательных документах. Сверять с ними «свое понимание» тех или иных юридических норм, даже тех, которые относятся, например, к уголовному или налоговому законодательству. Каждый раз – хотя бы «для себя» – отвечать на вопрос о том, насколько трактовка, избранный порядок и формы применения данных юридических норм согласуются с ними.

Для Конституции, надо полагать, такой подход к содержащимся в ней положениям в общем понятен (хотя и здесь, если мне удалось убе-

дить в этом читателя, нужно иметь отчетливое представление о смысловом центре конституционного текста). Конституционные положения, в особенности в своих главных, «ударных» смысловых акцентах, призваны по самой своей природе определять понимание всех, самых конкретизированных, норм действующего права.

Что же касается Гражданского кодекса, то при всей юридической однопорядковости «всех кодексов» (сейчас нормативные акты под именем «кодексы» используются и по узким законодательным сферам и стали приниматься в регионах, в отдельных областях, такие, например, как «избирательный кодекс») уместно еще раз сказать о том, что именно в Гражданском кодексе — а это обобщающий системный закон исключительно общефедерального значения! — сосредоточены правовые начала и ценности, которые решающим образом определяют само формирование и функционирование гражданского общества.

И вообще Гражданский кодекс — это закон, так сказать, «повышенного» правового статуса, приближающийся к конституционным законам не только по своему содержанию, но и по некоторым моментам юридического порядка (в ст. 3 Кодекса говорится: «Нормы гражданского права, содержащиеся в других законах, должны соответствовать настоящему Кодексу», а ограничение гражданских прав, по ст. 1 ГК, допустимо, как уже упоминалось, в принципе по тем же основаниям, что и ограничение прав конституционных). Примем во внимание и то обстоятельство, что «гражданские законы» в широком значении этого понятия охватывают и содержание своего рода «ответвлений» от гражданского законодательства в строгом смысле — содержание законов, относящихся к семейному, трудовому, земельному праву, правовым подразделениям, касающимся природных ресурсов, — водному, лесному, о недрах (хотя в последних наличествует и немало публично-правовых элементов, приобретающих доминирующее значение при социалистическом строе, всеобъемлющем господстве социалистической собственности).

Насколько признание надлежащего статуса Гражданского кодекса в общефедеральной законодательной системе в принципе имеет существенное значение, можно подтвердить примером, относящимся к проблеме Земельного кодекса. Известно, что Земельный кодекс в последние годы — это какой-то безнадежный тупик; все попытки обозначить в нем порядки, связанные с гражданским оборотом земли, куплей-продажей земли сельскохозяйственного назначения, наталкиваются на ожесточенное сопротивление большинства Думы, опирающееся в основном на мотивы идеологического порядка.

Но ведь гражданско-правовой оборот земли – это вопросы гражданского права (если, конечно, экономика страны в целом переходит в режим рыночного, частноправового народного хозяйства). И в принципе проблемы здесь нет никакой, если бы... Если бы при принятии первой части Гражданского кодекса не было специально оговорено в примечании к главе 17, озаглавленной «Право собственности и другие вещные права на землю», что эта глава начинает действовать только «со дня вступления в действие принятого... Земельного кодекса».

Но ведь такого рода запись нарушает *логику* права – закономерную субординацию между отраслями права, прямую обусловленность земельного законодательства в условиях современного народного хозяйства законодательством гражданским. И при всей сложности расстановки политических сил в Государственной Думе, от которой зависит принятие норм гражданского законодательства (с чем, собственно говоря, и было связано принятие упомянутого примечания к гл. 17 Гражданского кодекса), ныне, после трех-четырёхлетнего действия Кодекса, есть основания для рассмотрения в надлежащем правосудном порядке правомерности этого примечания по мотивам нарушения субординации между кодексами, что, возможно, сняло бы вопросы о гражданском обороте земли и тем самым сразу и кардинальным образом решило бы судьбу Земельного кодекса.

НАРЯДУ С ЗАКОНАМИ важнейшим опорным звеном в сложных процессах укрепления и защиты в России законности (правозаконности), а отсюда – становления и развития передового демократического права являются *механизмы претворения законов в жизнь*, что, собственно говоря, и означает утверждение в обществе *режима законности и правопорядка*.

Конечно, центральный пункт в таких механизмах – это твердая государственная воля на «реальность права», последовательная, неуклонная политика, а в этой связи – деятельность центральных учреждений федеральной власти. Отсутствие двойного подхода к вопросам права: одного – «для себя» (когда допускается возможность неких изъятий и исключений), иного – «для всех других» (когда все и вся должно совершаться сообразно строжайшей законности). Тем более что, по действующей Конституции, именно на президента возложена миссия быть гарантом Конституции, прав и свобод граждан, а также выбирать и предлагать для назначения одну из ключевых фигур в сфере обеспечения законности – Генерального прокурора страны. Да и в силу сложившихся в нашей стране обыкновений (получивших известное

закрепление в федеральных законах) «силовики», руководители ведущих ведомств в области реального обеспечения правопорядка, находятся в прямом подчинении президента.

Вместе с тем в практическом отношении во всех секторах нашей многообразной жизни решающее значение в механизмах реального претворения законов в действительность принадлежит *правосудию*.

И это, надо признать, следующий по важности после «самих» законов «плацдарм» передового демократического права — система судебных учреждений. Причем (и это в высшей степени существенный момент) — система *независимого суда*.

Не все, к сожалению, вопросы правосудия в нашей сегодняшней действительности решены. Слабое, а порой и просто убогое материальное, финансовое обеспечение судов, крупные недостатки в подготовке высококлассных судей, а главное, быть может, отсутствие общей идейной, духовной линии на возвышение суда, на предельное к нему уважение — все это не позволяет в полной мере реализовать те функции правосудной деятельности, которые являются одной из необходимых «составляющих» современного гражданского общества. К тому же судебные органы, в особенности «на местах», остаются под сильным влиянием местных административных органов.

Но так или иначе главный шаг сделан — и в плоскости общего социально-политического признания, и в части законодательных решений *правосудие в нашей стране обрело статус независимости*.

Более того, центральная власть даже глубоко заинтересована в независимости судебной системы (она — гарант государственно-правового единства, действенное средство предупреждения и борьбы против республиканско-областного сепаратизма). В данном случае, кажется, власть готова даже мириться с издержками, связанными с судебской независимостью, терпимо относиться к судебным актам, пресекающим неправомерные государственно-административные акции, исходящие от федеральных учреждений.

Скажу без каких-либо преувеличений — в российской Конституции записан «по максимуму» широкий, отражающий достижения демократически развитых стран комплекс прав граждан на судебную защиту. Начиная с таких фундаментальных, как право обвиняемого в преступлении на рассмотрение его дела судом с участием присяжных заседателей, презумпция невиновности, допуск защитника с момента задержания и др., до, казалось бы, «мелочей» в судебной деятельности. Впрочем, на поверку какие же это «мелочи», если речь идет о правилах, согласно которым, к примеру, «не допускается использование доказа-

тельств, полученных с нарушением федерального закона», «никто не обязан свидетельствовать против самого себя, своего супруга и близких родственников» и т.д. Словом, конституционные нормы открывают путь к действительной и основательной судебной реформе, в результате которой правосудие станет не просто «властью» и тем более не некой «третьей» властью, а одной из определяющих основ общества.

К сожалению, реальная практика ныне еще далека от такого рода идеалов. По всем данным, потребуются немалые усилия для того, чтобы органы российского правосудия «развернулись» на защиту человека, его достоинства, неотъемлемых прав, причем так, чтобы исходной правовой основой для этого служили – как это и предусмотрено Конституцией – неотъемлемые права и свободы человека, общие гуманистические принципы права.

К тому же в области действующего правосудия мы, по ряду данных, встречаемся с иной опасностью, пагубные последствия которой в достаточной мере еще не оценены (и которой, увы, могут с успехом воспользоваться противники независимого правосудия). Это опасность, да к тому же в условиях коррупции, проникающей и в судебную систему, состоящая в возможности использовать «независимость» суда для неправомерного вмешательства в общественную жизнь в интересах денежного мешка, ведомственных интересов или даже личностных амбиций.

Во всяком случае наше общество должно прочно утвердиться в убежденности, что развитая, надежно работающая судебная система – это ключ к такому состоянию общественных дел, когда прекрасные «записи», декларации в законах и в особенности заложенные в них демократические и гуманистические начала станут реальностью, непреложной практикой, образом жизни людей.

ТРЕБУЕТ К СЕБЕ ВНИМАНИЯ еще один «плацдарм», еще одно опорное звено передового демократического права.

Это *правосознание людей*, или, несколько шире, общая *правовая культура* в обществе. Наряду с немалым числом негативных фактов и проявлений обратного толка (правовой нигилизм, неуважение к закону, к праву широко распространены в нашей российской жизни) есть тут обстоятельства оптимистического порядка – то, что действительно можно именовать *опорой*.

Главное из таких обстоятельств заключается не только в природном, но и в глубоко выстрадавшем людьми жестком их *стремлении к действительному праву* (если угодно, неутоленная *жажда права*).

У людей в нашем Отечестве после чудовищных бед и в результате каких-то безнадежных попыток выбраться из бесконечной их полосы, как мне представляется, все более зреет, утверждается убежденность — вот оно, действительное право — наше спасение. Что-то и впрямь — *святое*. Вот оно, действительное право, право человека — *наша надежда*.

Есть, на мой взгляд, неопровержимые доказательства такой оценки правосознания людей в нашем обществе. Это реакция большинства людей на трагические события начала октября 1993 года, а затем — на военные действия в Чечне 1994—1996 годов.

Вот 1993 год. В конце апреля население страны на общероссийском референдуме поддержало политику президента на реформирование общества. Почти все общество было не удовлетворено деятельностью Верховного Совета, оставшегося от советского времени. Предметом всеобщего осуждения была латаная-перелатаная Конституция РСФСР. Везде — и в органах информации, и в обыденных разговорах — звучали подобные оценки. Но как только, по сентябрьскому президентскому указу, а затем в результате вооруженного захвата 4 октября «белого дома», Верховный Совет был распущен, повсеместно зазвучали суждения, казалось бы, никак не вяжущиеся с представлениями о нашей будто бы насквозь «неправовой» стране, — суждения о том, что произошло *нарушение права*.

Та же самая реакция на чеченскую войну. Казалось бы, ну, как тут не употребить силу на одной из территорий, уже столетие официально относящейся к российскому государству? Одностороннее, в чем-то даже вызывающее «объявление себя» частью автономной республики, Чечней, «самостоятельным государством» — Ичкерией. Создание своей армии. Захват федерального имущества, в том числе — военного. Бандитские налеты на проходящие по территории этого «государства» поезда. Преступный беспредел. И вот в конце 1994 года регулярная российская армия вступила на территорию Чечни для наведения «конституционного порядка». Началась война, в ответ — народное сопротивление регулярной армии, массовые нарушения прав человека... И вновь, несмотря на официальные решения иного рода, — подавляющая реакция на чеченские события большинства людей в России: *нарушено право!*

А тут еще — повторяющиеся изо дня в день официальные заявления о «приверженности к праву». Запись в Конституции о том, что мы — «правовое государство». Статьи 2, 18, статьи о конституционных правах граждан. Гражданский кодекс. Как тут не *поверить в право*, не видеть в нем *свою надежду*?

Но нужно отдавать отчет – все это пока не более чем *обнадеживающая предпосылка*.

И здесь, в области правосознания, правовой культуры, перед нами, всем обществом тяжелая, многотрудная, увы, еще долгая работа.

Неотложная проблема здесь – возвышение *передовых* представлений о праве. Именно в данном пункте – наиболее сложные моменты. Ведь наше общество еще не «прошло», далеко не завершило тот этап, над которым, по передовым правовым представлениям, предстоит даже в чем-то возвыситься, – этап придания безусловной нерушимости «просто» действующему закону. Сейчас в виде некоего труднодостижимого идеала порой, как уже упоминалось, воспринимаются такие формулы, как – «диктатура закона» (которая в приведенном словесном выражении имеет, как мы видели, и негативный оттенок, отражающий недобрый смысл самого слова «диктатура», однобокость мышления, связывающего крепкую, сильную власть с одной лишь «диктатурой» и вдобавок – с любым актом, названным «законом»).

Но ничего не поделаешь. Необходимость возвысить передовые правовые идеи до уровня общенациональных – необходимость острая, неотложная.

И здесь для «увязки» с существующим положением вещей может помочь категория *правозаконности*, которая наряду с гуманистическим видением правовых явлений сохраняет и все положительное, что несет в себе идеология святости действующего закона.

При этом идея правозаконности вполне достойна того, чтобы она, если угодно, официально приобрела статус той общенациональной идеи, о которой ныне заботятся многие политические деятели и идеологи, обеспокоенные тем, что место, ранее занятое «коммунизмом», ныне все еще остается вакантным. Впрочем, подробнее об этом – несколько дальше, в конце главы.

ВОТ ПОЧЕМУ в настоящее время – если вновь не срываться в маящую пропасть утопии – реальным и одновременно предельно необходимым, высокочастным делом является *просвещение*. То по своей деловой сущности Просвещение, которое, увы, миновало Россию, но которое для всех ныне демократически развитых стран стало стартовой основой формирования правового гражданского общества, отсюда – и развитого, продуктивного «рынка», который служит людям, их благополучию.

А значит, *учеба*. Овладение как можно большим числом граждан России основами права. И не некими верхушечными, элемен-

тарными сведениями, а сразу же фундаментальными устоями современного права.

И вот здесь, могу заверить, первостепенную роль призвана сыграть Конституция России. И Гражданский кодекс России. При этом наряду с усвоением, пусть даже просто – со знакомством с законодательными новшествами, относящимися буквально ко всем сторонам практической деятельности каждого из нас, на безусловно первое место необходимо поставить постижение каждым российским гражданином, всеми лицами самого «духа» права, безусловного приоритета прав человека, принципов равенства, неприкосновенности собственности, свободы договора, недопустимости произвольного вмешательства кого-либо в частные дела. Постигание и превращение их в непреложный образ жизни, безусловные, нерушимые нормы поведения.

И ЕЩЕ ОДИН момент принципиального характера. Именно право в современном его понимании, наряду с другими характеристиками, связало права человека с его высокой, также истинно человеческой *ответственностью*. А отсюда и вывод большой гражданской значимости. Право в гражданском обществе – это право свободы человека в практических делах, когда у человека есть «свобода быть своим собственным господином», и одновременно – *право, единое с солидарностью людей*.

И вновь хотелось бы привлечь внимание к тому, что эту сторону современного права, и притом в годы (да что годы – месяцы), предшествующие октябрьскому перевороту 1917 года, подчеркнули русские правоведы-цивилисты. Комментируя слова Ренана о том, что «политика подобна пустыне; в ней идут наугад – то на север, то на юг, – просто потому, что надо идти; но никто не знает, где добро, где зло», И.А. Покровский за несколько месяцев до октябрьского переворота говорил: «Мы же думаем, что как для пустыни, так и для политики есть свой компас. Стрелка этого компаса всегда поворачивается к одному пункту – именно к тому, где сходятся свобода и социальная солидарность»¹. И, как показал И.А. Покровский в своей книге об основных проблемах гражданского права, именно в современном гражданском праве все более утверждается гармоничное сочетание этих двух начал.

И в заключение данной группы вопросов – пояснение по одной, уже ранее упомянутой мысли.

---

¹ Покровский И.А. Указ. соч. С. 36.

Ныне, в обстановке объявленного и по ряду направлений осуществляемого в России курса на глубокие демократические преобразования, вдруг возникла и даже приобрела остроту идеологическая проблема «национальной идеи», которая должна определять жизнь современной России. Была идея «Третьего Рима», потом «великодержавной империи», наконец – «коммунизма, его строительства во главе с КПСС». А теперь что? Пустота? Рынок?

Между тем сам ход Истории, развитие человеческих цивилизаций свидетельствуют о том, что в настоящее время для стран, объявивших себя демократическими, нет иной «национальной идеи», кроме *идеи человека, его высокого, центрального положения в обществе*, а отсюда – и *идеи права* как стержня, центрального звена в жизни людей, идея правозаконности. Из всего предшествующего изложения с непреклонностью следует, что *ближе, роднее, ценнее для человека («постигнутого или постигающего право»), чем идея права и правозаконности, нет ничего*. И прежде всего – *идея частного права в единстве с солидарностью*. Учтем при этом соображение, высказанное в этой связи русским правоведом: «При осуществлении... подлинной солидарности человек возвращается действительно на присущее ему место – «меры всех вещей». Человеческая личность возвышается: не общество превращает ее в средство, а, напротив, само общество в целом становится хранителем и гарантом ее существования»¹.

---

¹ Покровский И.А. Указ. соч. С. 321.

ГЛАВА ШЕСТАЯ БОРЬБА ЗА ПРАВО

1. Обреченное на борьбу

ЕЩЕ В XIX ВЕКЕ знаменитый немецкий правовед Рудольф Иеринг — один из немногих мыслителей-правоведов, глубоко и тонко понимающих сам феномен права, — выдвинул идеи, суть которых сводится к необходимости непрестанной и упорной борьбы за право. По его мнению, цель права — мир, средство ее достижения — борьба. Притом борьба индивида за свои права является его обязанностью в отношении как его самого, так и идеи права. Эта правовая максима, по мысли Иеринга, имеет универсальный характер. Комментируя идеи немецкого правоведа, И.А. Покровский пишет, что воззрения Иеринга — это «учение о непрестанной борьбе за право, без которой немислим никакой прогресс. Не как растение, не само собой раскрывается право в истории, а в труде и борьбе...»¹.

Мысль о необходимости бороться за право, справедливая сама по себе, становится еще более значимой и в чем-то очень острой и тревожной, если рассматривать его в идеале как право человека. Особенно у нас, в условиях России, в которой, несмотря на известные достижения в правовом развитии, все еще сильны элементы «восточной идеологии», в том числе в ее крайних вариантах (характерных для стран Дальнего Востока), где право традиционно играет вспомогательную, подчиненную роль².

И вот в последней главе этой книги, которая, по авторскому замыслу и сути рассматриваемых проблем, призвана поддержать настроения

---

¹ Покровский И.А. Указ. соч. С. 70.

² Характеризуя особенности права Дальнего Востока, современная литература отмечает, что «социальная гармония ощущается там как часть общей гармонии, модель которой мы видим в природе и мировом порядке. Право с его сухой логикой и внешним принуждением представляет собой лишь рудиментарный порядок, который более подходит варварским, нежели цивилизованным народам». Здесь «решение спора состоит не в том, чтобы определить победителя и побежденного, а в том, чтобы проигравший мог «сохранить свое лицо»... Сохраняющий лицо компромисс — основное средство. Решение в пользу какой-либо из сторон принимается лишь в крайне необходимых случаях» (Цвайгерт К., Кётц Х. Указ. соч. С. 113).

оптимизма и веры в право и, более того, расположить к тому, чтобы именно в праве видеть нашу надежду на оптимистическое будущее, приходится несколько по-иному расставить акценты в такого рода настрое. И сказать о том, что право в том виде, в каком оно, сообразно своим идеалам и ценностям, обрисовано в книге, не состоится (со всеми неотвратимыми в этом случае последствиями для нас и очень может быть – для всей человеческой цивилизации), если повсеместно, «всем миром» не повести жесткую, целенаправленную, бескомпромиссную борьбу за право.

А СУТЬ ДЕЛА, как верно подметили Р. Иеринг, а вслед за ним и другие правоведы либеральной ориентации, заключается в том, что право при всех своих природных предпосылках, не в пример «растению», произрастает не само собой – не само по себе раскрывается в истории. Почему?

Прежде всего, понятно, – потому, что право, в особенности то, которое требуется современной эпохе, представляет собой продукт разума, результат интеллектуальной деятельности, творческого труда – особо сложного и многотрудного, коль скоро речь идет о развитых, отработанных, совершенных юридических формах, соответствующих требованиям современной цивилизации. Таких формах, которые построены на субъективных правах, на свободе людей. И следовательно, утверждение права в жизни людей, его развитие неизбежно сопряжены с целенаправленной, упорной деятельностью, притом по большей части в обстановке противоборства, столкновения страстей, противостоящих тенденций.

Добавим сюда ту недобрую славу, которую приобрело право «как таковое» в нашем Отечестве, когда юридические системы выступали преимущественно в качестве права власти, верных служительниц сильных мира сего, поприща формалистики и чиновничьего своеволия.

Главное же, что предопределяет необходимость борьбы за право (борьбы в самом точном, строгом значении этого слова), заключается в том, что ему, праву, и в особенности праву, которое должно служить человеку, противостоят могущественные противоборствующие силы. Силы, скажем так, антиправовые по своей сути, т.е. такие, для которых право представляет собой ненужное и даже вредное явление. А если в чем-то нужное и полезное, то не в развитом виде, не в своем исконном предназначении в сообществе разумных существ – служить человеку, но всего лишь в своих усеченных, ограниченных качествах,

главным образом в виде верной и безропотной служанки власти, чуть ли не технической «службы» упомянутых могущественных сил, некоего сугубо «оформительского», служебного, подсобного инструментария в политической и деловой жизни, где главными силами являются власть и деньги. И, стало быть, в условиях господства такого рода представлений (усугубляемых сильными рудиментами восточных традиций) — такого будто бы подсобного инструмента, которым во имя неких «высших целей», казалось бы, можно пренебречь.

Основная из таких противоборствующих сил — сила, увы, природная.

Здесь придется вновь обратиться к положениям о природных предпосылках права, которые ранее были использованы для обоснования ценности права в людском сообществе.

Напомню, данные этологии (науки о поведении и нравах животных, о заложенных в них программах поведения) дают основание полагать, что право имеет глубокие природные предпосылки, особо четко выраженные в «нравах» и «нормах поведения» организованных биологических сообществ.

Но вот что важно. Если «право» каждой отдельной особи организованного биологического сообщества может быть обозначено всего лишь как намечающаяся возможность, то «права» особей — звеньев жесткой иерархической пирамидальной организации — верховного иерарха (вожака стаи), избранных им самок, «приближенных» и дальше вниз по иерархической лестнице, до «дна иерархической пирамиды», до «шестерок» и «опущенных» — имеют в мире «социальных животных» доминирующее значение.

Именно здесь следует искать первичные, подпочвенные истоки тех, увы, постоянных, каких-то неотвратимых для человеческого общества, кочующих из века в век от одной страны к другой организационных и юридических построений, которые характеризуются иерархической пирамидальной структурой, вершину которой увенчивают особи, жаждущие власти и любой ценой овладевающие ею¹. И отсюда же, если опять-таки иметь в виду природные предпосылки, происходят те исторически первые ступени правового развития, которые

---

¹ См.: *Дольник В.* Указ. соч. С. 168. При этом автор замечает, что «дно» подобной иерархической пирамиды образуют агрессивные подонки. Причем «группа предоставленных самим себе людей собирается в подобную иерархическую пирамиду. Это закон природы, и противостоять ему невозможно. Можно лишь заменить самосборку, осуществляемую на зоологическом уровне, построением, основанным на разумных законах» (там же. С. 141).

можно определить как «право сильного», «право войны», «кулачное право», «право власти».

А теперь – самое существенное. С учетом приведенных данных, как бы переключаясь слово в слово с суждениями Р. Иеринга и И.А. Покровского, в литературе по вопросам этологии обращается внимание на то, что демократический строй (а вместе с ним право человека), имеющий известные природные предпосылки, все же не может «возникнуть сам собой, на основе инстинктивных программ»; демократический строй и соответствующее право – «это *продукт разума* (курсив мой. – С.А.), продуманная система коллективного воспрепятствования образованию иерархической пирамидальной структуры...»¹. И отсюда – «демократию нужно все время поддерживать политической активностью граждан, не позволять пробраться к власти «паханам» и «шестеркам»².

Следует отдать должное точности суждений В. Дольника – автора приведенных положений, – когда, отметив, что «демократия – продукт борьбы разума с животными инстинктами, толкающими их (людей. – С.А.) самособираться в жесткие авторитарные иерархические системы», он уже прямо по вопросам права пишет, что демократическое государство – это не что иное, как «государство, построенное ради защиты прав человека и основанное на законах, стоящих выше государства и любого человека...»³.

Стало быть, *истинно* демократическое государство – это не просто организация власти, в котором проводится некоторый комплекс «демократических принципов» (таких, как свободные выборы, разделение властей), а политическое сообщество, воплощающее *право человека* – право, представляющее собой объективированное выражение разума и призванное служить человеку. Если верно, что поднять человека «со дна», вывести его из «зоологического состояния» может «свобода и собственность»⁴, а последние вместе с разумом находят концентрированное выражение как раз в праве человека, то также верно и то, что создание столь совершенного социаль-

---

¹ Дольник В. Указ соч. С. 168.

² Там же.

³ Там же. С. 169.

⁴ Там же. С. 141. Представляют интерес и такие суждения автора, которые также «выводят» на право: «В основании пирамиды государства должны находиться... независимые от государства производители, имеющие достаточно чего-то своего (земля, дом, орудия производства, акции и т.п.) для того, чтобы чувство собственного достоинства и уверенность в собственных силах были точкой отсчета при бессознательном выборе мозгом подходящих программ поведения» (там же. С. 164).

ного образования – права человека – и борьба за него представляют собой задачу высшей степени сложности. И одновременно – перво-степенной важности.

Наряду с отмеченными «природными силами» (и во многом на основе или в связи с ними) реалиями, противоборствующими праву, являются и другие факторы. Нередко весьма сильные, мощные.

Это *политическая власть*, которая сама по себе, по своей естественной органике нуждается только в одном праве – в «праве власти». И это относится (что, в частности, характерно для современной России) и к такой, скажем прямо, довольно упрощенной государственной организации на всех ее уровнях, которая представляет себя в качестве «демократической» главным образом потому, что в обстановке провозглашенного принципа разделения властей происходит формирование руководящих государственных органов на основе принципа свободных выборов.

Факторами, противоборствующими праву – именно праву человека! – являются *нарастающие трудности в различных областях жизни современного общества*. Трудности, связанные с потребностями модернизации, бурным индустриально-техническим развитием, стремлением в ускоренных темпах достичь стандартов «обществ потребления», сопровождаемым – во всяком случае в современных условиях – глобальными нарушениями природной среды, экологическими бедами. Трудности и беды, сопряженные со вступлением человечества в условия либеральных цивилизаций и осложняемые, наряду с другими последствиями, «безумием свободы». Тем более трудности обществ, порывающих с тоталитарными режимами и стремящихся в быстрых-быстрых темпах достигнуть манящих благ «общества потребления». Словом, трудности и беды, которые как будто бы требуют не некоего «права человека», а опять-таки в качестве чуть ли не единственного варианта решительных, кардинальных действий императивной власти (которая способна дать всем «рабочие места» и обеспечивать своевременную выплату зарплаты). Типа батюшки-царя, Пиночета или в крайнем случае Столыпина.

КАКОВЫ НАПРАВЛЕНИЯ борьбы за право?

Наряду с очевидным и вполне естественным направлением – правовым просвещением решающую роль в становлении и развитии на российской земле передового демократического права имеет *реальное дело, практика*. Причем реальное дело, практика в отношении тех «островков» истинно передового, развитого права, которые у нас, в Рос-

сии, уже существуют в действующем законодательстве, в судебной системе и ранее были рассмотрены в качестве плацдармов для последующего правового развития.

Это касается действующей Конституции России. Сама трактовка конституционных положений и тем более практическое применение их на практике под углом зрения положений статей 18 и 2 о правах человека – это ударный, «прорывной» участок борьбы за право в России. Вместе с тем нужно отдавать отчет в том, что в современной обстановке – обстановке неубывающих политических страстей, дележа и передела власти и собственности, т.е. в области публичного права, – ожидать на данном участке сколько-нибудь существенного продвижения вперед по сугубо правовой проблематике было бы опрометчивым.

Наиболее оптимистические ожидания в борьбе за передовое демократическое право – тоже при весьма значительных трудностях – можно, пожалуй, связывать с частным правом, с гражданским законодательством. И именно здесь, вопреки широко распространенным представлениям, существует весьма значительная оптимистическая перспектива. Ибо, скажу еще раз, гражданскому праву логикой жизни и историей уготована здесь незаменимая миссия, именно через гражданские законы должно происходить (не может не происходить) реальное формирование в России современного правового гражданского общества. Причем, следует добавить, не только на уровне гражданских законов, но и – что в высшей степени существенно – на уровне судебной деятельности с обнадеживающей перспективой формирования и у нас своеобразного, взаимодействующего с развитым законодательством «поля» прецедентного права, способного придать всей юридической системе «живой», динамичный характер, отвечающего требованиям современного гражданского общества, развивающейся постиндустриальной экономики, углубляющейся социальной сферы жизни общества.

В ЭТОЙ СВЯЗИ прежде всего несколько соображений о проблемах *развития и совершенствования гражданского законодательства*.

Конечно, для такого крупного и фундаментального законодательного документа, получившего основательную проработку, как российский Гражданский кодекс, ведущий принцип его статуса и действия – стабильность, постоянство содержащихся в нем правовых начал и конструкций. Здесь нужны предельная осторожность, аккуратность даже в самой постановке вопросов о внесении в содержание Кодекса тех или иных корректив.

Вместе с тем есть группа вопросов, затрагивающая содержание Кодекса, которая нуждается в решении уже в настоящее время. Это вопросы гражданско-правового регулирования отношений собственности и создания коммерческих организаций в связи с проведенной в 1993—1995 годах официальной приватизацией. Некоторые законодательные решения в этой области были приняты по уже развитым западным стандартам (преимущественно американского их варианта) под давлением ведомств и деятелей, связавших свою судьбу с успехами официальной приватизации, когда сама перспектива принятия Кодекса была поставлена в зависимость от принятых в то время приватизационных схем и императивов.

С этой точки зрения вызывает серьезные сомнения положение части 2 статьи 217 Гражданского кодекса, согласно которому при приватизации государственного и муниципального имущества предусмотренные Кодексом положения, регулирующие порядок приобретения и прекращения права собственности, применяются лишь постольку, поскольку «законами о приватизации не предусмотрено иное».

Дело в том, что, по принципиальным началам правовой теории и требованиям законности, законоположения о временных процессах экономической жизни (таких, как приватизация) не могут отменять основополагающие фундаментальные правовые нормы (такие, как положения Гражданского кодекса о приобретении и прекращении права собственности). Да в этом и нет нужды. Преобразование государственной собственности в собственность частную вполне может осуществляться (и действительно дать ожидаемый экономический и социальный эффект) на основе указанных фундаментальных норм гражданского права. Да, подчеркну, *может*, но, впрочем, лишь при том неременном условии, если не преследуется цель просто «раздать» имущество, «поделить» его, признать его собственностью «по факту», словом, если не действовать по-большевистски, сообразно «революционному правосознанию». И если, надо добавить, не ставится задача вообще создать для «новых собственников» в основном былой и новой номенклатуры, фактически овладевших основными национальными богатствами страны, некий вольный режим собственнического всевластия.

Не меньшие сомнения вызывает и другое положение, которое хотя и помещено в вводном законе к первой части Кодекса, но по своей «диктаторской» сути в существенных моментах не совместимо с основными началами гражданского законодательства и существенно влияет на сам строй гражданско-правового регулирования.

Это положение о том, что со дня официального опубликования первой части Кодекса «коммерческие организации могут создаваться исключительно в тех организационно-правовых формах, которые предусмотрены для них главой 4 Кодекса». Нет слов, вольница в формировании произвольно конструируемых коммерческих организаций входит в противоречие с необходимостью обеспечить стабильность и ясность в правосубъектности участников гражданского оборота¹.

И все же, думается, опять-таки в угоду принятых в то время приватизационных схем и императивов (далеко не во всем обоснованных и оправдавшихся на практике) введен императивный принцип, резко ограничивающий инициативу субъектов, саму их возможность учреждать такие формы коммерческих организаций в рамках действующего законодательства, которые в наибольшей мере согласуются с их волей и интересами и одновременно – с требованиями рыночной экономики, построенной на частном праве (особое раздражение у некоторых отцов-приватизаторов вызывали арендные и народные предприятия, которые уже в 1989–1990 годах обозначили существенный рост и модернизацию производства на частноправовой основе, – исторический факт, который, впрочем, не означает, что здесь перед нами – единственная форма оптимальных приватизационных и восходящих экономических процессов).

Разумеется, и по указанным вопросам нужны предельная осторожность и аккуратность при уточнении положений Гражданского кодекса. С тем во всяком случае, чтобы «очистка» фундаментальных начал и норм гражданского права от ситуационного политического влияния того или иного времени не вылилась в новые катаклизмы, скажем, в новый передел собственности.

Вместе с тем вот какая сторона совершенствования законодательства в области частного права представляется исключительно важной.

Наряду с разработкой проблем, связанных с развитием и совершенствованием «самого» гражданского законодательства (одна из

---

¹ Как справедливо отмечено в литературе, требованиям цивилизованного рынка не соответствует возможность «изобретать организационно-правовые формы по своему разумению (или недомыслию), которой в недавние еще времена они широко пользовались, их контрагентам оставалось только гадать, какая организация и с каким объемом правомочий скрывается под именем молодежного центра, компании, корпорации, концерна, консорциума, торгового дома и т.п.» (Гражданский кодекс России: Проблемы. Теория. Практика: Сборник памяти С.А. Хохлова / Отв. ред. А.Л. Маковский; Исследовательский центр частного права. М.: Международный центр финансово-экономического развития, 1998. С. 177).

таких вполне назревших проблем – нормативная детализация принципа «свободы договора», совершенствование положений об акционерных обществах), повышенное внимание должно быть уделено, так сказать, «параллельным» и «сопутствующим» законодательным сферам.

Важнейшее значение имеет здесь налоговое законодательство. И не только выраженные в нем вопросы, связанные с интенсивностью фискальных мер, когда эта интенсивность может оказаться столь значительной, что налоги приобретают конфискационный характер (увы, такого рода тенденция дает о себе знать в экономической жизни современного российского общества). Существенное значение в самой возможности влияния налогового законодательства на область частного права принадлежит не только их суммарному объему, возлагаемому на товаропроизводителей, других участников частноправовой хозяйственной жизни, но и структуре налогов и даже порядку их начисления, в том числе определению объектов налогообложения («имущество», «отгруженная продукция», «выручка» и т.д.).

И вот что здесь существенно важно. Преодоление ряда остро негативных явлений в экономической жизни нынешнего времени связано не столько с гражданским законодательством, сколько с «сопутствующими» и «параллельными» участками законодательного регулирования – законами и иными нормативными актами по административному и уголовному праву. Например, борьба с коррупцией, чиновничьим своеволием при регистрации юридических лиц, регистрации прав на имущество и сделок с ним – это уже сфера административного права и практики его применения. Аналогичный характер имеют острые проблемы, касающиеся имущественных операций, носящих криминальный характер, тут уже в основном – сфера уголовного и уголовного-процессуального законодательства.

И вновь, как и во многих других случаях, возникает проблема «граней» в борьбе за право. Во имя жестких мер в отношении коррупции, чиновничьего беспредела, всего криминала вовсе не исключено, по нравам нашего бюрократического бытия, такое «ужесточение», например, порядка регистрации юридических лиц, прав на имущество и других гражданско-правовых актов и состояний, которое фактически приведет к резкому ограничению или даже к сведению на нет частноправовых начал. На мой взгляд, при наличии фактов подобного рода для их оспаривания в компетентных юрисдикционных учреждениях и признания их незаконности достаточным правовым основании

ем являются соответствующие нормативные положения статей 1 и 2 Гражданского кодекса России.

ПЕРСПЕКТИВЫ борьбы за право в России во многом затрагивают проблемы *применения* российского гражданского законодательства, а при более широком подходе – *роли и функций судебно-правовых начал в развитии современного гражданского права*.

Здесь надо видеть, что гражданское право России (как и все российское право в целом) относится к той группе (семье) правовых систем романо-германского типа, для которых характерна концентрация самого содержания права в действующих нормативных актах, в первую очередь в законах. А отсюда реальность гражданского права, борьба за него выражаются в первую очередь в применении права – в точном и полном воплощении в жизнь заложенных в нем юридических норм – правовых начал и юридических конструкций.

Например, приведение существующих общественных отношений в соответствие с Гражданским кодексом.

Правда, эта проблема в основном обращена в будущее. Ее решение предполагает организацию необходимых государственных служб по регистрации гражданских актов и состояний, а главное – надлежащую работу вновь организуемых и уже существующих юрисдикционных, нотариальных и иных учреждений по регистрации, удостоверению гражданских правоотношений, прав и обязанностей субъектов гражданского права.

Но есть здесь и вопросы, относящиеся к настоящему. Главный из таких вопросов – собственность, правомерность обладания ею после проведенной приватизации. Если даже признать, что положение статьи 217 о приоритете законов о приватизации перед нормами Гражданского кодекса отвечает всем юридическим канонам, то и это ни в коей мере не исключает необходимости того, чтобы в настоящее время существующее положение вещей было приведено в соответствие с нормами Кодекса о приобретении права собственности. И чтобы факт обладания правом собственности (титул собственности) получил формальное закрепление в официальных «реестрах», «кадастрах», «регистрационных книгах» и т.д.

И ВСЕ ЖЕ КОРЕННЫЙ ВОПРОС, относящийся к применению действующего гражданского законодательства (в действительности имеющий более широкое правовое значение, нежели просто «применение»), – это роль и функции судебных учреждений в утверждении

в жизни общества частноправовых начал, а в этой связи и в развитии гражданского права.

Принципиально существенная сторона этого вопроса – применение *основных начал* гражданского законодательства (ст. 1 и 2 ГК).

Здесь, конечно, вполне оправданно говорить о «применении» гражданского закона в самом строгом и точном смысле. Ведь формулировки этих начал даны прямо в тексте Гражданского кодекса – «равенство участников отношений», «неприкосновенность собственности», «свобода договора», «недопустимость произвольного вмешательства кого-либо в частные дела», «судебная защита прав» и т.д. И они должны пониматься, как и все иные формулировки закона, в строго буквальном значении – так, как «написано» в тексте законодательного акта, в Кодексе.

Но все дело в том, что указанные начала гражданского законодательства относятся к числу наиболее высоких, обобщающих, абстрактных положений, а на практике должны применяться при решении различных ситуаций и в этой связи могут пониматься по-разному. По-разному могут пониматься и соответственно применяться другие юридические нормы, относящиеся к этим началам.

И тогда возникают конкретные, практически значимые вопросы. Например, вопросы в связи с тем, что договором займа под залог квартиры установлено условие, в соответствии с которым в случае невозврата в срок суммы долга займодавцу квартира должника целиком и сразу переходит в его собственность. Или арендодатель по договору об уступке права требования (цессии) передает третьему лицу не все свои права и обязанности по правоотношению аренды, а только право на взыскание штрафа за нарушение правил по расчетным операциям.

На первый взгляд, казалось бы, какие в указанных случаях могут быть проблемы? Кодексом установлена «свобода договора», и значит – договаривайся по обоюдному согласию о любых условиях, лишь бы они не противоречили предписаниям закона! Но вопросы все же есть. С учетом очень разных жизненных ситуаций. С учетом к тому же действия других юридических норм. Например, допустимо ли вообще «оторвать» из всего комплекса прав и обязанностей арендодателя одно лишь право – право требовать от арендатора уплачивать штрафы за несвоевременные расчеты и как бы торговать таким правом – передавать его по договору какому-то другому лицу? Тем более допустимо ли за несвоевременный возврат долга сразу же изымать у собственника квартиру, лишая его собственности на это важнейшее жизненное благо?

В указанных и подобных им случаях есть известные юридические тонкости, и плюс к этому даже без детального разбора подобных ситуаций ясно, что при их решении требуется учет других юридических норм и вдобавок – принципов добросовестности, справедливости и разумности, о которых также говорит Гражданский кодекс.

Помимо всего иного должно быть очевидным, что при решении такого рода проблем может возникнуть большой разнобой, а подчас, увы, и произвольная трактовка действующих положений, своеволие, решение «по вольному усмотрению», произволу.

Как показывает мировой опыт в области права, одним из оптимальных вариантов решения указанных и множества других аналогичных (и подчас куда более сложных) вопросов являются *судебные прецеденты*.

Наша теория и практика в области права, вся правовая политика отвергают прецеденты как источники права, которые существуют наряду с законом (или даже вместо законов). Вопрос этот – сложный, тонкий, непросто разрешаемый, оставим его в стороне. Важно то, что прецеденты, т.е. решения сложных ситуаций, являющиеся образцами и на будущее, имеют смысл и тогда, когда они вырабатываются *наряду с законом или в связи с ним*. Нужно лишь – как это продемонстрировали юридические системы англо-американской группы – видеть в прецедентах отработанные, логически выверенные образцовые решения, которые реализуют силу разума и идеалы справедливости в отношении сложных жизненных ситуаций (в том числе и таких, которые не могут быть заранее запрограммированы законодательным путем).

Такого рода судебные прецеденты, вырабатываемые на основе и в связи с законами, концентрируются в *судебной практике*. В особенности в практике высших судебных инстанций, в частности – Высшего Арбитражного Суда. В разъяснениях Пленума этого Суда, да и в самих решениях конкретных юридических дел содержатся важные идеи по гражданскому праву, по пониманию самого смысла начал частного права. Особо существенно это понимание, когда оно дается наиболее высокими звеньями судебной системы. Например, Президиумом Высшего Арбитражного Суда.

Причем ценность прецедентных начал в праве заключается в том, что хорошо отработанные решения, принятые в отношении тех или иных конкретных ситуаций, могут быть в последующем «еще более отработаны», откорректированы. И, думается, само по себе каждое или даже еще раз повторенное решение высшей судебной инстанции

не есть еще «готовый прецедент». Такого рода решение, после критической проверки, испытания временем, а главное – в критическом сопоставлении с основными началами данной сферы права, должно еще *войти в практику*.

Так, в 1996 году Президиум Высшего Арбитражного Суда по двум конкретным юридическим делам вынес решения, из содержания которых следует, что передача какому-либо лицу одного лишь права на взыскание санкций (штрафов) без перехода всего комплекса прав данного лица не соответствует закону.

Вот тут-то и требуется критическая проверка, учет адекватно понимаемых основных начал гражданского законодательства, в сущности начал частного права.

Из норм Гражданского кодекса действительно можно сделать – хотя и не бесспорный – вывод о том, что передача одного лишь права на взыскание санкций какому-то другому лицу взаимосвязана с основным обязательством (в ст. 384 Гражданского кодекса сказано, что «право первоначального кредитора переходит к новому кредитору в том объеме и на тех условиях, которые существовали к моменту перехода права»).

Но если это верно, то как же быть с одним из основных начал гражданского законодательства – свободой договора? Тем более что в статье 384 Кодекса при формулировании изложенного выше положения говорится также: «если иное не предусмотрено договором». А денежные требования как таковые являются в условиях рыночных отношений самостоятельным объектом гражданского оборота и вполне могут быть предметом договора, для чего и выработан особый институт – уступка права требования (цессия).

Выходит, в упомянутых решениях высшей судебной инстанции по конкретным юридическим делам вопрос о свободе договора вообще остался открытым. И фактически само это обстоятельство и своеобразное толкование статьи 384 Кодекса приводит к выводу об ограниченном, суженном понимании одного из основных начал гражданского законодательства.

Между тем, надо думать, при решении любого юридического дела, в особенности в высших судебных инстанциях, претендующего на то, чтобы стать судебным прецедентом, основные начала гражданского законодательства должны быть постоянно в поле зрения суда. И их понимание должно в необходимых случаях находить ясное выражение в судебном решении. Причем лучше всего не в виде абстрактной отсылки к таким началам вообще (подобные отсылки

порой встречаются), а в виде указания на конкретный, точно определенный принцип.

И тогда прецеденты применения закона приобретут высокое, юридически конститутивное значение в правовой системе: они станут не только образцами для решения аналогичных юридических дел, но и источниками адекватного понимания основных начал гражданского законодательства.

ОДНА ИЗ СЕРЬЕЗНЫХ ПРОБЛЕМ борьбы за право в области гражданского законодательства – это использование гражданско-правовых механизмов и средств для преодоления негативных явлений в общественной жизни. Особенно преодоление негативных фактов и процессов в области экономики, в том числе таких, когда неблагоприятные, порой криминальные явления прикрываются «законными» гражданско-правовыми формами, причем со ссылками на «новый Гражданский кодекс».

Вновь скажу – преодоление такого рода явлений во многом связано с государственной политикой по упорядочению и «цивилизации» нашего в нынешнее время дикого, в немалой степени разбойничьего рынка, в юридическом отношении – все же с облагораживающим действием гражданских законов, а напрямую во многих случаях – с энергичным и точным применением административного и уголовного законодательства к деяниям, имеющим криминальный, наказуемый характер.

Ну, а «само» гражданское законодательство? Неужели его роль в преодолении негативных фактов и процессов сводится к общей упорядочивающей, облагораживающей миссии, рассчитанной в основном на перспективу? Коль скоро частное право открывает известный простор для свободного использования гражданско-правовых форм, оно тем не менее остается именно правом, и должны существовать меры противодействия, «инструменты борьбы» с негативами.

Да, такого рода «инструменты борьбы» в гражданском законодательстве *существуют*.

Но они – внимание! – строятся в гражданском законодательстве и должны применяться *в с о о т в е т с т в и и с* «духом», *основными началами частного права*.

В соответствии с тем прежде всего, что главная, оправданная историей миссия гражданского законодательства – формирование цивилизованной рыночной экономики, частноправового народного хозяйства (во имя чего порой приходится преодолевать стереотипы и даже,

увы, мириться с какими-то, бывает, неприемлемыми, с нашей точки зрения, явлениями корысти и эгоизма).

И плюс к тому – меры борьбы с отрицательными явлениями должны применяться в соответствии с тем, что эти меры, переходящие известную грань и трактуемые с идеологических позиций, могут привести к не менее отрицательным последствиям. Их интенсивное, «запредельное» применение грозит утратой, а порой и поправлением важнейших культурных человеческих ценностей, выраженных в частном праве. В итоге в ходе неблагоприятного общественного развития – к утрате перспективы формирования правового гражданского общества, а то и к утверждению или возрождению античеловеческих, тиранических, большевистских порядков.

Пусть для нас незабываемым горьким уроком останется идеология «советского гражданского права». Ведь ленинская партийно-государственная политика на вмешательство власти в гражданско-правовые отношения, на всеобъемлющий контроль над «частными сделками» и жестокую уголовную ответственность вплоть «до расстрела» (т.е. на все то, что приводило к изничтожению частного права) строилась не только на идеологической догме – «мы ничего частного не признаем», но и на, казалось бы, благородных устремлениях. На том, чтобы бороться со спекулянтами, с эксплуататорами, с теми, кто работает людей через «частные сделки», и в общей форме – на том принципе, чтобы гражданские права вообще защищались лишь постольку, поскольку они соотносятся со своим «социально-экономическим назначением» (что прямо было записано в первой же статье Гражданского кодекса РСФСР 1922 г. и что на деле давало основание отказывать в защите любых гражданских прав).

СРЕДИ «ИНСТРУМЕНТОВ» борьбы за право при помощи гражданского законодательства (притом согласующихся с его «духом», основными началами) необходимо прежде всего указать на нормы гражданского права о недействительных сделках.

Здесь в первую очередь представляется важным обратить внимание на нормативные положения о так называемой *притворной сделке*. Согласно статье 170 Гражданского кодекса, это «сделка, которая совершена с целью прикрыть другую сделку»; и в данном случае применяются правила к тем действиям, к той «сделке, которую стороны действительно имели в виду», причем «с учетом существа сделки». Эти нормативные положения, позволяющие в соответствующих случаях как бы сорвать покров с внешне будто бы благообразных

отношений, увидеть действительное содержание поступков и операций, открывают путь к тому, чтобы дать им надлежащую юридическую оценку и при наличии необходимых данных применить к виновным лицам – участникам «прикрываемых» действий меры юридической ответственности – гражданской, административной, уголовной.

В Гражданском кодексе есть нормативные положения, в соответствии с которыми сделки, сами по себе выражающие негативные явления в нашей жизни, могут быть признаны судом недействительными. Они в этом случае не влекут тех юридических последствий, на которые рассчитывали данные лица, а порой признание судом сделки недействительной для одной из сторон связано с известными материальными потерями. К числу таких сделок относятся сделки, которые совершены под влиянием *заблуждения, имеющего существенное значение* (ст. 178), сделки, совершенные под влиянием *обмана, насилия, угрозы, злонамеренного соглашения представителя одной стороны с другой стороной*, а также *кабальные сделки*, т.е. такие, которые лицо было вынуждено совершить вследствие стечения тяжелых обстоятельств на крайне невыгодных для себя условиях, чем другая сторона воспользовалась (ст. 179). Сделка же, совершенная «с целью, заведомо противной основам правопорядка или нравственности», изначально считается недействительной, ничтожной (ст. 169).

В качестве действенного инструмента борьбы за право при преодолении негативных явлений в нашей жизни является особый, известный с далекой древности правовой институт – *злоупотребление правом* (в юриспруденции его именуют *шиканой*).

На первый взгляд этот институт вообще как будто имеет универсальное значение и может применяться широко. Ведь, казалось бы, лица имеют определенные права для каких-то определенных целей, во всяком случае – не злоупотреблять своими правами, не причинять при использовании своих прав ущерба другим лицам. А иначе, казалось бы, поступки субъектов права должны терять юридическое значение, как это происходит в признании судом на основании закона сделок недействительными.

Но вопрос о злоупотреблении правом куда более сложен, чем это представляется на первый взгляд. В особенности если рассматривать его под углом зрения основных начал гражданского законодательства, принципов частного права. Ведь в сущности единственной целью, закладываемой в гражданские права, является *обеспечение свободы на основе права*. Разве в этой связи у гражданских прав может быть какая-то иная «цель», с оглядкой на которую можно было бы отказать в защите субъективного права?

Присмотримся к простым фактам.

Инженер воспользовался своими правами и открыл авторемонтную мастерскую, которая сразу же стала пользоваться успехом у автолюбителей. Владелец аналогичной мастерской на соседней улице понес убытки и вскоре вообще разорился. Не злоупотребил ли инженер своими правами? Не злоупотребляет ли своими правами процветающее кредитное учреждение, которое выдало на определенный срок гражданину кредит, срок наступил, гражданин все еще находится в тяжелом материальном положении, а кредитор все равно требует возврата долга? Или — владелец дачного участка построил высокий двухэтажный коттедж и заслонил от солнца цветочную оранжерею соседа...

В XIX веке, в особенности при тщательной проработке сложных проблем, связанных с подготовкой проектов гражданских кодексов (Французского кодекса, Прусского и Австрийского уложений, Германского гражданского уложения и др.), широкая трактовка понятия «злоупотребление правом» не получила поддержки. Она не соответствует не только условиям и требованиям развивающегося рыночного хозяйства, основанного на конкуренции, экономической самостоятельности, риске, экономическом успехе предприимчивого хозяина, но и необходимости обеспечения твердого правопорядка, правового обеспечения свободы субъектов, устойчивости и определенности их прав, их правовой самостоятельности, гарантированной возможности использовать свои права своей волей и в своем интересе.

Здесь возникают — правда, весьма тонкие, порой деликатные — вопросы, связанные с тем, что называют «доброй совестью», стремлением учесть моральные соображения, интересы других людей. И с тем, что как будто бы все это может быть учтено, если предоставить право решать проблему злоупотребления правом суду во всех случаях, когда возникают упомянутые выше проблемы.

Но всесторонний анализ и практика показали, что в этом случае все же открывается весьма широкий простор для произвола, в том числе для судебного усмотрения, а отсюда — для разрушения самих основ правопорядка, обеспечения его устойчивости и определенности — всего того, что может на деле свести на нет сам «дух» частного права, его основные начала.

Вот почему господствующая правовая мысль, в том числе и при подготовке соответствующих положений в гражданских законах, склонилась к тому, что шиканой (злоупотреблением правом) следует считать *такое использование «своего права», целью которого является причинение зла другому лицу.*

Вот что на этот счет пишет И.А. Покровский: «Намерение причинить зло, *animus nocedi*, является... неперенным единственно надежным критерием шиканы». А «возложить во всех подобных случаях на меня еще обязанность действовать «разумно» и принимать во внимание чужие интересы – это значит возлагать задачу совершенно непосильную»¹. И еще такое суждение русского правоведа: «Не впадая в крайность, не берясь за неосуществимую задачу насаждения морали принудительным путем, запрещение осуществлять право с исключительной целью причинить зло будет иметь уже само по себе огромное морализующее значение. Если гражданское право является по преимуществу областью частного самоопределения, т.е. областью дозволенного э г о и з м а, то запрещение шиканы устраняет крайние, антисоциальные шипы этого эгоизма. Современное гражданское право как бы говорит человеку: если тебе позволено быть в известных пределах эгоистом, то это не значит, что ты можешь быть з л ы м...»².

Именно в таком ключе в принципе и решен вопрос о злоупотреблении правом в российском Гражданском кодексе. В статье 10 Кодекса говорится: «Не допускаются действия граждан и юридических лиц, осуществляемые исключительно с намерением причинить вред другому лицу...» Это и есть шикана, злоупотребление правом, и здесь, как говорится в той же статье 10 Кодекса, «суд, арбитражный суд или третейский суд может отказать лицу в защите принадлежащего ему права»³.

---

¹ Покровский И.А. Указ. соч. С. 118.

² Там же. С. 119.

³ Правда, в указанной статье Кодекса сказано и о том, что не допускается злоупотребление правом «в иных формах».

Какие это «другие формы»? Ответ на этот вопрос требует подробной и тщательной проработки. Причем такой, чтобы не разрушилась основная идея статьи 10. Возможно, например, сюда относится указанная ранее ситуация, когда заключен договор займа под залог квартиры и заимодавец использует свое право на истребование долга с целью обретения собственности на квартиру. В статье 10 Кодекса специально говорится о том, что «не допускается использование гражданских прав в целях ограничения конкуренции, а также злоупотребление доминирующим положением на рынке». Не исключено, что под подобную же формулу может подойти и фактический захват имущества при, казалось бы, «законной» приватизации. На мой взгляд, в дискуссионном порядке можно высказать такое предположение: во всех указанных и им подобных случаях может быть констатировано использование юридических возможностей исключительно с намерением применить «право во зло». То есть использовать право в том смысле, о котором сказано в статье 169 Кодекса, – «с целью, заведомо противной основам правопорядка и нравственности».

Но какой бы характер ни приобрело обсуждение вопроса о значении положения о «других формах» злоупотребления правом, оно, на мой взгляд, должно все же находиться в том же *смысловом поле*, как и общая формула («не допускаются действия граждан и юридических лиц, осуществляемые исключительно с намерением причинить вред

2. Теория и проповедники

БОРЬБА ЗА ПРАВО, при всей важности вопросов законодательства и практики его применения, требует в первую очередь *интенсивной разработки и д ей права, обретения ими высокого научного и гражданственного признания*. Идеи права в современном их понимании (в том числе с позиций автора этих строк — понимание права как высшего проявления разума, его особенностей как права человека) достойны того, чтобы они стали одним из центров интеллектуальной, духовной жизни общества, ничуть не уступающего науковедческому статусу передовых естественнонаучных и технических знаний.

Однако прежде, чем более конкретизированно обратиться к современным проблемам правопонимания, нам, в нашем российском Отечестве, никуда не уйти от духовного очищения (на мой взгляд, покаяния). И в этой связи — не избавиться от всего наносного, бесовского, тяжелого и чарующего, что оставила нам в наследство коммунистическая философия права.

НЕОТЛОЖНЫЙ ШАГ в трудном деле борьбы за право в России — это со всей определенностью сказать правду — всю правду! — о коммунистической философии права и, что не менее существенно, о тех ее приметах и проявлениях, которые сохранились до нынешнего времени. И сделать так, чтобы эта правда дошла до всех людей страны. И чтобы все мы, общество, наконец-то с необходимой четкостью и выводами определили свою позицию в отношении коммунистических, ленинско-сталинских взглядов на право — и в их общем, мировоззренческом виде, и в их практическом применении.

Может возникнуть сомнение: нужно ли все это? Зачем людям при сегодняшних бедах и трудностях какая-то «философия»? Ведь мы сейчас, кажется, преодолеваем магию всяких «измов», «капитализмов-социализмов» (закрывая по большей части глаза на то, что дикий капитализм в соединении — в каком-то странном соединении — с элементами большевизма в нас реально существует). Тем более что коммунисты нынешней поры, судя по их заявлениям и даже как будто бы делам, — другие: они — патриоты, выступают за людей труда, против бед и трудностей, порожденных демократическими реформами, и, что особенно характерно, отстаивают незыблемость закона, твердой законности.

другому лицу»), а в практическом отношении здесь все же требуются конкретизирующие законодательные решения или в крайнем случае постановления высших судебных инстанций, содержащие прецеденты применения закона по данному кругу вопросов.

И вообще, в настоящее время пропагандируется дух согласия, во имя достижения которого, наверное, не следует ворошить прошлое и делать ударения на идеологических особенностях.

Между тем необходимость со всей определенностью сказать правду о коммунистическом, ленинско-сталинском (в том числе о неосталинском, брежневском) отношении к праву становится ныне особо острой именно потому, что в российском обществе существует и крепнет сдержанное и даже благодушное, чуть ли не поощрительное отношение к идеологии коммунистов, к их новому амплуа – борцов за неизблемость закона, твердой законности.

Что ж, коммунисты новой формации – это действительно не прежние фанатики-большевики, и они действительно в общем верно оценили односторонность и в чем-то очень тяжкую для людей несправедливость проводимых под флагом демократии реформ, и их суждения по поводу нарушений закона, в том числе самой властью, по большей части справедливы.

Но, спрашивается, куда уйти от вопросов и сомнений, особо острых после войны в Чечне – истинно большевистской акции, прикрытой благообразными формулами? Спрашивается, не считает ли себя и сейчас коммунистическая партия, по-прежнему объявив коммунизм, пусть и как «перспективу», в качестве своей исторической цели, носителем революционного права, служащего коммунизму, – права на то, чтобы добиваться коренного преобразования всего общества и идти во имя этого, во имя всеобщего счастья на решительные революционные меры? И в этой связи – приверженность к закону и законности не следует ли понимать в смысле идеологии «социалистической законности», провозглашающей святость своего, советского закона и вместе с тем допускающей «в случае необходимости» («угрозы социализму») решительные вооруженно-насильственные действия? Только такое «революционное право» понимается теперь не в прямую, а по-неосталински, по-брежневски – под маркой всемогущего государства, его крепости, целостности?

Для большинства сторонников нынешней коммунистической партии и тем более сочувствующих коммунистической партии людей сама постановка подобных вопросов просто ни к чему: для их веры и симпатий по большей части вполне достаточно ностальгических воспоминаний о добрых сторонах социализма да партийной позиции в отношении недостатков реформ, сегодняшних бед, борьбы за бесплатное здравоохранение, образование, за порядок и дисциплину в обществе, за ликвидацию коррупции, криминального разгула, политического экстремизма.

Но – внимание! – нужно твердо знать: здесь, в приведенных выше вопросах, самая принципиальная в самом высоком значении этого сло-

ва сторона и, пожалуй, суть нашей жизни и нашего будущего. Это отношение коммунистов к присвоенному ими праву переделывать мир.

Если современная коммунистическая партия сохраняет за собой такого рода высшее революционное право (а в этом как раз и есть само существо коммунистической идеологии и, главное, в ортодоксальном революционном марксизме вообще), то, значит, она по-прежнему считает себя «вправе» делать и переделывать в обществе что угодно сообразно своим социальным проектам, идеалам и объявленным перспективам. И, значит, «при необходимости» вправе на началах революционного правосознания принимать любые меры во имя всеобщего счастья, преодоления сопротивления врагов, революционной социалистической законности.

Если же, по уверениям нынешних партийных функционеров, в современных условиях коммунизм «совсем другой» и что как будто бы отныне коммунисты будут достигать predetermined логикой Истории коммунистической перспективы одними лишь демократическими методами, только через демократическое право, правосудие, права человека, то коммунисты обязаны... перестать быть коммунистами. Ибо коммунисты потому, как известно, избрали себе такое «имя», что в отличие от социал-демократов избрали для себя кардинально-революционную идеологию, по которой коммунизм — не просто мечта, не отдельные добрые идеи, которые должны реализоваться естественным путем только по логике Истории, по мере экономического и социального прогресса, а практическое дело, когда поставленной цели нужно добиваться решительно и радикально.

И еще одно — наверное, самое главное. Ни по каким критериям нельзя отделаться, откреститься от того, что действительно содержит коммунистическая доктрина, и от того, что на ее основе совершено в обществе, одними лишь публичными заявлениями о том, что «мы теперь другие». Глубина античеловеческой порочности самоприсвоенного ими «права» творить с людьми все что угодно сообразно их утопическим социальным проектам, фатально наступающая при осуществлении этого «права» разрушенность общественной жизни целых стран и континентов, массовое в этой связи истребление людей и имущества, необузданный террор и расправа над людьми, десятки, сотни миллионов убитых и искалеченных людей — все это не предполагает ничего иного, как *безоговорочное и полное осуждение и покаянние за содеянное коммунизмом.*

Правда должна восторжествовать по всем сторонам нашего прошлого и настоящего. Надо знать правду и о характере акций, связанных с обретением советской республикой — РСФСР статуса и атрибутов «независимого государства» и в не меньшей степени — с проведением с 1992 года кардинальных реформ. Будем откровенны, и там

и здесь проскальзывали коммунобольшевистские интонации и симптомы – действия, в которых просматривалось не только данное свободными выборами руководителям российского государства право на демократическое управление общественными делами и демократическое реформирование общества, но некое право на быстрые и решительные преобразовательные меры «сверху» по избранным немногими людьми императивным схемам, по быстрому достижению нового идеала – процветающего капиталистического общества.

И вновь возникает вопрос: не воспроизводит ли наша сегодняшняя демократическая действительность на новом витке большевистский расчет – во имя замечательной либеральной цели воспользоваться доставшимся нам в наследство инструментарием всемогущего государства? И не упустили ли мы из поля зрения то обстоятельство, что эта всемогущая государственность несет в себе неуничтожимые гены большевизма? И что на известной ступени своего неудержимого роста такого рода власть, отшвыривая демократический антураж и тех, кто сделал ставку на власть во имя быстрого свершения либеральных преобразований, начинает работать на себя, на свое могущество, величие и неприкасаемость? А то при современных искусных «избирательных технологиях» вернет к власти негнбаемую когорту большевиков, приверженцев и прямых последователей Ленина, Троцкого, Сталина?

Ведь, что ни говори, есть что-то роковое и неотвратимое (до сих пор наукой по-настоящему не осмысленное, но явно коренящееся в бесовских законах власти) в цепи событий, начинающихся с благородных стремлений использовать могучую власть во имя замечательных целей всеобщего счастья и процветания и завершающихся неожиданными горькими последствиями – торжеством тирании, бесправием, несчастьем для людей.

Мне сдается, что без понимания этого пункта проблемы вопрос о борьбе за право в современных условиях едва ли может быть рассмотрен. Нам также никуда не уйти от честной и суровой оценки всего того, что не позволило реализовать великие начала свободы и принесло людям неоправданные и несправедливые беды.

А ТЕПЕРЬ ВЕРНЕМСЯ к перспективным направлениям правопонимания. Вот какие пояснения на этот счет здесь, в дополнение к ранее изложенным соображениям, на мой взгляд, необходимы.

Ныне специалисты многих отраслей науки единодушно говорят о приметах, свидетельствующих о стремительном приближении новой полосы исторического развития в жизни людей. По многим при-

метам мы стоим на пороге такого времени, когда произойдет, наряду со всем другим, и резкое возвышение права.

Что ж, ничего неожиданного в такого рода прогнозе, надо полагать, нет. После трудных и долгих тысячелетий своей традиционной истории человечество именно в нынешнее время вышло на такой отрезок исторического развития, когда во все большем числе стран реально утверждаются либеральные цивилизации, принципы и идеалы правового гражданского общества. Или во всяком случае в сложной борьбе различных тенденций и сил нарастают процессы, предвещающие их неизбежное, возможно, скорое пришествие.

Общества же, в которых утверждается современное гражданское право, — это постиндустриальные, технологически и информационно развитые социальные системы и в не меньшей мере — общества свободные, самоуправляющиеся, *сутью и стержнем которых становится право*. Именно — право. Ибо, как свидетельствуют опыт и логика жизни, именно право позволяет людям утвердиться в великих либеральных ценностях, справиться с вырывающейся на простор вольницей, сделать свободу в высшем цивилизационном понимании исходным началом и стержнем достойной жизни людей, обратить ее в человеческую активность, творчество, свершения ума — основу восходящего развития человеческого рода.

А это все предполагает необходимость, если в данном случае уместно использовать возвышенные категории, *новой эпохи в понимании права* — такого развития, пожалуй, даже *поворота* в развитии правовой мысли, который бы в полной мере отвечал принципиально новым потребностям либеральных цивилизаций.

Уже сейчас, думается, вырисовываются некоторые направления такого поворота в понимании и характеристиках права, которые способны преодолеть традиционные трактовки и дать ответ на требования времени.

Назову те из них, которые, надо полагать, уже определились — понятно, в постановочном порядке.

Первое из таких направлений — это обретение российским правом всей суммы качеств, характерных для *«права цивилизованных народов»*, и в этой связи значения *верховного критерия правомерности поведения людей — единственного основания для применения к тем или иным лицам мер государственного принуждения*.

Другое, обращенное в будущее, а в чем-то и в настоящее направление в понимании юридических вопросов, когда передовое (желанное, ожидаемое для общества) право будет рассматриваться в качестве такой отработанной правовой системы, в которой *достойное место занимает частное право* и все национальное право предстает в качестве *права че-*

ловека. То есть права, которое способно осуществить, казалось бы, невыполнимую задачу – не только преодолеть негативные стороны величайшего дара человека – свободы, но и обратить ее в основу истинного счастья человека, в его активность, его творчество, свершения ума.

Еще одно направление развития правовой мысли, взаимосвязанное со всеми другими и имеющее дальнюю перспективу. Это характеристика права как *феномена разума и высоких, истинно человеческих начал*, причем таких начал (относимых к числу духовных, идеальных, даже божественных), которые, быть может, наиболее близки к самой сути человека как высшего, великого создания природы, что и предопределяет саму возможность оценки права как *святыни* в жизни человека.

Наконец, современная правовая мысль стоит перед необходимостью на основе мирового опыта (этим занимается особая отрасль юридических знаний – сравнительное правоведение) вобрать все передовое, отвечающее требованиям современной цивилизации, что накоплено человечеством в области права. Как правильно отмечено в одной из последних работ по сравнительному правоведению, данные сравнительно-правового порядка «указывают, в противовес позитивизму, догматизму и ограниченному национализму, на всеобъемлющую ценность права и универсальность правовой науки, помогают преодолевать узкую специализацию с помощью более широких категорий эффективного обобщающего правового мышления, которое вооружает критический ум широким «набором решений», в которых сконцентрирован опыт всего мира»¹. В отношении российского права представляется весьма существенным, учитывая достоинства прецедентного права, отработать такой его вариант, совместимый с «романо-германской конструкцией» права России, когда бы при отставании или несовершенстве законодательства возникающие здесь проблемы получали вполне удовлетворительное решение не только путем нормативных актов центральных юрисдикционных инстанций, но и путем легализации и придания высокого статуса *прецедентам применения права*. Думается, именно при таком юридическом обогащении российского права оно не только обретет современное гуманистическое содержание, но и приобретет свойства *живого права* – современной юридической системы, отвечающей развивающимся потребностям нашей бурной, стремительной жизни.

НОВЫЕ РУБЕЖИ правопонимания таковы по своей сути, что они как раз и предполагают необходимость *решительного развития высокой теории*.

---

¹ Цвайгерт К., Кётц Х. Указ. соч. С. 36.

Ибо иного пути для решения фундаментальных проблем, определенных для юридических знаний требованиями современной эпохи, просто нет.

А отсюда — и настрой на *опережающее развитие* юридических знаний. С тем, чтобы, не ограничиваясь обобщениями существующего правового материала на упрощенно популярном или на догматическом его уровне и вытекающими из таких обобщений рекомендациями (конечно же в высшей степени нужными, крайне необходимыми), все же «вырваться» научной мыслью вперед, прежде всего в понимании ценности и предназначения права, его миссии в судьбе общества, человека.

И здесь, кстати сказать, наиболее сложное и трудное дело, относящееся к самой правовой теории, — это внимание к специальным, по мнению многих, догматическим юридическим вопросам (впрочем, они и есть «юридическая догма» в специальном правоведаческом понимании), если угодно, их *философское возвышение*.

Именно здесь, думается, и кроется *ключевое звено* развития правовой науки — и в современных условиях, и в перспективе.

Сейчас становится все более очевидным, что научная правовая мысль по «основным запросам эпохи» не сможет сколько-нибудь существенно продвинуться вперед, если по-прежнему так и останутся пребывать на далекой дистанции друг от друга, с одной стороны, практическая юриспруденция — отрасль знаний, по принятым представлениям, невысокого науковедческого уровня, а с другой — философия права, оперирующая категориями высшего смыслового порядка.

Да и сама логика правовых знаний и перспектива их результативности не дают иного решения. Именно правовой материал — казалось бы, такой сухой, формалистичный, а на деле являющийся «живой жизнью» юриспруденции и, как оказывается, реальным бытием разума — выводит при основательных философских подходах к нему на обобщения высокого смыслового уровня, в конечном счете — на понимание смысла и назначения права в жизни людей.

БОРЬБА ЗА ПРАВО — социальная сверхзадача, дело всех и каждого! Борьба за право не сводится, понятно, к одним лишь проблемам теории. Хотя, смею заметить, импульсом к высокому престижу права в жизни общества может стать только высокая теория.

Вместе с тем, на мой взгляд, вслед за высокой теорией и в связи с ней предполагается *появление истинных проповедников права — появление и рост числа подвижников, активных и искренних приверженцев идей права, непреклонных борцов за правовые идеалы и ценности*. Недаром в недавнем коммунистическом прошлом России искренних и пос-

ледовательных борцов за правду и демократию именовали *правозащитниками* – пусть эти «диссидентские» традиции обретут силу одного из наиболее мощных направлений общего демократического движения.

Здесь уместно сказать добрые слова об истинных правоведах. Правоведах-подвижниках. Правоведах-проповедниках. К счастью, до сей поры сохранились *традиции российской юриспруденции, замечательных российских юристов – теоретиков и практиков.*

И тут есть трудности, опасности. Главные из них выражают не только порядки и нравы советской юридической школы, ограниченные задачами подготовки юристов среднего уровня с необходимой партийно-идейной закалкой, партийно-комсомольской выучкой – верных служителей коммунистической идеологии, но и совсем новые тенденции, навеянные коммерциализацией хозяйственно-деловой жизни, когда начинают пользоваться спросом не правоведа-профессионалы с высокой правовой культурой, а юристы-деляги, умельцы «выигрывать дела», «пробить вопрос».

Кто знает, быть может, судьба, будущее российского права находится ныне в руках немногих – к сожалению, немногих – российских правоведа, которые получили «по цепочке» от своих учителей и наставников то богатство профессиональной культуры, гражданственности и мужества, которым были славны передовые юристы досоветской поры.

Видимо, потребуется немало усилий, настойчивости, а порой гражданского мужества от приверженцев последовательно демократического развития российского общества для того, чтобы отстоять в качестве действующих, реально работающих юридические форпосты гуманистического права, не допустить того, чтобы они ушли в тень, превратились в пустые декларации, декоративные украшения юридической системы, фактически ориентирующейся на силовые действия.

Самое же главное – это *выдвижение идеи права в качестве ведущей национальной идеи, центрального звена жизни общества (отсюда и политики государства), самой сути нашего общегражданского дела.* Все «рецепты», которые могут способствовать оптимистическому развитию человеческого общества, а в этой связи – борьбе за право, достигнут цели только тогда, когда это воистину святое дело станет своего рода *сверхзадачей – делом всех и каждого в обществе.*

ЗАМЕТКИ ПО ФИЛОСОФСКИМ ПРОБЛЕМАМ

1999

ВСЕЛЕННАЯ И ЧЕЛОВЕК. ПОПЫТКА ПОНИМАНИЯ (ФРАГМЕНТЫ)

2006

§ 1. Вселенная в своей временной, пространственной и структурной бесконечности – непостижима. Только ее проявления, доступные нашему, людей, восприятию, расчетам и воображению, позволяют, следует полагать, на современном уровне знаний подойти к пониманию ее целостности и глобальной структуры.

Эта глобальная, мирозданческая структура в нашем земном бытии проявляется в трех ключевых по значению звеньях или сферах (которые в максимальной мере раскрывают себя при рассмотрении их в чистом виде, каждая из которых в своей «чистоте» несводима ни к одной другой):

- Космос;
- Жизнь;
- Разум.

§ 2. Космос – это весь окружающий мир, все мироздание (за минусом Жизни и Разума) – с Большим взрывом, энтропией, необратимо встречными процессами, разбегающимися и сталкивающимися галактиками, черными дырами. Судя по всему – с цикличным кругооборотом и многообразными превращениями материи, энергии, «пустоты» и чего-то еще, нам неизвестного. При современном его понимании Космос первичен, самодостаточен, неисчерпаем, устойчив, вечен.

А главное, благодаря Космосу над нами всегда есть звезды.

§ 3. Космос – яростный, никому и ничему неподвластный, самодостаточный жесткий мир. Сам по себе Космос, рассматриваемый в чистом виде, в доступных и понятых нам характеристиках, – «сухая математика» («механика»). И в этом своем качестве Космос отличается строгой жесткостью и механической одновариантностью, принципиально отрицающих наличие в нем самой возможности выхода за его критические параметры – циклы и превращения, соответствующие его устойчивому пребыванию в бесконечности.

С этих позиций первой из главных загадок Вселенной является Жизнь.

§ 4. Жизнь как таковая (жизнь в ее чистом виде) из Космоса невыводима; и ни в одном из его проявлений к нему не может быть сведена.

Жизнь нелогична и парадоксальна потому, что возникнув и существуя в окружении и восприятии неживой («мертвой», «механической») среды, она ее одновременно отрицает. То есть:

- существует, пусть и в малой мере, независимо от Космоса;
- обеспечивает во всех своих проявлениях (растительного и животного мира) возможность, пусть и в ограниченных параметрах, сохранение, умножение и продолжение в пространстве и во времени живых организмов и их систем – самодостаточных локальных и конечных структур.

Состояние Жизни характеризуется постоянным и многосложным взаимодействием внутри систем и со средой (неживой и живой). Активным нервом такого взаимодействия является борьба во всех ее разновидностях (отторжения, конкуренции, состязания и т.д.). Борьба – в специфическом значении – все же такая, которая не только исключает возможность уничтожения системы и ее качественных видоизменений, но, напротив, является механизмом ее сохранения, развития, совершенствования.

§ 5. Наиболее важная и поразительная черта Жизни заключается в том, что в ней, по всем данным, заложено органическое «стремление к целесообразности» (СЦ) и отсюда – к совершенству, естественно-природной модернизации, порой – непостижимым и невозможным, результаты которых лишь частично могут получить объяснение через системы и механизмы «неживой природы», в том числе через механизмы борьбы (в столкновениях со средой; межвидовой и внутривидовой) и естественного отбора. А во многом как будто бы находятся за чертой наших представлений о Природе.

§ 6. Жизнь существует и развивается в качественных, локальных в пространственных и временных отношениях, конечных системах («мирах – растительных и животных», родах, видах), а внутри них – в устойчивых популяциях. Каждая особь – отдельный организм и одновременно – элемент популяции, систем (в сущности – всех, по ступенькам). В отдельной особи и во всей биологической системе в соответствии с сутью СЦ утвердились в качестве совершенно неодолимых,

ничему не подвластных, все сметающих импульсы к сохранению жизни и импульсы к ее непрерывному воспроизводству (последние – сопровождаемые эмоциями неодолимости и высшими эмоционально-биологическими наслаждениями).

§ 7. Разум – вторая из главных, вслед за Жизнью, загадок мироздания.

В своих начальных предпосылках (в качестве рассудка как проявления жизнедеятельности, в том числе организованных животных) Разум может найти объяснение в «стремлении к целесообразности». Но объяснение – только на уровне начальных предпосылок и человеческого опыта, не более того.

С этих позиций необходимо строго различать: а) низшие проявления разума человека как биологического существа, когда разум всецело подчинен «зоологическим потребностям, биологии, инстинктам», служит «чему угодно», в том числе даже злу, низменным проявлениям человеческого бытия и б) высшие проявления разума человека как существа духовного, когда он способен раскрыть себя в качестве «чистого», постигать высшие духовные ценности и идеалы.

<...>

§ 12. Человек как живое существо несет в себе наряду с Разумом (чистым) качества и потенции, характерные для Жизни (биология, потребности и инстинкты «зоологического» порядка и те, которые характерные для животных, притом уже находящихся на стадии организованных систем, сообществ). Они в той или иной мере также опосредствуются деятельностью, выражающей возможности разума. В человеке есть и нечто такое, что непосредственно дано Космосом.

Жизненная суть человека – сосуществование и противоборство разума и «зоологических» качеств, биологических потенций. Наиболее совершенное и высокое в человеке – разум, когда он утверждает себя и проявляется как «чистый» и когда он в состоянии в той или иной мере «совладеть» с требованиями естественного порядка, способен постигать глубинные начала жизни человека, ее духовные основы, идеалы, смысл (§ 45, 48).

§ 13. Основные социальные институты, характерные для сообщества разумных существ (людей) и в своем единстве выражающие сущес-

твование во Вселенной феномена (своеобразной объективной «социальной реальности»), – это:

свобода;
 собственность;
 власть;
 право;
 мораль.

Эти институты сначала выступают в зачаточном, эмбриональном состоянии, когда они еще неотделимы от природы (доцивилизационная стадия).

На стадии цивилизации, во всех ее разновидностях, социальные институты начинают, наряду с другими факторами, существовать и развиваться на собственной основе. Причем повсеместно так, что доминантой в социальной жизни и в социальном развитии первоначально неизбежно становится *власть* (государственная), олицетворяющая «целое» (данное общество) и концентрирующая «вокруг себя» как наиболее мощные социальные силы, так и духовные факторы – мораль, религию и др. Это предопределяет повсеместное формирование и исторически долгое существование традиционных цивилизаций, отличающихся стабильностью, застойностью, отсутствием объективной заданности к модернизации.

<...>

§ 37. Одно из величайших свершений человечества на пути прогресса – *право*.

С внешней стороны право стало одним из продуктов, развившихся в обстановке демократии из юридических отношений, неизбежных в системе государственной (и частично церковной) власти. Но в условиях достижений культуры, античности и Возрождения, и в особенности перехода к последовательно демократическим («либеральным») цивилизациям, право приобрело – как ранее власть (к счастью, с иными знаками) – самостоятельное и самодостаточное значение.

Более того, непосредственно в силу разума (как его прямое проявление) оно обрело свойства, способные противостоять негативным тенденциям и «сбоям» в развитии человечества, стать фактором, обуздывающим власть в ее негативных проявлениях, и одновременно обеспечить реальность и раскрытие потенциала последовательно демократических цивилизаций, их устойчивости, дальнейшего развития.

§ 38. Весьма важно, что предпосылки права — как и власти — (в том числе предошущение права) заложены в самой природе человека, выражают одну из биосоциальных программ, первые наметки которых стали складываться еще в жестко упорядоченном мире «общественных животных» и упрочились в бытии существ разумных — человека.

Ведь появление у определенного класса живых существ разума, резко отделившего их от всех других живых существ, стало не только феноменом, сверхъестественным взлетом в развитии всего мироздания, но и источником великих несчастий. Наряду с осознанием человеком неотвратимости стремительно приближающегося конца своего «я» — смерти, сама возможность свободы человека в своих решениях и в своем поведении, и тем более возможность человека путем обобщений и моделирования создавать свою идеальную реальность и затем сообразно ее требованиям следовать ей в своих поступках, дали двоякий результат.

С одной стороны, это — духовные и материальные свершения людей со всем тем положительным, что они дали человечеству. С другой стороны, отмеченные факторы означают большую вероятность также и весьма неблагоприятных последствий — возможность произвола и бесчинств, а стало быть — возникновение и нарастание энтропии в обществе, грозящих распадом, хаосом, вплоть до самоистребления, самоуничтожения людей, а затем, возможно, и Жизни.

В такой обстановке во всей системе биосоциальных механизмов, поддерживающих существование и развитие человечества, *не могли не сложиться* биосоциальные программы, которые бы вели в поведении и в решении людей к созданию мощных институтов, способных «гасить» указанную вероятность, противостоять произволу и бесчинствам, обеспечивать должный уровень организованности и упорядоченности социальной жизни *в условиях свободы людей*.

Как обозначить такого рода биосоциальную программу, которая решала бы указанные задачи? *Тяга к праву. Зов права?* Возможно — так, не исключено и иное терминологическое обозначение.

§ 39. Признавая естественную природу того, что может быть названо «правовой» программой в биосоциальном значении (и соответственно саму категорию «естественное право»), представляется очевидными, что во-первых, «правовая» программа сосуществует с другими, вероятно, не менее сильными биосоциальными программами иного свойства (например, связанными с достижением и поддержанием силовыми методами должного статуса в силовой иерархии сообществ «организованных животных»);

во-вторых, «правовая» программа проявляется и тем более в полной мере раскрывает свои потенции в соприкосновении с определенными условиями – духовно-культурными и/или такими, которые обнажают ужас «антиправовой» ситуации – войны, криминального беспредела.

§ 40. Характеризуя право как великое свершение цивилизации, которое непосредственно в силу разума обрело свойства, способные противостоять негативным тенденциям и «сбоям» в развитии человечества, стать фактором, обуздывающим власть в ее негативных проявлениях, нужно видеть в этой миссии права и другое – главное. Это – то, что здесь оно (именно как право!) призвано не просто «бороться», «отсекать» все остро негативное в жизни людей, но выполнять эти функции, обеспечивая одновременно достоинство и права людей, их защиту от государственного произвола, самодурства, злоупотреблений властью, а на этой основе – развертывание активной, творческой деятельности людей как существ разумных.

Особо значимо в рассматриваемом отношении предназначение государственной деятельности – *правосудия*, представляющее собой (по идее) право в действии, оптимальный способ с помощью отработанных процедур (процессуальных форм) достигать правового разрешения жизненных ситуаций, при котором реально утверждаются начала справедливости и свободы (при оптимальном «соотношении свобод» – § 12).

Право – достойный антипод власти, ее сокровенной составляющей – всевластия. Причем такой антипод и такая соразмерная сила, которой, в полной мере используя достоинства власти (и без них невозможная по определению), «по силам» умирить власть, обеспечивая – при помощи власти же! – ее величину и пределы функционирования, не выходящие за грани социально оправданной необходимости.

§ 41. Высшее предназначение права – обеспечение оптимальных условий для утверждения современного гражданского общества и на его основе обеспечение реальности и раскрытие потенциала последовательно демократической («либеральной») цивилизации, ее устойчивости, дальнейшего развития. При этом должен быть приведен в действие весь накопленный историей потенциал ценностей права.

Существенное значение в этом отношении имеют:

А) принципы или начала права (общеправовые, отраслей, правовых институтов);

Б) правовые механизмы реализации (материальные и процессуальные), среди которых особое место занимают юридические конструкции.

§ 42. Юридические конструкции представляют собой уникальный сплав достижения ума, опыта и искусства, при помощи которого только и возможно придать правовым ценностям (а отсюда и ценностям иного порядка — экономическим, политическим, непосредственно социальной жизни) значение нерушимых жизненных реальностей, прежде всего — тех, которые сопряжены с активностью и творчеством людей.

§ 43. Величайшие задачи права в условиях развивающегося современного гражданского общества — это:

во-первых, придать непосредственное и приоритетное юридическое значение *неотъемлемым правам человека*, которые призваны стать исходным началом государственно-правового устройства современного гражданского общества;

во-вторых, придать основополагающее значение началам права (праву в целом, отдельным отраслям) и отлить принципы и механизмы права в отработанные юридические конструкции, которые смогли бы придать реальность основополагающим правовым ценностям;

в-третьих, возвысить правосудие, осуществляющее правозащитную и правосозидательную деятельность, придав правосудию (по конституционной номенклатуре) место и роль доминирующей власти в обществе.

<...>

§ 47. Вселенная, Космос — это всеобщая мирозданческая данность, сама постановка вопроса о смысле которой не имеет никаких оснований.

Нет никаких оснований и для постановки вопроса о смысле Мирового Разума (если вообще не встать на позиции его безусловного изначального отрицания или, напротив, интерпретации в качестве «всемогущего Бога»). Мировой Разум также объективная данность, которая *не могла не сложиться и не утвердиться во Вселенной в условиях бесконечного Времени и Пространства*.

Впрочем, судя по свойствам Вселенной, возможности влияния на нее и на человека, его сознание, Мирового Разума ограничены; они не идут дальше того, что может быть обозначено, и то весьма условно, словами «контакт», «откровение», «озарение».

§ 48. Смысл жизни (как феномена) — в ней самой.

Жизнь — самоценна. Судя по многим данным, на каждом локальном участке Вселенной — уникальна. И при всей бесконечности Вселенной — одинока.

В отношении жизни (как феномене) можно утверждать о наличии в ней *высшего смысла*. Это — такое развитие, которое приводит к появлению разумных существ. Отсюда — непрерывное развитие, разнообразие жизненных форм, их непрестанная смена, «попытки» природы то там, то здесь выйти через рассудок на разум, который был бы свойственен живому существу. Только такой «объективный поиск» или «отбор» в природе, предосновой которого является или стал Мировой Разум, может объяснить сам факт существования «стремления к целесообразности», смысл которого — в конце концов выйти на «разумное существо» (печально, но кажется, именно в нем, в разумном существе, их сообществах, это СЦ теряется, гаснет).

§ 49. Жизнь каждого человека имеет смысл.

Он прежде всего в том, чтобы сохранять жизнь как таковую, включая свою собственную, — жизнь вообще, во всем ее многообразии и во всех ее проявлениях...

Высший смысл жизни каждого человека — поддерживать Разум, зная, что его наиболее высокие проявления, по-видимому, даны (или освещены) Мировым Разумом. Это значит, что человек может в чем-то поддерживать и даже обогатить этот последний (что для данного человека и означает бессмертие). Не исключено, что такое обогащение решающим образом охватывает ту область жизни людей, которая называется «гуманитарной». Не исключено также, что Разум и «гуманитарные начала» воплощаются как раз в праве, что, возможно, и объясняет несколько таинственные слова философа, явного носителя мудрости — И. Канта, о том, что право — «самое святое из того, что есть у Бога не Земле».

§ 50. Смысл жизни раскрывается каждому человеку тогда, когда человек расстается со вседозволенностью в мирских наслаждениях, корыстью, ненавистью и неблагодарностью к ближнему (всем тем, что продиктовано «зоологическими» императивами, голой биологией, подсознанием, его теньевыми компонентами), когда обретает внутреннюю свободу и через нее постигает, или хотя бы «видит», высшие духовные ценности морали, науки, искусства. Может быть, прежде всего — таинство музыки и творчества.

Таинство музыки и творчества и есть ключевое звено смысла жизни. Помимо всего иного, именно тут, и нигде более, отдельный человек может общаться и постигать вечное, жить в единении с ним. И, несмотря ни на что, быть счастливым. Да и просто *быть*.

ОТДЕЛЬНЫЕ ФИЛОСОФСКИЕ ЗАМЕТКИ

2006

КАНТ – РАЗУМ – ПРАВО. Этот первый фрагмент – и вводное слово «отдельных заметок», и знак авторских пристрастий, и по ряду последующих заметок своего рода заявка на будущий рассказ (если, дай Бог, он состоится по сегодняшним расчетам автора).

Иммануил Кант (1724–1804) – гений философской мысли, по моему убеждению, – самый крупный философ-мыслитель за всю историю человечества. Одна из значительных философских разработок Канта – философия права, факт, далеко не всеми, к сожалению, признанный (философами-профессионалами единодушно не признаваемый).

И тут мы встречаемся с одним из исторических парадоксов в творчестве великого философа. Если угодно – двойным парадоксом, а возможно, и тройным.

Суть парадокса, который наиболее нагляден, – вот в чем.

Кант, по свидетельству некоторых его биографов, в 1780–1782 гг., преподавая в Кенигсбергском университете, увлекся вопросами права (и уже тогда сформулировал ряд замечательных и глубоких идей, ныне опубликованных, хорошо известных специалистам). А затем, опять-таки в связи с юридическими вопросами с целью их углубления, занялся философскими проблемами. Обратим внимание на этот момент! – *занялся философией в целях именно углубленной разработки права.*

Но, обратившись к философии (метафизике), он «вышел» на понимание кардинальной проблемы мироздания – на вопросы «разума», «чистого» и «практического», их «критику», «способности суждения». Высказал при этом воистину гениальную мысль о том, что философию нужно строить так, как это делается у геометров и естествоиспытателей.

И хотя позже, вроде бы строго по своим расчетам, он в 1790-х гг. в ряде работ вернулся к юридическим разработкам, в мировой науке всеобщее признание получил не этот факт, а, казалось бы, «попутный», «промежуточный», «проходной» продукт его исследований. А именно – проблематика разума, содержащаяся главным образом в трех его фундаментальных трудах – в трех «Критиках» («Критика чистого разума» – 1781 г., «Критика практического разума» – 1788 г., «Критика спо-

способности суждения» – 1790 г.). Сам же повод обращения к философии и последующие кантовские разработки по юридическим вопросам остались в науке не очень-то замеченными (теперь уже они порой трактуются как некие «попутные» замечания). Если отдельные авторы и обращали на них внимание, то преимущественно под углом зрения «этики».

Теперь – о другом парадоксе. Бытует мнение, что – да, не исключено, – Кант «ушел» в философию для того, чтобы основательно разобраться в вопросах права. Но ведь, во-первых, его философские разработки сами по себе обрели самостоятельность и исключительную самоценность, самодостаточность, внешне никак не связанную с исходным побудительным пунктом, а во-вторых, итоговое исследование по праву, которое должно было бы по логике вещей появиться на свет после философских исследований, как будто бы так и не состоялось.

Правда в 1797 г. Кант начинает разработку «*Метафизические начала учения о праве*». И это сочинение вроде бы могло претендовать на довольно высокую итоговую оценку. Но по содержанию работы и ее значению этого не произошло. Не случайно, указанное сочинение трактовалось автором как часть более широкого научного полотна неправового профиля – «*Метафизики нравов*» (что как будто бы дает основания рассматривать такое итоговое исследование сугубо этическим). Главное же, что характерно для указанных сомнений и оценок, в упомянутом сочинении не случилось того, что, казалось бы, можно было бы ожидать – кантовского взлета мысли, кардинального поворота на основании новых философских данных и подходов во всем правоведении.

Но парадокс состоит как раз в том, что указанный поворот *т е м е н е е* *п р о и з о ш е л*, и выработанные Кантом философские новые категории и подходы все же реализовались в его разработках, состоялись по существу. Причем реализовались – еще раз прошу внимания! – не в каком-либо монументальном труде типа «*Философия права*» (или даже – в реально подготавливаемом автором труде «*Метафизические начала учения о праве*» – создать работу подобного рода философ, действительно, в полном объеме или в ранее задуманном варианте не успел или не завершил), а *воплотились в цикле трактатов и статей, опубликованном в 1784–1795 гг.* Таких, как «*Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане*»; «*Предполагаемое начало человеческой истории*»; «*О поговорке «Может быть, это и верно в теории, но не годится для практики»*»; «*К вечному миру*».

И это, по-видимому, уже наше дело, нынешних философов и правоведов, оценивающих творческое наследие Канта, детализировано показать чудесный результат соединения кантовских разработок

по философии и таких же разработок по праву (если, понятно, верны предположения автора этих строк). Тем более, что они (и это, возможно, еще один парадокс) оказались такими, которые как раз и потребовались человечеству. Особенно — что воистину поразительно! — не столько в эпоху Французской революции, когда создавались указанные труды и даже не в ближайшие годы в последующее время, сколько в нынешнее пору — двести лет спустя, в наступившем третьем тысячелетии христианской эры, когда людской род, судя по многим данным, подошел к критической черте своей истории. Возможно, самой тревожной в истории человечества, к эпохе «конца истории» и «грядущей анархии».

«РАЗУМ» И «УМ». Принципиальный вопрос в понимании первых фрагментов настоящих заметок — это разграничение «ума» и «разума».

И то и другое, понятно, — некое единство. И там и здесь перед нами — высокоорганизованная, нервная деятельность живого существа, со стороны физиологии — продукт мозга. Для человека, и там, и здесь, это, говоря словами Канта, — «способность к суждениям». Да и вообще «ум» с содержательной стороны — основа и стержень разума — причем в таком их понимании, когда «ум проявляет себя» — дает оценки и решения, выходящие за рамки одних лишь природных импульсов, за пределами всего того, что сама по себе диктует «биология». Стало быть, ни о каком «разуме» не может быть и речи, если отсутствует феномен «ума», да притом — известного уровня. С рассматриваемых позиций разум, собственно говоря, и есть ум — ум особого, высокого уровня и качества.

Вместе с тем между тем и другим, «умом» и «разумом», — пропасть.

«Ум» как продукт мозга — наиболее развитой части живого организма — в своих исходных и первичных формах, судя по всему, сложился если не на ранних, то, во всяком случае, на «серединных» стадиях эволюции живых существ. Его появление и эволюционное развитие, охватываемые понятием «рассудок», хорошо объясняются самой логикой изначальных качеств «живого», «биологии», характерных для них СЦ — биологическим стремлением к целесообразности, системой инстинктов, биологических программ, безусловных и условных рефлексов, механизмами реакции живых организмов в их сложном взаимоотношении со средой, внутри данной популяции на всех ее уровнях. Отсюда проистекают даже такие реакции и рассудочные способности многих живых организмов, особенно высокоразвитых, как «расчет», «предвидение», даже такие, имеющие по нашим представлени-

ям эмоциональные грани («верность», «сострадание»), которые порой рассматриваются в качестве неких «проявлений разума животных».

Между тем по ряду существенных характеристик «разум» — *совсем другое*, нежели просто «ум», даже на высоких стадиях совершенства.

Здесь решающее значение имеют по крайней мере три качественные особенности, прямо невыводимые из природы в общепринятом ее понимании:

во-первых, разум в своем реальном бытии не строится на одних лишь требованиях и импульсах природы, а *противостоит* (способен противостоять) им;

во-вторых, разум характеризуется не просто «способностью к суждениям», но такой способностью, которая достигает *стадии формирования и оперирования отвлеченными, абстрактными понятиями, на основе которых возникает и развивается в о б р а ж е н и е* (и это образует особый, виртуальный, но в чем-то и самодостаточный мир действительности). Разумное суждение — это суждение, соотносимое с выработанными человечеством в данное историческое время абстрактными понятиями;

в-третьих, разум включает в себя в качестве необходимого элемента *и м п е р а т и в ы к у л ь т у р ы* (этические, правовые), сложившиеся и утвердившиеся в данное историческое время. Не просто «учитывает» их, не просто «преломляется» через них, а именно включает императивы культуры, содержит их в виде своего органичного элемента. Всякое разумное решение — это одновременно и «умное» решение, и адекватное решение с точки зрения культуры (этики, права), а зачастую прямо ориентировано на них.

Злодеи и негодяи довольно часто умны. Но понятие «разум» для ситуаций подобного рода неприменимо.

Известные решения людей (в том числе в области естественных знаний, техники) могут быть оценены как утонченно умные. Но вот могут ли они быть разумными, совместимыми с требованиями разума, — проблема другая, требующая обособленной оценки, зачастую — весьма непростой, неоднозначной. Причем первые две позиции, упомянутые ранее в отношении «разума», могут и не совпадать. В конечном счете решающее значение имеет здесь третья позиция — культура, ее императивы.

Впрочем, тут наличествуют и другие соотношения, которые требуют самостоятельного разбора. Надо заметить только, что под известным углом зрения и в определенном круге ситуаций допустимо рассматривать «разум» в плоскости одного лишь «ума».

В целом же разум — явление человеческое.

Разум дан только человеку.

РАЗУМ ВО ВСЕЛЕННОЙ. Разум, понимаемый в плоскости одного лишь «ума», в общем выводим из природы в общепринятой ее трактовке. И на том локальном уровне, на котором она наличествует на нашей планете, Земле. Система условных рефлексов, их развитие на основе некоторых биологических программ, касающихся сообщества особей данной популяции, вполне может привести к феномену «ума», к выработке у высокоразвитых животных первичных начал способности суждения с последующим эволюционным развитием (саморазвитием) этого качества. Здесь, как и во многих других аналогичных случаях, срабатывает механизм отчуждения, когда разившийся участок самодостаточных процессов отрывается от своей биологической «материнской» основы и получает собственную жизнь и собственное развитие, результаты которого зачастую уже не соотносимы ни с какими задатками на предшествующей стадии эволюции. Словом, разум (в значении «ума») в данной плоскости может получить относительно удовлетворительное традиционное сугубо материалистическое объяснение.

Но «объяснение» все же — только в отношении разума, рассматриваемого на первичной стадии, в плоскости одного лишь «ума». А вот разум в объеме всех своих характеристик (причем — по всем ранее обозначенным позициям) из природы в общепринятом ее понимании невыводим. И как явление природы не может получить полной самодостаточности, некоего собственного «саморазвития».

Думается, никаким «саморазвитием» невозможно по канонам природы объяснить высшие проявления интеллектуальной деятельности, озарения, «просветления», раскрывающие перед мыслителем совершенно неведомые тайны об окружающем мире.

Еще более весомы факты, относящиеся к культуре. И тут немало того, что находится «по ту сторону представлений о природе». Это относится и к такому явлению, как музыка, которая по своей глубинной сути, т.е. за пределами сугубо ударных, имитационных и подражательных характеристик, до сих пор не получила сколько-нибудь приемлемого метафизического объяснения. И ко многим другим, сугубо духовным началам жизни людей, воспринимаемым в специфическом виде религиями (таким прежде всего, как «совесть», «покаяние», даже «справедливость», за пределами примитивно трактуемого «равенства» и пр.).

Словом, есть достаточные основания для того, чтобы выдвинуть гипотезу (впрочем, именно гипотезу! не более того) о том, что во Вселенной — этом «мертвом», яростном, беспощадном мире, в котором как будто бы господствует одна лишь «механика», *существуют «затаившиеся, дремлющие» элементы или потенциал Разума, которые при из-*

вестных объективных и субъективных условиях дают о себе знать, проявляются, реализуются в жизни развитых явлений природы (органики) — людей. Иными словами, во Вселенной существует НЕЧТО РАЗУМНОЕ, которое с самых древних времен воспринимается людьми в виде БОГА, изображаемого сообразно единственно возможным и признаваемым мышлением и восприятием того времени в виде мифов, «чудес» и человекоподобных образов.

Прямых доказательств этому нет.

Изложенные соображения о представлениях «по ту сторону природы» не идут дальше гипотезы (не очень-то высокого к тому же ранга).

Есть лишь одно весьма надежное доказательство чисто логическое и одновременно глобально мирозданческое обоснование (доказательство), сводящееся к тому, что какого-то потенциала, или механизма Разума, разлитого или спрятанного («затаившегося», «дремлющего») во Вселенной, *не может не быть.*

Не может не быть в в и д у *бесконечности Времени.*

В этом с трудом воспринимаемом нами «бесконечном времени» многократное (тоже бесконечное по числу раз?) появление разума по сугубо природным механизмам неизбежно. Но также неизбежно, что однажды разум не мог не заложить в «мертвое» мироздание предпосылки или задатки для того, чтобы иметь продолжение в вечности, для своего возобновления в бесконечном будущем, как бы ни были сложны процессы круговорота мироздания и глобальных, охватывающих всю Вселенную превращений. При этом, вполне возможно, определив условия и критерии «выхода» из дремлющего состояния и своего фактического проявления как реальности и бытия в реальной жизни.

Впрочем, и это «надежное доказательство» — не более чем гипотеза. Хотя, возможно, близкое к достоверному научному доказательству. И в то же время легко опровергаемое, если признать в развитии Вселенной только «один цикл, начавшийся с Большого взрыва», что, впрочем, не поддается никакому научному объяснению.

БЫТИЕ РАЗУМА. Разум как затаившаяся («дремлющая») во Вселенной потенция, реализуется — если верны только что изложенные предположения автора — тогда, когда «живое», эволюционно вышедшее на рассудок, объективно готово воспринимать его. Думается, простое, например, внесение метеоритом на «мертвую» планету зародыша жизни (несущего в себе момент целесообразности, выраженный в саморазвивающемся геномном механизме) — идея, все более утверждающаяся в науке — может породить феномен жизни с перспективой формирования

в нем разума. Но это реально возможно лишь тогда, когда наличествуют условия для восприятия подобного «зародыша» и последующей его эволюции на планете, а главное в этом «зародыше» (уже в самом моменте целесообразности и его «генном стержне», «стволовых клетках») заложено нечто такое, что через рассудок может, в конце концов, привести к формированию разума. Того, во всяком случае, рассудочного сознания, которое способно противостоять природе.

В чем же реально состоит бытие разума в нашей реальной жизни?

По всей вероятности, *первичной и вместе с тем всеобщей формой бытия разума является математика*. Овладеваемые сознанием (а не в наглядных зрительных расчетах) формулы типа $-1 + 1 = 2$; $6 - 2 = 4$ и т.д. — это уже не просто практический расчет, а первичная и вместе с тем высшая абстракция. Отсюда вполне оправданно высказанное в науке суждение о том, что в каждой сфере знаний столько настоящей науки, сколько в ней математики.

Столь же первичным и всеобщим проявлением разума является *свобода* как возможность отдельного индивида на самостоятельные и независимые, «свои», мысль, волю и поступки, возможность собственного выбора по своему интересу варианта и способа поведения, действия (подробнее — в следующем фрагменте).

Другой важнейшей формой разума является *творчество*, как не просто эмпирический расчет, а результат абстрактной мыслительной деятельности, когда оказывается возможным на основе абстрактного мышления и воображения строить *образы* (не являющиеся копиями явлений действительности) и реально осуществлять в *ыбор*, в ходе которого начинает происходить *оценка* и складываться разнообразные явления культуры.

Еще одна форма разума — *право*, в основе которого математика неотвратимости наступления определенных последствий в поведении людей, выраженных в категориях «право», «обязанность», «ответственность и гарантии».

Наконец формами бытия разума (в различных характеристиках, ступенях, модификациях) выступают *этика*, *религия*, *искусство*, иные виды и формы общественного сознания. В итоге возникает *культура*, которая, наряду с правом и вместе с ним, становится *формой фиксации достижений разума в жизни людей* и его *копилкой*.

СВОБОДА. Появление самого феномена свободы — явление сложное, противоречивое, одновременно и самое великое, и самое трагическое в жизни людей.

Самое великое — потому, что только разум открыл перспективу живому существу, опутанному императивными связями и зависимостями, диктуемые природой, силой своей воли и своего интереса (возможными только при свободе) проникновения в тайны окружающего мира, всей Вселенной, в том числе и самого разума, «самого себя», что стало основой нарастающей модернизации всей жизни людей, человеческого общества в целом. Поразительные научные открытия XX—XXI вв. почти во всех сферах знаний, когда наука вырвалась из плена идеологии, иллюзий и мифов, небывалое техническое совершенство, инновационные процессы во всех направлениях и областях жизни людей, — надежное тому подтверждение. Особенно — в космогонии, физике, биологии.

Свобода и сама по себе оказалась замечательным, ничем не заменимым благом для человека, субъективно (и даже — философски, этически, эмоционально) поставившим его в один ряд со всей Вселенной через творчество и высшие проявления духовной жизни, — такие, как музыка. В этой связи каждый индивид может рассматривать себя на одной плоскости не только со всем обществом (государством), но и со всей Вселенной.

Вместе с тем свобода — явление *самое трагическое в жизни людей*. Потому что она, преимущественно через низшие свои формы, определяемые подсознанием, его императивным биолого-зоологическим диктатом, оказалась в плену последних. И в этой связи — открыла простор для нарастающего безжалостного насилия, произвола, всепоглощающего эгоизма, зла, коварства, ненасытного потребительства и извращенного наслаждения — всего другого, относящегося к низменной стороне жизни человека. То есть того, что сделала некоторые стороны жизни людей, в атмосфере бескрайнего овладения богатствами и войны «всех против всех», истинным адом (проецируемые сознанием на некий потусторонний мир, противопоставляемый «раю»).

Особо коварной выступила свобода в двух ее крайностях: а) индивидуальной вольности — основы необузданной анархии и преступности индивидов и их групп; б) «нерегламентированной власти» — свободы, опирающейся на силу власти, тирании, тоталитарной, иной авторитарно-силовой, опирающихся на вооруженную силу во всех ее разновидностях, нередко силу крайне мощную, изощренную.

Противоречивой оказывается и свобода в виде доминирующей ныне формы хозяйствования частнособственнической экономики. Особенно, если такая экономика интерпретируется преимущественно в виде «рынка», способного дать на основе взрыва модернизации (бурного развития техники и технологии, инновационного, интеллектуального)

впечатляющие результаты для экономически господствующего класса, обогащения элиты, формирование среднего класса. Вместе с тем «рынок» (точнее — товарное, частнособственническое, конкурентное хозяйство; капитализм), неизменно проходя бандитскую стадию, даже в оцивилизационном виде приводит в конечном счете (пусть и к позитивным результатам, в основном — экономическим) к появлению резкого, порой чудовищного расслоения общества, появлению супербогатой элиты, а в отношении всего общества — к обеднению, обнищанию, утрате духовных ценностей, к состоянию, обозначенному рядом философов «концом истории», «грозящей анархией».

Особо трагическое в данном случае заключается и в том, что здесь нередко для «прикрытия», «оправдания», а порой просто для придания благообразности, свобода в виде вольницы, расправ, уничтожения врага и т.д. получает то или иное общественное обоснование и признание.

В связи с этим остроопасными ныне стали такие формы тирании, которые исповедуя культ силы, прикрываются «законом». Очень прискорбно, что подобные порядки стали все больше входить в практику не только бывших тиранических стран, но и государств, которые рассматриваются, и не без оснований, в качестве передовых демократических стран.

КУЛЬТУРА — ТОНКАЯ ПЛЕНКА. Культура общества (включая право, этику, религию, иные духовные формы, ценности и императивы), сложившаяся за многие тысячелетия, нередко представляется могучей нерушимой машиной. На самом же деле культура страны (даже самой возвышенной с многовековыми культурными традициями) — это всего лишь т о н к а я п л е н к а.

История свидетельствует, что она враз исчезает, как только теряют силу сдерживающие факторы и механизмы (яркое свидетельство — «культурная» революция в Китае в 1950-х гг.) и приобретают доминирующее значение импульсы, непосредственно диктуемые подсознанием, жесткие и агрессивные, во многом сохранившие биоэволюционные основания. То есть все то, что иногда (правда, не совсем точно) называют «проснувшейся животностью».

Всеобщее правило, как только рушится тиранический режим (с его тираническими методами и одновременно с, казалось бы, устойчивой, самобытной культурой), так сразу же воцаряются вседозволенность, хаос, анархия.

Тут один из секретов всего случившегося в СССР в 1985–1991 гг. И только остатки регулирующих механизмов проклипаемого многи-

ми коммунистического режима (спасибо, что ли им?), по-видимому, и удержали общество от полного хаоса.

А вот частный пример, относящийся к одному из самых высоких слоев культуры в политической области.

Когда шла первая чеченская война (1994–1998), российское общество пребывало в эйфории демократии и культа прав человека. В соответствии с этим в средствах массовой информации чеченские формирования, выступающие против федеральных войск, называли «бойцами сопротивления». А спустя буквально пару лет – вторая чеченская война проходила под лозунгами «территориальной целостности» и «антитеррористической операции» – вдруг рухнули демократические построения, и уже «бойцы сопротивления» стали «террористами» и «бандитами». Предосновой этого, если отойти от одностороннего взгляда, стали, наряду с неодолимым сепаратизмом, подогреваемым во всем мире этнически-национальными импульсами, террором и бандитизмом бойцов сопротивления, также и имперско-территориальные тенденции былой азиатско-европейской империи, ее экономико-политические интересы.

Самое поразительное, что нечто, будто «снятое под копирку», произошло в стране, именуемой «светочем демократии», в которой демократические ценности и институты рекламируются как нерушимая основа всей жизни.

Как только 11 сентября 2001 г. в Нью-Йорке выходцами с Востока (в основном Саудовской Аравии, союзнице США) был проведен дерзкий теракт, повлекший за собой тысячи невинных жертв и больно ударивший по престижу и самолюбию страны, как руководство США объявило курс на возмездие, на уничтожение «мирового терроризма». И в этих целях, зачастую не считаясь с международным правом, США, поддерживаемые по разным мотивам рядом других стран, начали широкомасштабные военные действия против суверенных государств, так или иначе причастных, по мнению американских и английских спецслужб, к «международному терроризму» и «реакционным режимам», – Афганистана и Ирака. Со всеми разрушительными последствиями, которые несет война, – людскими и материальными жертвами, спонтанным сопротивлением населения, с уничтожением или захватом без каких-либо принятых юридических процедур многих сотен людей, которые «могут быть причастны к терроризму», и их депортацией за тысячи километров. А внутри страны – с ограничением прав и свобод, активизацией института слежки, с формированием могущественного спецведомства.

И, казалось бы, удивительно – все это с «пониманием», а то и с ликованием встречено большинством населения страны (лишь спустя

три-четыре года началось какое-то отрезвление). Словом, и здесь, казалось бы, мощный слой культуры в действительности обернулся тонкой пленкой, которая вмиг сорвалась от в общем не очень-то сильного удара, — да так, что «светоч демократии» по ряду позиций оказался в **д о п р а в о в о м** состоянии.

«СЛЕПОЙ» ДУХОВНЫЙ НАСТРОЙ (ФАНАТИЗМ). Данный фрагмент заметок в какой-то мере — продолжение и модификация предшествующего.

Если в обществе, особенно после перенесенных бед и неурядиц, возник настрой, связанный с определенной личностью или с определенными ожиданиями, то в течение известного времени, подчас относительно длительного, этот настрой *становится несокрушимым*. И такого рода настрой остается неизменным, как бы неприглядно не повело себя лицо, какие бы несчастья не обрушились на страну, какими бы бедствиями не грозили совершаемые военно-политические акции, как бы ни была очевидной бесплодность политического руководства, осуществляемого лицом в течение ряда лет.

Каковы основания такого устойчивого настроения («несмотря ни на что»)? Вероятно, они кроются в биопсихологических механизмах «вождизма» с элементами обожествления вождя (вожака), уходящего своими корнями в общественное подсознание в биоэволюционные предосновы человека. Плюс биопсихологические инстинкты «своей территории», неодолимого стремления обеспечения ее незыблемости и неуклонного расширения — всего того, что может быть названо важнейшей составляющей «слепого патриотизма», возвышаемого имперскими настроениями или даже ностальгической памятью о них.

Думается, для существования, функционирования авторитарного и тем более — тоталитарного строя такого рода психосоциальный устойчивый настрой *необходим*. Не менее, чем существование мощных спецслужб. Иначе режим неизбежно рушится. К тому же есть, по-видимому, вообще какие-то временные пределы существования подобного устойчивого настроения (истоки — неизбежные со временем разочарования, усталость, что-то еще, может быть, опять-таки глубоко природное).

МАКСИМЫ

О власти, праве, человеке

2001

То, что в этой публикации названо «максимами», имеет давнее, древнее происхождение. Наверное, со времен Древнего Рима, потом — Средневековья, особенно начальных фаз Нового времени, когда мыслители, их ученики и последователи стремились изложить свои идеи или идеи своих учителей сжато, в сокращенном, броском виде. Назывались такие сгустки идей по-разному: «изречениями», «афоризмами» или вот так, как здесь, — «максимами».

Я воспользовался этим жанром (и приведенным термином) во многом по причине личного свойства. Мне довелось столкнуться с такого рода способом изложения авторских идей в посмертном сборнике одного из лучших своих учеников (он сам называл меня «учителем», что ныне происходит не часто), очень рано ушедшего из жизни — Коли (Нашабая) Шайкенова. Он был талантливым, избранным, но Коля не успел изложить в пространном виде то, что мог и должен был написать в книгах и статьях. Тогда он сформулировал ряд своих идей и итоговых размышлений в кратком и предельном по смыслу виде — *максимах*¹.

Автору этих строк удалось написать немало статей и книг. Но мне показалось, что и краткое («максимально краткое по форме», но «максималистское» по сути) формулирование того, что я уже написал, и тем более того, что написать не успел или изложил не совсем так, как, наверное, надо бы, будет полезным и в чем-то дополнит ранее написанное, в том числе по вопросам права, власти и человека, имеющим по большей части прямое отношение к содержанию этой книжки.

...Вот некоторые идеи, которые, возможно, могут претендовать на то, чтобы быть такого рода «максимами».

* Власть — это неизбежная потребность и добро, которое за гранью необходимого оборачивается абсолютным злом.

---

¹ Вот ряд высказываний Коли (они в его посмертной книге так и названы — «максимы Шайкенова» под общей рубрикой «Без права нет свободы!»):

- «Боги не роскошествуют»;
- «В толпе нет демократии»;
- «Деспотия всегда подменяет право его юридической функцией»;
- «Законы издает законодатель — Право творит Суд»;
- «Карьера водится с конформизмом, талант дружит с профессионализмом, а гениальность — их изгой»;
- «Только право наделяет смертного юридическим бессмертием» (*Шайкенов Нашабай*. Книга памяти. Алматы, 2001. С. 71–73).

* Власть по определению — всевластие.

* Право — Разум, принятый Историей в ответ на всевластие.

* Власти у властвующего всегда мало.

* У Канта в рассуждениях звучит вопрос: а почему, собственно, один человек с моральной, человеческой стороны может властвовать над другими?

* Человек, возможно, может оставаться у власти лишь до тех пор, пока он стыдится того, что в силу тех или иных причин вынужден властвовать.

* Власти не потребно право — ей достаточно закона.

* Абсолютный антипод всевластия — права человека: только они способны возвыситься над властью.

* Возвышение прав человека как юридического принципа — не кульминация права, а всего лишь его начальный пункт.

* Основным врагом права является его ближайший сподвижник, ближайший родственник и глашатай — закон. Такое во взаимоотношениях с «родственниками» случается и у людей.

* Тяга к власти — самая сильная из всех страстей, сравнимая только со страстью к женщине (мужчине); у отдельных особей — неодолимая и извращенная — такая же, как у сексуальных маньяков.

Почему Природа распорядилась так? Не потому ли, что иначе род человеческий обречен?

* Власть насковзь пропитана соблазнами.

И потому сама власть — самый искуcительный соблазн.

* Чуть ли не всеобщая убежденность: великое счастье состоит во власти, в обладании ею.

Те, кто убежден в этом, не ведают, что высшее счастье наступает для человека, нашедшего силы уйти от власти. Или вообще остаться от нее в отдалении. Или найти форму властвования, которая не есть власть.

* Власть имеет смысл только тогда, когда она — обременение.

* Власти достоин тот, кто ее не хочет.

* К власти следует допускать того, кто искренне отказывается от нее.

* Власть — не поприще для вольного экспериментирования. Демиурги при ее построении — отрицательный опыт, ограничения. И осторожные шаги.

* Властитель при первом же крупном промахе, вызвавшем страдания людей (подвластных), обязан уходить, оставлять власть навсегда.

* Беда для общества, когда разлился «запах крови», — возможность напрямую вкусить власть, овладеть и насладиться ею.

Полное совпадение с тем, что происходит с прирученными дикими животными, когда они вдруг ощутят запах живой крови.

* От власти, овладевшей человеком, нельзя просто так уйти. Из нее можно только вырваться.

* Человек, попавший во власть, должен с самого начала и без устали сопротивляться соблазнам и благам, ее сопровождающим.

* Недостоин власти тот, кто видит во власти предмет наслаждения. Или ищет в ней способ обогащения.

* Религия, сомкнувшаяся с мирской властью, теряет качество истинной религии.

* Вершина юриспруденции — юридические конструкции, которые представляют собой уникальный сплав достижения ума, опыта и искусства, при помощи которого только и возможно обратить правовые ценности в жизненную реальность. И утвердить благодаря этому действительные ценности жизни.

* Основная тайна жизни человечества — интеллектуальная и духовная сила, таящаяся в индивидуальной свободе человека.

* Трагическая беда человека — притязание и попытки перепрыгнуть через время.

* Бог — либо в разуме человека, либо его нет.

* Истина, не выстраданная человеком, — не истина.

* Сила разума раскрывается в одиночестве.

* Не пренебрегайте астрологией — она хотя бы напоминает о том, что над нами — звезды.

ГОРБАЧЕВ И ЕЛЬЦИН

Торжество и драма Бориса Николаевича.
Взгляд вблизи

2006

Краткое вступительное слово

Время — скоротечно, безжалостно. Пройдет не так уж много лет, поступки и сегодняшние оценки М. Горбачева и Б. Ельцина неминуемо поблекнут, начнут стираться в памяти людей, окажутся порой пустяшными, неинтересными, не очень-то достойными внимания или, хуже того, искаженными мифами, болезненным восприятием прошлого и настоящего, политическими и иными пристрастиями.

Однако такую судьбу, надо полагать, должны разделить не все поступки и оценки. Мне сдается, что как раз в сложных взаимоотношениях М. Горбачева и Б. Ельцина есть нечто такое, что должно остаться в Истории. Остаться как память. Как урок. Как предостережение и факты для раздумий.

Наверное, никому не дано уж очень хорошо, в подробностях, в неведомых никому деталях знать М. Горбачева и Б. Ельцина, их непростую, полную превратностей, взлетов и падений жизнь.

Тем не менее случилось так, что какие-то фрагменты их жизни, поступки и дела, — пусть в основном и во внешних, частных своих проявлениях, но все же, наверное, в самых драматических поворотах и изломах — прошли на моих глазах — человека, увидевшего все это вблизи и в то же время с немалой дистанции. Причем именно тогда и при таких обстоятельствах, когда драма двух этих людей наложилась на драму всей страны — гигантской державы — Советского Союза, потом — России. И не только «наложилась», а прошла через их жизнь, судьбу.

В одной команде

1985 г. Борис Николаевич Ельцин встретил на Урале, в Свердловске (ныне — Екатеринбург), первым секретарем обкома КПСС — полным и безграничным властителем крупной и могучей уральской области. Популярность его в области, да и на всем Урале, была довольно высокой. И дело не только в том, что «первый» стремительно и круто осуществил в области серию впечатляющих акций (о них я дальше еще скажу), но и в нетрадиционных поступках. Скажем, провел многочасовую встречу с колюче настроенными студента-

ми, закончившуюся шумной студенческой овацией, поднял всю область на спасение урожая в невероятно тяжких условиях дождливой уральской осени.

Хозяин.

Трибун.

Борис Николаевич мощно шел к высоким ступеням Большой власти.

И именно в таком ключе (и сразу замечу — без особого осуждения со стороны земляков, все верно: кому же еще?) были восприняты с напором проведенные Борисом Николаевичем, кажется, за один какой-то год яркие по меркам того времени акции, явно рассчитанные на то, чтобы произвести впечатление на общество, на Власть, прежде всего, понятно, — московскую, ЦК.

Шумной кампанией сопровождалось возведение МЖК — молодежного жилищного комплекса, затем — образцового сельского культурно-спортивного «комплекса» в дачной зоне города, тут же — все-союзное совещание по производству товаров народного потребления промышленными предприятиями с броской выставкой, с выездами приехавших партийных коллег в пригородныедыхательные места, асфальтовая магистраль на север области, напористая пропаганда очередной спасительной панацеи — «советского опыта коллективной ответственности», когда за прогул, иную дисциплинарную провинность кого-либо из членов бригады несла ответственность вся бригада — вся она лишалась премии...

Производили впечатление и внешняя крупность Бориса Николаевича, стиль его поведения, его стремительность — в речах, поступках, даже в ходьбе, во «вбегании» на трибуну и — как ни странно — во властной отчужденности, отстраненности от окружающих и от этого, наверное, неизбежной одинокости (несколько лет спустя, в Париже, где я был в служебной командировке, предшественник Б. Ельцина на обкомовском посту, в ту пору советский посол во Франции, Я. Рябов, сетовал: в Москве все свердловчане — одно землячество, а Ельцин держится особняком, ни с кем не общается, сам по себе; хотя, судя по печати, со своими однокашниками по институту встречается ежегодно).

Запомнилось мое первое зримое впечатление о нем; в холле областной спецбольницы, где я ожидал приема, вдруг все замерли: по коридору, не глядя ни на кого, стремительно, в окружении нескольких сотрудников и врачей двигался крупный человек. Сидящая рядом сотрудница обкома, вскочив с места, громко крикнула вслед: «Борис Николаевич!», он приостановился, прищурился, присматриваясь — кто это? — и под-

нятой рукой властно остановил было уже обращенные к нему слова сотрудницы – «потом».

В его приобщенности ко власти было что-то от его исконной природы, от мгновенно воспринятой в партийной иерархии нужного образа и стиля поведения, от казалось теперь естественной привычки безоговорочного лидерства (он сам в автобиографических заметках, помнится, говорит об этом). Потому-то, наверное, область сразу же приняла его как «первого», хотя до того он и не был очень известен землякам, ведал строительными делами и пост «первого» занял, перескочив, вопреки сложившейся очередности, одну или даже несколько ступенек: в строгой партийной иерархии области он занимал не вторую, а, кажется, всего лишь четвертую или пятую позицию.

И теперь, в такой обстановке крепло ощущение, что пост «первого» для Бориса Николаевича не предел. Ожидалось как нечто вполне оправданное, сообразующееся со временем и с «партийными законами», его явно скорое продвижение «наверх», если угодно, новый уже подготовленный прыжок в верхние эшелоны правящей партийной элиты.

Тем более, что и «сверху» его как бы уже ожидали: крайняя нужда в молодых напористых деятелях в самой сердцевине московской власти была в ту пору довольно острой.

В этой связи настала пора начать разговор о Михаиле Сергеевиче Горбачеве.

Его появление на самой вершине верховной партийной власти в апреле 1985 г. было воспринято в стране как нечто радостное, наконец-то сбывшееся.

Особо обрадовало сограждан многократно показанное телевидением первое появление лидера «на народе» (кажется, впервые в Ленинграде) – молодой, интеллигентный, со свободной речью, открытый. Прощалось даже то, что на внезапных встречах на улице попадалась почему-то уж очень подготовленная к такой встрече публика с однообразной словесной реакцией на вопросы и довольно пространные экспромты партийного лидера, а в ответ: «Спасибо, Михаил Сергеевич!», «Поддерживаем, Михаил Сергеевич!»

Нашли одобрение первые шаги и заявления Генерального – ускорение социально-экономического развития на основе новой техники, форсирование машиностроения, привлечение широких масс к управлению. Очень доброе дело – возвращение Д. Сахарова в Москву. Даже антиалкогольные меры (во всей их многоликости, ныне друж-

но осуждаемые) представлялись оправданными, хорошими — «конец пьяной России».

И конечно же — добрый знак — сколачивание новой команды. Один за другим к руководству, в Политбюро приходят если не совсем новые, то, во всяком случае, деятели не из застоявшейся старческой обоймы — Н. Рыжков, Е. Лигачев, А. Лукьянов — возмужавшие, набравшие силу постбрежневские «партийные полковники», как правило, из руководителей отделов ЦК и обкомовских «первых».

В 1986 г. Б. Ельцин был вызван в Москву и на ближайшем Пленуме ЦК назначен секретарем ЦК — взшел на ступень в иерархии партийной элиты, наиболее приближенной к высшему ареопагу — Политбюро.

Любопытная деталь — уже из личных воспоминаний, мною уже где-то упомянутая. Выступления Бориса Николаевича на ранее состоявшихся Пленумах ЦК (и это еще одно звено в череде совершаемых им «акций») были одними из самых заметных. Он к ним тщательно готовился. А в это время как раз автор этих строк совместно с В. Яковлевым, моим в ту пору сотоварищем по разработке экономико-правовых проблем, подготовили подогретую романтикой наступающих перемен записку в ЦК о необходимости максимального использования в народном хозяйстве товарно-рыночных институтов (что явно уже назрело, просилось в жизнь, но резко противоречило тогдашней официальной идеологии; и даже не обозначалось нынешними «чистыми рыночниками»). Попытки напрямую направить записку в ЦК не увенчались успехом. И тогда мы решили направить записку через обком.

Идеи записки пришлись по душе Борису Николаевичу — знаменательный штрих! — и материал записки обкомовскими спичрайтерами стал перерабатываться во фрагмент выступления «первого» на очередном Пленуме (что в интересах дела было неплохим вариантом). Уже здесь, кстати сказать, проявилась одна из отличительных черт Б. Ельцина — схватывать налету какие-то новые идеи; и не потому, что они согласовывались с его некой мировоззренческой концепцией (таковой — даже меняющейся — у него, по моим представлениям, не было), а потому, что в данный момент они представлялись передовыми, впечатляющими.

Но на этом Пленуме речь «первого» не состоялась; вместо нее произошло его крещение — приобщение к высшей партийной элите. А то ведь прозвучи его речь на Пленуме, — парадокс ли это? Неудача? Знак? Б. Ельцин мог бы стать основоположником товарно-рыночной экономики при социализме. Впрочем — важно ли это было в тот знаменательный момент партийного крещения? В тот момент, когда Борис Николаевич упрочился в Большой власти?

А сейчас кратко о том, что автор этих строк понимает под «Большой властью». Тем более, что этот феномен — один из центральных в жизни советского общества; и без его учета понять существо и подноготную советского общества, перипетий его посттоталитарного развития совершенно невозможно. Неизгладимый отпечаток оставила она и на взаимоотношениях М. Горбачева и Б. Ельцина, придала им особые окраску, повороты.

«Большая власть» означает, что перед нами — не просто сильная власть и даже не то, что она — абсолютная, неограниченная, тотальная, не имеющая никаких преград. Перед нами в буквальном смысле «много власти» — «гигантский массив», — сосредоточенная в руках чиновничества, образующего целостную систему и держащего мертвой хваткой все, без остатка, общество — от его экономики до всех проявлений духовной жизни. В ней, в самой этой огромности власти, — и наша специфика, и наша беда, и наша не очень благоприятная перспектива будущего страны.

И здесь надо видеть, что как раз в силу своей величины, громадности Большая власть, конечно же, не может не иметь могучего всеильного центра (в виде единоподержавного Вождя, как это было до 1953 г., «при Сталине» или — как в последующее время — в виде высшего партийного ядра — Генсека и Политбюро, в котором выделялась руководящая группа, приближенная к Генсеку). Вместе с тем в силу той же огромности она не сводится к одному лишь своему центру. Кроме всемогущего центра существует громадная пирамида нижестоящих партийных «центров», местных властвующих партийно-государственных образований — рескомов, обкомов, крайкомов, райкомов республик, областей, районов, возглавляемых своими «первыми».

И вот эти самые «первые», особенно — в республиках, областях, краях — представляли собой уникальные, в чем-то поразительные властные фигуры, выявляющие всю подноготную партийно-советского строя. «Первый» в республике, области, крае — это в сущности неограниченный властитель в своем удельном регионе. Какого-либо противовеса ему в области, крае, республике нет. Но вот парадокс! Сам-то он в сущности — подчиненное лицо перед аппаратом ЦК, тем более — Политбюро (хотя «первые» по принятому обыкновению входили в высшее коллегиальное образование — Пленум ЦК).

Это и предопределяет своеобразие фигуры «первого», во многом повлиявшей на политическую жизнь общества и в посттоталитарных условиях — поразительное сочетание привычки ко всевластию, безропотность перед «верхами», жажда сбросить с себя такую безропотность, неодолимое стремление перейти на более высокую ступень Большой

власти, любыми способами удержать, усилить свой статус и перспективу дальнейшего возвышения.

В этой связи — один штрих из мира власти тех времен. М. Горбачев многократно говорил о том, что до перестройки он как Генсек обладал «необъятной властью». Это — не совсем так. Генсек действительно мог единолично решать многие вопросы. Но в послесталинское время — только в известной «мере». Все решения, затрагивающие систему власти в целом, интересы правящей партийной элиты, ее основных кланов, должны были по неписаным законам вырабатываться в единении со всей руководящей группой, с учетом интересов всех кланов и проводиться через Политбюро, его руководящей группы. Иначе? Иначе — Генерального ожидала судьба Хрущева — в том или ином виде жесткое отстранение от власти (если — понятно — отбросить иной вариант — возвращение к единодержавным сталинским временам, что памятуя уроки послеленинского времени, правящая элита, навверняка, не допустила бы).

Если власть вообще, как известно, развращает (абсолютная власть — абсолютно), то Большая власть, кроме того, образует *поле жесткого притяжения и воздействия, диктующего свои законы поведения*. И это становится решающим обстоятельством в жизни общества, которое во многом — а порой и без каких-либо вариантов — определяет жизнь людей, их поступки и судьбу. И хотя на ход общественных событий в условиях перемен в России оказали существенное влияние поступки деятелей, продиктованные их внутренним духовным миром, силой интеллекта, человеческими слабостями и порывами, но эти поступки и движения души неизменно несли на себе и печать той атмосферы, которая обусловлена затаенной и бесовской энергетикой Большой власти, ее неумолимыми императивами.

Б. Ельцин сразу же показал себя как один из наиболее последовательных сторонников решительных реформаторских (как представлялось в то время) действий Генсека, более того, как своего рода безотказная ударная сила в их проведении.

Не могу односложно ответить на вопрос — была ли в поступках Б. Ельцина убежденность в необходимости предпринимаемых акций или же верность действиям всей генсековской команды. Наверное — и то и другое одновременно.

Тем более, что в курсе Генсека в то время не было уж очень резких отступлений от существовавших партийно-идеологических канонов. Этот курс, пусть и не прописанный в отработанных формулах и в чем-то неопределенный, заключался в усовершенствовании социализма — на смену существующему социализму должен был прийти настоящий социализм — гуманный, демократический, «с человеческим лицом» (идея, с ко-

торой всего несколько лет до того выступили и за которую жестоко пострадали чехословацкие сотоварищи по коммунистическому движению).

И хотя такого рода курс уже в 1987–1988 гг. получил особое название — «перестройка», все реформаторские новации по господствующим партийно-идеологическим представлениям должны были происходить «по Ленину», под лозунгами «больше социализма», с целью осуществления будто бы нэповских мечтаний Ильича, прежде всего — победы «цивилизованных кооператоров».

В таком «перестроечном» курсе сохранялось, увы, многое из того, что относится к изначальным и коренным порокам марксистской утопии, особенно в ее ленинско-сталинском варианте. И все же — как это ни может показаться удивительным — практическая линия, связанная с политикой перестройки, во многом (как это мне представляется, при ее оценке с позиций сегодняшнего дня) могла бы оказаться при последовательном ее проведении — весьма перспективной. Это — формирование слоя свободных собственников — свободных кооператоров, лиц, занимающихся индивидуальной трудовой деятельностью, фермерских хозяйств, малого и среднего бизнеса.

Правда — как это и следовало по логике вещей — основное внимание в это время уделялось государственному сектору. Был издан в общем прогрессивный закон о государственном предприятии, предусматривающий расширение его экономической самостоятельности, нацеленность на производство товаров, возможность признания предприятия неплатежеспособным, усиление в нем функций трудового коллектива, что — и это не исключено — позволяло при развитии этой линии включить предприятия в товарно-рыночные отношения на основе закрепляемого за ними имущества (полного хозяйственного ведения им).

Но здесь сразу насторожили некоторые моменты. И дело не только в том, что и сам закон оставлял в то время предприятия в неустрашимой зависимости от ведомств, чиновничьего усмотрения, но и в том еще, что вслед за законом была издана серия совместных постановлений ЦК КПСС и Совмина (кажется 10 или 12) по вопросам хозяйственного управления. В то время я дотошно, с карандашом, делая выписки и заметки, по-студенчески проработал все эти многостраничные руководящие фолианты, призванные — как было объявлено — развивать реформу. И, вспоминается, — пришел в ужас: ни один из них ни на один малюсенький шагочек не продвигал реформирование этой чудовищной махины — государственного хозяйства. Кажется, именно тогда в моей душе закралось ощущение беды — обреченности всех реформаторских затей, коль скоро они затрагивают государственного монстра.

Было видно по всему, что Борис Николаевич в ранге секретаря ЦК со всей своей настырной энергией включился в реализацию намеченных перестроечных мер.

Какие мысли и намерения обуревали его при этом – сказать трудно. Но с точки зрения «линии», видимо, все было в порядке. Так как вскоре последовало его назначение на весьма высокий по большевистским стандартам пост – секретаря Московского горкома; одновременно оказался пройденным и последний партийный рубикон: Борис Николаевич вошел – хотя еще «не совсем» – в когорту высших партийных иерархов – стал кандидатом в члены Политбюро. На очередном Пленуме ЦК, который должен был состояться после злополучного октябрьского (1987 г.) Пленума, в согласии с тогдашней политбюровской практикой готовился его перевод в «полные» члены высшего партийного ареопага.

На секретарско-горкомовском поприсе Москвы на гладкой до того дорожке появились первые ухабы, первые и все более нарастающие сбои. Здесь у Б. Ельцина, судя по всему, не все получилось так, как хотелось бы, не прошел свердловский вариант молниеносного успеха.

Напротив, новый секретарь горкома натолкнулся на жесткую стену неприятия и вражды. Оказались, понятно, у него и сторонники, которых Борис Николаевич попытался как можно быстрее разместить на ключевые посты – секретарями райкомов, руководителями отделов горкомовского аппарата.

Но ведь Москва наполовину с лишком – Москва чиновничья, крепко приспособившаяся к бездействию благоденствию за счет богатств всего Отечества, агрессивная и жестокая в защите своих позиций, намертво спаянная чиновничьей круговой порукой, клановой солидарностью. Тут против любого новшества – штыки. Говорить – говори. Мели про «перестройку», но – не тронь нашего, святого.

Даже быстротечные по-ельциновски обкомовски-комиссарские разборки «на месте» с управдомами и начальниками цехов стали, вдобавок ко всему, поводом для серии издевок и язвительных насмешек. Нарастающими волнами такие настроения и оценки накатывались на секретариат, окружение Генерального...

С легкой прогулкой по покорению Москвы (как спустя несколько лет – и с покорением Чечни) не получилось. Не знаю, как у кого, но, обращаясь к собственным возможным ощущениям (попади я в подобную ситуацию), могу сказать с предельной определенностью, что для меня бы такое положение дел было бы бездной отчаяния. Тем более, что, по-видимому, обескураживающим было отсутствие явно ожидавшейся мощной поддержки от Генерального, от которого – надо по-

лагать — стало все более веять холодком разочарования, несбывшихся ожиданий.

Можно предположить, что это время было одним из самых драматичных во взаимоотношениях М. Горбачева и Б. Ельцина. Именно тогда появилась трещина, что-то надломилось во взаимоотношениях партийного лидера и его верного сподвижника — предвестник последующих событий. Недаром — как стало известно позже — в сентябре — октябре Б. Ельцин настойчиво искал встречи с Генеральным — «поговорить», «обсудить». А тот уклонялся, отговаривался, ни да ни нет, демонстрируя свое личное нарастающее отчуждение, неприятие бывшего сотоварища. Воочию видел потом — как это происходит (скажем, на примере Е. Лигачева, которого Михаил Сергеевич в 1989–1991 гг. уже не признавал своим ближайшим сотоварищем, хотя тот продолжал отвечать за большой участок работы; да и на себе после одного из первых решений Комитета конституционного надзора, впервые в истории страны лишившего юридической силы одно из решений верховной власти, испытал тягостное ощущение такой ситуации неприятия-отчуждения, когда возникает импульс резко отреагировать на подобную ситуацию...).

Чужая душа — потемки. Верно сказано: каждый человек — это целая Вселенная, большая часть которой скрыта от глаз, неведома никому. Особенно, если не встречаешься с человеком «глаза в глаза», не проводишь с ним дни, когда в какое-то мгновение вдруг притупляется охранная бдительность души и на какие-то мгновения становятся различимыми отдельные, ранее неведомые частички скрытой от внешнего взора жизни человека, его внутреннего мира.

Тем более это верно в отношении властвующих персон, и наиболее ярко как раз в советское время, когда сам образ бытия предопределял неотвратимость «двойной жизни» — одной в официальных делах, а другой — в своем доме, на кухне. И когда властвующие персоны при их жизни были видны, пожалуй, только на экране телевизора в президиумах заседаний или считывающих заранее написанный текст на трибуне, да в толпе сопровождающих на каком-либо показушном «посещении».

В «обкомовское время» с Борисом Николаевичем мне не довелось встретиться ни разу. Хотя после 1985 г. приходилось мне бывать в обкоме частенько: отделы (науки, адморганов) все чаще приглашали «посоветоваться» по правовым вопросам — наконец-то понадобились! Но с вузовскими работниками, за неведомыми мне исключениями, «первый» не встречался.

И у меня нет решительно никаких данных, подтверждающих или опровергающих, его прогрессивно-демократический или какой-то

иной настрой, который – кто знает – возможно, у него какой-то и был. Но по всем, без малейшего исключения, фактическим данным – действиям, реально произнесенным словам, заявлениям Б. Ельцин – это верный партиец, не отступающий от линии Политбюро ни на шаг и (потому!) энергично и без помех идущий по ступенькам партийной иерархии к вершинам Большой власти.

Могу твердо свидетельствовать, свердловчане искренне гордились своим земляком. Самые сильные речи на Пленумах. Поставлен «на Москву» (он-то даст чванливым москвичам прикурить!). Что без него, нашего Бориса Николаевича, может сделать один Горбачев?

А вот сожаления о потерянном «хозяине области», как мне помнится, не было. В этом отношении больше пришелся по душе, поначалу показавшийся безликим, пришедший на пост обкомовского «первого» преемник Бориса Николаевича Ю. Петров. Не столь красноречивый и резкий в своих акциях, он занялся будничными делами области, решением каких-то текущих дел, одновременно пытаясь разобраться в перестроечной сумятице (для чего – кстати будет сказано – на второй день после своего прихода на пост «первого» встретился с ведущими вузовскими гуманитариями, начав встречу со слов: «помогите понять...»).

Поучительна дальнейшая судьба Юрия Владимировича Петрова, подтверждающая неизменность господствующих партийных нравов (увы, оказавшихся неизменными и для М. Горбачева). После того как в 1988 г. появилась печально-знаменитая статья в «Советской России» ленинградской преподавательницы химии Н. Андреевой, возвестившей о возможном и желательном пришествии большевистской реакции, и резкой отповеди в ответ на нее А. Яковлева и М. Горбачева, последний при встрече с Юрием Владимировичем спросил у него об этой статье. А Ю. Петров возьми да и скажи: «Ну, что особенного – плюрализм мнений». Через короткое время Ю. Петров был направлен послом на Кубу. Его место «первого» занял заурядный партийный чиновник Бобыкин – бывший «второй» Свердловского обкома (и, судя по всему, действительный приверженец старых порядков) – тот, которого не так давно стремительно «обошел» Б. Ельцин.

И это все произошло в обстановке, когда практически Юрий Владимирович не отступал от «линии», а в суровые недели после жестокого для Б. Ельцина Октябрьского Пленума (об этом рассказ – дальше), пожалуй, он один в нашем крае, по десятку раз на день выступая на взбудораженных собраниях, смог утихомирить гневные страсти кровно обидевшихся за знатного земляка свердловчан.

И вот — итог. В конце 1991 г., когда грянули Беловежское и Алма-Атинское соглашения и власть в Москве уже формально сосредоточилась в руках Б. Ельцина, он при мимолетной встрече со мной сказал доверительно о том, что будет приглашать на пост главы президентской администрации Ю. Петрова. На следующий день я улетал в Свердловск и в аэропорту встретил Юрия Владимировича, который после своей кубинской эпопеи впервые посещал родные места. О предстоящем назначении он ничего не знал. И мы всю дорогу до Свердловска (к «Екатеринбургу» мы оба еще не привыкли) проболтали о кубинских делах, о сложных взаимоотношениях М. Горбачева с Б. Ельциным.

Враги

Все произошло неожиданно. Во всяком случае — для непосвященных. А непосвященной была вся страна, кроме узкого круга властвующих персон.

Шел к концу 1987 г., еще не минуло и двух лет перестройки. И вот накануне празднования 70-летия Великого Октября (жизнь шла по твердым старым канонам) состоялся Пленум ЦК, посвященный подготовке к этому празднованию.

На следующий день после Пленума возникло ощущение тревоги. Из информационного сообщения о Пленуме мало что можно было понять, но у всех нас, привыкших за советское время читать между строк, не оставалось сомнений в том, что на Пленуме произошло что-то непредвиденное и серьезное. В информационном сообщении был приведен длинный перечень выступающих, которые «осудили» выступление Б. Ельцина. Что? Что за выступление? За что осудили?

Как водится, поползли слухи. О предстоящих неприятностях для «нашего Бориса Николаевича».

А может быть, все сойдет? Будет спущено на тормозах? Ан, нет. Сразу же после октябрьских юбилейных торжеств — пленум московского горкома с выступлениями (в немалом числе — бывших секретарей московских райкомов, недавно снятых со своих постов), с новыми обвинениями, в адрес провинившегося, теперь — конкретными, за какие-то московские прегрешения, за «расправу над кадрами», потом — длинное, и как нередко бывало — не очень ясное, назидательное выступление Генерального, скомканное, тоже не очень ясные оправдательные слова Бориса Николаевича, намеки о его болезни.

А итог твердый, безапелляционный — освободить от поста секретаря горкома. А спустя несколько недель — Пленум ЦК, где поставлена точка — освободить Б. Ельцина и от поста кандидата в члены Политбюро.

Расправа. Беспощадная большевистская расправа. В современном, благопристойном, впрочем, антураже.

И вновь тот же вопрос — за что?

Как выяснилось чуть позже, выступление Б. Ельцина на Октябрьском Пленуме было традиционно резким. Наверное, еще более резким, чем всегда. Что-то наболело в столкновениях с московской бюрократией, с цэковскими секретарями, что-то шло прямо от упомянутого ранее отчаяния, от невозможности сдвинуть чиновничью машину, добиться кардинального решения какой-то проблемы — «по-свердловски», ярко, впечатляюще. Главное же прегрешение — выступление было *не согласованным*, не обговоренным, как водится, с Генеральным, с секретарями, не по теме (тем более, что Генеральный обещал все же встретиться после торжеств, поговорить).

И все же было в этом выступлении такое, что до сих пор составляет неразгаданную тайну. Чем-то надо было глубоко затронуть М. Горбачева, его ближайшее окружение (может быть, что-то «семейное»?), чтобы Генеральный так резко отвернулся от своего, казалось бы, самого верного сподвижника.

Я знаю по личным контактам, как лично-жестко реагирует Михаил Сергеевич на обманутые ожидания. Помню, каким непреступно отчужденным стало ко мне отношение М. Горбачева, а вместе с ним — его окружения, когда Комитет конституционного надзора приостановил (об этом уже упоминал) указ Президента «по Садовому кольцу» — первое за всю историю советского строя реальная и открытая отмена решения, принятого персоной номер один, — претензия на то, чтобы хоть в чем-то встать вровень с этим «первым лицом».

Со временем я все больше склоняюсь к мысли, что роковую роль в событиях того времени сыграли не некие мелочи, которые порой действительно ранят значительно сильнее, чем что-то другое (будто бы задел Раису Максимовну, не посчитался с горбачевским советом — подождать и пр.), а неприятие ельциновских резких шагов чиновничьей Москвой, что, видимо, сконцентрировалось в позиции секретариата ЦК, возглавляемого Е. Лигачевым. Не исключено, что ключом ко всему является сугубо личная реакция первой персоны — вспыхнувшее у Генерального настороженно-враждебное отношение к, казалось бы, преданному сподвижнику, который уж слишком круто сам «пошел» (тоже твердо знаю по личным впечатлениям — каким невыносимым становится любой деятель, в поведении которого можно усмотреть возможные высокочисленные действия, тем более — как приходилось наблюдать — претензии на высокий пост, не дай Бог, — кто его разберет? — не на «мой ли собственный»).

Вероятнее всего, здесь соединились многие причины, в том числе — только что упомянутые. Не исключено, что в данном случае начали проявляться жесткие законы «партийного отбора», когда более заметную роль начинают играть персональные свойства лица, в первую очередь — такие его качества, как личная преданность, безоговорочное послушание.

А быть может, тут правомерен и вывод более широкого значения. Не прозвучал ли в эпизоде с Б. Ельциным первый суровый сигнал о том, что перестройка в «рамках социализма», когда набрала невиданную силу вездесущая чиновничья бюрократия, невозможна, все равно не состоится? Сигнал о том, что Система коммунистической власти остается всемогущей, способной провести любое решение? И надо было, чтобы Провидение выдвинуло на авансцену такого деятеля, который своей яростной неумолимой энергией, заведенной на своей личной обиде и ненависти, смог бы все же поколебать непоколебимое?

Если это верно, то тогда легко объясняется тот всенародный протест, который вызвал партийная расправа с Б. Ельциным (наряду с моральной нечистоплотностью такой расправы, когда «хозяином» растаптывается верность наиболее последовательного своего сподвижника).

Задумывался ли когда-нибудь М. Горбачев о том, с какого момента началось его падение?

Борис Николаевич был «сломан». Жернова партийной расправы, когда послушник низвергался с властных высот в политическое небытие, никогда еще не давали сбоев. Поначалу они с математической точностью «сработали» и тут. И тут — как и во всех, без исключения других аналогичных случаях — человек был смят, выброшен прочь, низвергнут.

Никак не повлияла на происходящие события волна протестов, прокатившаяся по ряду регионов (особенно — Екатеринбург, Москве), — первая открытая и столь масштабная в советскую пору, да к тому же во время — как считали многие — начавшихся демократических перемен. И никто не посчитал достаточным «пряник» — назначение провинившегося на солидный властный пост — заместителем руководителя союзного Госстроя: всем было ясно — этот так, небольшая подкачка, от реальной власти Б. Ельцин отстранен.

Буря спустя некоторое время вроде бы утихла, во всяком случае — внешне. Но было заметно, как вдруг, неожиданно вырос авторитет Бориса Николаевича; одновременно стал меркнуть образ М. Горбачева, закрались сомнения в успехе перемен. Именно тогда, и сразу во всю силу, дала о себе знать популярность Б. Ельцина. Достаточно Системе проявить свою силу, тем более — по отношению к тому или иному человеку, как популярность этого человека резко взмывала вверх

(аналогичный результат достигался в то время при бескомпромиссной критике Системы – безотказно действующий способ, которым с неизменным успехом пользовались на выборах жаждущие власти люди).

Впрочем, в то время Б. Ельцин не воспользовался неожиданной удачей, он продолжал находиться в рамках принятых в ту пору порядков.

Примечательным в этом отношении было выступление Б. Ельцина в конце 1988 г. на партийной конференции (он был избран, преодолев сопротивление партийного руководства, по инициативе первичных низовых партийных организаций Свердловска). Его – в общем тоже незапланированное, нежелаемое руководством – выступление было умеренно-жестким, обращенным главным образом против верховода в высшем партийном аппарате, секретариата, возглавляемого Е. Лигачевым. И итог выступления – не требование, а скорее просьба к конференции, весьма умеренная, – всего лишь «реабилитировать» его по партийной линии, т.е. снять обвинения, быть может, «восстановить»...

Казалось, перелом в таком настроении вот-вот наступит после того, как в начале 1989 г. в стране были объявлены «свободные выборы» в народные депутаты, в обновляемые органы власти. Ведь в ответ на ряд предложений «снизу» Б. Ельцин согласился – явно вопреки позиции партийных инстанций – баллотироваться в народные депутаты и одержал огушительную победу в большом столичном избирательном округе. В ходе борьбы он будто бы загорелся, активно наступал, громил «привилегии». Да и сам по себе этот факт – выдвижение кандидатом в депутаты, избирательная кампания, победа на выборах – был, как и выступление на Октябрьском Пленуме, прямым вызовом Системе коммунистической власти. И такой факт, выявляющий небывалую поддержку свергнутого кумира населением, несомненно, мог воодушевить сломленного человека, возбудить в нем новую энергию, дать импульс к решительным действиям.

Этого не случилось.

Хотя на открывшемся в мае 1989 г. Съезде народных депутатов Б. Ельцин был в центре внимания – постоянно был окружен толпой почитателей, корреспондентов, давал интервью, что-то твердо говорил, обличал привилегии – он вместе с тем никаких решительных шагов по утверждению своей радикальной позиции, как это утвердилось в общественном мнении, не предпринимал. И это всем присутствовавшим на заседании бросалось в глаза. Особенно в сопоставлении с резкими, нетрадиционно-жесткими, порой дерзкими выступлениями А. Сахарова, А. Собчака, Г. Попова, С. Станкевича, других деятелей московской депутации – наиболее радикальной и наступательной из всех депутатских групп (вскоре преобразованной в «межрегиональную группу»).

Обескураживающим для многих был самоотвод Б. Ельцина при выборах Председателя Съезда. Ведь его депутаты (одни с надеждой, другие с любопытством) выдвинули в качестве альтернативы М. Горбачеву; а «он» отказался от борьбы, и сам самоотвод был каким-то вялым, с не очень вразумительными доводами.

А затем, после того как скрытые партийные механизмы, по всей видимости, все же сработали и Борис Николаевич не был избран в постоянно действующий Верховный Совет, какой-то осадок — при всех восторгах почитателей Б. Ельцина — оставил сам факт принятия им места в Парламент от А. Казанника. Горькую чашу такого «дара» пришлось испытать четыре года спустя, когда в ходе драматических событий октября 1993 г. А. Казанник был назначен Б. Ельциным Генеральным прокурором — факт, сам по себе не делающий никому чести. А затем — роковой финал всей этой цепи событий: весьма сомнительные действия Генерального прокурора, скоропалительно поддержавшего амнистию участников событий 1991 и 1993 гг., перекрывший путь к правосудным решениям.

А Михаил Сергеевич держался победителем. Порой торжествующим победителем. Эдаким отважным капитаном, который, умело маневрируя, с трудом и потерями, но все же твердо ведет государственный корабль сквозь рифы и водовороты крайностей и экстремизма.

При этом не очень-то скрывалось, что маршрут по бурным водам молодой демократии прокладывает «партия»: до открытия Съезда народных депутатов прошел Пленум ЦК, состоялось собрание депутатов-коммунистов, секретари обкомов, другие члены ЦК, деятели цеховского аппарата присутствовали на заседаниях Съезда, создавая в ходе депутатских выступлений «соответствующий» шум, а в перерывах заседаний спускались с антресолей к своим областным депутациям — «посоветоваться». А вот деятели высшей партийной когорты, причастные к Политбюро, секретари ЦК — даже те, кто входил в число депутатов и на заседаниях сидел вместе со своими депутатскими группами, в перерывах разом устремлялись в боковую дверь Президиума — в обширную рабочую комнату Президиума — на «чай-кофе».

Борис Николаевич в эту боковую дверь уже не входил...

У меня создалось впечатление, что после того как Б. Ельцин стал во главе Комитета Верховного Совета по строительству и архитектуре, у М. Горбачева, у всего высшего партийного эшелона наступило успокоение. Казалось бы — все в порядке. Вопрос решен. «Борис» снова допущен к власти (до последнего времени было принято, что посты председателей комитетов и комиссий Верховного Совета неизменно занимали высшие партийные чины, да тут еще — прорекламировано и кажется

осуществляемое возвышение советских представительных учреждений). Так что какая-никакая, а реабилитация Б. Ельцина состоялась.

Перед началом самого первого организационного заседания, на котором как раз происходило избрание председателей комитетов и комиссий, в зале заседаний Верховного Совета можно было наблюдать такую картину. На самой верхней отдаленной скамейке, расположенной на возвышении за столом Президиума, сидят рядышком М. Горбачев и Б. Ельцин. Видимо, это была первая один на один встреча после октябрьского разрыва (хотя — характерно — не в рядом расположенном кабинете Генерального, а в зале, как бы мимоходом). Разговаривают негромко, деловито. Больше говорит Михаил Сергеевич. О чем разговор?

Судя по каким-то еле уловимым приметам, по последующим событиям (скорее — по отсутствию таковых), М. Горбачев говорил примерно так: «Ну, что, Борис, рекомендуем тебя председателем важнейшего комитета. Будем дальше работать. Только ты не горячись, не торопись. Поработаешь председателем комитета, а потом будем решать... Договорились?»

Если верно предположение о том, что примерно такой разговор, действительно, состоялся, то это объясняет некоторые последующие события. Одно из них касается эпизода в общем-то из личной жизни Бориса Николаевича, но — такого, который с позиций беспощадных нравов, существовавших в ту пору в партийно-политической среде, мог, казалось бы, вновь низвергнуть его в политическое небытие.

Речь идет о случившемся осенью 1989 г. происшествии у моста, находящегося рядом с правительственным дачным поселком в районе санатория «Сосны». Тут небезынтересны некоторые детали обсуждения этого происшествия, участником которого мне довелось быть.

В тот осенний день на заседании сессии Верховного Совета появился после долгого отсутствия Б. Ельцин, сел на свое место на первом ряду, рядышком с крошечной Гаер — отчаянной воительницей за права малых народов Севера и Дальнего Востока. На сессии в те дни шла рутинная, но пока еще с романтическим законосозидательным энтузиазмом работа над проектом какого-то закона, кажется, крутились и перекручивались законоположения о посреднической кооперации.

Перед самым обеденным перерывом председательствующий М. Горбачев внезапно предложил тотчас же, «по срочному вопросу» собраться членам Президиума, куда по должности входили председатели комитетов и комиссий. А на заседании после заявления председательствующего о том, что в последнее время распространились слухи о нападении в Подмосковье на Бориса Николаевича, слово было дано министру внутренних дел В. Бакатину. И тот, изрядно волнуясь, рас-

сказал, что несколько дней назад поздним вечером в помещение милицейского поста у правительственных дач вошел человек в мокрой одежде и пояснил, что на него напали, набросили на голову мешок, бросили в реку. Когда за ним приехали, выяснилось, что это — Борис Николаевич. Факт нападения по проведенному служебному расследованию не подтвердился (высота моста свыше десяти метров, уровень воды в реке небольшой, Борис Николаевич, приехавший с букетами цветов, просил водителя машины оставить его одного...).

Могло ли это происшествие послужить поводом для новой, теперь уже публичной и окончательной расправы? Наверное — да. Причем не в кулуарно-партийном стиле, а в открыто-публичном. Возможно, для этого было бы достаточно подробной публикации всего случившегося с показанием милиционеров, водителя. Плюс — с трудом произнесенное признание на заседании Президиума Б. Ельцина в том, что никакого нападения на него не было (его с большой настойчивостью добивался председательствующий и потребовал, чтобы оно было повторено во всеуслышание на заседании сессии).

Почему такой новой расправы не произошло? У меня нет другого объяснения, кроме того, что М. Горбачев, высший партийный эшелон твердо уверовали — «Борис» уже вне игры, дальнейшего его взлета к власти уже не будет, и в данном случае задача одна — еще раз поставить бывшего сотоварища на место и милостью к оступившемуся, благородством продемонстрировать — кто есть кто.

И возможно, еще в то время сработали и клановые законы, сообразно которым до поры до времени — до тех пор, пока ослушник остается еще среди «своих» (а Борис Николаевич оставался членом ЦК и в США похвалялся, что никому не отдаст свой партбилет), его за личные огрехи не очень-то секут. Да и вообще в то время, осенью 1989 г., уже можно было утвердиться во мнении, что все, даже самые драматические процессы замыкаются на официальной власти, проходят по ее законам, и потому Б. Ельцин сколько-нибудь значимой угрозы существующей системе не представляет.

Впрочем, все, быть может, и совсем не так — и об этом кое-кто говорил открыто. Такое «вольное» поведение Б. Ельцина воспринималось многими как свидетельство того, что он — «наш мужик». Ну, и что? Нормально. Гульнул, слегка пострадал, попытался выкрутиться. Ведет себя как настоящий мужик.

Кстати, сдается, что впоследствии подобные акции стали даже расчитанными действиями людей, жаждущих власти.

Потом с конца осени 1989 г. наступило затишье, и продолжалось оно до конца весны следующего года.

То есть затишье, конечно же, относительное.

Даже с внешней, событийной стороны. Состоялось два Съезда народных депутатов, на одном из них (мартовском) М. Горбачев был избран Президентом СССР – новый институт власти, который и я пропагандировал и при его обосновании на мартовском Съезде вернул новое выражение – «паралич власти».

Безостановочно заседал союзный Верховный Совет. Совет на своих заседаниях бурлил, вскипали страсти и амбиции при отработке законодательных текстов – порой по самым пустячным вопросам. Выстраивались очереди у микрофонов; тем более, что заседания целиком транслировались по телевидению, и некоторые депутаты, подстегивая к активности своих коллег, за короткий срок попали в разряд телегероев.

Правда, все это было не для Бориса Николаевича. По всему было видно, что для него после отчаянного, полного драматизма нового восхождения наверх, жарких схваток, бескомпромиссных поединков все это стало тягостным временем. Что это – то ли потолок, конец пути, то ли передышка? Или – горбачевское коварство, обман?

Однажды я зашел в помещение его комитета (оно располагалось поначалу – как и помещения других комитетов и комиссий – в люксовых номерах блока гостиницы «Москва», прилегающего к «митинговой» Театральной площади). Он сидел в пустом кабинете за чистым столом, отрешенно смотрел перед собой, вяло отреагировал на переданную мной просьбу одной из жалобщиц – их было великое множество – принять ее.

Впрочем, и, по сути дела, осенне-зимнее затишье конца 1989 – начала 1990 г. было во многом все же кажущимся, обманчивым, зыбким.

Ведь что ни говори, несмотря на все демократические бури, коммунистическая система устояла. Сверх того. Даже казавшиеся превосходными достижения в законодательстве – первые свободные, весьма привлекательные законы – о печати, о собственности, об аренде, по кооперативным вопросам – на поверку, как показал последующий анализ, – привели к тому, что главные силы партokratической власти лишь отступили, стали менять свой облик, приспосабливаться, а ее основы оказались мало в чем затронутыми. Вступили в действие многочисленные скрытые механизмы, уловки, ловушки, позволившие во многом блокировать парламентскую перспективу изменения системы, ограничивать и сводить на нет уже принятые законодательные нововведения, в итоге – и по-прежнему проводить «партийную линию».

Мне сдается, что в неторопливой, внешне успокоенной обстановке Б. Ельцин так и не смог по-настоящему найти себя. Отсюда, по-видимому, та импульсивность, экстравагантность, которыми была отме-

чена его поездка в США (и это подчеркнуто, с недоброжелательными акцентами было отражено в телевизионном фильме, газетных статьях партийной печати и даже отмечено парламентской комиссией по этике). Да и происшествие у правительственных дач, возможно, имеет ту же психологическую подоплеку — несбывшееся ожидание, помноженное на еле сдерживаемое нетерпение и неудовлетворенность, неожиданное смирение перед все еще торжествующей, вновь оказавшейся незыблемой Системой.

Именно своего рода незыблемость, устойчивость советской системы власти, ее неуступчивость и изворотливость, способность выдержать, казалось бы, мощный демократический напор, оказались обстоятельством, заставившим — как я понимаю — приверженцев основательных демократических перемен сменить ориентиры и даже ужесточить свои намерения («не хотите перемен в системе ваших же парламентских нововведений, будем действовать иначе и пойдём дальше»).

Тем более, что в такой обстановке упрочила свое положение и особая организационная институция, противостоящая официальной власти. Как уже упоминалось, на основе московской депутатской группы (она в дни первого Съезда стала объектом обвинений депутатов из провинции за «высокомерие», «деструктивность») сформировалась межрегиональная группа. Вот она-то и стала даже не столько возмутителем спокойствия, сколько принципиально новым в советских условиях явлением — официально признанной организационной силой, противостоящей официальной партийно-советской власти. Характерно, что А. Сахаров за несколько дней до ухода из жизни поставил вопрос о преобразовании межрегиональной группы в партию.

В межрегиональной группе — насколько я могу судить — сложилось убеждение, что необходимо пойти на *фактическое овладение властью* и прежде всего — на завоевание властных рычагов на тех участках политико-государственной жизни, где сила партоткратических механизмов не столь значительна, — в местных Советах и в особенности в республиканских институтах власти.

И в это время, весной 1990 г., открылась кампания по выборам в местные Советы и республиканские представительные органы — Верховные Советы союзных республик, в том числе — РСФСР, России. На ведущие посты — мэров столичных городов — Москвы и Ленинграда были выдвинуты видные деятели демократической ориентации Г. Попов и А. Собчак. Самое же значительное здесь — это начатая, с размахом и бурно, кампания по избранию в Верховный Совет РСФСР, с явной нескрываемой нацеленностью на то, чтобы Б. Ельцин занял пост

Председателя Верховного Совета — пост главы государства, в общем уже сравнимый с государственным статусом М. Горбачева.

Кто видел Б. Ельцина в те дни, знает — как разом преобразился Борис Николаевич. Вновь его походка стала твердой и уверенной, в словах — бескомпромиссность, в глазах — огонек борьбы.

Скажу еще раз — у меня нет никаких данных, подтверждающих демократические унастроения Бориса Николаевича до начала 1990 г., зато — немало данных, свидетельствующих о том, что он — как и большинство из нас — находился в жесткой системе существовавших в то время господствующих отношений. Особенно — при выполнении функций «первого», да и в последующее время. При всем своем противостоянии официальной власти он не выходил за рамки продиктованных Системой «правил игры» — даже в отстаиваемых взглядах, лексике.

Но вот в ходе работы союзного Верховного Совета и еще более — деятельности межрегиональной группы, сопредседателем которой он стал вместе с видными демократами, прежде всего — А. Сахаровым, началось овладение Б. Ельциным демократией.

Ничего упречного в этом нет: каждый из нас, воспитанный советским временем, — каждый, без каких-либо исключений — проходил такого рода школу.

Вместе с тем усвоение Б. Ельциным представлений, понятий, лексики демократии, как мне представляется, не привело к формированию побудительной основы для активной наступательной деятельности.

В этом, надо полагать, отдавали ясный отчет его сподвижники по межрегиональной группе. Один из активных ее участников рассказывал об отношении А. Сахарова к Б. Ельцину, к его миссии в демократическом движении. Лидер межрегиональщиков говорил о Борисе Николаевиче примерно так: «У нас, у всех есть свое дело, на которое каждый из нас может переключиться, — наука, преподавание, искусство. У Ельцина же ничего другого, кроме политического будущего, нет. И он пойдет с нами до конца...»

Словом, Б. Ельцину — с учетом его популярности, славы прогрессивного деятеля, борца — отводилась довольно определенная роль. Это роль не духовного убежденного сотоварища по мировоззренческим идеям, ценностям, идеалам, а роль вождя, ударной силы и щита, способного пойти на основательные преобразования и упорно проводить их.

И такой расклад сил, при всей его рассогласованности с формальным провозглашаемым статусом и намерениями действующих лиц, был верен. Или, можно сказать так, оправдан или вызван тогдашней ситуацией. Сами по себе ценности и идеалы демократии, особенно

в обстановке продолжающегося господства Большой власти, не создают побудительную основу для решительных действий – особенно таких, которые сокрушили бы коммунистическую систему. Неудачи ряда демократических деятелей по осуществлению программ, нацеленных на глубокое преобразование общественной жизни, – очевидное тому подтверждение.

У Бориса же Николаевича мощная побудительная основа для решительных действий уже была. Был духовный мир, уязвленный несправедливым смещением, и было глгучее стремление реабилитироваться в политической жизни, в мире власти, и зрело, наконец, вырастающее из обиды побуждение поставить на место тех, кто чинил над ним расправу.

Вместе с тем тягостные дни грозного затишья и приготовления к новой борьбе стали временем демократического самообучения Бориса Николаевича.

Тут уместно заметить, что Борис Николаевич довольно быстро показал себя как человек, успешно самообучающийся, нередко схватывающий на лету известные идеи, образы, слова. И пусть это качество носило поверхностный характер и имело пределы, подчас новые идеи, образы, слова натькались на стену непонимания, отторгались, а в практической деятельности вообще перекрывались действиями противоположного свойства. Все же успешное овладение Б. Ельциным демократическими образами и лексикой – факт значительный. Факт, ставший беспроегрышным.

Весной 1990 г. Ельцин был избран депутатом Верховного Совета РСФСР.

Борис Николаевич вновь «вышел» из той полувластной ниши в политико-государственной жизни общества, которая – как представлялось правящим верхам – была для него, с учетом сложившегося положения вещей, найдена. Такой поворот событий поначалу, кажется, не вызывал тревоги. Было подсчитано, что большинство эрэсэфэсэровских депутатов – коммунисты, причем в депутаты прорвалось на этот раз немалое число работников партаппарата, уступивших на выборах на общесоюзном уровне. Так что стратегам из ЦК представлялось, что кадровые вопросы в РСФСР будут решены так, «как надо». На пост Председателя Верховного Совета готовился партийно-хозяйственный чиновник средней руки – Власов.

Но в мае, в канун открытия Съезда народных депутатов РСФСР, повеяло грозой. Видимо, перспектива нового взлета Б. Ельцина приобрела реальные очертания. Нужно было что-то делать, предпринимать какие-то контрмеры.

Сначала эти меры начали осуществляться по партийной линии, как водится, скрытно, по кабинетам, с глазу на глаз. За день-другой до открытия Съезда депутатов РСФСР М. Горбачев пригласил к себе, в здание ЦК на Старой площади, влиятельных депутатов-партийцев. Встреча, судя по репортажам в печати, не очень-то получилась. Тревога стала более острой.

И тогда пришлось идти в открытую – создать желательный, анти-ельциновский настрой на самом Съезде народных депутатов.

Конечно, это был неверный шаг. Тем более, что выступал «сам» М. Горбачев (значит, есть личный мотив), выступал неудачно, с прямым призывом не верить высший пост в республике Б. Ельцину (значит, опять гонение). По парадоксальной логике, неумолимо действующей в подобных ситуациях, эффект тут был обратный: Б. Ельцин в результате такого выступления Президента СССР вернул себе образ несправедливо гонимого и обрел новых сторонников. И что хотелось бы особо отметить – открыто-публичное выступление М. Горбачева против «нашего Бориса Николаевича» перевело всю кризисную ситуацию из плоскости в основном закулисных, подковерных разборок в плоскость прямой вражды.

А затем последовал ключевой момент, когда вражда между двумя личностями вылилась в борьбу между «двумя Россиями», одну из которых олицетворял М. Горбачев, а другую – Б. Ельцин, – в борьбу между СССР и РСФСР. Таким ключевым моментом стало принятие Верховным Советом РСФСР Декларации о суверенитете, которая стала одним из первых звеньев в цепи событий, повлекших в конечном счете разрушение всей советской имперской государственности.

Одним из пунктов Декларации, вызвавших особо острую тревогу, был пункт о том, что российские законы имеют приоритет (верховенство) по отношению к общесоюзным. В то время я находился в подмосковном санатории, в который приехал и Г. Попов, человек, весьма близкий к Борису Николаевичу. Я сказал ему о своей тревоге. «Вы обязательно, – ответил он, – растолкуйте это Борису Николаевичу». Через несколько дней поздно вечером он позвонил мне, пригласил зайти, и я в его номере застал Б. Ельцина. Увы, мои разъяснения оказались напрасными, да и – признаюсь – встретив колюче-жесткое неприятие, кажется, утратил свое преподавательское умение «растолковывать». Он уловил в упомянутой записи опорную точку в предстоящей суровой борьбе. Он сказал, парируя мои аргументы, одно – то, что верховенство российских законов устанавливается в «рамках нашей Конституции». Той Конституции, положения которой были во многом неопределенными. Словом, спустя некоторое время началась

невиданная в истории «война законов» — «предвестник скорого разрушения единой государственности.

В нынешней России 12 июня, день принятия Декларации о суверенитете РСФСР, — праздник. Ну, что ж, праздник так праздник, мало ли у нас их всяких. Но этот же день — день первой крупной победы Б. Ельцина над М. Горбачевым — отправная дата, с которой начались нарастающие процессы, повлекшие за собой падение первого и возвышение второго, и вместе с тем — крушение всей, казалось бы, несокрушимой Системы, а с ней — всего Советского Союза.

И вот тут нужно внимательно приглядеться к тем слагаемым, которые вопреки множеству иных факторов, условий и предпосылок приводят к такого рода результату. Я говорю «приводят» и этим хочу сказать, что коль скоро подобные слагаемые наличествуют — успех одних и неуспех других становятся неотвратимыми.

Первое слагаемое, так сказать, всей ситуации — это несбывшиеся ожидания скорых перемен, разочарование, недовольство людей существующей властью. Хотя бы такое, которое существовало в советском обществе в 1990–1991 гг.

А на этом фоне — два главных момента, которые и решают дело. Это, во-первых, гонимый деятель, известный своими радикальными шагами, и во-вторых, его, этого деятеля, программа радикальных действий, рассчитанная на обособленные местные (национальные или региональные — республиканские, областные) интересы. Важно здесь и то, чтобы местные интересы можно было отстаивать в соответствующем представительном учреждении (Верховном Совете, областной Думе), чтобы они таким путем стали гласом народа, а также то, чтобы в центре всего этого стоял ранее гонимый деятель — теперь лидер, энергия и напор которого звали избранных народа и известные слои населения к активным наступательным действиям. Для начала — как это и случилось в РСФСР летом 1990 г. — к принятию Декларации о суверенитете.

В такой ситуации местные интересы становятся столь мощной силой, что они перекрывают все иные побудительные мотивы (например, партийную дисциплину, когда при принятии российской Декларации ее с воодушевлением поддержали также и представители многочисленной коммунистической фракции).

Такой механизм взлета вверх без каких-либо сбоев сработал и в ряде других республик (в частности, в Армении, Грузии), а затем и в областях (например, в Свердловской области в 1995 г. при выборах губернатора области). В ряде случаев ранее гонимые лидеры повторили ельцинские действия чуть ли не под копирку, точка в точку.

Небезынтересно, что тут у людей приобретает доминирующее значение одна из древних биосоциальных программ поведения, связывающая наиболее решительные поступки с территорией, с «почвенными» интересами людей, считающих эту территорию «своей».

Как свидетельствуют многие факты, тот эффект, который наступает в результате того, что «срабатывает» указанный безотказный механизм успеха, является противоречивым, далеко не всегда оказывающим положительное воздействие на ход общественного развития.

Ниспровержение

Людам, знакомым с повадками гор, известно — начавшийся в горах снежный обвал — неостановим. Возникает он в движении снежной крошки, незаметного снежного ручейка. А вскоре — лавина, стремительно скатывающийся вниз снежно-ледяной вал, сметающий все на своем пути. И никакие меры, отчаянные шаги тут не помогут. Тут начинают действовать неостановимые природные силы.

Вот такой же нарастающий обвал начался в союзно-советской государственности после объявленного РСФСР суверенитета. И никакие меры — ни военно-жесткие (сначала полутайные в Вильнюсе, Баку, Риге, затем открытые — в августе, в Москве), ни юридико-конституционные (мартовский всесоюзный референдум) — остановить события, накатывающиеся на, казалось, несокрушимую державу, уже не могли. Потому что, на мой взгляд, здесь также начали действовать возбужденные природные силы — интересы, в основном обостренно национальные, завязанные на своей территории (в той ситуации — союзных республик).

Остановить такой поток могла — как и в горах — другая идущая наперерез лавина. Например, широкое движение людей по обретению производительной собственности, что враз могло бы резко улучшить материальное их положение, — этого не произошло (тут уже во многом моя мечта, надежда и несбывшееся, хотя предпринимал ряд попыток настроить на все это М. Горбачева).

И внимательно взглянув на события уже в конце 1990 — начале 1991 г., можно сказать — конец Советского Союза, имперской государственности, являющейся неотъемлемым звеном всей партократической системы власти, — был предрешен.

Переломным в череде событий стало выступление Б. Ельцина на каком-то московском форуме в марте 1991 г., организованном тогдашним московским мэром Г. Поповым (который, по моим личным впечатлениям, был вместе с Г. Бурбулисом своего рода мозговым центром при вы-

работке планов действий). На этом форуме, наряду с оглашением первоочередных экономических акций (например, наделением крестьян землей — мерой, увы, не осуществленной ни в то время, ни позже), Б. Ельцин во всеуслышание объявил о том, что он «порывает с Горбачевым» и встанет на путь действительных реформ в России.

На мой взгляд, это заявление Председателя Верховного Совета РСФСР — по стандартам того времени главы республики — до сей поры должным образом не оценено. Оно прежде всего свидетельствовало о том, что Б. Ельцин в тот момент перешагнул ту грань, которая в советских условиях существовала между первым лицом и всеми нижестоящими деятелями. Насколько это трудно и вместе с тем — насколько это существенно, знают все, кто приглядывался к событиям, знаменующим выход советского общества из прежнего партийно-тоталитарного состояния. А. Сахаров, Ю. Афанасьев, Г. Попов, А. Собчак становились радикально действующими лицами лишь после того, как переходили эту грань (что было не всегда просто в психологическом и даже моральном отношении) — «порывали» с официальной властью.

Теперь это сделал и Б. Ельцин.

По существу дела указанное заявление означало, что Б. Ельцин рассматривает свой пост в качестве такого, который не уступает горбачевскому, и что он бросает М. Горбачеву перчатку, «идет на Вы».

Именно с этого времени, с которого по существу и началось ниспровержение М. Горбачева, развернулись с опорой на Декларацию о суверенитете действия по *реальному, фактическому овладению Б. Ельциным, его командой властью в государстве*.

Отталкиваясь от записи в Декларации о верховенстве республиканского законодательства, именно в это время были приняты законодательные документы, призванные, не считаясь с общесоюзными установлениями и возможными издержками, привлечь на «сторону РСФСР» население, национальные общности (более высокими пенсиями, реабилитацией репрессированных народов), переключить «на РСФСР» силовые ведомства, обеспечить сосредоточение в руках республиканских органов основных национальных богатств. На основании таких документов происходило и реальное сосредоточение фактической власти в «руках РСФСР», в частности, путем перехода «под юрисдикцию РСФСР» силовых институтов, все большего числа государственных предприятий, получающих немалые финансовые и административные послабления и оказывающихся в неконтролируемой среде, когда уже нет планово-командного регулирования, но и нет еще регулирующего воздействия частнособственнического рынка.

Даже в настоящее время мало кто отдает себе отчет в том, что разрушение единого общесоюзного государства началось не с Беловежских соглашений и даже не с августовского путча, а еще раньше — со все большего фактического перехода реальной власти к рэсэфэсээровским республиканским органам.

И неизбежность такого разрушительного результата была обусловлена тем, что СССР — это общесоюзные структуры и структуры одной (только одной!) из республик — РСФСР. Большинство общесоюзных министерств руководили данными организациями через одноименные министерства в союзных республиках, а в РСФСР (где такого одноименного республиканского министерства не было) — напрямую. И поэтому, когда «менялась юрисдикция» и на территории России образовывалось «свое» министерство и соответствующие организации выходили из общесоюзного ведомства, то последнее урезалось в объеме своих полномочий и, как правило, приходило в упадок.

Стало быть, действительная борьба социальных сил и личностей, столкновение различных социальных тенденций в то время вылилось в противоборство «двух России». Такое противоборство «двух России», при котором возрастание реальной власти в рэсэфэсээровской России шло за счет уменьшения и так в то время куцей общесоюзной власти со всеми вытекающими отсюда деструктивным последствиями. И значит, с близким неизбежным падением власти М. Горбачева.

Понимал ли М. Горбачев, все партийно-государственное руководство Союза, что именно в то время наступила кульминация в решении рокового вопроса «кто кого?».

Полагаю — да, такое понимание было. Реально это я почувствовал в связи с тем, что именно в эти дни, неожиданно после многомесячной психологической блокады, вызванной решением ККН, лишившим юридической силы президентский указ по «Садовому кольцу», меня пригласил М. Горбачев. И главным в разговоре, кроме сетований на «популистские решения» Комитета (а к тому времени было вынесено и решение о недопустимости использования вооруженных сил при решении политических вопросов, об отмене прописки, «секретные» акты и др.), было стремление М. Горбачева восстановить доброжелательно-деловые взаимоотношения и еще более — вызвать былую симпатию к себе... Во многом это удалось. Во всяком случае, я внутренне отказался от было уже твердого решения уйти в отставку (деятельность Комитета конституционного надзора в силу законодательного ограничения его функций, несмотря на ряд деловых решений, никак не соответствовала его наименованию и социальным ожиданиям и от-

того превращалась в благообразное прикрытие все еще господствующей партноменклатуры) и до самого крушения Союза поддерживал с Михаилом Сергеевичем деловые контакты.

Ведь, по сути дела, январские кровавые события в Вильнюсе и Риге уже являли собой попытки общесоюзной власти изменить ситуацию (понятно — коварными и изощренными методами, характерными для большевистско-коммунистического режима, увы, затем воспроизведенными и позже, при Ельцине летом — осенью 1994 г. при попытках свергнуть дудаевский режим в Чечне). Такого рода попытки повторялись после января, были введены совместные военно-милицийские патрули в городах. Вскоре последовало отчаянное действие, казалось бы, — хорошо организованная акция на внеочередном Съезде народных депутатов РСФСР по смещению Б. Ельцина с его поста, предпринятая шестеркой его ближайших заместителей и руководителей палат, — акция, которая не только не увенчалась успехом, но и укрепила позиции Бориса Николаевича. При этом — совсем уже в пику М. Горбачеву — Съездом было принято решение об учреждении поста Президента РСФСР — событие, с которого вслед за парадом суверенитетов и законов начался «парад президентов».

Поражением общесоюзной власти закончилась и избирательная кампания по выборам российского Президента, хотя ему противостояла целая группа довольно авторитетных деятелей (Н. Рыжков, В. Бакатин, А. Тулеев и др.). Вновь, пусть и в несколько иной ипостаси, сработал описанный ранее механизм, когда избиратели голосуют как раз противоположно тому, чего настойчиво добивается власть, теряющая авторитет в обществе. Не потребовался даже второй тур голосования: Б. Ельцин уже в первом туре набрал свыше 50% голосов.

Словом, весьма массивные (как видно теперь) антиельцинские акции, проведенные в большевистском стиле — в стиле заговора и прямого насилия, не дали желаемого результата, более того, обернулись новым мощным взлетом Б. Ельцина.

Можно с достаточной уверенностью предположить, что именно в эти месяцы в психологическом настрое М. Горбачева и Б. Ельцина — чуть ли не синхронно — произошли существенные повороты. Мне представляется, что как раз в это время Б. Ельцин обрел уверенность в том, что он может низвергнуть своего бывшего патрона, а теперь — врага, и взять в свои руки нити Большой власти. Но еще более существенно — то, что — судя по всему — надломился М. Горбачев.

Он, видимо (хотя бы для себя), признал бесплодность попыток устранить из политической жизни Б. Ельцина, смирился со своим поражением в данной ситуации и поставил на будущее весьма ограни-

ченную задачу. Эта задача, как можно предположить, состояла в том, чтобы, признав нынешний статус Б. Ельцина, не дать ему развиваться дальше и тем самым одновременно предотвратить цепную реакцию (как это случилось с суверенитетом республик) — фактический переход власти во всем Союзе из центра в республики.

Именно в эту пору, в апреле 1991 г. в подмосковном Ново-Огареве начался мучительный процесс по выработке Союзного договора.

Достоин удивления то обстоятельство, что в советском обществе, в котором происходило тотальное попрание права и реальное положение вещей определялось фактической силой, столь великое значение придавалось формальным юридическим документам и будто соответствующим им фактическим реалиям. Ведь до сих пор люди, оправдывающие вооруженно-насильственные действия путчистов в августе 1991 г., обосновывают эти действия стремлением предотвратить заключение Союзного договора, который будто бы вел к распаду единого государства — Советского Союза.

Но правда заключается в том, что распад единой союзной государственности интенсивно происходил фактически начиная с января — апреля 1991 г. И этот процесс приобрел нарастающий необратимый характер как только провалились большевистские попытки удержать этот процесс насильственным путем в Тбилиси, Баку, Вильнюсе, Риге, Москве.

И кстати, следует заметить, что при всем негативном значении «провозглашений республиканского суверенитета», деклараций «о независимости» и даже действий по фактическому овладению в РСФСР, в других республиках властью главным фактором распада стало выпадение из всей структуры союзной государственности ее стержня — партийно-кэгебистской силовой основы власти. Того выпадения, которое происходило в ходе углубляющихся демократических процессов и которое дало простор для взрыва этнической государственности — страшной мины, заложенной большевистской идеологией и практикой.

Новоогаревский же Союзный договор был и по своему замыслу и по своей сути попыткой спасения хотя бы какой-то союзной государственности. Другой вопрос, что эта государственность, по всем данным, была бы урезанной, немощной, не способной поддерживать единый партийно-государственный монолит и главное — не заидеологизированной властью (что и побудило ортодоксальных коммунистов предпринять отчаянные шаги по ее воссозданию в августе 1991 г.). Но как бы то ни было, целостная государственность по Союзному договору сохранялась, и, возможно, это стало бы каким-то барьером к полному крушению Советского Союза.

А подтверждением того, что утвердилась новая расстановка сил, при которой Б. Ельцин встал вровень с союзным Президентом, стали его новые решительные шаги по утверждению «российской власти». Наиболее впечатляющий из таких шагов – принятый в конце июня указ о запрете партийных организаций на государственных предприятиях и в государственных учреждениях.

Суть вопроса здесь вот в чем. Уже говорилось – утвердившаяся в Советском Союзе мощная партократическая власть была «большой» не только потому, что имела диктаторский, тиранический характер, но еще и потому, что она была *везде*, во всех сферах жизни общества, присутствовала она и на рабочем месте каждого человека, постоянно давала о себе знать во время работы, была вот тут рядышком в виде «местной партийной организации» предприятия, учреждения – своего рода щупалец-присосок гигантского партийного организма. Коммунистическая партия, лишившись своих многотысячных звеньев на предприятиях, во многом теряла свою силу. Указ Б. Ельцина, досконально знакомого с тайнами партийного всемогущества, ударял в самый «поддых» партийной тирании.

В это время как раз проходил Пленум ЦК партии, обсуждавший партийную программу. И вот на Пленуме, затем в партийной печати – протесты, заявления, истерические крики: ельцинский указ нарушает... Нарушает – чего бы вы думали? Нарушает извечную «занозу» коммунистического режима – *права человека*. Да-да, права человека! Права граждан на свободные объединения, в том числе непосредственно на работе. Тут же через Председателя Верховного Совета члена Политбюро А. Лукьянова было направлено в Комитет конституционного надзора требование об отмене указа.

Мне пришлось срочно (прямо с огородных работ – окучивал картошку) приехать из Екатеринбурга в Москву. В Комитете был ряд сторонников того, чтобы немедленно удовлетворить заявленное требование. К счастью (особенно для тех, кто разделял акцию российского Президента), для подобного немедленного реагирования существовали формальные препятствия: ККН был органом правосудного профиля и его действия и в этом и во всех иных случаях были подчинены строгим срокам и процедурам. Поэтому мы – как и положено по закону – ограничились принятием дела к производству и предложением российскому Президенту приостановить исполнение оспариваемого указа до вынесения решения.

Я тотчас же поехал в российский Белый дом передать Борису Николаевичу предложение о приостановке действия указа. Разговор про-

исходил в гигантском кабинете (намного превосходившем по размерам кремлевские апартаменты).

Такого жесткого отчуждения, ледяной реакции, которые последовали за моими словами о принятии ККН дела к производству Б. Ельцина, больше никогда не встречал (факт – симптоматичный: Борис Николаевич набрал силу). Пожалуй, только то обстоятельство, что прозвучала убежденность в перспективе действительно демократического решения проблемы, позволило завершить разговор в доброжелательно-деловой тональности (хотя предложение приостановить действие указа и не было принято).

Спустя некоторое время я связался с М. Горбачевым. Он был на даче и на мою просьбу принять меня сказал: «Давайте по телефону. Говорите, сколько надо» (позже я узнал, что в своих апартаментах Михаил Сергеевич никого – кроме, наверное, очень близких лиц – не принимал). По телефону говорить было трудно, но я все же попытался уговорить союзного Президента – в перспективе заключения Союзного договора – не осложнять ситуацию и, коль скоро решение вопросов, связанных с общественными объединениями и партиями, относится к республиканской компетенции, по договоренности с А. Лукьяновым снять требование о российском указе.

Четкого ответа на этот счет я не получил. Видимо, в то время Михаила Сергеевича обуревали другие мысли. Потому что совершенно неожиданно и вопреки логике разговора он стал подробно, с деталями рассказывать о том, как, с какой пышностью («как у царя») проходила недели три назад церемония принятия присяги Президентом РСФСР, какие еще пышности Борис Николаевич хотел было включить («вплоть до орудийного салюта») и как это все же удалось предотвратить.

До самых тревожных дней августовского путча так и не оставяла меня мысль о том, каким образом в обстановке продолжающейся вакханалии партийных протестов о будто бы грубом нарушении прав человека и настроений ряд членов ККН добиться справедливо-демократического решения по делу о президентском указе о первичных партийных организациях, решительно взламывающего существующую систему власти.

В конце августа все решилось само собой.

20 августа 1991 г. предстояло подписание Союзного договора. Хотя я и не был приглашен на эту процедуру (блокада – не блокада, но стремление вытеснить ККН из официальной жизни ощущалось отчетливо – ККН все больше задевал устои партийно-советской Сис-

темы), я все же вечером 18 августа прилетел в Москву. Главная цель — уже напрямую поговорить с Михаилом Сергеевичем о деле с партийными организациями; тем более, что из Союзного договора вытекала линия на деидеологизацию власти.

Утром 19 августа — ощущение того, что все в мире рухнуло. По дороге в ККН обогнали на машине несколько колонн танков,двигающихся к центру.

Государственный переворот? Несомненно. Поразительно, что полтора месяца до этого при встрече с М. Горбачевым, когда я попытался убедить его отозвать его представления о признании неконституционными решение некоторых республик о выводе силовых ведомств из-под подчинения партийных органов и о необходимости ему как Верховному главнокомандующему фактически возглавить вооруженные силы, Михаил Сергеевич сказал с усмешкой: «На Хрущева намекаешь? Теперь другое время, не выйдет».

Увы, вышло.

В неказистом помещении ККН оказалось всего пять членов Комитета. То, что захват власти ГКЧП совершен и по-большевистским нравам — решительный, на данный момент беспощадно-крутой, сомнений не вызывало. Тем не менее нужно было без обиняков попытаться сказать и свое слово. На утро 21 августа было назначено пленарное заседание Комитета (половина его членов находилась в союзных республиках — нужно было, чтобы они добрались до столицы), а пока присутствующие члены Комитета в эти утренние часы выступили с таким заявлением, которое только и мог сделать правосудный орган, — о конституционной несостоятельности гэкэчепистских акций. Опубликование, пусть и в урезанном виде, этого заявления, — единственного, исходящего от общесоюзных учреждений, было — как свидетельствовали многие отклики — знаком того, что не все еще потеряно. И что у демократии есть шансы, перспективы.

Во второй половине дня 19 августа стала известна жесткая антипутчистская позиция Б. Ельцина, его команды, а главное, произошел взрыв поистине народного протеста, уникальный и первый подобного масштаба в нашем Отечестве, наверное, одна из ярких и светлых страниц становления демократии в России. Эти события, перекрывшие все другие и вызвавшие революционно-баррикадный дух, стали своего рода точкой отсчета для оценки всего происходящего в эти дни, подчас, увы, без должного учета строгих правовых критериев.

События августа 1991 г. — сложны и противоречивы. Не менее сложны и противоречивы их интерпретации и оценки. В этой связи прихо-

дится сожалеть, что так и не состоялся правосудный разбор всех фактов тех дней. Даже политически ориентированный процесс против активных деятелей ГКЧП, уже вступивший в судебную фазу, вопреки исходным правосудным началам в 1994 г. был под предлогом «амнистии» поспешно прекращен (хотя надо признать, что продолженный в отношении одного из подсудимых, Варенникова, он, к сожалению, мало что дал для правосудной констатации фактов).

Не касаясь всего комплекса связанных с августовскими событиями проблем, хотелось бы в контексте темы этих заметок привлечь внимание к двум моментам.

Наряду с решением некоторых иных задач, в том числе с пресечением формирования слоя свободных собственников и отсюда либерального направления в развитии экономики, гэкэчеписты явно стремились к тому, чтобы «остановить» Б. Ельцина, его стремительный взлет, приводящий к разрушению всей коммунистической системы. Если это верно, то спрашивается: почему М. Горбачев не поддался на их уговоры и не возглавил чрезвычайщину? Здесь может быть несколько ответов. Наиболее очевидный заключается в том, что Б. Ельцин уже стал символом демократического прогресса и силовое выступление против него грозило неблагоприятными последствиями. Да и вообще, разве можно было так легко расстаться со своим детищем, с таким трудом давшимся — Союзным договором, который казался, и с немалыми резонами, якорем спасения.

И такой еще момент. Б. Ельцин и его команда с самого начала августовских событий выступали под флагом «освобождения президента Горбачева», и это явно сработало на авторитет российского руководства.

Но как только стал очевидным провал путча — все изменилось. Довольно ощутимо почувствовали это мы, в ККН. Восторги, звучавшие по поводу того, что был все же общесоюзный орган, открыто заявивший о неприятии путча, вдруг разом прекратились: оказалось, что похвалы достойны одни лишь российские институты и российское руководство. Даже не был поставлен вопрос о корректировке ряда актов российского руководства (об объявлении еще до суда «преступниками» членов ГКЧП, о принятии Президентом РСФСР функций главнокомандующего всеми вооруженными силами). Ни шага не было сделано к тому, чтобы возобновить прерванный процесс завершения Союзного договора.

Удивила и позиция М. Горбачева. Мне довелось увидеть его одним из первых после возвращения из Фороса. Он пространно, повторяясь, рассказывал о том, как к нему «заявились эти самые», как он их «пос-

лал» и прочее, определил некоторые персональные назначения, спрашивал, «кто как себя вел». Но ничего не делал для того, чтобы хотя бы восстановить доавгустовское положение вещей — восстановить свой статус главы государства, Верховного главнокомандующего (что могло разом и резко изменить всю ситуацию в стране, во всяком случае — предотвратить окончательный развал государства).

А ведь за прошедшие три дня, наряду со срывом путча, произошел в сущности контрпереворот: за время противостояния гэкэчепистам власть как будто бы по логике такого противостояния и борьбы за «освобождение Президента СССР» перетекла в руки рэсэфэсээровского руководства, к Б. Ельцину. Наиболее зримо это проявилось в горестные часы выступления М. Горбачева на заседании Верховного Совета РСФСР, когда явно униженное положение союзного Президента было даже прервано «для разрядки», во время которой Б. Ельцин подписал указ о прекращении деятельности компартии — источнике и опоры власти в Советском Союзе.

Что сыграло решающую роль в срыве путча? Отсутствие «большевистской воли» у организаторов путча? Поразившая и их демократическая коррозия, побудившая и их создавать видимость законности? Взрыв народного сопротивления в Москве, живое кольцо вокруг российского Белого дома и готовность образовать живой щит, чтобы не пропустить к Белому дому танки? Да, все это повлияло на ход событий. И все же, мне думается, ключевую роль — как и во всех других аналогичных случаях — сыграла армия (да, армия!), позиция основных командующих, военных округов. Что ж, именно в такое критическое время обнажалась сама суть нашего тоталитарно-милитаризованного общества, военизированного государства. Недаром в те жуткие августовские дни чуть ли не основным в разворачивающихся событиях был вопрос — «с кем авиация?».

А затем в самых первых числах сентября на последнем Съезде народных депутатов под оглушительный грохот пропагандистской кампании о провале «фашистского путча» и с формальной стороны общесоюзная власть была сведена к минимуму. В выработке этих документов довелось участвовать и мне. Уже в то время я слыл «антисоветчиком», полагавшим, что Советы — твердый оплот партokratической диктатуры. И потому воспринимал происходящее как добрые перемены.

В М. Горбачеве, который при выработке упомянутых документов сидел рядышком с Б. Ельциным, поражала какая-то полувеселая безучастная отстраненность. Порой отрешенность. Его настроенность на то, чтобы прозвучало решающее слово «Бориса Николаевича».

Все говорило за то, что союзный Президент смирился. Во всяком случае — внешне.

Сентябрь — декабрь 1991 г. — время настороженного выжидания союзной и республиканских властей. Все как будто бы приглядывались к новой ситуации, когда рэсэфэсээровская Россия фактически прибрала к рукам большую часть власти «союзной России», а ряд союзных республик после путча, а некоторые республики и в ходе его объявили о своей суверенной самостоятельности. Прибалтийские республики уже были признаны «отделившимися». На Украине еще раньше прошел референдум о независимости, в результате которого украинские власти объявили Малороссию самостоятельным государством.

Это было странное время. Несмотря на объявленные декларации и референдумы, продолжала существовать единая союзная власть с Президентом, Правительством, министерствами, комитетами, пусть и убогим, но все же единым Парламентом. Да и вообще, социально-экономическое сообщество, охватываемое союзным государством, худо-бедно, пусть и по убывающей, так или иначе жило и функционировало.

Впрочем, союзная власть была все же эфемерной, бессильной. Не власть, а мираж власти.

Достаточно было в то время пройтись по коридорам кремлевских зданий, заглянуть в кабинеты, часок-другой посидеть на каком-нибудь совещании союзного учреждения, чтобы убедиться в том, что союзная власть лишается остатков жизни. Она еле теплится, но явно по нарастающей угасает. Полупустые коридоры, вялые заседания, пустые решения.

В ККН мы приняли особое заявление, в котором в драматической тональности говорилось о вопиющем несоблюдении союзного законодательства в республиках, о той катастрофе, которая ожидает всех нас в этой связи. Я напросился на выступление по телевидению, где объявил о том, что вот завтра в газетах будет опубликован «важный документ».

Ни одна газета этот документ не опубликовала.

Довелось мне однажды присутствовать на заседании сформированного в то время Государственного Совета — правящего органа, введенного после августовско-сентябрьских событий для прямого участия в государственных делах высших должностных лиц республик (на Совете в тот момент решался вопрос о создании Исследовательского центра по частному праву — дело для меня и моих коллег важное до крайности). Войдя в зал заседаний, когда там завершалось обсуждение

предшествующего вопроса, я сразу ощутил напряженно-тяжелую атмосферу заседания. Слова председательствующего М. Горбачева были внутренне неуверенными, даже робкими, его выступления то и дело внезапно и резко прерывал Б. Ельцин: «Опять Вы навязываете нам союзное учреждение...» При голосовании все «другие президенты» в открытую поглядывали на Бориса Николаевича — как проголосует он.

Спустя неделю-другую я по какому-то делу был у М. Горбачева и застал его после очередного заседания Госсовета мрачного, еле скрывающего раздражение. «Как я устал от всех этих президентов», — в сердцах сказал он и долго сидел молча, не вступая в разговор. Вяло отреагировал на мой рассказ о смерти и похоронах Ю. Друниной, с которых я только что пришел.

По информации печати, телевидения в октябре — декабре шла тяжелая работа над новым вариантом Союзного договора. Вымучивалась странная конструкция «конфедеративного государства!» с совсем уже немощной союзной властью. Менялась позиция России — то парафировать, то не парафировать подготовленный текст... Уклонялась от участия в Договоре Украина...

Где-то 7—8 декабря Б. Ельцин с одобрения М. Горбачева поехал в Минск. Быть может, каким-то путем удастся привлечь к Договору Украину, Кравчука.

И вдруг грянул гром.

8 декабря 1991 г. РСФСР, Украина, Белоруссия как учредители в 1922 г. Союза Советских Республик, собравшись в правительственной резиденции Беловежской Пуши, постановили СССР «распустить», а вместо него образовать СНГ — Содружество Независимых Государств.

Союзная государственность — государственность имперского типа — рухнула.

Можно ли было остановить или предупредить этот распад?

До августовского путча, очевидно, да, было бы «можно», если бы М. Горбачев действовал с опережением, попытался предложить конфедеративный вариант, одновременно обезопасив такого рода перспективу от негативной партийно-кэгебистской реакции, и сам бы пошел на опережающие преобразования в экономике, в собственности.

А вот в августовско-декабрьское время набравшая мощь лавина была уже неостановима. Ведь фактический распад, начавшись весной 1991 г., после августа этого же года, по сути дела, стал свершившимся фактом. Тем более, что и в декабре последнее слово сказала опять-таки армия. После «беловежского сговора» состоялись отдельные встречи

с руководством вооруженных сил М. Горбачева и Б. Ельцина. И — как стало известно — армия высказалась «за Ельцина».

Слов нет, многие вопросы, возникшие при распаде союзной государственности, — экономические, правовые, демографические, ряд других, впоследствии из-за нерешенности усугубившие многие кризисные процессы, — могли получить сравнительно удовлетворительное решение. ККН и в данном случае выступил с развернутым заявлением, в котором попытался показать юридическую несостоятельность такого одномоментного «прекращения» долго существовавшей государственности (именно одномоментного, а не в виде тщательно отработанного «развода»). Но кто обращал в те дни внимание на подобные заявления? В одной лишь газете, кажется, в «Правде», были помещены выдержки из этого документа.

Немаловажен здесь и такой еще момент. Многие люди, придерживающиеся последовательно демократических взглядов, отдавали отчет в том, что при всех минусах распада союзной государственности — это крушение еще одного, после партии с ее «руководящей ролью», мощного устоя тоталитарного строя. Да и на смену распадающейся союзной государственности все же приходит какое-никакое государственное или полугосударственное образование — СНГ.

Тем не менее скажу еще раз — многие острые вопросы здесь все же могли быть решены.

Если бы... Если бы во всем этом не доминировало, отодвигая все другое, стремление разом и как можно скорее *устранить из политической жизни М. Горбачева* (а по «линии Бориса Николаевича» — *нанести ему окончательное поражение*).

Вот такой финал. Путь от верного сподвижника в одной команде до ниспровергателя былого непререкаемого Генерального. Драма. Драма шекспировского уровня.

22 декабря в Алма-Ате состоялась встреча уже не трех, а одиннадцати республик. Принятое на этой встрече решение о «прекращении» СССР и образовании СНГ приобрело достаточное юридическое основание. М. Горбачеву было определено ежемесячное весьма скромное, оскорбительно убогое содержание в размере четырех тысяч рублей (резко увеличенное лишь в то время, когда сам Б. Ельцин был на грани ухода из власти).

М. Горбачев обратился с просьбой к Б. Ельцину образовать Фонд Горбачева. Борис Николаевич согласился не сразу, потребовал документы на счет этого Фонда, предложение было откорректировано, урезано.

Вскоре был спущен красный флаг, долгие годы развивавшийся над Кремлем. Б. Ельцин со своим аппаратом, не мешкая, занял кабинет и все другие кремлевские помещения смещенного союзного Президента.

Теперь об одном обобщающем предположении, которое имеет характер гипотезы и, по-видимому, будет воспринято как парадоксальное.

Его суть заключается в том, что, по многим данным, советская государственная тоталитарная экономико-социальная система должна была под напором демократических преобразований *все же устоять*. Понятно, в каком-то обновленном, отреформированном виде, приближенном к «китайскому» варианту. С известными элементами стабилизации, роста и даже современной модернизации. И все же — устоять, сохранить свою идеолого-государственную, азиатско-коммунократическую суть.

Правда, за время перестроечных перемен, происходящих с 1985 г., в советском обществе выросли и утвердились известные демократические силы. Но, смею утверждать, они как таковые, т.е. взятые сами по себе, особенно на первых фазах перемен, — не были способны противостоять партийно-кэгебистскому монстру.

Ведь чудовищная сила советской политической системы заключалась не только в беспрецедентных по могуществу карательно-репрессивных и идеологических учреждениях, в ряде других зримых проявлениях советского тоталитаризма, но и в том, что основа ее находилась за пределами закона, вне зоны влияния парламентско-представительных институтов, какого-либо регламентирующего правового воздействия. Она глубоко проникала во всю социальную жизнь, в самую толщу ее (потому-то многие ее составляющие так мгновенно вернулись, как только под флагом «возмездия» началась вторая военная акция в Чечне).

До сих пор почему-то мало обращается внимания на связанную с этим ключевую особенность советского тоталитарного режима. Особенность, состоящую в том что властно-руководящая деятельность партии не регламентировалась в правовом порядке. Эта деятельность, подкрепленная конституционной записью о «руководящей и направляющей» роли партии, в реальной действительности находилась «за» законом, «вне» его, напрямую утверждалась в социальной жизни.

И вместе с тем партийные учреждения, особенно высших эшелонов партийной иерархии, напрямую, минуя официальные органы власти — Советы, монопольно командовали самой сердцевиной имперско-государственной власти — карательно-репрессивными органами, вооруженными силами, да и в целом всем бюрократическим чиновничьим

аппаратом. Этот стержень неправовой и вместе с тем могущественной власти, тысячами корешков укоренившийся в самой толще социальной жизни, продолжал действовать и после перестроечных реформ, когда шумели, вскипали противоборством при законоподготовительных работах, создавая впечатление перехода власти от партии к Советам, в обновленные Верховные Советы СССР и республик, другие представительные инстанции. Сокрушить политическую систему, имеющую подобный внеправовой железобетонный стержень, вошедший в самую социальную жизнь, нормальными демократическими правовыми методами было невозможно.

В обоснование этого хотелось бы еще раз сказать о том, что сами по себе современные демократические и правовые институты, построенные на началах согласия, мира, уступок, доброй воли и сориентированные на высокие принципы морали, не обладают «убойной» силой и, отличаясь известной мягкостью, даже расслабленностью, не способны сокрушить такие уникальные цитадели авторитарной власти, как советская партийно-кэгебистская структура (и ее социальная подпочва). Во всяком случае — не способны сделать это за исторический короткий срок, исторически одномоментно, так сказать, в революционном порядке (хотя должен заметить, что подобные одномоментно революционные акции по тем же, ранее уже упомянутым причинам, чреватые другими немалыми бедами).

Почему же — спрашивается тогда — все же удалось в исторически краткий миг, всего за два-три года, сокрушить основные цитадели советско-партократической власти — саму правящую партию, имперскую государственность, Советы?

И вот тут я и предлагаю на суд всех, кто познакомится с этими строками, упомянутый ранее предположительный вывод. Он заключается в том, что к сложным, противоречивым объективным процессам, предопределенным логикой истории, процессам неминуемого разрушения тоталитарно-репрессивного общества и перехода к последовательно демократической цивилизации *присоединилась во взаимодействии и во взаимном стимулировании с демократическими силами мощная напористая деятельность лидера, основанная на внутреннем духовном мире его страстей и порывов.*

Можно с достаточной степенью уверенности утверждать, что если бы не причудливо-сложная борьба М. Горбачева и Б. Ельцина, породившая у последнего мощные страстные импульсы, соединившиеся с демократическими, подчас спонтанными, действиями демократических кругов, быстрого и необратимого разрушения советско-партокра-

тической системы *не произошло бы*. И в Советском Союзе, по всей видимости, при таком предположительном развитии событий, возможно, восторжествовало бы что-то вроде «китайского» пути – утвердился особый, чуть ли не европеизированный коммуно-азиатский вариант государственного капитализма.

Можно, разумеется, назвать те эмоции, душевные движения, которые лежали в основе такого рода мощной напористой деятельности, от обиды и стремления реабилитироваться до личной ненависти, глубокой вражды. О них так или иначе говорилось при рассказе о событиях того времени. Но это все же нормальные стандартные человеческие чувства, которые – как свидетельствует наш житейский опыт – не порождают такую всесокрушающую энергию, которая и поступки человека определяет, и заражает активной силой окружающих, да – так, что падают, казалось бы, неприступные цитадели.

Так что суть дела – в другом. В том, что *события, связанные с взаимоотношениями М. Горбачева и Б. Ельцина, происходили в той зоне «активности и возмущения», которая существует в атмосфере Большой власти, уходящей к тому же своими корнями в самые недра социальной жизни*.

Человек, отведавший зелье Большой власти, становится ее пленником навсегда (в сущности, не знает исключений ситуация, когда бы человек, оставивший крупный пост, вновь и вновь не стремился бы обрести его).

И сокровенная тайна сложных порывов и импульсов к деятельности состоит здесь не только в том, что в упомянутой зоне возникает неодолимая тяга к власти (вещь – очевидная, тривиальная), но и в том, что атмосфера Большой власти искажает переживания и душевные движения – одни притупляет, другим придает новую направленность, третьим (как это и произошло у Б. Ельцина) *сообщает невиданную по мощи испепеляющую, всесокрушающую силу*.

Широко распространено мнение, что М. Горбачев «предал» партию, «разрушил» Советский Союз и именно он, по таким представлениям, виновник всех бед, обрушившихся на страну. По моим наблюдениям, с особой яростью говорят об этом бывшие сподвижники Генерального, его бывшие верные подчиненные – теперь оказывается возможным безбоязненно отыгаться за прошлое безропотное послушание.

Могу твердо заверить – упомянутое широко распространенное мнение ошибочно. Михаил Сергеевич до последнего держался за партию и союзную государственность. Мне самому довелось слышать от не-

го слова, сказанные в узком кругу, о том, что он немедленно покинет свой пост, если не удастся сохранить партию и Советский Союз (в общем-то именно так на деле и получилось).

О «вине» политических деятелей в той ультрасложной обстановке, которая характерна для гигантского слома, обвала, происходившего с Советским Союзом, нужно говорить с великой осторожностью. И если в отношении М. Горбачева это допустимо, то упречность его поступков следует видеть в другой плоскости, чем та, о которой ведут речь ортодоксальные коммунисты.

Дело не только в опрометчивых шагах М. Горбачева, когда каждое действие против Б. Ельцина в конечном счете оборачивалось в пользу последнего, порой неведомым образом приносило ему все новые очки. Особенно, если такого рода действия носили силовой, нацеленно дискредитирующий характер. Тут нет никакой мистики — обычная ситуация при нарастающем обвале, о которой уже говорилось ранее. И трудно сказать, какой вариант поступков тут предпочтительней. Активно сопротивляться разворачивающимся процессам или пустить все на волю волн. Так бывает с болезнью: нелеченный насморк длится неделю, леченный — семь дней...

Промах Михаила Сергеевича — как это мне представляется — в другом. У него все же был шанс еще в 1990 — начале 1991 г. противопоставить тому обвалу, который имел ореол радикального демократического движения, не менее мощный демократический поток, который бы вовлек многие слои населения (о чем еще в то время мне довелось направлять записки с соответствующими предложениями). Это — *проведение такой приватизации, которая бы включила в отношения собственности большинство трудового населения, в сфере государственности — с опережением проявить инициативу на переход построения Союза на конфедеративной основе.*

До сих пор считаю, что переход на конфедеративные начала был единственным средством спасения Союза (к нему все равно пришлось перейти, но в мае — июне 1991 г. — тогда, когда время ушло и было уже поздно).

Понятно, консервативно-партийные силы оказали бы по всем этим вопросам жесткое сопротивление. Еще весной 1990 г. мы вместе с Е. Примаковым, тогда одним из руководителей союзного Верховного Совета, подготовили проект президентского указа о признании суверенной государственности республик и об утверждении в союзной государственности конфедеративных начал. Через несколько дней на одном из рабочих совещаний А. Лукьянов вскользь, среди прочего, заметил

о «безответственных предложениях по реформированию Союза», которые «осуждает Политбюро ЦК».

Но у союзного Президента, в то время еще и Генерального секретаря партии, было достаточно возможностей для того, чтобы локализовать и заблокировать действия консервативно-партийных кругов. Не прояви лишь того благодушия и самоуспокоенности, которые были заметны у М. Горбачева летом 1991 г. и которые стали одной из предпосылок, сделавших возможным августовский путч.

Пожалуй, сокрушение ряда важнейших устоев тоталитаризма во второй половине 1991 г. (партии, имперской государственности) довольно точно подпадает под признаки «революции» или, если угодно, «переворота», той революции или того переворота, которые — скажу еще раз — *без яростного наступательного напора Б. Ельцина не состоялись бы*. При нашем былом поклонении перед всякого рода революциями, завоеваниями и захватами власти можно было бы с восторгом говорить о свершившейся в то время антитоталитарной и антиимперской революции (а потом, уже в октябре 1993 г., еще об одном ее этапе — десоветизации власти).

Но если это верно, то верным должно быть признано и другое. Как и во все времена, события, происшедшие в Советском Союзе, а затем — в России в 1991 г., несут с собой все то отрицательное, разрушительное, что характерно для любой революции.

В чем здесь суть вопроса?

С точки зрения накопленных к нынешнему времени данных, существующих сейчас гуманистических и моральных критериев вполне обоснованно утверждать, что революция — это зло. Наверное, зло — абсолютное. Сокрушая ненавистные институты, связанные с прежней властью, революция несет с собой три страшных беды.

Во-первых, революция — всегда насилие; она всегда сопряжена с насильственным отстранением тех или иных лиц от власти, ликвидацией определенных властных органов, принуждением известных лиц помимо их воли к произвольно диктуемому поведению, лишением по усмотрению свободы, физическим уничтожением людей.

Во-вторых, революция — всегда ситуация безвластия, стихии; она во всех случаях на определенный период, нередко весьма длительный, полностью или частично оставляет общество без официальной, общепризнанной власти, и это открывает простор для господства анархии.

В-третьих, революция — всегда попрание права; она при самых благородных устремлениях организаторов революционных акций отсту-

пает от норм действующего права, и это (даже при самых отрицательных оценках таких норм) создает общую обстановку беззакония, ставит на первое место в практическом действовании целесообразность и мотивы усмотрения.

В действиях по фактическому овладению властью, которые предприняли Б. Ельцин и его сподвижники, довольно наглядно проступают приметы революции, ее страшных бед. Сюда нужно добавить и то, что в возникающих в этой связи сложных процессах дают о себе знать и персональные черты действующих лиц, поднаторевших в партийных противоборствах.

А беды революции, в том числе и той, которую можно было бы назвать антитоталитарной, антиимперской, недаром допустимо назвать «страшными». Они имеют длящийся характер, накладывают печать и на будущее, дают импульсы к тому, чтобы и в будущем, в обстановке неустоявшейся власти, считать оправданными и акты прямого насилия, и попрание права.

Увы, именно с таким «заделом» Россия в самом конце 1991– начале 1992 г. вступила в эпоху и – как казалось в то время – кардинальных демократических реформ¹.

---

¹ Этот очерк был написан в 1995 г. По авторскому замыслу того времени он должен быть всего лишь первой частью более обширной работы, состоящей из трех частей. План этой работы был таков:

«I. *Проклятие Горбачева.*

1. В одной команде.
2. Враги.
3. Ниспровержение.

II. *Неотступная тень.*

1. Где-то рядом.
2. «До наоборот». Нетерпение.
3. В тисках беды.

III. *Очищение Историей.*

1. Агония.
2. Прозрение».

После того как первая часть работы была написана, оказалось, что она имеет вполне самостоятельное значение (а последующие две части охватывают, в сущности, всю российскую историю последнего десятилетия, когда наряду с факторами, описанными в первой части, начали действовать и многие другие).

Да и проблемы, которые высветились в первой части, оказались такими, которые требуют особого, самостоятельного внимания. Как показало будущее (включая нынешнее время), именно эти проблемы определили многое, что случилось в России «потом» – в 90-е гг. XX в. и в начале XXI в.

Так что публицистический очерк, посвященный М. Горбачеву и Б. Ельцину, представлен в этой книге в том виде (и без какой-либо существенной корректировки), в каком он был написан в 1995 г.

Вместо послесловия К юбилею Михаила Сергеевича Горбачева

2001¹

Прошедшие дни отмечены юбилеем Михаила Сергеевича Горбачева. И неожиданно оказалось, что планка благородства в нашем обществе осталась высокой. Большинство сограждан, несмотря на все беды нынешней поры и пропаганду прошлых лет, отдают должное человеку, по моему убеждению, одному из крупнейших отечественных реформаторов, нашедшему силы и мужество на деле приступить к, казалось бы, невозможному. К возвращению страны из большевистского тоталитаризма в современный цивилизованный мир. Мир свободы и благополучия человека.

Жаль только, что добрые слова приветствий в адрес юбиляра не нашли продолжения в основательном и честном анализе реальных дел и процессов времени, названного перестройкой. Дел и процессов — противоречивых, неуверенных, не всегда оправданных, блокируемых с разных сторон, но все же — знаменательных. В особенности, когда к ним в непостижимо сложных условиях укорененной коммунистической партийно-кэзэбистской системы и вездесущей бюрократии был привлечен интеллект страны (в корпусе народных депутатов конца 1980-х гг.).

И это не только гласность — дело воистину великое, но и первые шаги разгосударствления собственности и реальной приватизации непосредственно в производстве. А главное — общий курс на благополучие человека, на то, чтобы в обществе торжествовало право как незаменимая общечеловеческая ценность. Именно в те годы наша страна, продемонстрировав приверженность правам человека, стала выходить на передовые рубежи мировой правовой культуры. На то, чтобы при всех рецидивах коммунистического порядка в Тбилиси, Баку, Вильнюсе, Риге исключить применение вооруженной силы при решении внутригосударственных проблем.

---

¹ Статья в «Общей газете» 8–14 марта 2001 г. № 10 под названием «Возвращение к перестройке. Послесловие к юбилею». Воспроизведено по рукописи.

Конечно, нужно видеть, что эти дела и процессы оказались вскоре заслоненными (в чем-то, увы, намеренно дискредитированными) трагическими событиями 1991 г. и последующих лет. Тех лет, когда ценой отстранения М.С. Горбачева от власти стал стремительный распад единого государства, а в экономических и иных реформах, при всех их действительных и просто рекламируемых плюсах, было немало того, что несло в себе гены большевизма, показухи, расчета на силовое решение проблем. Вплоть до применения в области государственной жизни тяжелого вооружения регулярной армии — танковый расстрел непокорного парламента и обе чеченские войны — тому свидетельство.

Но именно потому, что результаты реформы последнего десятилетия оказались для большинства людей весьма скромными, для многих и всей страны непомерно тяжкими, есть убедительные основания для того, чтобы *вернуться к «перестройке»*. Вернуться, понятно, не к состоянию экономики и жизни людей — результату семидесятилетнего коммунистического господства и наступившим вслед за тем развалом. Не к колебаниям, нерешительности чиновничества, их изворотливости. И, конечно же, — не к догматическим постулатам, «измам».

Вернуться к идеям и ценностям, которые у нас в своем истинном значении только и могли утвердиться как непосредственная реакция на соблазны, коварство и ужасы тоталитарного строя. И — стать, как это и впрямь происходило в обстановке перестройки, — результатом трудного поиска, первых проб, ошибок, находок, постижения вечных и простых истин нашего времени.

В том числе — вернуться к пониманию частной собственности как мощного созидательного стимула и ответственности. А не к восприятию ее в одних лишь «знаковых формах» — продуктах высоких стадий развитого капитализма, открывших в наших условиях простор для разбойничьего рынка и неомошевизма — силовых схваток за собственность, номенклатурного и олигархического господства.

Разумеется, вернуться к человеку, к нацеленности всего бытия на благополучие, высокое достоинство. А не оставаться в состоянии державности, имперских инстинктов, настроений подданного — «винтика» великой державы с нравами бывлой колониальной империи. И отсюда — допустимости использования методов войны при решении внутригосударственных проблем, уничтожения людей, без суда объявляемых «террористами», «бандитами».

И значит — в конце концов все же вернуться к процессам, ведущим к верховенству права как высшей гуманитарной ценности. А не сводить, как и в прошлые времена, все многосложные правовые проблемы к «дисциплине и порядку», борьбе с преступностью, да к «независимому суду» — принципу, которому при господстве всесильной прокуратуры — «государева ока» и отсутствии юридических кадров высшего класса и иных компонентов современного правопорядка состояться не дано.

Нет слов, возвращение к перестройке — всего лишь образ. В реальной сегодняшней жизни — все сложнее. В особенности, когда речь идет о только что упомянутых идеях и ценностях. Но если мы сохраним рожденные перестройкой идеи и ценности, утвердимся в них и в нынешнюю пору и, дай Бог, они подвигнут нас на поступки и реальные дела — это уже много. Из-за чего стоит жить и не терять надежду.

СТАТЬИ

СБИТЫЙ ОРИЕНТИР
(Об экономической реформе в России к 2004 г.)
Очерк правоведа-цивилиста¹

2006

1

Начну с утверждения, которое, по всем данным (в том числе и с точки зрения автора этих строк), является предельно жестким, рискованным и, понятно, односторонним. Но иначе обнажить суть дела и докопаться до сути проблемы, на мой взгляд, невозможно.

Это утверждение заключается в том, что проводимые в России в течение почти 15 лет экономические реформы, именуемые «рыночными», *оказались по главным своим составляющим неудачными, не дали ожидаемых результатов, не имеют как таковые, без коренных корректив, положительной перспективы на будущее.*

Конечно, с 1990-х гг. в экономической жизни достигнуты известные успехи. Экономика в целом сохранила и по ряду позиций упрочила уровень индустриального хозяйства. Возникли очаги высокопродуктивного хозяйства. Функционирует товарный рынок, в значительной степени связанный с импортом потребительских товаров и экспортом продукции сырьевых отраслей. Созданы основы частной банковской системы, некоторые другие элементы рыночной инфраструктуры. Произош-

---

¹ Автор этих строк взялся за эту трудную задачу (которая по силам, пожалуй, лишь всему комплексу отраслей знаний, имеющих отношение к экономике и праву) по той причине, что цивилистика, т.е. наука гражданского права, — единственная отрасль знаний, которая в связи с правовыми вопросами разрабатывала проблематику товарного производства и коммерческих отношений и в условиях советского строя (в том числе и автором этих строк в монографии о предмете гражданского права, 1950-е гг.; выдержки из нее приведены в первом разделе книги). Эти разработки были продолжены в дальнейшем, в частности, в совместных статьях с В.Ф. Яковлевым, а также в связи с подготовкой ГК РФ.

Так что настоящая публикация — понятно, с учетом реалий нынешнего времени — является результатом многолетней работы, а не опусом приверженцев социалистического планового хозяйства, мгновенно превратившихся в «чистых рыночников». Вместе с тем понятно, настоящая публикация отражает всего лишь одну из позиций в науке, носит проблемный, дискуссионный, во многом постановочный характер и в своих оценках и характеристиках не претендует ни на категоричность, ни на безошибочность.

ло известное накопление капитала, значительных валютных резервов. Страна признана компетентными инстанциями (США) «рыночной».

Вместе с тем, несмотря на достигнутые успехи на стадии индустриального развития и в области науки, а также на исключительно благоприятные людские, природные и внешнеэкономические условия, в результате реформ *не произошло главного — экономика страны в целом не перенастроилась на производство высококачественных, конкурентных товаров, соответствующих требованиям мировой экономики, на всестороннюю модернизацию, на формирование в этой связи свободного конкурентного рынка, а в ближайшей перспективе постиндустриального информационно-интеллектуального хозяйства.* Труд, его производительность на основе новейших технологий не стали повсеместно основным фактическим критерием экономической эффективности.

Настораживает, а порой и вызывает острое неприятие и то обстоятельство, что собственность в современных условиях реально сосредоточилась в руках небольшого слоя элиты. Произошло невиданное в современном мире расслоение населения — на небольшую группу супербогатых людей и широкие слои бедного, нищенствующего населения; значительные национальные богатства стали перетекать за рубеж, весь мир поражен неслыханными тратами супербогачей на роскошь — и внутри страны, и за рубежом. Стойких тенденций к формированию среднего класса (учителей, врачей, инженеров, высококвалифицированных специалистов в производстве и др.) и устойчивой многопартийности не возникло.

Принимаемые в настоящее время меры (сокращение налогов, деbüroкратизация, удвоение валового продукта в короткие сроки), по всем данным, едва ли приведут к ожидаемым результатам, в том числе к уменьшению бедности населения, они, не исключено, обернутся — как это случалось в прошлом — дальнейшим обогащением меньшинства населения, еще большим вторжением капитала во все сферы жизни — политической и духовной.

2

Основная причина неудачи реформирования экономики в России в 1990 г. и последующие годы — это, на мой взгляд, *ошибочный курс экономических реформ, сконцентрированный непосредственно на формировании и активизации «рынка», а не на первоочередном решительном и коренном преобразовании собственности и создании благоприятных условий для развития конкуренции товаропроизводителей, производства ими высококачественных товаров.*

В чем тут дело?

Ведь курс на экономику, настроенную на производство товаров на основе частной собственности и конкуренции, — единственный, как показала история, путь, обеспечивающий непрерывное, восходящее экономическое развитие. И «рынок» является необходимым элементом в такой системе экономических и правовых отношений. Так что общее направление экономического реформирования экономики России избрано правильно. Другого направления интенсивного развития и модернизации экономики просто нет.

Но уже после начала реформ, в начале 1990-х гг., в этом в общем единственном пути экономического реформирования по ряду причин (в основном — политических, пропагандистских) были сбиты ориентиры, приоритеты — избран ошибочный по реалиям нашей страны приоритетный курс — курс на «свободный рынок».

Дело в том, что «свободный рынок», по всем данным теории и практики, — не отправной пункт формирования товарной конкурентной экономики.

Только при развитой частной собственности, утвердившейся в обществе в качестве основы товарного частнопроводного производства при развитых системах законодательства и правосудия, «рынок» становится важной частью экономических отношений, поприщем взаимодействия интересов продавцов и покупателей, показателем экономического успеха или провалов, разорения. А отсюда — фактором, призванным оценивать результаты деятельности товаропроизводителей, определителя цены товаров, сигнала о необходимости перемещения капиталов и их развития в том или ином направлении, и в этой связи известного экономического регулятора в данной области. И плюс к тому еще — и к этому моменту хотелось бы привлечь внимание — своего рода символом, знаком, обозначающим такую развитую систему высокоэффективного товарного, частнособственнического хозяйства в целом (что получило распространение на Западе и что, к сожалению, настроило некоторых наших реформаторов, близких к государственной власти начала 1990-х гг., на определение приоритетного курса «свободно-рыночных» реформ, сулящих будто бы скорый и впечатляющий успех).

Между тем при отсутствии в данной стране развитой системы частной собственности в производстве, обеспеченной правом и независимым правосудием, формирование и активизация непосредственно рыночных отношений, породив всеобщее стремление к обретению денег, может привести к образованию отдельных «островков рыночной экономики», связанной с государственной бюрократией (главным образом — через систему

лицензий, «организованных конкурсов», прямых раздач имущества, налоговых льгот). Причем — таких «островков», которые лишь в малой степени касаются отечественного производства, а в основном ориентированы на экспорт сырьевых ресурсов и импорт зарубежных потребительских товаров, и в этой связи открывают простор для легализации и широкого развития спекулятивных, криминальных отношений — ко всему тому, что и ведет к дальнейшему расслоению общества, к безбрежному обогащению отдельных групп субъектов коммерческой деятельности.

3

Это и произошло в нашей стране в 1990-е гг., когда государственная власть начала интенсивно проводить «рыночные реформы».

Первоочередная ориентация на «свободный рынок» сразу же сделала приоритетной сферу торговли и оборота, «пирамид» и спекулятивных операций, скупку и перепродажу товаров, и прежде всего — таких, которые имеются в стране в изобилии и могут дать максимальную прибыль при относительно минимальных затратах — природных ресурсов (в особенности нефти, газа, угля, металла, леса, рыбных запасов).

В этих условиях преобразование собственности не представлялось столь уж важным и неотложным, не потребовало тесной увязки ее с ростом производительности труда, развитием производства, инновационными процессами. Напротив, оно по ряду пунктов начало строиться так, чтобы преобладающими оказались интересы правящей элиты, бюрократии, выходцев из бывшего партаппарата и комсомольского актива, кланов теневого капитала. Что в немалой мере и обеспечила акционерная форма собственности.

Вот и получилось в нашей стране так, что проведенная в начале 1990-х гг. «приватизация» (простая раздача части государственного имущества по ваучерам и массовое формальное преобразование государственных предприятий в акционерные общества, которые по своей экономической и правовой природе вообще не способны быть способом приватизации) не решила задач преобразования собственности. Она сохранила саму просоветскую структуру государственных предприятий, построенную по модели «одной фабрики». Структуру, ориентированную во многом на зависимость предприятий, особенно в сырьевых отраслях, от чиновничьей бюрократии, «лицензии дарующего» государственного аппарата и обладателей «большого денежного мешка». Но главное, «приватизация» придала акционерному капиталу характеристики, однотипные с государственной собственностью, одновременно сделал

владельцев контрольного пакета акций фактически неограниченными владельцами всех имуществ данного акционерного общества (а отсюда нередко — олигархами, миллионерами и миллиардерами).

И все это еще больше, чем при социалистическом плановом хозяйстве, отдалило непосредственных производителей от отношений собственности и тем самым — от тех достоинств частной собственности, которые только и способны обеспечить быстрый экономический рост и всестороннюю модернизацию экономики, развитие инновационных процессов, движение в сторону постиндустриального, информационно-интеллектуального хозяйства.

В сельском хозяйстве приватизация земли, а отсюда и всего сельскохозяйственного производства, и вовсе реально не состоялась. Она вылилась, по сути дела, в консервацию существовавших ранее имущественных отношений да предоставление селянам всего лишь «доли» в праве на землю (что, впрочем, открыло лазейки для спекулятивных процессов и в сфере этого ключевого для страны природного ресурса).

Увы, такие пертурбации с государственной собственностью и отсутствие реальной приватизации земли не только не способствовали перестройке сознания людей — на напряженный личный труд, отход от всеохватного патронализма, но, напротив, вызвали стремление к обогащению как самоцели, к добыванию денег какой угодно ценой, в том числе путем хищений, распродажи национальных богатств и спекуляций. Более того, все это породило настроения вольницы, порой разгула, вседозволенности, резко ухудшило криминогенную обстановку в стране.

Главное же — люди остались в стороне от главных процессов, диктуемых частной собственностью в производстве, а в области сознания и деловой этики — в стороне от критериев, характерных для современной экономики, — прежде всего от направленности хозяйственной деятельности на экономический успех, построенный на труде, нередко предельном напряжении сил, риске, интеллектуальных новациях.

4

В связи с изложенной оценкой проводимых в России экономических реформ — несколько слов о собственности (с некоторой конкретизацией ранее изложенных по этому вопросу положений).

Вопреки широко распространенному мнению о том, что собственность всего лишь достояние или богатство, независимо от формы их выражения (денежные знаки, валюта, ценные бумаги, сбережения в банках, векселя и т.д.), с принципиально-философской и особенно —

экономической и правовой позиций собственность в хозяйстве — это именно «сугубо собственное» продолжение, многократное усиление и развертывание силы и интеллекта человека через вещи (т.е. производство), иные интеллектуально-объективированные предметы. С исторических позиций именно вещи, иные «производительные» предметы, т.е. средства производства, на которые правопорядок дал человеку такое же абсолютное и исключительное право как над ним самим (придав им качество «собственных», а главное — новые, невиданные ранее возможности труда в экономике), ПЕРЕВЕРНУЛИ МИР — сделали человека творцом, созидателем, активной силой в преобразовании окружающей действительности. С собственности в указанном значении и началась в истории человеческого рода цивилизация (со всеми ее модификациями, сложными путями развития, зигзагами, поворотами назад и т.д.).

Поэтому по своей экономической и глубоко человеческой сути собственность — явление вещное и правовое, позволяющее владеть и неограниченно распоряжаться вещами, иными предметами как исключительно и «сугубо» с в о и м и (А.В. Венедиктов), и отсюда своей волей и в своем интересе использовать их мощь и потенции в активной, творческой, созидательной деятельности. И в этой связи — институтом, органически связанным с гражданским (частным) правом, которое и сообщает частной собственности качества абсолютности и исключительности (что не требуется сугубо «рыночной» экономике, где гражданско-правовые нормы играют преимущественно оформительскую функцию — и это, думается, обусловило, наряду с традициями советской политэкономии, пренебрежительное отношение к роли права отцов нашей «рыночной экономики»).

И именно такая («вещная» по своей основе) собственность способна стать:

- главной и незаменимой мотивационной основой творческой, созидательной деятельности;
- импульсом, толкающим производителя на предельное раскрытие своих творческих возможностей, на риск в хозяйственной деятельности, когда альтернативой разорения является максимальный экономический успех;
- силой, обременяющей собственника ответственностью за результаты использования своего имущества, за успех своего дела;
- фактором, обуславливающим обратное вложение результатов деятельности в производство («собственные» инвестиции).

Вполне естественно, что собственность в указанном значении *может быть только частной*. И только как «частная» (неотделимая от человека, его воли и интереса) она только и может стать устойчивой мотивационной основой развития экономики, собственных ин-

вестиций и инициативного хозяйствования, стабильности в политической и социальной жизни, роста благосостояния всего общества.

Все иные «виды и формы» собственности (кроме частной и ее прямых аналогов, проявлений), в том числе собственность «государственная», «публичная», «общественная» и т.д., лишены указанных выше качеств, являются главным образом формой фиксации «достояния», «богатств», в той или иной мере имеют черты публичного, государственно-властного явления, преимущественно служат основой для распределения и произвольного перераспределения материальных средств среди населения (бюджет), а в области производства могут участвовать в решении экономических задач главным образом путем административного принуждения и принудительного труда.

5

Сверхзадача, которая способна стать «коррективой» ныне идущим реформам и обеспечить восходящее развитие экономики страны, ее кардинальную модернизацию и равноправное включение в мировые экономические процессы, — это *реальное разгосударствление собственности и воссоздание частной собственности в производстве*.

Вот почему, не теряя уже завоеванных достижений, представляется необходимым в порядке коренного корректирования идущих экономических реформ концентрировать усилия на принципиальном отделении бизнеса от чиновничьей власти, бюрократии, использования непосредственно в производстве всего позитивного потенциала частной собственности и на этой основе утверждение в стране цивилизованного рынка, опирающегося на развитое гражданское законодательство и действенную систему независимого и сильного правосудия.

Конечно, в целях реализации указанной сверхзадачи нужны своего рода первоочередные, неотложные меры. На мой взгляд, первоочередными мерами могли бы стать, наряду с другими, в частности, такие.

Твердая государственная воля на кардинальную перенастройку всего народного хозяйства, на его переход на гражданское, товарно-рыночное построение, концентрация внимания производителей на необходимости достижения экономического успеха и постоянную модернизацию, на окончательное преодоление коммунистического наследия и иллюзий.

Концентрация усилий и ресурсов на сельском хозяйстве. И не только потому, что, не обрета независимости в области продовольствия и сельскохозяйственного сырья, страна обречена навсегда остаться в мировом хозяйстве одной лишь природно-сырьевой базой главных империалистических держав.

тических держав-монстров, но и потому еще (а возможно, прежде всего — потому), что именно в сельском хозяйственном производстве вырабатываются стойкие качества хозяина-производителя, собственника-предпринимателя. Вовсе не случайно все высокоразвитые промышленные государства постоянно финансируют «свое» «убыточное» сельскохозяйственное производство. Опыт ряда стран (таких, как Дания) показал, что как только сельский производитель стал собственником земли, сразу же в короткие сроки, два-три года, произошел мощный позитивный скачок во всем народном хозяйстве. Оказывается, что сельское хозяйство, построенное на частной собственности на землю, неизбежно «вытягивает» за собой на высокий уровень все основные отрасли промышленности и науки — сначала обрабатывающие отрасли, потом — машиностроительные и так далее, по всей цепочке экономических процессов.

Создание условий для того, чтобы малый бизнес, особенно в сельском хозяйстве и примыкающих к нему обрабатывающих отраслях, развился «мощным рывком» — за четыре-пять лет и за это время охватил не менее 50% всей производимой в стране продукции. Здесь нужна особая программа преимуществ, льгот, субсидий и пр. и пр. Как показывает мировой опыт, без малого бизнеса, охватывающего не менее 50% промышленного производства и сферы услуг, мощное развитие и модернизация всего народного хозяйства невозможны в принципе.

Обеспечение охраны интересов предпринимателей от криминала (в том числе — в сельском хозяйстве, в малом бизнесе) всеми спецслужбами страны. В случае нарушения такой охраны оправданно привлекать к правовой ответственности как непосредственных правонарушителей, так и лиц, ответственных за охрану.

Незамедлительное совершенствование, а по ряду пунктов — коренное изменение законодательства об акционерных обществах, с тем, в частности, чтобы общества функционировали по своему исконному предназначению, владелец контрольного пакета акций не становился безраздельным владельцем всего имущества общества и акции приобрели для всех акционеров известное «вещное» значение.

К числу названных следовало бы добавить и ряд других проблем, в том числе — дальнейшего совершенствования банковского дела, налогового законодательства, развития фундаментальной (университетской) науки. Но они требуют специального рассмотрения, прежде всего специалистами соответствующих отраслей знаний, опирающихся на отечественный и зарубежный опыт¹.

---

¹ Готовилась к публикации в Ученых записках Института частного права (2004—2005 гг.).

НЕ ПОТЕРЯТЬ БЫ...

(Размышления о настоящем, к которым подмешаны грусть
об утратах прошлого и тревога за наше будущее)

1997

БЕСПОЩАДНЫЕ слова произносим мы о нашем недавнем прошлом. Справедливые слова. Жесткие, тяжелые, безапелляционные. Ну что еще такое разоблачительное, вывертывающее все подноготное можно сказать о гражданской войне, коллективизации, сталинском терроре, брежневщине? Кажется, любые, самые яростные определения и характеристики оправданы.

...А вот я, не отстающий, кажется, от других в такого рода словах и характеристиках, все же никак не могу отделаться от тревожащих память и совесть воспоминаний о моей школьной, юношеской порою довоенных лет.

Трудное, полуголодное время. Настороженные, вечно озабоченные взрослые. Нечастые вылазки ребячьей ватагой в молочное кафе. Часовой на углу улицы, где здание НКВД.

И в это же, в это же самое время — общая тяга к высоким человеческим свершениям, неделанный энтузиазм, порядочность и щепетильность друг с другом. Непоколебимая вера в ясное и окрыляющее.

Что это?

Быть может, все это от ограниченности, от узости духовной жизни? Ну а томик Гегеля на домашнем столе, споры допоздна о Рахметове, Чацком? И «Загадка НФИ» в журнале «Пионер»? Самые твердые воспоминания тех лет — книги, книги, книги. После школы — в публичку, там затрепанный единственный экземпляр Ницше, дневники Льва Толстого.

Или, быть может, такой духовный настрой от незнания, от простой отрешенности от действительной жизни, страшных реалий? Да нет же! Как раз ясная вера и чистота помыслов всюю эксплуатировались сталинским режимом. А знать-то знали, своей судьбой, собственной драмой. Никому не пожелаю врезавшиеся в мою память, мальчишки-семиклассника, ощущения мертвящего ужаса от ввалившихся ночью в квартиру энкавэдэшников, шлепки брошенных на пол книг, томик стихов Есенина с плакучей березкой на обложке — единственно взятого крими-

нала, немой плач матери. Конечно, слепили остроту знаний тысячекратно повторяемые заклинания — «враги народа», «шпионы и убийцы», свидетельства М. Горького, Р. Роллана, канонизация героев того времени — Павлика Морозова, Павки Корчагина, стахановцев, идолопоклонство...

При всем трагизме тогдашнего бытия в наших, мальчишек и девочек, душах и сердцах жили романтический настрой, ощущение радости, братства; не инстинкта стаи или зова — «наших бьют», а именно братства, находящего выход опять-таки в вещах духовных.

Недавно довелось мне слышать по радио, как один из молодых философов объяснял тягу к хоровому пению молодежи довоенного времени ущербностью ее духовного мира, ограниченностью потребностей. Что ж, ограниченность, по нынешним меркам, наверное, была. Но, обладая я машиной времени, непременно взял бы молодого коллегу с собой в наш тогдашний двор, а еще лучше — прямо на крышу, в ее укромный уголок нашего двухэтажного многоквартирного с коммуналками дома, где мы чуть ли не каждый день собирались и — клянусь, без грамма горячительного — пели популярную спокойную лирику тех лет — «Спят курганы темные...», «Чайка смело пролетела...», «Синенький скромный платочек...» (понятно, не военный вариант, а изначальный, Петербургского). И мне думается порой, нет ли в таком спокойном хоровом пении чего-то от высокого, духовного единения, от чувства внутренней свободы? Ведь и в 60-е годы романтики молодого и среднего поколений пели у костров — «Лыжи у печки стоят...», «Кто сказал, что сдал...», «А я еду за туманом...» и одновременно общепопулярные — «Комсомольцы-добровольцы», «Россия, Россия, родина моя».

Быть может, я что-то идеализирую: этого людям старшего поколения при оценке прошлого не избежать. Ведь было, и немало, в то время предателей, сексотов, палачей, разложения и пороков. Да, было и это, и многое другое, дурное, отвратительное. И мы были далеко не ангелы. Но мне все же страшно подумать о том, каково бы было мне жить сейчас, да и тогда, видимо, если бы не было в моей молодости того чистого, романтического, ясного, гражданственного, что, вероятно, стало «островком спасения» в самый разгар террористического безумия сталинской диктатуры.

Как же все это объяснить?

МНЕ КАЖЕТСЯ, мы неоправданно буквально все негативное, что произошло в нашей стране с Октября по апрель, сваливаем в одну кучу — и «красный террор», и раскрестьянивание, и сталинские кровавые репрессии, и гонения на инакомыслящих; все это одина-

ково проходит под именем тоталитаризма, изображается как явления одного порядка.

Между тем наше общество в доапрелевскую эпоху прошло качественно разные полосы развития. Пожалуй, можно выделить три главные полосы или три главных круга в нашем сложном, противоречивом, драматическом движении, поиске, кружении в потугах прийти к «светлому будущему», происходящих при этом поражениях и потехах, каких-то находках, деформациях и преступлениях.

Первый круг — это период (с Октября до конца 20-х годов), характеризующийся господством леворадикальной, военно-коммунистической доктрины в марксизме, ориентирующей на быстрый, решительный переход к коммунистическим порядкам. На этой полосе развития заметным, многообещающим явлением стал нэп, наметивший было поворот к развитию в сторону гражданского общества, но, увы, после смерти В.И. Ленина осуществляемый непоследовательно на общем фоне господствующих левокоммунистических представлений и окончательно свернутый к концу 20-х годов.

Второй круг — это период (до середины 50-х годов), когда утвердился режим жестокого сталинского тоталитаризма, остановленного в своих крайних проявлениях «хрущевской оттепелью».

И наконец, третий круг — период безраздельного господства брежневской разросшейся всеильной административно-бюрократической системы, ее всецарствия и самонасыщения, период полного и беззаботного отгула «жирных котлов» на всех этажах иерархической административной лестницы (порядки, к сожалению, сохранившиеся, хотя и медленно сокращающиеся в объемах, и после 1985 года).

С точки зрения строгой научной систематики в выделении трех крупных полос в истории нашего недавнего прошлого есть, видимо, какие-то огрехи. Но по своей сути и особенностям влияния на всю общественную жизнь они обозначаются весьма отчетливо. Было бы неверным, например (а подобная мысль иной раз проскальзывает в публицистике), усматривать в сталинском тоталитаризме простое и прямое продолжение леворадикальной доктрины в марксизме и военного коммунизма гражданской войны. Строй сталинской диктатуры выступал уже не в виде реализации наивно-утопических расчетов, революционного порыва, романтизма и нетерпения, сопровождавшихся издержками насилия и беззаконий, а в виде расчетливого, жесткого, безжалостного режима диктатуры вождя, в самой сущности которого были заложены ничем не ограниченное насилие, попрание законности и прав человека.

В то же время не нужно упускать из поля зрения некоторые общие моменты, совпадения, своего рода перекличку между указанными тремя главными периодами, «залетание» элементов одного периода в последующий. Так, судя по всему, случилось с духовным настроением на революционную романтику, подвижничество, чистоту идей и помыслов, какие-то элементы которого из героики борьбы за счастье трудящихся первых лет проскочили в тяжелую, не свойственную им атмосферу сталинского тоталитаризма. И тут, надо думать, и кроется разгадка того парадокса, о котором говорилось в начале этих заметок. Более того, не связанные с жесткими политическими реалиями и замкнутые областью личных отношений, отмеченные духовные элементы в чем-то очистились, облагородились.

Возможно, мы недооцениваем мощную силу революционного романтизма, подвижничества, благородства, гражданственности и самоотречения. Ведь все это могло все же, пусть и в небольшой степени, противостоять душающему режиму сталинщины, сохранило у немалою числа людей Веру и Надежду, а порой и мужество к отчаянному сопротивлению (хотя эти же начала духовного романтизма и благородства нещадно эксплуатировались сталинским тоталитарным режимом, ежово-бериевскими палачами, втягивались в гигантскую систему внешне respectable фальсификаций, прикрывающих строй насилия и несправия).

А ведь этот настрой революционного романтизма, подвижничества, благородства — явление крупное, быть может, одно из самых значительных свершений нашего русского духа и культуры, духа и культуры других народов. Не надо его связывать только с леворадикальными течениями в социалистическом, марксистском движении. Его могучая сила — прежде всего в наших исторических корнях. В благородном самоотречении декабристов и в народничестве, даже в неистовстве сгораемого революционным нетерпением Желябова, в мученическом горении Чернышевского. И, что не менее важно, — в том, что было канвой и источником всего этого, — в великой духовности всей русской культуры, культуры Пушкина и Чайковского, Льва Толстого и Репина, Достоевского и Есенина, Шостаковича и Юрия Трифонова, культуры народов Грузии, Украины, Казахстана, всех других народов.

И, мне думается, потянулась-потянулась ниточка — да, для нас только ниточка — от истоков великого русского духа, великого духа других народов, от подвижничества и гражданственности через героику и романтику революции к нашему непростому бытию конца 30-х годов и еще дальше в суровые битвы Отечественной войны и, наверное, еще к молодежным, комсомольским дерзаниям в годы «хрущевской оттепели».

МНЕ СДАЕТСЯ, что самая большая трудность и самая большая беда, характерные для старта, для апреля 1985 года, с которого мы начали трудное, мучительное, с противоречиями и срывами движение к правовому, гражданскому обществу, к возвращению на современную ступень цивилизации, — это наша духовная опустошенность, потеря духовных ценностей, духовного импульса для движения вперед.

Но все по порядку.

Зло брежневского «застоя» (как мы деликатно именуем эту страшную пору нашей доапрельской истории) нередко видят в том, что в ту пору восторжествовал неосталинизм. Что же, успешные попытки реанимировать этот омерзительный труп были, стали вновь нежно поговаривать о «культе товарища Иосифа Виссарионовича Сталина» и были даже порывы со стороны соратников именовать марзматического лидера «вождем», а главное — сохранились основы авторитарного строя, продолжались «тихие» репрессии, гонения на свободословие и свободомыслие. И, конечно, понятие «тоталитаризм» распространяемо на порядки брежневского времени.

Но позволю себе высказать мысль, что у брежневского режима были и свои собственные, только ему свойственные преступления перед народом, обществом и историей, притом — не менее губительные и тяжелые, чем даже преступления кровавого сталинского режима. Да, даже так.

Ибо после пресечения хрущевских робких демократических новаций, направленных на упорядочение и сменяемость аппарата, именно в годы «застоя» расцвела, превратилась в самодовольного, всепожирающего Левиафана, несокрушимую твердыню административно-бюрократическая система, открывшая для всех своих звеньев и частиц незатратную сладкую жизнь.

А это в свою очередь неотвратимо дало эффект тотального растления — породило атмосферу разложения и цинизма, вседоступности в обретении благ и кастовости, оправданности для избранных вольготной жизни и презрения к романтизму и духовности.

Против такой всеокрушающей силы не выдержали остатки гражданственности, духовного благородства, которые, казалось, совсем недавно были все же нормой в жизни многих людей, молодежи. (Хотя с другой стороны — со стороны либерализма, общего гуманитарного движения — появились в общественной жизни герои-одиночки правозащитного движения.) Надо, конечно, еще подумать, но все же есть основания полагать, что тут, в разрушении остатков ясных и чистых духовных начал, давнего романтического подвижничества, гражданственности, —

именно тут неискупаемая вина брежневского разложения и распада, наиболее негативный результат воцарения мертвящей и в то же время несокрушимой административно-бюрократической системы.

Что же получается?

Мы подошли к 1985 году, затем и в нынешнее время — к действительно кардинальным преобразованиям экономической и политической жизни с двумя основными слоями людей (которые не исчерпывают все общество, но все же занимают заметное место в его структуре): с одной стороны, со слоем привилегированных людей из аппарата, верхушки хозяйственных управленцев, хозяйственников, работников торговли и некоторых других групп, благоденствующих у неиссякаемой кормушки безбрежной госсобственности и потому сопротивляющихся любым реформам, изменению сложившегося статуса, а с другой — потерявших интерес к труду иждивенчески настроенных, управляемых, деклассированных и люмпенизированных групп с ограниченными творческими интересами, неподатливых к реформам и также сопротивляющихся им. Да и не в сопротивлении тех и других здесь дело. Тем более что им противостоят подвижники перестройки, люди с новым мышлением, активисты.

Сейчас, достигнув критической точки нарастающего кризиса в экономике, потребительском рынке, здравоохранении, других сферах, все мы, переругиваясь, с оглядкой, все же идем на кардинальные преобразования. Но ведь и у того и у другого слоя, во всяком случае у большинства людей, к ним принадлежащих, нет «изюминки» — нет гражданского горения, искреннего энтузиазма, стремления к подвижническим поступкам. То есть того, что утрачено, что вылилось в одно лишь циничное фразерство, словоблудие.

Но это еще полбеды.

Злую шутку сыграли с нами свобода, гласность. Конечно, перемены тут большие, заметные, исчезает страх, растет гражданское достоинство человека, уходит из жизни зловещий идол сталинизма. Но то «пространство», которое освободилось (или освобождается) от вездесущего присутствия и неумолимого диктата сталинской идеологии, стало заполняться не идеалами благородства и гражданского подвижничества, чистых помыслов и творчества, а тем, что реально оказалось наиболее близким к изуродованному, искаженному, деформированному духовному миру человека. В души людей, в людские отношения каким-то шквалом ворвались злость, нетерпимость, враждебность, зависть, нежелание слушать и понимать другого, агрессивность, что на поверку явилось тем же «духовным сталинизмом», тоталитарным мышле-

нием, исподволь вновь вторгнувшимися в нашу жизнь под покровом свободы, гласности.

А ныне на людей еще накатилося неверие, разочарование. Провал в СССР, ряде других стран тоталитарного строя, прикрываемого именем «социализм», вызвал у немалого числа людей отчуждение от идеологических формул, штампов, схем, моделей. Все чаще и громче раздаются голоса о ненужности любых «измов» (хотя порой это скрывает, мне думается, другую крайность — самый губительный для человека и человечества «изм» — «изм» безудержной стихии). А отсюда недоверие и разочарование в идеальные начала, благородные и светлые помыслы, в романтические и гражданственные принципы нашего бытия, оценка их как наивного, навсегда ушедшего в прошлое вместе с нашими провалами и поражениями.

Но это же жуткая беда! Как и для чего тогда жить вообще, если вместе с нашими провалами будут выброшены, исчезнут, станут ненужными высокая гражданственность и высокая духовность? Если навсегда, безвозвратно порвется ниточка, тянувшаяся к нам от благородства и чистоты великого русского духа, великого духа других народов через героику и романтику революций?

А ВЕДЬ грядет еще рынок.

Что же, действительно, иного пути, выхода из экономического кризиса, кроме решительного преобразования собственности и перехода к товарно-рыночной экономике, у нас нет.

Более того. Деловые отношения в экономике, настрой на напряженную работу, ощутимые результаты от нее, «полные полки», материальный достаток уже сами по себе оздорвят все общество, успокоят людей, снимут многие недостатки и издержки в духовной сфере да и просто дадут обществу материальные средства и возможности для решения непростых вопросов в образовании, культуре, искусстве, подведут к размеренной жизни гражданского общества.

Но панацея ли это от всех наших бед? Не зациклились ли мы вновь на чем-то одном, упуская из поля видения все другое? Вот идет телепередача о рынке в Западной Германии — всеобщее благоденствие, лубочные картинки безоблачного довольства, сладко-паточный голос комментатора о преуспевании всех (кстати, точь-в-точь совпадение по лубочности картинок и даже интонациям голоса местного комментатора в телепередаче о сладкой жизни в Северной Корее, прошедшей накануне).

Мне тут же вспомнилось другое. Весной этого года по приглашению моего французского коллеги, председателя Конституционного совета

Франции господина Р. Бадэнтера, довелось мне провести деловую неделю в Париже. И в заключение поездки, как водится, состоялся вечерний обед, на котором присутствовали коллеги и друзья хозяина дома, люди видные, из интеллектуальной элиты и, кстати будет сказано, состоятельные, преуспевающие. И вот когда напряжение первых речей сменилось открытой непринужденностью, хозяин дома попросил внимания и в наступившей тишине спросил при очевидном одобрении всех присутствующих: «А почему вы, в вашей стране, так упорно стали стремиться к капитализму? Вы что, не понимаете, что это суровый, беспощадный, жестокий, безжалостный мир?»

Что ж, дело не в капитализме. Мы пока, наверное, понимаем главное: без делового упорства, стремления к преуспеванию, индивидуальному или групповому успеху, без жажды к «собственной собственности», к своему делу нам не перейти к эффективной товарно-рыночной экономике, не войти в современное гражданское общество. Все это должно сменить наше розовое благодущие, иждивенчество, безразличие, деловую апатию.

Но мы не смеем закрывать глаза на все иное. На то, что товарно-рыночная экономика — это эффективный инструмент и вместе с тем действительно суровый и в чем-то безжалостный мир обнаженно деловых отношений. И нужно задуматься о социально-психологических последствиях этого мира. О предельной, порой внемерной, нечеловеческой напряженности в деятельности, готовности идти на губительный риск и страх перед возможным поражением, безразличии и даже презрении к экономически слабому и проигравшему в экономической гонке, словом, о настрое жесткого, а то и жестокого, безжалостного эгоизма, голого экономического расчета. В странах с уже устоявшимся рынком крайности, грубые проявления такого настроения, такой атмосферы в известной мере сглажены и уравновешены религией, системой милосердия, спонсорством. Но только сглажены и уравновешены. А в главном же, в существе своем никуда не уйти от того, что суровая «рыночная психология» изо дня в день подстегивает и подстегивает производителей, всех участников хозяйственной жизни, гонит и гонит их вперед в ускоряющейся экономической скачке в погоне за неуловимым стандартом жизни. Да и непрерывный рост ненасытного потребительства, оказывается, нередко заводит в тупик, приводит к опустошению души, потере интереса к самой жизни, к скуке, к «концу истории», как заметил один из модных на Западе философов. И впереди еще подстерегает людей всепланетная катастрофа, когда природа не выдержит потребительского безумия, и холодок приближения такой катастрофы сейчас, кажется, ощущают все.

Да, нашему обществу нужен рынок, эффективно-рыночная экономика. Экономика социально ориентированная, с нацеленностью на экологическую чистоту. И будем надеяться также, что при этом будут реализованы (как это в какой-то мере случилось в передовых странах Запада) положительные стороны социалистического идеала, достигнута известная умеренность в стихии рыночных отношений — хотя бы в результате того, что основными участниками хозяйственной жизни станут субъекты коллективной трудовой собственности, свободные ассоциации производителей, завоевывающие передовые позиции во всем мире.

Ну и, может быть, все же вспомнить об утраченном? Мне представляется, что суровый мир товарно-рыночных отношений может быть смягчен, облагорожен, духовно расцвечен ценностями культуры, благородства, высокой гражданственности. И что примечательно: современное цивилизованное товарно-рыночное хозяйство, развитое гражданское общество спонтанно приходит к близким категориям — приоритету доверия человеку, гордости за свою страну, уважения к ее институтам. Не просматриваются ли здесь некоторые общие, характерные для всего человечества, для всей современной цивилизации глобальные закономерности, выводящие на первое место в нашей жизни человека, его духовный мир, духовные ценности, неотделимые от нашего прошлого?

НЕТ, нельзя одним махом перечеркивать все наше прошлое.

Есть еще время повнимательнее присмотреться к светлым сторонам жизни в былом — к тяге к высоким человеческим свершениям, к неделанному энтузиазму, чистоте помыслов, порядочности и шепетильности друг с другом, настоящей гражданственности.

Присмотреться и постараться воспринять то, что можно, то, что удастся, получится.

И по мне бы по данному непростому пункту нашего бытия и будущего не стоит ограничиваться одними призывами — «возродим традиции» и т.п. Начинать, судя по всему, нужно «с начала» — с Пушкина и Льва Толстого, с декабристов, с Желябова и революционеров-романтиков, да и просто с элементарной терпимости и уважительности друг к другу. И я, давний товарник-рыночник, приверженец первоочередного и решительного преобразования собственности, все больше тревожусь — а не запаздываем ли мы с культурой, и прежде всего с возрождением ценностей культуры прошлого? Не ограничиваемся ли мы здесь одними громкими словами и посулами? И не правы ли все же

Д.С. Лихачев, Д.А. Гранин, Н.Н. Губенко, другие наши подвижники на этом донельзя запущенном участке жизни, что сокровенный секрет нашего возрождения следует видеть вот тут, в духовной культуре? В духовном возрождении? В духовном воскрешении всех нас?

Комментарий

2006

За время моего четырехлетнего бытия в Москве (1989–1994 годах и отчасти в последующие годы) я написал и опубликовал в центральных изданиях несколько десятков статей. Порой две-три публикации в неделю. Обширные, аналитические и острые, как казалось мне. Причины? Хотелось осмыслить своим умом и сказать что-то стоящее из всего того, что делалось в то время.

Из моих публикаций приведенная статья, наверное (для меня, во всяком случае), — одна из самых примечательных.

Кажется, затронул что-то глубокое и сокровенное в своей жизни (недаром некоторые события и мотивы как бы перепеты в других заметках и частях моих работ). Но главное — приведенная статья получила отклик. И не только в той же газете («Советская культура») в одобрительных заметках читателя, но в оценке человека, тревожный духовный мир которого завершился трагедией.

Дело в том, что Съезд народных депутатов СССР (своего рода «суперпарламент»), который по искренним замыслам его организаторов (М.С. Горбачева и его команды) должен был быть «мотором» начавшихся преобразований, был сформирован в таком составе, который, несомненно, привлечет еще пристальное внимание исследователей нашего времени. В нем (путем относительно свободных выборов и путем отбора по разным общественным объединениям, что оказалось вполне достойным вариантом, и главное — в русских традициях) был собран *цвет* разных слоев населения, профессий, иных групп. Среди депутатов от «творческой интеллигенции» оказалась Юлия Друнина — фронтовичка и поэтесса.

В ней было много от хорошо мне известных фронтовых девчонок и вместе тем — от неизвестной мне столичной поэтической жизни. И еще — от изломов личной судьбы, замужеств, особенно — безумия, кажется, последнего или предпоследнего замужества с известностью — человеком (Каплером), который вскоре умер. В ее депутатских

выступлениях и публикациях были надрыв и искренность. С ней у меня установились добрые товарищеские контакты (впрочем, только на «Вы»). В одной из ее газетных статей, наряду с Сахаровым, она упомянула обо мне как о человеке, который, «не страшась, говорит царям правду».

И вот в перерыве одного из последних съездов мы столкнулись с ней в толпе депутатов. И она неожиданно сказала: «Все завидую Вам, хорошую Вы статью напечатали в «Культуре». Сама хотела написать об этом. Пыталась, не получилось...»

От нее чуть повеяло винцом. («Наверное, многообразие излишеств депутатского буфета», — подумалось мне).

Через неделю стало известно, что она покончила самоубийством.

...Кто-то мне сказал, что в ее «прощальном» стихотворении имелась в виду и моя персона —

Покрывается сердце инеем,
Очень холодно в Судный час,
А у вас глаза, как у инока,
Я таких не встречала глаз.
Ухожу, нету сил лишь издали
Удержать над обрывом Русь.
За таких вот, как вы, да избранных
Я спасти ее не берусь.
Как летит под откос Россия
Не могу, не хочу смотреть.
Но боюсь, что и вы бессильны,
Потому выбираю смерть.

В тот же вечер, когда состоялись похороны Ю. Друниной, на которых мы были вместе с моей женой Зоей, мне довелось встретиться с М. Горбачевым. Он спросил, узнав, что только что был на похоронах:

— В чем дело? Почему она ушла из жизни?

Я попытался что-то объяснить.

Но что я мог сказать?

Стало невыносимым разочарование? Или — предугадан тот ужас, который накатывается на людей в наше время? Что еще?

О СОДРУЖЕСТВЕ В УСЛОВИЯХ РАСПАВШЕГОСЯ ЕДИНОГО ГОСУДАРСТВА (ИМПЕРИИ)

1994

Объединение любых государств, осуществляемое в условиях демократии на федеративных, конфедеративных или ассоциативных началах, во всех случаях является сложной задачей. Эта сложность многократно возрастает в обстановке, когда объединительные процессы должны происходить в отношении независимых государств, образовавшихся в результате распада единого государства (империи).

Ибо для такой обстановки, свойственной с декабря 1991 года объединению государств СНГ, возникшего на месте распавшегося СССР, характерны и весьма сильны следующие явления и тенденции, которые можно подразделить на две противостоящие группы.

С одной стороны, это:

- стремление к полной, «предельной» независимости, сепаратизму;
- опасения того, что любые объединительные формы грозят возвращением к прежним порядкам, возрождением «новой империи»;
- нарастание, наряду и в связи с возрождением наций и народностей, крайнего национализма, стремления решить силой накопившиеся межнациональные проблемы и конфликты;
- соблазн добиться односторонних преимуществ, присвоить общенациональные богатства, бывшие «общие» достояния путем одностороннего «взятия имущества под свою юрисдикцию».

Наряду с этим есть явления и тенденции второй группы. Это:

- сохранение между всеми государствами бывшей империи глубоких связей, прежде всего — экономических, без поддержания которых народное хозяйство каждого независимого государства становится нежизнеспособным, обречено на саморазрушение;
- наличие в качестве стойких реалий сложившихся форм общения, семейных связей, психологии единства в рамках бывшего целостного государства, поддерживаемых для ряда территорий и кругов населения настроениями шовинизма, «имперского мышления».

В связи с указанными противоречивыми явлениями и тенденциями, среди которых доминируют явления и тенденции первой группы, оптимальной организационно-государственной основой объединения неза-

висимых государств, образовавшихся в результате распада империи, может стать не взятая в чистом, классическом виде объединительная модель в форме федерации или конфедерации, предполагающих ограничения суверенности государств и, стало быть, несовместимых с фактами и тенденциями первой группы, а государственная ассоциация типа Содружества, близкая или однопорядковая к тому типу объединительной модели, которая показала свою плодотворность в Европе в виде ЕЭС (хотя Содружество имеет тенденцию к развитию по мере созревания условий в конфедерацию и даже в образование, близкое к федерации).

Такое Содружество предполагает сохранение полной самостоятельности и свободы своих составных частей (республик, регионов), обеспечение должного порядка и свободу рыночных отношений, предпринимательства во всем Содружестве и в то же время — неизменность и надежность условий для реализации фундаментальных прав и свобод личности, их всесторонней защиты.

Изложенные соображения в отношении государств, сложившихся на территории распавшегося СССР с декабря 1991 года, приобретают острое практическое значение. Действительно, как же наладить в СНГ реальное Содружество государств — бывших союзных республик? Содружество тем более необходимое, что оно не только согласуется с упомянутыми явлениями и тенденциями (второй группы), а также с интеграционными процессами, торжествующими во всем мире, но и является у нас острой потребностью, желанной реальностью для людей, проживших в единой государственной общности целые столетия.

«Административный» вариант

В последнее время стали более частыми голоса в пользу «административного» варианта и отсюда — того, чтобы в той или иной форме возродить административно-координационные органы в рамках всего СНГ.

Что ж, необходимые межгосударственные координирующие органы — настоятельная потребность жизни, они уже сейчас формируются, рано или поздно, надо надеяться, будут в разумных пределах воссозданы, займут достойное место в Содружестве.

Более того, после распада СССР именно с некоторых общих органов административного характера и началось создание этого своеобразного ассоциативного образования — СНГ. Образованы периодически собирающиеся Совещание глав государств, Межпарламентская ассамблея, Объединенное командование, некоторые другие вспомогательные координирующие учреждения.

И все же, на мой взгляд, не тут, не в «административном» варианте лежит магистральный путь создания жизнеспособного, эффективного Содружества, углубление интеграционных процессов в СНГ. Не только потому, что предложения о воссоздании административных координирующих органов настораживают бывшие союзные республики призраком «новой империи», сразу же вызывают настроения отторжения, неприятия и по состоянию существующей во многих из них национально-политической обстановки действительно едва ли могут быть приняты.

Есть здесь также и другая, так сказать, принципиальная причина. Суть ее в том, что сами по себе централизованные административные учреждения не способны создать действительное единство независимых субъектов. Они по своей природе, «органике» рассчитаны на субъектов, находящихся в подчинении друг к другу, и по сути дела могут быть выражением уже достигнутого единения или же, на худой случай, выполнять текущую, оперативную, во многом «пожарную» миссию, что сейчас, кстати сказать, применительно к уже действующим координирующим органам в СНГ и происходит.

Вот почему в такого рода «административной» плоскости действительное Содружество в СНГ реально не налаживается. Пока оно реализуется в основном в разовых контактах и договоренностях. До сих пор, увы, не спали опьяняющая эйфория полной независимости, восторг от возможности беспрепятственного овладения общенациональными богатствами путем взятия под свою юрисдикцию, иных односторонних акций с одной лишь ссылкой на свой суверенитет. И тянется нескончаемая полоса конфликтов и разборок, углубляющегося отчуждения и еле скрываемого раздражения. От встречи до встречи глав государств.

И вот к сегодняшнему дню получается, что по сути дела СНГ, сообразно ранее упомянутым фактам и тенденциям, — это не только не конфедеративное образование и даже не полноправная ассоциация типа ЕЭС, но в сущности нечто промежуточное между региональным международным сообществом и «слабым», «рыхлым» ассоциативным объединением государств, хотя СНГ приходится каким-то странным образом интегрировать элементы бывшего формально федеративного, но по существу унитарного государства — распавшегося Советского Союза.

Вариант «общее право»

Где же следует искать основной путь формирования Сообщества в обстановке распавшегося СССР — развития интеграции в СНГ, вытекающей из требований самой жизни?

Этот путь – единый, общий рынок. А вслед за рынком, а точнее, вместе, во взаимодействии с ним – ПРАВО.

И вот, останавливаясь на втором из указанных факторов, который является и средством для формирования рынка, следует заметить следующее. Право – это наиболее действенный, рожденный цивилизацией социальный институт, который способен создать для независимых субъектов «нормативное поле объединения» – такой стабильный, устойчивый, твердый порядок взаимоотношений между полностью свободными субъектами, который в соответствии с уже принятыми постоянными нормами позволяет решать текущие, нестандартные и конфликтные вопросы на нормативной основе, на основе общего согласия, общих принципов истины и справедливости.

При этом существенно важно иметь в виду, что правовые начала могут эффективно работать даже в условиях, когда нет единого государства (федерации или конфедерации), а существуют лишь ассоциативные объединения типа Содружества или даже в рамках обычного международного сообщества, т.е. когда субъекты являются независимыми, полностью свободными.

Как свидетельствуют данные истории, именно право выступает в качестве весьма действенного, мощного, «сплачивающего» фактора, испытанного средства интеграции. Это касается как раз обычного международного сообщества, т.е. международного публичного права – основы эффективного мирового правопорядка. Но и в иных ситуациях, на региональном уровне право довольно часто играло и играет роль такого социального института, который способен преодолеть государственную раздробленность, центробежные тенденции, сепаратизм, способствовать формированию достаточно прочной экономической и социальной общности людей.

И в сегодняшние дни высокий уровень интеграции, достигнутой в ЕЭС, – продукт, пожалуй, не самой по себе деятельности административных и парламентских органов Сообщества, а скорее единого рынка и общего права Европы, складывающихся как результат этой деятельности, а также деятельности Суда Сообщества в Люксембурге.

Словом, и в решении «эсэнговских» вопросов настало время преодолеть ввевшуюся во всю жизнь общества сугубо административистскую ориентацию – рассчитывать преимущественно на одну лишь силу административных органов, управленческих и административно-юрисдикционных (типа межгосударственного арбитража или – как это намечено сейчас в СНГ – «экономического суда», который, впрочем, судя по имеющимся данным, мало будет отличаться от арбитража).

Итак, одна из острых, срочных, неотложных задач действительной интеграции в СНГ — формирование ОБЩЕГО ПРАВА Содружества.

Особенности общего права Содружества

Говоря об особенностях права Содружества, было бы ошибочным представлять его (за некоторым исключением, о чем — дальше) в привычном виде некой монолитной системы — «законов», «нормативных установлений», «общеобязательных требований», в каком предстает право любого цельного, унитарного, федеративного, даже конфедеративного государства, т.е. право, обладающее общеобязательной нормативностью, «централизованностью», содержанием, которое во многом диктуется «сверху». Напротив, общее право Содружества должно быть «развернуто» той своей стороной, в какой оно — и это его уникальное преимущество — приспособлено для регулирования общественных отношений, участниками которых выступают независимые, «суверенные», полностью свободные субъекты.

По своему построению, структуре общее право Содружества складывается из нескольких частей, отдельных блоков (подсистем), при освещении которых необходимо с достаточной строгостью различать «внешнее» и внутриорганизационное право, а также публичное и частное право.

Основное значение из таких блоков имеют следующие три:

- «внутреннее» право Содружества;
- элементы международного публичного права;
- частное право.

Самое существенное в этих трех довольно разнородных блоках — это, во-первых, то, что ни один из них ни в коей мере не ущемляет независимости и свободы субъектов Содружества (республик, регионов), а во-вторых, то, что, обеспечивая довольно стойкую, прочную интеграцию в Сообществе, они соответствуют потребностям достижения должного порядка, свободы рыночных отношений, предпринимательства, творчества, защиты прав людей.

И вот какая еще, в основном терминологическая, сторона проблемы общего права Содружества. Выражение «общее право» (*common law*) по общепринятому юридическому лексикону обозначает особую «семью» национальных правовых систем — англосаксонское право, где слово «общее» имеет историческое значение, связанное с ролью местных и общих судов в Великобритании. Здесь же это слово приобретает иной смысл, близкий к смыслу терминов «межгосударственное», «регионально-международное», точнее — к тому, что складывается в Европе и нередко обозначается как «общеевропейское» право.

Трудности

Прежде чем обратиться к отдельным блокам общего права Содружества – в том облике, в каком они видятся автору этих строк, – необходимо обратить внимание на трудности, связанные с положением права в обществе после распада единого государства (империи), особенно в ситуациях, когда распалась тоталитарная империя.

Суть вопроса в том, что правовая система, сложившаяся в условиях тоталитарного общества, не готова к тому, чтобы быть основой правового государства, демократии и рынка. Она, следовательно, уже сама по себе создает трудности и для формирования общего права Содружества.

Вот какие обстоятельства применительно к праву, существовавшему в условиях СССР, советского общества, здесь нужно иметь в виду.

В России в дооктябрьское время сложились известные предпосылки для развития прогрессивного, демократического по своей основе права. Быть может, не такие уж выдающиеся, особо благоприятные (напротив, здесь оказались сильными противоборствующие факторы – общинные нравы, особенно в земледелии, православная «расслабленность»), но все же имеющие серьезные исторические корни – в свободном русском землепашестве, в первопроходческих деяниях поморов, сибирских «мужиков» в русском развитом «торговом капитализме» и, что особо существенно, в спонтанно развивающихся русском гражданском и торговом праве, имевших довольно глубокие корни в византийском праве и занявших в начале XX века заметное место в мировой юридической культуре.

После Октября 1917 года все это рухнуло. Воцарилось право тоталитарного облика – в сущности произвол, облагораживаемый атрибутами «права».

Но и ныне существующее, действующее право России, право других государств СНГ, хотя и порвало с тоталитаризмом, таково по своему содержанию, что оно не готово к тому, чтобы рыночная экономика и демократия получили юридически надежное обеспечение.

Конечно, в ходе преобразований, начавшихся с середины 1980-х годов, и особенно в 1990–1992 годы, сделано немало для того, чтобы придать новые черты советским правовым институтам и учреждениям, приспособленным в пору сталинского и брежневского тоталитаризма для обслуживания коммунистического режима. В той или иной степени устранены из всех сфер законодательства, прежде всего – конституционного, уголовного, административного, процессуального, многие установления, целые институты, которые в той или иной форме лега-

лизировали беззакония и репрессии, своеволие администрации и чиновничества. Началось высвобождение права из-под идеологического гнета, государственной лжи и самообмана, прикрываемых штампами «советское», «социалистическое». И особо существенное — это принятые в России, ряде других бывших советских республик (увы, не во всех) новые радикальные законы о собственности, о предпринимательстве, по социальным вопросам. Учрежден и показал свою конструктивность Конституционный Суд России, разворачивает свою высокозначимую работу Арбитражный Суд.

И все же есть достаточные основания утверждать, что сегодняшняя правовая система, существующая на территории распавшегося СССР, еще не готова к тому, чтобы было создано действительное правовое государство, утвердились достаточные и надлежащие правовые устои демократии и рынка.

И дело не только в том, что в России, других странах — членах СНГ не завершен процесс конституционного обновления, сохранилось в законодательстве достаточное число дыр и брешей, да и в принятых законоположениях немало половинчатых решений, огрехов, недоработок.

Надо видеть здесь и более серьезные, основательные причины. Существующая правовая система остается еще в целом огосударствленной, построенной во всех своих подразделениях на началах публичного права, т.е. такой, когда она соответствует не демократическому, не правовому, а авторитарному строю жизни общества.

Ведь правовую систему страны нельзя представить себе как простую сумму действующих в данное время законов, других юридических документов. Это именно «система» — сложный, многосвязный, «объемный» организм, который наряду с законами включает ряд иных компонентов (систему судебных органов, всех юридических учреждений, господствующую правовую идеологию, состояние правосознания населения, сложившиеся юридические традиции и обыкновения), а главное — отличается заложенными в нем «духом», «сущностью», устойчивой настроенностью, которые опираются на господствующие в обществе экономические и политические институты, в нынешнем российском обществе — на пока еще не преодоленную, монопольную государственную собственность, «всевластные» Советы.

Этот неистребимый публичный дух, настроенность на доминирование императивного государственного диктата проскальзывает, казалось бы, в незначительных огрехах, мелочах и частностях законов (то в «дополнительных» полномочиях государственных инстанций, то в «исключениях», то в осложняющих процедурах, в «каучуковых» формулировках

и т.д.). Но и эти на первый взгляд частности, уточнения и исключения, а еще более общий императивно-государственный подтекст всего массива действующего права создают такую непреодолимую вязкую среду, в которой тонут, обессиливаются, порой превращаются в свою противоположность самые отработанные демократические законоположения. Тем более что в некоторых странах – членах СНГ продолжают напрямую действовать устаревшие советские установления.

Российское общество, общество других стран – членов СНГ, таким образом, нуждается в том, чтобы произошла крутая и решительная смена координат в правовой материи, принципиальное изменение самой «сути», «настроенности» правовой системы, самой ее «органики».

Словом, назрела необходимость того, что с известной долей условности может быть названо приватизацией права. Право из огосударственной в целом системы, где во всех ее подразделениях так или иначе доминируют публичные начала, из «государственной воли, возведенной в закон» должно превратиться в правовую систему, где юридический приоритет принадлежит воле и интересам человека. На место «юридической надстройки», целеустремленной на «кару», «запреты», «порядок», должно заступить великое достижение цивилизации, воплощающее начала справедливости, равенства и возвышения личности, – система институтов, построенная на правах и потому названная «правом». Только тогда окажется возможным формирование действительно правового государства, а рынок и демократия получат надежные правовые устои.

И вот, обращаясь к отдельным блокам, из которых, судя по всему, должно складываться общее право Содружества, необходимо видеть, что формирование этого права взаимосвязано с теми преобразованиями, которые необходимо осуществить в правовых системах стран Содружества. Особенно это касается частного права, о котором дальше еще пойдет речь, в том числе и во взаимосвязи с проблемами «хозяйственного» и гражданского законодательства.

Теперь – отдельные блоки (подсистемы) общего права Содружества – «внутреннее» право, элементы международного публичного права, частное право.

«Внутреннее» право Содружества

Этот блок общего права Содружества связан с ограниченным использованием «административного» варианта – формированием известного круга координационно-рекомендательных органов. Соответствующая группа норм, имеющих общее значение для всего Содружества,

является результатом деятельности его компетентных органов – Совещания глав государств, Межпарламентской ассамблеи, других координирующих учреждений.

Такого рода общие нормы посвящены общим принципам функционирования Содружества, имуществу, организации и деятельности общих вооруженных сил, таможенным делам, деятельности вспомогательных учреждений, подготавливающих решения, и т.д.

Здесь следует признать принципиально важным, чтобы любое решение компетентных органов Содружества, имеющих перспективное значение, не замыкалось на разовых договоренностях, единичных соглашениях, а воплощалось в нормативных документах, из которых и складывается «внутреннее» право Содружества.

В СНГ существование рассматриваемой группы норм во многом связывается с его Уставом, своего рода «эсэнговской конституцией» (ограниченной в основном закреплением общих принципов и опять-таки административными вопросами, что и вызвало основные трудности при подготовке проекта Устава). В какой-то мере этот документ обогащает «внутреннее» право Сообщества, дает ему некую общую платформу, заполняет имеющиеся пустоты по административным вопросам, придает всему материалу необходимую стройность.

И все же, мне думается, не нормативные документы административного профиля должны образовывать стержневую часть рассматриваемого блока общего права Сообщества. Как показал опыт ЕЭС, главное здесь – это нормативный документ, с которого в сущности и началось становление и конструктивное развитие Европейского Сообщества, – документ типа Римского договора, определяющего условия и порядок функционирования единого общего рынка. Ибо такого рода документ во многом предопределяет формирование решающего интегрирующего фактора – «самого» общего рынка и вместе с тем является основным источником, на базе которого, в основном в результате деятельности Суда Сообщества, создается главный массив общего права, смыкающегося с одним из тех блоков, о котором речь пойдет дальше, – с частным правом.

Приходится в этой связи пожалеть, что у истоков СНГ не оказалось документа, близкого по содержанию Римскому договору. И такого рода сожаление можно высказать с тем большим основанием, что буквально накануне образования СНГ, в последние месяцы существования СССР, был подготовлен и даже находился в стадии завершающего юридического конструирования Договор об экономическом сообществе – своего рода аналог Римскому договору.

Впрочем, проблему такого договора — коль скоро сохранится СНГ — все равно рано или поздно придется решать. И тогда, можно надеяться, «внутреннее» право СНГ обретет достаточную весомость и значимость.

Элементы международного публичного права

Итак, в современной обстановке, сложившейся в СНГ, кроме Совета глав государств, Межпарламентской ассамблеи и примыкающих к нему координационных органов, каких-то иных публично-правовых институтов СНГ в настоящее время нет, и в ближайшее время едва ли можно ожидать сколько-нибудь существенного расширения их круга.

Более того, надо полагать, что и постановка вопроса о «сближении» институтов публичного права стран Содружества в современной обстановке имеет свои объективные, «конечные» границы. Эти институты затрагивают таможенные, санитарные, противопожарные и аналогичные административные вопросы. Институты же публичного права, касающиеся конституционного строя, организации государственной власти, ее устройства, статуса тех или иных государственных органов, должностных лиц и т.д. внутри каждого государства — члена Сообщества, — это сфера исключительной суверенной компетенции отдельных государств, выражение и символ их свободы, действительной самостоятельности, независимости.

Но есть все же участок публично-правовой материи, на котором необходимо достигнуть не просто согласия, координации, сближения и т.д., а фундаментального единства по содержанию и даже по процедурным вопросам (как это и требуется в иных правовых сферах). Это основные права и свободы человека, включая права и свободы этнических и национальных меньшинств, некоренного населения. Эти права, по общепризнанным высоким требованиям мирового сообщества, имеют ныне надгосударственный характер, и они, несомненно, должны утвердиться в качестве непреложных правовых начал на всей территории СНГ.

Возможно, с этой целью было бы оправдано принятие Межпарламентской ассамблеей (естественно, с последующей ратификацией парламентами государств Содружества) единой Декларации о правах и свободах человека. Соответствующие положения находят достойное место и в Уставе СНГ. В этом случае нормативные положения о правах и свободах человека переключаются в сферу действия только рассмотренного блока общего права Содружества — «внутреннего» права СНГ.

И все же принципиальная сторона дела заключается тут вот в чем. Независимо от того, будет или нет принята какая-то особая

декларация, как и в каком объеме положения о правах и свободах закрепляются в Уставе (и будет ли вообще принят и иметь надлежащую юридическую силу такой «конституционный» документ), независимо от всего этого нормы об основных, фундаментальных правах и свободах человека должны во всей своей полноте и с категоричностью действовать на всей территории Содружества как общезначимые элементы международного публичного права. Того современного международного права (и в особенности в своих разделах, посвященных правам и свободам человека), которое имеет приоритет перед национальным правом, правом региональных обществ и потому должно действовать в полном объеме «как такое» на любой территории планеты.

Более того. Основной смысл упомянутой Декларации и соответствующих положений Устава должен, надо полагать, состоять как раз в том, чтобы подтвердить безусловное действие международных норм о правах и свободах человека в Содружестве, подкрепить такую обязательность в отношении всей территории Содружества, каждого его государства-члена.

При этом в содружестве, созданном после распада единого государства (империи), особо весомую значимость приобретает подтверждение прав этнических, национальных меньшинств, прав некоренного населения, необходимости их надежной, повышенной защиты.

Было бы совершенно неприемлемым, если бы упомянутые выше Декларация и Устав использовались для того, чтобы дать что-то «взамен» международным институтам и механизмам о правах человека, правах этнических меньшинств, поставить на их место некие «доморощенные», половинчатые установления, которые приводят на деле к ущемлению прав человека и прав этнических меньшинств, получивших международное признание, во имя неких «местных особенностей» и «полного суверенитета».

Но что непременно нужно сделать по этому второму блоку общего права Содружества – это сформировать действенную судебную инстанцию, призванную рассматривать все вопросы, связанные с правами человека, которые возникают на территории государств СНГ. Уж коль скоро по вопросам прав человека функционируют международные суды – таким судом является Суд, созданный под эгидой Совета Европы и распространяющий свое действие на большинство европейских стран, то иметь подобное судебное учреждение в рамках СНГ – потребность несомненная, острая, настоятельная.

Частное право

Третий блок общего права Содружества – видимо, самый существенный, перспективный и содержащий наибольший «интеграционный потенциал» – это своеобразная область правового регулирования, обозначаемая как «частное право». Его смысл и назначение прямо связаны с формированием в СНГ эффективной экономики, рынка – основы экономического возрождения и главного интегрирующего фактора.

Необходимость единого правового пространства для стран СНГ, сориентированного на рыночную экономику, общепризнана. Но в ряде документов глав государств, иных органов это единство трактуется как проблема «сближения» «хозяйственного законодательства».

Полагаю, что это принципиально ошибочная постановка вопроса.

Прежде всего надо видеть, что «хозяйственное законодательство» сложилось и утвердилось в СССР, в бывших союзных республиках в качестве административного, в принципе публичного, антирыночного законодательства. И таким оно действительно было по своему содержанию и направленности. Сторонники «хозяйственного законодательства» (хозяйственного права) прямо отвергали рынок как основу современной экономики, а вместе с ним – и частное (гражданское) право, которое объявлялось «буржуазным правом». Они провозглашали «хозяйственное законодательство» в качестве такого, которое является «подлинно социалистическим», соответствует требованиям плановой экономики, последовательно централизованного государственного регулирования.

Действительной же основой рыночной экономики является не некое «хозяйственное», а частное (гражданское) право. И следовательно, речь должна идти о развитии и утверждении в странах СНГ частного права и соответствующего ему гражданского законодательства.

Самый существенный момент здесь вот какой. Частное (гражданское) право, в сущности искорененное в условиях коммунистического режима, концентрирует основные правовые институты, необходимые для формирования и развертывания товарно-рыночных отношений, институты права собственности, договоров купли-продажи, аренды, подряда, страхования и т.д., авторских и изобретательских отношений, правопреемства – словом, весь комплекс юридических механизмов, без которых рынок невозможен в принципе. Главное же – частное (гражданское) право, именно «частное» и «гражданское». Именно тут утверждающее самый высокий общеправовой принцип – «дозволено все, кроме запрещенного законом».

Оно «частное» — потому, что создает ареал экономической свободы для товаровладельцев, т.е. такой сферы, где юридически господствует «частное лицо» — граждане, частные фирмы, корпорации, и, следовательно, такой сферы, защищенной законом и судом, без которой ни частная собственность, ни свободное предпринимательство, ни беспрепятственный товарооборот, ни вообще рынок невозможны в принципе.

И оно «гражданское» — потому, что образует необходимый и притом высокозначимый элемент гражданского общества в целом.

И вот какая сторона частного (гражданского) права представляется в высшей степени важной.

Частное (гражданское) право таково по своей природе, что оно по сути дела не нуждается в «сближении», координации. Ибо частное право — это и так уже в принципе по своей основе единое интернациональное, всемирное право. Оно со времен Древнего Рима сформировалось как право общества товаровладельцев и рынка. Рынок же во все века и во всех странах — несмотря на известные региональные, национальные, «временные» особенности — нуждается в однотипных, адекватных рынку правовых институтах, обеспечивающих самостоятельность и независимость участников товарно-рыночных отношений и выраженных в отшлифованных в веках институтах права собственности, договорного права, в правовых формах, обеспечивающих статус субъектов, правопреемство, исковую защиту прав и т.д.

Таким образом, если даже, как говорится, «пустить все на самотек», то при стойкой ориентации на формирование частного (гражданского) права все страны СНГ неизбежно придут к созданию внутреннего единого, однотипного по своей основе гражданского законодательства, возглавляемого Гражданским кодексом, и, стало быть, к созданию правового пространства, ориентированного на рыночную экономику.

Едва ли, однако, указанные процессы могут реализоваться «сами собой». Ведь в странах СНГ, во всех бывших советских республиках, включая Россию, как уже отмечалось, еще сильны тенденции к административному, хозяйственно-правовому регулированию экономических отношений, и они, к сожалению, поддерживаются влиятельными кругами в хозяйственном управлении, подкрепляются некоторыми негативными тенденциями в развитии экономических реформ.

К тому же не во всех бывших советских республиках сложились необходимые кадры специалистов по гражданскому законодательству, которые смогли бы с учетом мирового и отечественного опыта, данных науки проделать многотрудную работу по созданию проектов современных гражданских кодексов.

Наконец, есть и вопросы «коллизийного права» по частнопровому регулированию, связанные с неизбежными различиями в правовом опосредовании товарно-рыночных отношений в тех или иных странах СНГ; и соответствующие вопросы, понятно, нуждаются в том, чтобы они нашли единое решение.

Вот почему оптимальным путем формирования гражданского законодательства в СНГ и отсюда – утверждения в нем принципа единого частного права следует признать путь модельного законопроектирования.

Такой путь отработан и продемонстрировал свою плодотворность в США, получил признание и в СНГ, в Межпарламентской ассамблее. Предполагается разработка своего рода «типового проекта», который осуществляется наиболее подготовленными специалистами по соответствующей правовой отрасли, в данном случае – гражданского права, а затем этот модельный проект предлагается в качестве типового законодательным органам стран СНГ, которые конечно же подвергают его дальнейшей отработке, от чего-то отказываются, включают новые положения, преобразуют рекомендуемые установления.

Но как бы то ни было при этом, как свидетельствует опыт, сохраняется основной массив норм и – что не менее важно – единый частнопрововой «дух», общая направленность в правовом регулировании. И это происходит потому, скажу еще раз, что гражданско-правовое регулирование является во всем мире по своей основе единым, и потому еще, что здесь имеет существенное значение научный авторитет разработчиков модельного документа.

С учетом всех этих обстоятельств в России был образован Исследовательский центр частного права, который объединил ведущих специалистов по гражданскому праву Российской Федерации, а также Казахстана, Кыргызстана, других стран СНГ.

К настоящему времени Центр подготовил первые материалы модельного проекта Гражданского кодекса, и он представляется Верховному Совету Российской Федерации, законодательным органам других стран СНГ.

Скоординированная подготовка гражданских кодексов и их принятие – близкая, но все же перспектива. Вместе с тем возможность закрепления в СНГ общих основополагающих норм гражданского оборота есть уже сегодня. Речь идет об Основах гражданского законодательства, принятых в 1991 году, но не вступивших в действие ввиду распада Союза. Эти Основы в целом отвечают современным рыночным требованиям, содержат общезначимые и адаптируемые к особен-

ностям каждой из стран СНГ нормы о коммерческих организациях, о праве собственности, о договорах. В России уже принято решение о действии Основ на ее территории. Восприятие Основ и другими странами СНГ было бы реальным вкладом в формирование общего частного права Содружества.

В завершении характеристики частного (гражданского) права уместно сделать вот какое предположение. Именно частное (гражданское) право может стать основным интегрирующим правовым инструментом, способствующим конструктивному развитию объединенных процессов СНГ.

К сожалению, мы до сих пор не придаем должного значения тому историческому факту, что в Древнем мире в качестве цементирующей силы, поддерживающей прочность обширнейшей Римской империи, выступали не только высокоорганизованные, мощные подразделения легионеров и централизованное административное управление, но и отработанное, в чем-то предельно совершенное римское частное право, уже в ту древнюю пору признанное как «всемирное право». Да что там Древний мир! В исторически недавнее время – в прошлом веке именно Германское гражданское уложение сыграло, надо думать, решающую роль в экономическом, а затем и в государственно-правовом объединении разрозненных, вечно враждующих немецких княжеств. И ныне в интегрирующейся Европе общеевропейское право, развивающееся в рамках ЕЭС, создает мощное интеграционное поле, ведущее к формированию достаточно прочного Сообщества европейских государств.

Именно частное (гражданское) право обеспечивает действенность главной интегрирующей силы – «самой» рыночной экономики, да к тому же оно и само по себе, по своей общецивилизованной, общекультурной природе уготовано для достижения действительной интеграции в соответствии с высокими требованиями современной цивилизации и культуры.

Высокая миссия Суда

Рассматривая общее право Сообщества, его подсистемы, блоки, нужно не упустить из поля зрения Суд (Верховный Суд Сообщества), который призван сыграть высокую, основательную, быть может, даже решающую роль в формировании и развитии общего права.

По этому вопросу, впрочем, необходимо преодолеть один утвердившийся стереотип в понимании роли суда. Немало специалистов считают так: да, в англосаксонском праве, которое нередко называют «правом судей», суд действительно имеет важную правообразующую

роль — он посредством судебных прецедентов создает и совершенствует юридические нормы, целые правовые институты. А вот, принято считать в странах континентальной Европы, в романо-германском праве иная ситуация: право всецело создается законодателем, дело суда — только «применять» нормы закона.

Между тем в современную эпоху произошла диффузия, взаимопроникновение двух указанных ранее правовых систем — англосаксонского права и права континентальной Европы. В современных правовых государствах судебные учреждения путем выработки правовых положений, прецедентных решений играют немалую роль и в развитии, совершенствовании «самого» права. Да и вообще, смею заверить, и в более широком плане правосозидающая функция суда, по-видимому, недооценивается ни наукой, ни общественным мнением.

С этой точки зрения вполне возможно, что правосозидающая роль суда особо значительна в тех странах, где именно право призвано выполнять интегрирующую миссию.

И это характерно не только для англосаксонского права. Ведь, строго говоря, классическое римское частное право в значительной степени формировалось на основе индивидуальных решений должностных лиц и выдающихся знатоков юриспруденции, т.е. на основе юридических прецедентов. Да и современное общеевропейское право — в немалой степени плод деятельности Европейского суда в Люксембурге, насыщающего крупница за крупницей путем прецедентных решений правовое пространство ЕЭС высокозначимым нормативным содержанием.

С этой точки зрения было бы оправданным преобразование Экономического суда СНГ в единый Суд Сообщества. Этот судебный орган смог бы рассматривать весь комплекс правовых вопросов, требующих юрисдикционного решения в рамках Содружества, в том числе и вопросов применения Устава (т.е. «конституционных» вопросов), и конечно же весь комплекс проблем, связанных с состоянием, обеспечением и защитой прав и свобод человека во всех странах СНГ. И он же на целостной правосудной основе смог бы выполнить наиболее существенную миссию — не только крепить «эсэнговскую» законность, но и выработать прецедентные решения, способствуя формированию, развитию и совершенствованию общего права Содружества.

ЕДИНЫЙ ФРОНТ ВЛАСТИ И ОППОЗИЦИИ

2010

Феномен, обозначенный в заголовке этих заметок, сводится к сугубо конкретному предмету — праву. Власть, выстроенная по модели вертикали, и оппозиция, противоборствующая режиму власти по такой модели, одновременно — хотя и с разных, лишь в чем-то частично совпадающих позиций — выводят, скажу резче — выбрасывают право в современном его понимании из социальной жизни нынешней эпохи. И от того право как высокозначимый социальный институт рушится, исчезает, загоняется в лучшем случае на задворки общественных процессов и общественного признания. Что, по многим данным, свидетельствует о беде, быть может — самой большой беде, грозящей в настоящее время сообществу людей.

НЕПРИЯТИЕ властью права в современном его понимании вполне объяснимо.

Любая государственная власть, даже власть, исповедующая последовательно демократические ценности и неизменно использующая достоинства права в своей властной и общегражданской деятельности, с немалым трудом терпит все то, что ее, власть, связывает, ограничивает. И с этой точки зрения, понятно, непросто воспринимает претензии развитого права на то, чтобы внести в данную сферу отношений предельную определенность, строгую упорядоченность, поставить под контроль властные прерогативы и, стало быть, возвыситься над ней самой, властью.

Тем более такое, до поры до времени сдержанное, неприятие властью права выливается в тотальное его отторжение, когда власть становится жестко центристской, авторитарной, а право со своей стороны сообразно мировому цивилизационному развитию наращивает свой демократический и гуманистический потенциал и вследствие этого обретает свои исконные качества — качества права человека, препятствующего как произволу, своеволию во всех их разновидностях, так и ручному, избирательному управлению в обществе, в его политической и социальной жизни.

В такой обстановке оказывается, что право в современном его понимании не очень-то нужно государственной власти, действующей по режиму центристских приоритетов. А если и нужно, то по своей органике не в виде единого, последовательно всеобщего, универсального и строгого, безукоризненно определенного нормативного регулятора гуманистической ориентации, а всего лишь в урезанном и усеченном виде — для решения ряда общегражданских задач (борьбы с преступностью, организации административной службы, функционирования имущественных и семейных отношений и пр.). Притом преимущественно в качестве инструмента самой власти («права власти») для формально законного оформления и придания абсолютной непререкаемости государственным велениям да создания общего престижного представления о будто бы должном функционировании в данном обществе «закона» и «суда». Словом, в качестве всего лишь оформительского инструмента, эффективного, но все же подсобного регулятора, фиксатора норм и процедур, необходимых и при центристской политической власти.

САМОЕ же горькое и прискорбное в феномене, который рассматривается в данных заметках, — это то, что в принципе столь же негативное отношение к праву демонстрирует и оппозиция. Пусть и в иных ипостасях, преимущественно путем откровенного игнорирования правовых ценностей при оценке и поиске решений коренных политических и социальных проблем, пусть и с исключениями, частичным, тоже выборочным использованием правовой лексики, деклараций и форм.

Поистине парадоксальным в рассматриваемом отношении является прямое игнорирование многими отечественными приверженцами правовых категорий и механизмов чуть ли не сакрального символа современной эпохи — рынка. И это несмотря на то, что рынок в своей основе и неотделимая от него частная собственность только и могут существовать в глубоком единстве с правом. Ибо рынок, не сводимый к базарной вольнице, во всех его вариациях — всегда обмен по типу классической купли-продажи и сопряженных с ней многообразных юридических институтов, а собственность в реальной жизни вообще немыслима, если она не выступает в качестве абсолютного и исключительного субъективного юридического права.

Чем вызвано такое отчужденное отношение к праву в общем потоке цивилизационных и демократических движений?

Ответ на этот вопрос представляется многим предельно ясным. Особенно для России. Очевидно, что в нашей стране причины отчужден-

ного отношения к праву в немалой степени коренятся в наследии прошлого. В том, в частности, что в России институт, именуемый «правом», за немногими исключениями (эпохи Александра II, хрущевской оттепели, начала перестройки), понимался чуть ли не исключительно именно как право власти, прикрывающее единоличную всевластную диктатуру, сугубо формальное, имитационное образование, пригодное разве только для того, чтобы решать неизбежный для государства круг общегражданских задач — способствовать борьбе с преступностью, внешнему упорядочению имущественных и других насущных бытовых и внутриорганизационных связей и порядков.

Да и в отношении демократически продвинутых, успешных стран поставленный вопрос в общем также представляется очевидным. И здесь дают о себе знать утвердившиеся за многие тысячелетия представления о регулятивных элементах, подпадающих под понятие «право», когда они преимущественно (за минусом отдельных мировых шедевров) понимаются всего лишь в качестве проявлений государственной власти и формализованных институций.

Тем более что на такое ограниченное, феодально-силовое понимание права настраивают реалии и вызовы нынешнего времени — и атмосфера общества потребления, при которой регуляция имущественных порядков замыкается в основном на «правах потребителя», и проклятие современности — безумие терроризма, которое на другом полюсе придает неконтролируемый силовой приоритет в политико-нормативной жизни исполнительной власти, карательным учреждениям и спецслужбам, склонным к искусительному всевластию.

И ВСЕ ЖЕ во всем только что сказанном проявляются в основном, так сказать, тяжкие тени прошлого.

В общем же при более широком взгляде на нынешнюю эпоху можно увидеть, что в позиции цивилизационных и влиятельных демократических сил, во всяком случае у нас, в России, *отсутствует понимание права в современном его значении*. Прежде всего — нет понимания и реализации в практической жизни главного. Нет того, что было, пожалуй, лейтмотивом расцвета демократических движений Нового времени, — того, когда само утверждение и развитие последовательно демократических и цивилизационных устремлений и процессов неизменно связывалось с категориями права, его ценностей и идеалов. Вплоть до утверждения в жизни и признания в качестве безошибочных критериев истинно демократических достижений той или иной страны в формулах «правовое государство» и «верховенство права».

Но именно здесь-то и кроется ключик к решению рассматриваемой проблемы.

Суть дела в том, что упомянутые качества права как эффективно-го, формализованного регулятора могут быть выстроены не только для осуществления общегражданских и государевых дел (да легитимации властных прерогатив), но и *при развитии этих качеств для решения коренных проблем развития общества.*

Здесь следует заметить, что, как это ни парадоксально, существенную роль сыграла отечественная правовая наука, которая в условиях и под напором сложных, во многом негативных политических проблем, порожденных коммунистической системой, настроилась на углубленный научный анализ права, всех его составляющих как на альтернативу тоталитарным порядкам.

Ибо при точном научном анализе оказывается, что регулятивные качества права, будто бы всего лишь оформительской значимости (строгая определенность, всеобщая нормативность, государственная гарантированность и др.), в действительности имеют уникальный характер — обладают такими свойствами, которых нет в своей совокупности или вообще нет у иных систем регуляции, неизбежных в человеческом сообществе, — морали, велениях правителей и госаппарата, корпоративных нормах, обычаях и т.д.

Эта уникальность выражена в том, что благодаря позитивной логике цивилизации право способно соединить, казалось бы, несоединимые достоинства. Обладая качествами нормативной системы и в этой связи *императивами долженствования* с необходимыми запретами, обязанностями, ответственностью, свойственными всем нормативным системам социальной регуляции, *право — потому и п р а в о, что оно в контексте долженствования призвано раскрыть и воплотить в жизнь категории свободы* поведения людей и их образований, что не только «можно», допустимо, но и изначально дано в самом бытии человека, сообщества людей.

Причем так, что в праве в контексте долженствования категории свободы могут быть очерчены необходимыми границами, не допускающими превращения свободы в произвол и бесчинства, и одновременно они же, категории свободы, могут быть оснащены надежными гарантиями, средствами защиты и, что наиболее существенно, действенными механизмами практической реализации.

Вот почему, когда в истории человечества пришла эпоха свободы человека, *в обществе не оказалось иного социального образования, кроме развитого права, которое смогло бы стать практическим и действенным инструментом в предназначении самой сути, смысла новой исторической эпохи.*

И вот тогда – пусть и без широковещательных, громогласных деклараций – в странах, практически настроенных на последовательно демократическое развитие, именно право, раскрывая свои глубинные потенции, шаг за шагом стало реализовывать в практической жизни принципиально новые социальные составляющие. Такие как высокий статус каждого человека-гражданина, его независимость и гражданскую суверенность, приоритет и верховенство частной собственности, право на нее каждого человека.

Высокий же статус человека-гражданина и приоритет частной собственности, как и другие цивилизационные свершения последовательно демократической направленности, *привели к повсеместному утверждению начал правового государства и верховенства права*, благодаря которым, в их позитивном значении, стало возможным создание социальной обстановки, открывающей потенциал обеспечения глубинной цивилизационной миссии, выпавшей на долю разумных существ – людей, заключающейся в многократном усилении и развертывании активной силы и интеллекта человека в производстве, в экономике, в духовной сфере. И более того, быть фактором свободы и стабилизации, позитивной и мотивационной основой экономической, политической и духовной жизни людей, исключающей доминирование в этих сферах силовых, насильственных методов.

А это значит, что право в современном его понимании раскрылось по своей сути как *одно из высших достижений цивилизации*, не имеющий альтернативы фактор, способный при должной отработанности всех его составляющих обеспечивать реализацию основных цивилизационных свершений, рассчитанных на человека, его высокий статус, неотъемлемые права.

И это значит также, что без развитого права идеалам свободного человека в свободном обществе не дано осуществиться, и при таком негативном развитии событий нас всех ожидают суровые беды.

Таким образом, ответом на феномен, которому посвящены данные заметки, когда и власть, построенная по модели вертикали, и оппозиция такой власти в принципе одинаково сдержанно и отчужденно относятся к праву, должны стать преодоление порога, выстроенного коммунистическими догмами, переход на путь последовательного признания идеалов и ценностей права в высоком современном значении и, в этом же контексте, правового государства и верховенства права.

О ПАРЛАМЕНТСКОЙ ВЛАСТИ Фрагмент из недавнего прошлого России

2010

Принято считать, что в России в настоящее время действует политический режим президентской республики.

Даже суперпрезидентский режим.

По факту это – так. Но при всем при том нельзя упускать из поля зрения процессы и факты, относящиеся к иным характеристикам российской политической жизни.

И это не только сложные процессы формирования Конституции России, одной из доминирующих линий которой было интегрирование парламентской и президентской моделей (по примеру Германии), частично сохранившееся в действующем конституционном тексте, но и некоторые другие факты нашего отечественного прошлого.

Об одном из фрагментов такого прошлого и пойдет речь в этих заметках

Пришествие в жизнь нашего общества в годы перемен в конце XX – начале XXI в. начал свободы оказалось непростым, многосложным, с гранями, далеко не всегда соответствующими глубинной сути данного явления.

И первый возникающий здесь вопрос: когда такого рода фундаментальный фактор, определяющий основы жизни людей, всего общества Нового времени, фактически проявил себя?

Довольно широко распространено мнение, что реально этот фактор раскрылся не сразу в годы перемен, а только на той их фазе, когда в 1991 г. после поражения просоветского путча всенародно избранным Президентом России стал Б.Н. Ельцин и начались так называемые кардинальные экономические реформы.

В этом утверждении есть резоны.

Да, в середине 1980-х гг., в начале перемен еще существовали, хотя и теряющие свою силу, достаточно мощная партократическая система, разветвленные силовые ведомства, командно-административная экономика, переживающая даже некое оживление в связи с успехами на мировых сырьевых рынках (нефть, газ). И все это, помимо все-

го прочего, создавало невероятные трудности для того, чтобы начать кардинальный разрыв с тоталитарным коммунистическим прошлым.

Вместе с тем факты говорят и о другом. О том, что многое в сфере свободы удалось уже в первые годы перемен. Все же основной рывок и движение к свободе как жизнеутверждающей основе жизни общества и завоевание важных опорных звеньев на этом пути были сделаны с приходом на руководящий пост страны М.С. Горбачева, уже во второй половине 1980-х гг., когда вслед за формированием принципиально новых высших органов власти (Съезда народных депутатов, постоянно действующего Верховного Совета) наша страна, тогда еще СССР, взяла курс на демократические преобразования, названные по ходу их развития «перестройкой». При всем неизбежном, надо заметить, противоречии в этом курсе, вызванном отчасти тем, что инициатор перемен – М.С. Горбачев – сохранял пост Генерального секретаря ЦК компартии, без чего, впрочем, сколько-нибудь значимые перемены в жизни общества того времени были бы принципиально невозможны.

Тем не менее уже сам факт о с в о б о ж д е н и я от тирании и изменения, наступившие вследствие первых же реформаторских шагов, пусть поначалу, казалось бы, еще осторожных и скромных, вдохнули в общество небывалые по тем временам, да и по сегодняшним дням, дух и энергию, импульсы надежды, романтики и стремления к реальной практической работе по переходу страны в новое состояние – народовластия и процветания.

К тому же при более углубленном анализе оказывается, что и первые шаги, частично уже упомянутые, в направлении такого глубокого, основательного преобразования страны были, при всей половинчатости и противоречивости некоторых из них, по своей сути весьма значительными, высокозначимыми, в чем-то, быть может, в самом главном, неповторимыми.

Это не просто сам по себе Закон об отмене цензуры и свободе слова, не просто сами по себе законоположения о свободном выезде за рубеж, о многообразии форм собственности и легитимации частной собственности, ряд других аналогичных нормативных документов и мер. Наиболее существенно то, что все это было результатом сложной, трудоемкой, проходящей на альтернативной, дискуссионной основе и по демократическим процедурам небывалой для советской действительности работы постоянно действующего о б щ е г о с у д а р с т в е н н о г о п а р л а м е н т а, сформированного путем свободных в принципе выборов. Притом – внимание! – работы, которая была предельно публичной, открытой. Она целиком, ежедневно, без изъятий, от звонка до звонка транслировалась телевидением на всю страну, широко и придиричиво обсужда-

лась в печати, иных средствах массовой информации. И, самое существенное, работы, которая по своему содержанию и устремленности выражала и олицетворяла свободу людей в центре жизни общества – в сфере политической власти. И в этом отношении развивалась в направлении передового, развитого права, основных гуманитарных ценностей.

И вот – один из обобщающих фактов того времени, который, увы, до сих пор, как мне представляется, по настоящему не оценен ни наукой, ни общественным мнением. Этот факт заключается в том, что в нашей освобождающейся от тоталитаризма стране с середины 1989 г., вслед за аналогичными попытками в обстановке Февральской революции 1917 г., складывалась и начала функционировать полнокровная парламентская власть. Власть в условиях, как и во время Февральской революции, фактического двоевластия, но все же по своей сути и тенденциям развития такая, которая соответствует критериям формирующейся парламентской демократической республики, наиболее полно воплощающей категорию свободы в политической жизни.

Понятно, скажу еще раз, в рассматриваемые годы еще сохранялись со стремлением к единодержавию, ранее проводимым через Советы, учреждения партократической структуры и непосредственно ей подчиненные спецслужбы, органы госплановской экономики. Но эти структуры, во многом уже поверженные, неуклонно, шаг за шагом теряли свои позиции, утрачивали, казалось, ранее незыблемые рычаги, формы и методы управления.

Уже вскоре после начала работы нового Верховного Совета законодательные акты стали приниматься вопреки партократическим императивам – без предварительной их проработки и одобрения властно-исполнительными инстанциями и единой монопольно действующей партией. Были раскрыты прегрешения спецслужб и армии (в Тбилиси, Литве), придан гласности пакт Молотова – Риббентропа. Назначение министров, иных основных государственных должностей в исполнительной власти, прокуратуры, органов контроля оказалось в исключительном ведении парламента. Да-да, все руководящие посты в государстве – все, без изъятия – глава правительства, его замы, все министры и руководители ведомств, включая силовые, руководители судов и их замы, прокуратуры и т.д. назначались после широкого обсуждения Верховным Советом.

Даже в обстановке, когда возник известный паралич власти и потребовалось учреждение поста президента (шаг, увы, не до конца проработанный), его избрание происходило по парламентской модели – на Съезде народных депутатов.

Наконец, парламент напрямую отменил основную нормативную зацепку фактического партokratического единовластия — статью 6 действующей Конституции, предусматривающую «руководящую и направляющую роль» компартии в политической жизни общества.

Добавим также, что в то время свободно, на дискуссионной основе, с выходом на парламентский уровень происходило и рассмотрение планов, направлений и методов экономических преобразований, которые были рассчитаны на активность и инициативу производителей. Плюс к тому наряду с проработкой широкомасштабных проектов (таких, как проект С. Шаталина и Г. Явлинского «Пятьсот дней» и др.) Верховный Совет в практическом плане — в целой серии законодательных актов единодушно поддерживал выдвинутую самой жизнью, практикой и основательно законодательно проработанную «арендную приватизацию», которая уже решала принципиальной важности задачу — разгосударствление, первичную приватизацию и в ряде секторов экономики стала даже приносить положительные результаты.

И еще один существенный момент. Сообразно традициям обществ с демократической ориентацией и доминирующей парламентской властью и у нас в то время сложилась и крепла формально признанная оппозиция. В том числе — конституированная в виде «межрегиональной депутатской группы», возглавляемой видными политическими оппозиционными деятелями — А. Сахаровым, Б. Ельциным, со все более крепнущими настроениями создания своей последовательно демократической политической партии и завоевания на ее основе полнокровной политической власти в стране.

Увы, в то время экономическое положение страны стало все более и более ухудшаться: былая административно-командная система оказалась разрушенной, новые же хозяйственные формы, еще не развернувшиеся и блокируемые бюрократией, не давали ожидаемых результатов. Замедлились и даже замерли экономические и социальные реформы. В этих условиях демократическая оппозиция в начале 1991 г. объявила о своем «разрыве с Горбачевым» и начала предпринимать шаги по реальному овладению политической властью в рамках утверждающихся демократических парламентских порядков: в России (РСФСР) на пост главы республиканского парламента был избран Б. Ельцин, а в Москве и Ленинграде властные структуры возглавили его приверженцы — соответственно Г. Попов и А. Собчак.

Что же получилось в результате двухгодичной «горбачевской перестройки» (с властью формирующейся парламентской республики

и начавшимся процессом разгосударствления и приватизации в народном хозяйстве)?

С внешней, видимой стороны получилось то, что неизбежно наступает в обстановке растянувшихся во времени и не вполне состоявшихся реформаторских преобразований.

Это все более нагнетаемая с разных сторон атмосфера несбывшихся ожиданий, разочарования многих слоев населения, особенно тех, которые сообразно отечественным традициям верят в чудо, в данном случае — в одномоментное наступление благолепия — «все и сразу». И одновременно в чем-то, причем в той же самой плоскости, настрой радикальной оппозиции на то, чтобы отвергнуть всякие там «полумеры» и встать на путь решительного углубления реформ, на максимально быстрое достижение наиболее передовых мировых образцов демократического и экономического развития.

К сожалению, напряженная ситуация той поры, осложненная острой борьбой за власть, имеющей в немалой степени личностный характер, во многом затенила основной фактор перестроечной эпохи — фактор свободы как основополагающего стержня жизни общества.

Между тем народом нашей страны, освобождающимся от тиранической диктатуры, за 1989—1991 гг. был уже достигнут обнадеживающий уровень свободы граждан, и х о р г а н и з а ц и й. Пусть в полной мере еще не развернувшийся, с изъятиями. Пусть даже всего лишь по некоему демократическому минимуму. Пусть в обстановке, когда надо было еще сосуществовать с феноменами, хотя изрядно и обессилевшими, прежнего советского строя — партократическими институтами, их ширмой — Советами, бюрократией, специальными силовыми ведомствами.

И все же при всем при том за перестроечное время реально утвердился такой уровень свободы граждан, который, по моему убеждению, был приемлем для успешного продолжения демократических реформ. В том числе определяющего их звена — реформ экономических, которые смогли бы коренным образом изменить настрой общества, обеспечить население необходимыми товарами, услугами и вместе с тем лишить партократические структуры и бюрократию ее основы — всеохватной государственной собственности.

Не касаясь многих других важных сторон и частных в круговороте событий второй половины 1991 — начала 1992 г., остановлюсь в подтверждение только что высказанных оценок и предположений на двух наиболее знаменательных фактах той поры.

Первое – это произошедший в августе 1991 г. просоветский (в значении коммунистической ориентации) путч, совершенный деятелями теряющей власть коммунистической номенклатуры и направленный на блокирование демократических реформ. И то обстоятельство, что августовский путч не удался, продержался всего два-три дня, в немалой степени объясняется тем, что еще сохранившиеся учреждения советского строя (даже такие подвластные путчистам, как армия и КГБ) потеряли ту былую, ранее поистине несокрушимую силу в решении внутренних дел.

И второе. Впрочем, тоже хотя и неожиданное, даже, пожалуй, парадоксальное последствие просоветского путча. Это невиданное ранее, никем не инициированное, спонтанное и мощное массовое выступление широких масс населения в поддержку демократии. К тому же такое, которое опять-таки по спонтанности и мощности ассоциируется с народным подъемом в первые годы Февральской революции 1917 г.

Это народное выступление конечно же было направлено против организаторов просоветского путча. Оно опиралось на тот уровень свободы граждан, который к этому времени был достигнут в стране. Но оно все же, увы, не только не было целеустремлено на утверждение и развитие тех институциональных ценностей, которые воплощались в формирующейся парламентской республике страны (в том числе и в парламенте РСФСР), но практически в основном оказалось заряженным импульсами перехода власти от «горбачевского центра» к власти одной республики – РСФСР и ее лидера – Б. Ельцина. И потому последствия поражения просоветского путча и мощного народного выступления в защиту демократии оказались многозначными и в то же время разнонаправленными.

Самое существенное здесь конечно же то, что, по общему признанию, свершилось главное – дискредитированы и отброшены остатки коммунистического советского строя и, стало быть, совершена по сути дела (увы, как выяснилось позже, не полностью и не до конца) **ан т и т о т а л и т а р н а я р е в о л ю ц и я**. Притом не только публично устранено существовавшее ранее двоевластие, но и реально политическая власть в стране перешла в руки политической оппозиции, сосредоточенной в эрэсэфэсэровском (российском) руководстве и готовой по ее декларированной устремленности к проведению решительных и углубленных экономических и социальных реформ.

Надо добавить сюда и то, что осуществленные в рамках СССР демократические новации, хотя и стали обозначаться всего лишь в качестве «полумер», в действительности еще ранее были уже восприняты с теми или иными коррективами в законах и практике РСФСР и те-

перь полностью сохранились и плюс к тому были дополнены новыми мерами и законодательными актами.

Так что в итоге после антитоталитарной революции в принципе сохранился тот уровень свободы граждан, который уже сложился и даже утвердился за прошедшие годы перемен. Более того, публичное отстранение от власти партократии и одновременно общегосударственных (в пределах еще существующего государства – СССР) правовых и парламентских механизмов в какой-то мере придало этому основополагающему стержню жизни демократического общества некие абсолютистские симптомы, перекликающиеся с российскими представлениями о «воле» и «вольнице».

Ныне, по прошествии двух десятилетий с той поры, как раз и получило распространение отмеченное ранее мнение о том, что именно в те годы пришла в наше Отечество действительная свобода.

Рациональной стороной в таком мнении, наряду с публичным отторжением партokratического строя, является провозглашение в качестве определяющего начала экономической свободы. Начало фундаментального порядка, которое при всех симптомах «вольницы» (что стало предпосылкой для нынешней оценки того времени как неких «лихих лет» и сказалось в негативах проведенной официальной приватизации) стало по всеобщему общественному настрою твердой константой нашего общества.

В то же самое время в области государственного строительства принимаемые меры и новации стали трактоваться и восприниматься не в виде продолжения формирующейся парламентской республики, а в качестве просто «государства» и даже – обновляемой на демократической основе «республики Советов».

А далее, когда начались сложные процессы создания принципиально новой Конституции, основная линия в такой многотрудной разработке, направленной на восприятие всего ценного, перспективного и нового, в том числе по моделям парламентской и президентской республик, на завершающей стадии в 1993 г. вопреки первоначальному замыслу качнулась в сторону последней из указанных моделей и была подкреплена затем текущим законодательством и соответствующей интерпретацией конституционных положений при их практическом применении.

Последствия таких перемен, связанных с преобладанием центристских приоритетов, мы и переживаем в нынешнее время.

ИДЕОЛОГИЯ ПЕРЕСТРОЙКИ. 1992–1995 гг.

Будущее России

Научно-публицистический очерк

1992

НЕСКОЛЬКО ВСТУПИТЕЛЬНЫХ СЛОВ

Сложна, величественна и трагична судьба России.

Россия волей Истории оказалась в центре гигантского Евразийского материка и ценой народного подвижничества, неисчислимых жертв, потерь, невозполнимых утрат стала геополитическим устоем, придающим прочность мировой цивилизации и основательность глобальным процессам на перекрестке Европы и Азии.

Россия оказалась у истоков и в самом сердце самобытной группы этносов — славянских народов, с наибольшей силой и выразительностью воплотила их природные черты, долготерпение, упорство, уязвимость и красоту славянского душевного строя.

На Россию выпала доля быть прямой наследницей византийской ветви христианства — православия, — ее достоинств и слабостей, утверждающей через сотрудничество и в противостоянии с другими религиями великие духовные ценности.

Но наибольшие испытания и потрясения выпали на долю России на ближних подступах ко второму тысячелетию христианской эры. Россия испытала — да, испытала, еще не до конца, — самую глубокую драму в истории — драму капитализма.

Носителем, злым гением и проклятием этой драмы, как это ни парадоксально, стал большевизм.

І. СБИТАЯ НА ВЗЛЕТЕ

Сокровенная тайна большевизма

Большевизм — крайне левое, воинственно-радикальное крыло марксистского социалистического движения в России первой половины XX века — вторгся в 1917 году в жизнь людей и всего общества обольстительной мечтой и бедной действительностью, культом «масс» и презрением к отдельному человеку; кровавым террором тоталитарного режима и фальсификациями разоренного бытия.

Каковы же истоки большевизма?

Конечно, прежде всего — это печальный, поистине сатанинский продукт насаждаемой в жизнь коммунистической утопии, с декларируемой ею общей собственностью всех людей на все богатства страны, будто бы близким распределением «по потребностям», презрением к «хламу» западной демократии, парламентаризму и праву. А утопия, неважно в какие наряды она рядится, потому и утопия, что имеет право на существование лишь на уровне мечты, а внедряемая в нашу, такую грешную, нескладную, полную страстей и наваждений жизнь она неизменно оборачивается насилием, фанатизмом, ложью. Вот они-то — насилие, фанатизм, ложь — и явились нам в облике пролетарской диктатуры, «всевластных» советов, ленинско-сталинской партии, комбедов, показательных процессов, Сталинской Конституции, ГУЛАГа.

Есть в большевизме и отзвуки российской истории, судьбы и политического быта России, ее склонности к восточно-деспотической державности и не контролируемому произволу; хотя, нужно тут же заметить, что это лишь одна и вовсе не главная сторона прошлого и настоящего России.

И все же, думается, сокровенная тайна большевизма в другом. В том, что большевизм явился ближайшей и непосредственной **реакцией на капитализм**. Это — его тень, антитеза, спутник и яростный враг, находящий свою историческую судьбу и оправдание в противостоянии порокам капитализма, в стремлении его низвергнуть, изничтожить, изжить навсегда.

Первоисток ортодоксального марксизма

Да, если копнуть чуть глубже, в смертельно-враждебном противостоянии капитализму надо видеть также и исток того духовного русла, в котором возник большевизм, — ортодоксального марксизма. Не общее движение человечества, не логика мировой цивилизационной духовности, не взятые вместе ветви передовой общественной мысли XVIII–XIX веков — «французских социалистов», «английских экономистов», «немецких философов» (так писал Ленин), а вот этот ворвавшийся в неторопливый ход развития человечества всепожирающий Левиафан — капитализм стал возбудителем, причиной-антитезой формирования бескомпромиссного революционного учения и общественного движения XIX–XX веков — марксизма, а затем и большевизма («марксизма-ленинизма»). И лишь потом, на этой почве жесткого противостояния, нацеленного на уничтожение капитализма, своего врага-прародителя, стали вовлекаться в орбиту внешне, казалось бы, respectable теории иные, самые разнообразные, в том числе почерпнутые из разных научных школ и ориентаций.

Нам, вышедшим из советского недалека, кого уже вместе с материнским молоком пичкали «произведения классиков марксизма-ленинизма», и особенно тем из нас, кто активно их пропагандировал, в общем-то легко мысленно перелистать страницы этих произведений. И тогда нетрудно будет заметить, что, начиная с марксовско-энгельсовского «Манифеста коммунистической партии», ленинского «Развития капитализма в России» до многочисленных документов Коммунистического интернационала, КПСС, трудов, выходящих из-под пера вождей коммунизма, везде, и в тексте, и в подтексте, заложены безапелляционное отторжение капиталистического строя, его институтов и ценностей, направленность на их изничтожение.

Да и «будущее всего человечества» — социализм и коммунизм — марксистская теория в основном конструировала «от противного», чтобы в нем было «все наоборот» по сравнению с капитализмом: там — эксплуатация и угнетение, здесь — братство и товарищество; там — товарное производство и купля-продажа рабочей силы, здесь — непосредственно-общественное производство и добровольный труд; там — стихийный рынок, здесь — разумный план; там — обнищание людей труда, здесь — распределение «по труду», а затем — «по потребностям» и т.д. и т.п.

Большевизм стал прямым и концентрированным выражением первоначальной сути ортодоксального марксизма, рожденного в противостоянии с капитализмом. Чем это можно объяснить?

Крутой подъем

Россия конца XIX века поразила мир резким рывком к капитализму.

Рывок этот по-настоящему не был осмыслен в тогдешнее время и по-настоящему, наверное, не понят до сей поры.

Действительно, разве не загадочно все это? Все понятно, все сходится в Западной Европе, в Северной Америке: там прогремели буржуазные революции, они порвали в экономике оковы религиозных догм и феодального своеволия, и, следовательно, дорога к расцвету частного предпринимательства, свободного рынка оказалась расчищенной.

А здесь? В России? Какие-то частичные полумеры — отменено (наконец-таки!) крепостное право, развивается земство, проведена судебная реформа, и все? Откуда же и почему такое оживление в промышленности, в строительстве, на транспорте? В ошеломляющих темпах прокладываются железные дороги, открываются все новые и новые шахты, рудники, все больше заводских труб дымит в городах и поселках, иностранные инвесторы охотно вкладывают капиталы в российское хозяйство. А ведь в России начала XX века даже земельные преобразования толком не проведены, застопорились столыпинские реформаторские начинания, нацеленные на быстрое проникновение капиталистических начал в первейшую обитель экономики — аграрную сферу.

Объяснение такому феномену конечно же есть. И некоторые соображения на этот счет будут высказаны чуть дальше. А сейчас принципиально важно зафиксировать сам факт: в еще феодальной по основе своей, самодержавной России на первые позиции в экономике выдвинулся капиталистический строй хозяйствования, засверкали внешне обольстительные приметы буржуазно-капиталистической жизни, а уверенные, знающие себе цену капиталисты, фабриканты, банкиры занимают все более прочные места в рядах правящей в стране элиты. И в то же время в заводских поселках, в бараках, в землянках скапливается все большее число обездоленных людей, пролетариев, наемных поденщиков, бывлых землепашцев и ремесленников, потерявших живую связь с землей и ремеслом.

Жесткое неприятие

Уже в конце XIX столетия Россия с особой выразительностью явила миру первый акт драмы капитализма — его жесткое, активное неприятие большинством людей. Ближайшая причина этому — действительные пороки капитализма, и в первую очередь ужасы первоначального накопления, раннекапиталистического развития. Первоначальное накопление везде и всюду входит в противоречие со стародавним, проникшим во все поры стилем и темпами сложившегося бытия, с самим укладом народной жизнедеятельности, с моральными представлениями и нравами; везде и всюду оно так или иначе носит насильственный, нередко криминальный, разбойничий характер, сопровождается разорением многих людей, пауперизмом, нищетой, выливается в новое, не освященное традицией и религией резкое социальное расслоение населения, когда набирают силу и власть внезапно и стремительно богатеющие, «неблагородные» люди — заводчики, перекупщики, дельцы.

Так что есть серьезные основания для негативной реакции на нарождающийся капиталистический уклад, в том числе и со стороны демократически настроенных людей, исповедующих возвышенные революционные идеалы. Еще в конце XVIII века, в годы Великой французской революции, открывающей, по сути дела, дорогу капитализму, в стенах Национального собрания и Конвента тем не менее гремели речи против капиталистов, рантье, финансистов. «У торговых наций, — вещал Марат — капиталисты и рантье почти все заодно с откупщиками, финансистами и биржевыми игроками». Ему вторил Камбон в Конвенте: «В настоящий момент идет борьба не на жизнь, а на смерть между всеми торговцами деньгами и Республикой».

Еще большее презрение к «капиталистам» явственно дает о себе знать в России XIX века, ставшей в то время очагом духовно-нравственного преобразования человечества. От декабристов до народовольцев революционный порыв в России, нацеленный против самодержавия, феодально-крепостнических порядков и нравов, охватывал также и нарождающийся капиталистический уклад, который виделся чуждым и неприемлемым иноземцем в процессе ожидаемых и желанных революционных перемен.

Факт остается фактом: при всех причудливых перипетиях общественных движений, борьбы, политических ошибок и хитросплетений разнообразных социальных сил второй половины XIX и первых десятилетий XX века в России капитализм как экономический уклад и как мощный поток социального развития всерьез не принимался в рас-

чет, не рассматривался в качестве доминирующего процесса, связанного с российским будущим. И даже противоборство «славянофилов» и «западников» затрагивало по большей части философские, нравственные, политические высоты бытия людей, а не реалии экономики, не тот рынок в хозяйственной, экономической жизни, который возник спонтанно и набирал в России ускоряющиеся темпы.

И такой еще штрих к существовавшим в то время реалиям в России. При всей очевидности экономического подъема, основанного на мощных импульсах капиталистического уклада, так и не сформировалось влиятельных течений в общественной мысли и общественного движения, которые бы могли стать серьезной опорой капиталистического развития. Разве что конституционные демократы (кадеты) да несколько иных, менее заметных, групп в какой-то мере обосновывали это развитие в его политико-правовых границах.

Подоспевший большевизм

Главной ударной силой, противостоящей в России капитализму, стал большевизм.

Более того. Именно большевики вслед за легальными марксистами, другими течениями марксистского социализма вытаскивали капитализм на «свет божий», отдали ему — пусть и в облике врага — должное место в российской действительности.

Возникнув поначалу как одно из направлений социал-демократического рабочего движения, большевизм осуществил еще более, чем ортодоксальный марксизм, резкий разворот от демократии к авторитарно-диктаторским ориентациям в политике, жестко нацелился на насильственное ниспровержение как «царя и помещиков», так и «капиталистов», всех институтов, с ними связанных.

Было бы непозволительным упрощением рассматривать большевизм только как некую группу террористов-заговорщиков, «орден меченосцев» — так обозначали ее впоследствии вожди большевиков. Что ж, большевизм как революционное движение, настроившееся на насильственное завоевание власти, действительно с самого начала строился в виде организации профессионалов-революционеров, воспринявших вседозволенность бланкизма и нечаевщины — методы беспощадной борьбы с врагами, коварства и террора во имя «великой цели».

Но не менее важно отчетливо видеть в большевизме также и его идейные, философские основы, которые к концу второго десятилетия

нынешнего века дали обоснование тому, чтобы одна из фракций социал-демократической партии в открытую назвала себя «коммунистической партией (большевиков)». Стержень этой идейной, философской основы не только наиболее утопическая из всех утопических моделей будущего — коммунизм, но и ее конструирование «от противного» по сравнению с капиталистическим строем (хотя этот образ «светлого будущего» несет на себе печать и библейских представлений о «рае», перенесенном с небес на грешную землю).

И вот тут нужно обратить внимание на то обстоятельство, что коммунистическое миропредставление находило известный отклик в российском народном сознании и российском быту. Привлекательность образа коммунизма, стало быть, не только в соблазнительных картинах скорого «коммунистического рая», где отомрет государство и все блага для людей польются неиссякаемым потоком, «по потребностям», но и в известных предпосылках и исконных чертах русского общественного бытия — таких прежде всего, как русская община, соборность, «мир» как способ приоритетного коллективистского действия. И, кстати, именно на эти предпосылки и черты натолкнулось само развитие капитализма, который, встретив и ряд благоприятных условий, все же вызвал жесткое неприятие большинства людей. Это-то неприятие да плюс к тому упомянутые предпосылки и черты стали наряду с насилием и фанатизмом питательной социально-психологической почвой для многодесятилетнего господства большевизма в России.

Прерванный процесс

И вот пришел 1917 год; грянула антицаристская Февральская революция.

Всякая революция развязывает стихию; всякая революция, настроенная на насильственный захват власти, проходит через кровь, чревата замысловатыми зигзагами и непредсказуема по ближайшим своим последствиям.

Но мне все же думается, что российская революция в феврале 1917 года, вобравшая в себя и отвращение к распутиновщине, и отторжение разлагающегося самодержавного строя, и стремление покончить с ужасами мировой бойни, и отзвуки русского бунта, и жажду перемен в народной жизни, открыла простор для такой стихии, которая если не сразу, то очень быстро приняла антикапиталистический, эсеро-большевистский характер. Вовсе не случайно первые в истории России

всеобщие выборы в конце 1917 года дали подавляющий (свыше 70%) перевес партиям, именовавшим себя в тех или иных вариациях «социалистическими».

А это все означает, что Октябрьский переворот, приведший к власти большевиков и левых эсеров, не только в значительной мере был предрешен, но, главное, оказался сломом, неизбежно прервавшим капиталистическое развитие России. И это, увы, в немалой степени сообразовывалось, как это позже было принято утверждать, с «чаяниями народа».

Мне бы не хотелось в этом месте говорить обо всех последствиях февральско-октябрьской революции 1917 года. Тем более что возможные варианты развития событий и после Февраля 1917 года, и после Октября 1917 года были настолько зависимы от множества переменных, непредсказуемых обстоятельств, что всякие суждения на этот счет более чем проблематичны. Со всей определенностью можно сказать лишь одно: оказался прерванным начавшийся в России процесс развития капитализма, который в десятилетия, предшествующие Октябрю, привел к существенному подъему российской экономики.

А вот теперь, когда мы в состоянии по достоинству оценить достигнутые «на сегодня» результаты капиталистического развития в немалом числе стран (если, правда, основательно поломать наши сложившиеся стереотипы), можно утверждать, что Россия, как страна, взметнувшаяся было к экономическому подъему, в результате революции 1917 года была СБИТА НА ВЗЛЕТЕ.

До сих пор определенности так и нет

Капитализм, казалось бы, был ниспровергнут усилиями большевиков в 1917 году, но тяга, порывы к нему сопровождали всю послеоктябрьскую историю российского общества. Точнее — всего советского общества, всех регионов бывшей Российской империи, образующих с 1922–1924 годов гигантский государственный монолит — СССР.

С наибольшей откровенностью возвращение к капитализму было признано в советской истории в 1922 году, когда в обстановке обвального разрушения экономики, которое не удавалось остановить ни тотальным насилием, ни романтическим коммунистическим энтузиазмом, был совершен внезапный крутой поворот к нэпу — новой экономической политике. Ведь вплоть до конца 1920-х годов нэп характеризовался не как «ленинский план стро-

ительства социализма» (так говорилось впоследствии), а вполне правдиво — как вынужденное, временное «отступление к капитализму».

Потом, к сожалению, эти характеристики были вычеркнуты из советского официального лексикона.

Выросший на базе нэпа гибрид госкапитализма и азиатского способа производства получил официальное название «социалистической экономики», а элементы рынка и капиталистического уклада проходили под именами «хозрасчета», «самоокупаемости». Капитализм же как экономический уклад во всей официальной идеологии советского общества был жестко, бескомпромиссно предан анафеме.

Возвращение к капиталистическому развитию, притом, хотелось бы, в оптимальных его вариантах, в России до сей поры не только не состоялось, но и не признано в общественном мнении, в программах реформ. И хотя стихийные процессы в бывшей сверхцентрализованной экономике, ныне освобождаемой из-под диктата власти и идеологии, идут именно в таком, капиталистическом направлении, капитализм в господствующем общественном сознании остается и до нынешнего времени врагом и символом зла, неприемлемым для России вариантом общественного развития.

Потому-то и реформы в России идут без должной нацеленности, с недомолвками, с оговорками. И вот мы все дружно говорим и говорим о «рынке», «рыночной экономике», закрывая глаза на то, что с той поры, как в экономике произошло разделение труда, рынок существовал всегда и что даже в нашей искореженной коммунистическим экспериментом экономике рынок тоже есть, пусть ущербный, то «организованный», то дикий, но есть, и путь реформирования экономики в России вовсе не в самом по себе «рынке», а в вещах более основательных и значимых.

Ко всем этим проблемам, относящимся к многотрудной судьбе России, мы дальше еще вернемся. А пока настала пора разобраться с самим этим феноменом — капитализмом.

II. МНОГОЛИКИЙ КАПИТАЛИЗМ

Истоки драмы

Драматические повороты в многосложной судьбе России — лишь крайний, наиболее остро появившийся в современную эпоху исторической феномен — показатель той поистине вселенской драмы, которая характерна для экономического уклада и полосы в развитии человечества, названных «капитализмом».

Суть этой драмы в том, что экономический уклад и вытекающие из него социальные отношения, выражающие высвобождение товарно-рыночной экономики, всего общества из-под диктата власти и идеологии, оказались противоречивыми, несущими разноплановые тенденции и, что не менее важно, — со второй половины XIX века вплоть до наших дней вновь, в основном под влиянием марксизма, стали рассматриваться сквозь призму идеолого-политических догм и утвердились в общественном сознании именно в идеолого-политическом понимании. Причем в таком обостренно-классовом понимании, которое настраивает на необходимость и даже неизбежность смены капиталистической «формации» другой, более совершенной.

Здесь надо видеть, что появление самого термина «капитализм», по меркам интеллектуальной культуры одного из новейших в научном и общественно-политическом лексиконе, его смысловое «наполнение», трактовка во многом связаны с ортодоксальным марксизмом, с анализом и оценкой действительности Марксом, его последователями, в особенности Марксовыми последователями «ленинской волны», вождями большевизма. И что не менее существенно, это слово выступило в качестве антонима слова «социализм»; его утвердившаяся трактовка, ставшая для немалого числа людей непререкаемой догмой, является результатом партийно-нацеленного стремления в противовес якобы совершенному социализму возвести в демонический абсолют пороки, негативные черты и крайности товарно-рыночных отношений в условиях экономической свободы.

И тут, в объяснении классово-обостренной трактовки капитализма, важно вот что.

Прежде всего, оказалось незамеченным, что капитализм, хотя и существенно влияет на многие стороны жизни общества, все же по сути своей представляет собой экономический уклад, сторону, точнее, срез общества под углом зрения саморазвивающихся товарно-рыночных отношений в условиях экономической свободы.

В то же время существенно и то, что «товарно-рыночная» проработка капиталистических отношений Марксом и его последователями оказалась незавершенной: она со стороны марксизма искажена классово-политической их интерпретацией.

Марксу принадлежит несомненная заслуга в вычленении в сфере производства самого феномена капитала как самовозрастающей стоимости, а также в обосновании того, что в соответствии с законами товарного производства в индустриальную эпоху капитал, который, по его утверждению, не принадлежит тем, кто приводит его в движение своим трудом, дает обладателю капитала доход в виде присвоенных результатов неоплаченного труда наемных работников — прибавочной стоимости.

Но Марксов анализ капитала не только оказался с самого начала политически пристрастным (выпал из обстоятельного анализа труд и ответственность собственника в движении капитала), но и не был доведен до конца, до постижения всех механизмов его самодвижения, а в основном «застрял» на формуле «прибавочная стоимость». Присвоение собственником-капиталистом результатов труда наемных работников получило эмоционально-политическую оценку как «эксплуатация» с последующим переключением всего строя умозаключений на сугубо политическую проблематику, на вопросы власти, с неизбежными, казалось бы, отсюда выводами о необходимости решительного, насильственного устранения такой социальной несправедливости, установления власти людей труда, диктатуры пролетариата и замены частной собственности, источника всех бед, собственностью общественной, которая будто бы способна дать всеобщее счастье.

Такое идеолого-политизированное понимание «капитализма» (и одновременно с этим также и «социализма»), тем более канонизированное, возведенное в непререкаемую догму, лишило соответствующие понятия реального научного значения, превратило их в дезориентирующие символы.

Многие по-современному настроенные исследователи, да и известные политические деятели полагают, что следует вообще избегать всякого рода «измов», не заикливаться на «капитализме» и «социализме» и говорить просто о нормальном цивилизованном обществе.

Для такого подхода есть резоны.

Но мне все же думается, что ключ к решению проблемы в том, чтобы очистить понятие «капитализм» от идеолого-политических напластований и акцентов. Сама же характеристика экономического уклада и полосы развития человечества, обозначаемых словом «капитализм», представляется в высшей степени важной. Причем важной и с точки зрения уяснения негативных сторон складывающихся здесь отношений, и с точки зрения природы и реальной силы соответствующих механизмов и институтов. Тем более, что догмы и химеры, связанные с упомянутыми словами независимо от того, будем ли мы их употреблять или нет, еще долго-долго не оставят нас в покое, будут нашим искусителем и проклятием, пока все мы по-настоящему не поймем и не проникнем в существо и тайны соответствующих реальных вещей и отношений.

Суровый мир капитализма

Что ж, надо твердо знать, что капитализм — это действительно суровый, жесткий, порой безжалостный мир, где доминируют стихийные процессы и где главный ориентир деятельности людей — прибыль, личный экономический успех. В нем задают тон деловые люди, собственники; немаловажный источник негативных черт капитализма коренится в отсутствии у значительного слоя людей собственности на средства производства с возникающей отсюда всеобщностью наемного труда и возможностью присвоения собственником неоплаченного результата такого труда, эксплуатацией наемных работников.

Эти негативные черты обостряются, приобретают остро бесчеловечный характер в особых исторических условиях — в обстановке первоначального накопления, когда воцаряется хищнический, криминальный капитализм (он в основном и стал предметом марксистских умозаключений), и еще более — в обстановке государственного монополизма, соединения власти собственника с авторитарной государственной властью, когда — как показал сталинский и брежневский «социализм» — устанавливается тоталитарный строй, а эксплуатация людей приобретает чудовищный характер.

Широко известны и для очень многих людей представляются неоспоримыми настораживающие и пугающие реалии жизни «за бугром». Это и немалое число обездоленных, неустроенных, несчастных людей, и неистребимая безработица, и духовная тупиковость обыденной жизни, и непереносимый темп рыночной гонки.

Нельзя не видеть и другие негативные стороны капитализма. Хотя капитализм — это в основном экономический уклад, срез общества под углом

зрения товарно-рыночных отношений, никуда не уйти от его демонического влияния на всю жизнь людей, включая жизнь политическую и духовную, что позволяет вполне обоснованно говорить и о «капиталистическом государстве», и о человеке в капиталистическом обществе, духовный мир которого испытывает негативно-деформирующее влияние идеологии личного успеха, погони за прибылью, своекорыстных страстей, концентрирующихся вокруг накопления капитала, его обретения и утрат и т.д.

И плюс к тому, как доморошенная иллюстрация, – травмирующие факты нашей сегодняшней российской «капитализирующейся» действительности: резкое обнищание множества людей и на этом фоне кричащая роскошь сказочно обогатившихся нуворишей, не промышленников, не бизнесменов-трудяг, а ловких перекупщиков и комбинаторов, извлекающих миллионы «из воздуха». Факты, как будто бы неопровержимо подкрепляющие застрявшие в сознании людей представления о «язвах» капитализма, несовместимых с идеями «социальной справедливости», «социального равенства», перекликающиеся – тоже, как мы видели, реальный факт! – с какими-то глубокими корнями исконной русской жизни.

Да, капитализм как экономический уклад и вытекающие из него социальные отношения – строй несовершенный, имеющий немало негативных сторон, пороков. И факты нашей российской действительности в сегодняшние дни – наглядное тому подтверждение.

Оттесненные достоинства

Нужно с горечью признать, что негативные черты и пороки капиталистического уклада и еще более – обостренная идеолого-политическая трактовка соответствующих понятий заслонили (для нас, обществоведов советской поры, заслонили наглухо), оттеснили в наших представлениях несомненные достоинства капитализма. И прежде всего то, что этот экономический и социальный строй, органично связанный с самой сутью и потребностями человека – великого и несовершенного создания природы, представляет собой высокосignифицирующий продукт человеческой цивилизации.

Среди ряда вполне очевидных позитивных особенностей «классического», «чистого» капитализма представляется существенным выделить такие:

субъектом отношений здесь является свободная личность, самостоятельно, свободно распоряжающаяся собственностью, своей способностью к труду;

сердцевиной этих отношений в условиях рынка, свободной конкуренции является напряженный труд, деловая активность, предприимчивость, риск и ответственность;

деловая активность во многом направлена на вложение (капитал!) результатов экономической деятельности в производство, в совершенствование техники и технологии.

Все это концентрирует усилия общества не на немедленном проедании богатств, результатов труда, а на «капитале» в исходном значении этого слова — на капитализации доходов, обогащении вещественного и интеллектуального состава собственности, на технике и технологии, следовательно, на всем том, с чем связан научно-технический и социальный прогресс. Отсюда господство в обществе делового настроения, культа напряженного качественного труда, самодисциплины, трудовой морали и связанных с ними институтов — незыблемой частной собственности, прав и свобод человека, частного права и правосудия, что и делает общество в своей основе здоровым, динамичным, жизнеспособным, нацеленным на удовлетворение потребностей людей (увы, приводящим хотя и не в виде первичного результата, но все же к расцвету крайнего потребительства, усугубляющего иные отрицательные стороны капиталистического строя и образа жизни).

Отметив эти очевидные позитивные особенности капиталистического строя, хотелось бы вместе с тем посмотреть на его становление и функционирование с более широких позиций, позволяющих оценить капитализм как явление цивилизации (скажу еще раз: при условии, когда соответствующие понятия очищены от идеолого-политических наслоений). И тогда оказывается, что решающие особенности экономического уклада, именуемого «капитализмом», глубоко связаны с другим фундаментальным явлением цивилизации, недостаточно еще понятным и оцененным, — собственностью.

Собственность и экономическая свобода

Главным показателем и критерием, характеризующим сам феномен человека, его эмансипацию от жесткой, неумолимой, яростной стихии чуждых природных сил, его свободу, является собственность, которая еще на заре цивилизации стала его главной опорой и источником силы.

Нужно только при таком подходе к собственности рассматривать ее не в идеологическом, мифоподобном виде (таковы «обществен-

ная», «общенародная», «социалистическая» собственность; для соответствующих явлений — если они вообще реальны — достаточно другого понятия — «достояние»).

Ибо собственность по своей первородной природе и, если угодно, вселенскому предназначению — явление персонифицированное, т.е. такое, которое находится в руках «персон», конкретных субъектов, будь то частные лица, институциональное общественное образование или даже государство, но никак не просто социальные общности типа «народ», «общество», как бы ни были значимы сами по себе эти категории.

Под этим углом зрения собственность при всей ее противоречивости — это не нечто противоположное и чуждое человеку, а, напротив, своего рода его продолжение в вещах, когда он, конкретный человек, «персона», находит во внешнем мире, в мире вещей опору, дающую ему энергию, импульсы активности и ответственности (хотя собственность за известным порогом отчуждается от человека, становится для него внешним фактором, «непокорным демоном», проявляя к тому же и свои коварные негативные черты).

При этом глубинное значение собственности проявляется не в сфере потребления (как принято считать в обыденных и примитивных, у нас, увы, доминирующих социалистических представлениях), а в производстве.

Вот тут-то, в сердцевине экономики, в производстве, раскрывается сокровенная суть собственности, то, что может быть названо откровением для человечества. Да и как иначе назовешь то, что открылось человеку на заре цивилизации в институте собственности? Она дала человеку своего рода архимедов рычаг в окружающем, дотоле враждебном мире — не только полное, суверенное обладание освоенными им вещами («владение, пользование и распоряжение», на юридическом языке). Таким же обладанием, как самим собой, своим телом. Но она дала человеку нечто большее: экономическую свободу — основу свободы вообще — и вдобавок к этому — самый мощный стимул к напряженному, качественному труду и одновременно бремя ответственности, заботы за дело, за сохранение и умножение осваиваемых человеком материальных и интеллектуальных богатств.

С опорой на собственность в экономике (которая дала человеку возможность во имя производства полного распоряжения вещами) человек из собирателя, потребителя даров природы, захватчика уже готовых благ превратился в производителя, и именно тогда начался прогресс, зародилась и стала развиваться человеческая цивилизация

(хотя тут же, увы, открылось новое поприще для захвата, грабежа, дележки и «перераспределения», теперь уже собственности).

Мы до сей поры поражаемся непонятной, необыкновенной глубине преподанных в яростно-жесткое время начала цивилизации божественных моральных заповедей. Смее утверждать, что по своей основательности, значению для человечества, его будущего феномен собственности уже в другой области — самого экономического стержня общества и прогресса — может быть с не меньшим правом назван откровением, высшим даром для людей.

Поприщем для развертывания заключенной в собственности энергии стал рынок, точнее, вся система товарно-рыночных отношений, где начала равенства товаровладельцев, состязательности, возможность выбора, ожидания личного успеха и риска направляли деятельность людей к тому, чтобы активно и целенаправленно реализовывались потенции собственности — экономическая свобода и ответственность за дело.

Вместе с тем надо видеть, что долгие тысячелетия, во времена господства азиатского способа производства, рабовладения, феодализма — с характерным для них отчуждением собственности от производителя внешнеэкономическим принуждением к труду, — доминирующее положение в обществе занимала политическая власть и связанная с ней религиозная идеология. Власть и идеология в ту пору во многом опутывали и собственность, не давали возможности раскрыться ее потенциалу, и в первую очередь всем преимуществам экономической свободы.

Поэтому история цивилизации, рассматриваемая в плоскости собственности, вылилась в историю ее высвобождения из-под гнетущей, опустошающей и разорительной опеки идеологии и власти — процесса, который в эпоху Возрождения, демократических буржуазных революций увенчался созданием таких условий, когда потенциал собственности как источника экономической силы и социальной энергии, импульса активности и ответственности стал раскрываться со все большей полнотой.

Главное, что характеризует феномен капитала в истории человечества, его судьбе, — это то, что он впервые в истории устранил из экономики внеэкономическое принуждение — идеологию и власть и, освободив собственность от их парализующего воздействия, ознаменовал вступление общества в полосу экономической свободы, стал мощным источником бурного саморазвития экономики. Причем такого саморазвития, в ходе которого, несмотря на все минусы и издержки капиталистических отношений в области распределения, на все потери, крайности (особенно острые, как уже упоминалось, в условиях

первоначального накопления и монопольного госкапитализма), резко возросло богатство общества и на этой основе стали сглаживаться через всю систему социальных отношений упомянутые ранее негативные стороны и пороки капитализма, в том числе капиталистического присвоения.

В чем же состоят свойства капитала как мощной силы саморазвития?

Тут наряду с моментами, которые были отмечены в качестве очевидных (личная свобода работника, культ напряженного труда, нацеленность трудовой деятельности на риск, на конечный результат), важно выделить жесткую целеустремленность на «капитализацию» результатов труда, на преимущественное вложение доходов в средства производства, в технику, науку; а это означает и «вложение» в человека, в достижение им нужного уровня образованности, культуры, в его благосостояние, что приводит к последующему росту потребления во всем обществе, к появлению и расширению среднего класса, усилению тенденции к повышению общего благосостояния, культуры.

Вот почему помимо всего прочего восходящее экономическое развитие при капитализме сопряжено не просто с «рынком», существовавшим и во все прежние века. Именно при капиталистических отношениях «рынок» проявляет себя не только как механизм товарообмена, но и как источник и поприще реализации потенциала собственности, энергии экономической свободы, от которого идут активные сигналы во всю экономику, в производство, к «запуску» той мощной силы саморазвития, которая заложена в капитале.

Так что если снять с категории «капитализм» идеологические наслонения, вызванные политизацией, партийно-социалистической интерпретацией этой категории («угнетение», рабство «сатанинских фабрик», «абсолютное и относительное обнищание пролетариата» и пр., и пр.), то перед нами окажется – при всей резкой противоречивости, неоднозначности соответствующих отношений – крупное, быть может, самое крупное явление цивилизации в экономико-социальной жизни, открывшее людям дорогу к свободе.

Плюс «освобождение» природных сил

Здесь возникает вот какой вопрос. Спрашивается: почему все же капиталистический уклад, весь комплекс капиталистических отношений сформировался, обрел силу и доминирующее значение только в XVI–XVII веках и даже в более позднее время? Ведь и ранее, в сущ-

ности, существовало рыночное хозяйство, широкий торговый обмен, влиятельную роль играл «торговый капитал», складывался рынок труда, и все это давало, кстати сказать, повод некоторым историкам говорить о «капитализме» в античности, в Римской империи или же в средневековых торговых городах.

Дело в том, что появление капитализма как особого уклада, реализующего потенциал собственности, внутренне связано с промышленной революцией, а его развитие, наращивание эффективности с последующими стадиями научно-технического прогресса — с индустриальной, технологической, технотронной, управленческо-информационной эпохами в экономике, технике, в научных знаниях.

Рассматривая проблему шире, можно, пожалуй, сказать, что капитализм уже в другой сфере, непосредственного взаимодействия экономики с природой, также раскрывает феномен собственности и свободы — интеллектуальной собственности и «освобождения» природных сил, овладения ими наукой и техникой. Как и при других переломных сдвигах в истории человечества, здесь происходит в чем-то загадочное и в то же время единственно благодатное совмещение, казалось бы, никак не связанных между собой и вместе с тем единых процессов и потоков бытия — экономической свободы, капиталистического уклада, духовного возрождения, политической свободы буржуазной демократии, «освобождения» во имя блага людей затаенных сил природы.

Не менее поразительно и то (и не в этом ли секрет их исторически одномоментного появления?), что упомянутые процессы глубоко, притом позитивно, призваны влиять друг на друга. Надо полагать, в частности, что развивающаяся промышленная революция коренным образом меняет саму структуру, капиталистические отношения, включая отношения в сфере присвоения. Думается, недоучет этого фактора и сыграл в основном роковую роль в утверждении догматизированных марксистских представлений, в соответствии с которыми рост прибавочной стоимости осуществляется и будет в дальнейшем осуществляться чуть ли не исключительно за счет усиления эксплуатации наемных работников, сокращения доли доходов, идущих на их заработную плату. Между тем в действительности не только не сбылось предсказание Маркса об относительном и тем более абсолютном обнищании трудящихся, но (в развитых странах) происходит неуклонное повышение их благосостояния.

Такого рода эффект стал результатом не уменьшения интереса собственников к прибыли, а, напротив, того, что под напором неугасающего стремления к прибыли в условиях развивающейся промышлен-

ленной революции, да притом в обстановке усиления демократических и гуманитарных основ в обществе, стало выгоднее вкладывать все большую часть прибавочной стоимости в новую технику и технологию, развивая в соответствии с законами капитализма промышленный и интеллектуальный капитал.

А это в свою очередь избавило собственников от, казалось бы, неизбежной необходимости — по предположениям марксистской теории — усиливать эксплуатацию, т.е. в нарастающих темпах уменьшать долю доходов, идущих на заработную плату наемным работникам; более того, обусловило надобность — во имя роста будущей прибыли — увеличения количества затрат, идущих в качестве «выгодных вложений» в работника — в его техническую подготовку, повышение уровня образованности, культуры, да и вообще в его и его семьи благополучие — важное условие эффективности технически развитого производства, тем более производства технологически совершенного, технотронного, впитавшего достижения революции в информационной области и в управленческом деле.

Аналогичные процессы намечаются, увы, только намечаются в сфере экологии. Благополучие людей, достигаемое в технологически развитых странах за счет ущерба, причиняемого мировой экосистеме, подвело все человечество почти вплотную к вселенской катастрофе, к самоуничтожению. И опять-таки некоторые обнадеживающие симптомы в этой сфере не столько результат усиления вмешательства государства в экономику, сколько победа ума и здравого смысла, целенаправленного развития техники, новейших технологий, выгоды этого для капитала, для человека.

О капитализме в России

Почему же в самодержавной России конца XIX — начала XX века, еще насквозь пропитанной феодальными порядками, начал развиваться капитализм?

Здесь известную роль сыграло то обстоятельство, что Россия, особенно в своей центральной европейской части, примыкает к тому геополитическому пространству, где капитализм к концу XIX столетия одержал решительную победу, набирал темпы, проникая все дальше и дальше на все континенты и во все страны, и конечно же в первую очередь в Россию, страну, где с избытком богатств и дешевой рабочей силы. Способствовали развитию капитализма исторически выработанная вос-

приимчивость России, расположенной на стыке Европы и Азии, к быстрому усвоению достижений европейской и азиатской культур, а также повеявший в России ветер свободы; и это не только освобождение крестьян от крепостной зависимости (создавшее рынок рабочей силы), но и, по моему мнению, начавшаяся правовая реформа, формирование и упрочение суда присяжных, адвокатуры, что создало необходимые условия стабильности и надежности правовых отношений.

И все же, мне думается, в России «сработали» в первую очередь свои, исконно русские предпосылки. Такие особые предпосылки, влияющие на темпы и своеобразие формирования и развития капиталистического уклада, притом в позитивных его гранях и свойствах, существуют в каждой стране (протестантская этика в Центральной и Западной Европе, семейная солидарность, традиционная отеческая опека в ряде стран Азии). Учет таких предпосылок – сторона дела в высшей степени важная.

В России – это прежде всего хозяйствующая единица, артель, т.е. соединенный товаропроизводитель, как будто бы изначально приспособленная для товарно-рыночной экономики. Артель – явление в чем-то производное от общины, но такое, которое освободилось от ее традиционных, патриархальных, подчас реакционных черт и вместе с тем в условиях рыночного хозяйства обрело соединенный деловой настрой, нацеленность на конечный результат, высокую трудовую мораль. Жаль только, что русская артель, поразившая весь мир невиданным трудовым подвижничеством при сооружении Транссибирской магистрали, не раскрыла свои качества как субъект производительной собственности, что с учетом существующих в российском бытии коллективистских традиций и настроений открыло бы, возможно, перспективное, «русское» направление в развитии капиталистических отношений (да и сейчас еще время не упущено).

И еще один момент, относящийся, пожалуй, даже к «загадочной» русской душе. Впрочем, никакой загадки тут вовсе и нет. А есть суровые условия Среднерусской возвышенности, да великие испытания, выпавшие на долю русских людей в обстановке деспотического произвола в не имеющей естественно-природных преград стране, где скрестились встречные потоки и политические страсти Европы и Азии. Это все не только закалило россиянина, но выработало у него такие деловые качества, как упорная работоспособность, хозяйская сметка, «хитреца» и «придумка» в деле, непритязательность в быту, неутомимость при достижении цели, потребность быстро осваивать достижения соседних народов. Все эти качества, на основе которых, например, на вольных просторах Сибири очень быстро расцвел уже

в XVII–XVIII веках свободный труд «первопроходца» и сибирского «мужика», оказались как бы приуготовленными для напряженной качественной работы, особенно при артельном труде в условиях товарно-рыночного хозяйства.

Конечно, в России были и до сих пор есть (многократно умноженные коммунистическими фантомами) также и противоборствующие рынку и капитализму факторы. Сюда относятся и русская община со стороны своих традиционно-консервативных, просоциалистических свойств, и связанное с ней уравнильно-общинное землепользование, и успокоительно-благодушные черты православной морали, не настраивающие на активное напористое дело.

И все же пусть не ускользнут из нашего поля зрения те предпосылки русского бытия, которые сыграли существенную роль в бурном развитии капиталистических отношений в России, прерванном революционным сломом в 1917 году. Учет таких предпосылок важен не только для правильной оценки событий прошлого, но и для понимания оптимальных путей развития России в настоящем и будущем.

На грани самоуничтожения

А теперь пора сказать еще раз: капитализм – суровый, жесткий, а порой и непомерно жестокий мир деловой жизни, в которой много противоречивого, негативного, подчас отвратительного, особенно в условиях первоначального накопления, раннекапиталистического развития, монопольного госкапитализма. Нужно добавить к сказанному и то, что многое (и плюсы, и минусы, их соотношение в капитализме) зависит от всей социальной системы, от степени «объема» реализованной в ней свободы.

Более того. В капитализме, как во всей человеческой цивилизации, заложен ген самоуничтожения. Свойственная «классическому» капитализму целеустремленность к нарастанию «вложений», росту капитала приводит в конце концов к его концентрации и централизации, в итоге – к монопольному капитализму. Экономическая свобода на таком пути оборачивается своей противоположностью – свертыванием, а затем и уничтожением экономической состоятельности, конкуренции и, значит, – застоєм, нарастанием разрушительных тенденций, губительных кризисов. Верно заметил Дж. К. Гэлбрейт: капитализм не мог бы выжить в своей изначальной или чистой форме.

Есть весомые основания полагать, что капитализм к концу 1920 года прямо вышел на грань самоуничтожения. Великая депрессия конца

1920-х — начала 1930-х годов, в сущности глобальный разрушительный кризис, охвативший весь капиталистический мир, явили собой фактический распад, крушение капиталистической системы.

Известно, что капиталистической системе удалось выкарабкаться из вплотную подступившей катастрофы. Но какой ценой?

Такой ценой стало усиление государственного вмешательства в товарно-рыночную жизнь, когда наряду со стратегически позитивной тенденцией — развитием антимонопольного законодательства, иных упорядочивающих мер — государственные учреждения административными действиями начали определять поставку товаров, налаживать сбыт и снабжение, вторгаться в распределительные отношения, пытаться внедрить «плановое регулирование» и т.д. Наибольшая цена в рассматриваемом отношении была заплачена в странах, где указанная линия влилась во всю политико-государственную систему, связана с появлением тоталитарных фашистских диктатур.

Но и в странах с развитыми демократическими институтами и традициями — США, Великобритании, Франции и др., — особенно в условиях Второй мировой войны, усилились начала государственного капитализма, которые позже в облагороженном виде начали обозначаться в качестве «социального государства», «социального рынка».

В ряде же стран, особенно в Швеции, государственное вмешательство под эгидой «социалистических идей», «социал-демократических идеалов» стало весьма интенсивным, особенно в сфере распределения доходов, даже затрагивающим отношения собственности. А все это — уже не со стороны внутренних импульсов, а «извне», со стороны государства — постепенно приводило к результатам, близким к тем, которые ранее выражали самоуничтожение капитализма, — к сужению экономической свободы.

Вот почему в послевоенное время, в 1950–1960-е годы начали вновь нарастать кризисные явления, множиться факты упадка, стагнации во многих социальных сферах, остро проявившиеся в бунтарских молодежно-студенческих волнениях, особенно бурных в Западной Европе, в острокризисных ситуациях в связи с резким взлетом цен на нефть, на другие энергоносители.

Новые горизонты

То обстоятельство, что капитализм, особенно после Великой депрессии конца 1920-х — начала 1930-х годов, кардинально, во многих плоскостях трансформировался, — факт общепризнанный.

Вместе с тем, надо полагать, обратив повышенное внимание на «рузвельтовский курс», «кейнсианские меры», «плановое регулирование» в предвоенные и в военные годы, шведский опыт перераспределения доходов, т.е. на все то, что связано с государственно-капиталистическими началами и институтами 1930–1950-х годов, мы еще не придали до сих пор должного значения последующим событиям — тому кардинальному повороту в экономической жизни капиталистических стран, который произошел вслед за только что отмеченными послевоенными кризисными явлениями.

При освещении этого поворота анализ нередко ограничивается характеристикой высокочисленных технико-экономических преобразований — структурной перестройкой народного хозяйства, новым, «технотронным» крутым подъемом научно-технического прогресса, невиданным взлетом в области вычислительной техники, все большим перенесением центра тяжести на совершенствование технологии, информационной революцией в управленческом деле и т.д.

Все это конечно же характеризует существенные стороны значительного поворота в экономике капиталистических стран в 1950-х и последующих годах. Но, по моему мнению, главное все же не в этом.

Главное — это решительный, на основе антимонопольных тенденций, возникших после Великой депрессии, возврат к последовательно либеральной экономике. Вновь, но уже в иных условиях, на новом витке социального прогресса, центром экономической жизни становится нестесненная экономическая свобода, расчет на свободную конкуренцию автономных производителей перед лицом независимых от них потребителей, и в этой связи приобретают все большее значение не индустриальные сверхгиганты, а малые капиталистические формы — динамичные, быстро приспособляющиеся к непрерывно меняющимся экономическим условиям.

Решающее же обстоятельство, наряду с развитием мелкого и среднего бизнеса, — это прямое включение в отношения собственности на предприятиях с групповой собственностью производителей бывших наемных работников, что, судя по многим данным, свидетельствует о начавшемся переходе капитализма в новую стадию — стадию посткапитализма.

В этих новых условиях происходит существенное преобразование государственного воздействия на экономику. Вместо «грубого», административного вмешательства, выраженного в госкапиталистических началах, доминирующую роль начинает играть «мягкое», «нежное» влияние, основанное на искусном маневрировании налогами, субси-

диями и льготами, преимущественным использованием поощрительных мер, созданием благоприятных условий для тех или иных производителей и т.д., а в случаях нарушений закона — лишение льгот и преимуществ, использование не административного воздействия, а мер в рамках правосудия, третейского суда, арбитражирования.

Ныне ряд авторов — ученых, публицистов, общественных деятелей — утверждают, что в современных развитых странах капиталистического мира, особенно в связи с необходимостью решения экологических проблем, ширится, дескать, прямое государственное регулирование экономических дел, господствует «планово-рыночная» экономика, велики тенденции к государственной централизации. Смею заверить, подобные утверждения ошибочны, они относятся ко вчерашнему дню капиталистической экономики, к практике 1930—1950-х годов, довоенных и военных лет, к временам «шведского социализма» и эйфории «социального государства», доминирования государственно-капиталистических начал, которые породили полосу нарастающих кризисных явлений и которые поэтому в развитых странах повсеместно преодолеваются.

Государства демократически развитых стран в настоящее время — это государства последовательно либеральной ориентации, где взят курс на снижение прямого административного вмешательства в экономику, решительное ограничение объема централизованного казенного хозяйства, с тем чтобы «планы», «нормативы» и другие регулирующие механизмы носили в основном рекомендательный, контрольный характер.

Передовые демократические страны Запада достигли в настоящее время весьма высокого уровня благосостояния. Разумеется, и здесь нужно видеть многие противоречия, тупики. Успехи ряда стран «Запада» и «Севера» в немалой степени обусловлены их доминирующими позициями в мировом хозяйстве и реализованы за счет стран «Востока» и «Юга». Остаются непреодоленными такие беды, как хроническая безработица, бездомность, неустроенность ряда категорий населения, нарастают экологические беды, травмируют людей рыночная гонка, утрата идентичности, психологические тупики.

И все же в целом капиталистический уклад, весь строй капиталистических отношений выдерживает испытание временем. У большинства людей — достойный уровень жизни; общество оказывается способным шаг за шагом разворачивать решение экологических, сложных социальных проблем. Тем более, что новые горизонты открывают тенденции к современному гражданскому обществу, где все большее число производителей напрямую включается в отношения собственности

(здесь и дальше выражение «современное гражданское общество» понимается автором как равнозначное выражениям «посткапитализм» и «народный капитализм»).

Капитализм — такой же, как и мы сами, люди

Драма капитализма — драма человека.

В каждом человеке драматически переплетены светлое и темное, благородные порывы и низменные страсти, стремление к добру и тупая агрессивность. И истинная суть человека во многом искажена его ложными представлениями, идеологическими предубеждениями, миражами, коверкающими людскую жизнь.

Не являются ли экономической уклад и соответствующие отношения, обозначаемые как «капитализм», а также демократия наиболее соответствующими, адекватными, природе и бытию самого человека? Рожденными его «греховной» жизнью и рассчитанными на нее?

Думается, для такого рода предположения имеются достаточные основания.

Можно утверждать, что капитализм, как и его «родная сестра» — демократия, несовершенен в той же самой мере, в какой велик и одновременно несовершенен сам человек. Более того, капитализм и современная демократия в результате многотысячелетнего социального отбора, путем «проб» и «ошибок» сложились как экономический уклад и политическая форма, в весьма большой степени приспособленные к такому, несовершенному, человеку с его стремлением к неконтролируемой свободе, к личному успеху, эгоистичному и грешному. И, главное, выработанные в них механизмы обеспечивают в самых разных, динамичных и тяжелых условиях нынешней индустриальной эпохи взаимопогашение их негативных сторон, снятие их крайностей, отсюда — обеспечивают в целом нормальную жизнедеятельность людей, достаточный, а в развитых демократических странах достойный уровень жизни.

Да, капитализм — как и демократия — столь же несовершенен, как несовершенен и сам человек; но ничего более достойного для человека, способного умерить, сбалансировать его страсти и вписывающегося в самую органику человеческого бытия, современная цивилизация не могла «придумать», да и «придумать», судя по всему, не в силах.

III. Под обломками социализма

Так что же произошло в России?

Скажу сразу – в России произошло крушение коммунистической утопии.

В этой связи нужно заметить вот что. Принципиально неверно, на мой взгляд, изображать большевиков, всех приверженцев социализма и коммунизма как носителей зла, хуже того, людьми чуть ли не изначально криминально настроенными (хотя бывало и такое). Большевики, как и все социалисты и коммунисты, притом по большей части искренне, безоглядно, нередко жертвуя собой, стремились к утопии – совершенному обществу в нашем земном, трудном, грешном мире. Вина большевиков, пожалуй, даже вина не столько в строго юридическом, сколько в высоком гражданственном измерении, в том, что мечта о совершенном обществе, построенная к тому же на противопоставлении капитализму (строю во многом, как мы видели, действительно несовершенному), воплотилась в конкретной программе действий, которая навязывалась обществу и реализовалась с помощью фанатичного напора, насилия, террора, изничтожения людей, попрания их прав и достоинства.

Крушение утопии началось с первых же дней после Октябрьского переворота. Хотя и в то время, и во многие последующие годы были еще сильны настроения фанатичной веры, революционной возвышенности и романтики, в целях практического осуществления антикапиталистической мечты немедленно потребовалась беспощадная диктаторская власть партийного государства, столь мощная, чтобы она была в силах сокрушать не только действительных и предполагаемых «врагов», но и сами земные реалии, неприятие людьми отторгаемых жизнью утопических построений. А это уже само по себе превращало в свою противоположность суть социалистических и коммунистических мечтаний о совершенном обществе, оборачивалось смертями, разоренным бытием, сломанными людскими судьбами.

Нередко реализацию коммунистической утопии в России, а затем и в ряде других стран именуют «экспериментом». Казалось бы, верно – перед нами попытка повернуть ход истории, стремление создать, не считаясь с жертвами, общество всеобщего счастья, подлинный рай на земле; не удалась попытка, сорвался эксперимент, бывает...

Но, может быть, все же оценивать происшедшее в других, менее облагороженных понятиях? Ведь это эксперименты не над вещами и даже не над бездушной природой (заметим, такие эксперименты над природой – «повернутые» реки, осушенные болота и все иное, этому подобное, – неизменно мстят за себя многими бедами). В данном случае эксперимент вылился, по сути дела, в опыты над людьми, над общностями людей, народами, нациями; показателями «результативности» такого «эксперимента» стали людские судьбы, само существование и будущее целых народов, наций.

В конечном счете этот «эксперимент» подвел общество к тотальной катастрофе, к общенациональной гибели. По своим масштабам, бесчеловечной сущности и по своим разрушительным последствиям подобный «эксперимент» – первый в истории человечества; и независимо от того, каковы будут его конечные последствия (действительно ли наступит тотальная катастрофа, или Россия выкарабкается из пропасти), – последний. Человечеству, истории, даже при благополучном исходе нынешнего вселенского испытания больше не вынести повторения такого губительного опыта над собой.

Сладкие и горькие плоды

В результате растянутой на десятилетия упорной попытки реализовать коммунистическую утопию в России, в ряде других стран был «построен социализм» – создана идеологическая, тоталитарная система, точнее – искусственное, уродливое, лживое общество, с единой официальной философией и диктаторской идеологизированной властью, хотя и с некоторыми вкраплениями институтов «социальной справедливости», «всевластия труда», обставленных мифами, мистификациями и ложью.

Конечно, должно быть принято во внимание то продвижение вперед в народном хозяйстве, в культуре, которое произошло в годы коммунистического режима. Его ущербные, с горчинкой, но все же какие-то и сладкие плоды. Это – промышленный, индустриальный, в первую очередь военно-промышленный, потенциал; шаги в сторону экономического и социального прогресса ранее отсталых наций и народностей; некоторые социальные достижения, например, в области науки, образования, охраны детства; и особенно дух подвижничества, революционного подъема, который преимущественно в революционно-романтическую пору 1920-х и частично 1930–1940-х годов отмечен и чистотой отношений среди многих людей, и возвышенностью идеалов.

И хотя все это сложилось и существовало в обстановке искусственного, уродливого, лживого общества, которое нередко перечеркивало и деформировало упомянутые «плюсы», они как-никак все же были, они — реальные факты, а главное — результат интенсивного труда, неимоверных усилий народа, жертвенного подвига поколений «гражданской войны», «социалистической реконструкции», «социалистической индустриализации», особенно Великой Отечественной войны. Пусть сохранится добрая память о подвижничестве, о беззаветных работах, об окрыленных мечтой мучениках, мгновеньях романтического чистого счастья, жертвах фанатизма и кровавого насилия той поры.

Но горьких плодов господства коммунистического режима куда-куда больше, коварная ядовитая разрушительная сила их намного сильнее, неблагоприятное влияние на настоящее и будущее России многократно значительнее, чем все то положительное, что (по большей части с натяжками и допущениями) может быть отнесено к добрым приметам нашего недавнего прошлого. Недаром это недавнее прошлое расцвечено обманной иллюминацией мифов, фальсификаций и лжи — «лучшая в мире демократия», «передовая индустрия» — и прочие фантомы, которые проникли во все поры нашего общества и от долгих заклинаний стали восприниматься чуть ли не в виде некой будто бы действительно существующей реальности.

На трех самых горьких последствиях более чем семидесятилетнего коммунистического господства в России хотелось бы сделать особый акцент. Эти последствия: во-первых, разрушение естественной основы жизни и нормального развития общества; во-вторых, глубокое и устойчивое деформирование всей общественной жизни; в-третьих, формирование и укоренение в нашем бытии новых монстров — тяжелых реалий, выражающих сами устои коммунистической тоталитарной системы.

Разрушенная естественная основа жизни общества

Самое разрушительное последствие долгого всевластия тоталитарной коммунистической диктатуры — это изничтожение частной собственности, единственной здоровой основы нормального, динамичного развития общества.

Конечно, частная собственность как во многом «нелегальная» реальность, притом уже с негативным эффектом, сохранялась и при социализме (фактическая частная собственность ведомств, бюрократии, собственность в теневой экономике, «личная» собственность граждан).

Но она всей мощью тоталитарной системы вытравлялась из экономической жизни как легальная, естественная основа здоровой экономики и тем более как феномен благородный и возвышенный, обеспечивающий экономическую свободу, естественное соединение труда и средств производства и, следовательно, непрерывный рост производительности труда, эффективную и качественную работу производителей. Отсюда в России, во всем СССР, в других странах, объявивших себя «социалистическими», произошло всеобъемлющее отчуждение, тотальный отрыв собственности от труда, от непосредственных производителей.

Наряду с частной собственностью в России оказалось уничтоженным и частное право — система правовых институтов (развитое гражданское законодательство, независимый суд, иные юридические учреждения), которые предоставляют людям гарантированную область экономико-правовой свободы, где юридически господствует только личность.

Наконец, в России, в странах, объявивших себя «социалистическими», оказался оттесненным еще один компонент, входящий в естественную основу развития общества, — трудовая мораль, та мораль, которая настраивает человека на систематический напряженный труд и которая делает одним из высших человеческих достоинств результаты экономической деятельности, личный хозяйственный успех.

Коммунистическая система стремилась поставить на место всех указанных факторов кратковременные фанатичные порывы к труду (коммунистические субботники, стахановское движение, «комсомольские стройки»), а еще более — мифы, иллюзии о будто бы существующем особом трудовом энтузиазме, бескорыстном труде людей — «новых» людей «новой» формации. На деле же все это прикрывало многозвенную, изощренную систему принудительного и полупринудительного труда (от бесплатного труда в «общественном порядке» до труда заключенных), существующую в атмосфере покорности людей, страха и лозунгового официального ликования.

Деформирование общественной жизни

Разрушение естественной основы жизни общества, функционирование всей удушающей тоталитарной системы привели к тому, что российское общество утратило жизнеспособность, внутреннюю энергию, естественное стремление к росту, к динамике. Оно оказалось пораженным раковой опухолью иждивенчества и паразитирования, атрофией деловой активности, неминуемо ведущих к затуханию всего социального организма, к его упадку, гибели. Только посредством вне-

шних, властно-императивных акций, «организационных мер», проводимых мощью всех институтов тоталитарной политической системы, основанных на насилии, идеологическом фанатизме и опирающихся на гигантский массив монополевой государственной собственности, оказывалось возможным поддерживать функционирование общественного организма и решать определенные экономические и социальные задачи — осуществить ширококомасштабную индустриализацию, создать передовой военно-промышленный комплекс и др.

Одно из наиболее пагубных последствий многодесятилетнего господства коммунистического режима, одна из примет углубляющейся нежизнеспособности «построенной» социальной системы, названной «социализмом», — это поразившая все общество атмосфера иждивенчества, паразитирования, безмятежной покорности, приживальческой отстраненности от реального дела в ожидании милости и благ от всемогущего государства-благодетеля, а затем, уже в современных условиях, как только разрядилась атмосфера покорности и страха, — агрессивных требований от государства все новых и новых благ под угрозой беспощадных забастовок, иных насильственных актов.

В то же время атмосфера иждивенчества и утраты настроения на активность, инициативу, рискованное дело оказалась необыкновенно живучей в виде веры в соблазнительные мифы, иллюзии о само собой приходящем «счастливым будущем», а в нынешнее время — в виде ностальгии об утраченных бесхлопотных казарменных благах, пайковой «социальной справедливости».

Бастионы тоталитаризма

Поражение в России тоталитарной коммунистической системы (поражение — в принципе, в основе, самого ее духа) не означает того, что сошли со сцены ее устои. Эти устои — порой ослабевшие, порой обновившиеся и даже в чем-то окрепшие — глубоко внедрились в самые недра общества. Они стали подлинными бастионами на пути демократических преобразований.

Понятно, прежде всего несокрушимым бастионом на пути реформ встала гигантская «надстройка» — огромная бюрократическая, чиновничья, военно-кэзбистская система власти, чудовищным спрутом охватившая и сковавшая весь российский социальный организм. Сейчас эта «надстройка» в какой-то мере демократизировалась, в ней появились «очаги демократии» (работающий парламент, всенародно избранный президент, демократические муниципальные органы, многопар-

тийность); более того, из нее вырван ее стержень — необъятная и бесконтрольная партократическая власть. И все же в целом она остается могущественной системой, концентрирующей силы, которые сопротивляются демократическим преобразованиям в России.

В чем тут дело? Только ли в инерции или же в стремлении «аппарата» сохранить и увековечить свой статус и привилегии? В его способности мимикрировать, приспосабливаться к новым условиям?

Нет, не только указанные обстоятельства предопределяют живучесть гигантской «надстройки», сопротивляющейся переменам. Тут есть и более основательные причины существования упомянутых ранее устоев тоталитарной коммунистической системы, которые в то же время сами по себе заряжены идеологией и силой тоталитаризма и поддерживают всю бюрократическую «надстройку». Среди этих устоев представляется особенно важным выделить следующие два.

Это, во-первых, всеохватная бюрократическая государственная собственность в народном хозяйстве и социальной сфере, прежде всего огромный военно-промышленный комплекс. В свое время облагораживаемый формулой «общенародная собственность» (а ныне реабилитируемый утверждениями о необходимости сохранения «единых технологических производств», в чем-то верных), монстр государственной собственности неотделим от всего бюрократического хозяйственно-военного аппарата: госсобственность в принципе не может функционировать без гигантской системы бюрократических органов власти. Эта бюрократическая система «сидит» на госсобственности, находит в ней оправдание своего существования, источники для функционирования и привилегированного статуса, а еще больше — бесконтрольного паразитирования.

И во-вторых, это «всевластные» Советы, сложившиеся под вывеской демократических лозунгов как форма легитимации и проведения единой государственной власти партократии. Внедрившаяся в нашу жизнь догма «всевластия» Советов как единой системы государственной власти «снизу доверху» изначально отвергает оптимальную организацию демократического государства, построенную на разделении властей и разграничении государственной власти и муниципального самоуправления, оправдывая — со ссылкой на Советы — своеволие чиновников, формирование многоярусных параллельных «правотворческих» и управленческих структур, местных «парламентов» и «правительств» на всех уровнях государственной власти и муниципального самоуправления. И это, в условиях господства государственной собственности — материальной обители бюрократии — придает несокрушимую прочность всей «надстройке» тоталитарной коммунистической системы.

Саморазрушение

К началу 1980-х годов действительные процессы, происходящие в СССР — обществе, охватывающем и Россию, и другие регионы бывлой царской империи, подвели страну к жесточайшему кризису на всех направлениях. Состояние дел в стране оказалось настолько трудным, бесперспективным, что, пожалуй, только выжимание последних, предельных ресурсов из истощенной экономики, беспощадное проедание природных богатств, пренебрежение к экологическим бедам (да еще благоприятная конъюнктура на нефтяном рынке, интенсивная торговля оружием) позволяли сводить — и то, как правило, с большим напряжением — концы с концами. Соединение губительного режима власти и не менее губительных последствий безудержного экстенсивного промышленного развития (усиленные трагическими, непосильными для экосистемы экспериментами по «преобразованию природы») вели страну к непоправимой катастрофе.

В такой обстановке стало очевидным, непреложным: назрела необходимость существенных перемен. Это и привело к тому, что начиная с 1985 года такие перемены начали шаг за шагом осуществляться.

Увы, эти перемены, проводимые сначала под флагом «совершенствования социализма», а затем «перестройки», не предполагали отказа от исходной мировоззренческой философской основы общества, его главных принципов и устоев, не были нацелены на коренное, решительное преобразование всей общественной системы. По большей части они сводились к осторожным, «взвешенным» полумерам, боязливым полушагам по пути к демократии.

Такой курс, как теперь предельно ясно, не только не привел к видимому успеху (за исключением, конечно же, гигантского достижения — повеявшего ветра свободы — в мыслях, в печати, в идеях), но и вызвал дополнительные, стремительно нарастающие трудности.

К 1990–1991 годам на общество обрушился крутой и жестокий вал новых бед, потрясений, кризисов. И что особенно страшно, в противоречие со всем позитивным, что несет процесс возрождения нации и децентрализации, начался развал государственности и законности, возобладали в ряде регионов центробежные силы и устремления, стали реальностью действительный паралич власти, ее недееспособность, многовластие в обществе.

На людей накатились разочарование, пессимизм, тревога. Провал в СССР, ряде других стран тоталитарного строя, прикрываемого именем «социализм», а затем крах ожиданий быстрых успехов вызвали у нема-

лого числа наших сограждан состояние апатии, тотального нигилизма, повышенной восприимчивости к популизму, а то и к насилию.

Помимо прочего этот жестокий, крутой вал бед и кризисов создал еще один круг негативно-разрушительных реалий; и они, беды и кризисы, стали расти как снежный ком, все более и более осложняя перспективу перемен по обновлению общества.

Этот вал ничуть не ослаб после развала в канун 1992 года целостного государства — СССР. Более того, негативные процессы здесь «взвинтились», приобрели новое качество, стали выливаться в острые катаклизмы, не только граничащие с обстановкой гражданской войны, но в ряде мест делающие ее реальным фактом.

Почему все это — такое страшное и во многом непоправимое — произошло? Нередко при ответе на подобный вопрос делаются ссылки на отсутствие заранее разработанного плана преобразований, на ошибки и просчеты в ходе начавшихся перемен, на нерешительность и опоздание в проводимых акциях. Приверженцы же старых, тоталитарных, порядков вообще усматривают первопричину всех бед в деяниях «архитекторов», «прорабов» перестройки, «всех этих так называемых демократов»...

Что ж, некоторые из упомянутых факторов, особенно половинчатость, нерешительность, просчеты, хронические опоздания, действительно сыграли немалую негативную роль. Но главное все же не это.

Главное в нагрянувшей беде, в сущности уже вплотную подступившей катастрофе, — это неотвратимая логика событий, связанная с судьбой нашей «отечественной» тоталитарной системы. Искусственное, уродливое, нежизнеспособное по своей природе общество может функционировать и как-то развиваться лишь в том случае, когда исправно действуют все внешние силовые и идеологические рычаги, подпорки, механизмы. Но как только они отпадают или хотя бы ослабевают, теряют силу, общество, построенное на соблазнительных химерах, насилии, лжи, неизбежно **саморазрушается**.

Впечатляющий пример тому дают события августа 1991 года. С величайшим трудом, тонкими надорванными ниточками удалось к этому времени как-то связать разваливающиеся части Советского Союза, воплотить это хрупкое единение в Союзном Договоре, который предполагалось подписать 20 августа. Но вот танками на улицах Москвы и истерично-обманными заявлениями ГКЧП прогрохотал партийно-кэгабистский путч, не принятый обществом, уже вкусившим Свободу, и потому мгновенно провалившийся. Лопнули надорванные ниточки, не выдержало грубой силы хрупкое единение. И сразу же, обгоняя друг друга, «союзные республики» начали заявлять о своей полной незави-

симости, и формальный распад Союза, происшедший четыре месяца спустя, в декабре 1991 года, несмотря на отчаянные попытки спасти хотя бы какое-то подобие единения, был предreshен.

Рухнувшие обломки

Создается впечатление: теперь — после поражения августовского (1991 года) путча — все в порядке, тоталитарный коммунистический режим в России рухнул, сейчас оказывается возможным спокойно, без помех идти к здоровому, нормальному обществу.

Ох, если бы это было так! Если бы все было так просто!

Да, российское общество отторгло социализм. Сама суть, принципы общественного строя, назвавшегося «социалистическим», надолго вперед (если не навсегда) потерпели поражение, дискредитированы в самой своей сущности, не имеют, по всем данным, шансов на возрождение (хотя конечно же негоже выплескивать с грязной водой и «ребенка» — ряд здоровых, конструктивных социалистических элементов).

Но беда в том, что в России движение к нормальному, по-современному цивилизованному обществу происходит **не на чистом месте**.

Социализм, тоталитарная коммунистическая система не просто потерпели поражение и сошли с исторической сцены. Они обрушились на российское общество камнепадом обломков — целыми блоками, грудой несоединимых частей, разъедающей пылью.

Демократам, одержавшим, казалось бы, решительную победу после августа 1991, досталось в наследство неэффективное, дефицитное, односторонне развитое народное хозяйство, функционирующее как «одна фабрика» и построенное на наемно-принудительном труде. Само общество выступает как деклассированное, как общество, в котором ни привилегированный слой, ни управляемый слой наемных работников, частично пролетаризированный и люмпенизированный, кровно не заинтересованы в кардинальных реформах. И к тому же это общество со сбитыми ориентирами, в нем растет социальное напряжение, это общество, где в нарастающих масштабах разрушаются государственность и законность.

Трудно поверить, но при тщательном анализе выясняется, что из блоков, институтов, отдельных частичек долго существовавшего «социалистического строя» почти нет ничего, что могло бы быть взято в «готовом виде» и использовано в будущем. Даже, казалось бы, такое несомненное достижение централизованной огосударственной системы, как высокая интеграция в народном хозяйстве, на поверку оказалось усложненными, тяжеловесными и в то же время хрупкими

связями «в одной» гигантской фабрике, а не теми динамичными, гибкими, чуткими интегративными отношениями, которые характерны для развитого товарно-рыночного хозяйства, отличающегося высокой степенью специализации и кооперации.

Быть может, самый тяжелый из рухнувших обломков коммунистического тоталитарного строя — это еще очень сильный социально-психологический настрой, сохранившееся очарование соблазнительных мифов и иллюзий, таких, как «общенародная собственность», «социальное равенство», «социальная защищенность людей труда». И они-то, надо знать, крепко поддерживают укорененные во всех сферах жизни потрясенного общества устои, монстров тоталитарной системы и бюрократическую монопольную государственную собственность и «всевластные» Советы.

И не будет большим преувеличением сказать: российское общество несет ныне тяжкий крест — непереносимую тяжесть прошлого. Потому столь сдержанны общественные порывы, с таким трудом дается каждое продвижение вперед, столь много ран и царапин на истерзанном народном организме, получаемых при каждой попытке продвинуться вперед. И потому есть люди, и их немало, кому уже невыносим этот крест и эта тяжесть и кому уже хочется выкарабкаться из-под этих обломков и, черт с ним, вернуться пусть и в убогое, жалкое, приживальческое, униженное, но такое удобное, бесхлопотное, «защищенное» от превратностей судьбы недавнее «застойное» прошлое...

На перепутье

Но если столь сложны, неподатливы, труднопреодолимы препятствия и преграды реформам в посткоммунистической России, то, спрашивается: в каком направлении должны идти дальнейшие реформаторские преобразования?

Абстрактно рассуждая, тут есть два варианта:

либо довести до конца разрушение тоталитарной коммунистической системы, разгрести и очистить общество от всех ее обломков;

либо же, опираясь на существующие реалии, уже сейчас решать насущные задачи экономического, социального, духовного развития.

Единственно приемлемый из этих двух вариантов, что ни говори, второй. И не только потому, что тотальная расчистка от прошлого — это, по сути дела, уже испытанная в нашем обществе идеология «до основания, а затем...», заведомо обреченная на неуспех и к тому же неиз-

бежно предполагающая новые насильственные действия и, следовательно, возвращение к тоталитарной власти.

Помимо всего этого здесь не менее важны также и соображения, связанные с нынешним состоянием общества.

Мы уже ряд лет твердим и твердим, что подошли «к краю пропасти», находимся «на грани катастрофы». А не пора ли признать, что в состоянии катастрофы мы уже входим? Пусть в начальную, еще обратимую ее фазу, но входим. И что дежурные выражения о «выживании» и «спасении» — это не журналистский образ и заостренные словечки, а просто трезвый взгляд на сегодняшнюю нашу действительность. Ибо убыстряющийся темп спада производства, резкое понижение и так невысокого жизненного уровня огромного большинства людей, разрушение моральных и правовых основ жизнедеятельности — это не что иное, как уже вплотную подступившая катастрофа, от которой людям, стоящим перед реальной проблемой выживания, действительно нужно спастись.

Не будем упускать из поля зрения также и крайнее, самое пессимистическое из возможных последствий начинающейся катастрофы — полное крушение общественного организма, гибель «российского ареала» цивилизации. Такой финал отдельных ареалов в истории был уже не раз; а то, что мы никак не можем решить главное — начать восстановление естественной основы развития общества (частной собственности, частного права, трудовой морали), подтверждает вероятность подобной перспективы. Смертный ужас от такой перспективы и нежелание даже думать о ней вполне понятны: трагические последствия «законченной» катастрофы касаются не только нас самих, но и наших детей, внуков, будущего всей российской ветви цивилизационного развития. Тем более что выпадение такого связующего звена в мировом геополитическом построении на стыке Европы и Азии, как Россия, вполне вероятно, может завершиться гибелью всей человеческой цивилизации. И хотя органически присущие человечеству механизмы самосохранения, будем верить, не допустят до такого трагического финала, строгость, последовательность, напряженность нашей нынешней работы должны получить дополнительные импульсы и с учетом упомянутой возможной трагической перспективы.

Словом, первейшая задача нынешнего времени — остановить разрушительные тенденции, положить конец распаду общественного организма, стабилизировать экономическую и социальную ситуацию и начать, хотя бы маленькими шажочками, по сантиметрику, улучшать положение людей, ввергнутых ныне в тяжкое, порой бедственное, полуголодное существование (предотвращая тем самым, на-

ряду со всем другим, неминуемый социальный взрыв, когда катастрофа реально нагрянет во всей своей полноте, перейдет в критическую, необратимую фазу). А такой путь возможен лишь в том случае, если использовать наличные реалии, существующие институты и социальные инструменты, уже созданные в «перестроечное» время, в значительной мере обновленные и обогащенные за последние годы.

С рассматриваемых позиций есть достаточные основания для выделения в современной обстановке, что обосновано уже и сделано в официальной, государственной политике, особого переходного периода, когда должны быть решены вопросы антикризисного, стабилизационного порядка.

Вместе с тем вот какая сторона дела представляется исключительно существенной. При всей важности, неотложности решения антикризисных и стабилизационных проблем, связанных с ситуациями, которые «берут за горло», а в дальнейшем, при их нерешенности, могут обернуться непоправимой бедой, надо видеть, что сегодняшние по необходимости жесткие и, понятно, непопулярные меры только тогда будут исторически оправданны и приняты обществом, когда они во всех случаях будут выстраиваться с ориентировкой на общую стратегию — направление и перспективу возрождения России, ее демократического преобразования.

Какой же должна быть эта стратегия?

Ответ на такого рода вопрос принципиально важен еще и потому, что наиболее простым и как будто бы вполне логичным, даже неизбежным ответом на нынешние беды является «просто» усиление власти вплоть, казалось бы (бог простит), до установления в России авторитарного режима, с последствиями — исходя из наших трагически неотступных, отечественных традиций и тенденций — вполне предсказуемыми. Последствиями очень грустными, трагическими.

Да и вообще, надо полагать, в процессе проведения нынешних крупных, при необходимости жестких мерах переходного времени должны уже сейчас создаваться предпосылки будущего развития и, следовательно, просматриваться оптимистическая перспектива, должны светиться огоньки, ведущие к наступлению благотворных перемен.

Об общих направлениях, о стратегии развития России — следующая глава.

IV. Путь к СВОБОДЕ

От общих фраз, штампов и лозунгов — к основательному подходу

В последнее время на ряде форумов, на телевидении, в печати остро зазвучал вопрос: куда все-таки движется Россия? Социализм рухнул, на долгие годы дискредитирован. Так что же нам осталось?

Помимо ранее отмеченных соображений о стратегии перемен здесь важна и наша людская, казалось бы, что ни на есть проза жизни. Не может жить человек без надежды и уверенности в завтрашнем дне. Без ясности о будущем. Да и трудности, и беды человек готов вынести значительные, куда более значительные, чем нынешние (годы войны — пример тому), если есть одухотворяющая идея, вера, надежда, во имя которых люди готовы терпеть, переносить невзгоды, трудиться на пределе сил, даже прощать неверные шаги и промахи властям.

Конечно же и сейчас произносятся общие фразы, определения. Чаше всего — «демократия», «рынок». Все настойчивее звучат голоса, в особенности радикально настроенных демократов, — «нечего лукавить, надо идти к капитализму» и даже «строить капитализм». И если впрямь не лукавить, так что же может быть иное? К социализму, к коммунистическим порядкам, истерзавшим страну насилием, ложью, искалеченными судьбами, возврата для большинства людей нет. Значит, остается... капитализм? Тем более, что, как мы видели, капитализм не так уж плох; наряду со всем негативным он имеет немало достоинств, впечатляющих результатов, а главное — соответствует самой природе человека, его судьбе.

И здесь хотелось бы привлечь внимание читателей вот к чему.

Спрашивается: почему это мы заикнулись, продолжаем кружить и кружить вокруг безальтернативной дилеммы «капитализм — социализм» с канонизированными характеристиками того и другого, притом видим в них некие «формации», которые нужно «строить»?

Ведь если говорить начистоту, то указанные ранее категории и мировоззренческие штампы прямехонько перекочевали в наш лексикон из арсенала догматического, ортодоксального марксистского мировоз-

зрения; и с этой точки зрения обобщенное обозначение ряда очень разных стран в качестве «капиталистических» хотя и отражает ряд их общих особенностей (среди них немало позитивных), но и порождено партийно-нацеленным стремлением возвести в демонический абсолют пороки, издержки и крайности капитализма, противопоставить им абстрактно-сконструированные «достоинства» и «преимущества» социализма.

Между тем если не замыкаться на канолах ортодоксального марксизма, отойти от общих фраз, лозунгов и штампов, то суть и динамика развития общества как социальной системы вырисовываются совсем в другом виде, нежели это преподано марксистскими догмами; они вовсе не сводятся к «формациям» и к дилемме «капитализм – социализм». Здесь нужен более основательный подход, опирающийся на данные современной науки.

Вехи мирового прогресса

Трудными оказались пути человечества.

Вырвавшись из-под диктата природы, оно, наращивая темпы развития, дерзко ринулось в неизведанное по сложным, непредсказуемым дорогам прогресса и... тут же, еще не вырвавшись из оков слепой природной стихии, оказалось дополнительно под диктатом своих же жестких социальных сил, прежде всего – власти и идеологии, влекущих человеческое общество к страшной беде, скорее всего, к самоуничтожению.

И все же человечество в муках на сложных поворотах, зигзагах своего бытия и функционирования упорно «ищет» и находит выход из, казалось бы, безвыходных тупиков. Оно упорно и пытливо, обманываясь и прозревая, выбирает оптимальный путь своего развития.

Правда, тут нужно с надлежащей строгостью различать два основных сценария – две тенденции или два направления – в развитии общества.

Первый сценарий – это естественное развитие общества, с издержками и потерями, корректируемое прогрессивной гуманистической мыслью, но все же в принципе основанное на естественно-природных факторах и социальных силах (таких, как частная собственность, рынок, возможность человека распоряжаться своей способностью к труду, трудовая мораль).

Этот первый сценарий в развитии общества наряду со всем иным характеризуется тем, что он, осваивая и реализуя глобальные мировые тенденции, вместе с тем отторгает саму возможность некоего фатального, изначально заложенного в нем «закономерного» пути развития

(такого, как неумолимое будто бы движение через феодальный строй и «капитализм» — к «коммунизму»).

Общество, вырывающееся из власти природной стихии, развивается в основном путем «проб» и «ошибок», и каждый последующий шаг в сторону прогресса — это результат не только удачной «пробы», но в не меньшей мере усвоения уроков преодоленной «ошибки».

Второй сценарий — это такое развитие или состояние, когда обществу, в основном через насилие, государственную власть, духовный диктат, навязываются, «задаются» пути и формы жизни, основанные на групповых, партийных или религиозных представлениях, канонах и мифах.

Отсюда и проистекают различия между основными типами обществ: с одной стороны, общества, в принципе саморегулирующегося, развивающегося согласно со своим социально-природным естеством (и потому — в идеале и в итоге свободного, демократического, рыночного, правового), а с другой — общества «заданного», «идеологического», общества-монолита, скованного властью и идеологией (и потому, как правило, авторитарного, деспотического, силового, по современной лексике — тоталитарного).

И вот если исходить из законов естественного развития общества, то довольно отчетливо различимы глобальные тенденции истории человечества. Главное в этих тенденциях — движение, с перерывами, зигзагами, но все же неуклонное движение от монолитного (тоталитарного) общества к более развитой системе — к обществу свободному, саморегулирующемуся, развивающемуся на своей собственной основе, в соответствии со своими социально-природными факторами и силами. И в согласии с этим — тенденция все большего выделения, обретения своего высокого статуса в обществе автономной, «суверенной» личности — процесс, который на основе высвобождения частной собственности от диктата идеологии и власти, на основе развития прав человека и правосудия приводит к формированию гражданского общества.

С рассматриваемых позиций можно, в частности, ответить на вопрос о том, что же представляет собой «капитализм». Особую «формацию»? Ничего подобного.

Это, как уже отмечалось ранее, прежде всего срез социально-экономической жизни, суть которого ограничивается в основном фиксацией особенностей товарно-рыночных отношений, не связанных идеологией и властью, отношений, где «мотором» является капитал, самовозрастающая стоимость.

Такое построение товарно-рыночных отношений конечно же представляет собой значительное продвижение вперед на путях общего про-

гресса человечества. После доминирования в течение многих тысячелетий власти и идеологии (по экономическим укладам и даже «формациям» соответствующие порядки общественной жизни обозначились как «азиатский», «рабовладельческий», «феодальный») общество с освобожденной товарно-рыночной экономикой являет собой принципиальный прорыв человечества к свободе, а отсюда — к бурному восходящему экономическому прогрессу, причем такому, когда через капитал развернулись саморегулирующиеся механизмы частной собственности и рынка. И это все, понятно, влияет на другие стороны социального строя: разворачиваются и другие институты — демократии, права, правосудия, свидетельствующие о становлении и развитии гражданского общества.

Вместе с тем весьма существенно обратить внимание на то, что капиталистический уклад возможен все же при различной организации общественной жизни — не только в «классическом» свободном саморегулирующемся обществе, но и в обществах, где в немалой степени доминантой все еще остаются групповая классовая политика и авторитарная власть, что, в частности, объясняет появление такого экономико-политического чудовища, как монопольный государственный капитализм.

Сделаем акцент на приведенных соображениях. И прежде всего на том, что оценка существа и перспектив того или иного экономического уклада, других сторон и институтов общественной жизни должна проводиться с учетом глобальных тенденций развития человеческой цивилизации, в «контексте» всего строя. И скажу еще раз: главное здесь — это именно контекст свободы (или, напротив, несвободы), от которого решающим образом зависит расстановка и удельный вес положительных и негативных сторон того или иного экономического уклада. И это тем более важно, что свобода в обществе сама выступает как мощная социальная сила.

Сила свободы

Свобода — это обеспеченная возможность беспрепятственного выбора, возможность человека самому решать за себя, своей волей определять свое поведение.

Свобода — после слепого подчинения живых существ стихии природных сил — высший дар, открывшийся людям, и именно с нее (а в связи с ней и с собственностью) началась цивилизация, само бытие и развитие человека как человека. Именно в свободе человек находит высшее удовлетворение своего существования, и именно в ней и через нее

раскрываются человеческие способности и достоинства, реализуются земные цели, достигается счастье, осуществляется божественное предназначение человека на Земле. С другой стороны, наибольшее несчастье, беда для людей — это несвобода, стеснение и утрата свободы под напором порожденных самими людьми демонических сил — политической власти и идеологии.

Объективные процессы в человеческой истории неумолимо ведут к обществу, где личность становится самоценностью, все более свободной, центром всей жизнедеятельности и бытия.

Характерно это и для нынешнего времени, когда, переболев социалистическими утопиями, социал-демократическими увлечениями — «социальным государством», «социальным рынком» и т.д., люди, во всяком случае все большее число людей, осознают, что иного пути в продвижении в сторону прогресса и гуманизма, кроме Свободы — экономической, политической, духовной, — у человечества просто нет.

Примечательно, что в самое последнее время, непосредственно перед крушением коммунистического режима в СССР, коммунистическая идеология, в том числе в официальных программах и официозных интерпретациях «трудов классиков марксизма-ленинизма», все чаще и чаще представлялась в либеральных категориях: «царство свободы», «свобода каждого — условие свободы для всех» и т.д. (тем более, что изначальный марксизм в своих исходных позициях действительно в этих категориях обосновывал фундаментальный вывод о необходимости в ходе прогресса человечества преодоления отчуждения людей от собственности, власти, других «внешних» сил).

Но свобода — сколь замечательный и желанный идеал, столь же и коварная, неодноплановая реальность, имеющая также и негативные стороны. Ведь саморазрушение общества, рост всего отрицательного, с чем встретилась нынешняя эпоха, — произвол, насилие, экологические бедствия, преступность и многое другое — происходят и укореняются именно в обстановке «ослабления» власти и идеологии. И надо знать: свобода может обернуться для людей еще большей, неотвратимой бедой, если не сформируются и не обретут силу основные ее устои — собственность, право, вера.

Вместе с тем нужно знать и другое. Никакие внешние «ограничители», «запреты», «недозволенность», иные институты внешней императивной власти (государственной и идеологической) не способны устранить негативные явления современной эпохи, если исходная предпосылка всех этих внешних регуляторов, да и сама Свобода не опираются на отмеченный ранее ее «контекст», на ее собственную силу.

Возможно, основной просчет теоретиков и политиков, стремившихся обосновать надобность «социализма», главным образом в том, что только при помощи всего общества и государства можно преодолеть все отрицательные явления в нашей жизни (именно такой линии до недавнего времени придерживался и автор этих строк), в том, что не принимается во внимание сила самой свободы.

Тут нужны некоторые пояснения.

Наше сознание — сознание людей советской генерации, болезненно освобождающихся от пут советского тоталитарного прошлого, все еще глубоко поражено комплексами и догмами, навеянными возвеличенным обаянием власти и идеологии.

Наиболее коварный из них — постулат, вещающий, что свободы «вообще» нет и что, говоря о свободе, должно каждый раз ответить на вопрос «для кого?»; и потому высшее ее проявление — это свобода «для людей труда», «для трудящихся».

Увы, так и осталось неведомым для многих из нас, казалось бы, ученых, переученных ужасами и мифами сталинского и брежневского тоталитаризма, что, как только решается вопрос «для кого?» и, следовательно, начинается отбор — кто достоин свободы, а кто — нет, — так сразу же свободе приходит конец, появляются жесткие регуляторы и надсмотрщики, власть политическая и идеологическая немедленно присваивает себе право одарять одних и низводить до скотского состояния других, и все это во имя «высших целей», «во имя людей труда».

Опасность и историческая беда всех внешне красивых и привлекательных идеологических построений, общественных движений и партий, кроме последовательно либеральных, в том, что они не верят в отдельного, конкретного человека, в его разум, опыт и здравый смысл. Такого рода идеологии и партии исходят из того, что возможно некое совершенное общество, и претендуют на то, что они, деятели разных рангов и государство в целом, умнее человека, не удостоенного чинов и постов, знают, что ему («им») действительно нужно, и, следовательно, во имя создания совершенного социального строя вправе решать за всех людей, вырабатывать некие решения «для всех», а добившись власти, настойчиво проводить их в жизнь, не считаясь ни с чем.

Между тем общество, сознающее несовершенство человека, противоречивость его природы, и исповедующее идеалы Свободы и действительного гуманизма, не может не быть построено на вере в человека как индивида, в его разум и в его способность принимать оптимальные решения.

Человек — что уж поделаться! — не ангел, существо эгоистичное, по большей части жестко рациональное, но, обладая разумом, он все

же в условиях Свободы, и только в условиях Свободы, способен на разумных началах самостоятельно строить жизнь: и свою собственную, и всего сообщества. Ибо именно свободные люди, предоставленные самим себе и потому несущие наиболее высокую по всем меркам ответственность, сами создают необходимые для свободы институциональные рамки, вырабатывают механизмы саморегуляции (вследствие этого такое свободное, спонтанно развивающееся, саморегулируемое общество порождает мало проблем, которые люди не могут решить сами).

Таким образом, с позиций, опирающихся на представления о глобальных процессах в развитии цивилизации, должно быть признано, что:

- только отдельный человек, как изолированный индивид, и только он один, знает, что ему нужно, чего он хочет, к чему стремится;
- только он, отдельный человек, и никто другой, вправе решать за себя, во всех своих делах как поступить, что делать;
- общество посредством государства, всех своих институтов обязано создать для свободного человека необходимые, максимально благоприятные условия, «правила игры», безупречные, надежные гарантии.

Слов нет, государство, политическая власть, в особенности в переходные от тоталитаризма к демократии периоды, должны обладать необходимой императивной силой. Эта сила нужна и для выработки надлежащей государственной организации, поддержания «правил игры», гарантий нормальной жизнедеятельности людей.

Но в любом случае власть и идеология не должны становиться самоцелью, самоценностью, а отсюда — доминантами в жизни общества. Властная, регулирующая деятельность институтов государства не должна переходить грань, к несчастью, подчас трудноуловимую, за которой свобода теряет свое важнейшее качество, то качество, в соответствии с которым она сама по себе обладает большой регулирующей силой — рождает ответственность, необходимые институциональные рамки, механизмы саморегуляции.

Путь России

У России нет иной судьбы и исторического предназначения, как двигаться («двигаться», но, упаси боже, не «строить», не заниматься «строительствам» по неким чертежам) в сторону СВОБОДНОГО, САМОРЕГУЛИРУЮЩЕГОСЯ демократического строя, способного раскрыть и реализовать исковерканную коммунистическим режи-

мом, покуда дремлющую созидательную силу российского общества. И значит, строя, способного привести в действие и несметные природные богатства России, и ее созидательную энергию, и силу российского духа.

А так как свободное, саморегулирующееся общество — это общество, исповедующее и утверждающее свободу во всех сферах, и прежде всего в экономике, то оно с неизбежностью дает путь свободному развитию товарно-рыночных отношений, не скованных диктатом идеологии и власти, и значит, развертыванию капиталистических отношений.

Но вот что принципиально важно. Капиталистические отношения при такой постановке вопроса не имеют самодовлеющего, всепоглощающего, «конечного» значения будто бы образующих некую «формацию»; они лишь элемент, блок, срез свободного саморегулирующегося общества, в известной степени социализированные, втянутые во всю систему социально-политических, духовных, нравственных связей и институтов. И если возможно применительно к свободному обществу говорить о «капитализме» (а как видит читатель, вполне возможно), то не в марксистско-классовой интерпретации этой категории с концентрацией внимания на эмоционально-политических крайностях и издержках, не в смысле строя «эксплуатации» и «угнетения», как это навязывается идеологическими химерами, а в смысле одного из элементов, в определенной мере зависимого и подчиненного целостной социальной организации общества.

Думается, при такой постановке вопроса о капитализме он не должен становиться предметом спекуляций ни «справа», ни «слева». Более того. Именно тогда наряду с неизбежными издержками и возможными крайностями в полной мере раскрываются достоинства того уклада товарно-рыночных отношений, мотором которых является самовозрастающая стоимость — капитал.

К тому же современный капитализм развитых демократических стран все более втягивается во всю систему социальных отношений демократического общества, и это сглаживает отмеченные ранее негативные черты, влечет за собой формирование обширного среднего класса, порождает тенденции ко всеобщему благосостоянию. И что еще более существенно — начинается реформирование самой собственности, включение в отношения собственности (путем ее выкупа, действенных форм акционирования) непосредственно производителей, что свидетельствует о начавшихся процессах перехода всей системы товарно-рыночных отношений, ранее построенных на всеоб-

нности наемного труда, к системе «производитель – собственник», следовательно, о новых гранях современного гражданского общества, которое подчас называют «народным капитализмом».

Российские ценности

С незапамятных времен повелось считать, что России уготован некий особый путь и особая миссия в истории. Что ж, действительно, «Третий Рим», «спасительница славянства», «собирательница славянских народов», «мессианское предназначение» – эти и им подобные определения в отношении России – свидетели утвердившегося в сознании многих поколений представления об исключительной судьбе русского этноса, народа-избранника.

Да и среди сложившихся институтов, традиций, тенденций немало таких, которые как будто бы на самом деле выражают неповторимое своеобразие прошлого и будущего России, ее «особое» предназначение. Это – и «соборность» как ведущий принцип политической жизни, и «русская община» как основа сельского бытия, и «державность» как теоретическое начало государственности; плюс к этому – терпеливость русских людей, непритязательность их быта, устойчивость и одновременно восприимчивость к «иноземному» и т.д.

Но означают ли эти и ряд других особенностей, в той или иной степени характерных для России, что ей суждено выбиться из общего потока цивилизационного развития?

Ранее ответ на такой вопрос в общем-то уже прозвучал. Российское общество уже испытало на себе все последствия отхода от общего развития цивилизации. Так что самой суровой жизнью подтверждено, что и для России путь в будущее – это путь, общий для всей цивилизации: путь свободы, неуклонное движение к свободному, саморегулирующемуся обществу, центром которого является человек, его права и достоинство.

Вместе с тем должно быть признано, что развитие России к свободному саморегулирующемуся обществу должно опираться на российскую историю, на исконные российские ценности.

И вот здесь необходимо зафиксировать следующий принципиальной важности момент. Российские ценности на нынешних переломах истории постольку «вступают в действие» (притом нередко в трансформированном виде), поскольку и они согласуются с общим потоком развития цивилизации.

С этой точки зрения, ничуть не подвергая сомнению историческую оправданность таких российских институтов и традиций, как «соборность», «община», ряд других, хотелось бы все же обратить повышенное внимание на те основополагающие начала российского бытия и духа, которые хотя в той или иной мере связаны с упомянутыми институтами и традициями, но все же имеют самостоятельное значение, «выходят» на современный уровень цивилизации и по-настоящему еще не развернулись.

По этому пункту, пожалуй, можно пока поставить точку. Если запомнить только что сформулированное положение, то об остальном можно сказать и дальше.

Существенное значение имеет, надо полагать, и та исторически выработанная особенность русской жизни, обусловленная ее «обреченностью» каким-то образом совмещать достижения (увы, и недостатки также) западных и восточных культур, способностью к быстрому восприятию таких достижений, к их ассимиляции в общую российскую культуру (что как раз и обусловило энергичное развитие капитализма в России конца прошлого и начала XX века).

Огоньки будущего

Бесконечно трудно избавиться от штампов и комплексов, пугал и устрашающих образов, въевшихся во всех нас в годы господства коммунистического режима, диктата марксистско-ленинской идеологии, мракобесия идолов и мифов.

Но, может быть, возможно сделать решительный шаг в преодолении такого рода химер, предубеждений, идеологических пугал, если увидеть, что в мире наметилось движение к современному гражданскому обществу, где доминирующим слоем становится средний класс, исключается монополизм, утверждается в экономике мелкая и средняя собственность вместе со все большим участием в отношениях собственности непосредственно производителей. А главное – все эти процессы, нормальные и естественные для людей, сопряженные с природой и потребностями человека, таковы, что они неизбежно должны проходить в рамках свободного, саморегулирующегося демократического общества, в котором подобающее им место занимают институты развитой политической демократии, культуры, высокой духовности и морали.

Может показаться парадоксальным, но должен быть признан очевидным и вполне объяснимым тот факт, что именно при нормаль-

ном, естественном развитии общества в условиях свободы, демократии и рынка могут быть реализованы те рациональные, здоровые элементы социалистических представлений, обоснованию которых многие из нас отдали столько сил и веры, но которые фактически с разной степенью успеха осуществлялись западной социал-демократией во имя социальной справедливости и социальной защищенности людей.

Во всяком случае использование достоинств капитализма должно осуществляться в России в условиях реализации как национальных российских ценностей, так и развитых социальных отношений, обеспечивающих надлежащую социальную защиту нуждающихся людей и реальность общенациональных программ в области экологии, науки, культуры, искусства. Более того, в таких условиях в какой-то мере могут найти свое место в жизни (и это демонстрируют израильские кибуцы) известные коммунистические принципы и идеалы.

Быть может, тогда произойдет ренессанс идей «изначального» Маркса (тех идей, которые были заглушены классово-идеологией «позднего» Маркса, Ленина, Троцкого, Сталина – политическими страстями, классово-борьбой и нетерпимостью, всепоглощающей устремленностью к власти, к диктатуре) – прежде всего идеи освобождения человечества путем преодоления отчуждения производителей от собственности, идеи свободного труда и утверждения ассоциации свободных производителей.

И в общем-то уже сейчас довольно отчетливо вырисовываются основные показатели, характеризующие современное гражданское общество и, следовательно, стратегический курс развития России. Это:

- богатое общество, обеспечивающее достойную жизнь каждому человеку и осуществление общенациональных программ;
- реализованные во всех сферах жизни незыблемые права и свободы человека, защищенные независимым правосудием;
- развитые культура, наука, искусство.

Важно лишь, чтобы сохранялись при этом фундаментальные устои и общая атмосфера свободы в обществе – и экономической, и политической, и духовной. И чтобы, как показал поучительный опыт Швеции, ряда других стран с господствующими социал-демократическими ориентациями и еще более трагический опыт «социалистических» стран, социальная политика во имя справедливости и социальной защищенности людей не перешла ту грань, когда общество утрачивает саморегулирующиеся импульсы, происходит эрозия личной свободы, гаснут стимулы к активности, инициативе и, стало быть, интерес к нормальной, здоровой жизни.

V. Точки опоры

Не сбиться бы...

Путь к свободе, будем верить, уготованный России, ныне относится все же к сфере долженствования, к расчетам и надеждам. Прежде всего — к расчетам и надеждам на то, что наконец-то позитивно «заработают» естественные основы нормального цивилизованного развития общества: частная собственность, рынок, частное право, трудовая мораль, самодисциплина.

Но надо видеть жизнь в тех реалиях, которые сложились ныне. А это реалии тяжелые, они подчас стеной встают на пути реформ, осложняют, порой резко деформируют процессы обновления кардинального преобразования общества.

О такого рода реалиях, обломках рухнувшего «социализма» ранее уже говорилось. О двух же обстоятельствах, которые представляются наиболее тяжелыми, труднопреодолимыми именно для сегодняшнего времени, следует сказать особо.

Первое — это нынешнее состояние страны. Страны обедневшей, разоренной коммунистическим экспериментом и последующими огрехами и ошибками в реформах, морально и духовно падшей, уязвленной поражением в мировом состязании. А главное — еще такой, в которой, несмотря на завоеванные и пока еще сильные «очаги демократии», продолжают превалировать авторитарно-тоталитарные порядки, укорененные в своей питательной среде — монополевой государственной собственности, во «всевластных» Советах, номенклатуре, в прокоммунистически настроенных социальных силах и движениях. И не менее тяжко то, что продолжает доминировать «социалистическая» атмосфера трудовой расслабленности, атрофии нацеленности на систематический напряженный труд, настроя на опеку и милость государства-благотетеля, требовательного иждивенчества, стремления поскорее выбить из общего котла побольше благ, начисто исключив возможные потери от риска и рыночной стихии, с одной лишь надеждой на «порядок» и «дисциплину».

Второе, прямо относящееся к сегодняшнему дню, — это расцвет дикого рынка, спекулятивного «капитала» и, пожалуй, даже не капи-

тала, а просто обогащения настырных и изворотливых перекупщиков, финансовых комбинаторов, дельцов «теневого» экономики. И тут не просто издержки первоначального накопления – неизбежной фазы становления рыночной экономики, а скорее результат паразитирования на бесхозной «общенародной» собственности с вытекающей отсюда нацеленностью не на последующее вложение капитала в хозяйство, в промышленность, а на новые финансово-посреднические ухищрения. Помимо всего иного все это создает искаженный образ будущего «капитализированной» России, страшного и безысходного, по представлениям немалого числа людей.

И вот в этой тяжелой обстановке не так уж трудно сбиться с магистрального курса – развития страны в направлении к свободному саморегулируемому обществу. И прежде всего – по очевидной и понятной причине, связанной с необходимостью принятия неотложных мер с целью выхода из углубляющегося кризиса, стабилизации обстановки в стране. И также по причине тех тяжелых реалий, о которых только что говорилось, реалий, которые как будто бы с железной необходимостью требуют известного «отката назад» – «сильной руки» и еще более – сохранения и упрочения доминирующих государственных начал в экономике, «госзаказа», «плана», могущественной собственности – так, как это характерно, например, для реформаторских преобразований в Китае.

Грозная опасность

Но дело не только в возможном и для части людей желанном «откате назад» – в сохранении, консервации и упрочении могущественной государственной собственности. И даже не в том, что «стабилизационные», «упорядочивающие» меры несомненно укрепляют консервативные круги, идеологию «державности», преимуществ «китайского пути».

Суть дела – в уже развертывающихся процессах, происходящих под эгидой перехода к «рынку». Ведь, ограничиваясь общими фразами о «рынке»... мы в общем-то продолжаем говорить неправду и лукавить. Ибо, как уже не раз отмечалось ранее, восходящее экономическое развитие обеспечивает не сам по себе «рынок», а капиталистический уклад хозяйствования.

Если же перспективу намеченных перемен связывать только с самим по себе «рынком» и не видеть всю сумму условий и факторов, которые предопределяют действенность капиталистических отношений

(приоритет частной собственности, ее безусловная защита, жесткая нацеленность на экономическую результативность, на преимущественные «вложения» доходов в экономику, налоговая поддержка таких вложений, иные привилегии для инвестиций и др.), то ожидаемые перемены никогда не произойдут и мы войдем в новую фазу застоя, что сейчас, кажется, уже и происходит. Такую фазу, когда опять-таки возобладают авторитарно-тоталитарные тенденции.

Самое же тревожное в разворачивающихся процессах, проходящих под эгидой «просто рынка», вот в чем.

В ходе проводимых ныне «рыночных» акций (освобождение цен, приватизация в нынешних ее формах) не только не решается, но, пожалуй, даже отодвигается основополагающая задача реформирования экономики — формирование капитала на основе либеральной частной собственности, более интенсивное вложение в экономику имеющихся ресурсов, с тем чтобы заработал механизм восходящего экономического саморазвития.

Напротив, создается впечатление: все, что производится в стране, немедленно, без остатка бросается на удовлетворение текущих нужд, на потребление, проедание (этим, даже с неким восторгом, обосновывается то иллюзорное «достижение», когда в обстановке безумия цен и падающего производства для работников государственной промышленности поддерживается высокий уровень заработной платы). И плюс к тому — приватизация, осуществляемая путем подушной задачи части госсобственности в виде приватизационных чеков (ваучеров), когда главенствующим в экономике вновь стал этико-политический, социалистический принцип «социальной справедливости»; и это приводит, в сущности, к распылению капитала, к появлению наряду с собственниками-производителями все большего числа нищенствующих собственников-рантье.

Более того, и это самое страшное. Если ограничиваться безмятежными, убаюкивающими формулами о «рынке» и не видеть того, что общество уже вступило в полосу суровых, жестких явлений, именуемых «капитализмом» (пока, увы, периода первоначального накопления дикого рынка), то мы можем не заметить, если угодно, проспаться и проговорить ту жуткую перспективу, которая в наших драматических посткоммунистических условиях уже реализуется и, не исключено, довольно скоро может стать необратимой реальностью.

Дело в том, что в обстановке еще сохраняющегося советского авторитарного строя, где до сей поры господствуют бюрократическая государственная собственность и «всевластные» Советы, плотным коль-

цом сжимающие «очаги демократии», преемником социалистической системы хозяйствования становится не классический капитализм и тем более не его обнадеживающая перспектива — «народный капитализм», а — на основе чуть обновленной, акционированной государственной собственности — **монопольный номенклатурный квазикапитализм**, который, войдя в унию с теневым, криминальным капиталом, может на долгие годы превратиться в несокрушимую, утверждающую господство былой и новой номенклатуры крепость.

Именно в этом направлении развернулась в последнее время номенклатурная приватизация, которой, приходится сожалеть, вовсе не препятствуют нынешние официальные ее формы — сплошное акционирование и подушная раздача по ваучерам части госсобственности.

Некоторые черты нового чудовищного монстра — номенклатурного монопольного квазикапитализма — становятся очевидными уже в настоящее время; это наряду с тенденцией к авторитарному режиму, реализуемому под лозунгами «дисциплины» и «порядка», — безжалостное господство монополизированной экономической системы над потребителем, произвол и свобода манипуляций в отношении населения коррумпированного номенклатурного капитала.

Шанс

В современных, отчаянно тяжелых условиях, переживаемых Россией, вероятность «отката назад» и, что еще более трагично, скатывания российского общества к номенклатурному квазикапитализму велика.

Но не все потеряно. Есть и иной вариант, другая, обнадеживающая, уже оптимистическая, перспектива, соответствующая одной из значительных тенденций в современном капиталистическом мире. Это — довольно отчетливые шаги в ряде передовых демократических стран в сторону «народного капитализма», который отличается доминированием среднего класса, развитыми социальными отношениями, а в экономике — широким распространением мелкого и среднего бизнеса, свободой конкуренции, простором для экономической самостоятельности, правовой обеспеченностью рыночных и социальных отношений и, что особенно существенно, все большим удельным весом прямого участия производителей в отношениях собственности, в том числе путем формирования предприятий с групповой, соединенной («коллективной») частной собственностью самих работников.

Такое развитие «традиционного» капитализма согласуется с аналогичными тенденциями в политической и духовной жизни демократических стран: к углублению, начал последовательного либерализма, обретению фундаментальными правами и свободами человека статуса центрального звена политико-правовой системы, дальнейшему возвышению правосудия, утверждению в жизни людей вечных духовных ценностей в качестве проритетных.

Думается, что в России для перехода к современному гражданскому обществу имеются благоприятные предпосылки, к счастью, не изничтоженные советским тоталитарным строем, воинственно-коммунистической идеологией. Ведь многие российские ценности, которые в годы коммунистического режима изображались порой чуть ли не в виде «элементов социализма» (хозяйское подвижничество и сноровка, артельный труд и др.), на самом деле пусть и отдаленные, но все же ценности.

С этой точки зрения ориентация на усвоение отечественных ценностей и накопленного на Западе опыта, на использование уже выработанных здесь институтов, утверждающих антимонопольные меры, поощряющих мелкий и средний бизнес, «народные» предприятия (уже более чем в двадцати развитых демократических странах существует законодательство, стимулирующее образование предприятий с групповой ответственностью), может придать целенаправленный характер демократическим реформам в России.

Опорные точки

Тот экономический уклад, а по сути дела, целостный общественный строй, который может быть назван современным гражданским обществом, имеет ряд взаимоувязанных характеристик, относящихся и к экономике, и к политической сфере, и к духовной жизни общества. Этот строй не «изобретен», не «выдуман», а рожден самой жизнью, естественным ходом развития – историей. Его стержень образует современный, модернизированный капитализм, раскрывающий свои достоинства как здоровая, динамичная, хотя и суровая, экономическая система в условиях доминирования среднего класса, последовательного либерализма, развитых социальных отношений, достаточно отработанных и скоординированных между собой институтов демократии, права, правосудия.

И понятно, формирование такого современного гражданского общества – относительно длительный процесс, проходящий сложным

путем «проб» и «ошибок» через драматические испытания, тяготы, возможные сбои и потрясения.

В этом сложном, многогранном процессе все важно: всякого рода «мелочь» — не мелочь. И все же, в особенности с учетом наших своеобразных посттоталитарных условий и самобытных российских ценностей, могут быть выделены ключевые звенья — «точки опоры», которые имеют отправное значение и с ориентировкой на которые реформаторские усилия, надо полагать, способны круто изменить ситуацию, придать общественным процессам последовательно демократичный прогрессивный характер. Это:

- либеральная частная собственность;
- частное право;
- возвышение человека.

Либеральная частная собственность

Либеральная (свободная) — это такая частная собственность, которая функционирует в условиях экономической свободы и состязательности, находится вне диктата и произвола государственной власти, иных монопольных образований и систем.

Достижима ли такая либеральная (свободная) частная собственность? Да, достижима; иначе сама постановка вопроса о свободном обществе оказалась бы бесплодной.

Но при этом есть, по крайней мере, два пункта, по которым в «нашенских» постсоветских условиях нужно с предельной четкостью определить концептуальные позиции и желательно уже сейчас внести коррективы в проводимую ныне приватизацию: и с точки зрения оценки соответствующих новаций, и с точки зрения необходимости внесения уточнений в осуществляемые приватизационные меры.

Первый пункт. Приватизация в России только тогда даст желаемый результат в кардинальном обновлении общества, когда будет взят ориентир не на смешанную, корпоративную и т.д., а именно на либеральную частную собственность, которая откроет путь к прямой прикосновенности большинства членов общества, «хозяев дела», производителей к вещественному составу собственности, к идущим от нее импульсам активности и ответственности.

С этой точки зрения едва ли оправданно то обстоятельство, что из наших подходов, оценок и даже лексикона как-то ушла в сторону са-

ма постановка вопроса о разгосударствлении. Между тем корень проблемы преобразования собственности в посттоталитарной России, понимаемой в последовательно либеральном плане, — это преодоление вседесущего, бесконтрольного господства монопольной государственной собственности.

К сожалению, используемые ныне официальные формы приватизации — аукционы, конкурсы, акционирование предприятий без передачи контрольного пакета акций трудовому коллективу — подобную задачу сами по себе не решают или решают ее частично, а образуящиеся на их основе официозные институты (такие, как отраслевые концерны, холдинги, российские фонды) могут даже такое всеильное господство госсобственности, теперь в «приватизационном облике», легализовать и консервировать.

И второй пункт, не менее, а быть может, и более, существенный. В результате приватизации в экономике должны появиться «хозяева дела» — активные и ответственные. Но откуда же им взяться, когда значительная часть обладателей большого «денежного мешка», новоявленных миллионеров, успешно участвующих в аукционах и конкурсах по приобретению госимущества, — это вовсе не деловые люди, не трудяги-бизнесмены, а нередко удачливые, ловкие и находчивые перекупщики и финансовые деятели, научившиеся извлекать в нашем бесхозном огосударственном хозяйстве миллионы «из воздуха»?

Действительные предприниматели, реальные хозяева дела, производители-собственники сосредоточены в наших условиях в трудовых коллективах и частично еще, пожалуй, в «директорском корпусе».

Значит, сама логика жизни приводит к тому, чтобы в качестве приоритетного направления осуществлять реальную народную приватизацию через трудовые коллективы, с включением в этот процесс тех организаторов производства, «директоров», которые настроены по профессиональным навыкам, по экономическим и моральным устремлениям на «рыночную волну» и которые, включившись в коллектив, могут возглавить его как коллектив собственников или работать по найму в качестве управляющих.

Такое направление приватизации, способное, по основательным расчетам, привести к формированию в России общества собственников на началах либеральной частной собственности, встречает немало возражений, в том числе демократически настроенных официальных лиц, полагающих, что подобный путь является чуть ли не «просоциалистическим», ведущим к образованию новых «колхозов».

Увы, такие возражения не учитывают самой природы собственности, мирового опыта, наших отечественных реалий и ценностей. Приведу некоторые соображения по указанным моментам.

Прежде всего необходимо сказать еще раз, что собственность в экономике тогда собственность и лишь тогда она приводит к процветанию общества и благосостоянию людей, когда происходит соединение ее вещественного состава (средств производства, орудий труда) с рабочей силой. Из трех основных способов такого соединения (принуждение к труду, наем, работа на «своей» собственности) логика цивилизации неумолимо ведет от принудительных форм к свободным. К тому, чтобы производитель был хозяином, трудился на «своей» собственности.

Вот почему — и об этом свидетельствует высокочисленный мировой опыт — во всем мире, и прежде всего в передовых, промышленно развитых странах, в противовес монополиям набирает силу процесс формирования групповой частной собственности, частной собственности самих производителей, приватизации «рабочих мест».

Теперь о наших отечественных реалиях. Действительно, и «директорский корпус», и современные трудовые коллективы в немалой степени деформированы растратными методами хозяйствования и иждивенческой психологией (потому-то автор этих строк до сей поры убежден: лучшим путем перехода к соединенной частной собственности была арендная «школа собственности» — путь аренды с выкупом, когда отсекаются просоциалистические, растратно-иждивенческие наслоения и коллективы вместе с организаторами производства овладевают «собственнической наукой»).

И все же более безболезненного и оптимального пути приобщения производителей к собственности, преодоления растратно-иждивенческой психологии, кроме как приватизация через трудовые коллективы, в наших отечественных условиях просто нет.

При этом, разумеется, нужно трактовать возникающую здесь собственность не как некую «общественную», тем более не как «социалистическую», а как одну из передовых разновидностей современной частной собственности — групповую, соединенную собственность самих производителей, определяя соответствующим образом весь спектр складывающихся здесь организационных имущественных отношений.

И если даже не рассматривать соединенную, групповую собственность в виде конечного итога приватизации, т.е. уже завершённой основы частнособственнического хозяйствования (хотя опыт МН-ТК «Микрохирургия глаза» С.Н. Федорова, ряда других коллективов — очевидное подтверждение благотворной эффективности и та-

кого результата), то вполне оправданно видеть в ней промежуточное звено, позволяющее органично перейти к любой иной частнособственнической структуре, в том числе индивидуальной, кооперативной, и в то же время уже сейчас решить в высшей степени важные задачи. Здесь:

– во-первых, уже происходит отрыв хозяйствующего субъекта-товаропроизводителя от государственной бюрократической системы;

– во-вторых, удовлетворяются интересы производителей, а следовательно, начинает работать экономика, и плюс к тому предупреждаются возможные резкие протесты; не исключены жесткие действия производителей, которые в соответствии с нынешними официальными формами получают в основном не ожидаемую собственность для своей работы, а увеличение числа акционеров, в сущности раньше, предвкушающих дивиденды от их работы;

– и в-третьих, достигается главное – происходит приобщение производителей к отношениям собственности.

Последний из указанных моментов особенно значим.

Ведь самое страшное разрушительное последствие многодесятилетнего господства советского коммунистического режима – это резкое отчуждение трудящихся от собственности, объявленной «общенародной», но реально сосредоточенной в руках монополиста – государства, ведомств. Отсюда – утрата естественных стимулов к напряженному высококачественному труду, разрушение трудовой морали, паразитирование и всепроникающее иждивенчество, упование на благодетеля-государство, рабская покорность перед всеильными чиновниками, ожидание от них милости, пайковых благ. Решительно изменить такую атмосферу, приведшую к обессиливанию общества, утрате им жизненной энергии, может только (только!) приобщение каждого производителя, каждого труженика, притом на его рабочем месте, к собственности, которая только одна и способна зарядить людей производительной энергией, творческой активностью и ответственностью за дело.

Впрочем, здесь нужно продолжить поиск таких организационно-правовых форм, которые, как и арендная форма (а от нее мы поспешно отказались), могли бы стать школой собственности, формировать дееспособные коллективы собственников.

Думается, что здесь возможно создание **обществ производителей**, которые можно было бы «вписать» в существующие организационно-правовые институты – акционерные общества открытого и тем более закрытого типов.

И наконец, о самом существенном. О том, что приватизация, осуществляемая трудовыми коллективами в надлежащих организационно-правовых формах, позволяет, можно уверенно надеяться, плодотворно использовать исконно российские ценности.

Если на Западе важнейшей предпосылкой, предопределившей утверждение эффективного рыночного хозяйства, стала протестантская этика индивидуализма, а в Японии, некоторых других странах Азии — семейные традиции и отеческое попечительство, то в России аналогичную роль, наряду со всем другим, может сыграть, как уже не раз говорилось ранее, артельная форма организации труда.

При этом хотелось бы обратить внимание на то, что русская артель, хотя генетически каким-то образом и связана с общиной, сформировалась в России применительно к динамичным и жестким капиталистическим условиям в качестве «товаропроизводящей» производственной ячейки, всецело направляющей свою деятельность на хозяйственный результат.

Думается, даже в растратно-плановой обстановке советского хозяйства именно артельная форма лежала в основе тех выбивающихся из общего «серенького» уровня форм трудовой деятельности, которые демонстрировали «студенческие строительные отряды» и их продолжатели — «отряды строителей» МЖК.

Да и передовые «арендные предприятия», а также «коллективные предприятия» (и именно там, где они достигли заметных успехов) выступили в качестве продолжателей «дела русской артели»; и это тем более важно подчеркнуть потому, что упомянутые предприятия уже выражают определенный уровень приватизации государственных имуществ, подтверждая тем самым, что современная «русская артель» хорошо совмещается с групповой, соединенной частной собственностью.

Итак, ключевой пункт в сфере проводимой ныне приватизации, по убеждению автора этих строк, — прямое соединение приватизированных имуществ непосредственно с производителями, в том числе обретение собственности обществами производителей, в рамках которых возможна реализация одной из российских ценностей, достоинств артельной формы организации труда. Не исключено, что это в современных «нашенских», российских, условиях оптимальный и короткий во времени, быть может, единственный путь к тому, чтобы ожила и заработала умирающая ныне экономика и чтобы она начала свое движение к рынку, к деловому освоению достоинств современного модернизированного капитализма. При этом, понятно, должны быть в полной мере использованы и все иные, индивидуальные и се-

мейные, формы частнособственнического хозяйствования. Особенно — в малом и среднем бизнесе. Важно лишь, чтобы действительно восторжествовала либеральная частная собственность, собственность, не связанная ни государственной властью и идеологией, ни диктатом каких-либо монополий.

Частное право

То, что законы, юридические нормы необходимы для демократии и рынка, общеизвестно. И все же, думается, первостепенная роль надлежащей правовой основы для утверждения в российском обществе рынка и демократии до сих пор откровенно и даже в чем-то демонстративно недооценивается. Во всех «рыночных прописях» — и в официальных, и в оппозиционных — подчеркнуто говорится о частной собственности, свободных ценах, о предпринимательстве, маркетинге, акционировании и т.д. и т.п. Ну, а право? Оно, конечно, нужно, но оно, принято считать, далеко не самое важное, не первостепенное, о чем можно специально и не говорить.

Почему?

Прежде всего, надо полагать, потому, что такова, увы, сохранившаяся ортодоксальная марксистская традиция. Марксистская доктрина отводила праву, закону, правовому опосредованию экономических отношений вспомогательную функцию не очень-то уж обязательной «формы», которая может даже искажать истинную суть объективных экономических процессов. Надо добавить к этому и то еще, что опять-таки в силу марксистской, советской традиции с экономикой связывается право «вообще», право «в целом», «хозяйственное право» (а это право в советских условиях было правом тоталитарного типа, приспособленным не для рынка и демократии, а для авторитарного режима).

Между тем для свободного общества необходимо не просто право, не любая и всякая юридическая система, а **частное право**. Во всех «рыночных», демократических странах, во все эпохи по-настоящему рыночное и тем более классическое капиталистическое хозяйство если уж не «начиналось», то во всяком случае крупномасштабно развертывалось на основе развитого и отработанного гражданского законодательства, т.е. частного права.

Частное право — это не что иное, как признание и обеспечение в обществе сферы абсолютной свободы частного лица — граждан, их объединений, иных субъектов, осуществляющих свободную эко-

номическую деятельность, и в этом отношении оно не просто предпосылка, условие, элемент рынка и демократии, а экономико-юридическая инфраструктура свободного общества (независимо от того, в каком облике и в какой степени оно реализовалось, раскрылось).

Частное право, следовательно, образует ту среду, точнее, то необходимое «поле благоприятствования», которое только и может дать реальную жизнь частной инициативе, предпринимательству, рынку, собственной экономической и политической активности.

Так что в итоге получается, что дело не просто в праве, а именно в частном праве. И именно оно, частное право, становится ключевым звеном демократических преобразований в экономике, во всем обществе.

В России в дооктябрьское время сложились известные предпосылки для развития частного права. Быть может, не такие уж выдающиеся, особо благоприятные (напротив, здесь оказались сильными противоборствующие факторы — общинные нравы, особенно в земледелии, православная «расслабленность»), но все же имеющие серьезные исторические корни — в свободном русском землепашестве, в первопреходческих деяниях поморов, сибирских «мужиков» в русском развитии «торговом капитализме» и, что особенно существенно, в спонтанно развивающейся русской цивилистике, в русском гражданском и торговом праве, имевшем довольно глубокие корни в византийском праве и занявшем в начале XX века заметное место в мировой юридической культуре.

После октября 1917 года все это рухнуло. Воцарилось право тоталитарного облика — в сущности произвол, облагораживаемый атрибутами «права». Но и ныне существующее, действующее право России, хотя и порвало с тоталитаризмом, таково по своему содержанию, что оно не готово к тому, чтобы рыночная экономика и демократия получили юридически надежное обеспечение.

Конечно, в ходе преобразований, начавшихся с середины 1980-х годов, и особенно в 1990—1992 годы, сделано немало для того, чтобы придать новые черты советским правовым институтам и учреждениям, приспособленным в пору сталинского и брежневского тоталитаризма для обслуживания коммунистического режима. Устранены из всех сфер российского законодательства, прежде всего конституционного, уголовного, административного, процессуального, многие установления, целые институты, которые в той или иной форме легализовали беззакония и репрессии, своеволие администрации и чиновничества. Шаг за шагом началось высвобождение права из-под идеологическо-

го гнета, государственной лжи и самообмана, прикрываемых штампами «советское», «социалистическое». И особенно существенное — это принятые в России новые радикальные законы: о собственности, о предпринимательстве, по социальным вопросам, ряд других. Учрежден и показал свою конструктивность Конституционный суд России; развертывает свою высокозначимую работу Арбитражный суд.

И все же есть вполне достаточные основания утверждать, что сегодняшняя правовая система России еще не готова к тому, чтобы в стране было создано действительное правовое государство, чтобы утвердились достаточные и надлежащие правовые устои демократии и рынка.

И дело не только в том, что в России не завершен процесс конституционного обновления, сохранилось в законодательстве достаточное число дыр и брешей, да и в принятых законоположениях немало половинчатых решений, огрехов, недоработок.

Надо видеть здесь и более серьезные, основательные причины. Существующая в России правовая система остается еще в целом огосударственной, построенной во всех своих подразделениях на началах публичного права, т.е. такой, когда она соответствует не демократическому, не правовому, а авторитарному строю жизни общества.

Ведь правовую систему страны нельзя представлять себе как простую сумму действующих в данное время законов, других юридических документов. Это именно «система» — сложный, многозвенный, «объемный» организм, который наряду с законами включает ряд иных компонентов (систему судебных органов, всех юридических учреждений, господствующую правовую идеологию, состояние правосознания населения, сложившиеся юридические традиции и обыкновения), а главное — отличается заложеной в нем «духом», «сущностью» устойчивой настроенностью, которая опираются на господствующие в обществе экономические и политические институты, в нынешнем российском обществе — на пока еще не преодоленную, монопольную государственную собственность, «всевластные» Советы.

Этот неистребимый публичный дух, настроенность на доминирование императивного государственного диктата проскальзывает, казалось бы, в незначительных огрехах, мелочах и частностях законов (то в «дополнительных» полномочиях государственных инстанций, то в «исключениях», то в усложняющих процедурах, в «каучуковых» формулировках и т.д.). Но и эти, казалось бы, частности, уточнения и исключения, а еще более общий императивно-государственный подтекст всего массива действующего права создают такую непреодолимую вязкую среду, в которой тонут, обессиливаются, порой превра-

щаются в свою противоположность самые отработанные демократические законоположения.

Российское общество, таким образом, нуждается в том, чтобы произошла крутая и решительная смена координат в правовой материи, принципиальное изменение самой «сути», «настроенности» правовой системы, самой ее «органики».

Словом, назрела необходимость того, что с известной долей условности может быть названо **приватизацией права**. Право из огосударственной в целом системы, где во всех ее подразделениях так или иначе доминируют публичные начала, из «государственной воли, возведенной в закон» должно превратиться в правовую систему, где юридический приоритет принадлежит воле и интересам человека. На место «юридической надстройки», целеустремленной на «кару», «запреты», «порядок», должно заступить великое достижение цивилизации, воплощающее начала справедливости, равенства и возвышения личности, — система институтов, построенная на правах и потому названная «правом». Только тогда окажется возможным формирование действительно правового государства, а рынок и демократия получат надежные правовые устои.

Отсюда как раз и следует, что проблема проблем нынешнего времени — это воссоздание частного права, его возвышение, обеспечение его достойного, высокого места в правовой системе.

Если в тоталитарном обществе, как это и освящено советской правовой доктриной, доминирующее положение занимают отрасли публичного права (конечно же необходимого при любом общественном строе) — право уголовное, административное и др., то в правовой системе демократического общества на первое место выдвигается частное, гражданское право, которое делает реальной, обеспеченной экономическую свободу, дает «частным» лицам такую юридически защищенную и притом обширную обитель для свободной экономической деятельности, куда, за исключением случаев, предусмотренных законом, заказан вход государству; это сфера полного господства частных лиц, решения которых — внимание! — становятся тем не менее юридически обязательными, и государство обязано их поддерживать, обеспечивать.

Вот почему в современных условиях острая задача, задача первоочередной важности — это завершение работы над Гражданским кодексом Российской Федерации, его скорейшее принятие, а вслед за тем разработка и принятие всего «пакета» основанных на нем юридических документов: законов о купле-продаже и поставках, о бан-

ковском деле, строительном подряде и т.д., включаемых в Торговый кодекс, ряд других нормативных документов. И — что не менее существенно — придание Гражданскому кодексу, всему Гражданскому законодательству высокого статуса в правовой системе, статуса, близкого к конституционному уровню. Тем более что Гражданский кодекс, вполне оправдывая свое наименование «гражданского», действительно является своего рода конституцией гражданского общества.

Возвышение человека

Можно утверждать, что без изменения статуса человека в России — увы, пока еще в немалой степени советского «человека-винтика», неотделимого от «массы», — без резкого его возвышения, обретения им высокого достоинства, уровня культуры и понимания своей самоценности, без всего этого никакие преобразования в собственности и в праве не дадут ожидаемых результатов. Общество собственников, граждан, исповедующее принципы демократии и рынка, только тогда и возможно, когда в общественной жизни участвуют активные, уверенные, знающие себе цену люди, для которых высокое достоинство — на первом месте.

С горечью приходится свидетельствовать, что до нынешнего времени даже многие реформаторы рассматривают россиян как некое безликое «население», удел которого — следовать предначертаниям руководителей и вождей. Поражает, что нередко при обращении к людям в связи с множющимися трудностями доминирует мотив «потерпеть», «вынести беды», а не линия на то, чтобы люди настроились на активность, напористую работу, инициативу, риск и собственную ответственность.

Как это ни покажется удивительным, здесь, на этом решающем участке демократического преобразования России, главенствующую роль должны сыграть не пропагандисты и митинговые ораторы, а культура и искусство, поэты и гуслиры, знатоки российской древности и приверженцы веры в человека, в его разум и высокое предназначение.

В российском обществе должно быть достигнуто понимание того, что возвышение человека требует утверждения в нашем обществе абсолютных и нерушимых **прав и свобод человека**, в первую очередь — его **высокого достоинства**.

И данный ключевой элемент наших преобразований в России имеет свои корни и традиции. Это — и высокое «дворянское достоинство», и честолюбивый былинный российский дух, да и просто звание «россиянина», и др. Таких корней и традиций у россиян, пожалуй,

не меньше, чем в других, самых передовых демократических странах. Ведь даже во Франции и в Соединенных Штатах Америки, уже в конце XVIII века сделавших решительные шаги на пути утверждения институтов демократии, начал разделения властей, парламентаризма, лишь в последние десятилетия фундаментальные права и свободы человека становятся основополагающими государственно-правовыми ценностями.

В противовес укоренившемуся слою российской действительности — сословной иерархии, нравам «боярства» и «холопства», психологии крепостничества и «человека-винтика», покорности и смирения, в противовес всему этому абсолютные права и свободы человека, и прежде всего его высокое достоинство, призваны возвысить человека, сделать из него активного и ответственного гражданина, готового взваливать на себя бремя предпринимательства, хлопотного дела и риска, человека, способного к самостоятельной, напористой деятельности в экономике, в социальных и политических делах.

Конечно, это и проблема российского конституционного развития, создания действительно демократической Конституции, которой до сих пор в России так и нет. К великому сожалению, до сей поры вопросы будущей демократической Конституции России, как и в прежние времена, концентрируются «вокруг самой власти» — то ли парламентарная республика, то ли республика президентская, то ли еще какой-то «смешанный» вариант.

Между тем рубежом отсчета для решения всех конституционных вопросов, альфой и омегой всего конституционного строя должны стать нерушимое достоинство человека, его абсолютные права и свободы, а в этой связи независимое и сильное правосудие, способное обеспечить безусловную защиту прав людей. С этой точки зрения вопросы организации государственной власти — президентской, парламентарной и т.д. — вопросы второго порядка; разве что необходимо достигнуть «умеренности» государственных институтов, исключаяющей самую возможность их превращения в институты авторитарной, абсолютной диктатуры, да требует самостоятельного высокозначимого подхода статус и организация муниципального самоуправления, через которое каждый человек «на месте» должен находить удовлетворение своих интересов, защиту и правовое покровительство.

Казалось бы, достоинству человека, его правам и свободам в России придано ныне должное значение (принята Декларация прав и свобод, она включена в действующую Конституцию, четкие позиции по данному кругу вопросов занимают парламентские учреждения,

другие учреждения и ответственные лица). И тем не менее достоинство человека, его абсолютные, нерушимые права до настоящего времени не превратились в центр всей государственной и общественной жизни, не стали той силой, которая возвышает человека, рассчитана на его активность, самоутверждение, на его разум и великое предназначение на Земле.

Трудный путь

Было бы наивно полагать, что, обозначив упомянутые «точки опоры» и сосредоточив на них свои усилия, можно в мгновение ока перевернуть наш искореженный посткоммунистический мир, жизнь и человеческие судьбы в России.

Здесь все в тысячу раз сложнее.

Крах тотальной коммунистической системы в российском обществе породил несчетное множество проблем, каждая из которых — кричащая, острая, требующая незамедлительного решения: беженцы, обездоленные инвалиды, неустроенная молодежь, нескончаемый дефицит всего и вся, приходящие в негодность транспорт, жилищный фонд, подступающая со всех сторон экологическая катастрофа и пр., и пр., и пр.

А тут еще половинчатые, неверные шаги в годы перестройки, а затем, спустя некоторое время после августовского путча, наше извечное российское революционное нетерпение — безоглядный прыжок в свободные цены, в «шоковую терапию», которая хотя и встряхнула, отрезвила общество, повернула людей лицом к жестким экономическим реалиям, но одновременно обернулась дальнейшим обеднением общества, стремительным падением производства, новым оскудением жизни людей, едва переносимыми тяготами.

Чего скрывать, многое говорит за то, что будущее грозит российскому обществу новыми потрясениями, испытаниями, жесткими проверками на прочность и еще более — на нашу способность к активности, на крепость воли и умение преодолевать любые невзгоды. Ведь ясно же, что неизбежно придется принимать крутые меры в борьбе с преступностью, коррупцией, лихоимством, каким-то образом усмирять взвившуюся инфляцию, спасать от голодной гибели детей и стариков, поддерживать гаснущую жизнеспособность народного хозяйства, здравоохранения, культуры, науки. По-видимому, в этой связи никуда не уйти от крутых шагов по обеспечению действенности ис-

полнительной власти, усилению работы исполнительной администрации, упрочению твердой законности.

Но при всем при том в этом поистине безбрежном потоке острых проблем не дай нам бог потерять перспективу — неотступное движение к свободному демократическому обществу — и те «точки опоры», те «маячки» — либеральную частную собственность, частное право, права и свободы человека, — которые должны светить нам в самое трудное, непроглядное время на всех поворотах и сломах сегодняшнего и завтрашнего бытия и в итоге вывести российское общество не только из, кажется, нескончаемого кризиса, но и к действительной свободе, на путь прогресса и обновления.

* * *

Мы долго грезили социализмом. В последние годы (автор этих строк относит это прежде всего к себе) стремились «выжать» из социалистических представлений все, что могло бы быть поставлено на службу демократическим преобразованиям, свободе, благополучию людей.

А людское благополучие, идеалы свободы и, пожалуй, все то рациональное, что характерно и для исходных социалистических представлений, подступили к нам совсем с другой стороны — со стороны системы общественных отношений, которые под именем «капитализма» были преданы анафеме и прокляты, казалось, уже навсегда, но которые в передовых своих институтах, в условиях гуманизма и духовности, освоения высоких российских ценностей дают все же нам дальнюю оптимистическую перспективу благополучной и достойной жизни людей.

Стратегия реформ

1995

НЕСКОЛЬКО ВСТУПИТЕЛЬНЫХ СЛОВ

Мы все привычно думаем, что в России происходит — плохо или хорошо, но все же происходит — переход от коммунистического, военизированного тоталитарного строя к строю демократии и рынка.

Это не так. Точнее — не совсем так. Понятно, в России начиная с 1985 года какие-то элементы общественной жизни, относимые к тоталитаризму, устранены, изменены или смягчены, появились приметы современного потребительского рынка, утвердились некоторые демократические принципы и институты.

Но это все лишь крупинки, и далеко не всегда самые значимые, того, что свидетельствует о переходе от тоталитаризма к современному демократическому обществу.

В целом же — я возьму на себя риск и ответственность утверждать — в нынешние дни мы оказались дальше от желанной цели (демократии и рынка как элементов современной цивилизации), чем были в 1991—1993 годах, во время крушения основных устоев тоталитарного режима. И результат происшедших перемен оказался совсем иной, нежели тот, который провозглашался и ныне провозглашается.

И тем, кто посвятил себя демократическому преобразению России, придется во многом начинать сначала. Нужно только, чтобы более четко и ясно была определена СТРАТЕГИЯ РЕФОРМ.

Россия: что случилось?

1. НЕОТВРАТИМАЯ СУДЬБА

Под прикрытием «переходного общества»

Принято считать, что российское общество в настоящее время — общество переходное. Да, наверное, это так (хотя по всем данным нужно более четкое представление по вопросу: переходное от «чего» к «чему?»).

Но мало кто отдает себе отчет в том, что под эгидой и под прикрытием этого, будто бы просто «переходного» общества уже сложился и во всю функционирует некая «еще неполная демократия» и не некий «формирующийся рынок» (как утверждают отдельные деятели и специалисты), а особый строй, представляющий собой худшую разновидность капитализма и одновременно — прямое продолжение советской огосударствленной системы, — номенклатурный криминальный государственный капитализм.

Откуда же взялось это чудище?

Близкий прародитель

Утвердившийся ныне в России номенклатурный криминальный государственный капитализм — это не только и, пожалуй, даже не столько последствие неудачно проведенных реформ, тем более что реформы имеют и известные плюсы. В первую очередь он представляет собой логическое следствие прошлого, прямое продолжение ранее существовавшей в советском обществе экономической и социальной системы. Той системы, с которой наша страна подошла к середине 1980-х годов и которая имеет по крайней мере три разнородных элемента.

Остановимся пока на следующих двух.

Первый элемент — это порядки и отношения, имеющие в общем социалистическую окраску. Да, в России после 1917 года стали складываться некоторые, пусть и не всеобъемлющие, порядки и отношения, которые можно отнести к социалистическим или просто отвечающим общим элементарным человеческим потребностям, с которыми по большей части связываются социалистические представления.

На главенствующее место среди них я бы поставил утвердившуюся после 1917 года в ряде слоев населения, в среде молодежи атмосферу энтузиазма, подвижничества и связанные с ней нравы и требования моральной чистоплотности, товарищества, порывы «чистой» гражданственности, патриотизма, охвативших многих людей в начале Отечественной войны (все это, хотя и затухая, деформируясь, все более превращаясь в «двойную мораль», просуществовало до 30–40-х годов). Сюда же относятся порядки бесплатного образования, здравоохранения, заботы о детях, о развитии культуры, науки, существовавшие в то время.

Слов нет, отмеченные «позитивы» имели и другую сторону: в ряде случаев они были выражением режима азиатско-коммунистической системы, базировались на благах, добываемых каторжным трудом, втягивались в систему гигантских фальсификаций. Да и вообще известные элементы существовавших социалистических порядков и отношений оцениваются теперь как нечто такое, что близко к «гарантированной пайке» и «месту на нарах». Но при всем при том это имело для немалого числа людей и светлые стороны, создавало для них настроение надежности, уверенности, которые в нынешнюю пору вызывают оправданные ностальгические воспоминания.

На этом в общем-то плюсы советского «социализма», несмотря на упорные сверхусилия как-то реализовать другие коммунистические начала, пожалуй, и заканчиваются.

Второй элемент – институты и принципы, которые обычно признаются в качестве достоинств социализма (общественная собственность; возможность централизованного управления; планирование хозяйственной деятельности и распределительных отношений) и которые в действительности представляют собой особенности азиатско-теократической (у нас азиатско-коммунистической) системы с характерными для нее предельно огосударственным, идеологизированным экономическим строем, стимулами труда, базирующимися на принуждении и коммуно-религиозном фанатизме, сочетаемыми, и то не всегда, с некоторой «материальной заинтересованностью».

Эта система потому и может быть названа азиатской, что исторически она, и прежде всего ее «видимая» часть – идеологизированная имперско-державная государственность, – известна по своей сути с самой глубокой древности (нередко ее именуют азиатским способом производства), была воспринята Россией с «азиатской стороны». После 1917 года это произошло на началах коммунистической идеологии и коммунистических порядков, а ее теократический характер нашел адекватное выражение в господстве неограниченной и не свя-

занной законом партийно-государственной диктатуре, что терминологически по большевистским словесным канонам именовалось «диктатура пролетариата».

Утвердившийся на территории бывшей Российской империи азиатско-коммунистический режим, именуемый «советским», «социалистическим», пожалуй, проявлял свою силу, некую «созидательную» энергию только в чрезвычайных обстоятельствах; у нас – при создании крупных промышленных объектов, на «стройках коммунизма», в формировании и функционировании военно-промышленного комплекса, при необходимости проведения массированных мобилизационных мер, осуществлении крупномасштабных военных акций.

Да и такого рода преимущества оборачивались гигантскими растратными потерями, многочисленными сбоями организационного характера, непомерным ростом управленческого аппарата, другими негативными явлениями, с которыми связаны принудительный труд и коммуно-религиозный фанатизм. Главное же – такое концентрированное оперирование ресурсами, производственными мощностями, самими производителями, кадрами строится на властно-административном командовании, носит репрессивный военно-коммунистический характер и, что еще более пагубно, как правило, основывается на принудительном труде рабовладельческого или крепостнического (наемно-крепостнического) типа. Тонко высказался на этот счет в самый канун социалистически-революционной бури один из крупных российских мыслителей, правовед – Б. Чичерин. По его словам, система, именуемая социализмом, неизбежно приведет к порядкам «наибольшей репрессивности и наименьшей продуктивности».

Итак, два элемента советского социализма нам известны: советское общество характеризовалось некоторыми социалистическими отношениями; его же основу, суть образывала азиатско-коммунистическая система. Каков же еще один, третий, элемент утвердившегося в советском обществе строя, именуемого социалистическим?

Исподтишка

Надо знать, исторические данные с математической точностью подтвердили то обстоятельство, что в конечном счете отмеченные «преимущества социализма» (общественная собственность, планирование и др.) при попытке придать им систематический характер, значение постоянного и единственного фактора экономического и со-

циального развития неминуемо оканчиваются тотальным крахом, экономической катастрофой.

Так было везде, без намека на исключение, — в Китае, Корее, Албании.

Так было и в Советской России, притом дважды. Первый раз по завершении послеоктябрьской гражданской войны, в 1921 году. Вторым раз (что менее известно) после «свертывания» нэпа, в 1930–1931 годах.

Не случайно азиатский способ производства, лежащий в основе советской коммунистической системы, всегда базировался не только на принудительном труде и религиозном фанатизме, но и на каких-то элементах «материальной заинтересованности», пусть убогих, нищенских, но все же как-то стимулировавших труд с материальной стороны.

Каким же образом советское общество в начале 1920-х годов выкарабкалось из экономической беды и, более того, продемонстрировало потом некие успехи в «строительстве социализма»? Ведь крохи «материального интереса», введенные в условиях военного коммунизма, соединенного с беспощадной Гражданской войной, уже исчерпали себя, не срабатывали; в 1920–1921 годах, в апогей нарастающего экономического краха, были «до конца» испробованы чисто коммунистические, бесплатные методы организации распределительно-бытовых отношений. Что же спасло ситуацию?

А весь секрет в том, что на третий — четвертый год после «великой революции» случилось то, что можно назвать и величайшей драмой, и всепланетным крушением надежд, и беспрецедентным по масштабам лукавством, а на деле — сокрушительным поражением «социализма». В России в 1921–1922 годах под туманным названием «новая экономическая политика» были возвращены в целях выхода из катастрофы те институты, во имя уничтожения которых и затевались «великая революция» и весь «социализм», — конкуренция, частная собственность, стимулы труда, основанные на прибыли. Хотя эти институты сразу же были поставлены в условия жестких ограничений, сдерживания, принципиального отторжения и было объявлено, что вообще-то это дело — временное: они прямо именовались госкапитализмом (запомним этот момент!) — институтами и началами частнособственнического, капиталистического характера.

Отказ от «капиталистических» терминов и словесное переодевание указанных институтов произошло позже, в 1930-х годах, когда после воцарения сталинской единой державной тиранической власти была предпринята попытка «отменить» нэп, институты госкапитализма, что сразу же повлекло всю экономику к новой гигантской экономической катастрофе. Тогда-то вслед за восстановлением (опять лукавым путем — через

«поправки к кредитной реформе») госкапиталистических институтов произошла в обстановке нарастающих фальсификаций, государственной лжи смена словесных вывесок: под лозунгом «победы социализма» были восстановлены госкапиталистические институты, по-прежнему ограниченные, ущербные, но теперь получившие наименование «социалистические» — «социалистический хозрасчет», «социалистическое соревнование», «социалистическая самоокупаемость», «оперативное управление» и т.д.

Это и есть **третий** элемент, который характерен для экономико-социальной системы, именуемой «социалистической», — институты государственного капитализма.

В связи с отмеченным обстоятельством нужно с предельной четкостью представлять, что успехи экономико-социального порядка, которые после 1920—1930 годов были достигнуты в СССР, а затем в Китае, Корее, в других «социалистических странах», — это никакие не победы социализма. Здесь наряду с титаническими усилиями советского коммунистического государства, массовым принудительным и полупринудительным трудом, со всплесками энтузиазма надо видеть результаты использования частнособственнических, госкапиталистических институтов. И с этой точки зрения широко рекламируемые в свое время «победы социализма над капитализмом», например в области военно-промышленного комплекса, являются в сущности частичными, выборочными «победами» над «рядовым» капитализмом его собрата — государственного капитализма, усиленного азиатско-коммунистической тиранией.

На пороге перемен

Советское общество 1960—1980 годов — общество, в котором господствующее значение имели уже капиталистические, частнособственнические отношения.

Три основные формы характерны для капитализма, в основном государственного капитализма, утвердившегося в советском обществе в 1960—1980 годах.

Первая. Это — коренящиеся в нэпе институты и начала ограниченной и урезанной экономической свободы и инициативы, по-социалистически обозначаемые в виде «хозрасчета», «предприимчивости», «самоокупаемости» и пр., а в действительности представляющие собой чистокровные частнособственнические образования госкапиталистического типа, функционирующие — и это понятно для порядков госкапитализма — в жестко чиновничьих, императивных рамках.

Сюда же следует отнести (опять-таки получившие «социалистический антураж») комсомольские строительные отряды, отряды строителей МЖК и еще более – расширяющиеся «подсобные» индивидуальные хозяйства в колхозах и совхозах, миллионы садоводов и огородников в «коллективных» садах и огородах, реально обладающих «сотками» земли, ну и, понятно, открыто частнособственнические институты, на которые в официальной жизни упорно закрывали глаза, – бригады «шабашников», индивидуалов-умельцев и т.п.

В этой области стал утверждаться обширный слой людей, паразитирующих на государственных имуществах путем «формальных отчетов», приписок, фактической нелегальной эксплуатации вверенного имущества и т.д. – словом, в лично-корыстных целях активно использующих «социалистические формы» и тем самым без особого труда получающих значительные выгоды.

Вторая. Это – корпус фактических крупных собственников в промышленности, в строительстве, в других сферах деятельности, относящейся к формально провозглашенной «государственной собственности». До конца 1930-х годов объектами госсобственности безраздельно командовала вся номенклатура в целом «в лице» высших подразделений партийной иерархии (ЦК, Политбюро, отделов ЦК), центральных управленческих учреждений – СНК (Совмина), наркоматов (министерств), их главков.

Однако с начала 1940-х годов, в особенности в военное и в последующее время, «хозяйские» функции по управлению казенными имуществами стали все более и более сосредоточиваться на предприятиях, их комплексах, которые формально обладали одним лишь правом «оперативного управления» имуществами, но директора которых реально, на деле становились безраздельными и неконтролируемыми хозяевами всех материальных ресурсов и людских судеб.

Свой статус реальных хозяев предприятий директора (генеральные директора, генеральные конструкторы, директора-председатели совхозов-колхозов и др.) еще более укрепили после того, как были включены в состав номенклатуры – фиксируемого круга привилегированных руководящих деятелей партгосаппарата, неподконтрольного закону и правосудию. Той номенклатуры, которая уже в сталинско-брежневскую пору шаг за шагом становилась фактическим крупным собственником имуществ, формально объявленных «государственной» («общенародной») и «кооперативно-колхозной» собственностью.

Третья. Это – теневая экономика. Наряду с отмеченными двумя формами, официально превозносимыми в качестве «социалистичес-

ких», в 1930–1940-х годах и далее по нарастающей, в советском обществе стала все более утверждаться официально не признаваемая и в этом смысле «теневая», или «левая», экономика. Экономика, более того, не только не признаваемая, но и гонимая, всячески преследуемая, по действующим законоположениям преступная.

Самое поразительное заключается в том, что официальные гонения в отношении теневой экономики служили ей во благо. Ведь она оказывалась неподвластной государству и закону (и в этом — ее близость, что весьма примечательно, к номенклатуре), не обремененной налоговыми и иными государственными обязанностями, бесконтрольной со стороны финансовых, налоговых, санитарно-надзорных и иных контрольных учреждений, и потому, паразитируя в благоприятной «социалистической» обстановке, извлекала сверхприбыли из безбрежных, нескончаемых государственных ресурсов — природных, технических, научных, трудовых. Подпольные цехи, неучтенное сверхплановое производство, «левые» заказы, «списанные» оборудование и материалы и т.д. — все это и многое другое, образующие ресурсы, потенциал теневой экономики, придавали ей динамизм, агрессивную напористость, живучесть, изворотливость, неуязвимость, и она, объединяясь с криминальными группировками, разбухая и матеряя, чудовищным спрутом высасывала живительные соки из «социалистической» экономики, функционирующей по азиатско-коммунистическим законам, — законам неэффективного принудительного и полупринудительного труда, соединяемого с убогой «материальной заинтересованностью».

По сути дела в 1960–1980 годах была одержана победа капитализма «в социализме», — победа в чем-то поразительная (ибо она одержана во враждебной среде, в недрах системы, объявившей истребительную войну всему «капиталистическому»).

Но она одновременно может быть названа пирровой победой, предопределившей неудачу «красногвардейских» рыночных реформ в 1991–1995 годах, преследующих, как было объявлено, цель формирования рыночной экономики.

Почему? Да потому что капитализм, одержавший победу в «социалистических» условиях, оказался не нормальным капиталистическим строем со всеми его минусами и плюсами, но все же обуславливающим динамичное восходящее развитие экономики, а капитализмом диким, хищнически-криминальным (теневая экономика) и одновременно хилым, лишенным внутренней созидательной энергии, во многом «по-социалистически» растратно-потребительским (государственный капитализм).

Ведь он сформировался и существовал в расслабляющих «социалистических» условиях: паразитировал на безбрежных, неконтролируемых «всенародных» богатствах, ориентировался «на помощь» партийно-репрессивных учреждений и «организованных» массовых сил, был настроен не на систематический суровый, напряженный труд, не на вложения доходов в производство, а на проедание, прожигание получаемых доходов, материальных богатств.

И вот какой момент нужно взять на заметку. На первый взгляд может сложиться впечатление, что советское общество с экономической стороны было к 1980-м годам подготовлено к восприятию передовых форм экономики, имевшихся в капиталистических развитых странах. К этому времени в советском обществе почти ничего не осталось от того, что может быть отнесено к «социализму» (хотя, думается, никто не представлял себе силы того монстра, который был выражен в азиатско-коммунистическом режиме). Казалось, что уже существуют, находятся на изготовке определенные частнособственнические формы. Недаром некоторые специалисты, и отечественные, и зарубежные, полагали, да и сейчас полагают, что введение современной рыночной экономики в России — дело в общем-то легкое, уже «подготовленное». Нужно только, по их мнению, легализовать то, что уже есть на самом деле.

Однако не все так просто. Утвердившиеся к 1980-м годам легальные и нелегальные частнособственнические институты оказались приуготовленными к другому — к формированию прямого продолжателя советской коммунистической системы — номенклатурного криминального госкапитализма.

2. ВОПРЕКИ УГОТОВАННОМУ

Неправильная правильная стратегия

Реформирование российского общества (сначала в составе всего СССР, советского общества в целом) началось в 1985–1986 годах с довольно осторожных, как в то время говорилось, взвешенных шагов.

И вот здесь определились две, как потом выяснилось, весьма разноплоскостных линии.

Одна из них — то, о чем говорилось ранее, — более интенсивное внедрение «социалистических» экономических форм в государственное хозяйство — расширение хозрасчетных стимулов, расширение прав предприятий и т.д., что, по официальным декларациям, должно было дать «больше социализма», а в действительности влекло за собой уп-

рошение ранее существовавших частнособственнических институтов, связанных с государственным капитализмом и формированием корпуса крупных собственников – директоров.

Другая линия – нечто иное – формирование «новых собственников» – мелких и средних, которые могли бы создать основу свободной рыночной экономики. Эта линия в 1988–1990 годах получила довольно интенсивное развитие на основе принятых тогда законоположений об индивидуально-трудо­вой деятельности, кооперативах, совместных предприятиях, аренде, фермерских хозяйствах.

Эти наметившиеся после 1985–1986 годов две линии в реформировании экономики нередко представлялись как нечто единое – меры из одной цепи преобразований в ходе «совершенствования социализма» или «перестройки».

Между тем перед нами два качественно разных пути развития, приводящих к принципиально неодинаковым, несовместимым, в чем-то отторгающим друг друга, враждебным результатам, пусть в общем виде и относящимся к строю, привычно именуемому капитализмом.

Первый путь (первая линия) – это в сущности сохранение в модернизированном виде обширного, доминирующего, монопольного государственного хозяйства, его реформирование на основе методов и механизмов частнособственнической, капиталистической экономики, но лишь до пределов, допускаемых пока властью–собственностью, самой сутью, природой азиатско-коммунистической системы, действующей под именем социалистической.

Наряду с категориями «хозрасчет», «самоокупаемость», «свободное распоряжение объектами соцкультбыта» и др. начиная с 1985–1986 годов в хозяйственную жизнь активно внедрялись «демократические институты», призванные активизировать предприимчивость непосредственных производителей, такие как выборность директоров, повышение роли «трудо­вых коллективов». Своего рода юридико-имущественной вершиной, легализующей правовые возможности государственных предприятий – субъектов хозяйственной деятельности, стали выработка и внедрение в практику новой категории, на основе которой государственные предприятия получили широкую экономическую свободу, близкую к свободе частных собственников, – «право полного хозяйственного ведения» (вместо «права оперативного управления», весьма ограниченного, с сильными акцентами на доминировании командно-административных, плановых начал).

Второй путь (вторая линия) только на первый взгляд совпадает с общей политикой модернизации «социалистической экономики».

В действительности же этот путь экономических преобразований сразу же выявил свою специфику. Он изначально был направлен на формирование слоя новых свободных собственников. Именно в этом направлении стали действовать принятые в те годы законы о кооперации, о совместных предприятиях, об индивидуальной трудовой деятельности, о фермерских хозяйствах.

Довольно быстро выяснилось, что новым свободным собственникам, почувствовавшим вкус и импульсы экономической свободы, далеко не всегда удобно действовать по «правилам игры», выработанным для государственного хозяйства, в особенности характерного для него монополизма и ограниченности денежно-кредитных порядков, из-за чего деньги выступали главным образом в качестве просто счетных единиц, а не живых денег – всеобщего, интегрирующего рынок товара. Вот тогда-то кооперативы, совместные предприятия (в меньшей степени индивидуалы) стали изображаться в виде «нарушителей», то не считающихся с государственными монополиями, то все более становящихся каналами для перевода во все возрастающих масштабах безналичных денег в живую наличность.

Но наибольшую угрозу своему безраздельному господству огосударствленная, азиатско-коммунистическая система почувствовала в связи с введением института аренды.

Все было хорошо, когда на государственных предприятиях, ничуть не нарушая действующие в отношении них «правила», применялся «арендный подряд», «подрядные бригады» и т.д.

Но вот в соответствии с законом, выработанным весной – осенью 1989 года, организации арендаторов-производителей, формируемые из трудовых коллективов и получившие в аренду государственные имущества, смогли уже «нарабатывать» свою собственность, а затем, накопив необходимые средства, выкупать и все арендованное имущество. Возникал – причем за счет государственных имуществ, в ущерб ему! путем разгосударствления! – слой опять-таки свободных собственников-производителей, который тут же продемонстрировал свою эффективность – рост производительности труда, стремление к модернизации, наращивание инвестиций за счет доходов, идущих на развитие производства.

Нет слов, в обстановке еще продолжающей господствовать азиатско-коммунистической системы в законоположения по вопросам аренды, а еще более – в многочисленных ведомственных правила – в том или ином виде вводились правила-ограничения, препятствующие развитию арендных отношений. И в конечном счете получалось, что рассматриваемый (второй) путь преобразований в экономичес-

кой области под влиянием партийно-клановых установок становился не очень-то желательным, а отсюда в связи с введением все новых и новых ограничений – еще более «умеренным», еще более «взвешенным», не допускающим никакой «сплошной арендизации».

Тем не менее вот какой странный исторический парадокс. Обусловленная по всем данным и партийно-реакционными мотивами, указанная умеренная, взвешенная линия экономических преобразований, приводящая на деле к формированию слоя свободных собственников-производителей, была, как все более и более выясняется теперь, оптимальным стратегическим направлением, во всяком случае одним из действенных, результативных вариантов начала перехода от тоталитарного, военизированного общества к демократическому, либеральному обществу – обществу свободы и благополучия человека.

Схватка

1991 год займет особое место в истории России. Начавшиеся в 1985–1986 годах традиционно-неторопливые преобразования в жизни общества стали чуть ли не с начала этого, 1991, года сотрясаться вспышками страстей, открытых противоборств, ожесточенных личных и политических столкновений.

Во всем многообразии этих события особо впечатляющими оказались те из них, которые затронули действия и судьбы известных политических деятелей (жесткая борьба между М. Горбачевым и Б. Ельциным), связанное с этим суровое противостояние «двух России» – СССР и РСФСР, нарастающий развал единого государства – процесс, в который включилась «козырная карта» в политических противоборствах – «автономии».

Жаль только, что эти внешне броские потрясения заслонили действительно главную схватку – схватку в экономике, решающим образом определившую будущее России.

Это схватка между модернизируемым (с весьма скромными успехами, а больше – с неудачами, потерями) государственным сектором, его приверженцами и носителями, с одной стороны, а с другой – формирующимся слоем свободных собственников-производителей, преимущественно в мелком и среднем бизнесе, т.е. схватка между складывающимися экономическими структурами в соответствии с отмеченными ранее двумя путями экономических преобразований. Эта схватка носила хотя и не очень явный, не такой уж заметный, но непримиримый, ожесточенный характер.

Сектор «свободных производителей» (совместные и арендные, коллективные предприятия, кооперативы, фермеры), демонстрируя свои привлекательные стороны, довольно активно притягивал к себе квалифицированную рабочую силу, занимал все более прочные позиции во всей экономике. Он явно включал в дело принципиально новые, мощные стимулы труда, основанные на «своей» собственности.

Вместе с тем ощущая свое экономическое бессилие, государственный сектор, потерявший былые стимулы к труду (кроме «материальной заинтересованности» в виде нескончаемых «накруток» зарплаты), стал действовать через высшие эшелоны административно-управленческого аппарата, приводить в действие репрессивно-карательные рычаги коммунистической системы со все новыми и новыми ограничениями, запретами, в особенности в отношении перехода государственных предприятий на арендные начала, деятельности арендных (коллективных) предприятий, совместных предприятий, фермеров. Стали более частыми и острыми выступления в партийных официальных органах, в массовой печати против «сплошной арендизации» (которую начали без каких-либо аргументов сопоставлять со «сплошной коллективизацией»), в пропаганде усилились удары по «спекулятивным» кооперативам, иным раскручивающимся в этой области «преступным проявлениям». К середине 1991 года меры по преобразованию экономики (на обоих указанных ранее путях) как бы выдохлись. Наступило некое равновесие.

Государственный сектор, «растерявшийся» от демократических новаций, не воспринимал рыночные формы. Хотя, надо заметить, государственные предприятия, точнее их директора, уже обрели фактическое право собственности на имущество (через институт «полного хозяйственного ведения»). К тому же суровая борьба между союзными органами и РСФСР, в ходе которой по односторонним республиканским актам союзные предприятия меняли свою «юрисдикцию» и уходили из-под контроля союзных плановых и административных органов, делала их независимыми и самостоятельными в экономической системе.

Но и свободные предприниматели, арендные и коллективные предприятия, кооперативы, фермеры, другие звенья формирующейся свободной экономики, с трудом прорывая все новые и новые юридикомогущественные заграждения административной системы, тоже все более заходили в тупик, не имели при сохраняющемся господстве партократии, всей азиатско-коммунистической системы хотя бы сносных условий для своей деятельности, дальнейшего развития.

3. ПОРАЖЕНИЕ

Несостоявшийся удар

События 19–21 августа 1991 года в Москве получили и ныне получают разные оценки и характеристики.

Понятно, что здесь, как и при оценках любых крупных событий, имеющих для истории «поворотное» значение, не обходится без крайних суждений, односторонних личностных взглядов.

Хотелось бы и мне поделиться одной версией, которая, кажется, еще нигде не обсуждалась.

Мне представляется односторонним и опрометчивым мнение, в соответствии с которым «путчисты» (ныне почти сплошь занимающие видные посты в тех или иных политических институтах) намеревались вернуться к классическому сталинско-брежневскому режиму, хотя они, быть может, больше, чем кто-либо, осознавали, что азиатско-коммунократический строй, «разбавленный демократией», — образование слабо работоспособное, исторически обреченное.

Мне представляется, что «путчисты» наряду с решением персонально-политических проблем (связанных с личностью Б. Ельцина) смирились, а быть может, и настроились на плавный переход к номенклатурному государственному капитализму, который сохранил бы руководящие позиции правящей политико-хозяйственной элиты.

А в связи с этим, как мне думается, основной удар «путчистов» был нацелен на «стихию», «спекулянтов», «кооператоров», «дезорганизаторов» — тех, кто на самом деле представлял собой все более расширяющийся слой новых свободных собственников, формирующих либерально-рыночную экономику.

Кто знает, не состоит ли глубинная подоплека всего «августовского путча» в том, чтобы вместе со срывом заключения Союзного договора, решением персонально-политических проблем разрубить гордиев узел экономического развития, когда два пути реформирования экономики застыли в зыбком равновесии и следовало со всей определенностью решить перспективу экономического развития, а отсюда — судьбу реформ вообще?

Августовский путч (1991 года) сорвался.

И если верны предположения о его глубинной экономической подоплеке, то, выходит, и намечавшиеся здесь расчеты не состоялись. Во всяком случае каких-либо заметных поворотов в экономическом развитии в результате августовских событий не произошло.

Но я никак не могу найти ответа на другой вопрос. Почему, спрашивается, после августа 1991 года демократы (если они и впрямь демократы) не воспользовались ситуацией и почему не получило развития либерально-рыночное направление, рассчитанное на широкий слой мелких и средних собственников? Ведь основные устои коммунистической системы после провала путча и действий российских властей, имеющих характер контрпереворота, рухнули: окончательно лишилась своей «руководящей роли» КПСС, вышли из ее прямого подчинения силовые ведомства, лишились диктаторских функций административно-чиновничьи учреждения. Словом, в сентябре – ноябре 1991 года было возможно снять все преграды для развития малого и среднего бизнеса во всех его формах, дать широкий простор быстрому формированию широкого слоя новых собственников – производителей.

Почему же этого не произошло? Неужели «путчисты» добились своих целей: и подписание Союзного договора сорвали, и в конечном счете реализовали свою потаенную задумку – победу номенклатурного госкапитализма? Такое предположение подтверждается многими данными, прежде всего стихийно прошедшей после августовских событий номенклатурной приватизацией.

Номенклатурная приватизация

Да, во второй половине 1991 года в России произошло крупномасштабное, но почти незамеченное событие. Это – фактическое присвоение (приватизация) основных государственных имуществ, осуществленное в основном правящей элитой – слоем руководящих хозяйственно-партийных советских работников – номенклатурой.

Впрочем, эта фактическая приватизация началась еще раньше, в 1989–1990 годах, когда стало ослабевать плановое и административное руководство предприятиями, их объединениями со стороны центральных союзных и республиканских органов – Госплана, Совмина, министерств, других ведомств. В России она усилилась в процессе перехода предприятий под «российскую юрисдикцию», в результате которого многие предприятия, ведомые умудренными директорами, оказались предоставленными самим себе.

Рывок же в овладении номенклатурой государственными имуществами совершился как раз после августа 1991 года – после падения основных устоев коммунистической системы, когда государственный капитализм мог уже всю развернуться. Один из примечательных

моментов здесь — это массовый переход руководящих партийных работников, входящих в партийную номенклатуру, на работу в хозяйственные органы, в том числе новые (вместо министерств, главков) — «концерны», «ассоциации», «биржи», «коммерческие банки», другие подразделения, закреплявшие «за собой» части государственных и по многим данным также партийных имуществ.

Еще один существенный момент, связанный с фактической номенклатурной приватизацией, заключается в том, что везде и всюду вместе с государственными имуществами сохранялись и государственные монополии. И это тем более оказывалось возможным, что в существовавшей ранее обстановке «одной фабрики» ее подразделения неизбежно оставались монополистами на «своем» участке хозяйственной деятельности.

Наконец, номенклатурная приватизация с экономической стороны не содержала бы, возможно, слишком значительных упречных характеристик (и даже, подобно теневой экономике, могла быть представлена как некая выигрышная подготовка к рынку), если бы обретение собственности не имело здесь, как и в случае с теневой экономикой, просоциалистической, распределительно-растратной природы. Здесь собственность вообще не приуготовлена к тому, чтобы включиться в полную предельного напряжения сил, риска и ответственности суровую жизнь рыночной экономики, нацелена не на стимулирование напряженного труда, не на модернизацию, не на вложение доходов в производство, а на простое получение барышей и выгод, на ее «прожигание», накопление, получение дивидендов от валютных операций, манипулирования с ваучерами и с акциями, т.е. на функционирование по законам госкапиталистической экономики.

В процесс фактической номенклатурной приватизации неизбежно включились деятели теневой экономики и вместе с ними криминальные организации. При этом определенные государственные объекты поначалу закреплялись за коммерческими и иными организациями на принципах временного пользования с последующим «увечиванием» своего статуса и фактическим обращением имущества в их собственность. Увы, как показала хозяйственная и юридическая практика, этому в немалой степени способствовали судебно-арбитражные органы — в силу своей тенденции ограничивать свою деятельность избранными «формальными основаниями», и в силу того обстоятельства, что фактические владельцы государственных имуществ, паразитируя на государственных богатствах, довольно быстро становились обладателями объемных денежных мешков, перед которыми мало кто мог устоять.

Словом, к началу 1992 года государственная собственность фактически уже была присвоена, поделена, обрела реальных владельцев, среди которых решающая роль принадлежала номенклатуре, зубами державшейся за «отхваченные» бывшие государственные богатства, но не настроенной и не готовой к напряженной, интенсивной производительной деятельности, к модернизации, к инвестициям в соответствии с требованиями рынка, функционирующего в обстановке конкурентной состязательности, а готовой пойти лишь на некоторое сокращение своего господства на принципах государственного бюрократического капитализма.

Жестокий удар

Как это ни парадоксально, наиболее жестокий, сокрушительный удар «либеральное» направление в реформировании российской экономики получило от... приверженцев либерализма и «западных» экономических форм, последователей Хайека и Фридмэна.

Здесь нужно вот какое пояснение. Осенью 1991 года создалось впечатление, что после шока, вызванного августовским путчем, последователи Тизякова и Стародубцева, представлявших перераставшую в госкапитализм «социалистическую» систему, как бы успокоились: они утвердились в представлениях о том, что послеавгустовский политический режим не грозит наметившимся доминирующим госкапиталистическим тенденциям «перестройки» — все более набирающим силу порядкам номенклатурного государственного капитализма.

И в такой обстановке намечавшиеся «радикальные» экономические новации, исходящие от приверженцев либерализма, уже не представлялись сколько-нибудь опасными. Ибо они не были направлены на действительное воссоздание и утверждение частной собственности, действующей в обстановке конкурентной состязательности, а закрутились вокруг «мер», которые могли лишь изменить облик государственного капитализма и в конечном счете пойти ему во благо.

Ведь привлеченные осенью — зимой 1991 года к государственной работе по осуществлению «кардинальных» реформ либеральные деятели (Е.Т. Гайдар и «его команда») решили, как представляется, взять быка за рога и по согласованию с МВФ в общем контексте совершенно необходимых монетаристских мер решить коренную проблему свободной рыночной экономики — «освободить цены», снять государственные дотации с цен и пустить их в вольное рыночное плавание.

Это, конечно же, изменило экономический климат в обществе. Начал набирать свою истинную цену главный и всеобщий товар — деньги, возникли некоторые приметы современного потребительского рынка.

Но все же не произошло основного из ожидаемых позитивных последствий, когда свободный рынок, выражая интересы потребителей, стал бы основным двигателем производства и обусловил его быструю и коренную рыночную перенастройку. И не произошло это потому, что у свободного рынка не оказалось его естественной, исходной созидательной силы — производительной частной собственности, существующей в условиях конкурентной состязательности и трудовой морали.

Предприятия же — монополисты, сохранившиеся и окрепшие в результате номенклатурной приватизации, — могли ничуть не заботиться о рыночной состязательности и, стало быть, о стимулах труда, решать возникающие здесь проблемы путем одной лишь «накрутки» заработной платы, что в условиях монополизма оказалось возможным в результате нагнетания цен, ничем не ограничиваемых и ничем не контролируемых. Предприятия-монополисты, другие подразделения госкапиталистической экономики получили невиданные преимущества по сравнению с субъектами хозяйствования, функционирующими на либеральной основе, — предприятиями-индивидуалами, кооперативами, арендными, коллективными предприятиями, фермерами. Словом, стал формироваться ущербный «полурынок», как раз соответствующий потребностям, да и самой природе государственного капитализма.

Позиции госкапитализма еще более окрепли в результате начатой в 1992 году в ускоренных темпах официальной «приватизации».

Можно только догадываться о причинах, которые побуждают западных специалистов (к счастью, не всех) закрывать глаза на то обстоятельство, что российская официальная «приватизационная» программа к настоящей приватизации, необходимой для формирования свободного рынка, никакого отношения не имеет (тем более что такого рода догадки имеют для нашей страны чересчур грустный оттенок). Что же касается другого обстоятельства, того, что официальная «приватизация» как будто бы «принята» нашим обществом, то это объясняется ее соответствием социальным ожиданиям — иждивенческо-потребительским наклонностям, взращенным «социализмом» (ваучерный дележ), и тем еще, что официальная «приватизация», по сути дела, не изменила отношения собственности, она лишь легализовала уже осуществленную номенклатурную приватизацию, позволила оборотистым дельцам, по дешевке скупая у населения ваучеры, отхватывать многомиллиардные по стоимости объекты былых государственных имуществ.

Иногда высказывается как будто бы дерзко-смелое мнение, притом довольно радикально настроенными демократическими деятелями, о том, что вовсе не нужно бороться с номенклатурной приватизацией (дескать, нахалпало ворье разных рангов жирные куски госимущества, ну и ладно), следовало бы, по убеждению таких деятелей, амнистировать этих обладателей богатств, и они будто бы тогда начнут хозяйничать, развивать производство.

Ох, насколько опрометчив подобный взгляд. Дело в том, что «историческая» подоплека проведенной лжеприватизации состоит вот в чем. Она как раз привела к тому, что и костяк фактических собственников из директорского корпуса, и воротилы теневой экономики, и другие «деятели» — сильные мира сего, рожденные нашей недавней эпохой, в результате «сплошного акционирования» стали крупными собственниками-монополистами по всем юридическим канонам. Они, как правило, — во главе акционерных обществ, с узаконенным весомым пакетом акций, да притом в обстановке, когда основная масса разрозненных акционеров имеет не большее, а точнее, заведомо меньшее значение, нежели в недавнюю пору «трудовые коллективы». И плюс к тому эта обширная когорта «новых крупных собственников» (в основных очертаниях совпадающая с социальной группировкой «новых русских», в большинстве своем не склонных к активной производительной деятельности, да еще в сурово-рыночной обстановке) осталась под эгидой государства, под его охраной и опекой, его «крылышком», в обстановке то и дело оказываемой им помощи, для чего нужны чудовищные государственные средства, налоги.

В конечном счете кратко описанные реформаторские меры, названные рыночно-радикальными (в общественном мнении они повсеместно до сих пор так и котируются), нанесли наиболее болезненный удар и по неокрепшим росткам действительно свободной, либерально-рыночной экономики — по предприятиям-индивидуалам, кооперативам, арендным и коллективным предприятиям, фермерам и фермерским группам, мелкому и среднему бизнесу. Губительную роль сыграла здесь не только невозможность противостоять «приватизированным» гигантам-монополистам, но и не в меньшей мере чудовищный налоговый пресс, отсутствие хотя бы минимальной государственной поддержки.

К этому надо добавить лишь то, что сформировавшийся номенклатурно-государственный капитализм оказался еще и криминальным.

Нередко эту особенность ныне существующей российской экономико-социальной системы оправдывают тем, что, дескать, в современ-

ных условиях происходит «первоначальное накопление капитала», которое всегда и повсюду не избежало криминальных черт.

Но дело-то как раз в том, что в России первоначальное накопление капитала уже произошло. Да оно применительно к госкапитализму и не очень уж потребовалось: соответствующие богатства просто перешли из рук в руки, преимущественно одних и тех же людей (использующих «прихваченные» богатства главным образом в криминально-потребительских целях).

Основные криминальные силы пришли в современную легализованную экономику из былой теневой экономики, из тех обширных подразделений государственного хозяйства, в особенности снабжения и сбыта, которые уже «при социализме» имели глубоко криминализованный характер.

Криминальный характер российской госкапиталистической экономики заключен прежде всего в беспрецедентном по масштабам разграблении российских национальных богатств (путем официальной, номенклатурной «приватизации», в «легальном» и полулегальном сбыте за рубежом уникальных природных ресурсов), так сказать, в менталитете госкапиталистической экономики, в том, что ее функционирование подчиняется «криминальным целям», т.е. не вложениям доходов в производство, не обеспечению динамичного развития экономики, а быстрому «поглощению» существующих богатств, перекачке за валюту природных богатств за рубеж, концентрации доходов в иностранных банках и, что особенно характерно, безудержному прожиганию доходов на уровне купеческо-притонного разгула (ныне, понятно, с западно-великосветским шармом). Да такого разгула, такой безудержной траты валюты «без счета», что это приводит в изумление издавших виды западных богатеев.

Существенная сторона криминальных характеристик российской госкапиталистической экономики — сама ее связь с государственным аппаратом. Такого рода связь, выражающаяся во взятках, иных материальных предоставлениях чиновникам, в личных униях, установлении льгот и преимуществ и т.д., имеет по самой своей сути преступное содержание, и это накладывает печать на всю систему экономических отношений.

Тупик?

Государственный капитализм, особенно номенклатурный, криминальный, не имеет исторических перспектив. С точки зрения прогресса человечества, экономического и социального развития на данной стадии цивилизации такой путь — тупиковый. Путь в никуда.

Обнадеживающая перспектива того, что современное продолжение коммунистической системы рано или поздно сойдет с российской исторической сцены, в этом — своеобразная надежда нашего Отечества. Но в этом — и крайняя опасность номенклатурной, криминальной госкапиталистической системы. В обществе, где она господствует, неизбежны движение к авторитаризму, утрата демократических позиций, нарастающая возможность установления диктаторского режима власти. И это происходит не только в силу самого госкапиталистического строя, требований самой его природы, предполагающей функционирование мощной централизованной власти, но и по мотивам «спасения» госкапитализма, в силу того что иначе неизбежно его скорое падение, крушение со всеми трудностями и бедами для широкого слоя вновь сложившейся элиты.

В связи с этим нужно видеть, что усиление авторитарных начал в политической жизни России — не одни лишь «зигзаги» тех или иных политических деятелей, неоправданные уступки антидемократическим силам, нетвердость демократических убеждений отдельных вождей демократии (хотя все эти и многие аналогичные явления присутствуют и они не редкость), а прежде всего неизбежное следствие все большего утверждения во всей системе экономико-социальных отношений строя государственного капитализма, да притом номенклатурного, криминального.

Иного в экономико-социальном развитии России в современную пору и ожидать было нельзя. Последовательно чистые замыслы и действия по развитию российской демократии в обстановке господства номенклатурного криминального госкапитализма неизбежно повисают в воздухе, становятся фантазией, новой утопией или, хуже того, явлениями, приводящими к «обратным», минусовым, губительным результатам.

Именно здесь надо видеть истоки той трагедии, которую переживает в настоящее время демократия в России.

РОССИЯ — ВПЕРЕД

1. ВЕХИ СТРАТЕГИИ

Знаки надежды

Прежде всего российское общество — общество, уже настроенное на демократию. Во всяком случае на то, что по «по-прежнему» жить нельзя и что нужны довольно основательные перемены. Ныне буквально все в российском обществе «за закон», «за правовое государство», «за народовластие» и даже «за рынок».

Далее — это объективные, реально существующие в нашем обществе предпосылки, «зацепки» развития в демократическом, прогрессивном направлении. Все же время после 1985—1986 годов, в том числе и время последних лет, не прошло даром (как не прошли даром приобретения и потери всего нашего исторического прошлого). И в политике, и в экономике, причем не только в общественном сознании, в общественном мнении, но и в фактических отношениях, сохранились, а порой и утвердились своего рода форпосты либеральной демократии и рыночной экономики. Их нужно возрождать, пестовать, активно поддерживать. Но они есть, и это уже само по себе явление значительного порядка.

И еще один существенный фактор — резервы преобразований, заложенные в российском обществе. Эти резервы — в истории России, в ее историческом опыте, в том «возрожденческом» потенциале эпохи Возрождения, который во второй половине заканчивающегося тысячелетия проявился во всем мире, захватив, пусть и с запозданием, российское общество, Россию. Есть еще и выросший на достойной исторической основе современный российский духовный, в том числе интеллектуальный, потенциал, который не раз впечатляюще демонстрировал свою силу и свои возможности.

Трудности

Многие неудачи, связанные с проведением реформ в России, сопряжены с тем, что в нашем Отечестве в полной мере не осознаны все те трудности, которые возникли перед российским обществом в его

стремлении встать на путь современного цивилизационного, демократического развития, на путь современной всесторонней модернизации.

Нередко трудности, связанные с проведением реформ в России, представляются довольно упрощенно: в такой интерпретации, например, что вот в российском обществе в советское время восторжествовали тоталитарный режим, плановое хозяйство, а теперь нужно преодолеть этот режим, перейти к рынку, демократически преобразовать наше государственное устройство, и в этом будто бы вся суть реформ.

Между тем дело с демократическим преобразованием России обстоит куда сложнее.

Исходный и, быть может, наиболее существенный момент заключается не в самом по себе тоталитаризме, а в том, что Россия в общечивилизационном мировом движении от традиционных цивилизаций к либеральным ко времени, когда в ней был совершен коммунистический переворот, не перешла грань, отделяющую первые от вторых, не вступила в эпоху последовательно либерального развития. И потому в нынешнее время задача, стоящая перед обществом, не сводится к одному лишь «отказу от тоталитаризма», а состоит прежде всего в том, чтобы «доработать недоделанное», завершить нашу российскую традиционную цивилизацию, когда внедрение в жизнь институтов либеральной демократии и рыночного хозяйства окажется возможным с точки зрения условий и логики исторического процесса.

В связи с этим еще одно существенное обстоятельство. В России ко времени коммунистического переворота (времени, осложненном к тому же изнурительной, тягостной Мировой войной) не завершилось Российское Возрождение. Оно не остановилось на полпути, как думалось автору этих строк еще совсем недавно; нет, его продвижение вперед после Пушкина и Достоевского оказалось весьма интенсивным и многообещающим, но оно все же не стало той социальной реальностью, которая знаменует начало либеральной цивилизации. Впрочем, более обстоятельный разговор об этом дальше.

Не в полной мере, как мне представляется, мы учли коварную силу советского тоталитарного строя. И дело не только и, пожалуй, даже не столько в его репрессивно-карательном бесовском могуществе. Или – в обманном обаянии таких желанных и соблазнительных фальсификаций, которыми «при социализме» советским правителям и их прислужникам в 1920–1930 годах удалось ввести в заблуждение, а то и просто одурачить весь мир.

Коварная сила советского тоталитаризма – в его исторических корнях. Как это ни парадоксально, советский строй наряду с реализаци-

ей некоторых внешне привлекательных социалистических «преимуществ» (в науке, в заботе о детстве, в физическом воспитании, в культивировании коллективизма) полно и последовательно воплотил одну из исторических линий развития России — линию формирования могущественной монолитной империи — наследницы тирании Ивана Грозного и Петра I, ту, что ныне воодушевляет современный социальный лжепатриотизм и что является питательной почвой для реакции и антидемократических тенденций.

Вот почему следует специально сказать об особо тяжком, коварном и удручающем наследии советского коммунистического строя. Речь идет о глубоко укоренившейся и трудноистребимой (прошу простить меня за последующие слова) «социальной развращенности» людей. Эта «развращенность» сродни той, которая была у плебса в императорском Риме и у французов в годы победоносных наполеоновских войн. Она состоит в своего рода чарующем наслаждении от величия Отечества и его военных захватнических, победоносных свершений, из-за чего стоит терпеть убогую и тяжелую жизнь, идти на жертвы и лишения.

В обстановке советского строя к этому добавились коммунистические иллюзии (очень скромное, даже жалкое социальное обеспечение представлялось лишь предвестником скорой сказочной жизни) и отсюда — всеобщее иждивенчество, приживальчество, бездеятельная, безынициативная, расслабленная жизнь, когда всемогущее государство «все равно» обязано дать каждому гарантированную пайку — хлеб и зрелища.

Нужно добавить сюда и развращенность (тут уже в самом прямом смысле слова) правящего слоя, властвующей партийно-советской элиты, в образе жизни, в сознании которой укоренились представления о неизменности и вечности властвующего статуса, которая имела неограниченные возможности повелевать всем и вся, обладала поистине сказочными привилегиями и преимуществами во всех сферах бытия. Все это стало «добавлением» к царящему обаянию самой власти, абсолютный характер которой «при социализме» ставил обладателя ею в особое, неприкасаемое и величественное положение. Сказанное позволяет понять то обстоятельство, что упомянутый слой людей — слой «рабов власти», имеющих неодолимую тягу к ней и готовых идти буквально на все, «во все тяжкие» во имя обладания, сохранения и тем более наращивания своего властвующего статуса.

Но, наверное, самое тяжелое последствие многодесятилетнего господства коммунистического режима в России — это глубокая разрушенность общества. Здесь имеется в виду не только и даже не столь-

ко разрушение материально-культурных ценностей и экологические беды. Главное здесь – разрушенность естественных факторов и стимулов, лежащих в основе нормального развития общества, каждого человека. Истребление или умаление производительной частной собственности, рыночной конкурентной состоятельности, трудовой морали в их современном, цивилизационном виде.

Выработанные именно в таком качестве за многотрудную многотысячелетнюю человеческую историю, эти явления цивилизации и культуры – производительная частная собственность, конкурентная состоятельность, трудовая мораль хотя и, естественно, ограничены, но в общем-то с трудом прививаются применительно к каждому человеку, не получившему соответствующих импульсов и укорененных навыков с глубокого детства. Но их же «по зову» низменных, порочных сторон человеческой природы легко «повернуть назад», изничтожить, что и делали коммунистическая идеология и коммунистическая практика. И тогда вместо производительной частной собственности возникает ненасытная потребительская собственность, вместо конкурентной состоятельности – общая социалистическая расслабленность, круговая порука, вместо трудовой морали – стремление к безделью, к видимости труда и к тому, чтобы урвать из общего пирога пожирней кусок.

Надо заметить при этом, что российское общество оказалось дважды разрушенным: сначала после большевистского переворота 1917 года были подавлены и в чем-то даже выкорчеваны естественные факторы и стимулы нормального общественного развития (производительная частная собственность, конкурентная состоятельность, трудовая мораль), а затем в конце 1980 – начале 1990 года были упразднены планово-административные рычаги управления, принудительные и полупринудительные формы стимулирования труда, которые худо-бедно поддерживали существование «социалистической» системы. Тогда-то и возник вакуум, пустота в экономике, куда ринулась агрессивная, базарно-спекулятивная, криминальная стихия, ведомая номенклатурно-госкапиталистическими воротилами, создавшая условия для разграбления национальных богатств, фантастического обогащения небольшой кучки нуворишей.

Еще одна беда – трудность, оставшаяся от коммунистического прошлого, состоит в существовании на территории страны гигантских, порой циклопических сооружений, структур, образований, созданных во имя идеолого-коммунистических целей, престижных соображений, мистификаций, ошибочных волюнтаристских задумок. Имевшие и при своем создании разорительный характер, грандиозные индус-

триальные гиганты, сельскохозяйственные комплексы, внушительные научные учреждения и учебные заведения в немалом числе случаев оказались ненужными нормально функционирующему обществу. Но они сохранились, сохранились и люди, в них работающие, и они стремятся не потерять или даже повысить тот стандарт, тот уровень жизни, который в свое время был продиктован идеологическими или престижными мотивами.

На страну легла (даже после преодоления основ тоталитарного режима) непомерная тяжесть следов прошлого — и груз всеобщей милитаризации страны, однобокость народного хозяйства, идеологизация экономических отношений, и многое другое, от чего мы освободимся, судя по всему, очень не скоро. Надо присовокупить ко всему этому беды, принесенные стране Гражданской и Отечественной войнами, военными авантюрами в Финляндии, Афганистане, Чечне, участием в военных акциях в ряде стран Азии, Африки и т.д.

С горечью приходится признать, что Россия подошла к порогу своего Возрождения, демократического преобразования как страна тотально разоренная, изломанная, утратившая ориентиры и стимулы нормальной жизнедеятельности.

Контуры реформ

Если в полной мере учитывать те трудности, которые стоят перед российским обществом на пути его демократического преобразования, то основные контуры реформ, думается, вырисовываются в таких пяти пунктах:

- восстановление;
- энергия снизу;
- мировой опыт;
- отечественная «почва»;
- концептуальная определенность.

Для того чтобы в последующем через ряд узловых проблем (обретение собственности, правозаконность, возвышение прав человека, достоинства личности) охарактеризовать стратегию реформ в России, необходимо в качестве первого шага пояснить приведенные пять пунктов, исходя из реального положения дел в российском обществе.

Восстановление. Одним из фундаментальных фактов, который ни на мгновение нельзя упускать из поля зрения при проведении реформ в России, — это разрушенность общества, естественных факто-

ров и стимулов его жизнедеятельности, в первую очередь утрата собственностью ее регулирующей и стимулирующей роли.

В нормальной, динамично развивающейся экономике в принципе не нужно ни государственных инвестиций, ни зарубежных вложений для естественного развития производства (хотя, понятно, ни то, ни другое при известных условиях не исключено). Соответствующие задачи должна «решать» сама собственность участников хозяйственной деятельности — производителей. И самым верным, надежным показателем того, что в данной экономической системе сложилась и функционирует современная производительная («оцивилизованная») частная собственность, и является то, что в собственности как бы заложено неугомонное стремление толкать ее обладателя не на «проедание» доходов, а на то, чтобы в первую очередь вкладывать их «обратно» в производство. Потому-то собственность становится главной энергетической силой современной экономики — основой состязательности и трудовой морали.

Если в полной мере учитывать особенности собственности и ее разрушенность «при социализме», то становятся вполне объяснимыми неудачи с «приватизацией», которая осуществлялась по предначертаниям просоциалистического Верховного Совета с 1992 года. И раздаваемые всем на равных ваучеры, и полученные гражданами-работниками акции попали в собственническо-потребительскую среду и могли продемонстрировать только тот потенциал, который в них «при социализме» был заложен, т.е. отношение к получаемым гражданами «кусточкам» собственности как к сугубо потребительскому благу — предметам, к которым нужно не труд прилагать, а использовать их во имя потребительских целей, — получать дивиденды, доходы, не работая.

Увы, вся официальная политика «приватизации», по сути дела, к этому только и свелась — хорошо вложить ваучеры, получить доходные акции. Удачно и ловко распорядиться ими.

Одним из последствий такой политики стало еще большее отчуждение людей от труда, от использования собственности «в работе» и тем более от нацеленности на инвестирование своих собственных, кровных доходов в производство. Казалось бы, ваучерный дележ некоторой части государственной собственности (кстати, весьма незначительной части), акционирование должны были бы привести к формированию частной собственности, причем с включением в отношения этой собственности десятков миллионов работников.

Но ничего этого не произошло. Напротив, разгорелись денежные ажиотажно-приобретательские страсти. В 1995–1996 годах усилия многих людей, в том числе акционеров предприятий, оказались на-

целенными, как и во всем хозяйстве, во всем обществе, на «быструю прибыль», на быстрое обогащение через спекулятивную торговлю, валютные операции, а еще более — по схемам обществ — денежных пирамид, а у государственных инстанций — на распродажу госимущества. И именно это стало логичным и неизбежным следствием той общей «приобретательской» атмосферы, которая возникла в результате проведенной «приватизации» и стала выражением продолжающегося господства потребительско-социалистической собственности.

Вот почему первостепенной задачей в решении экономико-политических задач в ходе проводимых реформ по простой логике вещей должно стать не столько внедрение передовых форм собственности, отвечающих требованиям развитой рыночной экономики, сколько преодоление потребительско-социалистической собственности и восстановление нормальной производительной («оцивилизованной») частной собственности. Той собственности, которая смогла бы раскрыть свой стимулирующе-побудительный потенциал и освободить путь к доминированию в экономике конкурентной состязательности и трудовой морали. А отсюда — настрой всего общества (как в Германии в годы эрхардских реформ) на культ и культуру напряженного качественного труда — по интересу своему и всего общества.

Энергия снизу. У многих наших сограждан сложилось впечатление, что рынок сам по себе способен решить все наши экономические проблемы. Что ж, рынок (если понимать его, конечно, как «рыночное товарное производство» и в том значении, которое продиктовано нынешним этапом развития цивилизации) — решающий фактор экономического развития. Но взятый сам по себе, в особенности в отрыве от производства, от стимулов и производительности труда, он в лучшем случае подталкивает, ориентируя на «быструю прибыль», к спекулятивным, биржевым перепродажам, к валютным спекуляциям, к быстрому обогащению за счет продажи за рубеж природного сырья, дефицитных материалов.

В то же время многие наши сограждане оказались обреченными на пассивность, на бездеятельное ожидание того, что вот-вот «заработает» рынок и начнется обещанное реформаторами улучшение жизни.

Между тем исторический опыт свидетельствует, что реформаторские меры тогда начинают приносить ожидаемый эффект, когда они становятся фактором, который выражается в стимулах к активному, инициативному, творческому поведению, прежде всего в стимулах к труду, и таким образом ведут ко все возрастающему подъему производительности труда.

Ясно понимаю, что слова, которые прозвучат дальше, как бы отдают «социалистическими» нравами (но это, заверяю, именно «как бы»), да и вообще оказались затертыми и в обстановке двойной морали и лживых лозунгов прежних времен утратили свой изначальный смысл или нарочито искажаются. Но других слов нет. И иначе не скажешь. *Реформы требуют того, чтобы энергия перемен заструилась снизу, чтобы широкие массы людей-трудяг начали по-настоящему, с напряжением, если угодно «по-черному», вкалывать, не жалеть себя в работе и делать все это по своей инициативе, по своей воле, по своему интересу.*

Тут нужна основательная смена наших привычных координат. Не с прошлой ли поры укоренилось такое представление, в соответствии с которым благодатные реформы будут спущены «сверху», а всем нам надлежит поступать именно так, как велют спущенные «сверху» схемы и постулаты поведения, и тогда «сверху» манной небесной спустится на всех благодать? Впрочем, некоторые общие схемы и постулаты, наверное, и впрямь должны быть спущены «сверху»: это — дело мудрецов. Но сами-то они, схемы и постулаты, должны быть рассчитаны на инициативу, активность, «придумку», напряженную работу «снизу»! Именно «снизу», от широких масс, должна пойти энергия перемен.

Какие пути и механизмы в людских отношениях должны быть использованы для этого — разговор особый. Надо заметить лишь, что восторгаясь реформами Эрхарда в Германии, позволившими стране взметнуться вверх из самой бездны экономической разрухи, мы упорно закрываем глаза на то, что сокровенным секретом эрхардских реформ была напряженнейшая (после должного обеспечения стариков — факт немаловажный) работа, работа, работа, и в первую очередь работа «на рабочем месте» самих работников, производителей.

Никого не хотелось бы упрекать, но мне все же сдается, что неистраченная энергия «снизу», энергия людей, не востребованная реформами, все более и более выливается в акции протестов, жесткие требования к правительственным кругам, в забастовочное движение, в голодовки, в своеобразном виде выражающие социалистическую агрессивно-потребительскую идеологию и практику.

Мировой опыт. Нет слов, магистральный путь в развитии экономики, всей экономико-социальной сферы в условиях либеральных цивилизаций проложен на Западе — в странах Западной Европы, Северной Америки. И этот путь, утвердившиеся на нем институты и ценности получили в противовес «социалистическому» пути, институтам и ценностям плановой экономики краткое словесное обозначение в термине «рынок» (дальше в этих заметках еще будет рассказано о том, поче-

му именно термин «рынок» был выдвинут классической либеральной теорией на первое место).

Затем институты и ценности рынка были использованы в странах Азии, Южной Америки, еще во многом сохранивших черты традиционных цивилизаций, в условиях характерных для них авторитарных и полуавторитарных режимов (что, кстати, создало ложное впечатление, будто эффективная товарно-рыночная экономика возможна и при отсутствии гражданских свобод — существенных элементов либеральных цивилизаций).

В России своего рода знаменем демократических преобразований в экономике, во всей экономико-социальной сфере и стал вот этот самый рынок. Однако беды, обрушившиеся в связи с этим на российское общество и намного превысившие положительные результаты реформ, в особенности основная беда — формирование чудовищного Левиафана — номенклатурного, криминального госкапитализма, — заставляют крепко задуматься над тем, правильно ли мы все усвоили саму категорию «рынок»? Не выхватили ли мы при переходе к рыночной экономике один лишь, пусть и очень существенный, рыночный элемент (свободные цены), упустив что-то очень глубоко важное, быть может, самое-самое существенное, определяющее из всего того, что охватывает это сложное, многогранное явление?

Да, на мой взгляд, такое самое-самое важное упущено. И как раз потому, наверное, сам рынок был воспринят многими людьми, в особенности теми, кто с успехом хищнически воспользовался его возможностями, в сугубо базарно-спекулятивном качестве, как поприще для сказочного обогащения, для накопления богатств, не запускаемых в производство, а используемых исключительно в целях простого накопительства, главным образом путем биржевых спекуляций и в социалистическо-потребительских целях — их прожигания среди «западной» роскоши да накапливания на валютных счетах в западных банках.

Что же это самое-самое важное в рынке?

Это самое-самое важное заключается в том, что на магистральном «западном» пути развития человеческой цивилизации рынок (из базара) выкристаллизовался в нечто своеобразное и значительное, впитывающее глубинные начала либеральных цивилизаций, — рынок стал **ЯВЛЕНИЕМ КУЛЬТУРЫ**, культуры свободного общества.

Из положения о рынке как явлении культуры вытекает ряд высокозначимых выводов. Нужно лишь само явление «культура» понимать в широком, современном смысле, охватывая им и материальные, и духовные ценности, все то приращение, которое дают ум и свершения

человечества в его движении от «мертвой природы» к свободному обществу разумных существ — людей.

Выводы, вытекающие из характеристики рынка как явления культуры, охватывают ряд существенных элементов как современной экономико-социальной жизни (из области техники и технологии, образования, деловой этики, права), так и исторических начал, корней народной жизни.

Но одновременно важно и то, что рынок как явление культуры с особой выразительностью раскрыл изначально присущие ему качества. В частности (увы, во многом опять-таки на горьком примере нашей страны), стало еще более очевидным, что решающей энергетической основой рынка являются не сами по себе свободные цены, их «игра» и т.д., а ряд других компонентов свободной экономики, прежде всего:

- *производительная частная собственность;*
- *конкурентная состязательность;*
- *правозаконность.*

Да и сам «рынок» со строго экономической стороны должен получить более точную и корректную характеристику. Рынок с этой точки зрения — *основанное на частной производительной собственности товарно-рыночное производство, т.е. производство в условиях конкурентной состязательности товаров, реализуемых на рынке.*

Отечественная «почва». Общечеловеческая значимость «западного» пути, выработанных на нем институтов и ценностей вовсе не означает того, что возникли некий вненациональный шаблон, некая безотказная модель, применимые везде и всегда, и что в формировании и функционировании современного рынка не имеют никакого значения особенности данной страны, ее исторические корни, все то, что нередко охватывается понятием «национальная, отечественная почва».

Более того. Дело в том, что институты и ценности, имеющие действительно общезначимый характер, сами поначалу сложились на особой социально-культурной почве, свойственной ряду западноевропейских стран — на основе протестантской этики, утвердившей в экономико-социальной жизни самостоятельность личности, ее «суверенный» статус, широкие личностные возможности и персональную ответственность человека за свое поведение.

Поразительно, но схожий характер имеет развитие современных товарно-рыночных отношений в ряде стран Азии, потрясших весь мир феноменальными экономическими достижениями.

И вот здесь уместно выступить против распространенного мнения (с явным намеком на желательность использования подобного «опы-

та» в России), в соответствии с которым будто бы своеобразие «азиатского рынка» базируется на том, что его формирование и развитие связаны с государственными началами, авторитарной государственностью и государственной собственностью.

Это неверно.

«Азиатский рынок» так же, как и любое современное рыночное хозяйство, основывается на производительной частной собственности, конкурентной состязательности, трудовой морали. Государственные же начала — и тем более государственная, казенная собственность — в принципе по своим изначальным характеристикам не могут быть источником, основой современной рыночной экономики (если не считать такого чудовищного Левиафана, как государственный капитализм).

Повышенного внимания заслуживает другое. В странах Азии социально-духовной основой современного экономического развития стала философско-этическая система, близкая к протестантской этике, — конфуцианство в тех его разновидностях, которые утверждают в жизни людей величие и самостоятельность личности, трудолюбие, ответственное отношение к делу.

Выходит, то, что может быть названо отечественной «почвой», в немалой мере является известными общечеловеческими духовно-нравственными началами, которые в каждой стране, в каждой национальной культуре получают своеобразное, самобытное выражение. Это, надо полагать, и есть отечественная «почва», без которой формирование и функционирование современного рынка и, надо добавить, демократии как явлений культуры невозможны «по определению», если можно так сказать.

Существует ли такая отечественная «почва» в России?

Отсутствие ясных представлений на этот счет и, пожалуй, даже пренебрежение этой стороной дела или ее ложная трактовка стали еще одной причиной явной неудачи экономических преобразований в России.

Между тем и в российской «почве» есть достаточные основания для современного рынка, близкие, если угодно, и к протестантской этике, и к конфуцианству. Это этика вольного самоотверженного труда крестьян, ремесленников, природных «добытчиков» — россиян доимперского времени. Та этика, которая впоследствии, даже в имперских условиях, блистательно проявила себя в деяниях русских первопроходцев, переселенцев на сибирских, дальневосточных и американских землях, в самоотверженном труде русских артелей.

И уж совсем представляется неприемлемой, губительной теоретическая и практическая ориентация на то, чтобы усматривать «специфическую основу особого рыночного хозяйства» на русской земле

и даже вообще «особого пути» России в таких будто бы исконных для России явлениях, как державность, доминирование крепкой (авторитарной) государственности, государственное, казенное имущество, сельская община, «истинно русское» «позднее» православие, находящееся в тесном единении с имперской державностью. Вот и получило наше Отечество то, что сообразуется с подобными ориентациями, — чудовище номенклатурного госкапитализма.

Концептуальная определенность. Проходящие в России реформы нуждаются не просто в духовной поддержке, а в том, чтобы они засияли внутренним светом, наполнились смыслом, дали людям уверенную надежду — надежду на счастье, на достойную жизнь их детей и внуков.

К сожалению, мелькающие в связи с этим от имени разных партий и движений программные заклинания, слова-девизы, слова-лозунги («демократия», «рынок», «согласие», «земство» и другие им подобные) мало кого трогают, не задевают душу и сердце. Во всяком случае если не всех, то большинства людей.

Так в истории было всегда. После романтического энтузиазма, романтических порывов, навеянных воодушевляющими лозунгами и призывами (как, скажем, бессмертные слова «свобода», «равенство», «братство», да и у нас — «надежда на социалистическое всеобщее благополучие»), наступало время, порой долгое-долгое, когда людей охватывают апатия, настроения разочарований, неверия, отторжения соблазнительных абстракций и «-измов», сведение чуть ли не всей жизни к обыденным делам, земным страстям и житию «просто так».

Для современной России такие разочарование, неверие, отвращение ко всяческим «-измам» оказались возведенными в степень: наелись и изверились абстракциями и иллюзорными химерами до предела.

Изверились-то изверились, но, мне все же сдается, не во всем. Есть «абстракция», в которой, как кажется, извериться нельзя. Да и не абстракция это вовсе, а мечта и реальность, которые изначально и навсегда заложены в каждом человеке. Эти мечта и реальность нашей простой человеческой жизни — стремление каждого человека, всех нас к обществу, в котором утвердится СВОБОДА КАЖДОГО ЧЕЛОВЕКА.

А ведь для этого действительно стоит жить.

Несколько подробнее об этом — в конце. А сейчас лишь вот о чем.

Что ж, путь к благополучию человека и всего общества в условиях свободы (экономической свободы, раскрывающейся через производительную собственность, конкурентную состязательность, рынок) непрост.

Он проходит через сложную, полную горестей, подъемов и бед стадию, именуемую капитализмом. Но здесь, как горькое лекарство при тяжелой болезни, — суровая неотвратимость: только через «капитализацию» доходов, выработав стремление к тому, чтобы не проедать результаты труда, а «обратно» вкладывать их в производство, складывается атмосфера напряженного труда, поиска, риска, инициативы, без которых богатство общества, благосостояние каждого человека невозможны в принципе. Только тогда, когда стадия «нормального» капитализма освоена, и притом она не вылилась в свое извращенное проявление — номенклатурный капитализм, богатство общества, благосостояние человека становятся свершившимся фактом, т.е. при посткапитализме (народном капитализме, правовом гражданском обществе) свобода раскрывает свои достоинства во всех сферах жизни людей и открывается путь к всесторонней модернизации общества в условиях либеральной цивилизации.

2. СТАБИЛЬНОЕ ПЕРЕХОДНОЕ ОБЩЕСТВО

Историю не обманешь

По всем данным, наряду с указанными ранее объективными — сложными, трудными и одновременно благотворными социальными и этическими предпосылками, открывающими обнадеживающую перспективу для российских рынка и демократии, существуют также достаточные исторические и психологические основания (в русской вольнице, в российском уже нестерпимом «долготерпении», в ожидании скорого «чуда», в других наших «своеобразиях»), предопределяющие веру российских людей в быстрое чудодейственное ниспослание некоей сказочной райской жизни и надежду на это. И кажется, чуть ли не ведущим мотивом поведения людей, претендующих на первопроходческое дело в общественной жизни, становится всепоглощающее нетерпение.

Именно нетерпение в конце XIX века подожгло страстью народо-вольцев, устроивших беспощадную охоту на царя, да какого царя! То-го, кто, пожалуй, был одним из немногих реформаторов России.

Нетерпение, ужесточенное фанатичной классово-ненавистью, толкало и толкало большевиков на безумие коммунистического эксперимента, когда, как грезилось «кремлевским мечтателям» — тиранам, можно будет в мгновение ока очутиться всем угнетенным и эксплуатируемым, всем народам планеты в мире нескончаемого коммунистического счастья.

Увы, нетерпение толкнуло «радикальных» демократов в конце 1991 — начале 1992 года во время начавшихся в 1985 году крупных перемен

ринуться в «шоковую терапию» с расчетом на то, чтобы через год-другой (ну в крайнем случае – через 3–4 года) оказаться в «рыночном раю». И многие причастные к этому свершению оправдывались: вот другим странам понадобилось столетие, да не одно, а мы проходим все эти сложности в предельно краткие сроки. А можно ли вообще обойтись здесь без «столетий»? Кардинальные реформы, увы, несмотря на многообещающие заверения (славу Богу, они теперь сводятся к посулам о «стабилизации»), не оправдали ожиданий.

Ну а как же иначе?

Ведь сам по себе переход от традиционных цивилизаций к либеральным – целая эпоха, эпоха Возрождения, предполагающая грандиозное дело освобождения людей от гнета политической власти и идеологии. Россия же – и об этом ранее уже упоминалось – вообще не прошла еще грань, отделяющую ее от либеральной цивилизации.

Более того. В России после 1917 года не просто произошло движение «вспять» – к еще большему господству власти и идеологии, – но само это господство приобрело настолько глубокий и извращенный характер, что освобождение от него стало проблемой, малопосильной для людей. А если добавить к этому, что российское общество в результате многодесятилетнего коммунистического эксперимента оказалось развращенным, разрушенным, утратившим основные естественные факторы и стимулы существования и развития (и иметь в виду все другие трудности, о которых говорилось ранее), то попытка разом, одномоментно перейти к передовым институтам и формам современной либеральной цивилизации вообще изначально неосуществима.

Хочешь не хочешь, но России придется повторить путь, пройденный передовыми демократическими странами.

Понятно, если хватит в российском народе мудрости (и окажется меньше самомнения, чванливой гордыни), то удастся «срезать какие-то углы», избежать повторения явных ошибок и ненужных проб, оставить в стороне «шлак» истории. Но как бы то ни было, историю не обманешь, и надо, не впадая в самообман, отдавать себе ясный отчет в том, что впереди всех нас ждет гигантская работа по освобождению от наследия традиционной российской цивилизации и еще более от вьевшихся во все поры нашей жизни проявлений коммунистического режима, такого всепроникающего в своем соблазнительном коварстве и такого жестокого в утверждении своей непогрешимости.

Как ни горько это признавать, российскому народу предстоит сложный, тяжкий путь перехода к гражданскому обществу – обществу свободы и благополучия человека, к современной цивилизации,

когда только и окажется возможной всесторонняя модернизация всех сфер жизни людей.

Главное же, переход к современному гражданскому обществу будет относительно долгим. Жизнь уже подтвердила, что его невозможно осуществить по-большевистски, одномоментно, за несколько лет. Тем более что в связи с неудачами идущих реформ, их тяжелыми последствиями многое по всем данным придется начинать сначала или даже идти вперед, отправляясь от новых «отрицательных величин».

Со всем этим до нестерпимой боли трудно согласиться (ну сколько же еще мы будем жить в «переходном» состоянии!). Но что здесь поделаешь? Губительные пороки коммунистического режима настолько основательно отравили весь общественный организм, настолько въелись в самые недра человеческой жизни, во всех нас, что, к несчастью, потребуются смена поколения, а вернее всего, двух-трех поколений, чтобы, будем надеяться, исчезли разрушительные метастазы страшного, бесчеловечного коммунистического эксперимента над людьми, порожденного им тоталитарного режима.

Переходное общество и благополучие человека

Человек не может жить одними мечтами да расчетами на благополучие будущей жизни. Если уж случилось так, что переход к современному гражданскому обществу продлится в России относительно долгое время, то первейшая задача, которую призвано решить общество, пусть по историческим меркам и «переходное», — это стать все же стабильным, надежным, а не некоей «временкой», где нужно просто отсидеться в ожидании «настоящей» жизни. Чтобы и в это переходное время жизнь людей была самой «настоящей», в целом благополучной, по возможности счастливой.

На мой взгляд, придание нашему переходному обществу стабильности, надежности, достижение благополучия России и в это переходное время предполагают решение следующих трех основных проблем.

Первое — это решительное преодоление криминального состояния экономики, всего общества. Если такая черта господствующего в настоящее время экономического строя, как его номенклатурный госкапиталистический характер, при всей его неотвратимости (и в то же время неэффективности, обреченности) может и должна быть преодолена в ходе закономерного, целенаправленного экономического и социального развития всего общества, то особенности нынешнего российского госкапитализма как криминального требуют самых решительных, наступательных государственных действий.

В чем должны состоять эти действия? Только ли в непримиримой борьбе с организованной преступностью, с мафиями, рэкетом, уличным бандитизмом и т.д.?

При всей исключительной важности искоренения этих проклятий нашей жизни нужно видеть основные пороки нашего общественного бытия, свидетельствующие о криминализации экономики, всего общества.

Это, во-первых, массивное разграбление национальных богатств России, как природных, сырьевых, так и промышленных, научно-технических. Далеко не все акции, связанные с таким разграблением, подпадают под формулировки норм действующего уголовного и административного законодательства (в ряде случаев они обставлены вполне «законными» основаниями, проводятся в порядке официальной «приватизации», внешнеторговых сделок и даже как-то согласуются с фискальными государственными интересами), но по самой своей сути перед нами один из самых крупномасштабных криминалов за всю историю Отечества, приводящий к сказочному обогащению небольшой кучки нуворишей и к невосполнимым потерям для всего общества. Создать прочные преграды на пути такого разграбления — значит во многом оздоровить нравственно-деловую обстановку в обществе, уменьшить чудовищное социальное расслоение, ориентировать деятельность деловых людей на развитие производства и в целом придать обществу стабильный, надежный характер.

Это, во-вторых, упомянутый ранее менталитет в экономической жизни, ее настроенность главным образом на разгульное проедание доходов, на их накопление в зарубежных банках или инвестирование в зарубежный бизнес. Быть может, здесь вообще задача задач нашей экономической политики — «вернуть» накопления российских бизнесменов в сторону инвестиций в отечественное производство, что уже само по себе придаст обществу не только стабильность, но и оптимистически динамичное развитие.

Кто знает, не окажется ли в данном случае благотворной, как предлагают некоторые политические деятели, своего рода амнистия дельцов, перегоняющих свои доходы за рубеж? И быть может, вдобавок к этому известные налоговые послабления при инвестировании таких доходов в отечественное производство? Но то, что массовое «возвращение», казалось бы, уже потерянных национальных богатств страны, включение их в общий цикл общественного воспроизводства укрепит надежду на скорое оздоровление и динамичное развитие России, представляется несомненным.

Второе — это создание оптимальных условий для преобразований в обществе. А такие оптимальные условия, обеспечивающие нормальный,

спокойный, естественный ход преобразований и исключают катаклизмы и конфликты, может создать только один социальный институт — *развитое право, сильное и независимое правосудие*.

Здесь нужно вот какое пояснение. Право, выраженное в законе, представляет собой своего рода социальное открытие, «изобретение», которое выстрадано обществом как раз в драматических ситуациях, трудностях, потерях, людских страданиях, наступавших вследствие нарушения нормального хода общественной жизни, экспериментов над людьми, произвола, насилия, конфликтов, противоборств и кровавых столкновений. И вот в силу вытекающих из всего этого императивных потребностей самой жизни общество «изобрело» право, оснастив его такими свойствами, как всеобщность правовых принципов и норм, строгая и точная определенность правовых критериев поведения людей, общеобязательность, стабильность регулирования, предсказуемость последствий и обусловленное самой сутью права сильное и независимое правосудие, представляющее собой «живое право».

Благодаря развитому праву, сильному и независимому правосудию оказывается возможным создавать оптимальные условия для решения жизненных проблем в самых сложных, драматических обстоятельствах. Именно право способно вводить в определенные, строго очерченные рамки людские поступки, придавать регулированию и отсюда — всей жизни общества стабильность, предсказуемость, делать реальностью свободу личности, настраивать людей на предупреждение конфликтов, на их решение в жестком режиме правовых процедур, а главное, создавать защитные барьеры, обеспечивающие безопасность личности.

Развитое право, сильное и независимое правосудие оказались социальным институтом, как бы специально приуроченным для создания оптимальных условий при осуществлении крупных перемен в ходе реформирования российского общества.

Вот почему формирование развитого права, сильного и независимого правосудия может быть обозначено в качестве первейшей, приоритетной задачи демократии, когда и переходное российское общество может выступать как стабильное, способное создавать для людей нормальные условия жизни, благоприятную обстановку для успешного продолжения реформ, для их конечного успеха.

К сказанному следует добавить и то обстоятельство, что развитое право смыкается с ранее обозначенной задачей — задачей решительной декриминализации экономики, всего общества.

В данной области существует ряд сложных проблем, требующих безотлагательного и высокопрофессионального решения. Это, в частно-

сти, продолжение работы по утверждению в обществе действительно демократических конституционных начал, завершение работы по созданию всего комплекса базовых кодексов — гражданского, уголовного, административного, земельного, трудового, процессуальных, ряда других, заполнение иных брешей в законодательной системе, а также проведение действенной, плодотворной судебной реформы, способной утвердить в российском обществе сильное, независимое правосудие.

Третье — *это постоянное (пусть и медленное, небольшими шажочками) улучшение жизни всех людей.* Надо быть справедливыми — проводимые ныне «кардинальные» экономические реформы при всех их недостатках в чем-то улучшили жизнь людей. И не только внезапно и сказочно, из «ничего» обогатившейся небольшой когорты «новых русских», «нашенской» компрадорской буржуазии, но и всех людей, которые избавлены от унижения очередями и «заказами», могут, пусть и изредка, приобретать заморские дефициты и всюду говорить правду.

Понятно, для того, чтобы была возможность основательно улучшить материальное положение всех людей, избавить большее число наших сограждан от бедности и нищеты, необходимы финансово-денежная стабилизация, преодоление безумия инфляции, укрепление рубля. Но было бы неоправданным ожидать, что сами по себе монетаристские меры позволят развить экономику, сделать ее доходной, а все общество богатым, обеспечить достойную жизнь каждому человеку. Не поможет решить такого рода задачу и то положение с собственностью, которое якобы возникнет, по расчетам правительственных чинов, когда невесть откуда взявшиеся капиталисты-промышленники скупят государственные фабрики и заводы и обеспечат на них подъем производства и счастливую жизнь наемным работникам. Увы, новая, теперь уже капиталистическая утопия обернется по всем данным новыми бедами.

Есть лишь один, один-единственный способ в относительно краткие сроки еще в обстановке переходного (но уже правового, освобождающегося от криминального засилья) общества поднимать благосостояние всех людей. Это — труд на основе *своей (собственной) производительной собственности.*

Впрочем, здесь мы уже затрагиваем тему формирования в России современной передовой либеральной цивилизации, далеко выходящую за проблемное поле переходного общества, — тему воссоздания либеральной частной собственности, функционирующей в среде свободной конкурентной состязательности. Об этом речь дальше.

Сейчас же следует сказать лишь о том, что обретение гражданами собственности и настроенность на напряженный труд могут в об-

становке переходного общества сочетаться (сочетание поразительно счастливое!), и это позволит, надо полагать, успешно решать проблему постепенного повышения благосостояния всех граждан.

Слов нет, для того, чтобы переходное общество было достаточно стабильным, нужны также другие условия и компоненты социальной жизни, в том числе политические, нравственно-духовные. Но первенствующее значение среди них, судя по всему, принадлежит отмеченным трем: декриминализации экономики и всего общества, формированию развитого права и правосудия, тенденции к повышению благосостояния всех людей.

3. СТРАТЕГИЯ. ТРИ КИТА

Суть стратегии

Сутью стратегии реформирования России по всем данным следует признать **формирование российской цивилизации либерального типа, открывающей широкие возможности для всесторонней модернизации общества.** Цивилизации, в центре которой – Человек, где в экономике – свободные собственники-производители, которые создают конкурентно-соревновательную среду и действуют в условиях императивных требований человека-потребителя (рынок). И где в духовной жизни все более и более утверждаются великие ценности христианской культуры, свершений человеческого духа, правозаконности, правосудия.

Исходный пункт для формирования российской либеральной цивилизации – конечно же стабилизация общественной жизни в нынешнее время, постепенное преодоление тех трудностей, невзгод, которые остались России от прошлой поры – прежде всего разрушенности естественных факторов и стимулов развития, развращенности населения и элиты тотальным иждивенчеством, имперской государственностью.

И можно предположить, что если будут решены основные задачи декриминализации экономики, всего общества и государство поддержит либеральный курс общественного развития, то преодоление номенклатурного, госкапиталистического строя пойдет естественным, эволюционным путем восстановления, утверждения и развития того либерального потенциала, который уже существует в российской действительности и который, надо надеяться, будет утверждаться соответственно только что отмеченной общей концептуальной линии.

Лишь бы – лишь бы! – решительно встать на нее, на эту линию!

Надежд на это сейчас, будем откровенными, не так уж много, уж очень могущественны в настоящее время номенклатурно-госкапиталистический курс, поддерживающая его «партия власти». Помочь делу здесь может перемена курса, твердая государственно-либеральная политика и выделение своего рода опорных звеньев прогрессивного либерального развития, которые, по моему мнению, имеют решающее ключевое значение для становления передовой либеральной российской цивилизации, открывающей перспективу модернизации всех сторон жизни общества.

Это:

- обретение гражданами производительной собственности, соединенной с трудом;
- утверждение в обществе правозаконности как завершающего, итогового выражения Российского Возрождения;
- «абсолютизация» прав человека в политико-государственной жизни.

Обретение собственности

Речь идет не вообще об обретении собственности. Такое «обретение» в отношении безбрежных государственных имуществ (захват, «прихватализация», присвоение и т.д.), причем в гигантских масштабах, уже состоялось. И беда в том, что эта собственность остается криминально-социалистической, потребительски-растратной, компрадорской.

Собственность, которую должны обрести граждане России в процессе реформ, – *производительная*. То есть собственность, которая в силу самого своего существования настраивает на работу, порождает мощные стимулы к напряженному труду, импульсы ответственности за дело, к собственным инвестициям, вложению доходов от результатов труда в «свое» дело.

Именно производительная частная собственность – и ничто другое – может и должна изменить всю нравственно-деловую атмосферу, наполнить все российское общество культом, практикой и культурой напряженного труда; а это через свободный рынок, конкурентную состязательность, трудовую мораль закономерно должно привести к подъему всей экономики, всего общества.

Здесь в первую очередь требуется решительное *изменение государственной политики*. Политики, прямо или косвенно, молчаливо ориентированной теперь на номенклатурный государственный капитализм (на это, кажется, взяли курс и недавно созданные проправи-

тельственные объединения), а в действительности требующей твердого *перехода на последовательно-либеральные позиции*. По всем данным в ближайшие годы такой переход не произойдет (уж слишком сильны «партия власти», другие факторы, поддерживающие номенклатурный госкапитализм). Но такой переход и в не очень отдаленном будущем непременно осуществится: и тут Историю не обманешь.

Первым же пунктом новой (возрожденной) либеральной политики должна стать активная *государственная поддержка* всех еще сохранившихся *свободных собственников-производителей* (в том числе индивидуальных и семейных предпринимателей малого и среднего бизнеса, сохранившихся кооперативов, бывших арендных, коллективных предприятий и т.д.). Причем — на всей территории бывшего СССР — СНГ; здесь делу может помочь однотипное гражданское (частное) законодательство, которое ныне формируется в СНГ.

Но многое придется «начинать сначала».

Работа эта — трудности необычайной.

В условиях, когда в российском обществе и в обстановке номенклатурного госкапитализма доминируют потребительски-социалистические представления в отношении собственности, не «работают» вытекающие из собственности побудительные факторы и стимулы и большинство населения сжилось с расслабленно-трудоустройной жизнью, — в такой обстановке невероятно трудно вернуться к суровой, полной напряжения сил и активности деятельности, основанной на производительной частной собственности.

С чего целесообразнее всего начать?

К счастью, поучительный опыт (наряду с существующими еще свободными производительными хозяйствами — индивидуальными, семейными, кооперативными, арендными и др.) здесь есть. И касается он не великих производственных вещей, а нашей простой людской, повседневной жизни.

Это — личное, «физически приближенное» к человеку имущество и, вновь скажу, не просто любое и всякое имущество (допустим, для удобств и удовольствий «нашенских» роскошествующих нуворишей), а то, которое предполагает применение к нему труда и получение вследствие этого имущественных выгод и приобретений, — садовый участок, сельское подсобное подворье, пасека, дачное хозяйство и т.п. Разве каждый из нас не приходил в изумление, глядя из окон электрички — только-только отведена «коллективному» саду земельная неудобница, смотришь, через год-другой высятся на ней двухэтажные домики, теснятся грядки, блестят новыми стеклами теплички, везде — кустарник, молодые деревца. Возможно, не один из нас размышлял: вот бы так все наше хозяйство тоже за год-другой обустроить.

Но об этом как раз и идет речь!

Настало время – и это должно стать общегосударственной, общенациональной политикой, если она ориентируется на последовательно-либеральную линию, – чтобы всемерно поощрялось обретение гражданами не только разнообразных «хозяйств», связанных с землей, другими природными объектами, но и домашних мастерских, столярок, вязальных машин и пр. Возможно, какой-то «зацепочкой» для всего этого может стать и упомянутое ранее имущество «для удобств и удовольствий» – просто приобретение в собственность квартиры, автомашины, гаража, загородного дома. Важно лишь, чтобы за такой «зацепочкой» «потянулся» собственный труд, работа, не ограниченная регламентом и временем.

Следующий шаг – приобретение «вещественным» имуществом, приближенным к человеку-хозяину, хотя бы частично, товарного характера, т.е. такая организация дела, когда определенная часть продукции личного хозяйства поступает на рынок. А для этого необходимо быстрое развертывание потребительско-сбытовой кооперации, в которой бы помимо всего иного применялась система поощрения (преимущественно в виде встречных поставок передовой техники) для тех садоводов, пасечников, мастеровых, которые путем модернизации своего домашнего производства повышают конкурентоспособность продукции. И замечу, изложенное предложение нацелено не столько на пополнение отечественными товарами потребительского рынка (хотя и эта сторона дела существенна), сколько на то, чтобы придать собственности «домашнего хозяйства» производительный характер. Тот характер, который приобретает лишь тогда, когда она включается в рыночные отношения, отношения конкурентной состязательности. Самый же главный эффект здесь – реальное восстановление производительной собственности как стимула к труду и импульса ответственности за дело.

Но все это только начальные шаги.

Решающее значение в обретении гражданами производительной собственности имеет их «собственническое» отношение к делу в сфере общественного производства – на предприятиях, фирмах, в иных производственных объединениях.

Именно здесь наиболее губительным оказалось развращающее действие «социализма», когда одна лишь «накрутка» зарплат как-то влияла на стимулы труда.

Ничуть, за малым исключением, не повлияло на состояние дел в рассматриваемом отношении проведенное «акционирование». Легализовав номенклатурную собственность сильных мира сего и в сущности законсервировав «социалистическую» структуру производства, оно реально

не приобщило акционеров-работников к собственности, предоставив им не «вещные» права на собственность (что перечеркнуло ее стимулирующую роль), а только обязательственные требования на возможные дивиденды — своего рода былую «тринадцатую зарплату», в остальном оставив их на положении наемных работников с «правами», ничуть не большими, чем права членов бывших трудовых коллективов.

Иного от проведенного всеобщего «акционирования» и ожидать было нельзя. Ведь акции, рынок ценных бумаг становятся действенной производительной силой тогда, когда складывается развитое капиталистическое хозяйство и на основе успешно функционирующего рынка товаров, труда и промышленного капитала, основанных на вещественной стороне собственности, начинает «работать» финансовый капитал.

В условиях же номенклатурного государственного капитализма, в котором указанные компоненты развитого капиталистического хозяйства отсутствуют или выступают в деформированном виде, акционерная форма не могла повлиять и действительно никак не повлияла на стимулы к труду, напротив, она стала культивировать психологию акционера-рантье и в то же время через иллюзии прав акционера, работающего на предприятии, выступила в качестве средства закрепощения работников на данном производстве.

Как же быть? Ведь ранее существовавшие эффективные формы приобщения работников к собственности (производственные кооперативы, арендные и коллективные предприятия) в основном упразднены, малый и средний бизнес в производстве задыхается от налогов, чиновничьего беспредела, а акционерные общества, каково бы ни было их реальное значение, — наличная реальность.

На мой взгляд, наряду с восстановлением ранее существовавших институтов — производственных кооперативов, коллективных предприятий (для чего могут быть использованы закрытые акционерные общества) — было бы оправданным создать и решительно развивать в пределах акционерных обществ систему объединений (ассоциаций, кооперативов, обществ) производителей, которые бы создавались на локально территориальных и технологически обособленных участках крупных производств.

Не затрагивая ряд непростых организационно-финансовых вопросов (могу заверить, и это показали предварительные проработки, все они могут быть решены), здесь происходит реальное включение работников в отношения собственности, что кардинальным образом влияет на стимулы к труду, дает мощные импульсы ответственности за дело, за его развитие, модернизацию. Словом, при указанной системе открывается перспектива обретения непосредственно гражданами, работни-

ками производительной частной собственности в общественном производстве.

В целом же глобальная задача в этой сфере — поддержка и развитие всех форм и разновидностей производительной частной собственности либерального характера, в том числе тех, которые существуют, преодолевая все препоны, в малом и среднем бизнесе — индивидуальном, семейном, артельном.

Голубая мечта — дожидаться массивированной поддержки такой собственности со стороны государства (путем налоговых послаблений, выдачи именно им, либеральным собственникам, льготных кредитов и т.д.).

Понятно также, что в переходное время по необходимости сохраняются «все формы» собственности. Лишь бы государство не стремились любой ценой, используя прерогативы власти, сохранить номенклатурный государственный капитализм и, не начав, не остановилось бы в борьбе за декриминализацию экономики (памятуя, что рано или поздно придется перейти на последовательно либеральные позиции). В нормальной, «на равных», конкуренции с частной собственностью либерального типа госкапиталистический строй, лишенный прямой поддержки власти и криминальных структур, не способен выдержать конкурентной борьбы. Он обречен.

Российское Возрождение. Правозаконность

Эпоха Возрождения, прошедшая в Западной Европе через утверждение светской культуры XIII–XIV веков, реформацию религиозно-духовных начал христианства, политическое Просвещение, имеет в этой своей многогранности более глубокое значение, нежели просто великий культурно-духовный феномен. Именно она стала порогом между традиционными и либеральными цивилизациями, отправным пунктом для всесторонней модернизации общества. И суть того гигантского поворота, к которому привела эпоха Возрождения, состоит в освобождении человека от гнета политической власти и религиозной идеологии.

Именно на такой основе сформировалась свободная, независимая, «суверенная» личность, без которой были бы невозможны ни современная либеральная демократия, ни современная рыночная экономика, ни модернизация всей жизни общества. Отсюда — идеи естественного права, прирожденных, неотъемлемых прав человека, приоритет в обществе автономной личности.

Многие беды, связанные с неудачами экономико-социального и политического развития России, в том числе и с неудачей нынешней крас-

ногвардейской «рыночной атаки», победа номенклатурного госкапитализма в немалой степени обусловлены как раз тем, что в российском обществе начавшееся несколько позднее Возрождение не нашло полного объективированного завершения. Россия не подошла к той исторической полосе вхождения в либеральную цивилизацию, когда бы основой, источником и главной силой освоения ценностей либеральной демократии и рыночной экономики стал свободный, независимый человек, сбросивший гнет тиранической власти и фанатичной идеологии.

Увы, время советского тоталитаризма ухудшило существующую в России ситуацию, перечеркнув и отбросив далеко назад начавшиеся с 1860-х годов процессы возрожденческо-демократического порядка.

Вместе с тем автор данных строк должен внести коррективы в ранее отстаиваемую им на этот счет позицию.

Конечно, — нужно повторить — «запоздавшее» Российское Возрождение в XIX веке уже на стадии утверждения светской культуры (к сожалению, «упустив» реформацию религиозно-духовных начал христианства) поднялось тем не менее на новую, более высокую ступень человеческого духа. Оно раскрыло новые грани христианской духовности и преимущественно через светскую литературу (Пушкина, Гоголя, Достоевского, Толстого, Чехова), а затем через философию духовно-религиозной ориентации (Бердяева, Флоренского, Франка) утвердило идеи свободы человеческой «души», ее бессмертия, неповторимости и уникальности индивидуальности, самодостаточность личности — все то, что предвосхищало возвышенный характер Российского Возрождения и в связи с этим уникальный и высокий уровень российской либеральной цивилизации.

Каковы же коррективы?

В книге «Россия. У роковой черты», продолжением которой является настоящая работа, развитием Российского Возрождения было ограничено упомянутыми выше характеристиками и было отмечено, что оно оказалось незавершенным... Я недооценил то принципиальной важности обстоятельство, что глубинная, духовная сторона возрожденческих процессов в России получила как раз завершенный характер; причем эта «завершенность» достигла уровня, который согласуется с современной передовой либеральной доктриной.

Особо примечательно то, что новые грани христианской культуры, выраженные в российском искусстве и философии, оказались раскрытыми в своего рода завершенном виде в трудах крупных русских правоведов-либералов (Чичерина, Новгородцева, Кистяковского, Покровского, Петражицкого, Гессена).

Начну пояснения по этому вопросу с самого модного ныне понятия, о котором уже говорилось (и это само по себе тоже имеет известный смысл), «рынок».

Придание приоритетно-возвышенного значения категории рынка связано с именем выдающегося ученого, философа и экономиста Фридриха Хайека, отца классического либерализма. Хайек же, который прекрасно понимал значение производства в отношении «рынка», как мне представляется, выдвинул категорию рынка, как таковую, не в силу выдающихся экономических свойств последнего, а главным образом потому, что указанная категория четко и контрастно демонстрирует отличие свободной конкурентной экономики от социалистической плановой экономической системы, основанной на власти, административном произволе.

Рынок и план — вот два показателя коренного отличия двух типов экономических отношений, претендовавших на главенство в середине XX века, тем более что в 1930—1940 годах вокруг «плана» и «социализма» еще крутилось немало идеологических химер и иллюзий, и определение Ф. Хайека сразу же обнажало суть дела.

А отсюда помимо всего иного следует, что, с точки зрения основоположника классического либерализма, главное — это не сами по себе достоинства рынка как экономической категории, а то, что он является противоположностью плану, антиподом всевластия чиновников. Рынок, стало быть, есть в первую очередь знак экономической свободы, отторжения государственно-чиновничьего произвола, начальствующего своеволия.

И вот суть рассматриваемого вопроса. Точь-в-точь такие же идеи, как и Ф. Хайек, хотя и без использования термина «рынок» (что очень понятно: еще не было претендующего на главенство этого чудища «плана»), отстаивали упомянутые русские правоведы-либералы. На Западе появились даже специальные исследования, посвященные русской либеральной философии права, где, в частности, отмечаются поразительные совпадения в трудах русского правоведа Б. Чичерина и в более поздних исследованиях Ф. Хайека.

Конечно, всем нам не безразлично, что именно русские мыслители фактически сыграли главенствующую роль в формировании самих основ мировых либеральных взглядов.

Мне же представляется не менее важным то обстоятельство, что такими мыслителями были именно правоведы и что их разработки, завершая духовную сторону Российского Возрождения, были прямым и логичным продолжением названных ранее новых граней христианских ценностей, выраженных сначала в искусстве и религиозной философии. Именно им, русским правоведам, принадлежит *идея* «воз-

рождения» естественного права, причем такого «возрождения», в соответствии с которым естественные права (права человека) через закон, позитивное право должны становиться реальностью в самом высоком значении, лишь в середине XX века получившем выражение на Западе не только в привычном положении о правовом государстве, но и в формулах «правление права», «верховенство права».

А в связи с этим — такой существенный момент. Весьма примечательно, что «сам» Ф. Хайек (экономист!), развернув блестящую аргументацию в пользу рынка с отмеченными ранее акцентами, в то же время выдвинул на первое место в категориальном аппарате современного либерализма другую категорию, для которой он не поспешил на превосходные эпитеты, вплоть до слов о самом «великом» симптоме и достижении либеральной эпохи, центральном звене либеральной доктрины. Эта категория — ПРАВОЗАКОННОСТЬ.

Есть достаточные основания видеть именно в современном возрождении естественного права, в правозаконности «завершение» Российского Возрождения, которое предопределено глубиной и основательностью российской возрожденческой духовности. То «завершение», которому, не случись большевистского слома в России, суждено было определить существо и основные параметры политико-государственной и нравственной жизни российской либеральной цивилизации. Можно уверенно предположить, что развитие политико-государственной жизни под эгидой Российского Возрождения последовательно шло, опережая другие страны, к *правовому обществу* — к передовой модернизированной социальной системе, где *господствует (правит) право, правозаконность*.

Приходится с сожалением констатировать, что данная категория — «правозаконность» — еще недостаточно понята даже самыми последовательными приверженцами либеральных взглядов. Это не просто соединение двух известных юридических слов — «право» и «законность». Перед нами новое качество, вытекающее из российских возрожденческих идей о свободе «души», об уникальности человеческой индивидуальности, ее бессмертии, и отсюда в контексте идей возрожденного естественного права — о правах человека, абсолютности достоинства и свободы личности.

Правозаконность означает, что в обществе, в котором утверждается современная либеральная цивилизация, воцаряется неуклонное и жесткое господство закона, и в то же время сам-то закон — уже не продукт власти, ее произвола и своеволия, а выражение великих либеральных ценностей, возрожденного естественного права, и прежде всего неотъемлемых прав человека, основанных на высоком достоинстве каждой личности.

И одно попутное замечание. Допущенная в нашей теории и на практике ошибка в истинном понимании категории рынка, обусловленная в действительности не столько экономическими достоинствами самих по себе рыночных отношений, да к тому же рассматриваемых в отрыве от производства (товарного производства), сколько высшими ценностями либеральной доктрины, оказалась роковой для российского посттоталитарного общества. Ведь, строго говоря, действительно рыночные преобразования надо было бы начинать не с освобождения цен в нашем монополизированном госкапиталистическом хозяйстве (свободные цены — лишь один из элементов свободной экономики, позитивное действие которого раскрывается только в сочетании с другими элементами — производительной частной собственностью, конкурентной состязательностью), а с развития отношений производительной собственности (стало быть, товарного производства) и с утверждения в обществе России крепкой и последовательной правозаконности.

Основа основ политико-государственной жизни

Все мы закружились, завертелись в набивших оскомину категориях, химерах. И в такой атмосфере у всех на слуху истертые слова «демократия», «народовластие», «суверенитет», «самоуправление».

Увы, не менее расхожим, используемым вкривь и вкось, вольно трактуемым стало в последние годы выражение «права человека». Редко ныне встретишь политического деятеля, публициста, который бы удержался от соблазна использовать это выражение в самых разных, подчас неожиданных контекстах, представить себя в качестве защитника, а еще лучше, «поборника» прав человека. У всех на памяти, наверное, дни, когда в ходе Чеченской войны параллельно существовали, причем одинаково под эгидой Президента, сразу две комиссии по правам человека с явно различными, до полной противоположности, целевыми установками.

Нарастающая тревога в связи с этим обусловлена не только тем, что при таком вольном словоупотреблении происходит резкая девальвация самой категории прав человека, но и тем еще, что указанная категория теряет уготованное ей место в политико-государственной жизни страны, претендующей на утверждение ценностей современной либеральной демократии. К сожалению, такая утрата в какой-то степени произошла из-за позиции, которая восторжествовала вопреки первоначальному замыслу в тексте российской Конституции, принятой в декабре 1993 года на референдуме (когда фундаментальные пра-

ва человека были отодвинуты общими декларациями, оттеснены на второе место и перемешаны с социально-экономическими правами).

Между тем — и это как раз обусловлено современным уровнем либерально-демократической доктрины, связанным с «итоговыми» характеристиками Российского Возрождения, — права человека должны занять исходное императивное место и играть определяющую роль во всей политико-государственной жизни. Должна произойти своего рода непререкаемая и безоговорочная абсолютизация их. Что это означает практически?

Суть проблемы заключается в том, чтобы вся государственно-политическая жизнь, в том числе и организация государственной власти, включая соотношение властей (законодательной, исполнительной, судебной), объем и сила императивных полномочий каждой из них должны быть *прямо и безусловно-императивно определены требованиями, вытекающими из прирожденных, неотъемлемых прав человека.*

С этой точки зрения пусть не покажутся назойливыми многократно повторяемые автором пожелания, а скорее даже требования о крайней необходимости того, чтобы положения о фундаментальных правах человека (притом не «перемешанные» с социально-экономическими правами) заняли безоговорочно, без всяких предисловий, общих слов и деклараций первое место в конституционном тексте. Должны быть сохранены и усилены конституционные положения о прямом и безусловно-императивном действии фундаментальных прав человека и о безусловной, в принципе «автоматической» их защите всей государственной и общественной системой, прежде всего судами всех звеньев и инстанций.

Если в либерально-демократическом обществе и достоин существование какой-либо неприкасаемый идол, обладающий безусловно императивно-обязательным действием, то этим идолом и должны стать фундаментальные, неотъемлемые права человека. Такой подход предопределяет решение всех других, самых острых проблем государственно-политической жизни демократического общества, на статус которого претендует Россия.

И он же, этот подход к статусу и значимости фундаментальных прав человека, в практическом отношении призван изменить весь политико-государственный климат в стране.

Помимо всего иного он предполагает:

— устранение авторитарности власти во всех ее подразделениях. Ибо безусловное господство прав и свобод человека в стране возможно только при умеренной власти, такой, которая ни в каких ситуациях не «смеет», даже потенциально, умалить права человека;

— установление действительно «правления права», его верховенства. Ибо только тогда, когда стержнем правовой системы становятся

фундаментальные права человека, возможно действительно господство права – права гражданского общества;

– формирование в обществе действительно независимого и сильного правосудия, способного противостоять административной и законодательной власти. Ибо судебные органы в институте фундаментальных прав человека получают «свою» собственную и достаточную основу для принятия решений, не всегда согласующихся с предписаниями власти;

– ничем не ограниченную возможность «привести в действие» суд в случае любого, самого малейшего нарушения прав человека. Ибо при рассматриваемом подходе именно независимый суд оказывается тем «сильным», возвышающимся над всеми другими учреждением, которое постоянно должно находиться «на изготовке» для немедленной реакции на любое нарушение прав человека, от кого бы это нарушение ни исходило. Рассматриваемое центральное звено («душа», «сердце») политико-государственной жизни в процессе осуществления демократических реформ в России – права человека, их абсолютность – как нельзя лучше, как говорится «один к одному», согласуется с общей концептуальной линией реформ, демократического преобразования России.

Это – утверждение в демократическом обществе, если угодно, безусловного господства обеспеченной и защищенной *свободы личности*, основанной на *высоком достоинстве человека*.

И еще несколько слов об общей концепции реформирования российского общества, о создании общества, в котором утвердится свобода каждого человека.

Жизнь каждого человека мимолетна, проскакивает в краткий миг. И в конце жизни оказывается, что ни богатство, ни власть, ни слава – ничто, решительно ничто не оправдывает усилий и страданий, которые сопровождают жизнь каждого человека.

Ничто – кроме СВОБОДЫ.

Ибо свобода, заложенная в самой сути человеческого бытия, является единственным, что может хоть как-то обозначить смысл жизни.

Свобода независимо ни от чего другого является единственно истинно человеческой, чистой радостью, которая сама по себе дает наибольшее (не единственно настоящее ли?) удовлетворение жизнью.

И она же, свобода, способна раскрыть «по максимуму» естественные силы человека, его творческую энергию и активность – единственный источник его благополучия, не замутненного унижением, злом и раскаянием. И в этом отношении – быть гарантией и знаком благополучного оптимистического будущего великого и непревзойденного создания Вселенной и носителя Разума – Человека.

ПРИМЕЧАНИЯ К ТОМУ 9

Два имени

Применительно к данной работе, как и к другим, вошедшим в девятый том, определение «публицистика», возможно, не полностью отражает ее содержание. Вопросы современной действительности рассматриваются автором через призму философских категорий. Высшее мастерство — донести до массового читателя в краткой и ясной форме начала философии вообще и философии права в частности. Научно-юридическая мысль дала миру не так много примеров исследований, адресованных широкому кругу читателей, каким явилась в свое время книга И.А. Покровского «Основные проблемы гражданского права». Живое общение с учениками Покровского — А.М. Винавером и Б.Б. Черепяхиным в известной мере получило воплощение в философских, философско-правовых и публицистических работах С.С. Алексеева.

Представленная работа впервые была опубликована в качестве раздела VI книги С.С. Алексеева «Избранное» (М.: Статут, 2003), затем автор включил ее в книгу «Линия права» (М.: Статут, 2006), где она составила раздел VII. В этом произведении нашли отражение и развитие положения, высказанные ранее в трудах автора «Самое святое, что есть у Бога на земле» (М.: НОРМА, 1998); «Теория права: поиск новых подходов» (Екатеринбург: Институт частного права, 2000); «Восхождение к праву: Поиски и решения» (М.: НОРМА, 2002; вошла в том 6 настоящего Собрания сочинений).

Работа посвящена идее интеграции философских и правоведческих систем ценностей и убеждений и формированию совокупности принципов философско-правовых взглядов.

Текст работы воспроизводится по изданию: *Алексеев С.С. Линия права.* М.: Статут, 2006. С. 284–298.

Право — надежда наша: Научно-публицистические очерки

Впервые книга была издана в 1999 г. в Екатеринбурге Средне-Уральским книжным издательством. Главная цель автора — убедить

читателя, что выдвижение идеи права в качестве ведущей национальной идеи является социальной сверхзадачей, делом всех и каждого.

Алексеев С.С. Право — надежда наша: Научно-публицистические очерки. Екатеринбург: Средне-Уральское книжное издательство, 1999.

Вселенная и человек. Попытка понимания (фрагменты)

Работа, помещенная в данном томе под рубрикой «Заметки по философским проблемам», написана в августе 2001 г. и впервые издана в сборнике «Круг замкнулся: Повесть о праве. Философское эссе. Максимы» (2-е изд., перераб. и доп. Екатеринбург: АМБ, 2001). Первая публикация была предназначена для студентов, изучающих курс «Философские основы гражданского права», в качестве дополнительного учебного пособия, изложенного в нетрадиционной форме философского эссе. Затем работа (в редакции 2002 г.) переиздавалась в Москве издательством «Статут» в книге: *Алексеев С.С.* Избранное. М.: Статут, 2003 (С. 385—405), — а позже была еще раз отредактирована автором для книги: *Алексеев С.С.* Линия права. М.: Статут, 2006.

Текст работы воспроизводится по изданию: *Алексеев С.С.* Линия права. М.: Статут, 2006. С. 300—309.

Отдельные философские заметки

Еще одна работа, вошедшая в раздел «Заметки по философским проблемам» настоящего тома, впервые была опубликована в книге «Линия права» (М.: Статут, 2006), датирована 2004 г. Представляет собой совокупность отдельных фрагментов, каждый из которых посвящен одной из философских категорий.

Текст работы воспроизводится по изданию: *Алексеев С.С.* Линия права. М.: Статут, 2006. С. 309—321.

Максимы: О власти, праве, человеке

Первоначально работа увидела свет во втором издании книги «Круг замкнулся: Повесть о праве. Философское эссе. Максимы» (Екатеринбург: АМБ, 2001), позднее она публиковалась в книге: *Алексеев С.С.* Избранное (М.: Статут, 2003. С. 474—477), а затем в журнале «Цивилистическая практика» (2004. № 2 (11). С. 76—78).

Автор, доходя до самой глубины исследуемых им явлений, формулирует суть максим в виде афоризмов.

Текст работы с незначительными авторскими изменениями воспроизводится по изданию: *Алексеев С.С.* Круг замкнулся: Повесть о праве. Философское эссе. Максимы / Российская школа частного права. Уральское отделение. 2-е изд., перераб. и доп. Екатеринбург: АМБ, 2001. С. 99–103.

*Горбачев и Ельцин. Торжество и драма Бориса Николаевича.
Взгляд вблизи*

Первоначальный вариант очерка был создан в 1995 г. Со временем в него вносились дополнения, и в 2003 г. он был впервые опубликован в «Известиях Уральского государственного университета» (№ 25. С. 77–111. Сер.: Проблемы образования, науки и культуры. Вып. 11). Следующий его вариант вошел в книгу С.С. Алексеева «Линия права» (М.: Статут, 2006). Имея определенно публицистический характер, работа интересна еще и тем, что содержит большое количество личных воспоминаний автора. При этом в продолжение общей философской направленности данного тома служит прекрасной иллюстрацией одного из основных законов диалектики — единства и борьбы противоположностей.

Текст очерка воспроизводится по изданию: *Алексеев С.С.* Линия права. М.: Статут, 2006. С. 366–413.

*Сбитый ориентир (об экономической реформе в России к 2004 г.):
Очерк правоведа-цивилиста*

Статья, подготовленная в 2004–2005 гг., впервые была опубликована в книге «Линия права» (М.: Статут, 2006). Как пишет сам автор в примечании, эта статья «является результатом многолетней работы, а не опусом приверженцев социалистического планового хозяйства, мгновенно превратившихся в «чистых рыночников»». Говоря о необходимости «окончательного преодоления коммунистического наследия и иллюзий», С.С. Алексеев вместе с тем утверждает, что проводимые в стране реформы «не дали ожидаемых результатов».

Текст статьи воспроизводится по изданию: *Алексеев С.С.* Линия права. М.: Статут, 2006. С. 357–365.

Не потерять бы...

*(Размышления о настоящем, к которым подмешаны грусть
об утратах прошлого и тревога за наше будущее)*

Статья опубликована 15 декабря 1990 г. в газете «Советская культура». Печаталась также в сборниках «Уроки: Тяжкий путь России к праву» (М.: Юристъ, 1997) и «Линия права» (М.: Статут, 2006). При подготовке настоящей публикации автор счел полезным добавить к статье небольшой комментарий, помещенный ранее в другом месте книги «Линия права», в который внес незначительные изменения.

Текст статьи воспроизводится по изданиям: *Алексеев С.С.* Уроки. Тяжкий путь России к праву. М.: Юристъ, 1997. С. 203–213; *Алексеев С.С.* Линия права. М.: Статут, 2006. С. 330–332.

*О Содружестве в условиях распавшегося
единого государства (империи)*

Данная статья вошла в сборник «Предложения для России и для Содружества Независимых Государств (СНГ)», выпущенный издательством *CopArt Editions* (Швейцария) при поддержке Фонда восстановления мира и управления кризисами в 1994 г. В сборник также вошли работы А. Яковлева, Г. Явлинского, Г. Попова и А. Собчака. Статья С.С. Алексеева выделена в названном издании в отдельную главу «Общее право содружества».

Сборник был подготовлен по инициативе югославских коллег на основе опыта и последствий известных югославских событий.

Основная идея статьи С.С. Алексеева — объединение независимых государств должно начинаться с права — модельного законодательства, гармонизированного правосудия. Опыт объединения Европы начался с создания общего права.

Предложения для России и для Содружества Независимых Государств (СНГ) / Фонд восстановления мира и управления кризисами. *CopArt Editions*, [1994]. С. 25–52.

Единый фронт власти и оппозиции

Статья подготовлена автором в июле 2010 г., когда настоящий том Собрания сочинений готовился к сдаче в типографию. Она, а также следующая статья, вошедшая в данный том, посвящены развитию

главной идеи автора о верховенстве права. Причем в обеих статьях говорится о верховенстве права не столько в деятельности государства, сколько в жизненных ориентирах всего общества и каждого человека в отдельности. Государственной централизации и усилению публичности необходима уравнивающая сила, оберегающая от тоталитаризма. Такой силой может стать право в его истинном, глубинном значении. В статье «Единый фронт власти и оппозиции» С.С. Алексеев особо подчеркивает уникальность регулятивных качеств права прежде всего с точки зрения реализации основных цивилизационных свершений, рассчитанных на человека, его высокий социальный статус, неотъемлемые права, обосновывает необходимость преодоления по сути сдержанного и даже отчужденного отношения к праву как власти, так и оппозиции, их перехода на путь последовательного признания идеалов и ценностей права в высоком современном значении и в этом же контексте — правового государства и верховенства права, этих, как пишет автор, безошибочных критериев истинно демократических достижений той или иной страны.

*О парламентской власти.
Фрагмент из недавнего прошлого России*

Данная статья, как и предыдущая — «Единый фронт власти и оппозиции», была подготовлена автором в июле 2010 г., когда настоящий том уже верстался. Она развивает идеи о верховенстве права в деятельности государства, в жизненных ориентирах общества, о факторах, оберегающих от тоталитаризма. Выявляя сегодняшние тенденции в сфере политической власти в России, автор обращается к начальному периоду перемен, произошедших в конце XX — начале XXI в. Эти тенденции, следуя линии предыдущей статьи, автор оценивает, руководствуясь критериями правового государства и верховенства права.

Будущее России: Научно-публицистический очерк

Данная и следующая работы, помещенные под рубрикой «Идеология перестройки. 1992—1995 гг.», включены в настоящий том в связи с необходимостью отразить политические и правовые позиции С.С. Алексеева в то время, когда он занимал государственные должности — председателя Комитета Верховного Совета СССР по вопросам

законодательства, законности и правопорядка и председателя Комитета конституционного надзора СССР. Многие положения этих работ остаются злободневными и в наше время. Кроме того, эти сочинения позволяют наряду со многим другим увидеть те идеологические предпосылки, которые затем были воплощены в Конституции РФ.

В развернутой, почти монографической публикации «Будущее России» (ее объем в издании 1992 г. составлял 71 страницу) С.С. Алексеев раскрывает тогда еще незаметную подавляющему большинству россиян (и не только россиян) «драму капитализма». Автору удалось не только выявить суть и «черты нового чудовищного монстра — номенклатурного монополистического квазикапитализма», но и указать на единственные «точки противостояния» ему, это: либеральная частная собственность; частное право; возвышение человека.

Текст работы воспроизводится по изданию: *Алексеев С.С.* Будущее России: Научно-публицистический очерк. М.: [б.и.], 1992. — 72 с.

Стратегия реформ

Сочинение С.С. Алексеева «Стратегия реформ» - это не просто учебно-методические материалы к курсу «Основы правовой политики в России». Оно содержит краткий, но очень емкий и глубокий научный анализ отечественных перемен периода 1985-1995 гг. С нерадостным, но необходимым выводом: «...результат происшедших перемен оказался совсем иной, нежели тот, который провозглашался и ныне провозглашается» автор, далее следуя своему неизменному научному и жизненному кредо, предлагает обществу и власти главные опорные моменты, на которых должна выстраиваться стратегия реформ, а именно: обретение гражданами производительной собственности, соединенной с трудом; утверждение в обществе правозаконности как завершающего, итогового выражения Российского Возрождения; «абсолютизация» прав человека в политико-государственной жизни.

Текст работы воспроизводится по изданию: *Алексеев С.С.* Стратегия реформ: Материалы к курсу «Основы правовой политики в России» / Рос. шк. частного права. М.: Де-Юре, 1995. — 60 с. — (Б-ка «Де-Юре»; Вып. 28).

Содержание

ДВА ИМЕНИ

1. Единый поток и моменты истины в развитии ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВОЙ МЫСЛИ	8
2. Движение навстречу друг другу.....	9
3. КАНТ О ПРАВЕ: ИДЕИ И СОВРЕМЕННОСТЬ.....	13
4. И.А. ПОКРОВСКИЙ: ИДЕИ, СОЗВУЧНЫЕ НЫНЕШНЕМУ ВРЕМЕНИ	18

ПРАВО – НАДЕЖДА НАША: Научно-публицистические очерки

Глава первая. Иллюзии и простые истины	24
1. Право – мода и престиж. Почему?	24
2. Право – обязанности, ответственность	25
3. Новая грань	35
4. А суть, «изюминка» все же в другом	40
Глава вторая. Частное право	50
1. Публичное и частное право	50
2. Частное право: сущность, вехи развития, миссия	60
3. Гражданское законодательство	76
4. Частное право – явление культуры	89
5. Драматическая судьба	95
Глава третья. Право человека	102
1. Выход из тупика – власть?	102
2. Естественное право. Право, которое рождено Историей.....	106
3. Права человека: метаморфозы, наслаения, суть	118
4. Феномен современной эпохи – право человека.....	132
5. Идея «правозаконности»	152
6. Самое святое из того, что есть у Бога на земле	157
Глава четвертая. Проблемы России – проблемы права.....	159
1. Уготованный историей вариант	159
2. Трагедия советского права.....	165
3. Просчеты	183
4. Право – судьба России	195

ГЛАВА ПЯТАЯ. ПЛАЦДАРМЫ	198
1. Конституция России	198
2. Гражданский кодекс России	209
3. Другие звенья	223
ГЛАВА ШЕСТАЯ. БОРЬБА ЗА ПРАВО	233
1. Обреченное на борьбу	233
2. Теория и проповедники	251

ЗАМЕТКИ ПО ФИЛОСОФСКИМ ПРОБЛЕМАМ

Вселенная и человек. Попытка понимания (фрагменты)	260
ОТДЕЛЬНЫЕ ФИЛОСОФСКИЕ ЗАМЕТКИ	268
МАКСИМЫ: О власти, праве, человеке	280

ГОРБАЧЕВ И ЕЛЬЦИН. ТОРЖЕСТВО И ДРАМА

БОРИСА НИКОЛАЕВИЧА. Взгляд вблизи	284
---	-----

СТАТЬИ

СБИТЫЙ ОРИЕНТИР (об экономической реформе в России к 2004 г.): Очерк правоведа-цивилиста	330
НЕ ПОТЕРЯТЬ БЫ... (Размышления о настоящем, к которым подмешаны грусть об утратах прошлого и тревога за наше будущее)	338
О СОДРУЖЕСТВЕ В УСЛОВИЯХ РАСПАВШЕГОСЯ ЕДИНОГО ГОСУДАРСТВА (ИМПЕРИИ)	349
ЕДИНЫЙ ФРОНТ власти и оппозиции	365
О ПАРЛАМЕНТСКОЙ власти. Фрагмент из недавнего прошлого России	370

ИДЕОЛОГИЯ ПЕРЕСТРОЙКИ. 1992–1995 гг.

Будущее России: Научно-публицистический очерк	378
Несколько вступительных слов	378
I. Сбитая на взлете	379
II. Многоликий капитализм	387

III. Под обломками социализма.....	403
IV. Путь к свободе	415
V. Точки опоры	426
СТРАТЕГИЯ РЕФОРМ.....	444
Несколько вступительных слов.....	444
Россия: что случилось?	445
Россия – вперед	465
ПРИМЕЧАНИЯ К ТОМУ 9.....	495

Сергей Сергеевич АЛЕКСЕЕВ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

В десяти томах

Том 9

Публицистика

Редакторы *Т.Б. Дегатькова, А.В. Савкина, В.Ю. Станковская*

Корректор *Л.А. Галайко*

Художественное оформление: *В.В. Самойлова*

Компьютерная верстка: *С.В. Родина*

Подписано в печать 20.10.2010. Формат 60х90 ¹/₁₆. Бумага офсетная.
Гарнитура Newton. Печать офсетная. Усл. печ. л. 31,5. Тираж 2000 экз.

Заказ №

Издательство «Статут»:

119454, г. Москва, ул. Лобачевского, д. 92, корп. 2;

тел./факс: +7(495) 649-18-06

E-mail: book@estatut.ru

www.estatut.ru

ISBN 978-5-8354-0712-5

